

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

**УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 5-6

Модернизация: факторы, модели развития,
последствия изменений

Издательство «Академкнига»
Екатеринбург

ББК 63.3(2Р36)

У 68

УДК 947(470.5)

У68 Уральский исторический вестник, № 5-6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). — Екатеринбург: Издательство «Академкнига», 2000. — 444 с.

ISBN 5-5-93-472-010-4

Предлагаемый читателю выпуск посвящен теоретико-методологическим и конкретно-историческим проблемам модернизации России и Урала в XVIII–XX вв. Анализируются модели и стратегии развития, воздействие на модернизацию геополитических, институциональных, политико-экономических, социокультурных контекстов, трансформация традиционных институтов и ценностей в условиях модернизации.

Материал рассчитан на научных сотрудников, преподавателей вузов.

Главный редактор

академик РАН В.В.Алексеев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Е.Т.Артемов; к.и.н. В.И.Байдин; д.и.н. **А.В.Бакунин**;
д.и.н. А.В.Головнев; к.и.н. К.И.Зубков; д.и.н. К.И.Куликов;
д.и.н. Б.В.Личман; д.и.н. В.Ф.Мамонов; к.и.н. И.Л.Манькова;
к.и.н. М.Ю. Нечаева (ответственный секретарь);
к.и.н. И.В. Побережников (зам. главного редактора);
к.и.н. А.Ф.Сметанин; д.и.н. Г.Н.Чагин;
к.и.н. А.Т. Шашков; д.и.н. А.Ф.Шорин

*Исследование осуществлено при содействии
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00204)*

ISBN 5-5-93-472-010-4

© УрО РАН, Институт истории и археологии, 2000
© Оформление. Издательство «Академкнига», 2000

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

С точки зрения кардинальной смены технологических способов производства человеческая история знает две величайшие революции. Первая связана с замесной собирательства и пастушества земледелием (неолитическая), вторая — с переходом от аграрного общества (традиционного) к индустриальному или современному (модернизация). Таким образом, модернизация — явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен человеческой истории. Под знаком модернизации прошли XVII—XX вв. мировой истории. Несмотря на то, что наиболее развитые страны мира приблизительно в середине нынешнего столетия вступили в эпоху постмодернизации, которая характеризуется становлением и развитием информационного общества, для большинства территорий земного шара проблемы модернизации по-прежнему актуальны. Для одних стран модернизация сегодня ставит в повестку дня планы развертывания или завершения индустриализации, для других — интеграции нации, для третьих — создания гражданского общества и т.д. Если одни страны решают задачи модернизации, которые были уже успешно реализованы: в Западной Европе и Северной Америке еще в XVIII—XIX вв., то для других актуальны задачи завершения модернизации и перехода к постмодернизации. Таким образом, диапазон проблем модернизации, имеющих практическое значение в современных условиях, чрезвычайно широк. В связи с этим мы считаем актуальным обращение к историческому опыту. Именно тема модернизации является ведущей в данном, пятом, выпуске «Уральского исторического вестника».

Большинство исследователей едины в том, что модернизация есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Это комплексный процесс, который охватывает все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную. В ходе модернизации менее развитые общества приобретают черты более развитых. При этом, однако, существует множество нюансов в понимании содержания, масштабов самого процесса модернизации, что не могло не отразиться на авторских интерпретациях различных проблем перехода от традиционного к современному обществу в статьях, помещенных в нашем издании.

Зарубежная историография породила огромную литературу по вопросам модернизации. В мировом обществоведении создан значительный теоретико-методологический багаж изучения данных проблем. Историографические проблемы эволюции школы модернизации проанализированы в нашем издании в статье В.В.Алексеева и И.В.Побережникова. Авторы рассмотрели политические и теоретические предпосылки рождения и развития модернизационной перспективы, показали влияние эволюционизма и функционализма на ее формирование. В статье выявлены основные тенденции эволюции теоретико-методологических воззрений представителей школы модернизации, которые обусловили постепенный переход от достаточно односторонней эволюционистской концепции развития к более многомерной и чувствительной по отношению к исторической действительности познавательной модели. Рассматриваются особенности современного «неомодернизационного» анализа.

Трансформация государственного устройства и бюрократизация являются важнейшими составляющими общего процесса модернизации. Данные проблемы в теоретико-методологическом ключе применительно к Европе XX в. рассмотрены в статье профессора Уппсальского университета Р.Торстендаля. Автор выявляет этапы процесса бюрократизации, идентифицирует четыре основных типа бюрократизации, присущих, соответственно, авторитарным, социалистическим, пост-колониальным и демократическим режимам в XX в. По его мнению, ослабление эффективности государственного управления вследствие роста бюрократического аппарата — универсальная тенденция. Р.Торстендаль отмечает фундаментальное сходство проблем, возникших в ходе трансформации бывших «социалистических государств», и проблем «потери управляемости», с которыми сталкиваются современные страны Запада.

Проблема поиска ниши развития для посткоммунистических стран в интегрированной Европе обсуждается в статье директора Института европейской политики Католического университета Лейдена профессора К.Малфлит. Лишь сотрудничество культур и регионов, считает автор, является гарантией стабильности и безопасности в расширяющейся Европе. По мнению автора, новый этап строительства Единой Европы требует определенной трансформации системы базисных культурных и политических ценностей, с которыми традиционно отождествляется понятие европейской идентичности. В связи с этим большие надежды возлагаются на культурную элиту, задачей которой является переосмысление этнического, национального, регионального, культурного сознания и идентичности.

Философские аспекты модернизации рассматриваются в статье В.И.Шарина. По мнению автора, проблема модернизации для современной России принципиально несводима к политическим, технологическим или экономическим преобразованиям по западному образцу. Успех ее решения невозможен без учета глубинных, не всегда ясно осознаваемых представлений о базовых ценностях, управляющих развитием общества. Автор определяет метафизические различия между цивилизациями России и Запада, которые коренятся в несовпадении представлений о фундаментальных параметрах истории, эксплицируемых в национальном сознании в форме рациональных и религиозных идейных комплексов.

Историю России XX в. невозможно понять вне рамок революции, которая стартовала с самого начала столетия. Взаимодействию модернизации и революции посвящена статья В.В.Алексеева. По мнению автора, на протяжении почти всего столетия эти два процесса шли параллельно и во многом являлись синонимами. Амбивалентность социалистического этапа русской революции, начавшегося в 1917 г., состояла в противоположных целях, которые преследовала эта революция: с одной стороны, ликвидация нарождавшихся буржуазных отношений, нарушавшая естественный ход модернизационного перехода, с другой — уничтожение феодальных пережитков, тормозивших этот переход. Успешно решив множество задач модернизации, страна не выдержала соревнования с Западом и вступила в начале 1990-х гг. в новую фазу революции (контрреволюции), которая обернулась постсоветской деиндустриализацией и демодернизацией.

Воздействие пространственно-географического фактора на ход российской модернизации рассматривается в статье К.И.Зубкова. Государственная модерни-

зация, тесно связанная со строительством империи, получала существенную поддержку в процессе территориальной экспансии, расширявшей возможности обеспечения самодостаточной военно-технологической базы развития. Автор отмечает противоречивые последствия отечественной политики модернизации, которая, с одной стороны, изначально ослабляла спонтанную социально-экономическую поляризацию более развитого центра и отсталой периферии, а с другой — со временем стала тормозить естественную капиталистическую эволюцию периферийных регионов.

Е.В.Алексеева анализирует взаимосвязь между моделями имперского строительства и колонизации и характером модернизации на основе сопоставления опыта Великобритании (морская империя) и России (континентальная империя). Жесткая демаркация метрополии и колонии в рамках морской империи создавала условия для рациональной и эффективной эксплуатации последней в пользу первой, что содействовало аккумуляции средств, которые можно было «вкладывать» в модернизацию метрополии. Континентальным империям, по мнению автора, были присущи меньшая отчужденность провинции от метрополии и меньшие контрасты между ними в уровнях развития, вследствие чего перераспределение средств в пользу модернизации не могло сравниться по масштабам с вариантом морских империй.

Ключевые проблемы модернизационного перехода — урбанизация, рост городов и городского населения, миграция из деревни в город. Данные вопросы стали предметом исследования в статье А.С.Сенявского. Автор определяет стадии перехода от традиционного сельского к городскому обществу, универсальные и специфические черты российской урбанизации. Сопоставляя советскую и дореволюционную модели урбанизации, автор выявляет общие (существенная роль государства в развитии города, которая с 1930-х гг. становится довлеющей) и специфические (различия в социально-экономических условиях существования городских сословий и самих сословий и т.д.) черты их развития. Сущность феномена советской урбанизации, по мнению автора, заключалась в том, что она становилась побочным продуктом индустриализации.

Траектории модернизации находятся в существенной зависимости от исторического наследия: институционального, социокультурного, экономического. В связи с этим логично обращение к истокам, предпосылкам модернизации, к проблемам протомодернизации. В статье В.В.Алексеева, С.А.Нефедова, И.В.Побережникова рассматриваются трансформации средневековой России в военно-технологической, социокультурной, политико-правовой областях под влиянием внешних импульсов. Диффузия идеологий, технологических новшеств играла существенную роль и впоследствии — собственно в процессе перехода от традиционного к современному обществу. Становление государственной промышленной политики на примере горнорудного дела находится в орбите внимания в статье И.Л.Маньковой, которая доказывает органическую преемственность преобразований первой четверти XVIII в. и начинаний предыдущего столетия.

Процессы модернизации приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: географического положения региона, уровня его социально-экономического, политического и культурного развития и

т.д. Это особенно значимо для России, огромной страны, которая всегда характеризовалась асинхронностью исторической динамики составляющих ее регионов. Территориальный вариант модернизации на примере уральского региона в 20—30-е гг. XVIII в. рассматривается в статье Н.С.Корепанова.

Технико-экономические параметры всегда занимали видное место в различных концептуальных схемах, сформулированных в рамках теории модернизации. В данном издании также уделяется существенное внимание технико-экономическим сдвигам на разных стадиях модернизации. Д.В.Гаврилов в статье, посвященной технологическому прогрессу на Урале, приходит к выводу, что к середине XIX в. уральская металлургия в техническом отношении была примерно на одном уровне с древесноугольной металлургией западноевропейских стран (Швеция, Австрия и др.). Л.В.Сапоговская формулирует концептуальную матрицу для изучения промышленной политики в России XVIII—начала XX в. Внешнеэкономические аспекты российской модернизации на рубеже XIX—XX вв. рассмотрены В.П.Тимошенко, который проанализировал основные формы участия иностранного капитала в уральской экономике. В статье А.В.Жука исследуются темпы внедрения новых технологий, динамика военного производства в Златоустовском казенном округе в условиях первой мировой войны.

Обладающие всеобъемлющим характером модернизационные перемены преобразуют облик общества и самого человека. В условиях модернизации происходит обновление социальных институтов, культурных ценностей. В этом плане ряд авторов анализирует различные аспекты модернизации общества и образа жизни людей. Эволюции восприятия идеи свободы на разных этапах российской модернизации XVIII — первой половины XIX в. посвящена статья В.А.Шкерина. В статье М.Ю.Нечаевой рассматривается изменение статуса церковной организации на протяжении XVIII — начала XX в., выявляется динамика складывания в России основных компонентов модернистских взаимоотношений церкви и государства. С.В.Голикова проанализировала становление демографической статистики в России XVIII — начала XIX в. как элемента модернизации.

Присущая модернизации функциональная дифференциация сопровождалась диверсификацией человеческой деятельности, становлением и институционализацией новых ее разновидностей. Важной сферой человеческих усилий становится социальная работа. Состояние системы социальной защиты на горнозаводском Урале в первой половине XIX в. рассматривает Л.А.Дашкевич.

Значимым аспектом модернизации стало формирование разнообразных организаций, заполнявших нишу между государством и обществом: общественных, политических, профессиональных и т.д. На Урале в конце XIX — начале XX в. оформились представительные организации буржуазии — съезды горно-, золото- и платинопромышленников, главной задачей которых было направлять экономическую политику государства в интересах как отдельных групп предпринимателей, так и всей промышленности в целом. Организационной эволюции съездов уральских промышленников посвящена статья Е.Ю.Рукосуева.

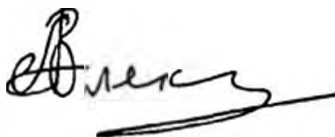
М.А.Фельдман проанализировал основные тенденции развития рабочего класса Урала в контексте модернизации в 1900 — 1941 гг. Автор обращает вни-

мане на неоднородность рабочих, неоднозначное отношение их различных групп к модернизации.

В статье О.Л.Лейбовича предлагается социокультурная интерпретация хрущевской модернизации 1950–1960-х гг. Автор отмечает определенное расхождение между целенаправленной политикой государства и объективными процессами (автономизация частной жизни, рост внутренней дифференциации общества), вызвавшими к жизни тенденцию отмирания традиционалистских основ социалистических институтов.

В номере помещены публикация источников по истории аграрного производства в контексте модернизации, материалы в помощь преподавателям школ и вузов, обзоры конференций, рецензии научных изданий.

Главный редактор
академик В.В.Алексеев

В.В.Алексеев, И.В.Побережников

ШКОЛА МОДЕРНИЗАЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ

Мы живем в обстановке постоянных политических, социокультурных, экономических перемен, охвативших весь земной шар. Сверхвысокий динамизм, наверное, может быть принят в качестве основной характеристики второй половины XX в. В 1965 г. в статье в журнале «HORIZON» известный футуролог А.Торфлер ввел в научный оборот термин «футурошок» для описания стрессов и дезориентаций, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок. В опубликованной впоследствии книге под тем же названием «Футурошок» Торфлер охарактеризовал современную ему эпоху как «конец стабильности». «Последние 300 лет западное общество находится под огненным шквалом перемен, — писал футуролог. — Этот шквал не только не стихает, но все больше набирает силу. Перемены охватывают высокоразвитые индустриальные страны с неужлонно растущей скоростью. Их влияние на жизнь этих государств не имеет аналогов в истории человечества. Как следствие, в мире расплодился всевозможные виды любопытной социальной флоры — от психоделических церквей и «свободных университетов» до научных станций в Арктике и клубов обмена женами в Калифорнии... Стоит посмотреть свежим взглядом на стремительный темп перемен, который иногда превращает реальность в дикий водоворот событий, как окажется, что многие поразительные и непостижимые вещи стали уже вполне обыденными. Ускорение темпа перемен — это не просто борьба индустрий или государств. Это конкретная сила, которая глубоко вошла в нашу личную жизнь, заставила нас играть новые роли и поставила перед лицом новой опасной психологической болезни» [1].

Корни современного динамизма действительно следует искать в эпохе, удаленной от нас на несколько сотен лет, возможно на 300 лет, как писал А.Торфлер. Исторический процесс, начавшийся с Великих географических открытий и установления шарообразного строения Земли в XV—XVI вв., получил впоследствии существенное ускорение и вызвал глубокие изменения в жизни людей на всей планете. Это историческое развитие, получившее первоначальные толчки на европейском континенте и распространявшееся в значительной степени именно с этой территории, оказало серьезное воздействие на регионы Азии, Африки и Латинской Америки. «Встреча цивилизаций» ярко продемонстрировала динамизм, постоянно меняющийся характер «западного» сообщества и различия между «западной» и прочими культурами, которые зачастую выглядели статичными и лишенными динамизма. Данные различия стимулировали широкие компаративные исследования разных сообществ и культур. Проведенный историками, антропо-

логами, социологами анализ показал, что дифференциация существует не только между «западными» и «незападными» обществами (последние зачастую квалифицировались как «традиционные»), но и внутри данных групп. Каково происхождение этих различий? По большому счету существуют две полярные позиции для объяснения проблемы. Согласно одной из них, человечество в любой точке земного шара развивается в соответствии с одними и теми же закономерностями; дифференциация же между обществами в большей или меньшей степени объясняется порядком той фазы развития, на которой они находятся. С другой позиции, различия между культурными и социальными агрегатами постоянны и неискоренимы; универсалий, которые можно было бы применить к развитию всего человечества, просто не существует.

Первая точка зрения дала толчок возникновению в середине XX в. и дальнейшему развитию теории (или скорее теорий) модернизации, внесших заметный вклад в научную разработку проблем развития и в объяснение того, каким образом традиционное общество трансформируется в современное.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ ШКОЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

После второй мировой войны широким фронтом развернулись исследования проблем развития. Большое количество американских и европейских социальных ученых, а затем и их последователей в странах Третьего мира (ТМ), занялось тщательной разработкой теоретической конструкции, призванной объяснить трансформацию отсталых, недостаточно развитых обществ в современные, индустриальные. Данная конструкция получила наименование модернизация. Кратким введением в изучение модернизации стало исследование Самуэля Н. Эйзенштадта «Модернизация: рост и разнообразие», опубликованное в 1963 г. в виде брошюры департаментом управления Индианского университета и позднее в форме статьи в «Indian Quarterly» (XX, январь - март 1964. С. 17-42). Автор обращал внимание на необходимость учета при изучении модернизации как количественных критериев развития, так и институциональных изменений, которые сопровождали данный процесс. При этом, по мнению С.Н. Эйзенштадта, наиболее запутанными были именно проблемы институциональных сдвигов. Работа Эйзенштадта была одной из первых попыток установить более или менее прямую взаимосвязь между количественным ростом и институциональными трансформациями. Впоследствии делались попытки определить корреляцию между уровнем грамотности, валовым национальным продуктом на душу населения и другими схожими индексами, с одной стороны, и развитием представительной демократии, гражданских свобод и т.д., с другой. Исследование С.Н. Эйзенштадта, однако, подводило к выводу о существенной вариации тех средств и подходов, которые использовались разными сообществами в целях институционализации возможностей продолжительной модернизации.

На стадии становления теории модернизации были поставлены вопросы о институциональной структуре традиционных сообществ; природе и обязанностях руководящих групп; характере взаимоотношений между политическими, экономи-

ческими, социальными и культурными сферами и о различиях в последовательности прохождения ими процесса модернизации; проблемах, с которыми сталкиваются все модернизирующиеся общества; провалах и периодах стагнации, которые нередко сопровождают модернизацию. С.Н. Эйзенштадт, кроме того, подчеркивал важность сравнительного исследования модернизации как инструмента, который позволял установить различия между универсальными и частными параметрами развития. Сам Эйзенштадт опубликовал ряд работ по ключевым проблемам модернизации, собранных в «Очерках по социологическим аспектам политического и экономического развития» (1961 г.) и в «Очерках сравнительного изучения институтов» (1965 г.).

Книга Эйзенштадта «Модернизация: протест и изменение» (1966 г.) явилась попыткой применения социологического подхода при изучении модернизации вообще и политической модернизации, в частности. Узловой пункт данного подхода — представление о том, что основные проблемы, возникающие перед модернизированными/модернизирующимися обществами, состоят в необходимости развивать институциональную структуру, существенно варьирующую в разных обществах, которая в состоянии постоянно абсорбировать различные социальные изменения, присущие процессу модернизации. Автор пытается понять условия, в которых модернизированные/модернизирующиеся общества оказываются в состоянии развивать свои институциональные рамки или попадают в ситуации «сбоя», «регрессии» модернизации. При этом Эйзенштадт отмечал огромное структурное разнообразие модернизированных обществ и самих путей модернизации [2].

Различные подходы к изучению модернизации были в значительной степени пересмотрены Эйзенштадтом в работе «Традиция, изменение и модернизация» [3], в которой процессы развития проанализированы в контексте компаративного исследования цивилизаций и традиций. Прямое отношение к проблемам модернизации имеет монография С.Н. Эйзенштадта «Революция и трансформация обществ. Компаративное исследование цивилизаций» [4]. В данной работе автор попытался проанализировать революцию как явление в рамках нового концептуально-методологического подхода. Его интересует не проблема причин революций, достаточно широко исследованная в литературе, а вопрос об исторических обстоятельствах, условиях, в рамках которых эти причины действительно вызывают революции и революционные трансформации. Подход автора предполагает помещение явления революции в контекст сравнительного изучения цивилизаций.

Перу Эйзенштадта также принадлежит фундаментальное исследование «Политические системы империй» (1963 г.), в котором в компаративном ключе на основе детальной схемы проанализированы политические структуры традиционных сообществ. Как признавался сам автор в предисловии к книге, его целью не было описание всех социальных систем, не ставил он перед собой и задачи проанализировать конкретные общества. Главной задачей исследования С.Н. Эйзенштадта был «компаративный анализ определенного общего типа политической системы, которая может быть обнаружена в различных обществах». Автор стремился отыскать «модели или законы в структуре и развитии подобных политических систем».

Эйзенштадт рассматривает взаимоотношения между политическими системами и прочими институтами в обществе, выявляет отличия «исторических бюрократических империй» от патримониальных, феодальных и модернистских политических систем, анализирует экономическую структуру, религиозную и культурную организацию и ориентацию, социальную организацию и стратификацию имперских конструкций, проблемы институционализации в рамках последних политических систем. Механизмы изменений в политических системах империй также находятся в орбите внимания С.Н. Эйзенштадта [5].

В 1987 г. под редакцией С.Н. Эйзенштадта были опубликованы избранные материалы симпозиума по теме «Исторические традиции и модели модернизации и развития», который был организован Еврейским университетом Иерусалима. Главной целью конференции был пересмотр взаимоотношений между историческими традициями разных цивилизаций и процессами модернизации, осуществлявшимися в их рамках. При этом предлагалась обновленная перспектива модернизации. Вместо восприятия ее как завершающей стадии в осуществлении эволюционного потенциала, присущего всем обществам, рассматривалась интерпретация модернизации как специфической цивилизации (или феномена), которая, зародившись в Европе, распространилась в своих экономических, политических и идеологических измерениях по всему миру. Поскольку модернизация почти всегда включала экономические, политические и идеологические аспекты или силы, постольку ее влияние на общества было гораздо более значимым по сравнению, допустим, с распространением великих религий или империалистической экспансией. Как отмечает Эйзенштадт, модернизация бросает вызов символическим и институциональным предпосылкам обществ, которые втягиваются в этот процесс. В ходе модернизации происходит сложный процесс взаимодействия и трансформации символических и институциональных форм как «западных», так и местных цивилизаций. Проведенные участниками симпозиума исследования показали огромное разнообразие исторического опыта модернизации не только в странах Третьего мира, но и в европейских странах, США, Канаде, Австралии [6].

Общим введением в проблематику модернизации является сборник «Модернизация: динамика роста» (1966 г.), изданный Мироном Вейнером. Он включает статьи 25 американских исследователей, первоначально подготовленные в качестве серии радиопрограмм, спонсированных «Голосом Америки». Материал в книге сгруппирован по четырем разделам, в которых соответственно рассматриваются перспективы и условия модернизации; модернизация общества и культуры; модернизация политической деятельности и управления; модернизация экономики [7].

Систематический теоретический подход к изучению проблем модернизации представлен в двухтомнике «Модернизация и структура общества: среда международных отношений» (1966 г.), изданном Марионом Леви. Последний определяет модернизацию как «применение неодушевленных источников энергии и использование средств, позволяющих умножить эффект усилий». Придерживаясь данного широкого понимания модернизации, М. Леви предпринял попытку определить основные различия между относительно модернизированными и относительно немодернизированными обществами. Сравнение тех и других осуществлено в трех разделах книги, посвященных соответственно: 1) аспектам

социальных систем (идентификация ролей, солидарность, экономическое и политическое распределение, интеграция); 2) организационным контекстам обществ (система родства и семейная организация, формы управления, общественные организации, экономические организации, вооруженные силы, религиозные организации, системы образования и рекреации); 3) общим проблемам, где М. Леви дифференцирует универсальные и частные характеристики обществ и рассматривает центральную проблему влияния модернизации на социальную стабильность. Главной целью данной монографии М. Леви было не эмпирическое исследование, а формулирование гипотез относительно фактов. Леви приводит множество примеров из истории преимущественно таких стран, как США, Китай, Япония. Однако акцент в исследовании все же ставится на логическом обосновании единообразия и вариаций применительно к тем категориям структуры и функций, которые он использовал. Особая ценность работы заключается в целостном подходе к рассмотрению человеческой деятельности, который существенно повысил чувствительность методологии при объяснении феномена модернизации. Несмотря на то, что работа М. Леви, выполненная на высоком теоретическом уровне, многим историкам и политологам казалась слишком абстрактной, она силой своей логики убедительно продемонстрировала читателям масштаб и разнообразие структур, в которых воплощаются действия людей. Кроме того, большое впечатление производило теоретическое обоснование причин разрушительных последствий модернизации для традиционных сообществ, а также глубоко дестабилизирующего воздействия модернизации на развивающиеся общества.

Дэвид Эптер использовал ряд аналитических категорий М. Леви в своей монографии «Политика модернизации» (1965 г.), однако последняя более узкая по масштабам и целям в сравнении с работой Леви. Теоретической базой исследования Д. Эптера стал функционалистский подход, который, по его мнению, может быть эффективно использован в целях сравнения. Эптер подчеркивает две особенности этого подхода, особенно важные для него: 1) акцент на характере изменения систем; 2) идентификация общих смыслов в различных типах человеческой деятельности вне зависимости от их происхождения и уникальности. Эптер не рассматривает модернизацию в масштабах целостного процесса трансформации традиционного общества в современное, но фокусирует внимание на более частной проблеме переходного периода между традиционализмом и индустриализацией. Большое внимание автор уделяет не различиям между относительно модернизированными и относительно немодернизированными обществами, а ходу самого процесса. Поэтому он рассматривает идеологию, мотивацию и мобильность, которые находили свое выражение в изменении ролей членов общества, проходившего стадии модернизации. В работе также уделено внимание изменению моделей стратификации, роли политических партий в качестве инструментов модернизации [8].

Впоследствии взгляды Д. Эптера на процесс модернизации нашли развитие в его работах 1970–1980-х гг., в частности в книге «Переосмысливая развитие» (1987 г.). В последней автор остановился на проблемах справедливости и распределения в модернизирующихся и индустриальных обществах. Работа включает две главы. В первой «На стороне государства» рассмотрены взаимоотношения между развитием (включающим социальные следствия политической экономии) и госу-

дарством. Д.Эттер придает особое значение различным политическим системам; преимуществам и помехам, которыми они обладают на пути обеспечения инновативных перемен и опосредования вызываемых ими последствий. Во второй главе «Против государства» автор рассматривает структурные проблемы, которые возникают в ходе развития и порождают насилие и протест, мишенью которых могло стать государство [9].

Широкое компаративное исследование процессов модернизации предпринял Сирил Блэк в монографии «Динамика модернизации: сравнительно-историческое исследование» (1966 г.). Автор предложил свои критерии модернизации, рассмотрел модернизацию как процесс. Существенное внимание он уделил роли политических элит в процессе модернизации. Представляя интерес выделенные им фазы модернизации: 1) вызов модернити; 2) консолидация модернизаторских элит; 3) экономическая и социальная трансформация; 4) интеграция общества [10]. Компаративная перспектива рассмотрения процессов модернизации избрана в сборнике статей, вышедшем под редакцией С.Блэка в 1976 г. [11]. Во введении С.Блэк подчеркивает важность, наряду с изучением политических, экономических, социальных аспектов модернизации в отдельных странах в короткие промежутки времени, исследования взаимосвязи разнообразных проблем модернизации как внутри, так и между обществами. По мнению Блэка, корни процессов модернизации можно обнаружить в эпохе Возрождения в XII в. и более определено в период научной революции XVII в. Именно с этого времени знания человека о его окружении начинают стремительно расширяться, стимулируя разнообразные сдвиги в различных видах человеческой деятельности, которые, в свою очередь, вызывают масштабную трансформацию человеческого образа жизни. Признавая условность любого разбиения на временные отрезки грандиозного процесса модернизации, Блэк все же предлагает для удобства изложения придерживаться «простейшей возможной» периодизации, которая включает: 1) предпосылки; 2) трансформацию; 3) продвинутую модернизацию; 4) международную интеграцию.

И.Роберт Синаи в работе «Вызов модернизации: влияние Запада на незападный мир» (1964 г.) останавливается на проблеме трансформации ролей в модернизирующихся сообществах. Он уделяет внимание мобилизации ресурсов решительными местными элитами. Синаи отмечает очевидное отсутствие сильного и самодисциплинированного руководящего ядра во множестве новых государств, а также драматическое несоответствие деклараций о намерениях представителей элит их скромным достижениям. Автор существенное внимание уделяет тому традиционному социокультурному контексту, в котором осуществлялась модернизация. Синаи занимала проблема соотношения между наличием целеустремленных организационных структур в традиционном наследии сообществ и возможностями последних адаптировать собственные институты к современным функциям.

Широкий спектр проблем модернизации рассматривается в сборнике статей «Социальное изменение», изданном Евой Этциони-Хэйлеви и Амитай Этциони (первое издание вышло в 1969 г.). Проанализированы источники и модели, сферы и уровни социальных изменений, механизмы трансформаций, роль человеческой инициативы в осуществлении социальных изменений. В сборник вклю-

чены, наряду с трудами представителей школы модернизации (Н.Смелзер, У.Росту, У.Е.Мур, Р.Бендикс, С.Эйзенштадт, А.Инкелес), работы сторонников иных теоретических подходов, что создает своеобразный «стереоскопический» эффект: проблемы видятся объемно, в различных теоретических проекциях [12].

При изучении различных путей, которыми идут конкретные общества, пытаясь адаптировать свои институты к переменам, вызываемым модернизацией, наибольшее внимание уделялось политическим аспектам развития. Эдвард Шилз в своем «Политическом развитии в новых государствах», первоначально опубликованном в «Comparative Studies in Society and History» (1959—1960 гг.), отмечает большое разнообразие традиционных систем, а отсюда — дифференциацию тех политических форм, в которых воплощаются изменения. Альтернативные формы политического развития, которые рассматривает Э.Шилз, включают не только политическую демократию, но также и опекаемую демократию, модернизирующуюся, тоталитарную и традиционную олигархию. Он рассматривал эти формы как различные пути по направлению к демократии. Как и Синаи, он довольно критично относится к модернизаторским элитам, однако его оценки в данном плане более оптимистичны. По мнению Э.Шилза, молодые государства в состоянии найти адекватную форму лидерства.

Большое влияние на политологов оказали исследования Габриэля А.Альмонда, издавшего совместно с Джеймсом С.Колеманом книгу «Политическая деятельность развивающихся регионов» (1960 г.). Во вводной главе, написанной Габриэлем Альмондом, обосновывается структурно-функциональный подход как инструмент, позволяющий понять способы, посредством которых мобилизуются различные политические системы на выполнение задач, необходимых для осуществления политических, экономических и социальных изменений. Альмонд и его коллеги также выступили инициаторами периодического издания «Исследования политического развития», которое финансировалось Комитетом сравнительной политики при Исследовательском совете по социальным наукам (Нью-Йорк). Коллективные тома данной серии, посвященные вопросам бюрократии, образования, коммуникаций, политической культуры, собрали наиболее квалифицированных специалистов в данных областях. В рамках указанной серии также были изданы сравнительные исследования Японии и Турции [13].

Фред В.Риггз в работе «Администрация в развивающихся странах: теория призматического общества» (1964 г.) предпринял попытку концептуализировать проблемы институциональных изменений в переходных обществах. Сам термин «призматический» используется автором для описания промежуточной стадии между «цельным», «спаянным» («fused»), традиционным, аграрным и «диффузным» современным индустриальным обществом. Проблемы, которые исследует Ф.Риггз, как бы транслируются сквозь выделенную им переходную «призму». Исследователь опирается преимущественно на материал Филиппин и наибольшее внимание уделяет расширению функций на административном уровне. Опыт стран Западной Европы, прошедших сквозь «призму» на протяжении XVII—XIX вв., автором не привлекался.

Собственно политические аспекты модернизации исследуются в монографии Дэнкварта А.Расту «Мир наций: динамика современной политики». Автор кон-

центрирует внимание на различных путях внутри демократическо-тоталитарного континуума, с помощью которых модернизирующиеся сообщества институционализируют перемены. Существенный вклад в разработку проблем политического развития внесла работа «Аспекты политического развития» Люциана В.Пайя (1966 г.). Карл В.Дейч в работе «Нервная система правительства: модели политической коммуникации и контроля» (1963 г.) использовал кибернетическую теорию как средство для понимания того, каким образом правительствам удастся достигнуть столь необходимой стабильности в периоды быстрых перемен.

Проблемы взаимодействия политического развития и социальных трансформаций являются центральными в книге, вышедшей под редакцией Джейсона Финкла и Ричарда Гэбла, в которой приняли участие известные специалисты в области изучения модернизации: Д.Эптер, Н.Смелзер, Г.Альмонд, Л.Пай, Д.Маккелланд, Р.Беллах, Д.Лернер, У.Ростоу, Э.Шилз, С.Эйзенштадт и др. Авторы придерживались системного подхода, согласно которому общество рассматривалось как «основная» социальная система, укомплектованная подсистемами (политическая, экономическая, религиозная и пр.), которые постоянно подвержены изменениям. Исследование построено на материале различных стран и регионов: Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Авторы обратили внимание на такие аспекты модернизации, как роль индивидов и идей в формировании политики развития, политические предпосылки и последствия экономического развития, состав и роль «модернизаторов» (элиты, военные, бюрократия), направления и проблемы политики развития [14].

Для экономистов, работавших в рамках модернизационной парадигмы, была характерна склонность к несколько ограниченному дисциплинарному детерминизму. У.Ростоу в своей знаменитой работе «Стадии экономического роста» (1960 г.) не уделял должного внимания проблеме разнообразия традиционных институтов. В своем исследовании он выступил как сторонник либерального экономического детерминизма, уверенный в том, что достижение «высокого массового потребления» автоматически ведет к исчезновению институциональных различий между обществами и направляет их в сторону модели, достигнутой странами ранней модернизации. Необходимо признать, что идеи У.Ростоу вызвали плодотворные научные дискуссии и стимулировали, таким образом, развитие подходов в рамках теорий модернизации и экономического роста. Экономический детерминизм явился основой при разработке периодизации А.Органски («Стадии политического развития», 1965 г.), который выделял в историческом процессе стадии примитивной унификации, индустриализации, национального благоденствия, изобилия.

Экономические аспекты модернизации Южной Европы в послевоенный период рассматриваются в книге Джулио Сапелли «Южная Европа после 1945г. Традиция и современность в Португалии, Испании, Италии, Греции и Турции» (Лондон; Нью-Йорк, 1995).

Были предприняты интересные исследования проблем человеческого поведения в контексте модернизации. Одной из первых работ на данную тему стало исследование Эгберта Де Вриса («Человек в условиях быстрых социальных изменений». Лондон, 1961). Несмотря на такое название работы, ее автор все же

больше внимания уделял характеристике общих процессов изменений, а не месту человека в меняющемся мире. В духе ранних теорий модернизации исследователь сводил причины модернизационных сдвигов в развивающихся странах к воздействию со стороны развитого Запада. В качестве инструментов анализа социальных сдвигов Де Врис использовал «механический» и «химический» концепты. Первый подход в авторской интерпретации предполагает акцент на выявление «первопричин», то есть механизмов, приводящих в движение другие механизмы. Второй подход требует, во-первых, идентификации катализаторов (или агентов катализа), ускоряющих реакции и зачастую содействующих переносу энергии из одной системы в другую; во-вторых, анализа «ингибиторов», тормозящих реакции и препятствующих переносу энергии. Автор попытался воссоздать широкую картину социальных сдвигов в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Представляют интерес авторские обобщения по поводу механизмов изменения в традиционном обществе, областей изменения и их взаимодействий, природы экономического и технологического развития, трансформации общества. Де Врис проследил механизмы и природу изменений в сфере семьи, образования, потребления, аграрного развития, урбанизации и индустриализации на уровне государственного устройства. Наконец, им исследуются проблемы изменения человеческих установок и деятельности. Автор реконструирует новые модели лояльности и солидарности, этических решений, формирующиеся в процессе модернизации. Эверетт Е. Хаген («К теории социальных изменений: как начинается экономический рост», 1962) фокусирует свой исследовательский интерес на изменениях психологических установок, необходимых лидерам традиционных сообществ для того, чтобы сконцентрировать потенциальные возможности своих экономик. Проблемы поиска новых идентификаций лидерами-модернизаторами, уже оставившими относительно стабильный традиционный образ жизни, но в то же время стремящимися сохранить органическую связь со своими последователями, были проанализированы Л.В.Пайем («Политика, личность и национальное строительство: Бирма в поисках идентичности», 1964).

Тенденция связывать с модернизацией исчезновение традиционных институтов и ценностей, базирующаяся на теоретическом допущении, согласно которому форма следует за функцией, была присуща множеству работ западных социологов, экономистов, политологов; однако она не нашла серьезного подтверждения в эмпирических исследованиях историков и антропологов. Последние все чаще говорили о сохраняющей свою силу и влияние традиции в модернизирующемся обществе. С точки зрения исследователей-эмпириков, форма следовала за функцией только в ограниченном смысле — в виде адаптации к изменяющимся функциям. Интересные рассуждения на данную тему содержит выполненное в других теоретических рамках (не модернизационная перспектива) исследование Гарри Экстейна «Теория стабильной демократии» («Research Monograph № 10, Center of International Studies, Princeton University», 1961). По мнению автора, политические системы, дабы обеспечить собственную стабильность, должны придерживаться авторитетной модели, конгруэнтной господствующим в обществе (в семье, экономической области, общественных объединениях) образцам поведения. Сходные подходы получили развитие в ряде работ по политической культуре, в

частности в книге Г.А.Альмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура» (1963 г.), в которой сравниваются политические диспозиции в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике. В том же ключе анализируется модернизация в работах: «Старые общества и новые государства. Поиски модернити в Азии и Африке» (1963 г., издана К.Гиртцем); «Традиция, ценности и социально-экономическое развитие» (1961 г.; издана Дж.Шпенглером, Р.Брэйбантом); «Политическая культура и политическое развитие» (1965 г.; издана Л.В.Пайем, С.Вербой). Несмотря на название, изданный В.Хамильтоном сборник «Перемещение институтов» (1964 г.) скорее посвящен проблемам трансформации местных традиционных институтов, а не вопросам переноса институтов из стран, прошедших модернизацию раньше.

Дихотомия «перенос институтов vs адаптация традиционных институтов к новым функциям» широко обсуждалась на материале модернизационных процессов в Восточной Азии. Джон К.Фэйрбэнк, Эдвин О.Рейшауэр, Альберт М.Крэйг во втором томе своего исследования «История восточноазиатской цивилизации», озаглавленном «Восточная Азия: модернизационная трансформация», пришли к заключению, что модернизация в Китае, Японии и соседних странах протекала внутри традиционного контекста, испытывая его сильное влияние. Более того, исследователи утверждали, что «нет причин полагать, что окончательно модернизированная Восточная Азия будет простым отражением модернизированного Запада, будь то в своих внешних культурных моделях или в своих фундаментальных идеях и ценностях». В статьях «Новый взгляд на современную историю» (1962 г.) и «К определению понятия «модернизация»» (1965 г.), опубликованных в японской периодике и переизданных в Великобритании в виде брошюр, Эдвин О.Рейшауэр развил более полно идею исполнения общих функций разнообразными институтами. Сходная точка зрения представлена в статье Хидео Кишимото «Модернизация против вестернизации» («Journal of World History», VII, 1963, p. 871—874).

Проблемы культурного разнообразия в связи с перспективами модернизации обсуждались на симпозиумах, проводимых Конференцией по современной Японии Ассоциации азиатских исследований (материалы этих симпозиумов публиковались; см., в частности: Marius B.Jansen, ed., «Changing Japanese Attitudes Toward Modernization», 1965; William W.Lockwood, ed., «The State and Economic Enterprise in Japan», 1965). В 1950—1960-е гг. появились выполненные в модернизационной перспективе исследования и по другим странам Юго-Восточной Азии. Дж.Фэйрбэнк в статье «Реакция Китая на вызов Запада: проблемы и предложения» (Journal of World History, III, 1956) сформулировал схему периодизации для изучения проблемы модернизации в Китае. Антропологический подход отличает работу Мэннинга Нэха «Золотой путь к модернити: сельская жизнь в современной Бирме» (1965 г.).

Существенное внимание ученые уделили сравнительному анализу опыта модернизации в Японии и Китае. Некоторые итоги изучения проблемы были подведены Алланом Б.Коулом в статье «Сопоставляя модернизацию в Китае и Японии» («Chung Chi Journal», Hong Kong, IV, May 1965). Более широкие рамки сравнения, включавшие Японию, Китай и Россию, были предложены

Сирилом Блэком в вышедшей на японском языке работе «Азиатский путь к модернизации» (Jiyu, VII, October 1965). Результаты конференции по данному предмету, проведенной университетом Хоккайдо, были опубликованы в работе Шигето Торияма и Цуто Тогава «Доклады и дискуссии по проблеме «модернизации»» (Slavic Studies, Hokkado University, X, 1966).

Уникальной попыткой «наведения мостов» между Западной и Восточной Азией стало компаративное исследование, проведенное учеными из Великобритании, Японии, Турции, США под руководством Роберта Е. Уорда и Дэнкварта А. Растоу, «Политическая модернизация в Японии и Турции» (1964 г.). Исследователи отметили, что несмотря на то, что Япония и Турция имели в прошлом опыт эффективного управления, а также не находились под прямым управлением иностранных государств, существовало множество различий в традиционных институциональных структурах обеих стран. Именно они и позволяют, по мнению ученых, объяснить различия в уровнях развития современных им Японии и Турции.

Появились ценные исследования модернизации на Среднем Востоке. В первую очередь следует отметить пионерную работу Даниэля Лернера «Разложение традиционного общества: процесс модернизации на Среднем Востоке» (1958 г.) [15]. Данное исследование основано на эмпирических материалах, добытых в результате полевых работ и интервьюирования, проводимых в течение десятка лет в Турции, Ливане, Сирии, Египте, Иордании, Иране. Д. Лернер исходил из того, что в процессе модернизации все общества движутся в одном направлении, которое задали страны Запада, совершившие модернизацию ранее. Однако эта «западная модель», по мнению Лернера, в действительности глобальна. Свое наименование она приобрела лишь в силу исторического стечения обстоятельств, в результате того, что именно страны Северной Атлантики первыми осуществили процессы секуляризации, урбанизации, индустриализации, партиципации. Собственно модернизация, по Лернеру, скорее не совокупность перечисленных процессов, а их следствие — особое состояние рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям. Анализируя на эмпирическом материале модернизацию стилей жизни, Д. Лернер наибольшее внимание уделяет росту мобильности населения, распространению грамотности и средств массовой информации.

Д. Лернер остановился и на проблеме препятствий, ограничений для модернизации. К числу самых важных факторов, тормозящих развитие, он отнес этноцентризм: «С Запада пришли стимулы, которые разрушили традиционное общество на Среднем Востоке. Запад до сих пор остается полезной моделью при реконструкции современного общества, которое могло бы эффективно функционировать. В этом смысле Средний Восток стремиться стать тем, чем является Запад. Однако эти «общества-второпях» не обладают тем терпением, которое было присуще Западу на протяжении длительного периода его исторического развития. То, что на Западе осуществлялось в течение столетий, некоторые страны Среднего Востока стремятся завершить в течение нескольких лет. Кроме того, они хотят найти свой «собственный путь». Процесс модернизации на Среднем Во-

стоке серьезно осложняется этноцентризмом, который находит политическое выражение в крайнем национализме, психологическое — в необузданной ксенофобии. Поселянная антиколониализмом ненависть возросла в неприятии иностранного почета в любой форме. Желанны современные институты, но не современные идеологии, современная власть, но не современные цели. Современное благосостояние, но не современная мудрость, современные товары, но не современная терминология. Еще не стало очевидным, что современные пути развития и современные лозунги могут так легко и при этом тотально расходиться. Так, несмотря на то, что идеологические формы, которые использовались в ходе модернизации в Европе, Америке, России (и Японии), существенно различались, всем этим моделям развития были присущи сходные поведенческие и институциональные рамки» [16].

Представляет интерес работа Манфреда Халперна «Политика социальных изменений на Среднем Востоке и в Северной Африке» (1963 г.). Серьезные исследования были проведены и по отдельным странам: Дуглас Э.Эшфорд «Политические изменения в Марокко» (1961 г.); Бернард Левис «Рождение современной Турции» (1961 г.); Родерик Дэйвисон «Реформа в Османской империи, 1856—1876 гг.» (1963 г.); Уильям Р.Полк «Открытие Южного Ливана, 1788—1840 гг.: Исследование влияния Запада на Средний Восток» (1963 г.); Чарльз Мико, Клемент Мур, Л. Карл Браун «Тунис: политика модернизации» (1964 г.); Роберт Л.Тигнор «Модернизация и британское колониальное управление в Египте, 1882—1914 гг.» (1966 г.); Роберт Ланден «Оман в конце XIX века и после».

Россия — большая часть Европы, серьезно отличающаяся от нее по различным параметрам институционального наследия, стала своеобразным критерием для теорий модернизации. Российский опыт модернизации также привлек специалистов. В 1960 г. под редакцией Сирила Блэка вышел сборник «Трансформация Русского общества. Аспекты социальных изменений с 1861 г.» Целью принявших участие в данном издании 38 исследователей было выделение элементов преемственности и изменений, частного и общего в процессе российской модернизации начиная с реформ 1860—1870-х гг. Подобные же вопросы применительно лишь к советскому периоду истории России обсуждались в следующих работах: Баррингтон Мур «Террор и прогресс в СССР. Источники изменений и стабильности при советской диктатуре» (1954 г.); Рэймонд Бауэр, Алекс Инкелес и Клайд Клакхон «Как работает советская система. Культурные, психологические и социальные аспекты» (1956 г.); «Советское общество. Очерки» (Издание А.Инкелеса, К.Гейгера, 1961); Дональд Фильтцер «Советские рабочие и сталинская индустриализация. Формирование отношений современного советского производства, 1928—1941» (Нью Йорк, 1986); Сирил Блэк «Понимая советскую политическую деятельность. Перспектива российской истории» (Боулдер, 1987). Эбигнев Бжезинский и Самуэль Хантингтон в работе «Политическая власть: США/СССР» (1961 г.) в компаративном ключе исследовали основные категории власти и политики в двух странах и пришли к заключению, что модернизационные процессы в СССР и США идут различными путями, конгруэнтными разным традиционным наследиям обеих стран.

Проблема преобразований в России рассматривается в изданной Робертом Крамми книге «Реформы в России и в СССР» (Иллинойский университет, 1989). Объектом серьезных исследований зарубежных ученых стала политика модернизации в царской России и ее связь с последовавшим в начале XX в. революционным кризисом [17]. В высшей степени интересны компаративные исследования модернизации и индустриализации, экономической политики в России и в СССР во второй половине XIX—XX вв. [18].

В Советском Союзе проблемы развития изучались на базе марксистско-ленинской теории общественных формаций. Предполагалось, что советская модель развития представляется подлинно марксистской и что ей должны следовать прочие страны. Альтернативную марксистскую концепцию модернизации развивал исключенный в 1958 г. из французской компартии Анри Лефевр («Introduction à la modernité», 1962), который попытался интерпретировать марксизм в терминах современных ему социологических теорий [19].

Распад социалистического лагеря и начало реформ в бывших советских и странах народной демократии стимулировали попытки рассмотреть эти процессы в модернизационной перспективе. Серьезным исследованием в этом плане является монография «Социальные изменения и модернизация. Уроки Восточной Европы», подготовленная под руководством Бруно Гранцелли (Нью-Йорк, 1995). Попытка комплексного изучения постсоветской эволюции России, поисков страны в области демократического переустройства, своего места в новом мировом порядке и влияния на постсоветскую эволюцию исторического наследия (советской политико-экономической системы, советской политической культуры, имперского менталитета) предпринята в исследовании Кэрол Барнер-Бэрри и Сянтти Хоуди «Политика изменений. Трансформация бывшего Советского Союза» (Нью-Йорк: Университет Мэриленда, 1995). В более публицистическом ключе написана книга Ричарда Круза и «Бориса Владимировича» (псевдоним бывшего члена Верховного Совета СССР) «В поисках свободы. Трансформация Восточной Европы в 1990-е гг.» (1993).

Экономические аспекты модернизации рассматриваются в книге «Приватизация и экономическая реформа в Центральной Европе. Процесс изменения делового климата», изданной Д.Рондинелли (1994). Интересна попытка применить модернизационный анализ при изучении опыта социалистической Венгрии, предпринятая Рудольфом Андоркой. Его утверждение, что крах социалистического режима в конце концов произошел вследствие потери им легитимности, дополняется интересными наблюдениями по поводу социокультурного контекста социалистической модернизации. Социалистическая попытка модернизации пробуксовывала, отмечает он, потому что система была лишена двух базовых гражданских качеств — дружелюбия и уверенности в себе. Напротив, она характеризовалась подозрительностью и враждебностью членов общества по отношению друг к другу. Следствием этого были ощущения беззакония, бессилия [20].

Проблемам изменений повседневности и образа жизни в постсоветской России посвящена работа Тимо Пиирайнена «К новому социальному порядку в России: процесс трансформации структуры и повседневной жизни» (Университет Хельсинки, 1997). Указанные процессы рассматриваются в контексте перехода от

плановой к рыночной экономике. Существенное внимание уделяет исследователь реструктуризации российского общества и «становлению классового общества». Однако акцент Т.Пинрайнен, пользующийся веберовской методологией, все же делает не на анализ социальной структуры, а на исследование стратегий социальных акторов. Авторы книги «Местная власть и постсоветская политика» (издана под руководством Теодора Фрэйдгата и Джеффри Хэна, 1994) сконцентрировали внимание на модернизационных процессах на уровне местного управления.

Активное освоение теорий модернизации началось в постсоветской России. При этом интерес к данной парадигме во многом объясняется возможностями ее применения при изучении той коренной общественно-политической трансформации, которая началась в стране с середины 1980-х гг. Как справедливо отмечает философ Л.В.Поляков, «тема модернизации — одна из наиболее модных в современной российской социально-философской, социально-экономической и политологической литературе». По мнению историка В.В.Согрина, теория модернизации является более прагматической и более «осязаемой» при соотношении ее с современными российскими реалиями в сравнении с двумя другими влиятельными макротеориями — общественно-экономическими формациями и цивилизациями [21]. В отечественном обществоведении предприняты попытки рассмотрения различных аспектов реальности, в том числе российской истории, с точки зрения модернизационной перспективы [22].

РОЖДЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Социально-политический контекст формирования и эволюции теорий модернизации

Модернизационная парадигма являлась ответом американской политической элиты и интеллектуалов на международный порядок, который сложился после второй мировой войны. Холодная война, а также появление в качестве заметных участников международного политического процесса стран Третьего мира, образовавшихся в результате распада европейских колониальных империй, стимулировали исследовательский интерес по отношению к обществам Азии, Африки, Латинской Америки. Вообще изучение народов Азии, Латинской Америки, Африки имело длительную традицию, однако только после того, как они стали независимыми нациями, к исследованию их эволюции были применены концепции политического развития, экономического роста и социальных изменений, которые до того базировались преимущественно на опыте стран ранней модернизации (страны так называемой атлантической цивилизации — Западная Европа и США).

Решающим событием поствоенной эпохи, повлиявшим на возникновение модернизационной школы, стал рост США как супердержавы, главного фактора послевоенной экономической реконструкции Западной Европы. В 1950-е гг. США фактически взяли на себя ответственность за регулирование дел на всей планете. Все это способствовало интернационализации социальных наук США. Развитие мирового коммунистического движения, распространение влияния Со-

ветского Союза не только на страны Восточной Европы, но и на Китай и Северную Корею также были значимы в плане становления модернизационной перспективы. Наконец, разработка теорий модернизации в значительной степени была вызвана пробуждением стран Третьего мира. Бывшие колонии, некоторые из которых уже давно стали экс-колониями (например страны Латинской Америки), но в значительной степени продолжали сохранять колониальный менталитет и социальные структуры, очутились в ситуации «молодых наций», стремившихся вырваться из оков зависимости и искавших такие модели развития, которые позволили бы укрепить их экономику и политическую независимость. Таким образом, для социальных наук появился новый сегмент «рынка» с жаждущими клиентами и щедрыми инвесторами.

В данном историческом контексте американские политические элиты стали поощрять ученых к изучению государств ТМ, дабы предложить последние модели несоциалистической ориентации для их экономического развития и обеспечения политической стабильности и таким образом не допустить их присоединения к коммунистическому блоку. При поддержке правительства США и частных фондов поколение молодых политологов, экономистов, социологов, психологов, антропологов, демографов публиковало диссертации и монографии по проблемам стран ТМ, ранее не пользовавшихся таким вниманием ученых. В 1950 — начале 1960-х гг. разные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу на проблемы развития, которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в эволюции стран ТМ. Было ощущение, что достаточно ученым обобщить основные линии развития продвинутых стран, соединивших экономический рост с либеральной демократией в рамках интегрированной теории и последняя даст развивающимся странам рецепт достижения успеха — обеспечения скачка и выравнивания по параметрам передовых наций. В этом, собственно, заключалась фундаментальная предпосылка и многообещающая надежда того направления, которое стало называться теорией модернизации. Междисциплинарная модернизационная школа прошла этап становления в 1950-е гг. По выражению Г.Альмонда, модернизационные штудии являлись «растущими индустриями» вплоть до середины 1960-х гг. [23].

Таким образом, исследования в рамках теорий модернизации с самого начала не являлись чисто академическими штудиями, но имели важные политические импликации. Во-первых, они обеспечили своеобразное оправдание асимметричного характера взаимоотношений между «традиционными» и «современными» обществами [24]. Поскольку США — современная и развитая страна, а ТМ — традиционный и отсталый, последний должен ориентироваться на первую как образец для подражания. Во-вторых, теории модернизации идентифицировали угрозу коммунизма в странах ТМ как модернизационную проблему. Если страны ТМ должны модернизироваться, то им необходимо выбрать путь США, а не коммунистических стран. Теории модернизации предложили в качестве инструментов для достижения второй цели экономическое развитие, замену традиционных ценностей современными («западными») и институционализацию демократических процедур. В-третьих, модернизационная перспектива помогла легитимировать

политику помощи зарубежным странам, которую проводили США. Приоритет рекламы современных ценностей и увеличения производственных инвестиций означали для США возможность организации помощи путем отправки советников, поощрения американских бизнесменов, инвестировавших капиталы в страны ТМ, предоставления займов и оказания других видов поддержки экономики [25].

На содержание модернизационных теорий, несомненно, повлияло то, что они развивались в условиях холодной войны. Модернизационная перспектива в сущности явилась одним из аспектов биполярного мира. В связи с этим большинство сторонников данной перспективы было в различной степени вовлечено в антикоммунистический проект глобализации. Некоторые ученые отчасти этим обстоятельством объясняют недостаточное внимание классической модернизационной парадигмы к проблемам международного порядка, интерсоциальных взаимоотношений, «динамики сопоставлений различных обществ». В орбиту внимания представителей ранней школы модернизации практически не входили международные аспекты национализма и национальной идентичности. Немногие авторы пытались исправить этот недостаток [26]. Лишь в 1990-е гг. после окончания холодной войны ученые в полной мере стали осознавать значение кросс-социетальной коммуникации, межрегиональных, кросс-социетальных и кросс-коммунальных взаимодействий [27].

Реализация на практике в странах ТМ программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Несмотря на то, что элиты «новых наций» в большинстве своем откровенно и настойчиво стремились модернизировать свои страны, институциональные структуры и коллективная ментальность последних зачастую оказывались неадекватными задачам модернизации. Отчасти это объяснялось тем, что небольшие и бедные страны не обладали ресурсами, необходимыми для обеспечения базы развития. Политические режимы в ряде развивающихся стран отдавали предпочтение политическим амбициям или идеологическим соображениям в ущерб экономическим потребностям. Нередко местные элиты, декларируя на словах приверженность программам модернизации, заботились лишь о собственном обогащении. Все это зачастую приводило к усилению традиционных структур и лояльностей. Кроме того, осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации», или ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК как основные потребители и переработчики сырья были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры.

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. сопровождалось массивной критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень структурно-историческим анализом международной политической экономии.

Появившись на свет как ответ на социальный заказ, модернизационная парадигма никогда не замыкалась в академических рамках. Возможно, этим в какой-то степени объясняется живучесть модернизационных штудий, выдержав-

ших натиск серьезной критики со стороны конкурирующих теорий. Обращая внимание на данное обстоятельство, Клаус Мюллер выделяет два существенных момента. Во-первых, в отношении внутренней организации развитых капиталистических обществ, пишет он, модернизационная перспектива способствовала трансформации кейнсианской революции в экономической политике в своеобразную политическую программу институционализации классовых конфликтов. Во-вторых, по мнению К. Мюллера, теории модернизации базировались на широком круге сравнительных исследований, которые поддерживались такими серьезными институтами, как Международная организация труда (при ООН), Международный валютный фонд, Мировой банк [28].

Между тем в 1970–1990-е гг. мир стал свидетелем двух сдвигов глобального значения, которые создали значительные трудности для теорий, конкурировавших с модернизационной парадигмой. Во-первых, необходимо указать на грандиозные трансформации в Восточной Азии, которые сопровождались ускороенной модернизацией стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации», следующих по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), и превращением их в серьезных конкурентов для наиболее развитых стран мира. Ориентируясь на японский стандарт, эти страны стали демонстрировать достаточно высокие темпы экономического и промышленного развития, что позволило им если не догнать Японию, то во всяком случае заметно приблизиться к ней, оказаться вместе с ней флагманами экономики всего развивающегося мира, а в недалеком будущем, возможно, вообще всего мира. При этом социально-экономический рост «азиатских тигров» не сопровождался серьезным усилением в них социального неравенства, что было характерно для многих других современных развивающихся регионов и для большинства стран Запада в XIX в. Восточно-азиатское «чудо» нанесло существенный удар по миросистемной теории, поскольку оно плохо вписывается в ее концептуальные рамки. Действительно, страны периферийной зоны мировой системы смогли найти внутренние ресурсы для обеспечения роста и модернизации, повышения уровня жизни, качества здравоохранения и образования перед лицом развитого «ядра» западных капиталистических стран.

Вторым важным сдвигом, еще менее ожидаемым и даже более стремительным (П. Штомпка определил данную трансформацию как «анти-теоретическую революцию» = «a-theoretical revolution») по сравнению с первым, явилась социально-политическая трансформация советской империи, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации («перестройка»). Затем последовал каскад политических событий, приведших к объединению Германии, падению коммунистических режимов в СССР и странах Центральной-Восточной Европы (ЦВЕ). Несмотря на то, что все эти процессы в определенной степени стимулировались внешними факторами (сопоставление жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира), главными движущими силами трансформации стали причины внутреннего происхождения.

События последнего десятилетия в ЦВЕ дали новый толчок модернизационным исследованиям. Постсоциалистические страны ЦВЕ рассматриваются многими исследователями как прекрасная лаборатория для теоретического совершенствования и проверки модернизационной перспективы. «Эмпирические аномалии», которые демонстрируют эти страны, заставляют ученых задуматься: вместо «адаптивного подъема» наблюдается экономический коллапс; вместо более тесной интеграции — усиление этнической и религиозной демаркации; вместо формулирования последовательных ясных целей на политическом уровне — противоборство хрупких политических коалиций, не способных справиться с неуправляемым обществом.

После падения коммунизма в странах ЦВЕ развернулись исследования проблем перехода («транзиции») постсоветских обществ, которые проводились в широком дисциплинарном диапазоне. При этом признавалось продуктивным использование модернизационной перспективы. Можно утверждать, что трансформация стран ЦВЕ способствовала гальванизации теорий модернизации. Однако одновременно раздавались предостережения против буквального использования устаревшей версии модернизационной перспективы образца 1960-х гг.

Теоретические предшественники модернизационной перспективы

Динамика социальных изменений остается в центре внимания социологической науки с самого ее становления в творениях К.А. Сен-Симона и О.Конта. Не является в этом плане исключением и модернизационная перспектива. Теории модернизации, появившиеся в 1950-е гг., резко отличались от теорий исторической эволюции и социальных изменений, которые господствовали в западной общественной мысли в 1920—1930-е гг. Последние в большинстве своем характеризовались крайним пессимизмом в оценках перспектив человека и общества. Выделяются две «пессимистические» школы.

Типичными представителями *первой* являлись такие мыслители, как О.Шпенглер, В.Парето, П.Сорокин, А.Тойнби, которые интересовались формами развития отдельных цивилизаций или культур. Созданные ими конструкции были по существу циклическими теориями истории. Указанные ученые стремились восстановить последовательность фаз в развитии мировых цивилизаций, которая обычно включала рождение, рост, зрелость и упадок. Согласно данным теориям, западная цивилизация находилась (или уже прошла ее) в высшей точке своего развития, после которой должен был следовать распад. При этом они полагали, что когда-то это общество было достаточно интегрированным и благоприятствовало реализации человеком своих возможностей. Однако после фундаментального переворота, произошедшего в определенный момент прошлого, западная цивилизация покатила вниз. Проявлениями понижательной тенденции в эволюции Запада считались распад сообщества, ослабление религиозных ценностей, нарастание отчуждения и падение нравов, пугающее рождение «массового общества», которые, в свою очередь, объявлялись следствием процессов секуляризации, индустриализации, урбанизации и демократизации. Некоторые авторы датировали начало процесса разложения эпохой Реформации, другие — временем Возрож-

дения, индустриальной или французской революций. Отказ от религиозности, эрозия общества, считали мыслители, последовательно и неизбежно привели к «политике масс», мировым войнам, «чисткам», концлагерям.

Другая группа ученых-пессимистов меньше внимание уделяла упадку религии, но больше — индустриализации и демократизации. К. Мангейм и Х. Арендт связывали тоталитаристские тенденции с движением в сторону «массового общества». Те, кто был не согласен с датировкой начала процесса дезинтеграции Запада XVI—XVIII вв., рассматривали в качестве такого поворотного пункта первую мировую войну. Как подчеркивал Гарольд Лассуэл (1950 г.), именно в данное время тренд истории повернул в обратную сторону «от прогресса по направлению к обществу всеобщего благоденствия в сторону мирового порядка, в рамках которого государство казарменно-тюремного типа вновь ввело кастово-замкнутую социальную систему». В том же ключе в 1938 г. Вальтер Липпманн начал развивать свою точку зрения, согласно которой в революционный 1917 г. политические системы Запада дали трещину под влиянием длительной войны, и началось движение цивилизации в сторону паралича, хаоса и тоталитаризма.

Если пессимистические теории межвоенного периода отражали ощущение катастрофичности, нарастания хаоса, которые, считалось, были вызваны индустриализацией, урбанизацией и тому подобными процессами, то модернизационные теории 1950—1960-х гг. стали отражением социальных, экономических и политических успехов западного общества, которые также связывали с индустриализацией и урбанизацией [29].

В процессе формирования модернизационной перспективы существенное внимание было уделено разработке концептуальных схем для решения аналитических проблем, не обеспеченных соответствующим познавательным инструментарием. В ходе теоретических поисков социальные мыслители обратились к знакомой им западной интеллектуальной традиции изучения природы социальных изменений, но не непосредственно предшествующего периода (1920—1930-х гг.), а скорее второй половины XIX в. Известный социолог и политолог С. Хантингтон пишет о поразительном сходстве между теориями модернизации и оптимистическими эволюционистскими построениями второй половины XIX в. «Многие характеристики и следствия, которые теоретики послевоенного периода приписали Великому Процессу Модернизации, — подчеркивал С. Хантингтон, — можно обнаружить в сочинениях мыслителей XIX в., таких, как Герберт Спенсер или Карл Маркс. В обоих случаях человеческое сообщество развивается главным образом под воздействием экономических факторов, проходя через идентифицируемую последовательность все более прогрессивных фаз».

В 1950-е гг. категории «современность» и «традиционность» отодвинули на задний план теоретического мышления прочие типологические концепты: демократия, олигархия, диктатура, либерализм, консерватизм, тоталитаризм, конституционализм, социализм, коммунизм, капитализм, национализм, интернационализм. Конечно, перечисленные понятия продолжали употребляться учеными. Однако, как пишет С. Хантингтон, в конце 1960-х гг. в любой дискуссии среди политологов, в которой задействовались категории «конституционный» и «тоталитарный», обязательно должен был использоваться и десяток других понятий, основанных

на различении «современности» и «традиционности». Последние, по мнению Хантингтона, являлись позднейшей манифестацией Великой дихотомии между примитивными и более развитыми обществами, укоренившейся в западной социальной мысли на протяжении предшествующего столетия [30].

Несмотря на новаторство в терминологии, сторонники модернизационной перспективы при формировании подходов для исследования социальных трансформаций в «незападных» обществах во многом опирались на интеллектуальную традицию «девелопментализма», утвердившуюся в западной общественной мысли задолго до конца XIX в. По мнению Роберта Нисбета, данная традиция (которая возводится к идее, согласно которой процессы социальных изменений можно изучать по аналогии с биологическим ростом индивидуального организма) доминировала в западной мысли с досократовских времен. Сохранив свои позиции на протяжении XVIII—XIX вв. (теории прогресса и социальной эволюции), она перешла в современную науку [31].

В рамках данной традиции эволюционная теория и функционализм оказали наибольшее влияние на формирование теории модернизации. Следы подобного влияния обнаруживаются во многих ее особенностях. Это частое использование дихотомических конструкций и таких концептов, как «социальная дифференциация», «социальная система». Это — акцент на возможность адаптироваться к постепенным, растянутым во времени изменениям как нормальное условие стабильности; приоритетное рассмотрение внутренних источников изменений; анализ социальных изменений как линейного, упорядоченного или прогрессивного процесса.

Модернизационная школа адаптировала эволюционную и функционалистскую теории. Поскольку эволюционная теория помогла в свое время объяснить переход от традиционного к современному обществу в Западной Европе XIX в., сторонники модернизационной школы считали, что она сможет пролить свет на процесс модернизации и в странах ТМ. Имело значение и то, что многие выдающиеся представители модернизационной перспективы — Даниэль Лернер, Марион Леви, Нейл Смелзер, Самуэль Эйзенштадт, Габриэль Альмонд — воспитывались в рамках функционалистской теории. Соответственно, их модернизационные штудии неизбежно получили и функционалистскую окраску [32].

Эволюционная теория. Эволюционная теория возникла в начале XIX в. как следствие Индустриальной и Французской революций. Эти революции не только разрушили старый порядок, но и заложили основы нового. Индустриальная революция с ее применением науки и новых технологий в промышленности привела к росту производительности, становлению фабричной системы и завоеванию мирового рынка. Французская революция создала новый политический порядок, основанный на принципах равенства, свободы и братства, парламентскую демократию.

Изучая этот меняющийся социальный, экономический и политический порядок, сторонники эволюционного подхода использовали различные ярлыки для характеристики «старых» и «новых» обществ. Именно в этот период «Великая дихотомия» между традицией и современностью получила оригинальную и влиятельную формулировку.

Так, в 1861 г. сэр Генри Мэн в своей работе «Древний закон: Его взаимосвязь с ранней историей общества и отношение к современным идеям» рассмотрел в качестве полярных понятия «статуса» и «контракта». В более поздней работе («Античное общество». Лондон, 1870) он утверждал: «До сих пор поступательное движение обществ было движением от Статуса к Контракту» [33]. Фердинанд Теннис предложил различать понятия *gemeinschaft* (община) и *gesellschaft* (общество), т.е. сельскохозяйственное и индустриальное общества. В интерпретации Эмиля Дюркгейма формам социального порядка в примитивных (традиционных) и современных обществах соответствуют понятия механической (основанной на общих убеждениях и консенсусе, обнаруживаемых в пределах коллективной совести) и органической (взаимозависимость экономических связей, возникающих в результате дифференциации и специализации в современной экономике, новая сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений эгонизма) солидарности. Г.Спенсер различал «военное» (характеризующееся простой однородностью, конкурентной борьбой и агрессией) и «индустриальное» (характеристиками которого являются сложная однородность, сотрудничество, сила убеждения и альтруизм) общество. По мнению Огюста Конта, мышление в своем прогрессивном развитии проходит теологическую, метафизическую и позитивную стадии, а общество — примитивную, промежуточную и научную. Используя органическую аналогию, О.Конт утверждал, что общество в ходе собственной эволюции становится более сложным, дифференцированным и специализированным благодаря разделению труда. Разделение труда ведет к упрочению социальной солидарности, порождая, однако, новое социальное разделение между классами, а также сферами частной и общественной жизни [34].

В качестве характерных черт классической эволюционной теории можно выделить следующие: 1) социальные изменения однонаправлены, то есть человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, от примитивного к развитому, продвинутому государству, судьба социальной эволюции предопределена; 2) ценностная окраска эволюционного процесса — движение к финальной стадии оценивается положительно, потому что означает прогресс, рост гуманизма и цивилизованности; 3) характер социальных изменений — медленный, постепенный, пошаговый; эволюционный, а не революционный (необходимы столетия для завершения процесса перехода от простых, примитивных к сложным, современным обществам).

По мнению Клауса Мюллера, модернизационная парадигма в ее классическом варианте приобрела вид «эволюционистской философии истории, управляемой кибернетически все более и более распространяемыми ценностями» [35].

Функционализм. Вторая часть теоретического наследия школы модернизации — функционализм Толкотта Парсонса (наиболее значимые категории, разработанные ученым: система, функциональный императив, гомеостатическое равновесие, «типические переменные»). Т.Парсонс начал занятия наукой с биологии, что повлияло на сформулированную им версию функционализма. Для

Т. Парсонса человеческое общество подобно биологическому организму и, соответственно, может изучаться таким же образом. Органическая метафора является ключом к пониманию построений Парсонса.

Различные части биологического организма, можно сказать, соответствуют разным институтам общества. Подобно частям организма, взаимосвязанным и взаимозависимым в процессе взаимодействия друг с другом, общественные институты (например общество и правительство) тесно связаны между собой. Парсонс использовал концепт «система» для обозначения гармоничной координации между институтами.

По аналогии с биологическим организмом, каждая часть которого выполняет определенную функцию ради блага целого, социальные институты, по мнению Парсонса, также имеют конкретные полезные функции, обеспечивающие стабильность и развитие общества. Парсонс формулирует концепт «функционального императива», согласно которому для нормального существования общества необходимо выполнение четырех решающих функций или функциональных потребностей (в противном случае общество погибает): а) адаптация к окружающей среде, потребность соотнесения с ней при использовании ее ресурсов (функция выполняется экономической сферой); б) целедостижение, то есть определение задач, стоящих перед системой (за реализацию данной функции ответственно правительство); в) интеграция (связывание институтов воедино, поддержание внутреннего порядка; данная функция выполняется правовыми и культурно-религиозными институтами); г) поддержание латентного образца (передача ценностей от поколения к поколению, необходимая для выработки достаточной мотивации выполнения задач; выполняется институтами семьи и образования). Эти четыре функции в совокупности составляют систему, известную как AGIL (for adaptation, goal attainment, integration, latency).

Органическая аналогия, помимо прочего, привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». Биологический организм всегда находится в однообразном состоянии. Если одна его часть меняется, другие также должны меняться соответственным образом, чтобы сохранить равновесие и уменьшить напряженность. В обществе, по мнению Т. Парсонса, имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Как только один из них провоцирует социальное изменение, это вызывает цепную реакцию перемен в прочих институтах, чтобы сохранить гомеостазис. С этой точки зрения, социальная система Т. Парсонса не является статичной, неизменной целостностью; напротив, институты, ее составляющие, постоянно меняются и приспособляются друг к другу.

Нередко утверждалось, что концептуальная схема Парсонса имеет консервативную предвзятость, поскольку она исходит из предположения о том, что общество стремится к гармонии, стабильности, равновесию, сохранению *status quo*. Эта консервативная тенденциозность является результатом влияния органической аналогии, характерной для мышления ученого. Поскольку левая рука не будет бороться с правой, Т. Парсонс предполагал, что институты человеческого общества также будут скорее находиться в состоянии гармонии друг с другом, нежели в состоянии конфликта. Более того, как биологический организм

не будет ликвидировать себя сам, так и общество, считал Т. Парсонс, не разрушит собственные институты.

Возможно, наибольшее влияние на формирование теорий модернизации оказала разработка в начале 1950-х (1951) гг. Т. Парсонсом и Эдвардом Шилзом так называемых «типовых переменных» для дифференциации «традиционности» и «современности». «Типовые переменные» — это ключевые социальные отношения, которые продолжают, повторяются и внедряются в культурные системы — самая важная и наиболее важная система в теоретическом наследии Парсонса. «Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед актором (действителем), и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу-Шилзу, существует пять наборов типовых переменных.

Первый набор (дилемма) — аффективность VS аффективная нейтральность. Социальные акторы находятся в определенных отношениях по инструментальным, не затрагивающим их чувств (аффективная нейтральность), либо по эмоциональным причинам (аффективность). В традиционных обществах социальные отношения имеют тенденцию включать аффективный компонент: это отношения личностные, эмоциональные, лицом к лицу. Даже отношения работодателя-работника в традиционном обществе являются аффективными. Работодатель обращается с работниками как с членами домохозяйства и не увольняет их даже в том случае, если его предприятие терпит убытки. В современных обществах социальные отношения скорее строятся на аффективно-нейтральной основе — как неличностные, отчужденные, косвенные. Работодатели увольняют при необходимости работников, в противном случае пострадает экономическая эффективность и предприятие потеряет прибыльность.

Второй набор — партикуляризм VS универсализм. Универсализм предполагает эквивалентную ориентацию индивида на объекты, обладающие равными параметрами. Партикуляризм же подразумевает внимание лишь к объектам, обладающим специфическими для индивида признаками. Участники взаимодействий должны решить, оценивать им человека с помощью общих (универсалистских) критериев или прибегать к критериям специфическим, применимым лишь в отношении конкретного человека (партикуляризм). Данная проблема может быть также описана как выбор между следованием безличным, абстрактным, всеобщим нормам права и правилам поведения и предпочтением им конкретных, личных, племенных отношений, вытекающих из данной ситуации. В традиционных обществах люди стремятся ассоциироваться с членами определенного социального круга. Например, они работают на одном предприятии или покупают в соседней лавке. Поскольку они хорошо знакомы, то относятся друг к другу партикуляристски: доверяют и считают необходимым выполнять социальные обещания. Обычно устного соглашения достаточно для заключения деловой сделки. Для современного общества с его высокой плотностью населения и мобильностью люди часто вынуждены контактировать с незнакомцами и поэтому стараются при взаимодействиях руководствоваться универсалистскими принципами. Например, банковский кассир прежде чем оплатить чек просит предъявить необходимые документы, идентифицирующие личность. В современных обществах существуют писанные правила, которые определяют права и обязанности сторон в каждой деловой сделке.

Третий набор — коллективистская ориентация VS индивидуалистская ориентация. Данная дилемма актуализирует проблему выбора: достижение интересов индивида или коллектива. Традиционным обществам характерна верность, преданность коллективу: семье, общине, племенному государству. От людей требуется жертвовать своими собственными интересами ради выполнения коллективных обязательств. Этот акцент на коллективистскую ориентацию является средством избежания социальной нестабильности, которую могут вызвать индивидуалистские инновации, воображение. В современных обществах, напротив, акцентируется индивидуалистическая ориентация. Поощрение желания быть самим собой, развивать свои таланты, расти, строить собственную карьеру — распространено повсюду. Этот акцент на индивидуалистическую ориентацию стимулирует личность и способствует технологическим инновациям и росту производительности труда.

Четвертый набор — приписка (от английского *ascription* — приписывание) VS достижение (или также: качество VS исполнение). Данная дилемма служит для обозначения одной из альтернатив социальных ориентаций. Участники взаимодействия оценивают людей либо по их поступкам (достижение), либо по их личным качествам, им приписанным (приписка). В соответствии с аскриптивной моделью мотивации об индивиде судят и ведут себя по отношению к нему, ориентируясь на приписанные ему качества (возраст, пол, престиж, расовую принадлежность и т.д.). Мотивационная модель, ориентированная на достижение (*achievement*), требует принимать во внимание в первую очередь реальное поведение и успехи индивида (как представителя определенной профессии, гражданина, налогоплательщика и т.д.). В традиционных обществах человек оценивается по статусу, который ему приписан. Принимая на работу, работодатель в первую очередь интересуется именами родителей и других родственников претендента. Прием на работу зачастую зависит от того, является ли работодатель хорошим другом или родственником кандидата. В современных обществах человек ценится скорее статусом, который ему удалось достичь благодаря собственным усилиям. Принимая на работу, работодатель больше интересуется технической квалификацией и прошлым трудовым стажем претендента. Острая рыночная конкуренция в современных обществах заставляет оценивать человека опираясь на принципы достижения, то есть оценивая его реальные успехи. Работодатель не может позволить себе брать на работу некомпетентных людей, иначе он будет «выдавлен» из бизнеса.

Пятый набор — функциональная «диффузность» VS функциональная специализация. «Диффузная» ориентация предполагает, что во внимание принимается личность в целом. Специфическая ориентация заставляет принимать во внимание лишь «часть» личности партнера, важную в контексте происходящего взаимодействия. Таким образом, данная дилемма актуализирует противопоставление между специализированным интересом к объекту, ориентацией на избранные его свойства и интересом к объекту и ситуации в целом. Индивид выбирает между вовлеченностью наряду с другими индивидами в широкий спектр социальной деятельности («диффузность») и концентрацией на достижении специфических, структурированных целей (специализация). В традиционных обще-

ствах преобладают функционально диффузные роли. Например, роль работодателя не сводится только к приему на работу; зачастую он также должен обучать работников; являться их опекуном, попечителем; обеспечивать им условия для проживания и т.д. Такая функционально диффузная роль, конечно, менее эффективна по сравнению с узко специализированной ролью. Работникам требуются годы, чтобы приобрести технические навыки, само обучение носит индивидуальный и несистематический характер. В современных обществах, напротив, преобладает функциональная специализация. Например, роль работодателя определяется достаточно узко. Его обязанности по отношению к работнику ограничены и редко выходят за сферу производства. Поскольку работодатель и работник имеет возможность избежать других обязательств по отношению друг к другу, они могут больше времени уделять росту эффективности и производительности [36].

Если у Парсонса-Шилза типовые переменные выступали в качестве своеобразных «вызовов» по отношению к актору, то позднее, в 1955 г., Фрэнк Саттон конвертировал их в характеристики социальных систем. Схема Саттона включила большинство принятых отличительных характеристик «аграрного» и «индустриального» общества. Первое характеризовалось следующими параметрами: 1) доминирование аскриптивных, партикуляристских, диффузных образцов мотивации; 2) стабильные локальные группы и ограниченная пространственная мобильность; 3) относительно простая и малоподвижная профессиональная дифференциация; 4) статусная стратификационная система, включающая диффузные взаимодействия. Для «индустриального общества» были присущи следующие характеристики: 1) преобладание универсалистских, спецификационных норм поведения, ориентированных на достижение; 2) высокая степень социальной мобильности (не только вертикальной, но и горизонтальной); 3) развитая профессиональная система, автономная от прочих социальных структур; 4) «эгалитарная» классовая структура, основанная на общих моделях поведения, «равных» возможностях и достигаемых статусах; 5) преобладание «ассоциаций», то есть функционально специализированных, неаскриптивных структурных конструкций [37].

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизационная школа явилась междисциплинарной попыткой освещения процессов развития в период перехода от стадии традиционного к стадии индустриального общества, в том числе в странах ТМ. Каждая дисциплина вносила свой вклад в определение ключевых проблем модернизационного перехода. Социологи фокусировали внимание на изменениях типовых переменных и структурной дифференциации, «социальных реквизитах» демократического поведения; экономисты изучали технологическую, инвестиционную, внешнеэкономическую, распределительную политику, подчеркивали значимость увеличения производственных инвестиций для достижения самоподдерживающегося экономического роста; политологи рассматривали роли партий, элит, групп интересов в процессе политической мобилизации, придавали большее значение росту возможностей политических систем, существенное внимание уделяли влиянию традиций,

ценностных установок, традиционных лояльностей, национальных символов на стремление поддерживать демократические институты.

Однако несмотря на мультидисциплинарную природу все представители модернизационной перспективы разделяли ряд теоретико-методологических предположений. С. Хантингтон попытался их идентифицировать. По его мнению, эта обидая для всех ученых, работающих в модернизационном русле, теоретическая основа включает пять характеристик.

1. *Модернизация — революционный процесс.* Данный тезис вытекает непосредственно из сопоставления традиционного и современного обществ, различия между которыми фундаментальны. Следовательно, переход от «традиционности» к «современности» связан с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности. Как писал С. Блэк, данный переход сопоставим с переходом от дочеловеческого состояния к человеческому или, например, с переходом от примитивной стадии развития к цивилизации. Ему вторит Рейнхард Бендикс, сравнивающий по значимости трансформацию XVIII в. с переходом кочевников к оседлому образу жизни, осуществившемуся около 10 тыс. лет тому назад.

2. *Модернизация — комплексный процесс.* Данный процесс вряд ли возможно свести к какому-либо одному фактору, аспекту, измерению. Модернизация вызывает изменения фактически во всех областях человеческой мысли и поведения. Как минимум, модернизация должна включать индустриализацию, урбанизацию, социальную мобилизацию, дифференциацию, секуляризацию, распространение средств массовой информации, грамотности и образования, рост политической партиципации.

3. *Модернизация — системный процесс.* Изменения одной из движущих сил соотносятся и оказывают воздействие на прочие факторы. Атрибуты модернизации формируют связанное целое, появляясь скорее в кластерах, нежели в изоляции. Как выразился Д. Лернер, модернизация — «это процесс, обладающий собственным отличительным качеством, которое может объяснить, почему современность переживается как спаянная целостность среди людей, живущих по своим правилам». Различные элементы модернизации тесно связаны между собой, «потому что в определенном историческом смысле они должны приходить вместе» [38]. Модернизация встраивает изменения в социальную систему. Как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает соответствующие изменения в других сферах. Например, если начался процесс дифференциации семьи, другие институты — экономика, средства массовой информации, правоохранительные органы и т.д. — также должны подвергнуться процессу дифференциации и интеграции (впоследствии).

4. *Модернизация — процесс глобальный.* Начавшись в Западной Европе XV—XVI вв., она стала со временем общемировым явлением, что обеспечили как диффузия современных идей и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенное развитие неевропейских сообществ. В любом случае, все общества когда-то были традиционными; все современные сообщества — или модернистские, или находятся в процессе становления в качестве модернистских.

5. *Модернизация — длительный, протяженный процесс.* Весь объем изменений, вызываемых модернизацией, должен осуществиться в течение какого-то промежутка времени, не одновременно. Таким образом, модернизация носит революционный характер по масштабам изменений, но при этом она эволюционна по скорости осуществления этих изменений. Модернизационный переход западной цивилизации потребовал нескольких столетий. Модернизация в современных условиях, очевидно, совершается более быстрыми темпами. Таким образом, несомненно ускорение процессов модернизации, но даже в нынешних условиях эта трансформация должна быть достаточно длительной, осуществляемой на протяжении жизни нескольких поколений.

6. *Модернизация — стадийный процесс.* Возможно выделение уровней или фаз модернизации, через которые должны пройти все общества. Общества начинают модернизационный путь с примитивных, простых, слабо дифференцированных на стадии «традиционности» и завершают модернизацию будучи развитыми, сложными, дифференцированными на стадии «современности». Промежуточная «переходная» фаза, в свою очередь, может быть разбита на субфазы. Таким образом, общества можно сравнивать между собой и ранжировать в соответствии со степенью их продвижения от «традиционности» к «современности». Хотя лидерство в процессе модернизации может переходить от одного общества к другому, несколько отличаться друг от друга будут конкретные модели развития, однако все общества должны пройти сущностно единые стадии модернизации.

7. *Модернизация является процессом гомогенизации.* Существует множество типов традиционных сообществ. Как считают некоторые специалисты, традиционные структуры не имеют ничего сходного между собой за исключением лишь общего для всех отсутствия «современности». Модернизированные общества, напротив, имеют множество сходных черт. Модернизация, таким образом, стимулирует тенденции к конвергенции сообществ. Как отмечал М. Леви, «со временем они и мы будем все больше походить друг на друга, потому что модели модернизации таковы, что чем более модернизируются общества, тем больше они напоминают друг друга» [39].

Модернизация влечет за собой движение «в сторону взаимозависимости между политически организованными обществами и по направлению к окончательной интеграции сообществ». «Универсальные императивы современных идей и институтов» могут вести к той стадии, «на которой различные общества будут настолько однородны, что будет возможно формирование единого всемирного государства» [40].

Данную характеристику можно дополнить более поздними наблюдениями Алвина Соу, который считает, что представители модернизационной школы классического периода широко разделяли представление о модернизации как процессе европеизации (или американизации). Модернизация сводилась преимущественно к европеизации (или американизации). В литературе по модернизации господствовала установка благодушия по отношению к Западной Европе и США. Эти нации рассматривались как не имеющие себе равных по параметрам экономического благосостояния и демократической стабильности. Таким образом,

последователи в процессе модернизации должны были ориентироваться именно на Западную Европу и США, как на идеальные модели. Поскольку данные образцы отличались высокой степенью индустриализации и демократизации, индустриализация и демократизация в концепциях школы модернизации приобрели значение своеобразных символов, знаков самой модернизации. Теоретически, модернизирующиеся страны должны были со временем становиться все более похожими на сообщества Европы и Северной Америки.

8. *Модернизация — процесс необратимый.* Однажды начавшись, он не может быть остановлен. Другими словами, если страны ТМ вошли в контакт с Западом, то они уже не смогут противостоять импульсу к модернизации. Общество, достигшее определенных успехов в осуществлении урбанизации, индустриализации, распространении грамотности на какой-то стадии модернизации, на следующей ее стадии не может опуститься на более низкий уровень развития. Может сильно варьировать применительно к различным странам степень изменений, но не само направление этих изменений. Так, М.Левин называет модернизацию «универсальным социальным решением», разлагающим традиционные характеристики стран ТМ. При этом представители модернизационной перспективы допускали возможность временных срывов, частичных отступлений в реальном процессе модернизации.

9. *Модернизация — прогрессивный процесс.* Модернизация может вызывать страдания, она наносит множество глубоких травм, но в длительной перспективе это не только неизбежный, но и желанный процесс. Модернизированные системы обладают гораздо большими возможностями по сравнению с традиционными. Зло и страдания в ходе модернизации обязательно должны в конце концов окупиться, так как материальное и культурное благополучие современного общества неизмеримо выше в сравнении с традиционным [41].

По мнению А.Сю, перечисленные характерные особенности модернизационной парадигмы можно разбить на две группы, несущие, соответственно, следы эволюционизма и функционализма. Первый набор предположений взят из эволюционной теории. Согласно последней, социальные изменения однонаправлены, прогрессивны, постепенны и необратимы. Другой набор предположений, разделяемых представителями модернизационной школы, был заимствован из функционалистской теории, которая подчеркивала взаимозависимость социальных институтов, значимость типовых переменных на культурном уровне и имманентного процесса изменений через гомеостатическое равновесие.

Помимо того, что модернизационная школа разделяла тезисы эволюционного и функционалистского направления, ее представители использовали схожие методологические подходы.

Для модернизационной школы 1950–1960-х гг. была характерна тенденция проведения исследований на достаточно обобщенном и абстрактном уровне. Поскольку их целью было объяснить общие модели, универсальные тренды и наиболее общие перспективы развития для стран ТМ, постольку их не занимали уникальные случаи и исторически специфические события. Чтобы создать обобщения высокого уровня, представители модернизационного направления полагались на парсонсовские идеал-типические конструкции (например традиционные общества VS современные), которые

позволяли резюмировать их ключевые аргументы. Вследствие применения данного подхода главным итогом исследований представителей рассматриваемой школы стало индексирование особенностей дихотомических идеальных типов.

Как отмечает Д.Тиглис, масштаб национального государства имеет критическое теоретическое значение для представителей модернизационной перспективы, даже если это и не осознается ими в полной мере. Но это может быть концептуализировано: индустриализация или структурная дифференциация, любой subprocess модернизации обычно рассматриваются как источники изменений на национальном уровне [42]. Таким образом, теории модернизации преимущественно были ориентированы на объяснение процессов трансформации наций-государств.

КРИТИКА ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В 1960-е гг. школа модернизации подверглась критике с разных точек зрения, как с позиций представителей основного течения западной академической науки, так и со стороны левых, в том числе марксистских, направлений [43]. Сделанные замечания в первую очередь касались эволюционистских и функционалистских допущений сторонников школы модернизации.

Возражение вызвало предположение об однонаправленном характере развития. Почему традиционные общества ТМ должны двигаться по пути, проложенному странами Запада? Согласно критикам, этот элемент модернизационной парадигмы возник в результате того, что большинство исследователей, работавших в ее рамках, — американцы или европейцы. Родившиеся или выросшие на Западе, они верили, что их собственные культурные ценности наиболее естественные и самые лучшие в мире. Поэтому, считая, что западные страны представляют будущее для немодернизированных обществ, сторонники модернизационной перспективы полагали, что традиционные системы должны продвигаться в сторону западной модели развития. Оппоненты охарактеризовали эту веру в западное превосходство «этноцентризмом». Почему западные страны, задавали они вопрос, помещаются на вершине эволюционного пути и маркируются как «развитые» или «современные», в то время как страны ТМ располагаются ближе к нижнему концу принятой шкалы и именуются «примитивными» или «традиционными» обществами? Оппоненты утверждали, что понятия «развитый», «современный», «традиционный», «примитивный» — элементарные идеологические ярлыки, используемые для оправдания превосходства Запада.

Далее прозвучало замечание, что вера в однонаправленное развитие привела к игнорированию альтернативных путей развития традиционных сообществ. Поскольку сторонники модернизационной перспективы видели в качестве финальной ступени эволюции лишь западную модель, они практически вынесли за скобки возможность для стран ТМ выбирать другие маршруты развития. Рассуждали так: если США имеют демократические институты, значит, демократия является главным компонентом современного общественного устройства. При этом даже не ставился вопрос о возможностях успешного экономического развития вне демократического институционального контекста. Между тем историческая ре-

альность демонстрировала такие возможности (например авторитарные модели развития Тайваня или Южной Кореи).

Критики обвиняли модернизационную школу в чрезмерном оптимизме. Сторонники модернизационного подхода, по их мнению, ошибочно полагали, что посылку Запад стал развитым, то и страны ТМ в состоянии пройти тот же путь. Исследователи не изучали серьезно возможность «неразвития». Многие критики утверждали, что перспективы стран ТМ крайне неопределенны, что существует реальная опасность слома, сворачивания модернизации, например в Эфиопии, где люди столкнулись с проблемой голода, а нация оказалась на грани вымирания. Оппоненты утверждали, что за последнее столетие положение многих стран ТМ ухудшилось. Атаке также подверглось функционалистское предположение о несовместимости традиции и современности.

Во-первых, задавался вопрос, что же все таки представляет из себя традиция на самом деле? Справедливо ли утверждение, согласно которому традиционные сообщества имеют набор однородных и гармоничных ценностей? По мнению критиков, напротив, немодернизированные социальные системы имели гетерогенные ценностные структуры. Так, Р.Редфилд предложил различать «большую» (ценности элиты) и «малую» (ценности масс) традиции. Элита может высоко оценивать поэзию, живопись, танцы, охоту, отдых, философию, в то время как для низов наиболее значимы трудолюбие, бережливость и т.д. По мнению Редфилда, эти две традиции имеют существенные различия: если «большая традиция» культивируется в школах и храмах, то «малая» вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных в их деревенских общинах; если первая культивируется и наследуется сознательно, то вторая скорее принимается как данность и в слабой степени подвергается анализу или совершенствованию. Вместе с тем, Р.Редфилд отметил взаимодействие и взаимозависимость, существующие между «большой» и «малой» традициями: «Большую и малую традиции можно представить в виде двух потоков мысли и действия, отличных друг от друга и вместе с тем впадающих один в другой и вытекающих один из другого» [44].

Более того, было отмечено, что доиндустриальные общества характеризуются не только культурной неоднородностью, но и конфликтностью культурных систем. Функционалисты в общем придерживались ошибочной концепции, что общества прошлого были мирными и стабильными. В действительности, как оказалось при более внимательном изучении, они постоянно сотрясались крестьянскими восстаниями, национальными движениями, религиозными войнами.

Во-вторых, критиками теорий модернизации был поставлен вопрос, а действительно ли традиционные и модернистские ценности являются взаимоисключающими? Конкретный эмпирический анализ показал, что в традиционных обществах обнаруживается множество элементов, которые вполне можно отнести (или интерпретировать) к модернистским. Так, в традиционном китайском обществе (с его партикуляристской припиской к статусу) существовала безличностная система экзаменов для чиновников, ориентированная не на традиционную статусную идентификацию, а на универалистский принцип «достижения». С другой стороны, критики обратили внимание на то обстоятельство, что традиционные ценности и структуры сохраняются и в модернизированных обществах (например, партикуляристские

ценности — этнические или половозрастные идентификации — невозможно элиминировать из процесса рекрутирования и продвижения персонала в современных бюрократических структурах). Следовательно, похоже, что традиционные и современные ценности всегда сосуществовали и будут сосуществовать в будущем.

В-третьих, был поставлен под сомнение тезис классической школы модернизации о том, что традиционные ценности всегда являлись препятствием в контексте процессов развития и что, соответственно, необходимо элиминировать традиционные ценности, чтобы содействовать модернизации. Как отметили некоторые критики, сами традиционные ценности могут порой быть в высшей степени полезными и конструктивными в процессе модернизации. Так, например, в Японии традиционная ценность «преданности императору» легко трансформировалась в «преданность фирме», что способствовало стабильности трудовых коллективов и росту производительности труда. Успехам ранней индустриализации в Японии способствовала сохранившаяся в основном традиционная семейная система, в частности подчинение власти отца.

В конце концов, оппоненты задавали вопрос, а может ли модернизация целиком заменить традиционные ценности? По их мнению, традиционные ценности всегда будут присутствовать в процессе модернизации. Согласно теории культурного лага (В.Огборн), традиционные ценности будут существовать достаточно длительное время, даже если исчезнут первичные условия, которые в свое время вызвали их появление. Не только невозможна простая, односторонняя замена традиционных ценностей, но и традиционные ценности призваны оставаться и воздействовать на развитие современных ценностей. Например, сильная вера китайцев в собственную медицину повлияла на формы восприятия ими западной медицины: китаец может выпить вечером травяной отвар, приняв утром таблетку аспирина. Более того, даже в тех случаях, когда кажется, что традиционные ценности уже ликвидированы, они могут позднее возродиться и оказывать воздействие на процесс развития. Традиционные ценности нередко вновь вызываются к жизни в критические поворотные моменты процесса модернизации. Во время движения за национальную независимость, например, традиционные ценности, такие, как народная религия, народные песни, родной язык, зачастую используются для объединения нации в целое. Поэтому, традиционные ценности никогда не умрут [45].

Согласно критикам, представители модернизационной перспективы формулировали свои аргументы на таком высоком уровне абстракции, что сложно было понять, какую страну и какой исторический период они обсуждают. Например, при рассмотрении типовых переменных (партикуляризм, приписка, коллективизм, диффузность, аффективные ценности) не было ясности, какая страна имеется в виду. Также обычно не было понятно, какой исторический период изучается — XVII, XVIII, XIX или XX в. Исследования в рамках модернизационной парадигмы велись на таком высоком уровне обобщения, что их утверждения обычно выходили за рамки времени и пространства. Критики утверждали, что школе модернизации не хватает историзма, исторических исследований ситуаций до и после начала модернизации. Сторонники изучаемой школы обычно предпринимали

кросс-национальные исследования на какой-то определенный момент времени вместо того, чтобы рассматривать динамику процессов.

Помимо академической, модернизационная школа стала объектом политической и идеологической критики со стороны неомарксистов. С точки зрения последних, модернизационная перспектива являлась идеологией холодной войны, которая использовалась для оправдания вмешательства США в дела стран ТМ. Кроме того, модернизационная школа подвергалась критике за игнорирование фактора внешнего доминирования. Фокусируя внимание на внутренних особенностях, таких, как традиционные ценности и недостаток производственных инвестиций, сторонники модернизационной парадигмы не уделяли должного внимания внешней динамике, например истории колониализма и неоколониализма, контроля мульти-национальных корпораций над экономикой стран ТМ, природе международных систем. В то время как модернисты полагали, что развивающиеся страны уже получили политическую автономию после ликвидации формальной колониальной зависимости, неомарксисты утверждали, что эти страны до сих пор политически, экономически и культурно зависят от Запада.

Таким образом, академическая и политическая критика обратила внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной школы. Модернизационный анализ обвиняли в западно-центризме, упрощенчестве, наивном эволюционизме, дихотомическом — примитивном — видении проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity», «консервативной» приверженности парсонсовскому «функционализму», неспособному объяснять реальные социальные сдвиги.

В разгар теоретических дискуссий конца 1960-х гг. модернизационная школа в общем вела себя оборонительно и уделяла мало внимания содержательной стороне критики. Однако как только страсти улеглись, в конце 1970-х гг. сторонники модернизационной перспективы стали относиться к критике более серьезно. Школа модифицировала ряд собственных базовых принципов и начала серию оригинальных исследований, которые, по выражению Алвина Соу, можно квалифицировать как «новые модернизационные штудии».

ИЗУЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОСТКРИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

К концу 1970-х гг., когда накал критики в адрес модернизационной школы несколько спал, началось возрождение модернизационных исследований. Как и классические модернизационные штудии, эти новые исследования также фокусировали внимание на проблемах эволюции развивающихся стран. Анализ велся преимущественно на национальном уровне с целью объяснить процесс развития через действие внутренних факторов, таких, как культурные ценности и социальные институты. Новые модернизационные штудии использовали терминологию, во многом унаследованную от классических работ, выполненных в рамках школы модернизации («традиция» и «современность», например). В целом

ним также присуще убеждение, что модернизация (и контакт с Западом) благотворны для традиционных сообществ.

Однако существуют и серьезные различия между классическими и новыми исследованиями. Представители обновленной школы занимают скорее наступательные позиции. С одной стороны, они отражают нападки марксистских критиков, обвиняя последних в искажении собственных аргументов и маркируя их как пропагандистов. С другой стороны, они беспристрастно пересматривают базовые положения собственной школы, сами занимаются собственной «домашней» критикой и без колебаний убирают некоторые сомнительные допущения классической школы. Поэтому новая волна модернизационных исследований несколько отличается от классических штудий по ряду параметров.

Социокультурные компоненты всегда занимали важное место в интерпретациях действительности, которые создавались в лоне теорий модернизации. Более того, пересмотр, переоценка места и значения социокультурных факторов в процессе перехода от традиционного к современному обществу оказывали решающее воздействие на характер эволюции самой модернизационной перспективы. Последняя от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции перешла к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций в ходе модернизационного перехода. Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную культурную окраску). Традиция и современность уже не рассматриваются как взаимоисключающие концепты. В исследованиях 1970–1980-х гг. традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой. Вместо прежнего третирования традиций как препятствий для модернизации исследователи делают попытку рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность).

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. История возвращается, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования стали дополняться компаративной перспективой: например, исследование того, почему один и тот же институт играет различные роли в разных странах.

Большее чем прежде внимание стало уделяться внешним, международным, факторам. Хотя фокус исследований по-прежнему направлен на внутренние факторы модернизации, ученые не отрицают роли, которую играют внешние факторы в модификации процессов развития. К тому же гораздо больше места отводится феномену конфликтов. Нередко такие факторы, как классовый конфликт, идеологическое доминирование, религиозные революции, инкорпорируются

в новые штудии. Усовершенствованная методология в полной мере отразилась на исследованиях С.Хантингтона, С.-Л.Вонга, У.Дэйвиса [46].

Используя новые понятия, такие, как семейное предпринимательство, теория баррикад, исламское возрождение, исследователи приблизились к пониманию того, что такое традиция, как она взаимодействует с западными силами и какую роль играет в процессе модернизации. В то время, как классическая модернизационная школа фокусировала внимание на негативной роли традиций, новая модернизационная школа обнаружила запутанный клубок взаимоотношений между традицией и современностью. Так, Вонг показал, что патриархальный менеджмент, nepотизм, семейная форма собственности способствовали экономическому развитию Гонконга. Дэйвис доказывает, что в рамках японской промышленности происходит передача традиционной религиозной трудовой этики через систему церемоний посвящения, учебных занятий, «духовного образования».

Современные исследования отличаются более историческим подходом. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты используют ее для объяснения уникальных конкретных ситуаций. Например, Вонг приходит к выводу, что его открытие «гонконгской» семейственности (familism) может оказаться неприменимым к другим территориям (например континентальному Китаю, Корее или Японии). Дэйвис заново прочитывает религиозную историю Японии, подчеркивая, что народная религия и магия могут продолжить существование и взаимодействовать с современным индустриализмом.

Как уже отмечалось, существенное влияние на динамику исследований модернизации оказали мощные социальные трансформации конца 1980—1990-х гг. сами ставшие объектом пристального внимания сторонников модернизационной перспективы и давшие многочисленные поводы для дальнейшей корректировки теории. При этом интерес ученых не ограничивается периодом собственно реформ (приблизительно с 1989 г.), но распространяется и на предшествующую эпоху. Внутри последней, по мнению проф. Эдварда Тириакаяна, существенное внимание следует уделить таким «модернизационным» проблемам, как строительство и распад социалистического общества, формы уклонения от властного контроля в повседневной жизни, появление стратификации в идеологически эгалитарном обществе, поддержание социокультурной идентичности перед лицом массовой «советизации» и т.д.

Как считает Э.Тириакаян, сдвиги, охватившие современный мир, лишь частично вызваны экзогенными причинами; в значительной степени они обусловлены взаимодействием между эндогенными экономическими, политическими и культурными факторами. Именно это обстоятельство объясняет ренессанс теории модернизации и надежды на возможность ее плодотворного применения для объяснения сложных социальных изменений в странах ЦВЕ.

Трансформация стран бывшего социалистического лагеря потребовала дальнейшего развития модернизационной перспективы. При этом, как и прежде, переосмысление модернизационного комплекса продвигалось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы, а также эволюции от высокого уровня абстракции к эмпирическим исследованиям. Так, П.Штомпка и К.Мюллер подчеркивают необходимость корректировки

парадигмы, освобождения ее от различных форм историцизма и эволюционизма. К.Мюллер высоко оценивает эвристическое значение теории modernity Т.Парсонса и считает, что модернизационная перспектива в новом прочтении в состоянии обеспечить исследователей важными ориентирами для систематического построения новой теории социальных изменений. Однако К.Мюллер выступает против возрождения прямолинейной эволюционной логики modernity, развивавшейся, в частности, немецкими неопарсонянами в 1980-е гг. («неофункционализм») [47]. Кроме того, Мюллер подчеркивает необходимость внимательного изучения конкретной «исторической констелляции», в рамках которой разворачивается социально-экономическая трансформация.

Тириакиан определяет новейшую, скорректированную им версию теории модернизации как «неомодернизационный анализ». Его подход имеет множество точек соприкосновения с теоретическим направлением, получившим наименование «социальное становление», которое развивает Петр Штомпка. Последний предлагает вместо прежних грандиозных исторических схем эволюционизма и материализма методологию анализа пространственно и темпорально ограниченных изменений в современном обществе. Как подчеркивает Б.Гранцелли, «неомодернизационный анализ» Э.Тириакиана и теоретическая перспектива П.Штомпки во многом дополняют друг друга; при этом оба направления имеют общую теоретическую базу — опираются на теорию действия и историческую социологию. Если Штомпка подчеркивает роль «неуловимых и не поддающихся учету» переменных в процессе социокультурных изменений, то Тириакиан признает, что общества и группы акторов ищут новые линии развития, которые соответствуют целям и ценностям, определяющим их пространственно-временной горизонт. Кроме того, он указывает, что успех модернизации находится в зависимости от степени гармонизации ценностей и приоритетов с теми ограниченными ресурсами, которыми располагает общество.

В том же направлении, что и вышеперечисленные исследователи, развивает теорию модернизации К.Мюллер. По его мнению, преимуществом теории модернизации является то, что она эластична к внутренним трудностям социально-экономической трансформации Восточной Европы, а не к второстепенной проблеме импорта постсоциалистическими странами западных институтов с целью стимулирования «догоняющей модернизации». Функциональной дифференциации и анонимной логике эволюционизма Мюллер противопоставляет подход, который фокусируется на таких факторах, как историческая случайность, границы и возможности инновационной деятельности, средовые ограничения, динамика интер-социальных отношений и социально-политические движения [48].

«Неомодернизационная аналитическая» ориентация прослеживается также в работах других авторов, которые воплощают как бы разные углы зрения на проблематику развития [49].

Э.Тириакиан попытался детализировать «систему отнесения» («frame of reference»; термин Т.Парсонса), необходимую для обеспечения взаимодействия теории («неомодернизационный анализ») и анализа. По его мнению, в данную систему необходимо внести следующие главные компоненты:

— социальные акторы (коллективы или индивиды) всегда обладают возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства. Метатеоретическое основание данного утверждения сформулировано Т. Парсонсом в его «волюгаристской теории действия», феноменологической базой которой является представление о том, что все социальные действия являются ответами актора на ситуацию «пробывания в ситуации» («being-in-a-situation»). По мнению Э. Тириакаяна, данное основание обеспечивает более адекватное «микромикро» сцепление по сравнению, например, с неоутилитарными моделями, такими, как перспектива «рационального выбора»;

— общество (как группа акторов) стремится выстраивать новые линии развития, которые должны гармонировать с целями и ценностями, формирующими пространственно-временной горизонт этих акторов. При этом успех модернизации находится в прямой зависимости от того, насколько коллективные решения и свершения будут соответствовать коллективной траектории, преследуемой обществом. Как отмечает Тириакаян, дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, с одной стороны, и наличным ресурсами, с другой, может создавать проблемы в процессе модернизации;

— модернизация не может интерпретироваться как единый процесс системной трансформации и/или всеобщего продуктивного подъема. В конкретном обществе отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации. Некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка. Наконец, отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства);

— в свете новых исторических реалий Э. Тириакаян предлагает пересмотреть ряд идей Просвещения, прочно вошедших в идеологию modernity. По его мнению, необходимо подвергнуть ревизии представления о роли религии (институционализируемая церковь или маргинальная секта) в процессе модернизации. Эта роль бывает весьма значительной. Религия может выполнять функцию легитимизации и мобилизации масс на свершения. Она же обеспечивает делегитимизацию неэффективного или оскорбительного политического строя и стимулирует сопротивление авторитарным или тоталитарным режимам. Тириакаян ссылается на процессы в Польше, Никарагуа, Иране, Чили, на Филиппинах и в других странах на протяжении последних 15 лет или около того, которые, по его мнению, подтверждают потенциальную и актуальную роль религии как «рычага социальных изменений»;

— процессы модернизации требуют кратковременных издержек и даже жертв, что влечет лишения и испытания для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия абсолютно всем. Однако, по мнению Тириакаяна, критерием успешной модернизации должно являться, в конечном итоге, улучшение условий жизни и обеспечение возможностей преодоления проблем для большего числа акторов, нежели накануне процесса модернизации;

— процессы модернизации по мере их исторического развертывания способны адаптироваться к разнообразным контекстам, поэтому они могут в одно и то же

время осуществляться как в одной стране, так и в кластере стран. Поэтому, утверждает Тириакия, не существует какого-то фиксированного «центра modernity», напротив, возможно существование нескольких «эпицентров» модернизации, число которых может пополняться. В работе 1985 г. Э.Тириакия пишет о перемещении центра модернизации в Восточную Азию [50];

— модернизация не может трактоваться как непрерывный процесс, даже если конкретным обществом пройдена стадия «взлета» («take-off»). Э.Тириакия подчеркивает необходимость более внимательного — теоретического и эмпирического — отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса. Как пишет Э.Тириакия, «существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления». Такие периоды кажущейся неактивности могут быть эпохами упадка (например последовавший после грандиозного взлета период стагнации в истории Нидерландов в XVIII в.) или медленного скрытого вызревания инноваций и новой ментальности, еще не проникших в официальный институциональный порядок и властные структуры [51].

Обосновывая релевантность «неомодернизационного анализа» как методологического инструмента для изучения современных процессов в ЦВЕ, Э.Тириакия утверждает, что после 1989 г. страны данного региона оказались в положении «новых наций», аналогичном положению молодых государств, образовавшихся в середине XX столетия после крушения западных колониальных империй. По мнению Тириакия, эта позиция характеризуется наличием свободы выбора дальнейшего пути развития. Однако, как и перед молодыми нациями в середине века, перед странами ЦВЕ сегодня маячит и опасность скатывания к «трайбализму» и авторитарным формам правления.

Сторонники новой версии теории модернизации (Э.Тириакия, П.Штомпка) указывают на ряд препятствий, которые могут помешать процессу модернизации. Это коллективная ментальность, сформировавшаяся в условиях прежнего авторитарного правления при отсутствии гражданского общества, способного поддерживать свободу выражения и индивидуальную ответственность. Другим препятствием могут стать социальные проблемы (в частности безработица), неизбежные в условиях реструктуризации пост-социалистических предприятий. В свою очередь, эти социальные травмы повышают привлекательность социал-демократических, коммунистических партий. Согласно Тириакию, это отнюдь не означает возврата к авторитарному коммунистическому управлению или волны «анти-модернизма». Скорее подобные сдвиги можно рассматривать как аспект модернизации, кстати уже пережитый западными странами в прошлом веке и приведший к формированию политик достижения благосостояния в индустриально развитых странах. Однако, продолжает Тириакия, реакция против либерализации может привести к власти элиты, идеология которых оформилась в эпоху господства авторитарных режимов, что может сопровождаться реставрацией старой системы власти и привилегий и, конечно же, задержит формирование нового

поколения менеджеров, восприимчивых к экономическим и институциональным инновациям.

Как и во многих развивающихся обществах, в постсоциалистических странах на повестке дня стоит проблема недостатка социально ответственных предпринимателей. По мнению Тириакиана, эта проблема обусловлена двумя причинами: во-первых, продолжавшейся на протяжении более чем половины столетия политикой опорочения духа предпринимательства, стремления к получению прибыли, готовности к предпринимательскому риску; во-вторых, приблизительно такой по длительности традицией бюрократической коррупции и антизаконности, которая содействовала формированию теневой экономики в социалистических странах.

Тириакиан отмечает, что существует множество путей движения к *modernity*. В связи с этим задачей элит в пост-социалистических обществах является выбор таких моделей модернизации, которые оптимальны для развития различных институтов. Автор подчеркивает, что успех модернизации во многом будет зависеть от степени корреспонденции между моделями модернизации и национальными традициями и устремлениями, а также от того, удастся ли достичь национального консенсуса в сложных условиях реконструкции общества [52].

Итак, модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма в 1950–1960-е гг., прошла длительный путь эволюции, в ходе которого она подвергалась значительному усовершенствованию. Модернизационная перспектива — пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание. Пересматривались как методология исследования, так и теоретические основы данного научного направления, что в конце концов способствовало превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 10–11.
2. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
3. Idem. *Tradition, Change, and Modernity*. N.Y.: Wiley, 1973.

4. Idem. *Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations.* N.Y.; London, 1978.
5. *Patterns of Modernity.* Ed. by S.N.Eisenstadt. London, 1987. Vol. I: *The West*; Vol. II: *Beyond the West*.
6. Eisenstadt S.N. *The Political Systems of Empires.* N.Y.: Free Press, 1963.
7. *Modernization: The Dynamics of Growth.* N.Y.; London: Basic Books Inc., 1966.
8. Apter D. *The Politics of Modernization.* Chicago; London, 1965.
9. Idem. *Rethinking Development: Modernization, Dependency, and Postmodern Politics.* Newbury Park: Sage Publications (Calif.), 1987.
10. Black C. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History.* N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
11. *Comparative Modernization: A Reader.* Ed. by C.E.Black. N.Y.; London, 1976.
12. *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences.* Ed. by E.Etzioni-Halevi and A.Etzioni. N.Y.; 1973.
13. Almond G.A., Coleman J.S. *The Politics of Developing Areas.* Princeton: Princeton University Press, 1960.
14. Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). *Political Development and Social Change.* N.Y.; London; Sydney, 1966.
15. Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East.* N. Y.; London. 1965.
16. Ibid. P. 47.
17. Rogger H. *Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881–1917.* London, 1983; Pearson R. *The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917.* London, 1977; Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 20–36; Laue Th.H. von. *Sergei Witte and the Industrialization of Russia.* N.Y., 1974; Mosse W.E. *Alexander II and the Modernization of Russia.* London, 1992; Blackwell W.L. *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800–1860.* N.Y.; 1968; Idem. *The Industrialization of Russia: An Historical Perspective.* Davidson Illinois (Ill.), 1982; Gattrell P. *The Tsarist Economy, 1850–1917.* London, 1986; *Aspects of Late Tsarist Russia.* Nottingham, 1980; Geyer D. *Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914;* Malloy J.A. *The Zemstvo reform of 1864: Its Historical Background and Significance in Tsarist Russia.* Ann Arbor, 1980; Hudson H.D. *The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the 18th Century.* Newtonville, 1986.
18. *From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR.* Ed. by R.W.Davies. Birmingham, 1990; *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945.* Ed. by R.W.Davies, M.Harrison, S.G.Wheatcroft. Cambridge, 1994; *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union / Guroff Gregory and Fred Carstensen (eds.).* Princeton, N.Y.; 1983.
19. See: Black C. *The Dynamics of Modernization...* P. 186–199.
20. Andorka R. *The Socialist System and its Collapse in Hungary: An Interpretation in Terms of Modernization Theory // International Sociology. 8 (September 1993).* P. 317–337.
21. Поляков Л.В. *Методология исследования российской модернизации // Полис, 1997. № 3. С. 6; Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность, 1998. № 4. С. 127.*
22. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.,*

1998; Он же. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56; Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Там же. С. 3–39; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Модернизация и национальная культура. М., 1995; Новая Россия на пути к общему дому: Западные модели развития и общегуманные ценности в контексте российской истории и социально-экономических преобразований в современной России // Новый мир, 1994. № 1; Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии, 1994. № 11. С. 3–18; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис, 1998. № 2. С. 39–51; Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии, 1998. № 7. С. 3–14; Ерасов Б.С. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность, 1995. № 2; Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997; Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. Afro-азиатские общества: история и современность, 1998. № 4. С. 25–37; Она же. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Она же. Модернизация и хозяйственная культура (концепция М. Вебера и современные теории развития) // Социс, 1997. № 4. С. 46–54; Она же. Самобытный вариант модернизации // Социс, 1995. № 3; Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. М., 1991; Размышления о японской истории. М., 1996; Японский феномен. М., 1996; Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997; Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М., 1997; Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Ивановский Э.В. Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М., 1997; Критический анализ буржуазных теорий модернизации: Сб. обзоров. М., 1985.

23. Almond G. The Development of Political Development // Understanding Political Development. Boston: Little, Brown, 1987. P. 437.

24. Tipps D.C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective // Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. N. Y.; London, 1976. P. 62–64.

25. So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 17–18, 36–37.

26. Nettl J.P., Robertson R. International Systems and the Modernization of Societies: The Formation of National Goals and Attitudes. N.Y.; Basic Books, 1968.

27. Robertson R. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N.Y.; De Gruyter, 1995. P. 218.

28. Grancelli B. Who Should Learn What? // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N.Y.; De Gruyter, 1995. P. 25.

29. Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader... . P. 32–33.
30. Ibid. P. 27–28.
31. Nisbet R. Social Change and History: Aspects of the Western Theory of Development. N.Y.; Oxford University Press, 1969.
32. Tipps D.C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective... . P. 63–64; So A.Y. Social Change and Development... . P. 66–70.
33. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 67.
34. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Изд-во Казанского ун-та, 1997.
35. Grancelli B. Who Should Learn... .
36. Huntington S.P. The Change to Change... . P. 28; Ковалев А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. Т. 3. М., 1998. С. 176–178; Юонди А.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 37–39; Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь... С. 212–214.
37. Sutton F.X. Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader. Ed. by H. Eckstein and D. Apter. N.Y.; 1963. P. 67.
38. Lerner D. The Passing of Traditional Society... . P. 438.
39. Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Readings on Social Change. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 207.
40. Black C. The Dynamics of Modernization... . P. 155, 174.
41. Huntington S.P. The Change to Change... . P. 30–31.
42. Tipps D.C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective... . P. 62–88.
43. Bendix R. Industrialization, Ideologies, and Social Structure // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by E. Etzioni-Halevi and A. Etzioni. N.Y.; 1973. P. 310–319; Eisenstadt S.N. Breakdowns of Political Modernization // Ibid. P. 320–332; Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Mislabeled Polarities in the Study of Social Change // Ibid. P. 333–341; Huntington S. The Change to Change... . P. 25–61; Tipps D. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies... . P. 62–88; Desai A.R. Need for Reevaluation of the Concept // Comparative Modernization: A Reader... . P. 89–103; So A.Y. Social Change and Development... . P. 53–59; Harrison D. The Sociology of Modernization @ Development. London: Unwin Human, 1988; Shils E.A. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия... С. 10–15.
44. Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1965; Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 200–201.
45. Более подробно проблема места традиции в контексте модернизации разбирается в статье: Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 10–26.
46. Wong Siu-Lun. The Applicability of Asian Family Values to Other ociocultural Settings // P.L. Berger and Hsin-Huang Michael Hsiao (eds.). In Search of an East Asian Development Model. New Brunswick, NJ: Transaction, 1988. P. 134–154; Davis W. Religion and Development: Weber and East Asia Experience // M. Weiner and Samuel Huntington (eds.). Understanding Political Development. Boston: Little, Brown, 1987. P. 221–279.
47. Luhman N. The Differentiation of Society. N.Y.; Columbia University Press, 1982; Idem. The direction of evolution // Haferkamp H., Smelser N.J. (eds.). Social Change and Modernity. Berkeley: University of California Press, 1992.

48. Tiryakian E. The changing centers of modernity // Cohen E., Lissak M., Almager U. (eds.) *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel Eisenstadt*. Boulder: Westview Press, 1985; Idem. *Modernization: Exhumer in peace (Rethinking macrosociology in the 1990s)* // *International Sociology*. 1991. № 2. P. 165–180; Sztompka P. *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. Cambridge: Polity Press, 1991; Idem. *The Sociology of Social Change*. Oxford: Blackwell, 1994; Müller K. «Modernizing» Eastern Europe. Theoretical problems and political dilemmas // *Archives Européennes de Sociologie*. 1992. № 1. P. 109–150.

49. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London and Newbury Park, CA: Sage, 1992; Berger J. *After the Victory of the West: Theories of Modernization Revisited* // Annual meeting of the American Sociological Association. Pittsburgh, August 1992; Zapf W. (ed.). *Die Modernisierung moderner Gesellschaften. Verhandlungen des 25. Deutschen Soziologentages in Frankfurt am Main*. Frankfurt: Campus, 1990; Crook S., Patulski J., Waters M. *Postmodernization. Change in Advanced Society*. Newbury Park, CA: Sage, 1992; Цалф В. Теория модернизации и различные путей общественного развития // *Социс*, 1998. № 8. С. 14–26.

50. Tiryakian E. *The Changing Centers of Modernity* // Cohen E., Lissak M., Almager U. (eds.) *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt*. Boulder, CO: Westview Press, 1985. P. 131–147.

51. Tiryakian E. *Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe* // Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization...* P. 254–256.

52. Tiryakian E. *Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe* // Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization...* P. 249–264; Müller K. *From Post-Communism to Post-Modernity? Economy and Society in Eastern European Transformations* // *Ibid.* P. 267–293.

MODERNIZATION SCHOOL: EVOLUTION OF THEORETICAL FOUNDATIONS

The article deals with political and theoretical preconditions having influenced the origins of modernization perspective. Special focus has been made on the influence of evolutionism and functionalism upon elaborating modernization paradigm. The evolution of theoretical & methodological views inherent to supporters of the modernization school has been analysed as influenced by both the academic and ideological critics. Among the most characteristic features of evolving the modernization school, the following is distinguished by the authors: 1) reconsideration of both the role and the rank of traditional socio-cultural and institutional context of modernization towards attaching the greater importance to it as compared with the earlier conceptual schemes; 2) transition from rather abstract theory to examining the concrete situations; 3) heightened attention paid to conflicts in the course of modernization as well as to influences of external, or exogenous, factors upon the entire process; 4) incorporation of the factor of historical fortuity in the theoretical model; 5) the accent on the cyclic nature of the modernization process. Among the authors' findings, principal directions of applying the modernization theory are displayed as concerns studying the process of transition from traditional society towards the modern one.

V.V.Alexeyev, I.V.Poberezhnikov

MODERNIZATION AND LOSS OF GOVERNABILITY. EUROPEAN TRENDS IN STATE DEVELOPMENT IN THE 20th CENTURY

Introduction

States in Europe have never earlier been so well equipped with agencies for the implementation of policies as they are in the twentieth century. Bureaucracies have grown, or «swelled» as some would prefer to say. Administrations have become as central to the concept of «state» as parliaments or governments. It is unthinkable in the late twentieth century that any modern state could manage without a well developed administrative apparatus.

The growth of administrations in the sense of personnel in specific positions for the handling of management of manpower resources and economy is, thus, one very typical trend of twentieth century state development in Europe. Bureaucratization is no new phenomenon, but it has gone into new phases in this century and has taken on new forms. There are good reasons to regard it as one of the main trends in state development in the last hundred years.

It would seem that an increase in the means at the disposal of governments for the implementation of policies of their choice would mean that the power of the state and of its political leadership should also have become strengthened. Two other trends to the opposite effect then must be pointed out. One has to do with historical circumstances in a specific set of states, the «socialist states» which were all created in the twentieth century. The two phases of their creation, after World War I and after World War II, made them different from each other, the later creations more or less copies of the Soviet Union, the only independent socialist state in Europe that remained over decades after World War I. The socialist states from both phases were strongly centralized states, where the state apparatus — the political centre and its organs for implementation — had veritable autocratic features. The more remarkable is the transformation from the inside of these states in the period from the middle of the nineteen-eighties. It meant a reallocation of power in society and state.

The third trend that will be noted and analyzed here is the trend toward a loss of governability that is noticeable in the states of West Europe in the period from at least the nineteen-seventies and onward. Strong governments will keep the power in their hands, but governments in West Europe have not been able to master the situation in the last decades. Bureaucracies and non-governmental organizations (NGOs) and local authorities have combined to form their own initiatives in political matters and the authority of the state has been hollowed out. Time and again it has seemed that the political centre in some of the most important states of West Europe has not only realized the serious character of this change but has also managed to get a hold of the situation, but their initiatives to take the lead in the development of society have not led to long-term changes and a reverse of the trend as far as one can judge at present.

These three trends — bureaucratization, self-transformation and loss of governability — will be discussed in the following. It should be noted that self-transformation and

loss of governability have been in one way complementary developments in East and West Europe. They have not been of the same character — there are several important differences between them — but partly they have led to the same effects. The political centre has lost power and power resources have been gained by organizations which are not in themselves political bodies, state organizations as well as organizations in the private sector. The question how political democracy has been affected by these trends is, thus, an important aspect.

Bureaucratization as modernization

Bureaucratization is used here as a concept denoting a social process, where power is either transferred to bureaucratic bodies or growing in such bodies in order to create domination and contribute to the governance of the society and its economy [1]. Bureaucracies are instruments of power, and they are conglomerates of power of different sources. Bureaucracies are then understood as bodies which handle material resources and manpower and are organized in hierarchical forms. Such administration takes place both in the private and in the public sector. While bureaucracy is certainly a concept with a direct empirical reference, bureaucratization is obviously a theoretical concept. There are theories of bureaucratization, most important Max Weber's theory, and there is in my use of the concept a reference to this theory with its emphasis on the rationalization process, where bureaucratization is a means to the realization of the rationalization process.

Social power stems from different sources. Violence, knowledge, capital, co-operation and media may be seen as such sources [2]. The sources of power may then be organized in different forms and bureaucracies have shown to be able to incorporate social power of different sources.

Bureaucracies are well-known for having an in-built propensity to expand, and the theoretical basis of their expansion is the incorporation of new types of power in them. Sometimes these are new types of socially organized power of the same origin as already at hand in the bureaucratic body, sometimes it is the incorporation of power stemming from a source that has not previously found its organization there.

Bureaucratization: the Process in the Late 19th c. Ruling with the help of bureaucratic bodies is by no means an innovation of the 19th century. Administration has been at hand, of course, almost since times immemorial, but administration in the form of hierarchical bodies, which are responsible for the political authority in the form of a person or parliament, is something of much later origin. Weber's conception of patriarchal and patrimonial government makes clear, that there have been different ways to evade the formation of bureaucracies. Hierarchical administrations, that is bureaucracies, which have their political mandators, have had a long existence in some countries in the world, and it would seem that China may have the priority, if not ancient Egypt.

Here is not the place to trace the origins. It should be noted, however, that there were bureaucratic organizations in different states of the world, and that they were invariably the instruments of the state. Private organizations with bureaucratic organizations may have been fragmentarily at hand in the feudal societies (even if it is much more difficult to draw the line between private and public in such societies

where even the sub-sub-lord exerted some sort of derived state authority). In the 17th and 18th centuries, with the many large empires that existed during these centuries, a refinement of state bureaucracies took place. The Moghuls in India, for instance, used a very refined bureaucratic system, with a lot of levels and several branches [3]. In India, as well as in Japan and China, there were at this time social organizations which were in some respects similar to feudalism in Europe. No private organizations which had not derived their power from the state seem to have been at hand.

In Europe this situation changed during the 19th century. Only late in the century forms were created for a dynamic change in the private sector. Much earlier commercial houses, manufacturing shops and factories had grown up. Their owners were bred in a «classical» liberalism and they acted without special authorization by the state. There have been commercial houses also in other parts of the world encouraged by but not dependent on the state — I am here consciously evading the question of the European trade companies, which had a semi-official standing and were clearly dependent of the state. Commerce and manufacture were since long a good source of income to the state through customs and other duties. All such enterprise had a need for administration, but for a very long time this administration could be managed within the family of the owner, or with means of the combined efforts of the owners etc., so that no subordinate bureaucratic bodies were created.

One of the most important 19th century changes towards bureaucratization in Europe was the creation of bureaucratic bodies for administration of private enterprises. Their patrimonial character was evident, and the numbers of employees was limited, but bureaucracies for other purposes than to serve the state were created.

Another change within Europe came to be of great importance for the world, though it seems that this was by no means an innovation. The bureaucratic apparatus of the state was reformed in many European countries, the standing of the bureaucrats was revised and the training was formalized. This refers to France, Germany and Britain and several other countries. The power of knowledge as an instrument in bureaucracies was revitalized and recognized with a new interest, but a similar interest in the knowledge and education of bureaucrats had existed earlier in several other great powers, such as China.

A third change, and another one which had its origin earlier, was the use of a combined bureaucratic and military apparatus to control areas at a distance from the political centre. There are similarities to the Roman administration of their so-called provinces in ancient times in the new imperialism, and the Spanish empire was built on similar foundations earlier, but the bureaucratic element was certainly another. The emphasis now, in the 19th century, became bureaucratic rather than military, though it was only a military-bureaucratic combination that made this sort of government possible. The use of bureaucracies, which were responsible to political mandators of the imperialist centre, and which managed to uphold their control over vast colonies, became common to several European countries, and meant a tremendous increase in bureaucratic power in the 19th century. The heads of these administrations, though usually active earlier either as politicians or as military men, became super-bureaucrats

within the system and their bureaucratic bodies spread and exacted more and more control over the colonies.

It is important, however, to emphasize that colonial power through bureaucracies did not mean new forms of bureaucracies. The state bureaucracies had the same functions as they had earlier, though they became more professional (through the use of specialized training and the exclusion of people who did not fill these requirements [4]). The innovation of bureaucracies fell in the private sector.

Bureaucratization: Varieties of Development in the 20th c. The expansion of state bureaucracies in the 19th century is striking but the development of forms is limited, not only in Europe but in the world. The innovations that came in the private sector in the late decades of the century proved to be only the beginnings of a transformation that went far and has continued. A new interaction started between the bureaucracies of private organizations and those of the states. This interaction has in fact profoundly marked the whole society in many countries and it seems to be an ongoing process. State and society have become intertwined not least through the new roles of their bureaucracies. Bureaucratization has taken its toll.

There are at least four main varieties of the development of state-society relationships through bureaucracies. One is the use of bureaucracy as an instrument for authoritarian state power, to use Michael Mann's classification [5]. This form of rule implies a high degree of discretionary power in the centre of the system, but the system is built on a bureaucratic system. The more this system penetrates society at large, the larger are the possibilities to make the authoritarian tendencies effective. In the 20th century there have been several examples of such regimes in Latin America, a region which was for a long time known for its *coups d'état*, where rulers of despotic ambitions were gradually replaced by authoritarian bureaucratic regimes or by democratic bureaucratic regimes. Authoritarian bureaucracies have also served fascist regimes of different types in Europe. Other authoritarian bureaucracies have been formed on the basis of communism in the Soviet Union and in Eastern Europe after World War II up to the late 1980s and also in some countries both on the African continent and in Asia, but economically these have been a type of their own.

A characteristic of authoritarian states is that their bureaucracies are used in close collaboration with the violence apparatus (police and military forces). The penetration of violence into the state bureaucracy is remarkable, for in other types of state bureaucracies this is not the case. While legitimate violence in other types of governments is characterized by the absence of its use, in the authoritarian state violence is used and the use of it is «normalized» through its growing together with the bureaucracy in general. This is a similarity with the role of bureaucracy in colonies. The dissimilarity is the presence of the mandatorship in the authoritarian state. It is also an expansive form of bureaucracy, because it has to be used all over society and thus to be effective in all parts of the society. Its expansion also calls for control mechanisms and thus gives to the system a self-propelling nature.

The second type of bureaucratization through new state-society relations in the 20th century is seen in the communist states. What I am referring to is less the political party of communists than the ambition from this party to use the state to lead the total social development in all economic respects. This meant that in these

states, the so-called socialist countries in the period from 1917 to 1990, there existed no private-sector firms that could play the role of counterpart to the state in the state-society relationship. Nor could private firms have their own type of bureaucratization which could interplay with the administration of the state.

The monolithic state should not be over-emphasized, however. There existed in these states another interrelationship of vital importance for bureaucratization, the relation between party and state. This was a close relation and at the same time a dualism, which never resulted in complete growing together. Consequently, a double command structure arose, where the mandatorship was with the party rather than with the formal political organs appointed for the purpose, and this mandatorship with the party was executed through a party bureaucracy of its own, corresponding in hierarchy to the bureaucracy of the formal administration, which alone was responsible for the implementation of policies.

A third type of state-society relationship which has been important in the 20th century history is represented in the experience of the previously colonial states. The liberation from colonial rule meant not only the removal of the previous military power over society but also a new relation between bureaucracy and polity. The fates of the colonial bureaucracies was different in different countries, but either they were transformed or replaced a need for a new bureaucracy was at hand. This bureaucracy had to have a direct relation to the new mandators within the former colony. In fact this also meant that the new bureaucracies in these countries came into quite another dependence on their political masters than the former colonial bureaucrats, who had in most respects been able to disregard their mandators.

Bureaucracies of this type — like those in democracies of the European type and in one-party regimes — had a propensity to expand. On one hand the new post-colonial regimes wanted to take care of a lot of problems, which the preceding colonial governments had left without concern, which meant that new fields of policy-making were opened, and for these fields the aid of appropriate bureaucracies were needed. Social policy for poor relief and other such programs asked for investigating and implementing bureaucratic activities. Economic policy, especially as most of these countries had explicit ambitions in planning and leading the economy in certain paths, opened up for other vast needs of bureaucratic experts and helpers.

One characteristic of this kind of bureaucratization ought to be noted. The new bureaucracies (replaced or transformed) in previous colonies often were working under political pressure in their new polity-relationship and thus became heavily politicized, or were suspected of being the instruments of the ruling party by those who were not its sympathizers. Politicization of bureaucracies thus became a major theme of the debate, whenever debate was allowed in these countries.

A fourth type of state-society relationship through bureaucracies is the one which took place in the West European democracies in the 20th century. There the initiative to the bureaucratizing development at the turn of the century came from the private sector. Not only had the managerial revolution and the transformation of production through the «second industrial revolution» brought engineers and other salaried employees into new bureaucracies of the industrial firms, but the firms had formed federations of organizations with bureaucracies of their own, and the new era of co-operative

power in the private sector had begun. Trade unions followed suit later and other voluntary associations gradually also acquired a bureaucratic layer.

The engineers represented a new profession in the bureaucratic environment. Social workers later — with the rise of the welfare policy after World War II — joined their ranks. Even if there were occasional welfare workers before, only after World War II these got specialized training and an exclusionary strategy of their own and were included in large numbers in public bureaucracies.

In Europe as well as in the former colonies new policy fields gave the incentive to certain forms of bureaucratization. The welfare bureaucracies were one such form, economic bureaucracies, partly with the objective of planning in a proper sense, partly with more modest economic control in mind, were another.

What was, after World War II, a general optimism about the possibilities to govern through bureaucracies was succeeded by distrust in these means and by much weaker political lead from the beginning of the 1970s. State bureaucracies had grown and become difficult to lead. This meant a new turn in the history of bureaucratization. From then on politicians sought on the one hand means to reinforce the role of government in relation to bureaucracy, on the other hand ways to break down the bureaucratic bodies into smaller parts. Both paths were followed, but with little success. This meant that bureaucratization took a new turn, and the growth of bureaucratic entities was followed by a bureaucratization through reallocation in different levels. The reorganization of bureaucratic strength was needed, for the mode of government and policy-making in the West European democracies had become more and more a question of negotiations between different politicians and bureaucratic organs of both public and private sector, not only tripartite but often with different kind of interests represented. Through such negotiations ready-made packages of policy were presented to parliaments and governments.

The four paths discerned in the 20th century have some things in common. They represent different developments of bureaucratization, but the bureaucratic element in itself contains similarities. There are planning bureaucracies in some authoritarian states, in all communist states, in some earlier colonies and in some West European democracies. This new field has been exploited by bureaucracies in all four forms of bureaucratization, but somewhat differently and in a different framework. What is generally most apparent is the gradual inclusion in all four of power of new sources in the bureaucratic apparatus, especially new forms of power of knowledge and the power of co-operation.

The Synthetic Element in the Approach. Bureaucratization is not presented here as a historical phenomenon for its own sake. I am not saying that it is not worth such a presentation but, rather that my emphasis here has been on certain elements in the conceptualization of a social process like bureaucratization in order to understand what a synthetic approach might mean.

Without a theoretical basis for the presentation of bureaucratization, one would have to stop with a presentation of a series of different bureaucracies in the world. Even their internal change would be difficult to grasp without a theoretical frame. To make account for the similarities and dissimilarities on a global scale would be totally impossible.

It is trivial to point out that we must have concepts to cover the empirical data with. Historians have, however, not always drawn the consequences from such trivial foundations. They have not seldom continued to be more interested in diversification of their knowledge of a type of phenomena than in the conceptual devices for a comparative approach which makes it possible to subsume some of the diverse phenomena under one heading and others under another. Subsumption rather than diversification must be the tool of the «synthetic» approach. Theoretical concepts, either theory-related or colligatory (or eventually both), must be used for this purpose.

What I have tried to show is that a world-wide development as the one of bureaucratization must be understood in theoretical concepts and that the further relation to a theory of bureaucratization is advantageous for the synthetic approach. The usefulness of the theory for the understanding of continuously new empirical facts is then the criterion of its value.

Self-Transformation of States

The last decade has really given the historian a lot to think of. Many of the patterns of development that were earlier taken for granted have been changed or even reversed. The world is no longer what it was in the middle of the nineteen-eighties and, what is even more relevant to the historian, it does not develop according to the same lines and patterns. The state, at least in East and West Europe and in the Americas and Australia, possibly in more parts of the human civilization which I feel less secure about, had mainly been an actor in relation to other states and in the governance of the society where it was placed. A self-transformation of the state was not empirically easy to exemplify. Revolutions — as the French of 1870, the German of 1918 and the Russian Revolution of 1917 — were mostly led by those who had earlier been excluded from the state apparatus and any possibility to influence the state. Minor uprisings as military *coups d'état* and other revolts hardly had changed the state. From the late 1980s we have had another form of changes of states. They have been totally transformed from the inside. Russia is one of the examples of this type of transformation.

The transformations which I am alluding to have applied to the whole of East Europe — all the countries which were allies of the Soviet Union — and also to the entire Soviet Union itself and to China as well. The Soviet Union has been broken up into several states, which is not the case with China, and in the states of the former Soviet Union there are much more far-going changes in the political system and the forms of state power than in China. The changes have reformed these new states in East Europe and in Asia in a new way while they have been accompanied by an ideological instrumentation which is not at all new. National identity and nationalism have been combined with liberal capitalism in the ideas that have been seen as the formative elements of the changes of the state. As we all know these ideas are typical for the reference frame that was brought forward in nineteenth-century Europe. What I want to discuss here, without any intention to exhaust the subject, are the conditions for the state in change, and the forms and rationale of such changes.

We have met a revival of the idea of national identity as the «natural» basis for state formation. Politicians and journalists have surpassed each other in statements on the natural rights for «nations» — whatever that is — to form states individually and

according to their own wishes. There has been a coupling between this new nationality principle and the principle of democracy, but while the latter has been applied to all countries in Eastern Europe, the former has been advanced especially in regard to Germany and the Baltic states. Three types of arguments can be discerned in the discussions, why the Baltic states should have a right to break away from the Soviet state and form states of their own. The first is a «natural right», never clearly specified, that each nation must have a right to create its own fate. The second is «international law», which certainly goes beside the point, as international law as far as I know does not specify the conditions for breaking up existing states. The third is history. This argument runs as follows: the Soviet Union violated the liberty of the Baltic states in 1940, thus they have now a right to re-establish their freedom as separate states. The flaw in this argument is, of course, that it does not specify, which point in history is the point to which we should always go back: before 1917 the Baltic states belonged to tsarist Russia, and still further back in history they have sometimes been free, sometimes been parts of other empires.

I am saying this not to bring forth a discussion on the current political situation in Europe, but rather to once more direct attention to the controversial principles for state formation, and the debatable question of what states are and should be. I have recently come back from a conference in India on geopolitics in Asia and Africa, and the Indian scholars specializing in strategic studies, international relations and political science unanimously feared the new national principles for state formation that have been voiced in Europe. If applied to India this would have quite catastrophic consequences including civil war and the dissolution of the Indian state. Sometimes regional politicians in India want to use national arguments, but then most often combined with other principles which are less often heard in Europe, e.g. religion as a base for state formation. For Indian scholars the national principle is again an utterance of a eurocentrism, from which they have suffered enough.

My point in bringing this up again is, of course, to redirect your attention to the fact that there is no evident single rationale for states and their formation. One and the same state may change in extension, in moral justification, in legal forms, in short, in any dimension that we have touched upon in state theory. States also differ from each other in all these respects. The variation of states is quite amazing, considering the fact that we use one and the same term for it. However, I am not saying that all variation among states is by chance. There are historical types which seem to have died out — for instance the European feudal state — and which seem to have required a specific historical environment for their existence.

Some of the principles which are aired in the heated discussions of present times on rightful state formation refer explicitly to states as territories: the nation-state is a case in point. The nation-state is regarded as a territory where one nationality (still admitting that the concept is unclear) dominates in number and cultural expressions. Disregarding the fact that nation-states are less and less homogeneous, and that there is also a counter-trend toward multi-national formations of state-like character, above all the Common Market, as Philippe Schmitter discussed in last years meeting, there are also other principles at hand, which are important for the on-going restructuring of states. Above all, these principles have to do with the governance of society: state activism and market

liberalism are the principles evoked frequently in the debate. We see the struggle about state and governance in Poland and Hungary but more pronounced than ever in Germany with the pending unification of East and West. Are states led by inherent principles in their relation to social forms, groups, interests — or are they just pragmatically improvising from one instance to another?

We can meet somewhat varying answers to this question. But nowhere is the dichotomy of state command/free market posed as the single choice. We even meet in some instances the idea, that states have interests of their own which they promote in relation to social groups.

Of course, «state» is in one sense a concept, which is a theoretical construct. Opinions among philosophers are divided — and have been so since centuries — to which extent such constructs can be said to «have an existence of their own» if you permit me this unphilosophical expression.

When states are brought back in into the academic discussion, this is a revival of an idea, which goes far back. Even the revival as such is not new. At the turn of the century political scientists — who wanted to be exactly this — reacted against the then dominant conception of the state as just a legal construction around the citizens, that is in the first hand a constitution. They, such men as Georg Jellinek and, not least, the Swede Rudolf Kjellén, saw in the state the carrier of politics, an entity through which policy was pursued. They had internal differences and combined this conception of the state with other ideas, which I think none of us would like to subscribe to, but this conception of the state as the entity which pursues public policy and thus carries politics within it, is not too bad.

The varieties of policy-making from state toward society is a wide field and we will have a busy time in going through the agenda with papers already distributed and in a couple of cases to be presented here. Let me not go ahead of discussions, in commenting on their contents but rather leave place for the discussion.

Decreasing Governability

The decrease of governability in the 1970s, and the preceding development with earlier decrease and increase of governmental power, may be illustrated with Sweden as an example. Sweden is suitable as an example as it has been very much in the centre of a discussion on what states could do and not do in respect to its welfare system. But the example of Sweden must also be compared with more general trends, and we will come back to them in a final discussion.

When Torbjörn Fälldin became prime minister in the first non-socialist government in Sweden in several decades, he met several great problems. One of them was to make bureaucracy comply with the intentions of the government, a problem that had much earlier been the headache of social democrats in their efforts to govern Sweden when its bureaucracy was mainly of non-socialist inclination. The «bourgeois» government had decided to postpone a nuclear power station, and the prime minister, Fälldin, was head of the party that was most negative to any escalation of nuclear power capacity. Then, in the early 1978, more than a year after the decision, the prime minister to his great surprise found out that the construction works were continued when he had a meeting with leading representatives of the Swedish power industry. He became convinced that the state power

administration, *Vattenfall*, obstructed the decision of the government [6]. It is not unheard of that a prime minister cannot make his own political conviction the policy of the country. It is, however, a bit confusing that an important state agency, a big administration taking its instructions from the government, continues to act according to a policy which has been explicitly changed by a government where this is a central issue. Who is then governing the country? Is the state then divided between government and administration?

The Swedish non-socialist government which came to power in 1976 was not unanimous. This may explain some of its difficulties in implementing a policy, but not all. The following governments had no earlier task to make their policies a reality. Discussions started about the need for reforms of the governmental system in Sweden. The problem was seen as a Swedish problem because administrations, the civil service, had a right to act on their own but, of course, within certain frames decided by the government [7]. The freedom of action within administrations ought to be more limited, several politicians argued. A couple of public investigations were made in order to check if it was possible to make the will of the government more directly leading to actions within the civil service generally and especially in the specific administrations and agencies with certain fields of responsibility [8]. Of course, there may have been some quite Swedish accents in the crisis in the relations between government and bureaucracy. It has been shown that in the 1970s a split occurred within the Swedish ministerial service: some of the civil servants tended to allegiate rather with the field of administration which they had to deal with in their service than with the ministerial office and its duties to co-ordinate and take care of the general aspects [9].

The insight that the government had problems began to be commonly recognized. A will to change the situation was also at hand. However, there were structural obstacles for a reform to take effect. The problems were not altogether Swedish. Many countries had difficulties with «governability», as became the international term for the situation. Political scientists in different countries in West Europe and the Americas did observe, during the 1970s more and more often, that governability in political systems was bad. It was not easy to make society change just because a new government — or even an old government — decided that things ought to be altered. «State power» was turning into a doubtful concept, for there was no longer a clear centre of the state and a pivotal point of social change. In Sweden such discussions led to an investigation which was called *The Power Investigation (Maktutredningen)* from its Norwegian inspiration and its task was to analyze power structures in the Swedish society, including the state [10].

The statement that the government no longer was an evident centre for the development of state and society implies that it had been different earlier. This is not to say, however, that the government and its immediate servants always had had a steering function and that politicians had always earlier been able to carry their will through. Ideology and policy as guidelines for administrative action and, in the next step, for social development is by no means evident and it has not ever been so during the last century. Structural factors may counteract the will of the politicians, and they have done so in actual historical reality. It is possible to steer only if one's ambitions go hand in hand with structural conditions. Politics in Europe during the period from the end of World War I to the 1960s give evidence for this thesis.

All over Europe west of the Soviet Union governments were weak and short-lived in the 1920s (until they, gradually, fell prey to fascist parties which grabbed power under appeal to democracy but did not follow its rules when they had come to power). France and Germany are evident examples, and so is Sweden. Swedish conservatism (quite as German conservatism) then criticized both democracy and parliamentarianism. A government ought to stand «above» parties and take a view of social problems from the perspective of the nation, not of the party. This doctrine with small variations was common among conservatives all over West Europe, and at this period conservatives did not include those with predominantly liberal ideas and ideals. Their values were national in the first hand and liberal (market liberalism) only secondarily. Liberals stressed democracy and parliamentarianism, and socialists (including social democrats) shared some of these ideals but, with an uncertain priority, also wanted to promote the interests of the working class. The ideological situation was mirrored in politics and elections. Minority governments came to lead many governments, and these became weak. The Weimar Republic had a bad reputation in the press. It was said to be unable to lead or govern. The situation in France was not entirely different. The period of the Third Republic gave no greatness to its many governments or its president. Especially chaotic were the years around the middle of the twenties and the beginning of the thirties (and only partly under influence of the often blamed slump on the stock market). Prime ministers and ministers of finance rapidly succeeded each other in several countries, vainly trying to attain the professed goals to tame inflation and/or unemployment.

The West European problems of the twenties and the early thirties is similar in several respects to that of the seventies and eighties. Among similarities is the problem of governability. Governments in West Europe were weak in the twenties and thirties as in the seventies and eighties in the democratic countries.

Sweden belonged to the common pattern in the two periods of weakness for the government which have been discerned here. It is notable because Sweden has been given a specific role in the intervening period from the middle of the thirties up to the late sixties. During this period governments, in Sweden as elsewhere in Europe, were strong. It is typical that in Sweden the parliament during this period often was called «the transport company of government» by media close to the opposition. They thus hinted that the government only had to state its wishes to the social democratic party group in parliament to make it follow suit. There are good reasons to doubt that the obedience was as total as contemporary criticism made it seem. Yet, there is no doubt that this was a period of social democratic domination. Several analysts have talked about a social democratic hegemony in Sweden, i.e. that the way of grasping political matters was stamped by social democratic evaluations. The Social Democratic Party was by large the biggest party in parliament even though they had a majority of their own only for a very limited period (1941—44), but they dominated the two chambers of the parliament during the whole period either on their own, through the effects of the two-chamber system, or together with communists and/or agrarians.

This period has often been represented as if it showed a system of government specific for Sweden, not only in Sweden but also in American and German scholarly debate. Of course, it is uncommon that one party has been able to dominate politics

for such a long time. As to the question of principle, i.e. the relation between parliament and government and administrative power, Sweden is not alone. Not even the content of politics, the building of the Swedish welfare state, was unique for Sweden, though many Swedes have been led to believe that it was. They have been misled by an international discussion, where Sweden was represented as a remarkable political model, the Swedish model, with consensus about basic values as a precondition. Of course, Swedish social democrats made nothing to erase this picture of Sweden where they played the heroic part and where the welfare system was made Swedish and social democratic at the same time. The international discussion began in the thirties with Marquis W. Childs's book *Sweden — the Middle Way* (1936). In Germany and in Russia the ideal picture of social democratic Sweden has been especially cultivated in certain circles at different periods, and in Russia it played a great role in the «perestroika» period when, in fact, most others, including Swedes, had already lost faith in Sweden as a vanguard society.

The conception of Sweden's unique character and leadership in a development where others lagged behind is not correct as I have tried to show. It is possible to make a series of correct statements on singular issues, but as a general conception it is not true [11]. If we focus on the strong governmental power, the idea is certainly false. There were strong leaders in many other countries in Europe: Adenauer and de Gaulle immediately come to mind, but also in the Scandinavian countries were several examples: Hedtoft and, to an extent, Hansen in Denmark and not least Gerhardsen in Norway. It is more difficult to judge leadership in England for its electoral system gave the false impression that new leaders were born through almost every election.

No government can lead and seem strong and powerful in a democracy, if there are no competent administrative organization which can prepare and implement decisions. A bureaucratic apparatus is, thus, a necessity for a modern and a well-functioning state power. It is a mistake, close at hand, that this apparatus serves the political power in a better way, if it is selected for its loyalty to the governing party. This is the system of all totalitarian states — see for instance the Soviet Union during its days of glory. Max Weber's opinion that a good bureaucrat is selected solely for his or her merits in the field of administration, seems better but not infallible. The bureaucratization process during the twentieth century is interesting and an important factor to explain the changes in governmental power.

Bureaucratization in the twentieth century, as I have tried to show in a book from the beginning of the 1890s, is a process of expansion not only in power but in fields of activity and groups concerned. Traditional bureaucracy was occupied with a close field of power systems and relations to other states and legal knowledge was the only guideline for bureaucrats. They have never been allowed to forget laws, but the organized capitalism that had its breakthrough in the 1890s widened the field to technical questions and a demand for bureaucrats with technical knowledge made itself felt within states. Here, however, industry was one step ahead of states and the initiative came from the private sector. When welfare capitalism was born in the late 1930s and was rapidly expanding in the period from 1945 up to the late 1960s, the initiative lay instead with the state. Social and economic goals were set for society and bureaucracies grew to

include persons with qualifications in the social sciences and economy. Not least, new administrations were created for these goals and some old administrations were allowed to include new fields in their scope of activity [12].

The problem of governability, the dominating problem of the 1970s and the 1980s, was born when the agencies of the public sector had grown into self-consciousness and started to create their own problems and solutions. This tendency could be discerned already in the 1960s: the bureaucratic apparatus seemed to function autonomously and the lead of government seemed superfluous. In any case, governments could not lead their own huge creations. Great difficulties arose to make democratic goals to function in a society where basic decisions were taken in negotiations between administrative organs from different fields and interest organizations and where the formal decisions in political quarters only seemed to be a confirmation of what sectorial interests in public administration in central and local levels, parties of the labour market, and private business companies had already agreed on. This difficulty made ordinary voters upset, and it is still upsetting. Distrust in politics and politicians is still spreading in the West.

No real solution to the problem of governability has been produced. Thatcher and Kohl, to exemplify with leaders from the past, have liked to pose as statesmen who have the thread of development in their hands. This picture is hardly convincing. Thatcher introduced several continental bureaucratic procedures in Britain, contrary to her professed ideals, and she abolished old self-government in universities and professions, and Kohl rather surfed on the enticement for unification in Germany than led the new Germany into roads that he had, himself, pointed out as the desirable directions to proceed.

Governability continues to be a problem. In West Europe, including Sweden, the trend is to decentralize and to make administrations smaller. The intention has been to bring political decisions and their preparation closer to the voters. The ambition may be laudable but it has not succeeded. Nothing indicates that citizens in the West have regained their faith in their political leadership, nor that this political leadership can lead more now. Part of the explanation may be in the fact that decentralization has often been a rebureaucratization in new forms. New layers of bureaucracy have not always replaced old ones but just complemented the old. Bureaucratic reform, as part of the problem to be solved in governability, has turned out to be more complicated than many expected.

It will seem that the transformation of the «socialist countries» and the problems encountered in this process, has fundamental similarities to the loss of governability in the West. Bureaucracies which play their own games and select their own players, problems and solutions exist both in East and West. The difficulty of reform of bureaucracy is also common to them. Yet, both need bureaucracies which have helped to create their modernity.

REFERENCES

1. For further discussion on the fundamental concepts and the relation between bureaucracies and power, see Rolf Torstendahl, *Bureaucratization in Northwestern Europe 1880-1985: Domination and Governance*, London: Routledge, 1991. Ch. 1-2.

2. There are many different conceptions of power and its social organization. These cannot be discussed here. I am relying here on the basis that I have developed before (Torstendahl 1991, ch. 1), and this conception is close to Michael Mann's and I have added a couple of points from him. See Mann 1986. Ch. 1.
3. Qureshi, Ishiaq Husain, *The Administration of the Moghul Empire*, 1973.
4. On this use of the term professional, see Torstendahl, *Introduction: Promotion and strate*. 1990.
5. Mann, Michael, *The Autonomous Power of the State*, 1988. P.7-8.
6. Larsson, Sven-Erik, *Regera i koalition. Den borgerliga trepartiregeringen 1976-78 och kamrakterna*. Stockholm: Bonniers, 1986. S. 419.
7. For a modern survey of the Swedish civil service and its organization, see Söderlind, Donald & Peterson, Olof, *Svensk förvaltningspolitik*, Uppsala: Diskurs, 1986.
8. *Politisk styrning — administrativ sjalvständighet*, *Statens offentliga utredningar*, 1983:39.
9. Larsson, Torbjörn, *Regeringen och dess kansli. Samordning och byråkrati i maktens centrum*. Lund: Studentlitteratur, 1986. P. 286.
10. The final report of this investigation is called *Demokrati och makt i Sverige, Statens offentliga utredningar*. 1990:44. The chairman of the investigation was Olof Petersson, who published several reports, among them *Makt i det öppna samhället*, Stockholm: Carlssons, 1989, and *Maktens nätverk*, Stockholm: Carlssons, 1989.
11. See further my essay «Rol' sotsial-demokratii v razvitiu industrialnogo kapitalisma: Konets XIX—XX v.», in *Novaya i noveishaya istoria*, 1997:2. P. 16-28. See also Rolf Torstendahl, *Bureaucratization in Northwestern Europe 1880-1985: Domination and Governance*, London: Routledge, 1991. P. 124-130.
12. See Torstendahl 1991, esp. Chs. 3-6.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОТЕРЯ УПРАВЛЯЕМОСТИ. ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА В XX в.

Рассматривая становление современного общества, автор акцентирует внимание на бюрократии, которая являлась важным элементом в процессе модернизационного перехода. Исследователь утверждает, что в XX столетии бюрократизация приобрела новые формы и вступила в новую фазу, что позволяет рассматривать ее как одну из основных тенденций развития государства за последние сто лет.

Вторая тенденция, описываемая в статье, связана с возникновением социалистических государств, административный аппарат которых характеризовался жесткой централизацией и явно выраженными авторитарными чертами, их имманентной трансформацией в конце 1980—1990-х гг.

Третья из выделяемых исследователем тенденций — тенденция к утрате управляемости в государстве, наблюдающаяся в странах Западной Европы по крайней мере с 1970-х гг. составляет основной предмет рассмотрения в данной публикации.

Автор представляет бюрократизацию как теоретический концепт для обозначения социального процесса перемещения власти в бюрократические учреждения или разрастания подобных учреждений в целях обеспечения доминирования и возможности управлять обществом и экономикой. Бюрократизация является средством осуществления рационализации. Под бюрократией понимаются построенные по иерархическому принципу учреждения, необходимые для регулирования материаль-

ных и человеческих ресурсов. Имманентно присущее бюрократии свойство к расширению объясняется постоянной инкорпорацией бюрократией новых типов социальной власти. Выделяются важные сдвиги в процессе бюрократизации, имевшие место в XIX в.: 1) создание бюрократических органов для управления частными предприятиями; 2) реформирование государственного бюрократического аппарата, которое сопровождалось пересмотром положения бюрократии, повышением значения знаний как источника власти, формализацией процессов обучения и подготовки бюрократии; 3) использование интегрированного военно-бюрократического аппарата для осуществления контроля над колониальными владениями.

Рассматриваются особенности функционирования, место и роль бюрократии в рамках различных моделей государственного устройства в XX в.: в 1) авторитарных, 2) коммунистических, 3) демократических, 4) пост-колониальных странах. Выявляя различия в распределении источников власти (насилие, знания, капитал, взаимодействия, средства коммуникации), автор отмечает значительные сходства процессов бюрократизации, которые протекали в разных типах стран и политических режимов. Общим, в частности, был рост бюрократии, которая открывала для себя новые пространства деятельности: экономическое планирование или осуществление умеренного экономического контроля, социальная реабилитация, взаимодействие в сфере частного бизнеса и т.д.

Ссылаясь на тенденции политического развития в Западной Европе, странах бывшего социалистического блока, Индии и т.д., исследователь резюмирует, что разрастающаяся бюрократия делает проблематичной эффективное государственное управление. По мнению автора, последние десятилетия продемонстрировали неспособность правительств Западной Европы держать ситуацию в руках. Ослабление политического значения правительств объясняется тем, что разбухшие бюрократические системы (как в государственных организациях, так и в частном секторе), неправительственные организации, местные власти, взаимодействуя между собой, стали играть все большую роль в выдвижении и отстаивании собственных интересов и инициатив в политической области, сокращая, таким образом, поле деятельности правительств. Политический центр потерял частично власть и властные ресурсы, которые перешли к бюрократическим структурам. Процесс принятия политических решений все в большей степени стал зависеть от результатов переговоров между различными политическими органами, представителями различных ветвей власти, бюрократических институтов как государственного, так и частного секторов, групп интересов.

Это порождает попытки реформирования (усиление роли правительства, децентрализация, дробление бюрократических учреждений), осуществляемые на Западе и на Востоке, которые во многом превращаются в ребюрократизацию в новых формах. Тем не менее, по-прежнему, и Запад, и Восток нуждаются в бюрократии, которая некогда способствовала созданию современного общества.

Р.Торстендаль

CO-OPERATION OF CULTURES AND REGIONS: A GUARANTEE FOR STABILITY AND SECURITY IN THE ENLARGED EUROPE

In ancient Greece Homer described Zeus as «Europos», an adjective meaning «the one who sees very far». Looking at the ungoing enlargement process, with eleven countries mainly from Central and Eastern Europe being applicants for accession, one can ask whether Europe did not loose its far-looking idea of integration [1].

In this post-Communist period, the very idea of post-war (West) European integration lost its sense and its binding force. Europe, as the common denominator of national interests, will take another form and content. Europe is not the same any more: its idea, its geographical concept, its geopolitical situation. As many times before, Europe needs a new implementation, which can only be based on a long-term and value-based orientation of this continent in the world. In this new idea of Europe a new balance will have to be found between globalisation and regional and cultural interests. The present-day European Union is the laboratory *par excellence* where alternative academic visions of democracy — post-national, deliberative, participatory and inclusive (as opposed to exclusive) — are developed and tried on their merits. It will be for European decision-makers (among them, the European Court of Justice) to put such ideas, if valid, into practice.

At this moment, one has to admit, the main driving force of transnationalisation is modern capitalism striving for ever greater markets. The problem is that globalisation does not result in a global political community. This is the major mistake of too much a functionalist approach, according to which a free economic space would automatically result in a «harmony of interests» between states, peoples, regions and citizens. Globalisation is a trend, not a reality. On the contrary, globalisation enhances fears for loss of identity and intolerance towards «the other». Multiculturalism and regional diversity are among the most celebrated concepts in our globalised world but, on the other hand, cultures and regional interests are used as principles of political unity and national autonomy. The recognition of the region as a meso-level between the locality and central government is celebrated in the idea of the Europe of the Regions, however, their struggle with national state interests is an ungoing battle.

The question of today's Europe is, however, whether European enlargement and cultural or regional diversity can be harmonised in one post-Communist concept of Europe. Can one reconcile in the new idea of European unity (stressing the concept of an integrated European Union), on the one hand, and cultural/regional diversity in Europe (looking for a feasible concept of a post-Cold War Europe), on the other. Both concepts indeed rely on different assumptions: they seem to talk about two different Europes. European enlargement is based on the idea of European unity and identity, while cultural or regional diversity does on the acceptance of differences in cultures and regions.

In the discourse of modernity, the problem is easily solved and rationalised as follows: if different cultures are prepared to follow the rules of European integration, there cannot be any contradiction. That is, in fact, the whole idea of enlargement, as

formalised in the conclusion of the Summit of Copenhagen, the White Paper, Agenda 2000. This project of enlargement can be seen as another project of modern, enlightened thinking. In this sense, enlargement of Europe is following the way in which our modern societies were conceived. Capitalism and Communism, as they were developed in the recent past, were each with their specificities, products of the same modern Enlightenment thinking. They are both based on the idea that increasing material wealth will bring happiness and freedom for people. The «beauty contest» between the countries of Central and Eastern Europe to gain their ticket for accession is encouraged by the lack of sufficiently selective requirements defined for the hard core of the associated countries as preconditions of their future EU-membership. Perhaps, however, this lack itself is a symptom of a much deeper problem this round of EU enlargement has to face.

It is my fear that this modern dynamism of society is not sustainable any longer. In a post-modern situation we have to deal with problems of identity where economic, political and legal thinking should listen more carefully to what sociology and anthropology have to say in this matter. Europe cannot be seen as anything but new or different since the re-invention or re-naming of its varied identities concurrent with the upheavals and revolutions of 1989 and 1991 [2]. Re-making cultural identities goes through ethnic, regional, national and transnational identity, each level has its problems and its «devils in transition».

European unity

The European enlargement debate re-awakened the idea of European unity. During the Cold War, the «other Europe» was raised and baptised as the enemy of the free and democratic West. Immediately after the upheavals and revolutions of 1989 (for the Soviet Union in 1991) the former East Bloc started re-labeling itself to Central and Eastern Europe, stressing that Europe is a much wider continent than the European Union is encompassing. This re-labeling, where in priority Central Europe is placing itself under the European idea, is problematic not only for the post-Communist countries of Central and Eastern Europe, but also for the European Union as such. Communism made it possible that Europe restrained its concept to Western Europe. That is not possible any more since 1989: Europe is new and different. But after almost ten years, the renewal of the European idea did not take place: instead of changing the concept of Europe, the European Union is extended to new candidates for accession. The question is how far this «institutional stretching» is able to go.

Mythical foundations of European unity were carefully elaborated during the centuries. When the great European adventure leading to the conquest of almost the whole world had been concluded, Europe had to return to itself, Denis de Rougemont argued, and define a new project in order to regain a role in the international arena [3]. With that aim a programmatic attempt was made to rewrite Europe's history in order to deliver the mythical foundations of a political project of unity. Together with Frederico Chabod and Jean-Baptiste Duroselle, Denis de Rougemont tried to promote European unity by invoking great realisations

of the past. The European idea was born and strengthened by the announcement of the Shuman-plan: it became a force of change, a myth answering a political need. Europe became synonym of the European Union and lost its geographical meaning. The political notion of Europe, constructed in the shadow of the Cold War, even concealed that Europe was a geographical term. It is important to keep in mind that this European idea did not include Communism in its system of values. It even excluded them, although Marxism and Communism are genuine European inventions. «The myth of Europe is a bright narrative of values like freedom, democracy, welfare, solidarity, modern technology and above all of high culture. The myth attempts to recreate the «golden age», while repressing the dark side of European history» [4]. The Polish historian Bronislaw Geremek was one of the few, who warned: «We have to insist on the fact that Fascism and Communism are not alien to Europe. We should continue to explain how these totalitarian systems are interlinked with our culture. Not only because these ideologies emerged on our continent, but because they are products of European culture» [5].

The assumption that *cultural unity* of Europe automatically entails the political one is contradicted by the patent reality of political and cultural differences on the continent, although it is not foolish to insist on European culture as probably the strongest link between Europe's different regions. Voltaire saw a European *res publica litteraria* in which all European intellectuals of the time should gather on the ground of a shared belief in the values of Enlightenment. This, regrettably, finished with the Napoleonic ambition to impose the French hegemony on Europe.

Anyway, when we look at the most different elements of culture, poetry, art, economic, political, legal, and educational institutions, there is probably little that could be called genuinely European. Americanisation of European culture is a reality. In his book on «Culturology» the Belorussian philosopher I.Ya. Leviash in search of a distinction between culture and civilization, refers to N.Berdiaev. Together with O.Spengler, Berdiaev saw civilization as the end fate of all cultures. Civilization, he says, leads to the death of the culture's spirit: the dynamical movement within the culture leads in its crystallized forms to the transgression of the limits of culture. In this way, culture transforms into civilization. Culture, in which the creative activity of human beings finds its objectivisation, is based on inequality (of qualities of people). Civilization (of which democracy is an important aspect) tends towards equality and wants to rely on quantities. Culture is aristocratic, civilization is democratic. Culture is organic, civilization is mechanical [6].

What about *Christianity* as the basis for European unity? Novalis, prominent poet of German Romanticism published in 1826 «*Die Christenheit oder Europa*», a work in which he complained: «Those were beautiful and bright times when Europe was a Christian land». The renaissance of Christianity was for him the only opportunity for a peaceful Europe [7]. But the idea of Christianity as the foundation stone of European cohesion has slowly withered during two centuries, giving way to a Republican idea of a new European order. Modern myth, it is said, should be constructed on secular grounds, even if Christianity has played an important role in European discourse since Charlemagne [8]. The basis should be the cultural heritage, referring to names as Erasmus, Voltaire, Dante, Michelangelo, Bach. With Kant,

the notion of federalism came into being. The notion of *latinità* as the main characteristic of Europeaness was stressed for example by continental legal thinking, where Roman law played an important role (it is indeed interesting that modern European law is based on the Anglo-Saxon case law system, rather than on the Roman Law tradition) [9]. Implicitly, the idea of Europe as a unity, based on Christian values, has been revived since 1945. In Central Europe one can see at this very moment some signs of a revival of this search for a link between European unity and Christianity.

How is the new Europe *geographically* perceived? How do we qualify Central and Eastern Europe? Lary Wolff argues that the original perception of Europe was a North-South division, which received only during Enlightenment an East-West perception. At that moment Eastern Europe was invented as the complementary other, a cultural creation, an intellectual construction, ideological self-deceiving, self-promotion. It is not clear at all at this moment where exactly Central Europe has to be situated. Szűcs and Kundera are unanimous: its real destination lays in the West. Once it will return to Europe. Recently Hungarian Foreign Minister Janos Martonyi stressed that «although Hungary supports the idea of providing a maximum level of support for Russia in its effort to emerge from the crisis, Hungary is part of the Western sphere: it belongs to Western Europe [10].

Poland, the Czech Republic, Hungary and Slovenia proudly take distance of the Communist past and identify themselves as Central or East Central Europeans. They view other states as East European proper: Slovakia, Bulgaria, Romania, Serbia, Croatia, Albania, Ukraine, Russia because their national heritage includes much more serious dosage of Communism. Central Europe means Europe, not the German idea of *Mitteleuropa*, which, when constructed would differ from the Eastern antecedent in that it will not have nationalist and nation-state ideologies [11].

This claiming of labels — the return to Europe of Vaclav Havel — is an important aspect of Europeanist intellectual discourse adding to the already antagonistic geopolitical relationship in the region. Milan Kundera saw Central Europe as «un Occident kidnappé», part of the West, occupied by the Communist rule. The idea of the 'barbarian at the boundary of Europe' survived during the whole Soviet period and was revived in the eighties in the discussion on Central Europe. Now, Central Europe became the heart of Europe, not economically, but geographically and culturally.

The division line between *Rome* and *Byzantium* is rather discussed. With rising success the idea is propagated that not capitalism and Communism ever divided the world but a more fundamental line of cultural-historical significance, coinciding with the 'Iron Curtain': the line between the Catholic and Protestant countries, on the one hand, and the Christian-Orthodox and Muslim countries, on the other (where Roman and Byzantine civilizations meet each other). Both parts of Europe lived a completely different history which goes back to medieval times. The Western cultural tradition of autonomy of society and social contract goes back to the Middle Ages. They were further refined and became building blocs for democracy in the course of important reform movements as Renaissance, Reformation and Enlightenment. The West European feudal relation between vassal and lord was not exclusively a hierarchical relation, but also one of mutual obligations. This aspect of non-hierarchical relations

is at the basis of social contract and fundamental freedoms. The struggle between church and state, characteristic for medieval times created an independent status for the church and a separation between church and state, but also between society and state. Democracy, free market and «Rechtsstaat» have deep roots in the West European history. In Eastern Europe hierarchical relations were much stronger, and the Turkish-Mongolian invasion reinforced this tendency. In Russia, feudality was abolished as late as 1861. The church of Constantinople, after the schism between Rome and Constantinople, was based on Caesaropapism. The church was subjected to the state.

Szűcs proposes to recognise three historical regions in Europe [12]. If Central Europe wants to define itself and find a worthy place in Europe, it has at least to eliminate three demons. First of all the *geographical* one: Central Europe lays between two cultural-civilizational giants: the West and the East. This became the subject of constant worries for Central Europe: the syndrom of being a passage land. If they are able to keep their sovereignty and their honour, they can play their own role as golden passages in the relations between East and West, as mediators but also enriching both cultures with the values and cultures of the peoples of this subcontinent. Czechia, for example, was once dictating European mode, producing more steel than England in the middle of the century and giving the continent great revolutionaries of Reformation, as J. Huss.

The second demon is the *antihistorical character*: bringing into theory the marginal history of statehood of the peoples of Central Europe. Much of the current orientations is inspired by the striving for an independent status and the fear to once again return to the status of victims (*dub'ekty*) of European history. Czechia and Hungary for a long period belonged to the Austrian Monarchy. In 1842 the German economist List saw the Central European economic communities as objects for an expansion of German economy and as an agricultural *Wingewest* for industrial Germany. Central Europe was in the mentality of the German elite a vital interest field between them and Russia long before it received its diabolical tendencies during Nazism. The German diaspora, as A. Miller stressed, did a lot of good in the economic and cultural progress of the region. The etnodemographical cleansings after the Second World War (9 to 10 millions of ethnical Germans were excluded from the region) did not help Central Europe to get rid of its complex of marginality. The period in the Socialist camp under Soviet-Communist protectorate, led to historical nihilism and the conviction ever more that they had to oppose to this objectivisation of Europe as the 'Prague Spring' showed.

The third demon is *provincialism*. Prague, Warsaw and Kiev, the former satellites of the big Soviet brother never showed their own activism. Ukraine and Belarus' had their seats in the UN, but this was purely ritual. Will this change? Will they play their own role in the international forum. But if this is done, it can only be realised on the basis of sovereignty, as democratic states.

In modern society, the role of the individual is dominated by economic efficiency, the state, and social organisations. In the post-modern society the leading role in the regulation of social attitudes and relations is the social subject, the person or group, guided by their interests. Subjectivisation of persons and groups leads to pluralism and equal treatment of different cultures.

Localism, regionalism as well as nationalism are political representations of difference. States, nations, and ethnic groups are re-making their identity and this goes through issues of ethnic, national, transnational identity. The new Europe has been re-mapped with heightened cultural differences. Returning from Kosovo, Mrs Bonino of the European Parliament said that the area is experiencing «the same kind of ethnic crushing and human rights violations that the founding fathers of the European Union wanted to eradicate» [13]. Now that borders are re-aligned, there is a re-shaping process. However, this has not led to blended identity (of a whole transnational Europe) and, on the other hand, it did not lead to world collapse and nuclear disaster because of anarchy. Perhaps the main reason for this is the *revival of the nation-state*. Despite the global forces, the nation-state remains the privileged to many desired form of polity. *Exactly this, besides the myth of the whole Europe, makes a real taking into account of cultural and regional diversity so difficult.* The fluidity of borders, due to the expansion of the European Union, the Council of Europe and the NATO has highlighted tensions as nations struggle for their cultural distinction. This tension between globalism and localism, visible in the Western world as well, takes particular forms in Eastern Europe.

With the exception of a few non-binding statements, for example, the European Parliament's Resolution on linguistic and cultural minorities and the annual reports on respect of human rights within the European Union, the heading «minority protection» continues to be confined to the international agenda of the Union [14]. Minority protection fits uneasily in the traditional democratic thinking that is based on the concept of the nation-state as a unitary body. The impact of European integration on national minorities risks to be a negative one, as cultural competences, which belong to sub-national identities (as the German Länder, for example), are transferred to the community. Article F, paragraph 3 TEU calls for respect of national (but not regional or otherwise) identities.

The Treaty of Amsterdam requires European policy-makers to take cultural aspects into account «in particular in order to respect and promote the diversity of (Europe's) cultures» (art. 128, paragraph 4). The Council is also empowered by a new art. 6a E.C. to combat discrimination based on sex, racial or ethnic origin, religion or belief, disability, age or sexual orientation (but not language). This article, however, has no direct effect which limits its practical relevance. In that case unanimity in the Council is required, and the Council cannot combat discrimination outside the limits of its powers conferred to it by the Community. Moreover, it is not clear whether art. 6a would allow positive action.

According to the basic philosophy underlying the Framework Convention for the Protection of National Minorities, drafted in the framework of the Council of Europe,

«a pluralist and genuinely democratic society should not only respect the ethnic, cultural, linguistic and religious identity of each person belonging to a national minority, but also create appropriate conditions enabling them to express, preserve and develop this identity» [15]. The Commission recommendations on the selection of the fast track-candidates, deferring early negotiations with Slovakia was based on grounds that democracy is not fully guaranteed by this country. One of the problems the Commission saw was the treatment of the Hungarian minority, especially the fact that this minority «still does not benefit from the general law on the use of minority languages» [16]. A country that was selected as being eligible for membership was Estonia [17]. The Commission criticised certain aspects of Estonia's treatment of its Russian minority, but accepted as sufficient the fact that efforts were being made to enable that minority to become better integrated into the Estonian society. The European Parliament, however, has criticised the Commission's unclear position as regards Estonia's minority [18].

However, to date, almost no member state of the European Union has ratified the Framework Convention. The Copenhagen criterion of protection of minorities (a requirement for accession of post-Communist countries besides stability of institutions guaranteeing democracy, rule of law and human rights) does not seem to have an analogy to their own domestic situation. In various member states minority protection is absent or reluctantly accepted. This concern for the treatment by candidate members of minorities living on their territories sounds somewhat hypocritical in the light of the controversial nature and limited protection of minorities within the Union. These political criteria, the candidate members must comply with, cannot be defined in isolation, but should be framed in a thorough debate on what respect of the Union's fundamental values means for the various levels of government within the Union. How to take the member states' compliance to the democratic governance seriously?

Multiculturalism is not necessarily the solution. Mutual historical suspicion drives partners in Romania's ruling coalition to polarize on the issue of establishing a Hungarian-language university in Cluj. Satisfying the «rational» and less radical demands of the UDMR in education and local administration would have been the reasonable solution. But this meant underestimation of the «irrational rationality» behind such claims.

An outsider will have difficulty in comprehending the dispute over establishing a Hungarian-language state university in Romania. The two opposing sides apparently defy the rationality of their own interests. Why, ask Romanians, does the country's large ethnic Hungarian minority (1,6 million) not accept the solution advocated by the Education Minister Andrei Marga? That solution is namely one of «multi-culturalism» such as has been pursued over the past years at the Babes-Bolyai Cluj University. In this context, multi-culturalism refers to teaching in several languages, with Romanian, Hungarian, and German being the main ones on offer. Moreover, ethnic Hungarians would betray their own interests by receiving an Hungarian language education. Owing to language comprehension difficulties they would not be capable of integrating themselves into the Romanian labor market and into Romanian society as a whole. Finally, high costs are involved in setting up a separate institution of higher education. What may look irrational to one group is perfectly rational to the

other. The bulk of the Romanian majority view the Hungarians' demand with suspicion, regarding it as a proof of Hungarian «separatism» and segregationism. The issue of establishing a Hungarian language university is, as Marga himself said, *mainly symbolic in essence. Symbols cannot carry the same meaning for all people.* They are irrational to those for whom the symbols are meaningless and highly important to those for whom the symbols have significance.

Multi-culturalism is not an alternative for Romania's ethnic Hungarians because the separate university symbolizes the restitution of their cultural rights, which they considered to have been abolished in the late 1950s, when the Communist regime merged the two universities of Cluj into one. This is the reason why many in the UDMR believe the university must be set up in Cluj and only in Cluj. In addition, a separate university is considered by some members of the Hungarian elites as a symbol of ensured «cultural reproduction». Cultural reproduction is at the core of ethnicity, for it goes beyond individual rights (indeed, it may even contradict them) to convey a collective sense of ensured trans-generational communion of values as well as inter-generational communication. The latter is also trans-border communication. According to Nemeth, the nation-state is a thing of the past and the «Hungarian nation's borders do not coincide with Hungary's borders». This implies a threat to the relations between the two countries, precisely at a time when Hungary is about to join the NATO and the EU, and Romania is being left out or at least not selected for the first round [19].

The development of a regional level of government in most European countries was marked by three paradoxes. The first paradox is that, although since the 1970s Europe has undergone an overall movement of regionalisation (in the sense of reinforcement of intermediary levels) and above all an increasing interdependence between the different levels, recent developments remain remarkably differentiated and the regions do not necessarily emerge as winners. Regions did not become an essential level of government in Europe. A second paradox consists in the fact that, although the regions seem necessary to regulate and structure economic interests and, thus, to organise economic development, as well as health and social welfare, they lack political and legal resources and are marked by the absence of really organised interests (one can find this situation, for example, in Italy, France and the United Kingdom). The third paradox relates to European integration, which seemed to further legitimize regions and reinforce their resources. Within the European multi-level government, regions were expected to play a rather important role, led by the slogan of the «Europe of the Regions». But recent studies on the regions have analysed the impact of European integration on regions and concluded that decision-making at the level of the regions was characterised by weak accountability, and this legitimacy problem could not be settled solely by a great increase in representative institutions [20].

Also in the field of diversity, strong myths are created and kept alive. The re-creation of identity carries with it attempts at legitimation, often by reference to the «glories» of the past, injustices suffered under foreign occupation, more in particular under the hegemony of Soviet rule. As the Slovaks (united against the Czechs) and the people in the Baltic states proved, nationalism may serve both as an (often dangerous) ideological self-identification for a regime and as a potent doctrine of the masses. Now that the global concept of the

homo economicus has failed, the «citizen», who embodies the ideal identity in a democratic and multicultural society also moves to subordinate ethnic identity to the political one. To ensure ethnic rights, it is said, one must treat its existence as an individual and not as (as opposed to) a group right.

The claimed identity can vary. For example, for the Pomaks in Bulgaria ethnic identity as such is irrelevant, far more important is their religious identity as Muslims or their socio-economic identity as lower class and ill treated. Interesting is also that data show that women are less likely than men to re-claim their Muslim or Turkish identity because of fears of losing certain rights. Identities can be struggling with each other. For example, for the Pomaks between Turkish identity (based on religion) and Bulgarian identity (based on language). Also individual and group claims can differ. Language is important as a symbol and a tool for constructing and expressing identity. It has a crucial role in defining and delineating and for denying the existence of particular groups [21].

The new freedom of self-definition from the part of regional interests and ethnic groups reconstructs the nation-state in ever smaller and more exclusive sets. For Kant, the supreme moral principle was to act in such a way that the maxim underlying the action could hold universally, for all human beings. In our case this maxim could be defined as: you should be looking for a balanced definition of individual and collective identity in a post-Communist world aiming at modernity and mondialisation.

Multiculturalism, regional diversity and democracy

What should be done to prepare the Europe of the future? How can real democracy, in this period of re-discovery and re-definition of group identities lead to the emergence of «global ethnoscape», «interregional cooperation» or «global ecumene»? Certainly not by continuing the idea of Cold War Europe. The logic of a one-sided adaptation to European standards is one of the basic assumptions of European integration. However, this approach is no longer sustainable in a post-Cold War geopolitical situation. Now that citizens obtain recognition and protection of their civil and political rights, at the same time the inequality of living conditions grows. A society that changes its institutions needs to decide which inequality it aims at. These are the limits to the extension of institutions.

Democracy, narrowly defined, refers to the right of citizens to participate in the exercise of political power. In our Western democracies it primarily refers to the rule of law that recognizes certain individual rights and freedoms from governmental control.

Europe is still defined by the traditional ties and institutions: the European Union, the NATO-membership. All Central and East European countries envision incorporation in this globalisation process. Access, however, is only available for a few selected candidates. Will this globalisation result in an unprecedented integration of life-styles of ordinary citizens in East and Central European regions and cities? What are the conditions for regions and individuals to feel at home in an enlarged Europe? What will be the effect of transnational rationality on nations and minorities. Will they react in a similar way to globalisation. The answer must be no, based on the

experiences of East and Central Europeans. We must re-define Europe and look at Central and East European societies in a different way.

In the framework of the European Union, the enforcement of respect for democratic principles was hitherto largely confined to the Union's external agenda. The Communities' founding treaties were rather silent on this matter, following the functionalist method of integration, this political end of further democratisation within a supranational order would be achieved through economic means. But clearly the Community refrained from dealing with countries that were not democratic. The European Parliament as of 1979 repeatedly called for inclusion in the treaties of a formal and enforceable democracy requirement. Accordingly, the Commission opined that Greece could only become an the EC member if pluralist democracy was guaranteed in that country. The European Parliament sent a similar warning to Spain after the failed military coup in 1981. The Copenhagen Declaration on Democracy (1978), which read that «respect for and maintenance of representative democracy and human rights in each member state are essential elements of membership in the European Communities» was, although stated in general terms, primarily designed to guide the Communities' attitude towards the then candidate member states of Southern Europe. After the fall of the Berlin Wall, the economic crisis and the end of Cold War shattered functionalist dreams and forced member states to reconsider the goals and values of European integration. Anti-democratic tendencies emerged again at the same time within various European states, also within the Communities. In the Maastricht Treaty of 1992, as regards external policy developing and consolidating democracy is seen as an explicit requirement (art. 130u (2) E.C. and J.1 (2) TEU). Cooperation between the Union and organisations as the Council of Europe and the OSCE was seen as an instrument to be developed to this end [22]. Reference to the democracy requirement was seen primarily as a political signal to candidate member states, especially Turkey and the former Communist countries of Central and Eastern Europe. Such respect for principles of democracy and liberty, human rights and the rule of law is gradually turning into an ongoing and enforceable condition of membership. The Treaty of Amsterdam, for example, introduces a specific sanction mechanism that can be applied where a member state seriously and persistently breaches these principles [23]. In the case of post-Communist countries it is felt that a commitment to democracy prior to accession does not sufficiently guarantee that these countries will not slide back into dictatorial rule once the accession hurdle is passed. The European Union membership is no longer conceived as an automatic warranty of domestic democracy. But perhaps the problem is not really there. The fundamental values, underpinning the Union and presumed to be common to the member states and often labelled as democratic principles do not have the same connotation in East and West.

Art. F, paragraph 1 of the Treaty of the European Union, amended by the Treaty of Amsterdam, reads as follows: «The Union is founded on the principles of liberty, democracy, respects for human rights and fundamental freedoms, and the rule of law, principles which are common to the member states. However, liberty, respect for human rights and the rule of law are the classical components of political liberalism, indeed closely related, but not identical to democracy. What are the values that are common to the member states? (art. F, paragraph 2 refers to «national constitutional

traditions» as a source of human rights protection). This means that also art. F, paragraph 1 calls for a post-traditional approach to democratic traditions in Europe [24]. That is, an approach whereby national traditions are opened for interrogation and discourse and must explain themselves in the light of the ethos and needs of European integration. According to Advocate General Lagrange, the Court of Justice does not look for a common denominator between the different systems but chooses from each of the member states those solutions which, having regard to the objects of the treaty appear to it for the best [25].

Most often European regions are functional spaces (either for the state or for the European Union) for some policies. But the «Europe of the Regions» seems to be more mythical than a reality. The myth, however, has to be taken seriously as it produces territorial mobilisation. A small number of regions (and cities) are on their way to become collective political actors in European governance. At best European regions become weakly organised passageways for all kinds of networks and they constitute one of the political *forums of governance* and one of the possible areas for mobilisation. All this leads to a kind of European chaos where a multitude of private and collective actors act and interact. Except in the case of strong institutionalisation (as in Germany and certain Spanish Autonomous Communities) regions do not constitute European *governance actors*, but they help in preparing the ground for the European governance game at a sub-national level. Thus, the term «region» serves as a blanket term for all sub-state actors. Regions continue to appear as a level of co-ordination or regulation of multiple actors and networks. In terms of collective actors and economic and political structures in order to analyse inter-governmental relations, the role of the regions has to be relativated. The exceptions are important, but they remain exceptions. Instead of a Europe of the Regions, there is a Europe with certain regions.

With the forthcoming eastern enlargement, European integration steps far beyond its originally conceived borders and has to face qualitatively new cultural and conceptual challenges. The question is whether all Central and East European candidates for the EU-membership can (and are willing to) adapt themselves to the existing model of integration, to its organisational regulation and cultural characteristics. And, from the other perspective, how far is the Western legal, political and cultural model adaptable on the Eastern periphery [26]?

The political elite will determine the course of politics, but it is the cultural elite to become involved in the re-definition of ethnic, national, regional and cultural consciousness and identity. They should avoid extremely negative views, because they recognise the imagined character of identity. The hope is on the peaceful re-making of new identities and the thorough understanding of the sources of conflict. For example, regional diversity can become a positive force, when it is considered in relation to cultural diversity and democratic society. The values of tolerance, solidarity and respect for others provide the substance of democratic governance.

In order to become «the one who sees very far», Europe has to start recognizing multiculturalism and economic (regional) differences as inherent to the idea of European unity itself.

REFERENCES

1. The procedure for preparing enlargement becomes highly technical: the eleven countries (applicants for accession) have to present progress reports on the internal situation of their country in view to introduce the *acquis communautaire*. The first group (5+1: Poland, the Czech Republic, Hungary, Slovenia, Estonia and Cyprus) has to present its negotiation positions in position papers relating to the chapters of the acquis.
2. Kúrti Laszlo & Juliet Longman, (ed.). *Beyond Borders. Remaking Cultural Identities in the New East & Central Europe*, Westview Press, Colorado, 1997. P.1.
3. Denis de Rougemont. *Vingt-huit siècles d'Europe. La conscience européenne à travers des textes d'Hésiode à nos jours*, Paris, 1961. P. 8.
4. Sonja Puntischer-Riekmann. «The myth of European Unity», in: G. Hosking and G. Schöpflin. *Myths and Nationhood*, Hurst & Company, London, 1997. P. 64-65.
5. Ibidem. P. 65.
6. Leviash, I.Ya. *Kulturologiia, kurs lektsii*, Minsk, Tetrasystems, 1998. P. 24.
7. *Die Christenheit oder Europa. Eine Rede abgedruckt (1794)* in : Die Rundschau, 107, 1996, 3. P. 9-25. Published in 1826: Goethe interdicted its publication in 1799.
8. Roland Barthes. *Mythologies*, Parijs, 1957.
9. T.S. Eliot. «The Unity of European Culture» in: *Notes towards the Definition of Culture*. London, 1948.
10. Agence Europe n°7296, 9 September 1998. P.3.
11. Erhard Busek. *Az elképzelt Közép-Europa (The imagined Central Europe)*, Budapest, Szazadvég, 1992. P. 120-121.
12. Jenő Szűcs. «Three Historical Regions of Europe» in: John Keane (ed.), *Civil Society and the State. New European Perspectives*, London, Vaso, 1988. P.291-332.
13. Agence Europe n°7298. 11 september 1998. P.3.
14. European Parliament's Resolution on Linguistic and Cultural Minorities in the European Community, 1994 O.J. C61/111; Annual Reports: 1993 O.J. C155/178; 1996 O.J. C320/36; 1997 O.C. C78/3; Resolution of February 17, 1998.
15. Preamble to the Framework Convention, I.L.M. 351, art. 10.
16. Bull E.C. Suppl. 9/97, 18-20.
17. Bull E.C. Suppl. 11/97, 18-20.
18. Report of March 9, 1998, A4-0087/98.
19. M. Shafir. «Irrational Rationality in the Carpathians», end note RFE/RL Newline and OMRI Daily Digest online at: <http://www.rferl.org/newline/search/>.
20. P. Le Galès and C. Lequesne. *Regions in Europe*, Routledge, London, 1998. P. 2-3.
21. J.Gumperz, (ed.). *Language and Social Identity*, Cambridge, Cambridge University Press, 1982. P. 1-24.
22. Napoli. «The European Union's Foreign Policy and Human Rights», in: *The European Union and Human Rights*, Neuwahl and Rosas (eds), 1994). P. 297; Weiler. «Fin-de-Siècle Europe: on Ideals and Ideology in post-Maastricht Europe», in: *Institutional Dynamics of European Integration*, Curtin and Heukels (eds) 1994. P. 24.
23. A.Verhoeven. «How Democratic Need European Union Members Be? Some Thoughts After Amsterdam», *European Law Review*, vol. 23, n°3, June 1998. P.217.
24. Post-traditional: see Giddens, *Beyond Left and Right. The Future of Radical Politics* (1994), 45.
25. Case 14/61 Hoogovens v. High Authority (1962), E.C.R. 253; (1963) C.M.L.R. 73.
26. Balasz P. Strategies for the Eastern Enlargement of the EU: an integration theory approach in ?

СОТРУДНИЧЕСТВО КУЛЬТУР И РЕГИОНОВ: ГАРАНТИЯ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В РАСШИРЯЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЕ

В статье в различных политических и социокультурных проекциях анализируются концептуальные и политические вызовы, с которыми сталкивается Европейский Союз в преддверии нового этапа своего развития, связанного с приемом в ЕС новых посткоммунистических государств Центральной Восточной Европы (ЦВЕ). Автор показывает, что этот новый этап строительства «единой Европы» сопряжен с выходом европейской интеграции за пределы ранее сформированной системы культурных и политических ценностей, с которыми традиционно отождествляется понятие европейской традиции. Как доказывает автор, этот процесс скорее всего не ограничится механическим распространением на государства ЦВЕ политических норм и культурно-этических регуляторов ЕС, но неизбежно повлечет за собой переосмысление базисных концептов европейской идентичности, которая на протяжении веков принимала различные очертания и смысловые акценты. Рассматривая на обширном материале мифологические, ценностно-политические, историко-культурные, конфессиональные и этнорегиональные интерпретации «идеи Европы», автор анализирует не только адаптивные возможности стран ЦВЕ к восприятию базисных европейских ценностей, но и пределы и условия, в которых мультикультурная парадигма и региональные экономические различия будут (и могут быть) присущи объединенной Европе.

К. Малфлит

РОССИЯ И ЗАПАД — СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ. ВКЛАД И ЗНАЧЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО КОМПЛЕКСОВ

В основе эволюции определенной исторической эпохи и конкретного общества лежат как универсальные тенденции, так и собственные локальные закономерности. Только приблизившись к пониманию их соотношения, можно рассчитывать на постижение истинного смысла происходящего. Любой исследователь опирающийся на принцип историзма с неизбежностью выделяет в качестве предмета своего изучения целостные исторические системы. Их анализ требует применения собственных теоретических методов. Особенно важно правильно оценить аффективность и пределы применения данных методов в периоды перехода от одной исторической эпохи к другой, поскольку этот переход неизбежно пролегает через системный кризис. Конкретные проявления системного кризиса являются знаками, сигнализирующими об окончании определенной исторической эпохи, несут в себе поливариантность будущего.

Универсальность системного кризиса, переживаемого обществом, является следствием исчерпанности энергии эволюционного развития. Его важнейшие составляющие — кризисы мировоззрения и мироотношения, того фундамента, на котором только и может быть выстроен концептуальный футурологический проект, мобилирующий энергию для движения общества в будущее. Успех в формулировании стратегии выхода из системного кризиса в решающей степени зависит от качества анализа связей между наличной социокультурной реальностью и описывающими эту реальность теоретическими моделями. Осмысление изменений не только в сфере политической, но и в экономической и технологической, нельзя осуществить без ясного понимания той роли, которую играет в обществе субъективный фактор (мировоззрение и мироотношение, доминирующие на данном этапе исторического развития). Субъективность накладывает свой отпечаток на интерпретацию теоретических моделей, предъявляемых обществу. В условиях системного кризиса неадекватными являются не только модели реальности, но и используемый для них инструмент интерпретации. Здесь уместно сослаться на Гегеля: «Так как, следовательно, сознание, в отношении своего предмета, находит свое знание не соответствующим ему, то не остается неизменным и сам предмет: иначе говоря, изменяется сам критерий проверки раз то, для чего он предназначается быть критерием, не выдерживает проверки: и проверка есть проверка не только знания, но и своего критерия» [1]. Другими словами, системный кризис есть кризис не только в понимании наличной реальности, но и кризис нашего практического к ней отношения.

Переживаемое русским народом, российским обществом и российским государством кризисное состояние отличается как уникальными, сугубо российскими параметрами, связанными с особенностями истории и географического положения страны, так и некоторыми достаточно универсальными, выходящими далеко за пределы России общесовременными характеристиками. Попытки разобраться

в природе кризиса, его истоках, сформулировать варианты дальнейшего развития являются предметом серьезнейшего внимания как теоретиков — историков, философов, социологов, экономистов, так и специалистов по социальному управлению — политиков, прогнозистов, глобальных модельеров, всех, кто причастен к принятию важнейших для общества решений. Жизненная необходимость преодоления кризиса и решения задач сохранения общества, народа и государства заставляет практиков всерьез всматриваться в сугубо теоретические конструкции.

Колоссальный рост социальных, экологических, демографических и иных проблем не проходит мимо внимания Церкви. Даже богословы, представляющие один из самых консервативных социальных институтов, озабочены происходящим. Несмотря на конфессиональные различия и католики, и протестанты, и православные обсуждают природу и характер глобального кризиса, не ограничиваясь сугубо религиозными аспектами происходящего. Следствием универсальности кризиса являются разрушение и эрозия институционально-религиозного комплекса, проявлением которого на Западе можно считать рост популярности такого феномена, как «теология освобождения». Популярность последнего внутри католицизма означает не наличие особого мнения в области догматики или экклезиологии, но скорее различное отношение Церкви и ее иерархов к экономическим и социальным институтам современного общества. Учитывая ту выдающуюся роль, которую играет Католическая Церковь на Западе, можно говорить, что кризис затронул самые основы общества как на Западе, так и в России, поскольку в основе религиозного мировоззрения лежит основополагающая соотнесенность с лоном метафизически священного. Вторжение в нее новой реальности требует иного взгляда на природу общества и человека и их соотношение.

Предметом настоящей работы является попытка достаточно общего анализа источников и фундаментальных составляющих системного кризиса в аспекте взаимодействия таких базовых идейных комплексов как Знание и Вера, Рациональность и Религиозность. Историческая эволюция их взаимоотношения и взаимовлияния достаточно полно представлена в работах выдающихся философов, историков и теологов, как русских, так и западных. Нас будет интересовать роль и значение подобного взаимодействия для формулирования будущей стратегии модернизации России. При этом под модернизацией мы понимаем проекцию глобальных цивилизационных трансформаций на локальную рационально-технологическую и социальную структуру современного российского общества.

Задача обнаружения истинных истоков системного кризиса крайне сложна. В определенном смысле можно утверждать, что его проявление было запрограммировано на заре Нового времени самим выбором траектории глобального развития. Первые теоретические работы, обращавшие внимание на проявления симптомов кризиса, приведших к современному состоянию, фиксируются с начала прошлого века. Именно тогда в размышлениях таких русских мыслителей, как славянофилы — А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, И.В. Киреевский, чуть позже в философско-публицистических работах К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, в гениальной прозе и эссеистике Ф.М. Достоевского были зафиксированы первые признаки грядущего кризиса. Панволонтаризм Ф. Ницше, историческая морфология О. Шпенглера, правоконсервативная философия Ж. де-Местра, Р. Генона, Ю.

Эволя и других европейских мыслителей уже с другой стороны и при других обстоятельствах отмечали принципиальное неблагополучие идейно-философской основы западноевропейской цивилизации. Особенно ярко и широко негативные тенденции зафиксированы в фантастической прозе Е. Замятина, О. Хаксли, Р. Оруэлла, сумевших в гротескной форме описать вероятные опасности для будущего человечества. Сегодня можно абсолютно ясно видеть, что их предупреждения не были услышаны. Более того, часть описанных ими сценариев реализовалась на практике.

Источники и природа углубляющегося кризиса по-разному описываются и анализируются теоретиками исходящими из собственных идеологических предпочтений, оформляемых в конструируемых ими социокультурных моделях. Общим при этом является лишь признание наличия кризисных тенденций. Однако дальше, когда предлагаются конкретные стратегии выхода из кризиса, это согласие разрушается. Зачастую без должного внимания остаются такие фундаментальные обстоятельства, как реальная роль и значение базовых для каждого общества составляющих (религиозные и рациональные идейные комплексы), которые наличествуют в конкретной цивилизационной структуре. Здесь вполне уместно напомнить о нашумевших докладах «Римского клуба», технологических эссе Д. Несбита, которые принципиально технократичны по своим качествам и воплощают ложный технологический пессимизм или оптимизм. В этом ряду не последнее место занимает политический манифест либерализма — эссе «Конец истории» Ф. Фукуямы.

Природа реальности, ее качественный характер, объективное присутствие «общего» и «единичного», неизбежно возникающее при проектировании будущего общества, остаются без должного внимания. Однако хорошо известно, что со времен Платона идет спор между номиналистами, не признающими реальность общего, и реалистами, утверждающими прямо противоположное. Общее принципиально невыводимо из единичного, и при отрицании его объективной значимости нельзя объяснить, ни как образуются понятия, ни что они значат для понимания социодинамики (Э. Гуссерль, Н.О. Лосский).

Необходимость принять во внимание данное соображение заставляет теоретиков, занятых осмыслением социальной реальности, крайне осторожно относиться к «человеку» и «прогрессу» вообще. Без решения общеполитической проблемы соотношения между общим и единичным, методологической проблемы соотношения между частью и целым, гносеологической дилеммы субъект-объект, аксиологической проблемы ценности и цели, их совпадения и различия в конкретных условиях крайне опасно принимать крупные решения относительно преобразования конкретного общества. Если эти обстоятельства не принимаются во внимание, тогда общество становится пассивным материалом, которому можно придавать любую желаемую форму. Как показывает исторический опыт, в том числе опыт политических режимов, появившихся в XX в., в частности большевизма, национал-социализма, фашизма и либерализма, в отсутствии такого понимания заключается одна из самых опасных иллюзий, следование которой обрекает народы, ввергнутые помимо их воли в пучину преобразований, на многочисленные потери и бесчисленные страдания.

Рецепты преодоления кризиса, не учитывающие принципиальные культурные и философские различия во взглядах на природу общества в русском и западноевропейском мышлении, попытки механического переноса западной модели организации общества на русскую почву обречены на провал. Свидетельством последнего являются усилия так называемых «реформаторов», прилагаемые в механическом и насильственном виде к такому социокультурному организму, как историческая Россия. Новоевропейская мысль, философская и политическая, укорененная в религиозном рационализме, начиная с Бэкона и Декарта основывается на примате некоего абсолютного первичного начала — «Я», носителя уникального индивидуального сознания. В центре такого индивидуального сознания находится ядро — «гносеологический субъект», абсолютно противостоящий «не-Я», как предмету или объекту познания. Уникальная личная активность западного индивида, как интеллектуальная, так и деятельностная, целиком оправдывается подобной точкой зрения.

Как отмечал Гегель: «Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы способна оказать сопротивление дерзновению познанию» [2]. В этих словах в концентрированном виде отражается пафос западноевропейского «фаустовского» человека [3].

Подобная позиция лежит в основе технологии принятия решений с опорой на рациональные дискурсивные технологии и конструкции, когда эτικο-моральные и ценностные оценки акта познания или поведения отесняются на периферию. Концептуальное ядро, закладываемое западным мышлением в основу стратегии реформирования общества, направленной на преодоление кризиса, порождает иллюзию экономико-технологической достаточности при решении проблем социальной модернизации.

Альтернативная точка зрения, доминирующая в традиционном российском сознании, исходит из первичности социального «Мы». Именно такой подход достаточно явно просматривается на протяжении всей русской истории. Он основывается на коллективистском сознании, интегрированном через культуру, идеологию, историю, язык. В рамках данного подхода ядро социальной конструкции выстраивается с помощью этических и ценностных ограничений, а рационально-дискурсивные параметры, типа технологической и экономической эффективности, остаются на втором плане. Более того, русские мыслители начиная со славянофилов ставили коренной вопрос о социально-религиозных предпосылках философского мышления. Так, И.В. Киреевский подчеркивал фундаментальную зависимость новоевропейской философии от протестантизма или латинства, основанного на рационально-индивидуалистическом складе ума западного человека: «То направление к рациональному самоосмыслению, которое началось на Западе около времен реформации и которого первым представителем в философии были Бэкон и Декарт, постоянно возрастает и, распространяясь в продолжение трех с половиной столетий... достигло, наконец, последнего всевещающего вывода, далее которого ум европейского человека уже не может стремиться, не изменив совершенно своего основного направления. Ибо, когда человек отвергает всякий авторитет, кроме своего отвлеченного мышления, то может ли он идти далее того воззрения, где все бытие мира является ему диалектикой его собственного разу-

ма, а его разум самосознание всемирного бытия?» [4]. Славянофилы, учитывая определенные различия между протестантизмом и католицизмом, в то же время фиксировали наличие между ними фундаментального единства.

Снова цитируем И.В. Киреевского: «В латинстве, не менее протестантства, видим мы отвлеченный разум в самой основе вероучения, не смотря на то, что в борьбе с протестантством латинство отвергает рационализм, опираясь на одно предание. Ибо только в противоречии с протестантизмом поставляет латинство церковное предание выше человеческого разума: но в отношении к Церкви вселенский Рим в делах веры дает преимущества отвлеченному силлогизму перед святым преданием, хранящим общее сознание всего христианского мира в живой и неразрывной ценности» [5]. Здесь формулируется совершенно отличный, характерный для православия, подход к пониманию природы и статуса Человека и Абсолюта.

Задачи выбора оптимальной стратегии модернизации России и российского общества, поиска наиболее эффективных технологий реформирования, в контексте которых может быть решена практическая задача экономической и технологической модернизации, должны опираться на исторический компромисс двух типов моделей, одна из которых ставит в центр логико-гносеологические предпочтения (новоевропейское сознание), а другая исходит из приоритета этики и аксиологии (русское сознание).

Механизм устойчивости любого социокультурного организма обеспечивается через присутствие в нем конкретных рационально-культурных инвариантов, позволяющих отличать одно общество от другого. Эти инварианты достаточно медленно меняются во времени, обеспечивая процесс социокультурной идентификации. Присутствие в фундаменте общества таких значимых инвариантов фиксирует качественные границы того коридора, внутри которого может проходить траектория эволюционного развития. Более того, эти инварианты определяют темпы и характер эволюционных изменений. Альтернативное эволюционному революционное развитие означает слом и разрушение подобных инвариантов, ведущий к принципиальному реструктурированию общества, его иерархии, идеологии и ценностей.

К числу важнейших исторических инвариантов, наличествующих в любом типе общества, относятся комплексы устойчивых религиозно-метафизических представлений. Такие комплексы принципиально неустранимы из общественного сознания, поскольку только с их помощью удастся получить ответ на такие важные вопросы, как что такое жизнь, каков смысл и цель истории, что такое добро и зло и т.д. От ответа на них сильно зависит поведение не только отдельного человека, но и народа в целом. Именно эти представления образуют базовую систему координат, по которым сверяется индивидуальная судьба и коллективная история. Попытки с помощью науки ответить на эти и подобные вопросы, особенно ярко проявившиеся в эпоху Просвещения с его культом разума и науки, потерпели поражение в прошлом, несостоятельны в настоящем и обречены на неудачу в будущем. Определенными свидетельствами принципиальной невозможности получить ответ на экзистенциальные сущностные бытийные вопросы служат результаты, полученные в таких рафинированных дис-

курсивных конструкциях, как модели теоретической физики — квантовая механика и релятивизм, основания математики и теоретическая биология. Так, один из современных крупнейших западных философов Л. Витгенштейн отмечал: «Мы чувствуем, что если бы даже все научные вопросы были бы разрешены, проблемы жизни, тем не менее, не были бы затронуты вовсе» [6]. Именно выдающиеся достижения современной науки поставили естественные границы для человеческого дискурса, индивидуального (математическая логика) и коллективного (теоретическая история). В определенном смысле известный кантовский категорический императив о «восхищении моральным законом в человеке и звездами в ясном небе» [7] нуждается в фундаментальном дополнении — «нас восхищает мощь и поражает бессилие человеческого разума».

Наиболее полно позиция западного мышления отразилась в классическом идеализме, который выступает в трех соотношениях сознания и бытия: *эмпиризм* признает единственным источником познания чувственный опыт и определяет сущее как то, что является; *отвлеченный рационализм* считает источником познания чистую мысль, и сущее выступает для него в качестве идеи; *мистицизм* видит источник знания в вере, мистической интуиции, когда сущее выступает как сверхчувственная реальность. Согласно Гегелю, природа есть инобытие идеи. Природа, история, мировой процесс, по его мнению, возникают в результате отпадения идеи от самой себя! «Абсолютная свобода идеи состоит в том, что она не только переходит в жизнь и также не только в том, что она, как конечное познание, позволяет жизни отражаться в ней, а в том, что она в своей абсолютной истине решается произвести из себя момент своей особенности или первого определения особенности определения и инобытия, непосредственную идею, как свое отражение решается на самое себя свободно отпустить себя в качестве природы» [8].

Проблема российской модернизации, понимаемая в достаточно узком смысле как перестройка научно-технологического фундамента социума по западноевропейскому образцу, сегодня не может быть грамотно спроектирована вне осознанные вышеприведенных рационально-дискурсивных ограничений и осознания той особой роли, которую в обществе занимают наука и основанные на ней техника и технология. Современная наука и техника практически подчинили себе все общество, являясь не только его фундаментом, но и целью развития. Следовательно, революционные изменения в этом фундаменте неизбежно влекут принципиальные трансформации всего социума, его культуры, этики и морали. Радикальный переход социума с одной траектории технологического развития на другую вступает в неразрешимый конфликт с базовыми ценностными ориентирами. Последние — условия устойчивости общества — закреплены в его социокультурных инвариантах. Фактически можно вести речь о конфликте между двумя принципиально различными типами метафизики, одновременно присутствующими в этосе народа. Именно метафизика является тем генератором, который производит ответы на самые фундаментальные проблемы, которые постоянно формулируются от эпохи к эпохе, от общества к обществу, от человека к человеку.

Основные различия внутри одной цивилизационной ветви по времени или между разными цивилизационно-культурными типами в пространстве заключаются не в типе материального производства, его параметрах и масштабах (точка зре-

ния марксизма) или в политико-идеологическом режиме (точка зрения либерализма), но в природе доминирующей в нем метафизики. Именно метафизика лежит в основе экономики, культуры и науки, в фундаменте социальной иерархии. Метафизические комплексы структурируют базовое проблемное поле, организуя специфический тип соответствия между характером вопросов, которые признаются осмысленными, и ответами на эти вопросы, которые признаются приемлемыми. Метафизика легитимизирует всю конструкцию, состоящую из обобщенных вопросов, обобщенных ответов и соответствий между ними. В определенном смысле можно говорить о конкретном «метафизическом стиле мышления», отличающем общество от общества, этнос от этноса, эпоху от эпохи. Между такими метафизическими стилями мышления существует сложная иерархическая связь — интеллектуальная, рациональная и историческая.

Общая идея метафизики восходит ко временам Античной Греции, когда впервые были поставлены вопросы о сущности бытия, то есть — чем являются вещи «сами по себе» в независимости от наличия человека, его деятельности, его сознания и мышления? Сам термин «метафизика» и его появление кажутся случайными. Андроник Родосский в первом веке до нашей эры предпринял попытку привести в порядок и систематизировать рукописи Аристотеля. Вслед за группой трактатов, относящихся к физике, он поместил трактаты, посвященные проблемам бытия и познания. Они были объединены единым названием «То, что после физики». Впоследствии термин «метафизика» стал употребляться как для определения высшего предмета, так и для характеристики метода философствования. Он обозначает все философские учения о началах (принципах) бытия вещей и о принципах их познания. Другими словами, метафизика концентрирует в себе предельные вопросы онтологии и гносеологии.

На протяжении всей человеческой истории мы видим постоянную постановку таких вопросов — систематическое философствование и мистические озарения, религиозные учения и научные теории стремились прорваться к сути вещей, пытались прояснить онтологический статус предметов и явлений. Формы постановки и решения этих проблем зависели от конкретного типа метафизики. Их постоянное воспроизводство свидетельствует, что проблемы метафизики принципиально неразрешимы при помощи рационального мышления.

Один из самых выдающихся умов в истории физики Дж. К. Максвелл свидетельствовал, «что путь к правильной физической теории пролегает через логово метафизики, усыпанное останками исследователей» [9], физиков и математиков.

Даже в заповеднике логической ясности и строгости — математической логике и основаниях теории множеств — получены результаты, принципиально ограничивающие результативность логических построений, такие, как теоремы Геделя о неполноте и Тарского о невыразимости истины [10]. Эти теоремы принципиально ориентируют нас при поиске ответов внутри логических систем на переход к метасистемам. Сам термин метафизика, восходящий к Аристотелю, в пределе совпадает с размышлениями о метасистемах и практически подкрепляется выдающимися результатами в современной и рафинированной теоретической математике. В некотором смысле нам приходится иметь дело с метасистемной «ге-

делевской матрешкой», на каждом этапе раскрытия которой появляются свои неразрешимые проблемы.

Теоретическое мышление, ставящее радикальную проблему выяснения базовых ограничений, налагаемых на эволюцию как дискурсивного теоретизирования, так и нерасчлененного массового сознания, сталкивается с парадоксальной ситуацией, когда осознается наличие двух несводимых друг к другу идейных комплексов. Первый из них — круг религиозных представлений, основанных на христианской традиции, трактующих предназначение человека, смысл жизни, природу добра и зла и т.д. Второй, альтернативный круг идей и представлений современной науки совершенно иначе пытается отвечать на эти вопросы. В то же время современная наука даже не способна приблизиться не только к ответу на них, но и грамотно поставить такие вопросы. Мифы классической науки (рационализм Декарта, редукционизм Ньютона, детерминизм Лапласа, эволюционизм Дарвина) опровергнуты средствами самой науки, хотя в значительной степени еще разделяются современным массовым сознанием.

Теоретическое мышление обретает твердую почву только тогда, когда выделяет в явном виде дуальные пары, структурирующие проблемное поле, когда базовые понятия, описывающие предметную реальность, расположены внутри бинарных оппозиций. К числу таких важнейших базовых понятий можно отнести конечное и бесконечное, дискретное и непрерывное, линейное и нелинейное. Необходимость такой дуализации привела в теоретическом мышлении к разделению мира на физический и знаковый. Способность оперировать знаковыми структурами является важнейшим человеческим качеством. Вся история цивилизации представляет собой все более и более эффективное оперирование с соответствиями между материальным предметом и его знаковым представлением, закрепленными в исторически обусловленных нормах рациональности. Современное состояние, когда рациональность считается независимой от религиозных и метафизических доктрин, является характерным признаком новоевропейского мышления. Так, И. Шеффлер, известный историк и философ науки, отмечает: «...вне опыта трех последних столетий было бы явным абсурдом полагать иррациональным взаимопроникновение науки, теологии и метафизики. Представления о независимости науки от теологических и метафизических доктрин есть не более как исследовательская традиция недавнего времени» [11]. Подобную же точку зрения разделяет и Л. Лаудан: «Понятие рациональности является исторически обусловленным. Любая аргументация — научного, теоретического и метафизического характера — может признаваться рациональной в том случае, когда принимается решать конкретные проблемы» [12]. Таким образом, осознав принципиальную ограниченность научных методов познания и невозможность с помощью рациональности получить ответы на фундаментальные вопросы о смысле и целях природы и истории, мы неизбежно возвращаемся к проблемам метафизики.

Другой причиной апелляции к представлениям метафизики является осознание различий в познании и деятельности между явлением и его ценностью. Онтологически-бытийные и аксиологически-ценностные манифестации единого предмета взаимно детерминируют друг друга, когда природная и знаковая реальность, сливаясь в теоретическом пределе, мерцая и переливаясь, становятся совершенно

неразличимыми [13]. Чем длиннее логико-операциональная цепочка, тем труднее различать сущность и явление. Познание, постоянно сталкиваясь с такой дихотомией, зачастую неспособно их различить.

Совершенно ясно, что в силу принципиального единства человеческого мышления кризисы, проявляющиеся в высшей степени структурированном и, казалось бы, логически прозрачном физико-математическом мышлении, не ограничиваются последним. Они, эти кризисы, с неизбежностью должны проявляться в более широком социокультурном контексте, поскольку точное знание является хоть и важной, но всего лишь частью человеческой культуры.

Необходимо осмыслить неистребимую дихотомичность, присущую теоретическому мышлению в рамках гораздо более древней и более фундаментальной оппозиции «сакральное-профанное». Именно эта оппозиция, явно или неявно присутствующая в сознании каждого, управляет и творческим порывом исследователя и рутинной жизнью обывателя. Сакральное следует понимать как не только священное, но более широко — как нечто имеющее безусловно позитивный статус. На техническом языке философии такая оппозиция формулируется как оппозиция — трансцендентное-имманентное. Трансцендентное наделяется качествами абсолютного, бесконечного, непрерывного, а имманентное — есть конкретное, конечное, дискретное.

Сакральные представления возникли на заре человеческой истории. Они являлись важнейшим регулятором социального поведения, блокируя или вытесняя на задний план безраздельно господствовавшие до этого биологические факторы поведения, выполняя, в частности, функцию социального контроля. В некотором смысле именно в представлениях о сакральном экспонировались фундаментальные качества космического миропорядка. Являясь абсолютными и неоспоримыми по своей природе для всех, кто их разделяет, они парадоксальным образом — будучи абсолютно неморальными — легитимировали наличествовавшие в социуме этико-моральные механизмы управления. Другими словами, онтология сакрального переплавлялась в аксиологию профанного. В максимальной степени этико-моральные предписания зафиксированы в религиозной рефлексии и практике, являясь ядром религии. Более того, даже картина мира, основанная на современной науке и технике, целиком определившая суть новоевропейской метафизики, «где нет места для Бога» [14], содержит в себе следы глубочайших религиозных интенций. Наука, озабоченная поисками истины, технология, стремящаяся к максимальной эффективности, в своем пределе беспомощно останавливаются из-за отсутствия каких-либо высших ценностей. Кантовская ясность в понимании истины как «соответствия понятия предмету» [15], не успевающая фиксировать, что такое понятие (объект мышления) и что такое предмет (объект деятельности), тем более не способна указать, каково реальное соответствие между ними. Статус сущего — ядро метафизики — распадается и исчезает, не давая себя обнаружить и зафиксировать. Рациональность и дискурсивность, основные достоинства и гордость научного физико-математического мышления, объект поклонения и восхищения общества, неспособны даже намекнуть на ответы, в которых нуждается даже самое примитивное мышление. В результате мы имеем дело с базовым конфликтом меж-

ду целостным спиритуально-религиозным идейным комплексом и частными рационально-дискурсивными конструкциями.

Если в религии человек ощущает себя лишь в качестве объекта, противостоящего трансцендентному, и находится с ним в интенсивных эмоциональных отношениях, то технократическое сознание, основанное на примате рациональности, исходит из иного понимания трансцендентного, а значит, привычная религиозная практика претерпевает превращения. Это превращение превращает секуляризованного человека в особое состояние, когда религиозная медитация и поклонение абсолютному исчезают и замещаются поклонением абсолютной мощи науки. Религиозный этос трансформируется в этос технологический. На самом деле мы имеем дело с апелляцией как индивида, так и общества к принципиально различным типам абсолютного, к исповеданию несовпадающих наборов ценностей. Опора на материальные и предметные предпочтения не уничтожает трансцендентного, а низводит его «в мир».

Такая позиция является источником целой цепи кризисов и конфликтов, воспроизводимых все с большей и большей интенсивностью на протяжении всей человеческой истории. Именно здесь можно усмотреть истоки переживаемого современным человечеством системного кризиса. Вновь обратимся к Гегелю, который говорит: «Итак, философия рассматривает абсолютное, во-первых, как... идею..., во-вторых, всю деятельность в ее воплощениях, и это есть путь Абсолютного к тому, чтобы стать для себя духом: таким образом, Бог есть результат философии, о котором мы узнаем, что он есть не только результат, но и вечное самосознание, предшествовавшее самому себе. Односторонность результата снимается в самом результате» [16].

Молчаливое фактическое признание господствующего «метафизического» стиля мышления, ориентированного на рациональность и эффективность, когда последние достигли феноменального могущества в сфере науки и технологии, грозит вылиться в глобальную катастрофу. Истоки этой катастрофы прослеживаются у самых начал новоевропейской истории и связаны с принципиальным разрывом между онтологическими и аксиологическими аспектами бытия. Сами техника, технологии и наука превратились в цель, подчинили себе и человека, и человеческую историю. Логика такого развития, осмысленная до конца, требует другого человека, способного равнодушно и машинообразно воспринимать реальность. Сверхчеловек — цель и результат развития такой метафизики, где за природой и вместо природы стоит машина. Фактически, сегодня приходится говорить не о метафизике в аристотелевском смысле, а о метамашине, где последняя заменила живую природу, являясь бездушным и безэмоциональным механизмом. Вместо Ницшевского «Бог умер!» следует говорить: «Да здравствует машина!» Механический дискурс, реализованный в машине, заполняет пропасть между онтологией и аксиологией. Эта ситуация заставляет трепетать обыденное сознание, вдруг обнаружившее себя объектом манипулирования со стороны совсем иной трансцендентности, лишенной религиозной теплоты, безжалостной и равнодушной.

Неистребимый конфликт между целями и ценностями, сосредоточенный в человеческой истории, привел к смешению трансцендентного и имманентного.

Целевая рациональность вбирает вглубь себя ценностные аспекты, а рационалистическая ценность заменяет универсальные надчеловеческие религиозные критерии выбора целей. Таким образом, смешение целевой рациональности и рациональной ценности минимизирует различия между ними, когда последние не осознаваемы не только в логическом, но и в историческом пределе. Целевая рациональность исходит из задач поиска и формулирования законов Природы и Истории, иллюзорно считая, что можно с их помощью манипулировать природными и историческими процессами. Крайне отрицательное влияние марксизма на Россию и русское общество связано с мифом о том, что якобы марксизм установил законы истории. Формулируемые цели в соответствии с этими законами обладали обманчивой ясностью и простотой. Конфликт между марксистской метафизикой и доминирующей новоевропейской метафизикой, поразному формулировавших цели и законы истории, на время разрешился в пользу последнего, когда марксизм не выдержал проверки историей и утратил свою основную привлекательность — иллюзию научности, практически превратившись на последнем этапе в квазирелигию.

Вакуум, возникший в российском сознании в результате идеологического и институционального вытеснения марксизмом Православия на периферию социума, заполнялся квазирелигиозной апелляцией к надчеловеческим и универсалистским ценностям и целям. Трансцендентное в религии явочным порядком было замещено марксистской эсхатологией. Давление универсализма подобного типа, проявившееся как результат исторически определенной констелляции марксизма, либерализма и христианства, в конечном итоге парадоксальным образом привело к распаду и обрушению русского национального сознания. Не изжив фундаментальной конфликтности между прогрессизмом и консерватизмом, парадоксальным образом встроенными в русское национальное сознание, философия марксизма увеличила разрыв между правдой и истиной. Необходимо понимать, что такое различие является уникальным свойством русского национального сознания. Крушение идеологии марксизма проявилось не только как крушение политического режима, но и определенного стиля жизни. Грандиозный футурологический марксистский проект оказался невыполнимым. Место исторического протагониста в русском сознании освободилось. Наркотическое опьянение от иллюзии причастности к управлению Историей закончилось, оставив после себя понимание фундаментальной опасности глобальных претензий на роль субъекта истории. Что означает происходящее? *Finis Russiae* — конец русской истории или есть шанс преодоления катастрофы? Что нужно понять и, понимая, делать для того, чтобы эти шансы не упустить?

Крайне опасна ситуация, когда секуляризованное русское сознание подвергается агрессии со стороны новых мифов. К их числу относятся мифология, настоящая на науке и технике, которую часть общества воспринимает с почти религиозной страстью. Религиозная матрица, наличествующая в национальном русском сознании, проявляется через квазирелигиозное приятие современной науки и технологии. В то же время на этот процесс воздействуют универсалистские идеи философии позитивизма, которая изначально неспособна на адекватное осмысление природы истории. Доминанта позитивизма — протоколы наблюдений

— находится абсолютно вне ценностных оценок, в то время как в сам фундамент технологического развития явочным образом встроены религиозные и метафизические фрагменты. Об этом постоянно напоминал М. Хайдеггер, с точки зрения которого техника есть результат и следствие развития западной метафизики [17]. Один из крупнейших социологов современности М. Вебер также считал, что решающее воздействие на развитие техники оказала христианская теология [18]. Точка зрения Вебера в определенном смысле восходит к идее И. Канта о том, что ценность деятельности равна ее результату. «Веберовский дух капитализма» как результат и основа протестантского выбора, освящающего и оправдывающего результат и цели технологичности и экономики, достиг в западном обществе своего максимального воплощения.

Западное общество попало в капкан исторически развивающегося и постоянно углубляющегося конфликта протестантской этики и новоевропейской метафизики, когда неуправляемое и агрессивное развитие науки и техники, экономики и технологии породило грандиозные этические и экологические конфликты. Такие проявления этого конфликта мы рассматриваем как неизбежную плату за успехи Запада, достигнутые предельной эксплуатацией механизмов рациональности. Метафизика, не включающая в себя примата абсолютного над человеческой моралью и этикой, неизбежно ведет человечество к катастрофе.

Перечисленные выше соображения ставят Россию перед необходимостью учета аксиологических составляющих, характерных для русского национального сознания, в ситуации формулирования стратегии выхода из кризиса. Основной целью и инструментом является модернизация, учитывающая инварианты, присутствующие в русском и российском мировоззрении и мироотношении. Нельзя представлять стратегию модернизации лишь как модернизацию экономико-технологическую. Рационализм и прогрессизм как основа стратегии модернизации способны завести Россию в еще более тяжелое, чем на Западе, состояние.

Широко распространенное среди большинства современных российских политиков и управленцев понимание модернизации сводит последнюю к экономико-технологическому развитию по западному англосаксонскому образцу. Привлекательность подобного подхода объясняется тем, что он учитывает лишь грандиозные технологические успехи Запада, но не отдает отчета в том, что Запад переживает свой собственный кризис. Принципиальная несравнимость континентальной русской евразийской и морской англосаксонской западной цивилизаций при осознании роли ценностей для стратегического выбора очевидна. В то же время процессы конвергенции на основе науки и техники есть абсолютная реальность. Количественное совпадение при качественном различии между ними заставляет искать новую стратегию.

В основе феноменальных технологических достижений Запада, составляющих основу ее социокультурной модели, лежит специфический тип метафизического мышления. Возвращаясь к дискуссии между славянофилами и западниками, мы должны помнить, что эта дискуссия актуальна и сегодня. Фундаментальные константы, к которым вольно или невольно апеллирует русское сознание, — Православие и срединное положение России. Западное же сознание — фаустовское, по определению О. Шпенглера, — сверяется с совершенно другим набором

фундаментальных констант. С точки зрения А. Тойнби: «В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени и места. В настоящий момент жизнь западного мира определяют два института: индустриальная система экономики и столь же сложная политическая система, которую мы называем «демократией», имея в виде ответственное парламентарное представительство суверенного национального государства» [19]. Он же отмечает, что «особенность индустриальной системы была осознана западной мыслью еще в первой половине прошлого столетия. Поскольку развитие индустриальной системы опирается на успехи физических наук, вполне естественно предположить, что между индустрией и наукой была некая «предустановленная гармония»».

Парадоксальным образом идея о том, что научное и технологическое могущество сделало человечество счастливым, ограждает его от бесчисленных опасностей, привлек к состоянию, когда под угрозой оказались сами основы Бытия. Мы уже отмечали, что тип и характер кризисов, время их проявления различаются для Запада и России. В то же время вся история человечества есть история преодоления кризисов. Но вплоть до настоящего времени эти кризисы были локальными. Лишь только в нашем веке благодаря могуществу науки и техники они приобрели глобальный статус. Одним из составляющих современного кризиса является принципиально новый и уникальный феномен — массовый человек, человек толпы. Именно он в определенном смысле стал той осью, вокруг которой стала вращаться история [20]. Именно его представления, представления массового человека определяют траекторию развития общества. Этот феномен один и тот же, как для Запада, так и для России; солисты исчезли, хор остался.

Реализация модернизационного проекта с неизбежностью ставит вопрос о том, какие властные и интеллектуальные ресурсы для этого потребуются, поскольку в общем виде успех модернизации означает перевод общества с одной цивилизационной траектории на другую. Проблема власти, власти не только над природой через науку и технологии, но и власти над обществом через концептуальные и экономические конструкции, позволяет или усиливать, или блокировать модернизационные импульсы, выбирать направления модернизационных векторов. Отмеченный ранее феномен засилья массового человека существенным образом деформирует модернизационные усилия, прикладываемые управляющей элитой для достижения конкретных целей. Базовое состояние массового сознания есть неустойчивое дисперсное разорванное образование, распятое между конечностью человеческого тела и жизни и бесконечностью мышления и духа. Преодоление или устранение такого разрыва невозможно без встраивания в национально-государственную идеологию новых мифов, способных интегрировать аморфное общество и разорванное национальное сознание в достаточно монолитную и структурированную общность, которая будет устойчивым и прогнозируемым образом реагировать на производимые модернизационные импульсы. Западное сознание и западное общество в качестве таких мифов используют мифы либерализма, в центре которых лежат новоизобретенные понятия, такие как гуманизм и прогресс. Идея гуманизма, возникшая на исходе средневековья, ознаменовала собой перенос фундаментальных целей индивидуальной судьбы к коллективной

истории в непосредственную материальную реальность. Этот феномен замечательно описан в работах швейцарского историка культуры Я. Буркхардта и выдающегося русского мыслителя А.Ф. Лосева. Новое время характерно и отличается от предыдущего отождествлением мифов о прогрессе и гуманизме, практически сплавленными воедино.

Рационализация бытия на основе либеральной мифологии абсолютно противостоит присутствию трансцендентного в индивидуальной судьбе и коллективной истории. Усиливающийся конфликт между реалиями постиндустриального технотронного общества, нелинейного по своей природе, и сугубо рационалистическими, механическими представлениями новоевропейской метафизики должен быть преодолен. Индетерминистская технотронная реальность не может быть описана с помощью механической метамашинной логики.

С начала 70-х гг. в научный оборот вошли такие термины, как стиль мышления и парадигма, с помощью которых теоретики пытаются схватить суть происходящего. Термин парадигма имеет древнегреческое происхождение. Его синонимы — пример, образец, модель. Понятие парадигмы введено философом и историком науки Т. Куном для моделей интерпретации или объяснения как «совокупности убеждений, ценностей, технических средств и т.д., которые характерны для данного сообщества» [21]. Эффективность использования понятия парадигмы для изучения истории науки убедительно продемонстрировала ее широкие возможности и создала предпосылки для использования далеко за пределами истории и теории естествознания. Это позволяет фиксировать в достаточно общем виде фундаментальные матрицы, описывающие структуру взглядов на интеллектуальную или социально-экономическую реальность, разделяемые большим количеством индивидов на протяжении крупных временных периодов.

До выхода на первый план научных и философских взглядов, формирование которых связано с именами Галилея и Декарта, такие матрицы основывались на религиозных представлениях. Эти представления являлись источником и механизмом как для формулирования метафизических конструкций, так и основ создания интеллектуального инструментария. На всем доступном исследователям протяжении истории человечества именно в рамках религиозной метафизики находили объяснение тип и характер событий. Такая точка зрения является общим местом в историографии и не требует дополнительной аргументации. Мы уже отмечали, что даже в значительной мере светские представления и концепции о характере истории от сократо-платоновских до практически безраздельно господствующих в настоящее время либеральных концепций замешаны на религиозных импульсах. Таковыми являются и представления К.Н. Леонтьева, и теория «идеальных типов» М. Вебера, и даже марксистская формационная модель. Все они в той или другой степени инкорпорировали в себя религиозно-этические предпочтения и конструкции, характерные для тех или иных типов религиозности внутри христианской традиции. Такая ситуация связана с тем, что христианство на протяжении большей части человеческой истории наиболее широко и полно отвечало на фундаментальные вопросы о бытии. Разумеется, мы говорим о христианстве, оставляя за пределами анализа другие религиозные комплексы, потому что мы рассматриваем отношения России и Запада.

В общем виде, вплоть до настоящего времени говорят об эволюции двух типов парадигм, условно обозначаемых как религиозно-христианские и светски-метафизические. Они отличаются тем, что к их ядру можно отнести то, что обозначается как *Nomos Teos* и *Nomos Anthropos* (Бог и человек — несводимые друг к другу, но и неразделимые сущности). Группирующиеся вокруг этих полюсов системы понятий и категорий и связанные с ними наборы социальных институтов обеспечивают устойчивое развитие общества, влияя на все сферы частной и общественной жизни. Естественно, кратким образом дать описание исторического ряда религиозно-христианских парадигм. Такая классификация принадлежит известному католическому теологу Х. Кюнгу [22].

1. Апокалиптическая парадигма первоначальной церкви и иудео-христианства.
2. Эллинистически-византийская парадигма древней церкви.
3. Средневековая римско-католическая парадигма.
4. Реформационная (евангелически-протестантская) парадигма.
5. Модерная просвященческо-новоевропейская парадигма.
6. Постмодерная постпросвященческая парадигма нашего времени.

Характер и темпы временной эволюции и фиксация в историческом контексте перечисленного выше списка религиозных парадигм обнаруживают их зависимость как от внутренних теолого-спекулятивных импульсов, так и от воздействия со стороны внешней социокультурной реальности. Важнейшими понятиями для любых теологических конструкций являются представления о развитии. Фактически именно с религиозными представлениями о развитии связано возникновение истории как науки. Фиксирование в рамках религиозных систем идеи о принципиальной неоднородности времени, тесно связанное с представлением о сакральном, заставило, в свою очередь, посмотреть на эволюцию самого человека с точки зрения развития. Светская философия эволюционизма с ядром в виде идеи развития природы и общества создана английским философом и социологом Г. Спенсером, основывавшимся, с одной стороны, на натурфилософии Ф. Шеллинга, с другой — на позитивизме О. Конта. Развитие — это ключевая категория не только для религии и естествознания, но и для всей человеческой истории. Историческое развитие может осознаваться как процесс становления и развертывания универсальных смысловых матриц, достаточно полно зафиксированных в понятии «парадигмы». Фиксация данного обстоятельства с учетом вышесказанного заставляет нас сделать вывод о неадекватности чисто описательных, дескриптивных методов, считающихся основным (а зачастую и единственным) инструментом исторической науки. Дискурс, сведенный к позитивистской дескрипции, маскирует эволюционный аспект проблемы и не дает возможности принимать адекватные решения о будущем с учетом прошлого исторического опыта.

Трудность любого исторического анализа связана, в частности, с тем, что крайне сложно выделить в явном виде и зафиксировать воздействие на историю внешних и внутренних импульсов развития. С одной стороны, мы неизбежно должны опираться на представления о механизмах внутренней эволюции всех крупных самостоятельных фрагментов реальности, фиксируемых, как правило, в эмпирическом виде. С другой стороны, необходимо осмыслить характер внешних

импульсов развития, зависящих, как правило, от эмпирических параметров. Разумеется, между этими двумя несопадающими типами исторического анализа усматривается глубинное родство. Такое родство неизбежно оказывает воздействие на теоретическую оптику конкретного исторического исследования, которая в то же время опирается на конкретные метафизические представления.

С нашей точки зрения, основной задачей исторической науки, способной на основе своих результатов предвидеть и планировать будущее (а это есть одна из основных задач истории как науки), является установление глубинной связи между однородным физическим временем — хроносом и содержательным, наполненным событиями, человеческим временем — кайросом. В неявном виде историк фактически занят установлением таких связей. Явное же формулирование этого принципа — «принципа исторического соответствия» — позволяет выявить конкретную методологическую и метафизическую позицию историка, являясь основой для теоретических и методологических сравнений между различными историческими концепциями. Анализируя крупные историографические массивы, мы неизбежно обнаруживаем различные типы идеологических и методологических предпочтений, изменяющиеся от историка к историку, от школы к школе, от направления к направлению. Разногласия в оценке таких важных исторических феноменов, как итальянский фашизм, немецкий национал-социализм, российский коммунизм, англосаксонский либерализм, вследствие указанного выше обстоятельства, абсолютно закономерны и определяются не научными, а в значительной степени метафизическими и религиозными предпочтениями. Победа той или иной точки зрения на одно и то же историческое явление не означает победу, одержанную при помощи рациональных интеллектуальных процедур, а является следствием этических, религиозных, политических и метафизических предпочтений. Парадокс состоит в неразрывной связи и абсолютной несводимости друг к другу двух типов тотальностей — тотальности дискурса и тотальности метафизики. Учет этого обстоятельства позволяет адекватно оценить концептуальный статус конкретного исторического исследования.

Невозможно отмахнуться от ответа на вопрос о том, чем отличаются друг от друга определенные исторические эпохи — Античность, Средневековье, Древний мир или Современность. Либеральная концепция рассматривает все предыдущие исторические эпохи лишь как этапы восхождений к истинному прогрессу и расцвету человечества. История в этом смысле похожа на червя, наращивающего свои звенья. И схема Кюнга неизбежно редуцируется в бесконечность: модернизм, постмодернизм, постпостмодернизм...

В основе достаточно широко распространенного понимания природы как механизма можно усмотреть реализацию в процессе глобального развития человеческой истории принципа попеременного лидерства альтернативных предпочтений, когда на каждом из определенных этапов исторического развития в центре предпочтения оказываются идеи о высшей ценности, связанные либо с Теофанией, либо с Антропофанией, — апелляции к одному из универсальных полюсов природы и истории. Опираясь каждый раз на один из этих глобальных полюсов индивидуальное и коллективное человеческое сознание находятся в интенсивном интеллектуальном и эмоциональном напряжении, поскольку второй из полюсов

никуда не исчезает. Такие представления определяют тип и характер функционирования базовых социальных институтов. Выше мы уже отмечали, что предельное совпадение трансцендентного и имманентного маскирует фиксирование конкретного типа доминирующей метафизики. Здесь можно усмотреть опасность радикального неразличения двух этих полюсов в том случае, когда трансцендентность необязательно осознается как религиозно прочувствованная. На эту опасность обращали внимание крупнейшие русские религиозные философы (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, П.А. Флоренский и др.). Осознавая данное обстоятельство, можно сформулировать следующую точку зрения — истинный кайрос истории есть восхождение от конкретного частного к тотальному абсолютному. В данном случае здесь не обязательно иметь дело с религией, более того, это не означает, что тотальность техники целиком негативна [23]. Проблема состоит в том, чтобы не поддаться под иго техники, утратив истинно человеческие ее измерения. Данная позиция нашла широкое развитие во взглядах на развитие человечества в концепциях русских космистов (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, Л.А. Чижевский), видевших истинную цель технологического прогресса в том, чтобы служить высшим целям человеческого развития.

Заключение

Принципиальное различие между западной атлантической и российской евразийской цивилизациями есть не только эмпирический, но и теоретический факт. Истоки этого различия восходят и к экономико-географическим особенностям этих двух цивилизаций, и к фундаментальным различиям в их духовно-интеллектуальных основаниях. Не принимая во внимание это важнейшее обстоятельство, нельзя ответственно обсуждать кардинальную проблему цивилизационного будущего России. Формула будущего для русской цивилизации может быть выражена словами выдающегося западного интеллектуала С. Хантингтона: «Модернизация без вестернизации».

Содержательное наполнение стратегии модернизации для выхода из тяжелейшего системного кризиса, в котором пребывает Россия и русское сознание, с необходимостью должно включать в себя естественное совпадение универсально-религиозных, этически-окрашенных представлений об объективности трансцендентного и непосредственно воспринимать присутствие высших ценностей в наличной реальности. Вглядываясь в прошлое, обнаруживая в нем неистребимое единство знания и веры, науки и религиозности, можно предполагать, что это состояние сохранится и в будущем. Вся история показывает нам, что в борьбе Знания и Веры не было, нет и не будет ни победителей, ни побежденных. Либеральный прогрессизм, как и религиозный обскурантизм, — два предельных состояния, равно опасных для будущего человечества. Оптимистическое будущее человечества может мыслиться лишь как развитие науки, техники и технологии, управляемое высшими абсолютными ценностями. Лишь понимание роли и вклада в этот процесс соотношения между рациональностью, метафизичностью и религиозностью как естественного компромисса между неистребимостью знания и веры дает правильный взгляд и позволяет сформулировать стратегию будущего для России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Соч. Т.4. М., 1959. С. 48.
2. Там же. С. 79.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. Пг., 1923.
4. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии. Критика и эстетика. М., 1979. С. 294.
5. Там же. С. 296.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С.116.
7. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
8. Гегель Г.В.Ф. Логика. Т.1 // Соч. Т.1. М.; Л., 1935. С. 344.
9. Максвелл Дж.К. Избранные работы. Статьи и речи. М., 1968. С. 4.
10. Френкель А., Бар-Хиллал И. Основания теории множеств. М., 1966.
11. Scheffler I. Science and subjectivity. Ind., 1967. P. 9-10.
12. Laudan L. Progress and its problems. Berkeley, 1977. P. 23.
13. Гейзенберг В. Часть и целое. М., 1988.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Соч. В 2 т. Т.2. М., 1996.
15. Кант И. Критика чистого разума... С.154.
16. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии религии. Философия религии. В 2 т. Т.1. М., 1975. С. 224-225.
17. Хайдеггер М. Философская сущность техники. Время и бытие. М., 1992. С. 64.
18. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные работы. М., 1990.
19. Хайдеггер М. Философская сущность... С. 82.
20. Тойнби А. Постижение истории. М., 1994.
21. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
22. Кюнг Х. Куда идет христианство // Путь, 1992. № 2. С.144-160.
23. Хайдеггер М. Философская сущность... С. 76.

RUSSIA AND THE WEST: STRATEGIES OF MODERNIZATION. CONTRIBUTIONS AND SIGNIFICANCE OF THE RATIONAL AND RELIGIOUS COMPLEXES

The problem of modernizing for the present Russia doesn't come in principle to the political, technological or economic reforms along with the Western samples. Success in solving the modernization problem isn't possible without taking consideration of profound, not always clearly realized notions of basic values which rule over the development of society. The differences between Russia and the West are rooted in incompatibility of notions concerned with the fundamental parameters of history explicitly put in the national consciousness as the rational and religious complexes.

V.I.Sharin

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ: СИНОНИМЫ ИЛИ АНТИПОДЫ?

Системный кризис, который переживает Россия в конце XX в., объясняется чаще всего краткосрочными политическими мотивами, нередко противоположного свойства. Между тем проблема гораздо глубже. На наш взгляд, она заключается в выяснении соотношения между мировым модернизационным переходом и Российской революцией XX в. Синонимы они или антиподы? Шла ли эта революция в фарватере модернизации или противоречила ей? А может быть эти явления никак не связаны друг с другом, что пытаются доказать некоторые отечественные и зарубежные ученые^[1]. От правильного ответа на данный вопрос зависит глубина трактовки российской истории XX в., оценка нынешнего состояния страны и перспектив выхода ее из кризиса. Прежде чем приступить к рассмотрению поставленного вопроса необходимо определить, что понимается под модернизацией и Российской революцией.

Модернизация — это переход от традиционного аграрного общества к современному, индустриальному. Она является комплексным процессом, который охватывает все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную. В ходе модернизации менее развитые общества приобретают черты более развитых. Она началась в западных странах с XVI в. и обеспечила в XX в. массовое потребление, высокий уровень благосостояния, демократизацию и другие ценности современного мира.

Модернизация предполагает:

* в экономике — углубленное разделение труда и обмена деятельностью; появление вторичного (индустрия) и третичного (услуги) секторов хозяйства; развитие рынка товаров, капиталов и труда; неуклонный рост производительности труда и т.д.;

* в социальной области — разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе; вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости; смену социального критерия сословности на критерий классовых отношений; элиминацию социальных различий между полами и т.д.;

* в политической сфере — образование централизованных государств и разделение властей; интеграцию широких масс населения в политический процесс и т.д.;

* в области культуры — дифференциацию культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризацию образования и массовое распространение грамотности; развитие средств трансляции информации и т.д.;

Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то в нашей стране во многом использовался опыт других держав, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. В России модернизация началась с петровских преобразований начала XVIII в., но продвигалась очень медленно. Отмена

крепостного права и буржуазные реформы 60—70 гг. XIX вв. дали новый импульс этому процессу, особенно в области индустриального развития. Советские историки долго спорили о мере завершенности промышленного переворота в стране, но этот спор, как правило, не заходил дальше выявления предпосылок социалистической революции. Вопрос же гораздо шире. Он заключается в том, чтобы выяснить, насколько Россия продвинулась к началу XX в. по пути модернизации в целом.

Не ставя задачу детального рассмотрения данного вопроса в этом тексте, приведем только некоторые итоговые данные. С 1869 по 1913 г. объем промышленной продукции в России вырос в 8,5 раза, а производительность труда в 2,2 раза, тогда как в США соответственно в 7,5 и 1,8 раза[2]. По темпам индустриального развития Россия уверенно догоняла промышленно развитые страны, но еще заметно уступала им по масштабам производства.

Несмотря на очевидные успехи индустриализации в историографии утвердилось мнение, что в XX в. Россия вступила преимущественно аграрной страной, хотя имеются данные другого плана. По расчетам В.Сарабьянова, в 1912 г. сельское хозяйство страны дало продукции на 6,7 млрд руб., а промышленность — на 5,6 млрд руб.[3]. Разница не столь уж разительная. Видимо, необходимо уточнить этот вопрос и разобраться в том, чем была вызвана революция XX в.: недостаточными темпами модернизации или наоборот ее резким ускорением.

Революция в широком смысле этого слова есть смена общественно-экономических укладов, прежде всего форм собственности. Под Российской революцией мы понимаем перманентную серию социальных потрясений, начавшихся в 1905 г. и не завершившихся до конца XX в. Революция 1905 г. была по своему характеру буржуазно-демократической, но решить поставленную задачу не смогла и не открыла путь к полномасштабной модернизации страны, ограничившись лишь некоторой либерализацией политического режима. С тех пор революционный процесс практически не прекращался до конца века, имея своей целью модернизировать страну. Но в разные периоды различные политические силы понимали содержание модернизации по-разному, а в конечном счете трактовали его неадекватно сущности модернизации, чем приносили огромные страдания народу и непоправимый вред государству.

Российская революция имела продолжение в 1917 г. На втором ее этапе, февральском, было свергнуто самодержавие — главный атрибут феодального строя, символ традиционного (преимущественно аграрного) российского общества. Но каких-либо реальных шагов на пути к новому индустриальному обществу Временное правительство сделать не успело или не могло. Большевики же вместо движения вперед в русле классической модели модернизации сосредоточили внимание только на классовых издержках модернизационного перехода и развернули третий этап революции, которую называли социалистической. Его можно условно разделить на три периода.

Первый период характеризовался попытками большевиков и части западной социал-демократии использовать постсамодержавную Россию как стартовую площадку для мировой пролетарской революции. Такая линия настойчиво проводи-

лась до середины 20-х гг., принесла неисчислимые страдания народу, на долгие годы сделала страну жупелом красной опасности для всего мира. Она не отвечала национальным интересам государства и ничего не дала модернизации. Более того, разрушила те заделы, которые были осуществлены в имперской России.

Последующий курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране был более продуктивен, хотя и характеризовался той же революционной стратегией, но с несколько измененной тактикой, в основе которой оставалось насилие над личностью. Революция продолжалась, но иными методами. Лежащие в рамках этого курса второй и третий периоды третьего этапа Российской революции имели много общего, но и особенного.

Второй период охватывал вторую половину 20-х — первую половину 50-х гг. и характеризовался заметными успехами на поприще модернизации, полученными неоправданно высокой ценой.

Третий продолжался с середины 50-х до конца 80-х гг. и отличался снижением темпов модернизации, эрозией советской системы.

В задачу данной статьи входит попытка проследить в основных чертах взаимодействие между модернизацией и революцией в России XX в., выяснить, в какой мере советские преобразования способствовали или препятствовали основополагающей тенденции эпохи — завершению процесса модернизации. Только ответив на этот вопрос, можно будет понять, двигалась ли Россия в колее мирового прогресса или прозябала на обочине, на каком полустанке она остановилась в конце века и в каком направлении ей идти дальше.

Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свергала нарождавшиеся буржуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой стороны, уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. В первом случае была совершена историческая ошибка, во втором — историческое завоевание. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного общества к современному). Позднее, с 30-х гг., они перешли к модернизации, более того, максимально ее форсировали, делая это искусственно, ценой огромного напряжения и жертв, а в конечном счете напрасно, потому что в 90-е гг. ее завоевания были сданы без боя.

После того, как прошла эйфория мировой пролетарской революции, перед большевиками встал вопрос: что делать дальше? Мнения разделились. Возникло множество партийных платформ, которые хорошо известны из курса истории КПСС. За ними стояли политические амбиции разных партийных лидеров, но главный водораздел борьбы пролегал между троцкистами и сталинистами. Пока Троцкий ожидал «прямой государственной помощи» со стороны пролетариата Запада, обрекал страну на зависимость от мирового хозяйства, Сталин развернул крупномасштабную индустриализацию СССР с опорой на собственные силы. В основе его действий было не абстрактное теоретизирование из области модернизационного перехода, а реальная необходимость расширить за счет быстрого роста промышленности и рабочего класса социальную базу своей диктатуры,

уберечь ее от возможных посягательств извне, что объективно способствовало модернизации России.

Стержнем преобразования страны стала индустриализация. О ней написаны горы книг, хорошо известны ее результаты. Для нас главное не переосмыслить значение индустриализации, а выяснить ее роль в процессе модернизации России. При этом важно проследить, как она перекалилась с революционными преобразованиями, какое воздействие оказала на страну, что имела общего и специфического с мировым модернизационным переходом.

Не имея возможности в кратком тексте проследить все детали этого процесса, попытаемся соотнести главные результаты, полученные в СССР, с вышеобозначенными критериями модернизации. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что с первых своих шагов советская власть пыталась опереться на технический прогресс. Ярким примером в этом отношении служит разработанный по указанию В.Ленина план электрификации страны (ГОЭЛРО). Электрификация в первой половине XX в. была важнейшей составляющей модернизационного процесса, и СССР в результате выполнения данного плана, а также последующих достижений на этом поприще, не только ликвидировал дремучую отсталость России в области электроэнергетики, но и добился выдающихся мировых достижений, что признано международным сообществом. Электрификация легла в основу технической реконструкции народного хозяйства страны и позволила приблизиться к уровню мировой экономики.

В результате первых двух пятилеток (1929–1937 гг.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции против 42,1% в 1913 г.[4]. Во второй пятилетке прирост продукции промышленного производства на 82% был достигнут за счет роста производительности труда и его глубокого разделения [5].

Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Доля рабочих в социальной структуре выросла за эти годы с 12,4 до 33,5%[6]. Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18 % населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. Город поглотил в эти годы весь естественный прирост населения страны (23,5 млн. чел.)[7]. Социальный критерий сословности сменился на критерий классовых отношений.

Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного аграрного

к индустриальному обществу. В подтверждение этой тенденции можно привести факты из других сфер общественной жизни.

В политической области произошла дальнейшая централизация государства, превзошедшая даже известные ранее аналоги. Состоялось разделение властей, но оно носило формальный характер и не отвечало требованиям модернизации. Широкие массы населения активно включались в политический процесс, но со временем их энтузиазм был узурпирован тоталитарной властью. Гигантские изменения состоялись на попрание культуры. Ярко выраженный характер получила секуляризация культурных систем и ценностных ориентаций, правда с односторонней социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности.

Модернизация углублялась и расширялась в 40-е — 50-е гг. К 1955 г. было произведено промышленной продукции в 3,2 раза больше, чем до войны. При этом производство средств производства увеличилось почти в 4 раза [8]. За 50-е гг. энерговооруженность труда рабочего промышленности возросла в 3,2 раза [9]. СССР стал одной из двух стран мира, способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадийное отставание России от передовых индустриально развитых стран [10].

Сравнительно быстрыми темпами росла численность рабочих сферы обслуживания. Все более активно на производство привлекались женщины. В 1955 г. их удельный вес в общей численности рабочих и служащих составил 46 % [11], что подтверждает тенденцию к социальному выравниванию полов, связанную с процессом модернизации. В связи с ростом промышленности и сферы услуг продолжалось увеличение численности городского населения. С 1939 г. по 1959 г. его удельный вес в общем количестве населения государства вырос с 32 до 48 %. В 1960 г. впервые произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР [12]. На селе активно распространялся городской образ жизни.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации.

Советская модернизация проводилась в контексте социалистических преобразований и не была их антиподом. Она шла в русле перманентной революции в стране, тесно переплеталась с ней, отражая ее суровый характер. Экспроприация дореволюционных носителей модернизации нанесла тяжелый урон не только им, но и очень сильно осложнила, увеличила жертвы советской модернизации. Индустриализация, осуществляемая в значительной степени за счет крестьянства

и сельского хозяйства, привела к их деградации, от которой они не могут оправиться до сих пор.

Коллективизация и ликвидация кулачества как класса были подпроцессами советской модернизации на селе, проводились в форме настоящей революции, иначе нельзя назвать кардинальную смену форм собственности. Это дает нам основание утверждать, что революция продолжалась и после ее формального завершения. Такой вывод подтверждают и многочисленные сталинские репрессии, от которых погибло значительно больше людей, чем в некоторых странах во время классических революций. Косвенным подтверждением продолжающейся революции могут служить также Великая Отечественная война и послевоенная ракетно-ядерная гонка, поскольку официально утверждалось, что этим защищались идеалы октября 1917 г., социалистические завоевания. На практике же осуществлялось установление коммунистических режимов в Восточной Европе и ряде стран Азии. Внутренняя революция и внешние революционные войны составляли суть рассматриваемого периода и свидетельствовали о тесном переплетении революции и модернизации.

Третий период третьего этапа российской революции отмечен безусловными достижениями на поприще модернизации. Однако для него характерны потеря темпов и нарастающее отставание от развитых стран, извращение модернизационных ценностей.

Заданный во втором периоде темп модернизации получил развитие в 50–60-х гг. Промышленное производство увеличивалось в среднем на 11,8 % в год. За десять лет объем промышленной продукции вырос в 3 раза [13]. Эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современному читателю и не требуют детализации.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией трудностей этого периода, который был крайне противоречив. Мировые достижения уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс начал терять темпы, перестал поспевать за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному. Но по причине догматической трактовки она вела к опасным социальным и экологическим последствиям. Сельскохозяйственный труд все более заметно превращался в разновидность труда индустриального, что также доказывало движение по пути модернизации, однако в связи с волюнтаристской политикой на селе последнее все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности в сырье.

В том же контексте необходимо отметить неоправданно затратный характер модернизационных преобразований в России и развивающуюся в геометрической прогрессии потерю качества продукции советской экономики. Трудности начального периода советской модернизации, ограничение потребления, возведенные

позднее в норму, привели к тому, что у одной части общества сформировались ограниченные потребности, а у другой развилось стремление получать незаработанное. Одни не желали работать лучше, чтобы лучше жить, а другие не желали работать, потому что и так жила неплохо. Одна из важнейших закономерностей модернизационного перехода, связанная с расширением свободы личности, тоже оказалась деформированной в условиях советской системы. Формально эта свобода гарантировалась конституцией, а на деле ее не было, особенно в экономической сфере, что вело к расширяющейся пропасти между интересами личности и общества, придавало односторонность процессу модернизации.

По отмеченным причинам советская система хозяйствования становилась все менее эффективной. Правительство пыталось компенсировать это вывозом за рубеж различных видов сырья, прежде всего энергоносителей и золота. За 1974—1989 гг. только нефти и нефтепродуктов было отправлено за границу на 176 млрд долларов. Кроме того, ежегодно продавалось не менее 200 т золота [14].

Вырученная валюта тратилась на закупки новых технологий, продовольствия и промышленных товаров для населения. В 1975 г. доля высокотехнологических товаров, проданных США СССР, в общем объеме их торговли составляла 32,7 %, а в 1983 г. Америка снизила ее до 5,4 % [15]. В стране начались серьезные трудности.

Американский исследователь из Гуверовского института войны, революции и мира П.Швейцер в книге «Победа. Секретная стратегия администрации Р.Рейгана, ускорившая крах Советского Союза» подытожил технологическую составляющую модернизационного процесса в СССР: «Советы считали, что радикальные технологические изменения в прошлом создавали военные «революции». Первая произошла в 1920-х гг., когда танк и самолет заменили кавалерию. Вторая произошла в 1950-х гг., когда атомное оружие было совмещено с баллистическими ракетами, заменяя собой бомбардировщики и обычные бомбы. В обоих случаях вооружение достигло нового уровня развития. И в обоих случаях Россия сумела не отстать от Запада. Теперь наступила третья революция, и Москва нервничала. Применение вновь возникших технологий, таких, как микроэлектроника и компьютеры, бросило вызов советской промышленности, в которой высокие технологии не были достаточно развиты» [16]. С этим вызовом отечественная промышленность не справилась. На новом витке модернизации произошел сбой.

В результате издержек советской модернизации она оказалась менее эффективной, чем в странах западного мира, не принесла процветания стране и благоденствия народу. Уровень потребления товаров и услуг на душу населения СССР в начале 80-х гг. составил только 34% от уровня США, а по товарам длительного пользования менее 20% [17]. Начатая М.Горбачевым в середине 80-х гг. перестройка и ускорение научно-технического прогресса не дали положительных результатов, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям.

В начале 90-х гг. наступил четвертый этап столетней Российской революции, идущий под лозунгом антикоммунизма. По-другому назвать очередную смену собственности нельзя. Второй раз в жизни практически одного поколения идет

поиск принципиально новой парадигмы развития, реверсивно меняется социально-экономический уклад, что трудно выдержать любому обществу. В условиях рыночных реформ была взята на вооружение концепция постиндустриального общества, что привело к гибели половины индустриального потенциала страны. Нам представляется, что говорить о постиндустриальном мире рано не только для России, но и для западных развитых государств. Современное общество все еще базируется на достижениях индустриальной цивилизации, а не на виртуальной реальности компьютерной техники.

Таким образом, в России наблюдалось три волны модернизации: петровская, пореформенная, советская. Последняя остановилась на незавершенной индустриальной стадии, не дотянула до массового применения современных высоких технологий, прежде всего компьютерных, не выдержала конкуренции с развитыми странами, была предана своими вождями и столкнута в пропасть зарубежными конкурентами.

В настоящее время страна переживает постсоветскую деиндустриализацию, а следовательно и демодернизацию, возвращение к временам отсталости и типичным атрибутам развивающихся государств, не осуществивших модернизационный переход. Теперь ее судьба снова будет зависеть от того, вернется ли она на путь завершения модернизации и приблизится ли к индустриально развитым державам или навсегда останется в числе отсталых государств. Революция и модернизация в России XX в. оказались синонимами, но к несчастью они нами таковыми не признавались. Почти столетняя Российская революция, не решившая до конца задач модернизационного перехода, грозит продолжением в XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993. №7.
2. Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. I. С. 531; Кендрик Д. Тенденции производительности в США. М., 1967. С. 278–279.
3. Саравьянов В. История русской промышленности. Харьков, 1926. С. 182.
4. История советского рабочего класса. М., 1987. Т. II. С. 426–427.
5. Там же. С. 198.
6. Там же. С. 199.
7. Там же. С. 196.
8. История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. VI. С. 225.
9. История советского рабочего класса... Т. IV. С. 84.
10. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989. С. 66.
11. История советского рабочего класса... С. 135.

12. История социалистической экономики СССР... С. 248.
13. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. М., 1998. Т. II. С. 331.
14. Там же. С. 394.
15. Schweizer P. Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. New-York. 1997. P. 139.
16. Op. Cit. P. 137.
17. Consumption in USA and USSR. An International comparison. Washington. 1981. P. 5.

MODERNIZATION AND REVOLUTION IN RUSSIA: SYNONYMS OR ANTIPODES?

The article deals with the interaction between modernization and revolution in Russia in the 20th century. The author comes to the conclusion that for the most part of the century both processes developed in parallel and were synonyms, but unfortunately we did not acknowledge them such. Almost a hundred years' long Russian revolution that did not finally solve the tasks of the modernization transition threatens with its continuation in the 21st century.

V.V.Alekseyev

ПРОСТРАНСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

В формировании предпосылок модернизации (особенно ранней, связанной с деятельностью Петра I) территориальный рост России, бурно происходивший с конца XVI в., играл немаловажную, в некоторых отношениях — решающую роль. В сочетании экономической политики правительства, находившейся под влиянием распространявшейся в Западной Европе идеологии и практики меркантилизма, и русской территориальной экспансии, с определенного времени превратившейся в доминанту государственного строительства, во многом следует искать специфику (с присущими ей резонансными «всплесками» и расходящимися траекториями) российского опыта модернизации. Меркантилизм, возникший на европейской исторической почве XVII—XVIII вв., в России начиная с петровского эпохи приобретал совершенно особое и долговременное значение в качестве важного коррелята имперского «строительства». Могущество (или, в привычных терминах эпохи, «сила и богатство») государства в решающей степени зависело, с одной стороны, от полноты и завершенности внутреннего хозяйственного цикла (включая его стратегическую неуязвимость по различным группам экономических ресурсов), с другой, от динамики внутренних накоплений, получавших универсальное выражение прежде всего в виде избытка драгоценных металлов (как результата превышения экспорта над импортом).

Уже на стадии своего зарождения политика меркантилизма с необходимостью порождала стремление обеспечить в единых государственных рамках максимальную полноту хозяйственного цикла и вовлекаемых в него стратегических ресурсов, что, в свою очередь, стимулировало беспрецедентный процесс расширения государственной территории России. В большинстве западноевропейских государств, испытывавших недостаток пространственного (а в силу этого и ресурсного) резерва развития и к тому жестко связанных в своих экспансионистских устремлениях системой так называемого «политического равновесия», начиная с XVI в. формируется тип «глобальной» экономики, основанной на международном разделении труда. В рамках этой «первой глобализации» (по И.Валлерстайну) отдельные национальные экономики концентрировались только на определенном участке всего спектра хозяйственной деятельности и пополняли свой экономический потенциал с помощью международной торговли. Сосредоточение на производстве специализированного продукта приводило к высвобождению ресурсов из трудоемких и неэффективных видов деятельности (например из аграрной экономики) и в конечном итоге усиливало в наиболее развитых странах Западной Европы импульсы перехода к индустриализации. Развитие международного обмена достаточно быстро закрепило это «стартовое» лидерство Западной Европы, способствуя неравномерному распределению «эффекта развития» через растущую зависимость стран аграрной и сырьевой экономики (Восточная Европа) от экономических центров, специализирующихся на производстве промышленных изделий и развитии сектора финансовых услуг [1].

России, относительно изолированной в пространственно-экономическом и культурно-религиозном отношении от Европы, благодаря исходному цивилизационному перевесу над политически разобщенной и экономически маргинальной периферией северо-востока, востока и юга, удалось восполнить недостаток необходимых для развития ресурсов (включая и пригодные для продуктивного сельского хозяйства земли) за счет все возрастающих масштабов и темпов территориальной экспансии. Экономический прогресс России, прежде всего в области совершенствования материальной базиса экономики (вовлечение в хозяйственный оборот новых прогрессивных видов ресурсов, технологий и организация новых производств), почти неизменно приводил к созданию новых территориальных баз развития и приобретал черты ярко выраженного «географизма».

В течение XVII—XVIII вв. можно выделить несколько «волн» ресурсно-промышленного освоения территории России, которые в решающей степени определяли динамику и направленность колонизационного процесса. Стимулируемая интересами казны погоня за высокоценной сибирской пушниной предопределила феноменально быстрые темпы и масштабы освоения Сибири с характерным смещением землепроходческой активности в северо-восточном направлении: характерно, что выход русской колонизации на рубежи Оби, Енисея, Лены и Тихого океана на севере происходил с опережением в 15—20 лет по сравнению со средней и южной полосой. Кроме того, само движение колонизации на юго-восток, в верховья великих сибирских рек, во многом стимулировалось необходимостью отыскания благоприятных для земледелия районов с целью снабжения хлебом северных баз пушного промысла, ярким примером чего может служить первый этап продвижения русских в Приамурье — в Даурскую «землицу».

Возросшая потребность государства в черных и цветных металлах с начала XVIII в. покрывалась не столько за счет интенсификации производства в старых металлургических районах (олонецкие, поволжские и подмосковные заводы), сколько стремительным и широчайшим по территориальному охвату созданием горно-металлургических очагов на востоке страны — почти одновременно на Урале, Алтае и в Забайкалье. Именно эти регионы составили своеобразную стратегическую «ось» всего дальнейшего индустриального освоения восточных окраин России. Похожую географическую закономерность можно констатировать и для третьей «волны» промышленного освоения, связанной в XVIII—XIX вв. с разработкой месторождений золота и серебра.

Естественно-географические факторы в целом играли в процессе модернизации России совершенно исключительную роль. Формирование географической модели организации промышленного производства (и вообще того, что в XX в. будет названо политикой размещения производительных сил) на начальном этапе модернизации почти целиком определялось перевесом природно-естественных факторов продуктивности (наличие богатейших и доступных для разработки ресурсов руды, леса, водной энергии и т.п.) над социально-экономическими и технологическими. Как отмечают исследователи, при почти одинаковом уровне техники и социальной организации металлургического производства, на Урале себестоимость производства полосового железа была более чем в 2—2,5 раза ниже, чем на олонечких и подмосковных заводах. Отнести это следует почти

целиком на счет благоприятных природных факторов [2]. Однако дело заключалось не только в высоком качестве уральских железных руд и доступности богатых лесных ресурсов, но и в том, что наличие крупных запасов топлива и сырья позволяло перейти к организации металлургического производства в принципиально ином, чем прежде, крупнозаводском масштабе. По-видимому, уже на этой стадии зарождения российской промышленности «экономия масштаба» включалась в состав основных факторов снижения себестоимости продукции, а сами крупнопромышленные формы производства определяли принципиальную совместимость организационно-технической основы развития индустрии в России и на Западе.

Не будет преувеличением заключить, что именно благодаря исключительным естественно-природным факторам и экстенсивным резервам роста экономики становилась возможной сама политика модернизации страны. О динамике модернизационного «скачка» ясно говорит, например, статистика производства черных металлов в России с 1700 по 1800 гг.: за 1700–1725 гг. выплавка чугуна в стране выросла со 150 тыс. до 800 тыс. пуд. (рост в 5,3 раза за 25 лет), а к 1767 г. — до 4,5 млн пуд. (рост за более чем 40 лет в 5,6 раза). К 1800 г. темпы производства чугуна несколько замедлились, достигнув лишь 10 млн пуд. (рост по сравнению с 1767 г. в 2,2 раза) [3]. Хотя в абсолютных цифрах прирост на протяжении всего столетия имел нарастающую тенденцию, несомненно, что о собственно модернизационном «скачке» (не только количественном, но и, несомненно, качественном) более убедительно свидетельствует как раз статистическая прогрессия (то есть кратность этого промышленного роста), соотношенная со скоростью перемен. Увеличение абсолютного прироста металлургического производства в большей степени отражает последовательное расширение его материально-производственной базы; процент ежегодного прироста (свыше 17% в 1700–1725 гг., 11% в 1725–1767 гг., 4% в 1767–1800 гг.) — влияние тех факторов, которые можно, по аналогии с современностью, рассматривать как инновационные. Для первой четверти XVIII в. (и отчасти для дальнейшего развития вплоть до 1760-х гг.) такой «инновацией» являлась главным образом организация нового производства, базировавшаяся на беспрецедентном экстенсивном приросте физических ресурсов, то есть по существу на освоении новых горно-металлургических районов. В ряде случаев это новое развитие было, в сущности, равнозначно открытию целых регионов как новых географических реальностей. Не случайно В.О.Ключевский, характеризуя многогранную деятельность Петра I по развитию новых горно-металлургических районов, писал, что «в этом отношении Урал можно назвать открытием Петра» [4].

В условиях прогрессирующего международного разделения труда выход в XVIII в. уральского железа и меди на мировой рынок свидетельствовал о существенном укреплении материальной базиса развития национальной промышленности. Наличие последнего в перспективе должно было препятствовать процессам экономической и социально-культурной периферизации, которые в это время под давлением ускоренной индустриализации Западной Европы характеризовали развитие большинства «полуевропейских» стран. Поскольку Россия, несомненно, проигрывала в промышленной конкуренции странам формирующегося западного

капитализма прежде всего по критерию эффективности производства (рациональной капиталистической организации, позволявшей на основе жесткой калькуляции затратно-ценовых факторов добиваться прибыльности производства [5]), то запечатленное в конкурентных успехах временное геоэкономическое «равновесие» промышленных потенциалов России и Запада обеспечивалось опять же целиком за счет естественно-природных ресурсных факторов. Они, как и фактор относительно дешевого подневольного (в основном приписного) труда, строго говоря, почти не включались в сколько-нибудь серьезно калькулируемые производственные затраты.

Коль скоро внутренне неограниченный процесс территориальной экспансии с неизбежностью выходил за пределы исходного этнического «ядра», лежавшего в основе формирования национального государства, и был связан с поглощением (либо мирным присоединением, либо завоеванием) ранее вполне «суверенных» иноэтничных компонентов, он приобретал отчетливые черты строительства грандиозного имперского «макрокосма» — «государства государств». Однако формирование империи абсолютистского типа связано не только с выходом национального государства за пределы его этнической территории. Существенно то, что с определенного исторического момента экстенсивный рост экономического организма страны и имперское строительство вступали в определенный резонанс, взаимно усиливая друг друга. Смещение ресурсно-силовой базы экономики из исторического центра страны на новые неосвоенные и незаселенные территории востока осуществлялось, как правило, в русле расширения собственности абсолютистского государства (которая в силу сохранявшегося патримониального характера русской государственности была в первое время неотделима от собственности царского двора) и системы бюрократического контроля. Это, в свою очередь, усиливало политическое могущество императорской власти, резко возвышая ее над старой структурой социальных и политических отношений, в той или иной мере соответствующей нормам сословно-представительной монархии.

Источником усиления имперской власти становились различные виды экономической и торговой монополии, получавшей развернутое поглощение прежде всего на вновь присоединенных территориях. Первоначально основным экономическим ресурсом, на который распространилась монополия государства, становится пушнина («мягкая рухлядь») высшего качества, игравшая с XVI в. определяющую роль во внешней торговле России с европейскими странами. Стремясь оградить ясачные сборы от расхищения, а их естественную ресурсную базу от быстрого истощения, правительство всячески ограничивало частный торговый оборот пушнины, а также запрещало нарушать земельные права инородцев на охотничьи угодья, вести с ними торговлю (особенно вином и табаком). В 1597 г. царским указом была запрещена торговля пушниной для служилых людей, в 1601 г. специальным указом воеводам строжайше предписывалось пресекать попытки подмены служилыми людьми лучшей пушнины из ясачных сборов собственными «худыми» шкурками. В связи с быстрым истощением естественных ресурсов высококачественной пушнины в 1690-х гг. последовала целая серия указов, преследовавшая частную скупку и оборот пушнины «первой руки» служилыми людьми (в частности через

подставных купцов) и устанавливавшая монополию казны на торговлю соборным мехом (1698—1699 гг.). В 1726 г. был введен запрет на продажу купцами пушнина в Китай. Лишь с необратимым упадком пушного промысла и переходом к взиманию ясака в денежной форме (в районах Поволжья с 1720-х гг., в Сибири — с 1822 г.) большинство этих запретов было в конечном итоге снято.

В дальнейшем объектом государственной монополии становится разработка месторождений золота и серебра. Хотя горное законодательство России, как правило, включало золото и серебро в число промыслов, с которых взималась горная подать, частная добыча золота и серебра в стране до 1812 г. находилась под запретом. Организация горного производства в России вообще находилась под сильным воздействием правительственной регламентации, направленной на резервирование в распоряжении государства стратегически крупных объемов ресурсов военно-хозяйственного назначения. Помимо установления монопольной собственности государства на недра, Берг-привилегия 1719 г. предусматривала взимание горной подати с производителей металла в виде десятой части валового продукта (а не чистого дохода!) и право государства на преимущественную покупку в казну меди и селитры по установленной (часто заниженной) цене [6]. При той беспрецедентной организационно-экономической роли, которую государство приобретало в связи с присоединением новых территорий, вполне естественным становилось резкое расширение за счет их ресурсной базы казенного сектора промышленности. Последний, как правило, включал в себя наиболее продуктивные и высокоценные ресурсные источники, относительно которых государство было заинтересовано в установлении прямого контроля за производством и распределением. Роль частного предпринимательства в этих условиях не могла быть вполне самостоятельной, поскольку, во-первых, базисные факторы производства (посессионное землевладение, то есть приписка земель к частным заводам; горная рента на полезные ископаемые; основной контингент рабочей силы в виде приписного крестьянства) продолжали составлять собственность государства и, во-вторых, в любой момент могли быть возвращены в казну (что происходило довольно часто). Так, например, произошло с демидовскими металлургическими заводами на Алтае, которые после открытия здесь богатейшего серебряного рудника (Змеиногорское месторождение) были взяты в 1747 г. в управление Кабинета и почти полностью перепрофилированы на выплавку серебра. Фактически, возможности доступа к ресурсам для частного предпринимательства были открыты лишь в той мере, в какой оно могло брать на себя риск и тяжесть первоначального промышленного освоения территории и тем самым страховать недостаточную эффективность казенного производства.

Примечательно, что там, где высокодоходные источники экономических ресурсов по времени (XV—XVII вв.) и обстоятельствам (параллельно с формированием централизованной сословной монархии) их освоения начинали эксплуатироваться частными промышленниками, абсолютистское государство в XVIII в. предпринимало попытки «догоняющего» их огосударствления. Так, например, в XVIII в. обстояло с соляными промыслами Русского Севера и Прикамья — исторически первой крупной отраслью русской промышленности, развитие которой в процессе освоения новых территорий характеризовалось ярко выраженным эффектом регионализации. В 1705 г. была введена государственная монополия на продажу соли, по усло-

виям которой частные солепромышленники должны были сдавать соль в казну по фиксированным (явно заниженным) ценам. С 60-х гг. XVIII в. после длительного периода упадка в производстве соли начинают организовываться крупные казенные соляные промыслы (в Дедюхине) [7].

В этом случае мы, по-видимому, имеем дело не с исключительно российским явлением. Ситуация, когда импульсы складывания новой властно-политической структуры (в данном случае абсолютистского государства) инициировались развитием сильных ресурсных баз и соответствующих им новых принципов экономической организации на окраинах национальной территории, можно проследить и на примере европейских государств. С этим, например, связано возвышение в XVIII в., при Гогенцоллернах, Прусского королевства, самим источником возникновения и роста которого послужила территориальная экспансия Бранденбургского маркграфства на славянские и прусские земли побережья Балтийского моря. Будучи первоначально бедным и отсталым государством, зародившимся на северо-восточных окраинах немецких земель, Пруссия через усиление авторитарной королевской власти, оснащенной дисциплинированной армией и эффективной бюрократией, постепенно превращалась в новое ядро национального объединения Германии на принципиально иных государственно-политических основаниях, чем те, которые были характерны для «Священной Римской империи» [8]. Эта «территориальная» закономерность, затрагивающая генезис институционально-политических механизмов модернизации, отчетливо прослеживалась и в развитии стран Востока. В Османской империи процесс политической и культурной модернизации был связан с деятельностью правителя Египта (страны подчиненной, периферийной по отношению к «национальной территории» османов!) Мохаммеда Али, который опираясь на свою «региональную» базу поддержки истребил важную опору старого средневекового порядка — корпус янычар и тем самым в 1826 г. инициировал серию крупных институциональных реформ. Одним из ближайших последствий этого исторического поворота стал быстрый рост и усиление позиций центрального бюрократического аппарата, благодаря которому в Османской империи сложилась принципиально новая система управления, копирувавшая в ряде существенных черт «новоевропейский» абсолютизм [9].

Таким образом, в России модернизация приобретала форму эпитенеза в двух отношениях: не только в виде заимствования из Западной Европы новых институциональных и технико-экономических форм, но и в территориально-географическом разрезе — в виде подведения под экономику новой пространственной и ресурсной базы и, как результат, формирования на этой основе совершенно новых властно-политических институтов и отношений, новых возможностей государства по отношению к своим подданным.

Более сложным представляется вопрос о том, как процесс модернизации в конечном итоге соотносился с развитием пространственно-географического базиса российской экономики. Несомненно, что политика модернизации, основанная на вовлечении в экономический оборот естественных ресурсов, способных дать значительную и быструю отдачу, не могла не вести к «очаговому», и в этом смысле несколько искусственному и одностороннему, хозяйственному росту новых территорий. Об известной искусственности этого типа развития можно говорить в

том смысле, что на вновь осваиваемых территориях государством из наличных социальных, технических и культурных элементов фактически осуществлялась форсированная «сборка» нового экономического уклада, связанного не столько с местной хозяйственной средой, сколько с удовлетворением стратегических потребностей государства (в частности его военного и финансового ведомств). С одной стороны, отрасли экономики, обеспечивавшие ресурсно-технологическую основу модернизационного перехода, должны были с большей легкостью утверждаться именно на новых территориях, где все необходимые для организации производства материально-сырьевые ресурсы были вовлечены в хозяйственный оборот (а значит и захвачены инерцией масштабов и форм, типичных для старых хозяйственно-культурных укладов) в минимальной степени. Но, с другой стороны, недостаток рабочих рук (как и вообще местного социального и культурного «материала») придавал здесь государству исключительное значение в насаждении нового производства и соответствующих ему социальных порядков. Институт приписки и покупки крестьян к заводам на длительное время обусловил господство крепостного труда в горно-металлургической промышленности Урала. На самых отдаленных и слабозаселенных территориях, в частности на Нерчинских заводах, использовался труд ссыльно-каторжных. В условиях дефицита труда любые резервы свободных рабочих рук на новых территориях становились объектом жесткой государственной регламентации и неминуемо должны были прикрепляться государством к разрастающемуся сектору горнозаводского хозяйства, о чем свидетельствовало, например, введение в 1736 г. института «вечноотданных», а также сенатский указ 1742 г., запрещавший держать на частных работах всякого рода бродячий, беспаспортный люд и даже работников с «писаными» паспортами.

Фактически в результате модернизации возникала укрупненная структура «современной» заводской промышленности, которая первоначально не являлась продуктом органического развития предшествующих экономических укладов и не вписывалась в естественную динамику заселения и хозяйственного освоения новых территорий. Отдельные территориальные «анклавы» модернизированной промышленности функционально представляли собой элементы разветвленного и военизированного государственного хозяйства, которое во всех своих аспектах представляло новую социальную, технологическую и культурную действительность, противопоставленную старой «московской Руси». В.О.Ключевский выразительно запечатлел образ этой вновь возникающей реальности: «На впечатлительных и поверхностных наблюдателей народнохозяйственные его (Петра I — К.Э.) предприятия производили сильное впечатление: Россия представлялась им как бы одним заводом; повсюду извлекались из недр земных сокрытые дотоле сокровища; повсюду слышен был стук молотов и топоров; отовсюду текли туда ученые и всяких званий мастера с книгами, инструментами, машинами, и при всех этих работах виден был сам монарх, как мастер и указатель» [10]. По существу, эта схема видения петровской модернизации как грандиозного «единого предприятия» и в приложении к развитию индустриального базиса России ограничивает рамки последнего рациональным (в понятиях того времени) решением технической задачи, во многом отвлеченным от его экономической и социальной цены. С за-

зависимостью этого развития от направляющей и мобилизующей роли государства было связано не только значительное число неудавшихся предприятий, лопавшихся всякий раз, когда ослабевал поток направляемых в них государством невозвратных ресурсов. Немалая часть ресурсов, первоначально мобилизованных государством, но затем не востребованных жестко контролируемой схемой модернизационного «строительства», фактически гнила без всякого эффекта для общего развития национальной экономики. Это позволило В.О.Ключевскому в свое время отмечать не только достигнутую петровской модернизацией меру прогресса, но и его «изнанку»: «От большой стройки всегда остается много сора, и в торопливой работе Петра пропадало много добра», поскольку «преобразователь не умел или не успевал им распорядиться» [11]. Такого рода факты очень точно иллюстрируют наличие определенного разрыва между «высоким» — модернизированным — сектором экономики и общим базисом развития национальной экономической жизни.

Причину этого разрыва в самом общем смысле следует видеть в узости той мотивационной основы, с которой был первоначально связан процесс модернизации. В России, как и в других странах европейской «полупериферии» (например в Пруссии, позднее в Османской империи), такой мотивационной основой, инициировавшей модернизацию, становилось стремление преодолеть (или не допустить) отставания от передовых стран прежде всего в области военной технологии, в связи с чем возникала необходимость «создавать собственное военное производство, обеспечивающее постоянную поставку оружия и боеприпасов для нужд армий», а армия превращалась «в своеобразного проводника модернизации» [12].

В России значительный сегмент передовой по условиям времени промышленности в отраслевом и географическом аспектах очень точно соответствовал потребностям растущей военной машины и интересам ее самообеспечения по самым критическим видам ресурсов. Это, в первую очередь, выплавка черных и цветных металлов, металлообработка и судостроение, производство оружия и пороха, полотняно-парусинная, суконная промышленность. Благодаря огромным естественно-природным резервам экстенсивного роста военноориентированной экономики и экономики «двойного назначения» (то есть способной удовлетворять как военные, так и отчасти гражданские потребности), узость и недостаточность этой основы индустриального развития могла осознаваться и правительством, и обществом с большим запозданием. В России таким критическим рубежом явилось поражение в Крымской войне 1853—1855 гг., которое отчетливо показало, что военно-техническая модернизация страны (а с ней и поддержание системы так называемой «двойной» экономики) уже не могла обеспечиваться на прежней консервативной основе — ни за счет экстенсивного вовлечения в оборот новых ресурснобогатых территорий, ни путем все более масштабной нерыночной «перекачки» в военный сектор материально-финансовых ресурсов из технологически отсталого, стагнирующего гражданского сектора экономики. Подобную же зависимость Ф. Фукуяма обнаруживает между поражением России в русско-японской войне 1904—1905 гг. и вторым всплеском русского реформизма, связанным с деятельностью П.А.Столыпина

и существенно повлиявшем на динамику промышленного подъема страны перед первой мировой войной [13].

Поддержание высоких (если не лидирующих, то достаточных для военного «сдерживания») темпов военно-технического развития с этого определенного момента потребовало перехода к расширению — и в значительной степени реформированию — общих социально-экономических и институциональных предпосылок, на которых базируется развитие общества. В этом контексте следует учитывать к тому же, что обусловленная процессом «военной» модернизации территориальная экспансия, отвлеченная казалась бы от соображений экономической цены прогресса, все-таки имела серьезные экономические ограничители в виде критически возрастающих государственных расходов на поддержание инфраструктуры, системы управления и обороны на все более обширных территориях империи [14]. Смена периодов территориальной экспансии и пространственно-географического расширения ресурсно-экономического базиса модернизации периодами более или менее глубокого реформирования социально-экономической и политико-институциональной структуры общества воспроизводит, по-видимому, одну из наиболее выразительных «ритмических» закономерностей русского исторического процесса.

Оценивая открываемую царствованием Петра I серию российских модернизаций, следует учитывать, что их наследуемые от эпохи к эпохе пространственно-географические конфигурации существенно отличались от западноевропейских моделей имперского «строительства» уже на том основании, что роль окраинных территорий в России не сводилась лишь к функции создания материально-ресурсных и финансовых накоплений, используемых на цели развития в пределах исторического и политического центра государства (что, в сущности, характеризует «владение», или «колонию»). Отсюда и выражавшая пространственный аспект развития русская колонизация далеко не в полной мере может быть сопоставлена с системой эксплуатации государствами Западной Европы своей колониальной периферии. Думается, что не только по идеологическим соображениям в русской общественной мысли XIX в. довольно прочно утвердился тезис о существенном (если вообще не полном) отличии процессов русской колонизации новых территорий от экспансионистской активности западного колониализма. Например, Н.Я. Данилевским отмечалось, что направлявшиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее».

Весь процесс русской колонизации окраин (Кавказ, Новороссия, Урал, Сибирь и др.) таким образом представлялся растянутым во времени, поэтапным «расселением великорусского племени», расширением целостного континентального массива государственной территории, политической «осью» которой оставался великорусский исторический центр. В каждом географическом фрагменте Российского государства, по мысли Н.Я. Данилевского, сущностно проявляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с ней незаселенные пространства и уподобляя себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения» [15]. Рассматриваемые

с этих позиций различия между экономически более развитым центром страны и слабо развитыми окраинами, никогда не уподобляясь жестким политически обусловленным противоположностям метрополии и колонии, могли трактоваться главным образом как обусловленные давностью заселения и культурно-экономического освоения. Позднее эти же мысли относительно природы и характера русской колонизации убежденно (и во многом уже как цельное начертание «евразийского» исторического мировоззрения) отстаивал Г.В.Вернадский. Для него и русская колонизация востока России, и само историческое бытие окраин — это не только видоизменение «русской народности» и русской культуры в пределах основных черт одного и того же, неизменно сохраняющего единство национального типа, но и в еще большей степени расходящиеся из центра страны круги застывшего «социального времени»: «Наблюдая все пространство, где действует данное человеческое общество, в разрезе любого момента времени, мы можем видеть — все дальше и дальше, чем позже мы смотрим — эти застывшие круги, отзвуки того, что прежде жило в центре, но что там давно уже умерло» [16].

В таких трактовках, безусловно, наличествует множество преувеличений. Очевидно, что Н.Я.Данилевский чересчур жестко противопоставлял начало «народной» колонизации (как органического расширения аутентичной, «настоящей Руси») «государственному», собственно, и воплощавшему, по его мнению, искусственные и в высшей степени неудачные «колонизационные предприятия» (Русская Америка). Подобное же стремление к несколько отвлеченной, концептуальной «чистоте» исторического вывода чувствуется в предлагаемой Г.В.Вернадским трактовке колонизации в категориях «закона соотношения времени и пространства». Но обе исторические концепции содержат также и глубокое рациональное зерно — прежде всего, в том решающем значении, которое придавалось определению характера колонизации фактором географической (и геополитической) цельности или, наоборот, «раздельности» заселяемого территориального массива.

Однако подлинное значение этой географической детерминации колонизационных процессов невозможно уяснить лишь через категории заселения и формирования территориальной структуры без обращения к их социально-экономическому содержанию. Уже простое сопоставление русского освоения Урала и Сибири, например с британским присутствием в Индии, выявляет принципиальную разницу в достигнутых результатах экономической политики. В то время, как на восточных окраинах России в процессе модернизации возникали крупные очаги технически и организационно передовой по условиям времени горнометаллургической промышленности, британское господство в Индии привело к деиндустриализации страны (что особенно наглядно проявилось в упадке текстильного производства), превращению ее исключительно в сырьевой придаток бурно развивавшейся английской промышленности [17]. Объяснение этому очевидному и разительному контрасту лежит, на наш взгляд, как раз в пространственно-экономических особенностях российских модернизаций.

Подчиненная стратегическим замыслам государства и сфокусированная на задаче преодоления военно-технической отсталости страны политика модерниза-

ции достигала высоких темпов экономического роста главным образом за счет принудительной мобилизации финансово-материальных и человеческих ресурсов, которая, в свою очередь, обеспечивалась мерами жесткого военно-бюрократического контроля. В рамках модернизированного сектора промышленности, разумеется, формировались элементы современных знаний, технологического опыта и высшей организации труда, однако узость исходной мотивационной основы модернизации и неизбежный разрыв между высотами индустриально-технологического прогресса и остальным экономическим базисом страны еще никоим образом не предвещал нисходящих в глубь народной толщи широких и благотворных экономических и социально-культурных последствий.

Более того, вся политика модернизации, отвечающая, как уже упоминалось, от соображений экономической и социальной цены прогресса, предполагала форсированное и одностороннее изъятие ресурсов из общества и его отдельных сегментов. Если можно применительно к модернизации вести речь о механизме колониальной эксплуатации как источнике экономического развития, то эту систему можно с полным правом назвать всеобъемлющим «внутренним колониализмом». В отличие от западных обществ, где субъект и объект ресурсной эксплуатации все более отчетливо реплицировались в отношениях метрополии и заморских колоний, в России эквивалент колониальной «дани» налагался на все общество в целом, а не только на отдельные территории государства. В этом отношении политика модернизации (с постоянно доминировавшим внутри нее всеобъемлющим стратегическим проектом проводимых преобразований) была до известной степени индифферентна к чисто политическим способам закрепления функциональных экономических различий между метрополией и колонией и исходила исключительно из естественных ресурсных возможностей территорий.

Таким образом, если активно выходявший в пространство мирохозяйственных связей и отношений развивающийся капитализм двигался по пути превращения географически обусловленного международного разделения труда в систему устойчивого и долговременного распределения экономических ролей («центр» — «периферия»), а затем — по линии политико-институционального закрепления этих различий (метрополия — колония), то осуществляемая абсолютистским государством политика модернизации в большей степени воспроизводила эти различия в имперской иерархии порядков и укладов жизни, внутри социальной (сословной, этносоциальной, конфессиональной и т.п.) структуры общества, и в гораздо меньшей — в территориально-географическом, региональном разрезе. В контексте модернизации географическое разнообразие государственной территории России (к тому же напомним: территории цельной, представлявшей собой единый расширяющийся континентальный массив!) и основанное на нем территориальное разделение труда в большей степени приобретали прагматически ориентированное ресурсно-технологическое измерение. Подобные тенденции (скорее как исключение) знала и практика европейского колониализма. В той же британской Индии на рубеже XVIII—XIX вв. на фоне вызванного колониальной политикой общего упадка местной промышленности и ремесла довольно долго сохраняло экономическое значение вновь возникшее в Калькутте при англичанах

и продолжавшее развиваться в Бомбее судостроение, служившее стратегическим целям налаживания торговых связей Ост-Индской компании с Китаем.

«Колониальность» развития восточных окраин Российского государства можно, таким образом, усматривать скорее во все более полном подчинении их экономических ресурсов и возможностей внешним интересам государства (и при недостатке, по историческим обстоятельствам, их хозяйственной и социально-культурной освоенности — в известном блокировании поступательного социально-экономического развития), чем в сознательно преследуемом и политически закрепляемом способе их экономической эксплуатации (захват ресурсов, неэквивалентный обмен сырья на промышленные товары). С этой точки зрения отдельные «анклавы» колониальной эксплуатации можно было обнаружить не только на окраинах России, но и в историческом центре страны. И, наоборот, на западных окраинах Российской империи мы находим аннексированные инновационные территории (Польша, Финляндия), которые в силу их широкой законодательно закрепленной автономии и высокого уровня экономического развития лишь очень условно можно было относить к колониям — не только в экономическом, но даже и в чисто политическом смысле. Следует констатировать, что в России о колониях можно было говорить лишь в узком экономическом смысле как о вновь осваиваемых, незаселенных землях. Типичное для Запада политически обусловленное разделение имперского пространства на метрополию и колонию в России в большей степени приобретало характер исторически сложившейся экономической и культурной дистанции между центром и периферией, причем определяющее влияние на длительность сохранения этого разделения на центр и периферию оказывала не столько государственная политика, сколько общая замедленность развития, обусловленная гигантскими размерами страны.

Сразу оговоримся, что выделение этого господствующего строя отношений между центром и периферией отнюдь не отменяет исключений из общего правила, о которых упоминал Н.Я. Данилевский, в частности, исторически зафиксированных отдельных попыток и даже тенденций применения к восточным окраинам России классических колониальных практик «ост-индского» образца. Н.М. Ядринцев упоминал в этой связи о планах Екатерины II — впрочем, с самого начала совершенно искусственных и беспочвенных — превратить Сибирь в отдельное от метрополии «иностранное царство», существенно этнизируя способ управления ею [18]. В этом же контексте, по-видимому, следует оценивать и значение «Сибирского учреждения» 1822 г.

Набиравший силу в последние десятилетия XIX в. «свободный» капитализм также должен был усиливать исторически сложившийся разрыв в уровнях развития Европейской России и ее отсталых восточных окраин, поскольку придавал отсталости окраин уже не временный и не чисто количественный характер, но качественную, выражаемую группировкой основных экономических факторов определенность (зависимость от «мануфактурного ига» промышленного Центра, низкий уровень воспроизводства местного капитала, недостаток трудовых ресурсов). Эта тенденция однако характеризовала не столько государственную политику модернизации, сколько параллельный ей и во многом опирающийся на ее достижения процесс «свободного» капиталистического развития.

Такая постановка проблемы дает нам ключ к пониманию характерных для России исторических механизмов регионализации или, по крайней мере, многое позволяет в них объяснить применительно к «модернизационной эпохе» (XVIII—XX вв.). Кроме того, исследование пространственно-географических аспектов российских модернизаций позволяет уяснить, почему в России как модернизирующейся империи процессы национальной консолидации оказались замедленными и незавершенными по сравнению со странами Западной Европы, которым удалось консолидировать свои нации прежде всего политически — в основном уменьшением социальной поляризации гражданских состояний и «либерализацией» складывающегося гражданского общества метрополии за счет «восстановления» иерархии неравенства в этнически и культурно чуждом — в полном смысле слова внешнем — колониальном пространстве [19]. В конечном счете в той же Великобритании мощным социальным интегратором «строительства нации» становилась постепенно приобретающая «коллективный» характер эксплуатация заморских колоний, прежде всего, Индии. (Приводимые Х.-Х.Нольте споры относительно вклада «бенгальской добычи» в английскую промышленную революцию [20], по существу, ничего не меняют в нашей оценке, но скорее подтверждают ее. Факты вложения английскими бюрократами-«набобами» добытых в Индии средств в земельные владения и государственные ценные бумаги свидетельствуют как раз о том, что «бенгальская добыча» не только канализировалась по линии промышленных инвестиций, но и служила источником обогащения для гораздо более широкой социальной страты английского правящего класса, если не всего общества в целом). В России, где подобные «коллективные» механизмы колониальной эксплуатации исторически не сложились или имели не более чем маргинальное значение в силу отсутствия крупных колониальных владений общенационального значения как таковых, на роль такого интегратора могло претендовать только само государство с его самодовлеющими целями модернизации.

Исключительная роль государства как главного проводника и агента модернизации в известном смысле помещала насаждаемые им формы экономической и социальной организации колонизируемого пространства «вне исторического времени», поскольку не допускала в полной мере широких возможностей для капитализации ресурсов вновь присоединяемых территорий и их использования для перехода к новой, более прогрессивной системе общественно-экономических отношений. В России присвоение государством экономических ресурсов внеэкономическим путем — в виде ли создания на основе принудительного труда казенных предприятий, или военной добычи и контрибуций (то есть того, что получило в современной экономической систематике наименование «трофейной» экономики [21]), или посредством специфических способов государственной фискальной эксплуатации подчиненных территорий (например ясака, налагаемый на инородческие племена Сибири) — на Западе находило соответствие в различных формах грабежа (морской разбой, работорговля) и колониальной эксплуатации (неэквивалентный обмен) обширных заморских империй. Однако масштабы и последствия этого феномена в России и в странах Западной Европы были существенно различными. Если на Западе он явился исторически необходимой стадией первоначального накопления

капитала и в дальнейшем продолжал существовать (сокращая, впрочем, сферу своего господства) в «порах» относительно здорового экономического организма, каковым становилось развивающееся капиталистическое хозяйство, то в России он приводил к легитимации «военно-феодальной» эксплуатации в виде разрастающегося государственного хозяйства (казенные монополии, казенная промышленность, казенные и кабинетские землевладения и т.п.). По-видимому, закономерно, что территории, присоединявшиеся к Российской империи в период укрепления абсолютистской монархии, становились в меньшей степени ареной роста частновладельческой феодально-крепостнической эксплуатации и в большей степени объектом жестко регламентированной эксплуатации государственной.

О «свободе» хозяйственной деятельности на вновь присоединенных территориях можно говорить очень относительно и только в порядке противопоставления их экономического и социального быта крепостничеству, утвердившемуся в старой «коренной» России. Свободной частнохозяйственной инициатива могла быть только в двух случаях: во-первых, когда у ее субъектов имелась возможность осуществлять крупные накопления в рамках относительно щадящего режима государственной эксплуатации (что, впрочем, не отменяет такой возможности и в рамках крепостнического хозяйства, поощрявшего, например, переход на оброк, отходничество и другие виды рентного присвоения дохода); во-вторых, когда процесс первоначального накопления основывался на возможности удачно избежать государственного фискального и административно-правового контроля. В последнем случае свободная хозяйственная деятельность почти определенно приобретала в глазах государства «криминальный» характер, поскольку предполагала сокрытие от его административного контроля либо целиком источника присвоения богатства (в том числе огромных участков территории), либо его реальной доходной базы. В ряде случаев опережавший распространение государственного контроля узаконенный и стихийный отток населения страны на окраины уже с начала XVII в. приводил к устойчивому присутствию в составе движущих сил русской колонизации всевозможной бесконтрольной «вольницы», в первую очередь, в виде расселившихся по Сибири партий «вольных» промышленников и авантюристов. Сосредоточение этой «вольницы» происходило на самых удаленных от административных центров северных и восточных окраинах.

Известно, что с конца XVI в. (по крайней мере, с 1598 г., когда в «Мангазейские земли» был послан для сбора ясака воевода Федор Дьяков) и до закладки Мангазейского острога отрядом Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова в 1600 г. обосновавшиеся на этой северной окраине русские и зырянские промышленники построили свои городки, организовали торговлю с местными племенами и даже обложили их ясаком, который «имали» на себя [22]. Важен не столько масштаб беглого и иного «вольного» элемента в общем колонизационном движении, о чем долго спорили историки, сколько обусловленные слабостью правительственного контроля доступные, лежащие на поверхности, возможности «свободного» личного обогащения. Последним, как известно, не брезговали и официальные местные администраторы. И впоследствии на отдельных труднодоступных пограничных территориях возникали тайные, или, точнее сказать, официально не санкционированные, поселения бесподатного беглого

(главным образом раскольников) элемента, вроде общины бухтарминских «каменщиков» на Алтае во второй половине XVIII в. [23]. Один из поздних феноменов такого рода — история «желтугинской республики», привлекавшей в 1850-е—1860-е гг. на золотосырые россыпи незаселенного (китайского) правобережья Амура массу бродяг, беспаспортных ссыльно-поселенцев, русских крестьян и китайской бедноты. Разгром «желтугинской республики» китайскими войсками привел к расселению русских «вольных хищников» на ближайшие к Амуру реки (система р. Олдоя), в различные золотосырые районы Сибири и Забайкалья. Бесконтрольно разрабатывая самые богатые и подготовленные к эксплуатации золотосырые площади, приамурские «хищники» контрабандно сбывали в Китай до 150 пуд. золота ежегодно [24].

Симптоматично также, что на новых территориях, где не успевали воспроизводиться юридические и этические регуляторы господствующих хозяйственных форм, свобода экономической деятельности часто означала и «теневую» свободу форм эксплуатации, включая самые архаичные и откровенно криминальные (разбой, работорговля, обложение данью, принудительный неэквивалентный обмен). Достаточно типичной была ситуация, когда агенты первоначального накопления, вступающие в экономическое общение с инноватичными группами населения, стоящими на более низком уровне социально-экономического (и вообще цивилизационного) развития, с гораздо большей легкостью усваивали выгодные для них архаичные формы эксплуатации, чем навязывали свои, как правило, более прогрессивные по общей шкале социального и нравственного развития.

Так, недостаток женского населения в отдаленных частях Сибири привел в XVII в. к усвоению (и сохранению вплоть до середины XVIII в.) служилыми людьми и промышленниками туземной практики ясыря — торговли «живым товаром» (в основном женщинами и детьми, приобретаемыми или насильно захватываемыми у инородцев). Причем, как отмечают некоторые авторы, сам ясырь уже являлся известной регламентацией со стороны местных воевод гораздо более необузданной и жестокой практикой захвата и продажи невольников [25]. Довольно частые военные столкновения туземных племен способствовали появлению «предпринимчивого» слоя работорговцев из числа самих аборигенов, которые изрядно «коммерциализировали» ясырь. Захваченные в плен женщины и дети, как правило, продавались русским «вольным» промышленникам, те же в свою очередь на невольников выменивали у служилых людей пушнину из «ясашных» сборов. Запрещение этой практики правительством с целью сохранения объемов сбора ясака по причине слабости государственного контроля никогда не носило обязательной силы, как и запрещение продажи алкоголя инородцам [26]. Развитие пограничной торговли с кочевниками (ойратами и казаками) также распространило в пограничных районах Южной Сибири в XVIII в. практику торговли невольниками. Значительные массы пленников-ойратов продавались казаками в крепостях Сибирской пограничной линии после разгрома китайцами Джунгарского ханства в 1755—1758 гг. Бедственное положение ойратских и казахских беженцев, устремлявшихся под прикрытие русских крепостей, способствовало распространению практики продажи в неволю детей. Целые партии малолетних рабов русские купцы отправляли для перепродажи на Ирбитскую ярмарку.

Характеризуя распространение практики невольничества в Сибири, историк XIX в. И.В. Щеглов писал: «Приобретаемых таким образом — захватом, покупкой и меной — инородцев чиновники, купцы, казаки, ямщики употребляли на разные работы и услуги для себя. Некоторые же покупали в казне, у казаков или инородческих общин поземельные участки и селили на них своих невольников для земледельческих работ. Таким путем явилось в Сибири не мало помещиков-вотчинников не только из числа дворян, но и из людей податного состояния, причем некоторым удавалось также приписывать к своим именьям, сверх поманованного работ, также и бродяг и ссыльных — в виде крепостных» [27].

Примечательно, что эти черты господствовавшей на окраинах «полулегальной» анархии первоначального накопления были совершенно определенно и верно квалифицированы сибирскими «областниками». Например, Н.М. Ядринцевым сибирский кулак «мирод» рассматривался не столько в качестве естественного продукта капиталистической эволюции деревни, сколько как элемент, вызревший на различного рода полуфеодалских «монополиях», ростовщичестве, кабале, продажности чиновников, то есть в «порах» неэффективно реализуемой на окраинах государственной экономической политики [28]. В более широком социально-экономическом разрезе преобладание на восточных окраинах государственной системы эксплуатации вело к заметным структурным деформациям, например, к более быстрому росту аграрного капитализма по сравнению с промышленным, то есть, образно говоря, «подпочвы» капитализма, а не его «верхних этажей» (которые оказывались замещенными системой государственных монополий и казенных предприятий).

Все это наглядно показывает, что государственная политика модернизации, реализуя функции экономико-технологического и общественицизационного прогресса общества, не во всем была тождественна динамике перехода страны на рельсы буржуазно-капиталистического развития, а в некоторых отношениях тормозила, существенно деформировала его условия и предпосылки. В широком пространственно-географическом разрезе, в особенности с учетом правительственной политики на окраинах государства, присутствие этих двух вполне самостоятельных линий социально-экономического развития страны — инициируемой государством модернизации и спонтанного развития капиталистических отношений — видится более явственным, фиксируется в гораздо более «прозрачной» структуре взаимодействия. Столь же противоречивым и неоднозначным в этом контексте видится воздействие политики модернизации на территориально-экономическое развитие страны. Именно с учетом действия данного фактора развитие окраин России, значительно расширявших ресурсный и политический базис модернизации, не может быть сведено ни к одной из однозначных оценок, распространенных в современной историографии (что особенно наглядно проявляется в оценке «колониальности» восточных окраин). Анализ регионального развития России в контексте политики модернизации убеждает, что единственный конструктивный способ всестороннего рассмотрения этой проблемы и формулирования исторических оценок, по-видимому, должен заключаться в «раскладке» единого исторического процесса на ряд сложно взаимодействующих между собой социально-исторических структур, обладающих собственной динамикой и ритмом развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Wallerstein I. The Modern World System-I. San Diego, 1974. P. 294–302.
2. Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 100.
3. Дробижев В.Э., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973. С. 233.
4. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Часть 4. М., 1989. С. 111.
5. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 49–59.
6. Штоф А.А. Горные подати на Западе Европы и у нас (Очерк из истории горного законодательства) // Горный журнал, 1889. Т. IV. Кн. 10. С. 118–134.
7. Харитоновна Е.Д. Из истории солеваренной промышленности Урала XVIII века // Наш край. Материалы V Свердловской областной краеведческой конференции. Свердловск, 1971. С. 25–26; 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 61–66.
8. Conradt D.P. The German Polity. 6th ed. White Plains; N.Y., 1996. P. 2.
9. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L.; N.Y., 1992. P. 74.
10. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 110.
11. Там же. С. 110.
12. Нольте Х.-Х. Европа в мировом сообществе (до XX в.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1993. С. 19.
13. Fukuyama F. Op.cit. P. 75.
14. Брок Д. Экономика и государство в эпоху глобализации // Politikonom, 1997. № 3–4. С. 27.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 411–412.
16. Вернадский Г. Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль, 1914. № 1. С. 57–58.
17. Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. М., 1979. С. 292–293.
18. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония к юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 107, 339.
19. Зубков К.И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль // Уральский исторический вестник. № 2. Екатеринбург, 1995. С. 15–26.
20. Нольте Х.-Х. Указ. соч. С. 21–22.
21. Шишков Ю.В. Геоэкономика: неустойчивая «гексагональная федерация» или все более целостная глобальная система? // Восток, 1998. № 1. С. 12–13.
22. ПСРА. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. М., 1987. С. 140–141; Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. С. 24–25.
23. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 323–329.
24. Глинский Б.Б. Из истории колонизации Востока (По поводу «Описания Амурской области», составленного Г.Е. Грум-Гржимайло под редакцией П.П. Семенова) // Исторический вестник, 1894. Т. LVIII. № 10–12. С. 546–547.
25. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. P. 117.
26. Stephen J.J. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994. P. 22.
27. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 228–229.

28. Шляловский М.В. Оценка Н.М.Ядринцевым характера социально-экономического развития Сибири в 70 — первой половине 90-х гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Историография проблемы. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1988. С. 194—195.

SPATIAL & GEOGRAPHIC FACTOR OF RUSSIAN MODERNIZATION

The article deals with the array of problems centered on general spatial as well as specifically geographic dimensions of Russia's modernization policies (the 18th —19th centuries). From the spatial standpoint, the government-guided modernization being closely intertwined with the Empire-building is seen originally as strongly supported by the great territorial extension channeled to build a comprehensive self-sufficient military and technological developmental base. So, geographically, the modernization process was focused primarily on resource exploitation of Russia's eastern «frontier» regions as a factor of achieving the geo-economic «equilibrium» against the more developed West European economies. Those policies substantially weakened a spontaneous socio-economic polarization between the country's developed centre and far more backward peripheries, so differing the Russian colonization process from classical «coloniality» phenomenon. At the same time, the more the state-guided economic projects covered the eastern regions' scene, the more difficult and contradictory were opportunities for spontaneous capitalist evolution of those regions. It's why a new approach is needed to analyse the comprehensive development of Russia through both geographical, economic and political structures.

K.I.Zubkov

ИМПЕРИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДВУЛИКИЙ ЯНУС ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

Эмблемой власти, символом державной мощи, по крайней мере со времен Древнего Египта, является орел. Двуглавие римского орла, означавшего единство Западной и Восточной частей империи и воспринятого Россией как преемницей Византии, ведет свое происхождение от римского языческого бога Януса. Двукость Януса (первоначально бога входов и выходов, от *janua* — двери, ворота) означает, что двери ведут как в дом, так и из дома, ему подчинено и прошлое, и будущее [1]. Историки выполняют функцию жрецов этого бога, связывая прошедшее с грядущим, открывая двери исторической анфилады длинной череде поколений.

Изучая исторически изменяющиеся системы мыслительных предпосылок познания и культуры, погружаясь в археологию знания, французский философ, историк и теоретик культуры М. Фуко в 1960 г. писал: «Вот уже не одно десятилетие внимание историков привлекают периоды больших длительностей, — так, точно за эпизодами политических перипетий ученые пытаются выявить устойчивое и трудноразрушимое равновесие, необратимые процессы, неизменные закономерности, особые тенденции, достигающие своей наивысшей точки и испровергающиеся после вековой непрерывности, движение накопления и медленного насыщения, неподвижные и немые основания, скрытые под толщей событий». Развивая свою мысль, философ отмечал другую характерную для современного дискурса тенденцию: «Почти одновременно во всех тех дисциплинах, которые мы привыкли объединять под именем «истории» — истории идей, науки, философии, мысли и литературы смещается фокус внимания, и исследователи переходят от описания широких общностей («эпохи» или «века») к изучению феноменов разрыва.» [2]. Отмеченная ситуация наиболее точно определяет парадигму нашего исследования, поскольку, с одной стороны, империи как бесконечно вариативные проявления совокупности жестко детерминированных властных принципов и признаков, а также модернизация как инвариантный процесс постоянных изменений, безусловно, могут быть отнесены к фундаментальнейшим сущностям исторического процесса. С другой стороны, обстоятельства возникновения империй нового времени, этапы их трансформаций и гибели, роль в этом модернизации как пограничья аграрной и индустриальной эпох относятся к области тех самых «феноменов разрыва», о притягательности исследования которых писал М. Фуко.

Изучение прошлого, его аналитическое моделирование определяется раздельным существованием мира явлений и мира понятий. Данное обстоятельство вновь и вновь провоцирует исследователей на попытки синтеза этих двух миров в непротиворечивых и возможно более исчерпывающих теориях, концепциях, дефинициях. Вечный «Ванька-встанька» выдвигаемых аналитических задач и несовершенство их решений обуславливает не до конца раскрытую сущность, проецируется на уязвимость определений. Проблема обостряется при увеличении масштаба и сложности анализируемого явления. Чем оно крупнее, тем

большая степень объективации предполагается, с одной стороны, и возрастает трудность ее достижения, с другой. Отсутствие признаваемого определения империи (при их очевидной множественности), на что сетуют все «имперологи» [3], объясняется, на наш взгляд, именно указанным выше обстоятельством. Поскольку вероятность разрешения понятийно-сущностного противоречия бесконечно мала, возможно лишь итерационное приближение к двуликому Янусу империи-понятия и империи-сущности. Путь к этому лежит через снятие прокров случайного, изменчивого, внешнего и отыскание неизменного, глубинного, сущностного.

Эта проблема в той или иной мере осознается некоторыми современными исследователями. Ставится вопрос о необходимости отхода от синдромных определений империи и перехода к определениям генетическим. По мнению С.И. Каспа, это возможно через структурно-функциональный анализ имперских систем. Сутью данного подхода является рассмотрение имперских систем как формы «разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении (в конкретном геополитическом пространстве) универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур». При этом автор сводит условия формирования империи к традиционно выделяемым факторам: «1) Наличие в системе политической легитимации государства некоего указания на его абсолютное, универсальное значение; 2) Присутствие в политической практике государства устойчивой тенденции к территориальному расширению; 3) Отсутствие либо ограниченность ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими своих этнокультурных особенностей» [4].

К механизмам, с помощью которых империя поддерживает свое существование и преодолевает действие неблагоприятных факторов, С.И. Касп относит экспансию и возникающую в результате нее систему неэквивалентного обмена «центр-периферия» [5]. Соответственно, основными функциями империи выступают факторы: 1) поддержание устойчивого роста объема и доступности ресурсов; 2) подтверждение универсалистских притязаний; 3) способствование интеграции гетерогенного в этнокультурном отношении имперского пространства в единый социально-политический организм; 4) обеспечение эффективного взаимодействия центральной и периферийных элит (последняя функция может рассматриваться и как компонент третьей — в виде основного способа ее осуществления) [6].

Как видим, основным системообразующим фактором в этом подходе, который оказывается в конечном счете близким многим другим авторам [7], является ось «центр — периферия», метрополия — колония, имперообразующий этнос — ассимилируемый этнос.

Не добавляя свой голос в диссонансный хор «определителей» империи, обозначим лишь ключ, в котором будет развиваться наша тема. Отказавшись от приписывания империи многочисленных свойств, сумма которых всегда будет казаться неполной, поскольку ограничивает такое широкое явление-понятие, каким является империя, исторически изменчивыми формами и атрибутами, скажем, что империя — это не государство. Придерживаясь хайдеггеровского «язык — дом бытия», обратимся к истокам. Латинское *imperiū* изначально обозна-

чало высшую военную власть, а смысл слова *impero* — повелеваю. Это понятие отражает принципиальный момент, отличающий империю от прочих государств — превосходство силы, в исторически обозримой ретроспективе — прежде всего военной силы. Военная мощь — это производная от технологической развитости государства, а значит, определяется его способностью к модернизации и ее результативностью. В то же время, империя воплощается в государстве, придает ему определенную форму. Государство, вариативно организуемое социум на ограниченной территории, относится к числу устойчивых исторических компонент. Проходя долгий путь развития, некоторые государства при наличии определенных факторов достигают высшего этапа в своем развитии — становятся империей. К числу этих факторов относятся: реализуемая возможность использования внутренних ресурсов, обеспечивающих потенциально устойчивые условия для интенсивного и экстенсивного развития; условное отсутствие противодействия векторам экспансии или способность его минимизировать; сакрализация власти, развитая культура и специфическая идеология (оформленные цивилизационно); наконец, преемственность (хотя бы непродолжительная и пунктирная) выдающихся личностей, аккумулирующих в себе харизматические качества, умение уловить и реализовать потребности социально-экономической эволюции. Эти носители власти, выразители исторических требований жизни являются проводниками между прошлым — сошедшими условиями для нового этапа развития своего государства и будущим, так как способны посредством модернизации заложить фундамент нового. В целом, чтобы стать империей, государство должно обладать высоким потенциалом.

Формы империй соответствовали историческим периодам, в которые они складывались, процветали и гибли. Но государства-империи как таковые в виде авторитарных государств, главой которых являлся самодержец (император, царь, король и т.п.), могущественных держав, владевших или распространявших свое влияние на обширные в определенной степени зависимые или колониальные земли, существовали на протяжении всей известной нам писаной истории. Они доминировали среди множества прочих государств, определяя важнейшие исторические события, происходившие в регионе или на континенте. Как правило, в мире одновременно существует несколько империй. Они являются центрами притяжения других, более слабых государств, образуя систему противовесов, раскачивая маятник общественного развития, формируя так называемый многополярный мир. С этой точки зрения, форма государственного правления оказывается второстепенным, внешним фактором. Поэтому независимо от авторитарного или демократического способа правления, исторической эпохи и правительственной организации к империям, по нашему мнению, относятся в числе прочих и Ахеменидская держава, и Римская, Британская, Российская империи, и США. Не имеет принципиального значения и форма государства, которое может быть федерацией, как Германская империя с 1870 по 1918 г., или унитарным государством, как Российская империя до ее краха, или, как Великобритания, содружеством свободных государств с определенной субординацией.

Итак, сущностью империи является Власть. Власть как реализуемая способность управлять имеет следующие проекции: концептуальную, идеологическую,

законодательную, исполнительную, судебную. Она реализуется в разных сферах: ближний круг полномочия, подчиняемая периферия, внешняя сфера ограниченного влияния. Поскольку основным императивом власти является стремление к всеобщему подчинению, всевластию, империя имеет тенденцию к постоянному расширению сферы своего концептуального, идеологического, законодательного, исполнительного, судебного действия. Степень колонизации определяется потенциалами колонизируемой и колонизирующей страны. Чем слабее государство, тем в большей степени оно подвержено проникновению чужеродной активности в политику, экономику, социальную жизнь, культуру. Последнее сколь не просто, столь и коварно. С одной стороны, действительно глубокое вторжение в сознание осуществляется труднее всего, так как его архетипы формируются столетиями, определяясь условиями климата, географии, обычая, хозяйства и проч. С другой стороны, успешное замещение некогда привычных элементов мировосприятия новыми имеет далеко идущие последствия: привыкание делает прежде чужеродное своим, ослабляя этнический (национальный) иммунитет, обеспечивая легкое восприятие чужого влияния. Сила иммунной защиты, противодействующей инфильтрации элементов инородного государства, осуществляющего экономическую, культурную и политическую экспансию, определяет степень зависимости конкретного территориально-государственного образования от «агрессора» и проявляется в широком спектре ее форм: от сохранения самостоятельного, достаточно сильного государства, других форм социальной организации, способных противодействовать всяческим «вирусам», отторгая, не воспринимая их в принципе или адаптируя и таким образом обезвреживая их, до полуколониальной зависимости или полной колониальной включенности. История свидетельствует, что формы экономической и политической организации населения относительно легко заместимы, в то время как наиболее устойчивым столпом оказывается, как это не парадоксально, нематериальная компонента в форме духовной традиции, религии и культуры.

Применяя универсальный принцип «зарождение — развитие — расцвет — угасание — смерть», можно проследить генезис, расцвет и закат империй — порядок, не миновавший ни одну из них. Нарастание мощи государства, достигающей определенного уровня, перехлестывающей его и выливающейся в экспансию (лат. *expansio* — расширение, распространение), соответствует восходящему направлению развития государства. Таким образом, колонизация является важным индикатором этого процесса, позволяющим улавливать и прогнозировать тенденции эволюции государства.

Независимо от характера колонизации (осваиваются внутренние области или заокеанские территории) экспансия связана с необходимостью укрепления раздвигающихся рубежей, вооруженным отстаиванием притязаний на занятие земель, права на владение или пользование которыми предъявляли другие этносы. Потребность в вооруженной защите окраинных территорий подталкивает к развитию промышленного и военного потенциала государства модернизации. С другой стороны, изначально именно определенный уровень экономического и социального развития выступает неизменным условием экспансии.

Выбранный подход к империи как к универсальному, вневременному типу государства предполагает и соответствующую трактовку модернизации. Итак,

если понимать под империей власть и рассматривать ее в широком значении как состояние государственной системы, то модернизация выступает как комплекс изменений, направленных на поддержание ее устойчивости и обеспечение дальнейшего развития. Иллюстрируя это положение, обратимся к истории Римской империи, период расцвета которой тесно сопряжен с осуществлявшейся модернизацией. Для Рима эпохи Цезаря характерно широкое внедрение технико-технологических новшеств, глубокое реформирование общества, отчетливые социальные изменения. Эти процессы во многом определялись требованиями полифонично развивавшейся системы, которая в точке бифуркации выбрала перспективный вектор. После того, как Римское государство прочно утвердилось по всему Аппенинскому полуострову, его дальнейшее развитие зависело от экспансии за его пределы. Римские государственные деятели прекрасно понимали, что для того, чтобы их государство было могущественным, оно не может оставаться исключительно континентальной державой. Колониальная экспансия Римской империи потребовала технологического прорыва — создания флота, которого римляне, в отличие от греков, практически не имели. С завоеванием Неаполя римляне начали усиливать флот, а в конце IV — начале III в. до н.э. организация управления им была улучшена и расширена, что позволило колонизовать Корсику, а отдельными кораблями выходить даже в океан. Особенно важную роль технологический рывок Рима, создавшего флот, сыграл в его противостоянии с другой державой античности, претендовавшей на роль империи — Карфагеном. Консул Гай Дуилий, встретившись с карфагенским флотом у мыса Милы в 260 г. до н.э., выиграл морское сражение. Карфагеняне бежали, потеряв потопленными и взятыми в плен до 50 кораблей — почти половину эскадры, бывшей в бою. Эта победа была обеспечена успешным освоением римлянами современной им военно-стратегической технологии, которая к тому же была подкреплена остроумным применением технического новшества — подъемных мостов. Не обладая карфагенским искусством морского маневрирования и проламывания вражеских судов носом корабля в бок, римляне изобрели перекидные подъемные мосты для взятия их на бордаж. По оценке крупнейшего знатока античной истории Т.Моммзена, «моральное впечатление этого боя было громадно: Рим сразу стал морской державой» [8].

Переход от «неподвижных и немых оснований» к «феноменам разрыва», редуцируя ключевые из рассматриваемых понятий, обратимся к корреляции концептов империи в смысле государства и модернизации как комплекса процессов, характеризующих переход от традиционного общества к современному. Ограничим исследовательское поле двумя объектами: Британской и Российской империями. В этом таксоне Британия представляет страну-флагман классического модернизационного перехода и классической империи, Россия же завершает европейскую череду распада империй и модернизации. Центральным вопросом нашего анализа является определение отношения имперского и модернизационного векторов развития.

Великобритания. В конце XVI — начале XVII в. Англия была целиком аграрной страной. В то же время в аграрной области шло интенсивное развитие хозяйственной жизни: в результате огораживания и сгона крестьян с земли

создавалась потенциальная армия труда для мануфактур и рудников, в деревне распространялась крупная капиталистическая аренда земли. Развивалась металлургия, мануфактура, подчиненная капиталу, накопленному в торговле и ростовщичестве. Укреплялось купечество и новые дворяне — джентри. Эти процессы были составляющими доиндустриальной модернизации (прото-индустриализации). В формировании контуров будущей колониальной империи и укреплении ее экономики совершенно особое место принадлежало крупным монопольным торговым компаниям, (прежде всего Ост-Индской, образованной в 1600 г.), которые не только вели баснословно прибыльную торговлю с отдаленными от метрополии регионами, формируя первоначальный капитал, но и постепенно подготавливали их политическое включение в империю.

Требования социально-экономических и институциональных перемен нашли выражение и отчасти решение в английской революции 1640-1660 гг. Со Славной революции 1688 г., превратившей Англию в конституционную монархию, характерными чертами ее истории становятся развитие предпринимательства, бурный рост первоначального накопления капитала, расцвет мануфактуры. Благодаря основанному в 1694 г. Английскому банку, его займам и денежным операциям в XVIII в. складывается разветвленная финансовая система, ставшая струнами британского капитализма. В XVIII в. завершилась начавшаяся еще в XVI в. аграрная революция. В этом веке происходило глубокое преобразование производительных сил, связанное с переходом от мануфактуры к машинному, фабрично-заводскому производству. XVIII в. для Англии — это прежде всего период раннеиндустриальной модернизации, промышленного переворота, развернувшегося с 1760-х гг. и законченного к 1850-м гг.

Внутреннему развитию страны аккомпанировали колонии, так что в этом концерте подчас было трудно определить, кто играет первую скрипку, поскольку ограбление колоний было одним из главных источников первоначального накопления капитала в Англии. Ее колониальная экспансия широко развернулась только после буржуазной революции XVII в. В результате войн второй половины XVII в. Англия одержала победу над Голландией и захватила ряд территорий в Северной Америке. С середины XVIII в. в зависимость от Англии попала Португалия и ее большая колониальная империя. Приняв активное участие в войнах за Испанское (1701-1713), Австрийское (1740-1748) наследства и в Семилетней войне (1756-1763), Великобритания (это название утвердилось после 1707 г. за объединенным королевством Англии и Шотландии) стала крупнейшей колониальной державой. По Утрехтскому миру 1713 г. Великобритания получила Гибралтар, Новую Шотландию, Ньюфаундленд, остров Минорку и право асiento — в течение 30 лет поставлять рабов в испанские колонии в Америке. Расширялись Британские колонии в Индии, Америке и Африке: после победы англичан в битве при Плесси в 1757 г. Франция утратила надежду на создание колониальной империи в Индии. В Северной Америке в результате Семилетней войны к Англии перешли Французская Канада и обширные территории между Аппалачами и Миссисипи. Венский конгресс 1814-1815 гг. подтвердил сложившуюся к этому времени колониальную гегемонию Англии. Был признан переход к ней Капской колонии, островов Мальта, Цейлон, Маврикий, Тобаго и ряда других

территорий. В XIX в. активно колонизируются Канада, Австралия и Новая Зеландия, Южная Африка, Юго-Восточная Азия [9].

Преуспев больше других в войнах конца XVIII — начала XX в., Великобритания на десятилетия стала сильнейшей державой мира. В 1899 г. ее колониальная империя охватывала территорию, равную 30 млн кв.км. с населением 345 млн чел. [10]. Промышленное превосходство укрепило господство в мировой торговле и на морях. Лондонская биржа и Английский банк стали мировым центром торговых и финансовых сделок.

В результате Войны за независимость в Северной Америке (1775-1783 гг.) Великобритания лишилась 13 своих колоний. Это было первым серьезным ударом по Английской империи. Быстро развивавшаяся в тот период империя его сравнительно легко преодолела, сумев расширить свои владения и влияние во многих районах земного шара. Растущей английской экономике каждый год требовались новые рынки сбыта и источники сырья, причем искать их приходилось за рамками империи. Тем не менее, эта потеря стала первым звонком к последнему акту великой драмы Британской империи.

К середине XIX в. Великобритания занимала монопольное положение на мировом рынке и обладала огромными территориями. Однако в последней трети XIX в. обозначилось отставание Великобритании от других держав. Его главная причина заключалась в том, что промышленная монополия в середине века способствовала постепенной утрате английской буржуазией побудительных мотивов «к постоянной модернизации производства, развитию новых отраслей, связанных с техническим прогрессом, так как и старые отрасли приносили ей значительные прибыли. Накапливаемый капитал охотнее вкладывался в заморскую торговлю, финансовые операции — туда, где он быстро оборачивался и приносил большие прибыли. В то же время промышленность отодвигалась на второй план. Эра промышленного капитала уступала место эре финансового капитала» [11]. Показателем этого отставания стало падение удельного веса Англии в мировом промышленном производстве: с 32% в 1870 до 18% в 1900 г., в то время как доля США соответственно увеличилась с 23 до 31 %, а Германии — с 13 до 16% [12]. Нужна была модернизация промышленности, но правительство не могло добиться ее, поскольку бизнесмены предпочитали получать прибыли, не тратя средств на обновление основного капитала. Английские капиталисты паразитировали, аннексируя рынки сбыта и сферы приложения капитала в Азии и Африке. Несмотря на утрату мировой промышленной монополии в последней четверти XIX в. Великобритания значительно расширила колониальную империю, используя обширную сеть военно-морских баз и опорных пунктов и ведя многочисленные колониальные войны. В 1880—1890-х гг. были завоеваны огромные территории на западном и восточном побережьях Африки. С захватом Кипра (1878), установлением контроля над Суэцким каналом (1875) и господства в Египте (1882), завершением завоевания Бирмы (1885), установлением фактического протектората над Афганистаном, экспансией в Китае упрочились позиции Великобритании в Азии и Африке.

Специалисты по истории Британской империи полагают, что с 70-х гг. прошлого столетия изменилась сама экономическая основа колониализма. До про-

мышленной революции колонии представляли интерес для метрополий, как известно, в двух аспектах. С одной стороны, в качестве источников ценных ресурсов; с другой, в качестве отдушины для «сброса» избыточного населения метрополий, что позволяло поддерживать внутри них относительное равновесие между численностью населения и размерами имеющихся сельскохозяйственных земель — решающего в ту пору средства производства. [13].

Такая система внутри имперских экономических отношений почти не оказывала существенного влияния на производственный потенциал как метрополий, так и колоний. Ситуация принципиально изменилась с появлением и распространением машинного производства и парового транспорта. Колонии стали рассматриваться как важный резерв, а в какой-то мере даже как орудие геэкономической стратегии индустриальных стран [14].

Однако новый, капиталистический колониализм таил в себе вирус самоуничтожения. Внутренняя логика саморазвития таких территорий приводила к борьбе местной буржуазии и населения за экономическую и политическую независимость. Да и самим метрополиям становилось выгоднее постепенно преобразовать силовое господство над такими относительно развитыми территориями в отношения экономической зависимости и даже некоторого партнерства. Уже в 1867 г. федерация Верхней и Нижней Канады, Нового Брунсвика и Новой Скотии, заселенным преимущественно выходцами из Британии и достаточно развитыми экономически, Англия Актом о Британской Северной Америке предпочла предоставить статус самоуправляемого «доминиона Канада». В 1900 г. Британский парламент постановил создать федеративное Содружество Австралии. В 1910 г. статус доминиона получила Южно-Африканский союз, в 1917 г. — Ньюфаундленд [15].

Имперский кулак, в течение трех столетий крепко державший поводья целого табуна своенравных колониальных скакунов, начал заметно ослабевать. Все больше становилось бремя военных расходов, связанных прежде всего с сохранением империи. В последние два столетия перед первой мировой войной они увеличивались в 1,7 раза быстрее, чем ее валовой национальный продукт [16]. Усиление центробежных сил в империи заставили Великобританию признать доминионы юридически равноправными с метрополией, что было закреплено Вестминстерским статутом 1931 г. С этого времени Британская империя стала именоваться Британским содружеством наций, а с 1947 г. — просто Содружеством наций. Великобритания вступила в период позднеиндустриальной модернизации, оказавшейся несовместимой с осуществлявшимся в течение предыдущей эпохи колониальным паттерном ее развития.

Таким образом, социальные потрясения XVII в. явились предтечей еще более глубоких социально-экономических перемен XVIII в., связанных с индустриальной революцией и в более широком контексте с переходом от существовавшего в течение многих веков традиционного, аграрного общества к индустриальному в основе своего общества нового времени. Его бурное развитие стало основой расцвета английского государства, растекшегося по значительной части земного шара в XIX в.

Россия. Протондустриальное направление развития России обозначилось не ранее середины XVII в., когда хозяйство страны несколько оправилось от по-

следствий Смуты и иностранной интервенции начала века. В этот период восстанавливаются и расширяются рыночные связи, ремесло в городах постепенно перерастает в мелкое товарное производство, развивается дворянское предпринимательство, появляются первые мануфактуры, зарождается буржуазия. В России XVII — начала XVIII в. начался процесс концентрации ремесленников и сельских товаропроизводителей. В то же время Россия XVII в. представляла собой еще глубоко патриархальную страну, 96% населения которой проживало в деревне.

Преобразования Петра I, проявившего понимание задач, возникавших в то время перед Россией, были направлены на преодоление ее отставания от передовых западных стран и затрагивали все стороны государственной и общественной жизни. Реформы способствовали росту и укреплению торговой и мануфактурной буржуазии. В первой четверти XVIII в. было создано свыше 200 крупных и мелких промышленных предприятий, возникавших и функционировавших в режиме льгот и привилегий. Строились новые крепости и города. Центром металлургического производства стал Урал, чья роль в российской модернизации и формировании империи необычайно значима. Урал явился эпицентром создания передовой тяжелой промышленности, благодаря которой Россия смогла не только одержать верх в борьбе со шведами, претендовавшими на роль северной империобразующей нации, но и со временем раскрутить маховик промышленного переворота. Именно с Урала шло вооружение и снаряжение для экспедиций, целями которых были колонизация новых территорий, приращение империи (прежде всего Вторая Камчатская экспедиция В.Беринга).

В XVIII в. длительный многовековой процесс территориального расширения, отражавшего внутреннее развитие страны, а также сопредельных с ней народов и их взаимосвязей, привел к существенному увеличению протяженности границ России. Важную роль в нем играли внешняя политика России, международная обстановка, ориентация на Россию соседних с ней народов. В результате дипломатических соглашений, «прошений о принятии под покровительство», мирных договоров, последовавших за успешным окончанием ряда войн, великих географических открытий в состав России были включены обширные новые земли.

Спецификой формировавшейся империи (провозглашенной таковой в 1721 г. Петром I) был ее континентальный характер. В отличие от морских империй, классическим примером которых является Британская, континентальным (к их числу относились, например, Австро-Венгерская и Османская) более свойственно повтапное присоединение соседних иноэтнических территорий, нежели покорение заморских колоний. Для континентальных империй характерны значительная инфильтрация жителей метрополии в этнические периферийные провинции, более мощный приток «инородцев» в метрополию, меньшая отчужденность провинции от метрополии и меньшие контрасты между ними в уровнях развития. Откачивая ресурсы из-за океана, Великобритания обращала их в золото, деньги, инвестировавшиеся прежде всего в экономику метрополии, а не в освоение колоний. Россию же засасывала тряпина расширявшейся периферии. Внутренняя колонизация, процессы освоения (сделать своим) поглощали средства, сравнимые с теми, которые новые территории могли дать. Проблема первоначального накоп-

ления капитала, необходимого для крупного технологического обновления экономики и изменения общества, решалась в России намного сложнее, чем в Великобритании. Два разных подхода к колонизации — преимущественно эксплуатация и прежде всего освоение, осуществлявшиеся Британской и Российской империями соответственно, привели к заметным различиям в скорости и характере перехода от аграрного общества к индустриальному. Кроме того, специфика этого перехода в России состояла в том, что он происходил в условиях господства крепостнической системы, сильной самодержавной власти и замедленных темпов развития капитализма. Сама модернизация осуществлялась путем «революций сверху» (реформы Петра I, Екатерины II, Александра II) и охватывала преимущественно технологическую, военно-промышленную сферы и систему управления, не подкрепляясь в достаточной степени политическими и социальными преобразованиями [17].

Упомянем события, способствовавшие формированию Российской империи, и кратко обозначим основные вехи ее экспансии. После окончания Северной войны и заключения Ништадского мира со Швецией (1721 г.), в результате которого за Россией были закреплены Ижорская земля, территории современных Эстонии и Латвии; а также персидского похода (1722-1723 гг.), завершившегося присоединением к России западного побережья Каспийского моря, морские пути на юг через Каспий и Тихий океан в Америку и страны Юго-Восточной Азии стали объектом живого внимания Петра I и его сподвижников. В 1724 г. Петр I приказал отправить через Сибирь на Тихий океан Первую Камчатскую экспедицию с широкими задачами, приоритетным из которых был получение действительных знаний о западном побережье американского материка, включение Америки в российскую ойкумену.

Во второй четверти XVIII в. Россия продолжила борьбу за выход к Черному и Азовскому морям, возвратила Азов и закрепила за собой Запорожье. После войны со Швецией в 1741-1743 гг. была присоединена часть территории Финляндии. Благодаря Второй Камчатской экспедиции Россия обрела славу первооткрывательницы северо-западной Америки (1741 г.), а к концу века прочно закрепились на ее побережье.

В результате политики России в Средней Азии, способствовавшей сдерживанию междоусобиц и приведшей к консолидации казахского народа, его значительная часть вошла в состав России в 30-х гг. XVIII в. Окончательное присоединение завершилось в 60-х гг. XIX в. [18].

В 1783 г. к империи было присоединено Крымское ханство. В результате разделов Речи Посполитой в состав России вошли часть Белоруссии, Правобережная Украина, Курляндия и Литва. Включение в состав России сравнительно многочисленных народов (украинцев, белорусов, татар, башкир и др.) привело к тому, что к концу XVIII в. русских в общем населении страны стало меньше половины (49%) [19]. Таким образом, самодержавное по форме правления, феодально-крепостническое по социальному строю, огромное по размерам Российское государство к концу XVIII в. простиралось на трех континентах: европейском, азиатском и североамериканском.

Процесс формирования многонационального Российского государства и расширения его границ продолжался и в первой половине XIX в. В начале века к

России присоединилась Грузия, в результате Кавказской войны 1817-1864 гг. — Чечня, Горный Дагестан и северо-западный Кавказ.

Международная обстановка, в которой происходил территориальный рост Российской империи в первой половине XIX в., накладывала определенный отпечаток на ее политику в отношении присоединенных народов. На нее влиял и уровень их политического развития, который царское правительство в ряде случаев было вынуждено учитывать при дальнейшем оформлении их статуса внутри Российского государства. Так, Финляндия, присоединенная в 1809 г. к России в результате русско-шведской войны, стала Великим княжеством Финляндским, пользовавшимся в составе России автономией.

По заключительному акту Венского конгресса 1815 г. включенная в Россию большая часть территории герцогства Варшавского получила статус Царства Польского с введением конституционного правления. Некоторые национальные особенности управления были сохранены в присоединенной по Бухарестскому мирному договору 1812 г. Бессарабии. Западные границы Российской империи с Венского конгресса 1815 г. оставались почти неизменными вплоть до октябрьской революции 1917 г.

По Парижскому мирному трактату, подписанному 18 (30) марта 1856 г., зафиксировавшему поражение России в Крымской войне, Россия лишилась покровительства над Дунайскими княжествами и православными подданными султана Османской империи. Территориальные же потери оказались сравнительно незначительными: от России отошли к княжеству Молдавия дельта Дуная и прилегавшая к ней южная часть Бессарабии [20].

В 1858 г. по Айгунскому и в 1860 г. по Пекинскому договорам за Россией были закреплены Приамурье и Приморье. В 1867 г. произошел первый крупный отказ Российской империи от значительной части своей территории — американской колонии: Аляска и Алеутские острова были проданы США. Несмотря на то, что впереди у России были еще многие годы процветания и даже приращения территорий, это событие (подобно лишению Англией своих американских колоний), расценивается нами как символический знак начала заката Российской империи. В 1875 г. по договору с Японией о. Сахалин стал полностью русским владением, а Курильские острова отошли Японии.

Во второй половине XIX в. к России была постепенно присоединена Средняя Азия. В этот период продолжала также расти прорусская ориентация ряда кавказских народов, уставших от междоусобиц и нападений со стороны османской Турции и шахской Персии [21].

После поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. Россия потеряла арендованный у Китая Порт-Артур и южную часть острова Сахалин.

К началу XX в. по размеру территории и численности населения Российская империя уступала только Британской. Ее территория равнялась 22,4 млн кв. км. По переписи 1897 г. население составляло 128,2 млн чел., в том числе в Европейской России — 93,4 млн, Царстве Польском — 9,5 млн, Великом княжестве Финляндском — 2,6 млн, Кавказском крае — 9,3 млн, Сибири — 5,8 млн, Среднеазиатских областях — 7,6 млн чел. На территории России проживало более 100 народов, доля русских в населении страны

уменьшилась до 44,3% (по данным о родном языке в переписи населения 1897 г.) [22].

В течение четырех веков естественно и непрерывно, как тесто, замешанное на хороших дрожжах, российское государство расширилось территориально, не сдерживаемое непреодолимыми преградами ни географического, ни национально-государственного свойства. Экспансия осуществлялась как в результате дипломатических, договорных процессов, так и в ходе войн, вызванных насущными потребностями политического и экономического характера, которые Российское государство вело за те или иные стратегические пункты и территории (Балтика, Черное море, Кавказ).

Отмена крепостного права и другие буржуазные реформы 1860-1870 гг., промышленный переворот с середины XIX в. создали условия для более быстрого капиталистического развития. Можно сказать, что результатом расширения территории, накопления экономического потенциала, технического и социального развития стал рывок в развитии российской промышленности, произошедший в 1880-1913 гг. Он характеризовался гигантскими темпами роста промышленности и коренными качественными изменениями в технике и технологии. За 1885-1913 гг. промышленная продукция в России выросла в пять раз, превзойдя темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира [23]. По сравнению с до-реформенным периодом промышленность России выросла в 13 раз. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире, а по отдельным отраслям просто гигантскими (производство стали, например, выросло в 2234 раза, нефти в 1469 раз, угля в 694 раза). Быстро осуществлялась механизация производства (если в 1860 г. в производстве работало механическое оборудование на 100 млн руб., в 1870 г. на 350 млн руб., то в 1913 г. почти на 2 млрд руб., то есть ежегодно обновлялось около пятой части технического парка машин) [24]. Показатели концентрации производства в России накануне первой мировой войны были одними из самых высоких в мире: в 1910 г. в России 53% промышленных рабочих работало на предприятиях с числом занятых свыше 500 чел. (в США соответствующий показатель составлял 33%). На предприятиях с числом рабочих свыше 1000 чел. в России было занято 44% рабочих, что в два с лишним раза больше, чем в промышленности США [25]. К началу первой мировой войны Россия перестала быть преимущественно сельскохозяйственной страной: в 1912 г. сельское хозяйство дало продукции на 6,1 млрд руб., а промышленность на 5,6 млрд руб [26].

Во второй половине XIX в. страна достигла пределов роста. Российская империя уже прошла стадии зарождения, возрастания и расцвета. В то же время стали ощутимы серьезные симптомы коррозирующего кризиса ее государственной системы, свойственные началу этапа угасания. Он проявился в поражении в Крымской войне (1853-1856 гг.), социально-правовых потрясениях основ российского бытия, связанных с отменой крепостного права (1861 г.), последовавшими реформами (1860-1870 гг.) и контрреформами (конца 1880-х — начала 1890-х гг.). И далее: Польское восстание 1863-1864 гг., покушения на цареубийство 1866 и 1881 гг., появление многочисленных революционных групп, русско-японская война 1904-1905 гг., революционные события 1905-1907 гг., столыпинская

реформа (1906-1915 гг.), формирование, деятельность и разгоны нового властного органа — Государственной Думы (1906-1917 гг.), забастовочное движение, усилившееся после Ленского расстрела 1912 г., поглощение России пучиной первой мировой войны (1914-1918 гг.) и, наконец, апофеоз — февральская и октябрьская революции 1917 г.

Осуществляясь в условиях вакуума власти, при отсутствии тормозящего трения, движение не затихло, но, напротив, достигло в 1917 г. пикового значения, сильно раскачав и окончательно разбалансировав систему государственного устройства Российской империи. Устойчивый и определенный центр тяжести государственной власти исчез, центростремительные тенденции сменились центробежными. Наибольшая скорость падения и полный покой совпали: империя перестала существовать. Начался процесс интенсивного распада — 3 (16) декабря 1917 г. правительство Российской республики признало право Украины на самоопределение, Белоруссия в августе того же года стала суверенным государством, а в июле провозгласила свою автономию татары и башкиры, тогда же попытался суверенизоваться Крым. В сентябре 1917 г. в Ташкенте было создано автономное правительство Туркестана. 18 (31) декабря была признана независимость Финляндии, 29 августа 1918 г. — Польши. В августе 1918 г. получили независимость Литва, Латвия и Эстония. В апреле 1920 г. возникла независимая Федеративная Закавказская Республика. После того, как бывшее могущество России было возрождено в течение нескольких десятилетий сталинского правления и историческое ядро, собственно русские земли, были надежно окружены полукружьем советских республик и вторым дружественным кольцом — странами социалистического лагеря, а также третьим кольцом влияния — государствами социалистической ориентации, социалистическая империя в середине 1990-х гг. в очень короткий срок лишилась двух последних поясов защиты и оказалась перед реальной угрозой внутренней дезинтеграции, в ситуации тотального экономического кризиса.

Рассмотрение траекторий социально-экономического, политического и территориального развития Британской и Российской империй позволяет сделать следующий вывод. Широко распространенное убеждение в извечной отсталости России и догоняющем типе ее развития неправомерно в своей однозначности. (Идея догоняющего развития России считается отечественными исследователями аксиомой. См., например, материалы круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы» // Вопросы философии. 1993. № 7; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993. № 7).

Как ясно из проведенного анализа, модернизационный переход — длительный, многовековой и многоступенчатый процесс, составляющий целую эпоху в истории современных стран. Он осуществляется по похожему сценарию, но приобретает неповторимое своеобразие, так как ставится в разных «национальных театрах». Огромное значение в нем имеют стартовые условия, точка отсчета модернизации. Для России рубеж пришелся на XVIII в., когда единое самостоятельное государство, преодолев внутренние и внешние помехи, смогло начать активное protoиндустриальное развитие.

Раннеиндустриальный этап, период промышленной революции был пережит Россией в середине XIX — начале XX в. Так же, как для Англии, глубокие социально-экономические преобразования второго периода модернизации в России совпали с периодом ее наивысшего имперского могущества. Раннеиндустриальный период российской модернизации был прерван жесточайшими потрясениями 1917-1920-х гг. Сталинская индустриализация, продолжившая его в изменившихся условиях, положила в фундамент нового индустриального общества миллионы людей, за несколько десятилетий (уже при его преемниках) практически наверстав упущенное историческое время.

Как и в случае Британской империи, позднейиндустриальный этап модернизации коррелировал с распадом имперского государства. Для СССР, однако, он оказался более болезненным, так как континентальный характер советской империи характеризовался тесными взаимосвязями по линии центр — периферия и несмотря на известные диспропорции все же достаточно высоким уровнем экономического развития регионов (что, в частности, объяснялось разворачиванием и функционированием производства в условиях интенсивного индустриального развития середины XX столетия).

Отвечая на центральный вопрос своей книги «Была ли необходима индустриальная революция?» авторы, анализирующие историю этого процесса в Великобритании, указывают, что «индустриальная революция выросла из тысячелетней ожесточенной конкуренции между множеством маленьких западноевропейских королевств. Эта борьба за лидерство в Европе в течение многих столетий была стимулом к поиску новых путей создания большего прибавочного продукта, который мог бы прокормить их военную силу... Роль интенсивной военной конкуренции является таким образом причиной успеха Европы, в отличие от Китая и других более древних цивилизаций» [27]. Российская модернизация стартовала в конце XVII — начале XVIII в. как единственно возможный ответ на вызов со стороны Европы, в соревнование с которой вступил Петр I, как основа для военных побед России на западе и востоке. Специфической чертой России стало сближение раннеиндустриального и позднейиндустриального этапов модернизации в конце XIX — первой половине XX в. Развитие промышленности, ядром которой был военный комплекс, на основе новых технологий производства, неизбежно влекущих за собой социальные перемены, стало условием расцвета Британской империи в XIX в. и Российской (Советской) империи в XVIII в. и 1930-1970-х гг.

Протоиндустриальное развитие Англии, натаквиваясь на социальные, институциональные и прочие препятствия, смело их путем буржуазной революции середины XVII в. Замедленное в силу самих масштабов страны раннеиндустриальное развитие в России, напротив, не только не встретило сопротивления государства, но и получило поддерживающий импульс Петра I «сверху». Угар промышленного переворота, набравшего обороты с 1760 г., в Великобритании скрыл за собой потерю ее плацдарма на Американском континенте в 1783 г. Россия, переживавшая промышленную революцию в середине XIX в., не смогла удержать древко своего стяга над Аляской и Калифорнией в 1867 г. Плоды, принесенные техническим прогрессом в виде интенсивного промышленного раз-

вития, высоких темпов экономического роста, крупнейших социальных сдвигов, пожинались империями, выросшими в богатейшей на этих «молодых яблоках». Однако их чудодейственный эффект оказался преходящим. Раннеиндустриальное общество быстро трансформировалось в позднеиндустриальное и постиндустриальное. И во главе этих метаморфоз стояли уже другие кандидаты в империи. Эстафета была передана США, тело которых срослось из восточной (конец XVIII в.) и западной (вторая половина XIX в.) частей, волей и неволей уступленных Британской и Российской империями. Американская империя, развивающаяся по восходящей в постиндустриальную эпоху колонизирует мир не только «дедовскими», хотя и осовремененными финансовыми и военными способами, но и самыми передовыми — на основе информации, новейших пост-индустриальных технологий. Имперская карусель может продолжиться с отпадением в будущем от США юго-западных территорий, инфильтрация китайского населения на которых очень велика. И тогда воспрявший дракон Китайской империи, разбуженный последним вытком ее модернизации, засверкает отблесками постиндустриального мира, движимый негасимым огнем духовной и культурной традиции Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новиков В.И. Орел российской: культурные смыслы государственной геральдики. // *Общественные науки и современность* (далее ОНС), 1997. №3. С.147.
2. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С.7-8.
3. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // *Полис*, 1997. № 5. С.31-48; Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // ОНС, 1997. № 4. С.123-133; Лурье С.В. Российская и Британская империи: культурологический подход // ОНС, 1996. №4; Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // *Полис*, 1996. № 6. С.117-128.
4. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // *Полис*, 1997. № 5. С.35.
5. Там же. С.40.
6. Там же. С.45.
7. Eisenstadt S.N. Empires // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol.V. N.Y., 1968; Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр // *Восток*, 1991. № 4. С.75; Гагагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М., 1996. С.338.
8. Моммзен Т. История Рима. СПб.: Лениздат, 1993. С.69.
9. Новая история стран Европы и Америки. М., 1997; Judd D. Empire. The British Imperial Experience, from 1765 to the Present. London, 1997.
10. Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т.4. С.422.
11. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (движущие силы, формы, методы). М., Наука. 1991. С.25.
12. Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т.4. С.422.
13. Шишков Ю.В. Судьба Британского содружества наций: воспоминание о будущем СНГ // ОНС, 1996. № 3. С.73-85.
14. Там же. С.76.
15. Judd D. Empire...
16. Шишков Ю.В. Судьба Британского содружества наций: воспоминание о будущем СНГ, // ОНС, 1996. № 3. С.76.

17. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997. С.91-92.
18. История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С.23.
19. Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С.13.
20. История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С.415.
21. Там же. С.18-19.
22. Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С.14.
23. Платонов О.А. Терновый венец России. М., 1997. С.17.
24. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С.490.
25. Платонов О.А. Терновый венец России. М., 1997. С.20.
26. Там же. С.33.
27. Was the Industrial Revolution Necessary? Ed. by Graeme Donald Snooks. London, N.Y., 1994. P.15.

EMPIRE AND MODERNIZATION: A TWO-FACED JANUS OF THE HISTORICAL WHOLE

The author brings out and argues the idea of an empire as a power (rule) in a broad meaning, not a state. The empire only takes shape in a state, gives it a particular form. The correlation of the empire and modernization vectors of development is defined in the article basing on the examples of the British and Russian Empires. Study of the trajectories of social, economic, political and territorial development of both empires permits to make among the others the following conclusion: a widely accepted statement concerning the eternal backwardness of Russia and catching type of its development is not unconditionally correct.

E.V.Alekseyeva

РОССИЙСКИЙ ПУТЬ К ГОРОДСКОМУ ОБЩЕСТВУ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

В сущности, главное, что произошло в России в XX в., это не революции и войны, не многократные смены политических институтов и социально-экономических систем. Всего этого, теоретически, могло и не быть. Но основной вектор развития страны оставался бы все тем же при любом общественном устройстве и конкретном ходе событий: им был и остается переход России от традиционного сельского к городскому обществу — магистральный процесс новой и новейшей российской истории. Он является составной частью более широкого модернизационного процесса.

При всех теоретических, концептуальных и фактологических разногласиях научное сообщество в основном едино в том, что касается понимания модернизации как перехода от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному [1]. К этому перечислению можно добавить еще и переход от сельского к городскому обществу, потому что оно является важной содержательной и интегрирующей характеристикой «современного», то есть «нетрадиционалистского» общества, дополняющей его технологическую доминанту («индустриализм») социальной и эстетической, то есть поселенческой («урбанизм»). Следует также уточнить, что в данной статье речь пойдет не о всех «витках» или «циклах» модернизации, а лишь об уже произошедших в России: мы пока не смогли осуществить переход к постиндустриальному обществу, опирающемуся на иные технологические, социальные и социокультурные основы, а такой переход характеризует новый модернизационный цикл (или даже совокупность циклов).

Следует также разграничить понятия «урбанизация» и «урбанизационный переход». Суть урбанизации — в территориальной концентрации человеческой жизнедеятельности (и условий ее обеспечения), ведущей к ее интенсификации и дифференциации вплоть до выделения городских ее видов, что обуславливает формирование новых форм и пространственных структур расселения, распространение городского образа жизни. Важнейшие показатели урбанизационного процесса на всех его стадиях — рост численности городского населения, распространение поселений городского типа, влияние последних на деревню в техническом, технологическом, культурном отношении. Урбанизационный переход — качественно выделяющаяся, «высшая» стадия урбанизационного процесса, которая ведет к радикальному преобразованию всего общества на «городских началах». Нередко термин «урбанизация» употребляют именно в значении «урбанизационный переход».

Урбанизацию, или «городское» освоение российских земель можно условно вменить и распространение городских поселений в традиционном обществе, что принципиально не меняло «сельского» характера российской цивилизации: при

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 97-01-00425.

всех взлетах и упадках «городской» жизни удельный вес горожан в России до середины XIX в. не выходил за пределы 10—12% всего населения. На этом этапе была заложена основа сети городских поселений России, сформировались механизмы и традиции градообразования, развития городов и городской жизни.

Начало второму периоду в российской истории положила промышленная революция, а также комплекс социально-экономических и политических преобразований 1860—1870-х гг., прежде всего отмена крепостного права. Именно тогда был дан толчок тому процессу, который и можно назвать «урбанизационным переходом» или «переходом к городскому обществу», то есть переходу общества в новое качество, где город играет определяющую и доминирующую роль. Оба периода тесно взаимосвязаны: корнями урбанизация уходит в глубь российской истории с ее социокультурным и цивилизационным своеобразием.

Российская урбанизация, с одной стороны, подчинилась общемировым закономерностям этого процесса, с другой — имела целый ряд особенностей, которые позволяют говорить об ее специфическом российском варианте. Общее: рост числа и величины городов, численности и удельного веса горожан. Универсальным был и главный «локомотив» урбанизационного перехода: им стали промышленный переворот и индустриализация общества.

Можно кратко обозначить основные вехи дореволюционной урбанизации. Все они так или иначе были связаны с модернизацией — ее циклами, «всплесками», модернизационными рывками страны. Модернизационные процессы в России были порождены преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних факторов — быстрой модернизацией соседних держав, что было чревато экономическим и военным отставанием страны и угрожало ее национальной безопасности.

В рамках этого периода были осуществлены петровские преобразования, которые можно рассматривать как «протоиндустриализацию», осуществленную «сверху», государством для решения прежде всего геополитических, а значит и военно-технических проблем. Не внутренние условия, не социокультурная почва, не экономические потребности были ее источником, а потребность в модернизации армии, поддержании ее на уровне, необходимом для обеспечения задач безопасности страны, оборонительных и наступательных войн. Следствием стало не только основание Петербурга — «окна в Европу», но и толчок для последующих градообразующих и преобразующих процессов по всем направлениям как в территориальном пространстве империи (продвижение на запад, восток, юг), так и в содержательной части (институциональных, социальных, социокультурных формах и процессах, пронизывающих все аспекты жизни общества, включающих и «европеизацию» российских городов).

Важным этапом в городском развитии Российской империи была административная реформа 1775—1785 гг., в результате которой сформировалась иерархическая сеть административных центров разного уровня (губернские и уездные города), охватившая всю страну. В 1830—1840-е гг. новым фактором градообразования явилось начало промышленного переворота, обусловившего развитие в сельской местности крупных промышленных производств. Однако возникшие на их основе новые поселения или переросшие из старых центров кустарных про-

мыслов официальный городской статус получали с трудом, даже несмотря на достигнутые крупные размеры. Такие случаи единичны (Иваново-Вознесенск, Павловский Посад и др.). Город для государства с авторитарными институтами власти был в первую очередь инструментом управления территорией (в военно-административном, финансово-экономическом, социальном и других отношениях). Даже либеральная городская реформа 1870 г., утвердившая бессословное городское управление и положившая в основу представительства в выборных учреждениях городского управления буржуазный принцип единого имущественного ценза, жестко ограничивала деятельность городских управ сферой городского хозяйства, а сами управы были подчинены надзору губернатора.

Втягивание России в мировой рынок со второй половины XIX в. способствовало проникновению в страну западных ценностей, капиталов, заимствованию политических и общественных институтов, индоктринации общественных элит и социально активных категорий населения, что, безусловно, влияло на урбанизационный процесс в целом и на сдвиги в рамках «городской» жизни.

Совокупность объективно обусловленных особенностей российской локальной цивилизации на всех этапах ее развития предопределила и специфику российской урбанизации. Россия развивалась в очень жестких условиях, как природных, так и социально-исторических. Сказывалась прежде всего особенность исторического пути, в том числе «собрание земель» государства из одной точки в постоянном противостоянии агрессивным соседям. Отсюда — географическое положение и огромный рост территории, охватывающей значительную часть Европы и Азии. Этот путь привел к складыванию особой российской цивилизации (по разным основаниям ее классифицируют как евразийскую, континентальную, восточно-славянскую, славяно-тюркскую, православную, «традиционную» и т.д., причем это — разные характеристики, дополняющие друг друга) с ее многонациональным составом при доминировании восточно-славянского элемента, синтезом культур, своеобразием менталитета, в которых присутствуют традиционные, во многом патриархальные ценности, национальная и религиозная толерантность и т.д. Следует иметь в виду также геополитический фактор и связанное с ним расширение империи как ответ на постоянное внешнее давление. Отсюда — жесткая централизация, и особая роль государства как инструмента сохранения огромной страны с этнически, социокультурно, экономически разнородными регионами. Здесь и неравномерная, а в целом низкая плотность населения, и объективная обусловленность относительной неразвитости, низкой плотности транспортных путей, «очаговости» поселений, «узлового» характера освоения территорий.

Из комплекса особенностей России как страны, государства, цивилизации проистекает и специфика российской урбанизации, особенно в сопоставлении с этим процессом в Западной Европе, где города еще в средневековье формировались «снизу», преимущественно как экономические центры территорий, «обслуживавшие» их интересы и на них опирающиеся. Отсюда — очень много следствий: и наличие бюргерского сословия в «западном» обществе, плавно перетекшего в новое время в средние буржуазные слои, и развитое городское самоуправление, и особое городское право, и традиции, и городская культура.

В России город возникал в совершенно иной социально-экономической, культурной, политической, правовой среде. А потому имел иные механизмы образования и развития. Основная масса российских городских поселений возникла «сверху», обеспечивая функцию государственного освоения и управления территориями.

Российская урбанизация шла следом или рука об руку с заселением земель Поволжья, Урала, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока и других регионов. Освоение пространств Российской империи осуществлялось преимущественно военно-административным путем: сначала военные и казацки укрепления, крепости, поселения, затем (или одновременно) им придавался административный статус, и лишь потом «наращивались» экономико-хозяйственные, социальные, культурные и прочие функции. Даже в тех немногих случаях, когда города возникали на экономической основе (в их числе ряд горнозаводских поселений Урала), определяющую роль в их основании и развитии играло государство, становясь инициатором градообразования, создавая казенные заводы или обеспечивая казенные заказы под градообразующие функции, размещая комплекс административных учреждений. Как правило, в градообразовании или в числе функций городов присутствовала в качестве ведущей административная: чем выше административный статус, тем относительно (на данной территории) крупнее был город [3]. Чем выше плотность населения региона, тем более многочисленными были города. Зависимость представляла двусторонней: больший административный статус, как правило, придавался более крупному городскому поселению, и в свою очередь способствовал росту численности населения и функциональному разнообразию. В 1856 г. в числе 701 города Российской империи (без Польши и Финляндии) было 62 губернских и 498 уездных [4]. То есть почти 80% городов имели административные функции.

Административное и в целом государственное начало оставалось доминирующим на протяжении всей истории городов, что накладывало свой отпечаток на всю городскую жизнь — на функции городов в обществе, городские сословия, культуру, традиции, менталитет горожан. Само по себе это — не хорошо и не плохо, просто факт нашей истории, порожденный объективными процессами.

Роль государства в городском развитии России была определяющей не только в собственно феодальный период. Как и на стадии «протоиндустриализации», толчком для модернизации России (раннеиндустриальной, буржуазной) в середине — второй половине XIX в. снова явились не внутренние, а внешнеполитические проблемы, переросшие в проигранную Крымскую войну. Вновь проявилась цивилизующая роль российского государства: оно выступило инициатором и основным мотором преобразований, для которых «внизу» явно было недостаточно условий.

И со становлением рынка и началом индустриализации роль административной функции в урбанизационном процессе снижается крайне медленно при постепенном возрастании значения в первую очередь промышленных функций. В 1910 г. в России было 775 городов, из них 77 губернских, 541 уездный и 157 заштатных, то есть удельный вес городов с административными функциями при некотором росте числа городов в целом остался прежним (около 80%) [5].

Таким образом, российский город еще до революции был продуктом всего строя жизни (впрочем, как и на Западе), только жизнь была иная, иной была и российская цивилизация.

Но одно дело — города как островки в море крестьянской жизни, другое — когда деревня поглощается, оказывается подчиненной и преобразованной городской жизнью. Переход к городскому обществу означает не просто превращение российских горожан из абсолютного меньшинства в большинство жителей страны (15% — в конце XIX в., более 70% — в начале 1980-х гг.). Урбанизационный переход как наиболее «продвинутой» стадия урбанизационного процесса характеризуется помимо его универсальных признаков (рост числа городов и численности городских жителей, «влияние» на ближайшую сельскую округу) дополнительными, новыми качественными признаками: возрастанием удельного веса городского населения за счет сельского, распространением городского образа жизни, радикальным изменением места и роли города в обществе. Это двуединый процесс, включающий как вытеснение деревни городом, так и некое «городское» преобразование деревни.

Урбанизация в стадии урбанизационного перехода являлась социальной и экономической составляющей частью того процесса, который может быть определен как индустриальная модернизация (и раннеиндустриальная, и более зрелая). Сам урбанизационный переход можно охарактеризовать как комплексный модернизационный, включающий чрезвычайно высокие по историческим темпам, радикальное преобразование всех сторон общественной жизни на «городских» началах: производственной, экономической (поселенческой), социально-демографической и социальной структур.

Переход к городскому обществу — широкий модернизационный процесс, охватывающий качественные изменения значительного комплекса социальных характеристик подавляющей части населения страны. Речь идет о качественном изменении всех материальных, социокультурных основ жизни общества, его производительных сил, структуры расселения, о радикальном изменении качества, образа жизни и менталитета народа. Только взятые в совокупности эти сдвиги и позволяют говорить о превращении общества в городское. Поэтому понятие «городское общество» и содержательно, и хронологически шире таких его частных определений, как «индустриальное», «постиндустриальное», «информационное» и т.п.

Урбанизационный переход — императив техногенной цивилизации, в условиях которой города стали центрами, концентрирующими в себе экономический (особенно промышленный), а также административный, научный, духовный потенциал всего общества. Переход от сельского к преимущественно городскому обществу сопровождается сосредоточением в городе преобладающей части населения. Города, особенно крупные, становятся ведущими звеньями системы расселения, в основе складывания которой лежат главным образом все те же экономические процессы территориальной концентрации производительных сил. Деятельность жителей городских поселений связана преимущественно с промышленностью, транспортом, торговлей, управлением и другими видами несельскохозяйственных отраслей.

Структура городской экономики, а вместе с ней и занятость населения, меняется вместе со сменой стадий индустриального общества и с развитием урбанизационного процесса. Основная тенденция — расширение с определенной стадией городского развития занятости в непроемких отраслях, которая выражена тем сильнее, чем больше величина города. Параллельно обозначается сначала относительное, а затем и абсолютное сокращение занятости в сфере производства. Для этапа перехода к постиндустриальному обществу, сопровождающемуся субурбанизационными процессами, характерна тенденция формирования вместо точечных городских поселений локальных систем расселения и размещения производства типа агломераций, мегалополисов и др., «вымывания» части населения крупнейших городов и рассредоточения их на городской периферии и в пригородах. Таковы общемировые закономерности и тенденции развития урбанизационного процесса, распространившиеся и на Россию.

Учитывая асинхронность исторического времени для разных стран, в том числе (и прежде всего) характеризующуюся временным несовпадением процессов модернизации (даже с учетом «эшелонов модернизации»), необходимо отметить ряд моментов. Вследствие такой асинхронности, во-первых, модернизация каждой страны проходила по индивидуальному сценарию; во-вторых, характеризовалась разными темпами, причем как в целом, так и на разных «витках» модернизационного процесса; в-третьих, находилась в специфических соотношениях с урбанизационным переходом. Эта специфика заключалась прежде всего в том, что в одних странах урбанизационный переход несмотря на растянутость (на протяжении ранне- и среднеиндустриальной стадий) по сути завершился еще до начала становления постиндустриального общества (наиболее развитые, «старые» индустриальные страны «первого эшелона» модернизации). В других странах (в основном «второй эшелон») урбанизационный переход осуществлялся форсированно, но лишь в некоторых из них успел завершиться (Япония), а в других — нет (Россия-СССР). Причем в ряде случаев завершение обеспечил рывок в постиндустриальное общество, а отставание России (СССР) было вызвано задержкой (в массовой производственной, социальной, культурной основе) на раннеиндустриальной и среднеиндустриальной стадиях модернизации.

Но основную часть пути к «городскому обществу» Россия прошла в XX в. Урбанизационный переход здесь оказался крайне сжатым во времени, происходил в течение жизни четырех — пяти поколений и пришелся в основном на XX в. Урбанизация, таким образом, не только сыграла роль ускорителя темпов российского исторического процесса в XX в., но и во многом явилась основным его содержанием.

Урбанизационный переход в России был предопределен не только внутренними потребностями, но и всем ходом мировой истории, принципиально усилившейся к XX в. взаимозависимостью стран, давлением внешних факторов — быстрой модернизацией соседних держав, связанной с этим опасностью экономического и военного отставания страны от Запада.

Начальная стадия урбанизационного перехода внесла свою лепту в деформацию традиционного российского общества, вызвав его «базовую» социальную

нестабильность — породив взрывоопасные маргинальные слои города и подрывая ценности сельской общины. Город оказался противостоящим деревне не только экономически, но и социокультурно, как носитель западных ценностей, враждебных традиционному сельскому обществу. Города оказались не только двигателями экономического, технического, культурного прогресса, но и центрами социальной нестабильности.

Революция 1917 г. явилась реакцией отторжения традиционным российским обществом модернизационных процессов, осуществлявшихся на основе антитрадиционных «прозападнических» схем (в том числе — столыпинской реформы, конституционализма и др.). По сути, это была не революция пролетариев, а бунт села — не только против непонятной мировой войны, но и за землю, за сохранение общины, за восстановление традиционализма. Парадоксальным образом прозападнические политические силы, спровоцировавшие свержение монархии и социально-политический взрыв, оказались выброшены из России, а другие «западники», леворадикальные марксисты стали воплощать в политике традиционалистские ценности, проводить в жизнь традиционалистскую модель модернизации.

Основная часть пути России к городскому обществу пройдена в советское время. Именно тогда было основано и выросло 2/3 российских городов, а горожане из абсолютного меньшинства стали преобладающим большинством населения (почти 3/4). Советский этап отечественной истории наложил наиболее сильный отпечаток на российский город.

Большевизм перевернул все общество, но не мог переменить вектора базовых, фундаментальных процессов, общего для всей современной технократической цивилизации: «тоталитаризм» в его «коммунистической» модели явился формой трансформации традиционного российского общества в индустриальное и городское, решая все те же общецивилизационные проблемы «урбанизационного перехода». Социальная «цена» за этот переход оказалась значительно выше, чем могла бы быть при «правой» консервативной альтернативе, которая, несомненно, не допустила бы столь радикальной ломки социальных институтов и отношений, но это была цена более форсированного перехода: левый тоталитаризм, выступая от лица «низших» классов, то есть подавляющего большинства населения, имел существенно больше рычагов мобилизации ресурсов и решения задач, чем буржуазная диктатура.

При сопоставлении советской урбанизации с дореволюционной следует отметить, что при нарушении ряда сторон преемственности (социально-экономических условий существования городских сословий и т.д.) в главном она не только сохранилась, но и усилилась: а именно, роль государства в развитии города, особенно с 1930-х гг., становится довлеющей. При советской власти не только сохранилась сущностная сторона городского развития (территориальная концентрация производительных сил), но и усилилась его экономическая составляющая. Государство играло еще большую роль в этих процессах, нежели до революции, причем развитие экономики оказалось почти монопольной его функцией, а урбанизация — побочным продуктом индустриализации. В этом суть феномена советской урбанизации.

В современной (позднесоветской и постсоветской) историографии и социологии распространена и даже популярна точка зрения, согласно которой советский город — явление патологическое, определяемое как «псевдогород», а советская урбанизация — «квази-» или «псевдоурбанизация» [6]. Например, характерно такое «эпатажное» высказывание: «Несмотря на привычность употребления слова «город», города у нас существуют преимущественно как надписи на картах и строки в статистических сводках. В России не было и нет городов, если под городом понимать прежде всего социальную организованность граждан» [7]. Возникает вопрос: как же вообще без «социальной организованности» может существовать такое социальное целое, как городское поселение. Наверное, речь идет все же о каком-то конкретном типе социальной организованности, импонирующем автору цитаты. Близка такой позиции характеристика города, данная самым крупным современным отечественным мыслителем либерального толка, претендующим на роль теоретического толкователя российского исторического процесса, своеобразным мета-историком — А. С. Ахиезером, более определенно раскрывающим причины, по которым отечественной урбанизации отказывают в «полноценности»: «На протяжении своей истории города России не превратились в центры инновационной деятельности либерального типа..., а это означало, что урбанизация в стране приняла односторонний характер..., что позволяет говорить о псевдоурбанизации» [8]. Таким образом, город как общественное явление резко ограничивается лишь определенным функциональным типом, основанным исключительно на либеральном его понимании.

Даже в таком бесосновательно суженном варианте нет оснований выводить российский город за рамки полноценных городов: значительная их часть была в полной мере «инновационными центрами», хотя и не в либеральном смысле. Но важно другое — методологическая несостоятельность самих критериев отнесения или исключения российского города из категории полноценных городских поселений. Она коренится в приверженности авторов либеральной идеологии, которую они пытаются перенести в сферу науки и применить в качестве методологического принципа. Отсюда и телеологичность концептуальных построений, которая во многом напоминает «марксистско-ленинскую методологию». Только там критерием оценок служило фаталистическое движение общества к «светлому коммунистическому будущему», а здесь аналогичным образом выступает либеральное буржуазное настоящее, на которое должны равняться все страны и народы. Соответственно и модернизация такими авторами отождествляется с вестернизацией, хотя на деле это принципиально разные явления, которые могут совпадать лишь в частных случаях.

«Негативистский» либеральный подход в оценках российского города и урбанизации в целом мы рассматриваем как крайнюю и неадекватную позицию. Потому что нельзя брать за точку отсчета в оценке российской урбанизации западный город: в том-то и суть проблемы, что явления в одной локальной цивилизации не могут быть образцом для аналогичных явлений в других, но все имеют право на существование. В истории конкретных обществ реализуется, как

правило, именно то, что наиболее адекватно внутренней логике развития этого общества и способствует его выживанию, конечно, с учетом факторов влияния внешнего окружения.

Эти крайние оценки неадекватны еще и потому, что в сущности у западного и российского города, при всех их различиях, все же гораздо больше общего, чем специфики: они разными путями шли к достаточно близким результатам, к сопоставимым параметрам городского общества. И это становится очевидным, если обратиться к предметному анализу, конкретно-историческому изучению российского города, а не заниматься только абстрактным теоретизированием [9].

Историю делают люди, и при этом очень важно, кто они: потомственные сельские жители-крестьяне, недавние переселенцы в города или потомственные горожане хотя бы во втором поколении. Начало, середина и конец нашего века характеризуются превалярованием в составе российского населения одной из этих трех категорий, а этот факт дает ключ к очень многим общественным явлениям. Превращение горожан в большинство населения России (уже к 1960-м гг., и далее — по нарастающей) при всем традиционализме коммунистической идеологии явилось фактором трансформации советской системы. Создавая современную индустрию, развивая города, формируя новые социальные слои, связанные со сложными формами деятельности и высоким образовательным уровнем, тоталитаризм подрывал свои основы.

Результаты почти столетней урбанизации создали социальную почву, подготавливавшую возможность общественных перемен. Вопрос состоял в том, насколько перемены будут глубоки, ограничатся ли они обновлением существовавшей системы, называвшей себя социалистической, или вызовут радикальную трансформацию, как произойдут эти перемены — эволюционным или радикальным путем. В силу комплекса причин, рассматривать которые здесь нет возможности, перемены оказались радикальными.

Современное состояние российского города

Если оценивать переворот 1917 г. и вызванные им преобразования как революцию, то поворот 1991 г. объективно следует оценивать как контрреволюцию. Это содержательная, а не ценностная (и тем более не идеологическая) характеристика: подробное рассмотрение «позитива» и «негатива» в этих процессах не входит в нашу задачу. Вместе с тем, это глубоко противоречивая трансформация с антитрадиционализмом по форме (по характеру заявленных перемен) и антимодернизационным началом по существу. Она представляет собой как бы зеркальное отражение советской эпохи, решавшей антитрадиционалистские модернизаторские задачи (в том числе и с элементами вестернизации) в формах весьма традиционных.

Социальная трансформация начала 1990-х гг. означает радикальную смену модели общественного развития, направленную не только на смену собственно коммунистических общественных институтов, но и глубинных форм российской цивилизации.

К сожалению, российскую элиту, при всех сменах ее социального и персонального состава, история ничему не учит. Наша новая политическая и экономическая элита не осознает, что, проведя преобразования по большевистскому образцу, но с обратным социальным знаком — коренную ломку всех основ народной жизни, воссоздав дикий капитализм, какого давно уже нет в развитых странах, она воспроизвела ситуацию гораздо более взрывоопасную, нежели в России начала XX в. Чем это закончилось в 1917 г., известно. Непросто будет при сочетании аналогичных, но гораздо более многочисленных и острых противоречий, избегать подобных и в настоящем. При всем внешнем спокойствии в обществе накапливается социальный материал, способный привести как к социальному взрыву, так и к воспроизводству «тоталитарной» модели, только теперь уже право-радикального образца.

«Шоковый» характер реформ отразился на всем обществе, но особенно — на городе. Так, среди закономерностей российской урбанизации в XX в. была и неуклонная тенденция общего роста численности горожан, увеличения их удельного веса в составе населения страны. Она лишь дважды прерывалась общественными потрясениями: первый раз — переворотом 1917 г. с последовавшей гражданской войной, второй — постперестроечной трансформацией, обозначившей ряд тенденций дезурбанизации (в экономике — элементы деиндустриализации, в демографии — проявления депопуляции, сокращения как общей численности населения, так и удельного веса городского, хотя и «лишь» на 1%). Между тем окончательное становление российского городского общества еще далеко не завершено.

Тенденции и перспективы развития российского города

Современная стадия урбанизации во всем мире характеризуется процессами агломерации, формирования разного уровня и типов систем поселения, «созвездий» городов, урбанизации сельской территории. В развитых странах наблюдаются процессы субурбанизации, при которых процесс концентрации перерастает в новую тенденцию рассредоточения (переселение в пригороды и т.д.). Переход к информационному обществу должен усилить эту тенденцию: по прогнозам уже в первое-второе десятилетия XXI в. в США почти у половины занятого населения основное рабочее место будет дома, у компьютера. Конечно, это не приведет к исчезновению городов как центров концентрации средств производства и населения, но внесет существенную поправку в системы расселения, функции, структуры, облик основной массы поселений. Таковы процессы в развитых странах, ориентирующихся на ряд технологических революций, происходящих на наших глазах и ожидаемых в XXI в.

Перспективы развития городов России определяются прежде всего общими возможностями и тенденциями развития всей страны в контексте общемировых процессов. Из этого и следует исходить, делая прогнозы и выстраивая стратегию российской урбанизации, разрабатывая практическую «городскую» политику. С начала 1990-х гг. Россия развивается в принципиально изменившихся внешних и внутренних условиях. Она оказалась осколком СССР, потерпевшего

поражение в «холодной войне», побежденной страной. Прежде всего резко ухудшилась среда ее существования: до конца 1980-х гг. российское общество было частью «большой России» — Советского Союза, одной из двух сверхдержав, а СССР, в свою очередь, частью социалистической системы, в том числе «социалистического содружества», с системой налаженных экономических взаимосвязей, мощной системой безопасности, включавшей единые оборонительные структуры, военный и ресурсный потенциал и т.д.

Крах мирового социализма привел к катастрофическому снижению уровня безопасности страны, резкому ограничению оборонительного, ресурсного и инвестиционного потенциала, создал в целом недружественную внешнюю среду из националистических режимов в ряде бывших советских республик. Объективно возможности для развития России оказались резко снижены независимо от того, какую модель общественного устройства окончательно выберет страна.

Кардинально изменились и внутренние условия развития страны. Как и в 1917 г., произошла радикальная трансформация российского общества. Сменилась идеология — с леворадикальной, коммунистической на неолиберальную и квазидемократическую. Сменилась модель общественного развития: экономическая — с плановой на квазирыночную; социальная — с государственно-социалистической на смесь раннебуржуазных и государственно-монополистических отношений при тотальной криминализации; политическая — с монопартийной, тоталитарного типа на квазидемократическую, по сути авторитарную. Мучительно происходит трансформация массовой психологии — с коллективистской на индивидуалистическую, причем ставка новыми элитами делается на конфликт поколений, детей противопоставляют отцам и дедам, реформы осуществляются в первую очередь за счет самых незащищенных — стариков и детей.

Все это отразилось и на «базисных» для любого общества явлениях. Если в период «застоя» негативные процессы носили в основном локальный и стагнирующий характер, то в постсоветское время они охватили практически все сферы общественной жизни и приобрели кризисный и регрессионный характер. Особенно опасно свертывание и даже разрушение целых отраслей промышленности, прежде всего высокотехнологичных производств: вместо рывка в постиндустриальное общество и завоевания внешних рынков мы сдаем свои собственные рынки и лишаемся перспективы. Вместо «конвергенции» и интеграции с Западом «на равных» мы получили зависимость в ряде стратегических вопросов развития и национальной безопасности (финансовую, продовольственную, технологическую и т.д.).

Обозначились тенденции ухудшения «качества» населения по ряду параметров: падает образовательный и квалификационный уровень молодежи, происходит дисквалификация среднего поколения во многих отраслях экономики; резко ухудшились показатели здоровья основной массы населения. Среди демографических процессов: резкое повышение уровня смертности при падении рождаемости, обозначилась общая тенденция депопуляции, особенно среди собственно русского населения; депопуляции целых регионов, прежде всего Сибири, Дальнего Востока, Севера. Менталитет населения в целом переориентировался с ценностей созидания

и личностного развития на приобретение материальных благ, причем нетрудовым путем. Криминализация массового сознания стала угрожать национальной безопасности: в ряде регионов криминальное прошлое кандидатов становится позитивным мотивом при выборах в депутаты и губернаторы.

Все это отражается в первую очередь на развитии городов (деревня «замкнулась» в себе, «выживает», вплоть до того, что переходит на натуральное хозяйство). В первой половине — середине 1990-х гг. впервые в XX в. в «мирные» годы проявились тенденции дезурбанизации: более чем на 1% сократился удельный вес городского населения. Свертывание «высоких технологий» в России может означать не только вытеснение на обочину мировых тенденций в экономике, но и прерыв процессов завершения перехода России к городскому обществу.

Перспективы «городского» развития России напрямую зависят от «сценариев» развития страны в целом. Их много, и все они весьма неблагоприятны: от «умеренно» неблагоприятных до катастрофических. Последние также следует принимать в расчет: в распад СССР никто не верил и не мог предвидеть еще за 2—3 года до самого события. Экономическая, демографическая, социальная и культурная деградация страны может означать резкое усиление геополитического фактора, утрату Россией восточных регионов (Дальнего Востока, Сибири, Урала) с последующим их поглощением Китаем. На юге (Средняя Азия, Закавказье, Северный Кавказ) в перспективе решающими геополитическими факторами становятся пантюркизм и исламизм с влиянием на внутренние Российские регионы, национальные субъекты Федерации.

Сохранение стагнирующего состояния экономики на грани новых витков экономического спада, рост социальной напряженности как следствие этого, упрочение криминального капитализма могут привести к новой радикализации населения, вспышкам социальной истерии, наподобие перестроечной.

Возможный упадок России как цивилизации будет, безусловно, означать и упадок российских городов. Чтобы этого не произошло, необходимо сохранение (или восстановление) приоритетной роли государства в стратегических отраслях экономики (топливно-энергетических, ВПК, а также в инновационных отраслях, определяющих главные технологические прорывы XXI в.). Жизненно необходима экономическая, а в перспективе и политическая интеграция с Беларуссией, Украиной и Казахстаном, сохранение в сфере влияния Средней Азии и Закавказья, а также контроль ситуации в Прибалтике. При неизбежной интеграции в мировой рынок необходимо сохранение максимальной автономии России в стратегических областях экономической безопасности, причем подход должен быть системным.

Эффективность тактики выживания и развития российских регионов и городов будет зависеть от конкретного сценария развития страны в целом и возможности «вписать» индивидуальный потенциал в общую ситуацию. В любом случае необходима выработка стратегии новой модернизационной стадии развития России, которая включала бы в себя как долговременную политическую и социально-экономическую программу «центра», так и привязку ее к регионам. «Городская политика» должна занять в этой стратегии подобающее ее значению место.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации // Российская модернизация XIX—XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1977. С. 4.
2. Подробнее авторская концепция и конкретно-исторический анализ российской урбанизации, в том числе в контексте российских модернизаций, изложены в цикле статей. Сенявский А.С. Российская урбанизация: универсальные закономерности и национальная специфика // История, 1997. № 24; Он же. Российская урбанизация: социально-демографические процессы и развитие городов // История, 1997. № 27; Он же. Российская урбанизация: урбанизация и тоталитаризм // История, 1997. № 28; Он же. Урбанизация и демографические процессы в Российской Федерации (1960—1980-е гг.) // История, 1998. № 4.
3. Миронов Б.Н. Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 26.
4. Рассчитано по: Там же. С. 24, 26.
5. Города России в 1910 году. Стат. сб. М., 1914.
6. Листенгурт Ф.М., Любовный В.Я. Проблемы социально-экономического развития крупных городов. М., 1983. С. 3—5.
7. Главыхев В. А. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 137.
8. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 21—22.
9. Подробнее о достигнутых результатах и проблемах в развитии современного российского города (на исходе советской истории) см.: Сенявский А.С. Российский город в 1960-е — 80-е годы. М., 1995.

THE RUSSIAN PATH TO THE URBAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES

The article gives an analysis of the theoretical and concrete historical problems concerned with the Russian urbanization. The author differentiates and defines the concepts of «urbanization» and «urbanization transition», while distinguishing different stages of historical explication of the given processes. As the author concludes, it was the transition from the traditional rural society to the industrial one that is basic mainstream of the modern Russia's history as well as a component of broader modernization process. The article identifies both universalistic and specific features of the Russian urbanization which, on the one hand, was corresponding with the world development path and, on the other hand, conditioned by the country's — cultural-civilization, socio-economic, institutional — specific features.

A.S.Senyavsky

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДО МОДЕРНИЗАЦИИ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДИФФУЗИИ (к постановке проблемы)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на множество нюансов в понимании содержания, масштабов, механизмов процесса модернизации подавляющее большинство исследователей склонно рассматривать его как переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. При этом предполагается, что модернизация — это комплексный процесс, который постепенно охватывает все стороны общественной жизни: интеллектуальную, социальную, экономическую, политико-правовую, культурную и т.д. Мы разделяем подобное представление.

Сказанное, однако, не означает, что в рамках школы модернизации отсутствует интерес к эпохам, которые предшествовали процессам собственно модернизации. Напротив, подобный интерес живуч и объясняется широким признанием специалистами в различных областях знания (историками, антропологами, политологами, экономистами и т.д.) продолжающегося влияния на процессы модернизации институтов и ценностей, унаследованных от прошлого.

Попыткой объяснения подобного феномена является концепция *зависимости от пути развития* («*Path Dependence*») и «*западни*» («*Lock-in*»), получившая развитие в экономической теории и экономической истории. Данная концепция была сформулирована нобелевским лауреатом Д.Нортом, который писал: «Зависимость от пути свидетельствует о значении истории. Мы не сможем понять сегодняшние решения (и указать их место в современной экономической модели) без отслеживания постепенной эволюции их институтов. ... последовательные институциональные изменения, происходящие путем непрерывных маргинальных приспособлений... являются доминирующим путем, по которому движутся общества и экономика» [1].

Концепция зависимости от пути развития позволяет связать перспективу эволюционного отбора с перспективой институциональной преемственности, в определенной степени объясняет различия в эволюции обществ, долговременное сохранение неэффективных и субоптимальных экономических систем и институций, экономического поведения и технологий. Согласно данной концепции, направление развития является результатом инкрементальных перемен, определяющих от известной точки дальнейший ход событий. Предполагается, что даже после масштабных разрывов (революции, войны, природные катаклиз-

мы) сохраняется значимость традиционного институционального контекста, который обеспечивает преемственность развития. При этом концепцию зависимости от пути развития не следует сводить к телеологической схеме истории; она является лишь концептуальным средством для ограничения диапазона возможностей выбора и принятия решений во времени и не исключает самих этих возможностей.

Как пишет проф. Берлинского научного центра социальных исследований В.Цапф, концепты зависимости пути и «lock-in» свидетельствуют, «что успешно модернизирующиеся общества находятся на пути, где они не видят лучших (например, повышающих справедливость распределения) путей. Как и то, что успех может быть лишь внешним при недооценке недостатков этого пути в перспективе» [2].

В общем признание влияния исторического наследия на последующее развитие стимулировало пересмотр более ранней истории в модернизационном ключе. Серьезным событием в этом плане стало издание монографии С.Эйзенштадта «Политические системы империй». Тематически более узко сфокусированы следующие работы: «Ирригационные цивилизации: Компаративное изучение» (издана под редакцией Джулиана Стюарда в 1955 г.), Карл Виттфогель «Восточный деспотизм: Компаративное изучение тотальной власти» (1957 г.).

Вышедшие под редакцией Раштона Кулборна материалы симпозиума «Феодализм в истории» (1956 г.) были посвящены изучению параллелей в развитии феодализма в Западной Европе, Японии, Китае, древних Месопотамии, Персии, Египте, Византийской империи, России. Адаптация традиционных европейских институтов к потребностям модернистской цивилизации — тема исследования в книге «Европа XII столетия и становление современного общества», изданной Маршаллом Клагетом, Г.Пост и Робертом Рейнолдсом. Принявший участие в двух вышеупомянутых изданиях Джозеф Р.Страйер сравнил английский и французский опыт в статье «Исторический опыт строительства наций в Европе» («Nation Building», 1963, ed. by Karl W.Deutsh and W.J.Foltz). К более ранней истории обратился С.Хантингтон в своей интересной статье «Политическая модернизация: Америка vs Европа» (World Politics, XVIII, April 1966). Реинтерпретация американской истории в сравнительном плане была предпринята в работе Сеймура М.Липсета «Первая новая нация: США в исторической и компаративной перспективе» [3].

В данной статье делается попытка рассмотреть становление традиционного институционального контекста в средневековой Руси под влиянием внешних заимствований. Результаты подобных заимствований были поистине грандиозны и по своему трансформативны. Велико было их воздействие на последующее развитие России, в том числе уже в лоне собственно модернизационного перехода. В связи с этим в название статьи включен термин «модернизация». Оговорка «до модернизации» придает ему некоторый условный оттенок, «закавыченный» смысл, по нашему мнению, необходимый, поскольку в статье действительно речь идет о трансформациях, осуществлявшихся, все-таки, в рамках традиционного, а не модернистского контекста.

ДИФФУЗИЯ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

В современном отечественном обществоведении происходят серьезные перемены, выразившиеся в пересмотре привычных подходов и теорий, поиске новых аналитических инструментов изучения прошлого, активном освоении подходов и теорий зарубежных общественных наук, которые раньше подвергались жесткой критике. Одной из таких отвергаемых прежде и воскрененных ныне теорий является диффузионизм — теоретическое направление, которое основывалось на представлении о развитии культуры или отдельных элементов культуры как о процессе распространения их из одного или нескольких центров.

Диффузионизм возник в конце XIX в. как реакция на эволюционизм, противопоставив абстрактно-всеобъемлющим концепциям последнего анализ конкретно-исторических проблем. Основой диффузионизма послужила идея культурно доминирующих центров. Целью диффузионизма было «картирование» пространственного распространения культур, отдельных культурных элементов, реконструкция центров, районов их происхождения и маршрутов трансляции.

В рамках школы диффузионизма сложилось несколько течений, наиболее важными из которых являлись *историко-географическое направление* (Э.Норденшельд, Р.Хайне-Гельдерн, К.Биркет-Смит; ставили в качестве своей задачи восстановление временной последовательности культурного развития на основе изучения распространения культур); *учение о культурных кругах или культурно-историческая школа* (Ф.Гребнер, В.Шмидт, В.Котлерс; учение преимущественно связано с антропогеографической теорией Ф.Ратцеля и с «культурно-морфологической» теорией Л.Фробениуса; развивалось преимущественно применительно к истории первобытного общества; предполагалось наличие нескольких изначальных культурных кругов; развитие объяснялось как следствие перемещения целых культурных комплексов или смещения отдельных элементов культур одного культурного круга с элементами другого); *теория культурных ареалов* (К.Уислер, Э.Сепир, К.Кребер; сторонники данного течения исходили из наличия тесной взаимосвязи между географической средой и развитием культуры); *гелиоцентрическая школа* (Г.Эллиот-Смит, У.Перри, У.Риверс; выводили культурное развитие из Древнего Египта) [4].

Представляет интерес так называемая культурно-историческая школа, или теория культурных кругов, создателем которой считается Фриц Гребнер, в 1911г. систематизировавший элементы своего научного подхода в книге «Метод в этнологии» (Fr.Graebner. Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911). Автор считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением их из одного центра. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, фундаментальных открытий. В общем смысле это открытия, позволяющие расширить экологическую нишу этноса. Они могут быть из области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть новое оружие, позволяющее раздвинуть границы обитания за счет

соседей. Эффект подобных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими. Используя эти преимущества, народ, «избранный богом», начинает расселяться из мест своего обитания, захватывать и осваивать новые территории. Прежние обитатели данных территорий либо истребляются, либо вытесняются пришельцами, либо подчиняются им и перенимают их культуру. Народы, находящиеся перед фронтом наступления, в свою очередь, стремятся перенять оружие пришельцев — происходит диффузия фундаментальных элементов культуры. Они распространяются во все стороны, очерчивая *культурный круг*, область распространения того или иного фундаментального открытия.

Теория культурных кругов и в наше время является рабочим инструментом для западных этнологов и археологов, позволяет реконструировать реалии прошлого и находить истоки культурных взаимосвязей. Для историков она представляет метод теоретического осмысления событий, позволяющий выделить суть происходящего.

Г.Эллиот-Смит (гелиолитическая школа) ввел в теорию социальных изменений понятие доминирующих центров культуры. Таким центром для него являлся Древний Египет [5]. По мнению Смита, необычное стечение обстоятельств привело к колоссальному рывку в культурном развитии Египта около 3000 лет до н.в., когда имели место стремительное совершенствование агрикультуры, обработки металлов, производства орудий труда, создание более эффективной политической системы. Впоследствии культурные инновации распространились из Египта по всему средиземноморью и всему миру. Смит считал, таким образом, что изобретательность древних египтян стала «причиной» социальных сдвигов во всех частях земного шара. Конечно, подобные представления устарели. Однако принцип, заложенный в их основе, — представление о контактах и диффузии как механизмах социальных сдвигов — может быть плодотворно использован и сегодня.

Понятие диффузия широко используется в современных социологических теориях, применяемых при изучении социальных изменений. При этом *диффузия* интерпретируется как процесс, посредством которого инновации (выделяют 3 основных типа инноваций: 1) новые технологии; 2) новые верования, культурные ценности и идеологии; 3) новые формы социальной структуры) или культурные элементы распространяются от одного общества к другому или от одной социальной группы к другой внутри одного общества [6].

В качестве «факторов» диффузии называются путешествия, миграции, торговля, войны. Установлена обратная зависимость между развитием обществ и расстоянием от них до «высоких центров» цивилизации. Чем более удалены от таких центров общества, чем более они изолированы, тем более велика для них вероятность замедленного и маргинального развития. Признается, что сама возможность заимствований ускоряет общественный прогресс. В свою очередь, развитие транспорта и коммуникаций существенно расширяет возможности контактов и заимствований между обществами. В литературе отмечается, что путешественники в значительной степени способствовали межсоциальному переносу технологий. Так, благодаря китайскому повару Марко Поло в Италии

появились спагетти; столетия спустя итальянские иммигранты завезли их в Америку. Миссионеры по всему миру распространяли новые моральные нормы, новые религиозные системы, новые обычаи и технологии в одежде, гигиене, школьном образовании. Появление радио, телевизоров, спутников связи способствовало постепенному превращению планеты в «большую деревню», в которой каждый получил возможность узнавать новость о событиях почти сразу же после того, как они случились. Развитие коммуникационных технологий будило у бедных желание к переменам и во многом явилось основой для «революции растущих ожиданий» по всему миру.

Если антропологи занимаются выяснением того, каким образом новые идеи и практики трансплантируются из одного общества в другое, то социологи большее внимание уделяют интерсоциальному переносу новых ценностей и стилей жизни и поведения. Социология села изучает распространение новой агрикультуры среди фермеров. Медицинскую социологию интересуют вопросы распространения медикаментов, вакцинации, методов планирования семьи. Социология образования изучает процессы адаптации в школе новых методов и технологий обучения. Экономистов интересуют имитационные технологии, посредством которых происходит усвоение новых производственных и технологических процессов в фирмах. Специалисты в области коммуникаций анализируют диффузию, чтобы глубже понять динамику убеждения и пропаганды. Чтобы обеспечить успешное продвижение нового продукта на рынке и контролировать его продажу, маркетологи без колебаний берутся за изучение диффузии товаров. В маркетинге разработана серия моделей, призванных обеспечить распространение продуктов, их приобретение. Концепт планируемой диффузии стал важным элементом в контексте программ модернизации, экономического развития, оказания помощи странам Третьего мира. Показательной иллюстрацией планируемой диффузии может служить деятельность Корпуса мира [7].

В монографии «Диффузия инноваций» (Нью-Йорк, 1983) Эверетт М. Роджерс разработал теоретическую модель изучения диффузии. Решающими моментами в процессе диффузии, по мнению Роджерса, являются: 1) сама инновация (которая может быть и технологическим усовершенствованием, и социальным движением, и новым продуктом, и определенной прихотью, причудой); 2) каналы, посредством которых она передается, презентуется (устная коммуникация, реклама и т.д.); 3) время, необходимое для подобной передачи; 4) члены социальной системы, которым предстоит усвоить инновацию.

Э. Роджерс выделяет пять стадий усвоения инновации: 1) стадия осознания (индивид узнает о новой идее, но еще не обладает достаточной и надежной информацией о ней); 2) стадия заинтересованности (индивида увлекает новая идея, и он стремится узнать о ней побольше); 3) оценочная стадия (индивид оценивает применимость идеи к своему настоящему опыту и прогнозируемым ситуациям в будущем и принимает решение — стоит или не стоит подвергнуть данную идею практическому испытанию); 4) испытательная стадия (индивид использует инновацию на практике в небольшом масштабе, чтобы определить ее полезность); 5) стадия усвоения (индивид принимает инновацию).

Поскольку динамика усвоения инновации в значительной степени зависит от характеристик самой инновации Э.Роджерс выделяет пять ее характеристик, которые оказывают наибольшее влияние на темпы усвоения. 1) *Относительное преимущество* указывает на степень превосходства инновации в сравнении с идеями и продуктами, которые ей предстоит заместить. Данная характеристика определяется такими параметрами, как эффективность, стоимость, новизна, ощутимая выгода. 2) *Совместимость* — степень согласованности инновации с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиента (например, технологии контроля за рождаемостью могут показаться многим обществам несовместимыми с существующими у них традициями, ценностями и верованиями). 3) *Сложность* определяется степенью трудностей в усвоении и использовании инновации. 4) *Испытуемость* — степень, в которой инновация может быть опробована в ограниченном масштабе. Преимуществом считается возможность ее предварительного испытания. 5) *Очевидность* означает видимость, эффективность результата принятия инновации для окружающих.

Далее, Роджерс выделяет три типа принятия решений по поводу усвоения инновации. 1) *Факультативный*, когда индивидуум имеет возможность выбора относительно того, принимать или не принимать инновацию. 2) *Коллективный*, когда большинство членов сообщества должно убедиться в необходимости принятия инновации. 3) *Авторитарный*, когда решение о принятии инновации навязывается социальной системе «сверху». При этом Роджерс рассматривает коммуникативные каналы как фактор, воздействующий на динамику принятия инновации. Межличностное общение, как он считает, является более значимым по сравнению со средствами массовой информации при принятии индивидом решения об усвоении сложной инновации.

В качестве идеальных типов Э.Роджерс выделяет пять категорий участников диффузии. 1) *Инноваторы*, желающие испытать (применить) новые идеи. Они должны обладать такими качествами, как дерзость, готовность к риску, ответственность за последствия своих действий. 2) *Ранние заимствователи* (Early adopters), более интегрированные по сравнению с инноваторами в социальную систему. Это индивиды, стремящиеся к известности, успеху, уважению. 3) *Раннее большинство* — эти люди принимают новые идеи несколько ранее, нежели основная масса социальной системы. Они более осторожны, способствуют легитимизации инноваций, хотя сами редко выступают в качестве лидеров. 4) *Позднее большинство* — следуют в процессе принятия инноваций за средним большинством социальной системы. Для них принятие инноваций зачастую обуславливается социальным давлением или экономической необходимостью. 5) *Увальни*. Они с подозрением относятся к инноваторам и агентам социальных перемен, являясь носителями традиционных ценностей; принимают социальные новации последними [8].

В литературе содержится немало иллюстраций, подтверждающих огромную значимость диффузии в истории человечества. Так, по расчетам Джорджа Мёрдока, более 90% элементов в каждой известной исторической культуре было заимствовано от других народов [9].

Впечатляет пример, который приводит Ральф Линтон. Он предпринял попытку атрибутировать происхождение предметов (или материалов, пошедших на их изготовление), которыми пользуется в течение дня типичная американская семья. Так, кровать пришла через Северную Европу с Ближнего Востока. Хлопок был завезен из Индии, шелк — из Китая. Пижама — индийского происхождения. Бритые для мужчин было принято в Египте. Обычай повязывать галстук пришел в Западную Европу в XVII в. из Хорватии, а уже затем распространился по всему миру. Юго-Восточная Азия — родина зонтика. Монеты были изобретены в древней Лидии, тарелки — в Китае, нож — в южной Индии, вилка — в Италии, ложка — древнеримского происхождения. Технология производства вафель изобретена в Скандинавии, а производятся они из пшеницы, которая была одомашнена в Малой Азии. Сигареты были завезены из Мексики, сделаны из табака, выращенного на плантациях Бразилии. Газета, которую будет читать американец, напечатана с помощью литер, изобретенных в Германии и т.д. [10].

В общем и целом диффузия может рассматриваться как один из важнейших механизмов социальных изменений. В контексте диффузионистской перспективы исторический процесс может быть представлен как динамичная картина распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. Конечно, эта достаточно простая модель не описывает всей сложности исторических процессов, но в целом она способствует лучшему пониманию некоторых аспектов развития человеческого общества. История отдельной страны в рамках данной концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких, как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке подобные трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как аллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т.д.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДИФфуЗИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Парадигмы модернизации и диффузии имеют различные теоретические основания. Модернизационная перспектива, выросшая из эволюционизма, традиционно уделяла преимущественное внимание эндогенным факторам развития. Теория диффузии видит импульсы развития во внешних заимствованиях. Вероятно, теоретической односторонностью, а также политическими обстоятельствами (см. статью В.В.Алексеева и И.В.Побережникова в данном издании) можно объяснить недостаточное внимание представителей классической школы модернизации (1950—1960-е гг.) к международным аспектам развития, проблемам внешних факторов и заимствований. Тем не менее, перечисленные проблемы в той или иной степени оказывались в орбите интересов сторонников модернизационной перспективы [11].

Их невозможно было обойти при обсуждении вопросов смены традиционных институтов и ценностей новыми, модернистскими, даже несмотря на то,

что, как оказалось, традиционные формы обладают колоссальным трансформативным и адаптивным потенциалом, позволяющим им гибко приспосабливаться к новым (модернистским) функциям. В процессе эволюции теорий модернизации, пересмотра их концептуальных основ познавательный инструментарий данной перспективы значительно обогатился. Необходимо признать, что расширение познавательного горизонта теорий модернизации отчасти объясняется и пересмотром прежних представлений о месте диффузии и копирования внешнего опыта в процессах развития.

Ученые полагают, что широкое распространение индустриализации (перенос технологий, организационных систем) во многом обязано именно диффузии, а не внутреннему независимому процессу социальных изобретений [12]. Общеизвестна существенная роль диффузии, импорта институтов в ходе петровской модернизации в России и мейдзийской — в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

Анализируя широкую трансплантацию Японией эпохи Мейдзи европейских организационных моделей: новых институтов, коммуникационных и производственных технологий, — Д.Уэстни отмечает, что в то самое время, как Япония «начала осуществлять свою модернизационную программу в 1870-е гг., все великие державы были вовлечены в организационное строительство в больших масштабах». В различных формах и в разной степени это было характерно для Третьей республики во Франции, только что объединившейся Германии, Великобритании, США, завершивших гражданскую войну. «Повтому Япония могла, — подчеркивает Уэстни, — получить более детальную и совершенную информацию о западных организационных системах..., чем это могло бы иметь место два или даже три десятилетия ранее».

При этом Уэстни считает, что мейдзийская Япония являлась лишь примечательным примером исторически гораздо более распространенного явления. Она утверждает, что фактически все общества, по крайней мере, все нацигосударства с конца XVIII и начала XIX вв. широко копировали «организационные формы» в других обществах. Повтому, несмотря на значительную вариацию между западными обществами в темпах и последовательности организационной революции, дифференциацию в структурах и моделях поведения, наблюдалось фундаментальное сходство процессов трансформации (особенно с 1870—1880-х гг.). Современники воспринимали это сущностное сходство как доказательство однонаправленности исторической эволюции. Общее настроение, царившее на Западе с конца XIX в., можно рассматривать как раннюю версию теории конвергенции, которая получит широкое распространение среди социальных мыслителей в начале 1960-х гг.

По мнению Д.Уэстни, межсоциальное подражание («cross-societal emulation») уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: «значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере)

и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и «прогресс» исторической эволюции» [13].

Роланд Робертсон опираясь на концепт «селективной восприимчивости» (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами [14]) разрабатывает свой концепт «селективной инкорпорации», которым предлагает дополнить «межсоциетальное подражание» Д.Уэстли. Как считает Р.Робертсон, именно подражания и/или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Роль указанных компонентов стала особенно очевидной после того, как сформировались государства-нации, и значительно усилилась по мере роста глобализации. Подражание и избирательное включение — норма, а не исключение, условие жизнеспособности и даже выживания для наций и обществ, утверждает Р.Робертсон. Он вводит в научный оборот еще одно понятие — «сравнительная динамика» — для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно «сравнительная динамика», считает Р.Робертсон, дает преимущества отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. При этом он отмечает, что способности обществ к «сравнительной динамике» серьезно варьируют. Так, страны, входившие в социалистический лагерь, были заметно ограничены в возможностях эффективных сопоставлений и избирательной инкорпорации.

Вообще, по мнению Р.Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем «вернуть модернизационную перспективу обратно» в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми «референтными обществами» (терминология Р.Бендикса); каким образом внутри общества происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д. [15].

Итак, диффузия почти неизбежна в контексте модернизации и является собственно одним из механизмов, которые используются в процессе и в целях модернизации. Данная проблема может быть еще представлена в виде дилеммы эндогенное развитие VS экзогенное развитие. С одной стороны, действительно, в мире заметны тенденции конвергенции, в результате чего общества становятся во многом похожими друг на друга. Диффузия определяет векторы экзогенного развития. Однако одновременно эта центростремительная тенденция тормозится действием центробежных сил, которые коренятся в этничности, культуре, религии, языке. Центробежные силы (внутренние факторы) являются основой эндогенного развития. Эндогенные причины, местная культурная среда оказывают

существенное влияние на процессы развития. Общий ход развития будет успешным лишь в том случае, если удастся гармонизировать его эндогенные и экзогенные составляющие. Как верно отмечает проф. С.Дьюб, «нельзя отвергать реальность диффузии идей и инноваций как силы в процессе культурного развития человечества. И те, и другие переступают национальные границы. Но идеи, институты и технологии должны быть приспособлены к эндогенному втосу. Ни одно общество не может остаться вне влияния экзогенных факторов» [16].

ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДИФфуЗИИ

Первой волной завоеваний, прошедшей по территории Руси и зафиксированной письменными источниками, было норманнское нашествие. Фундаментальным открытием, породившим эту волну, был дракар — мореходное судно с 40—70 гребцами и прямоугольным парусом. Отличительным качеством дракара было то, что он мог с одинаковой легкостью преодолевать моря и подниматься по рекам, его можно было даже перетаскивать волоком через водоразделы [17]. Благодаря дракару норманны могли внезапно появляться едва ли не в любом месте — там, где хотели. Флотилия из 50—100 кораблей высаживала несколько тысяч воинов, которые грабили города и села и уходили как только противник собирал крупные силы. Дракар позволил норманнам разграбить большую часть Западной Европы, но, не обладая преимуществом перед рыцарской конницей, они смогли закрепиться лишь в немногих областях (в Нормандии, Сицилии, Англии). На востоке Европы сложилась иная ситуация: здесь не было рыцарской конницы, и благодаря своим мечам и кольчугам норманны-варяги обладали военным превосходством над местным населением.

В утро-славянском мире шведских норманнов именовали «русью» (финское *ruotsi* до сих пор означает «швед, Швеция»). Основной целью варягов было приобретение баз для набегов на Константинополь по только что открытому волохово-днепровскому пути. Продвигаясь по этой дороге, они основали базы в Холмгарде (Holmgardr, Новгород) и Каенугарде (Koenugardr, Киев), которые стали центрами варяжского владычества в земле славян. Из Киева-Каенугарда «русь» совершала непрерывные набеги на Византию и по Дону и Волге — на Северный Иран. Еще одна база была основана норманнами в Таматархе (Тмутаракани) в Крыму; этот город некоторое время соперничал с Киевом [18].

В отличие от франков, «Русь» не делила между собой деревни туземцев, она жила в укрепленных «гардах» (то есть городах), выходя отсюда в набеги на непокоренные племена. Целью набегов был захват рабов. «И эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов, отводят в Хазаран и Булгар и там продают... — свидетельствует Гардизи. — Всегда 100—200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся. И там у них находится много людей из славян, которые служат русам, как рабы...».

Укрепленные городки норманнов существовали не только на днепровском пути, но также в польском Поморье и в Литве. Русь была лишь одной из стран, завоеванных норманнами [19]. Жизнь русских «гардов» подчинялась

скандинавским традициям. Город возглавлялся конунгом или ярлом, который обсуждал все вопросы, «думал думу», со старшими дружинниками-боярами и выборными от горожан [20]. Существовало и общее собрание горожан, «вече» — скандинавский «тинг». В ноябре, по первому снегу, конунги с дружиной выходили на «полюдь» — на сбор дани. В Норвегии такие объезды конунгами своей страны назывались «вейцла», «пир», потому что принимавшие «гостей» хозяева должны были поставлять им угощение [21]. На Руси дружина не только пировала в славянских деревнях, но и требовала дань. По возвращении происходил раздел добычи между дружинниками и горожанами. Ежегодно в апреле из Киева в Константинополь отплывала флотилия из нескольких сот судов, везшая на продажу собранную на полюдь добычу: меха, мед и многие тысячи рабов — преимущественно пленных славянских девушек. «Челядь составляла главную статью русского вывоза на черноморские и волго-каспийские рынки, — писал В. О. Ключевский. — Русский купец того времени всюду неизменно являлся с главным своим товаром — с челядью. Восточные писатели X века в живой картине рисуют нам русского купца, торгующего челядью на Волге: выгрузившись, он расставлял на волжских базарах, в городах Булгаре или Итиле, свои скамьи, лавки, на которых рассаживал живой товар — рабынь. С тем же товаром являлся он и в Константинополь...» [22].

Викинги прибывали в страну славян без женщин, и — также как в Нормандии — примерно через полтора столетия после завоевания они ассимилировались и переняли местный язык. Ославянившаяся Русь постепенно стала отличать себя от варягов, флотилии которых по-прежнему приходили на Днепр по пути в Константинополь или в Персию. Варяги считали себя хозяевами Руси, и Новгород-Холмгард платил им дань в 300 гривен. В дружинах русских князей варяги занимали почетное место; вплоть до конца XI в. понятие «боярин», «старший дружинник» отождествлялось на Руси с варягом [23]. Во время усобиц русские князья ездили за помощью в Скандинавию и приводили оттуда варяжские отряды.

Большинство русов имело по несколько жен и рабынь-наложниц, поэтому население русских городов быстро росло. Рост населения заставил русь выводить колонии на периферию, князья «ставили» для своих сыновей новые «гарды», переселяя туда часть дружины и «людей». Русы, не входившие в состав дружины, были в основном купцами, занимавшимися работоторговлей и сбытом дани, полученной во время «полюдья»; у них была своя выборная старшина и свое ополчение — городская «тысяча». «Сторонним наблюдателям оба класса, княжеская дружина и городское купечество, представлялись единым общественным слоем, который носил общее название руси, и, по замечанию восточных писателей X века, занимался исключительно войной и торговлей» [24]. Города руси постепенно осваивали страну славян, подчиняя все более удаленные племена.

Жителей славянских деревень называли смердами; уплачивая русам требуемую дань, смерды жили по своим обычаям и законам. Убийство смерда русом каралось так же, как и убийство раба, — в представлении русов, деревенскому смерду соответствовал городской челядин-раб [25]. Городские

усадьбы русов были наполнены челядью, приведенной из набегов; среди этих рабов были ремесленники и военные слуги.

В середине XI в. пришедшие с Востока кочевники-половцы прервали торговые пути по Днепру и Волге; питавшая русское общество работорговля прекратилась, начался новый период в истории Киевской Руси [26]. Русские города оскудели и уменьшились в размерах, подвергавшаяся постоянным набегам Киевщина переживала время глубокого упадка. Сражаясь с половецкой конницей, русы были вынуждены строить укрепления и спешно перевооружать свое войско. Дружина села на коней и превратилась в отряд рыцарей. Помимо «старшей дружины» из бояр, появилась и «младшая дружина» из «отроков». Подобно гвардии гулямов в мусульманских странах, она формировалась из рабов — причем среди этих рабов были и пленные турки. С прекращением торговли старшие дружинники-бояре перебрались из городов на село. Они построили укрепленные усадьбы-замки, завели собственные дружины из «отроков» и заставили рабов обрабатывать барские поля. «Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII веков держалось на рабовладении, — писал В.О. Ключевский. В половине XII века рабовладение достигало там громадных размеров... во всех известиях о частном землевладении XII века земельная собственность является с одним отличительным признаком: она населялась и эксплуатировалась рабами, это — «села с челядью»» [27].

К чему же в конечном счете привело распространение на Русь норманнского культурного круга? Славяне были покорены завоевателями, которые жили в укрепленных «градах», собирали с местного населения дань, захватывали рабов и продавали их в Константинополе и Булгаре. Со временем, ассимилировавшись, варяги превратились в русских бояр. Они обосновались в бревенчатых замках, имели села с рабами, собственные дружины и постоянно воевали друг с другом. Варяги не принесли на Русь ни высокой культуры, ни сколько-нибудь прочной государственной организации — по той причине, что сами ее не имели. В русском языке сохранился лишь десяток скандинавских слов: «стяг», «броня», «багор», «удел», «город», «торг», «тиун» (судья); слово «конунг» превратилось в «князь», «викинг» — в «витязь» [28]. Скандинавский бог грозы и войны Тор превратился в русского Перуна, идол которого стоял на холме над Киевом и которому приносили человеческие жертвы [29]. В культурном отношении варяжское наследие в основном ограничивалось военной техникой: ладьи-дракары, прямые «франкские» мечи, секиры, боевые ножи скрамасаксы [30]. Из военных традиций сохранился обычай совершать походы на стругах-«дракарах» — запорожские и донские казаки, подобно варягам, ходили на стругах к берегам Турции и Персии. Скандинавское происхождение имеет также система погостов, опорных пунктов, куда местное население было обязано привозить дань, и через которые проезжал конунг во время вейцлы. «Вотчина» боярина — это был скандинавский «одадь», «удел», наследственное владение главы рода [31]. Обычай князей пировать с боярами и обсуждать дела в боярской думе восходит к скандинавским дружинным традициям. Русское городское вече ведет свое начало от скандинавского тинга.

Культурные достижения Киевской Руси связаны в основном с византийским влиянием и принятием христианства. Византия принадлежала к римскому культурному кругу, и могущество этой державы вызывало попытки подражания со стороны русских князей. Византийское влияние привело к принятию христианства, появлению на Руси письменности и писцов-«дьяков», строительству каменных храмов и заимствованию отдельных элементов греко-римской культуры. Христианскими идеалами была пронизана деятельность некоторых князей, в особенности Андрея Боголюбского, который хотел прекратить распри и изгнал из своего княжества севящих раздор бояр. Андрей Боголюбский брал пример с византийских императоров и стремился к самодержавию. Однако первая попытка установления самодержавия закончилась неудачей, князь Андрей был убит боярами [32]. Распространение на Русь римского культурного круга имело мирный характер и не оказало существенного влияния на социальные отношения, поэтому мы не будем подробно останавливаться на данной теме.

В XIII в. на русские земли обрушилась лавина монгольского нашествия — Русь вступила в соприкосновение с монгольским культурным кругом. Фундаментальным открытием, даровавшим победу завоевателям, был монгольский лук, «саадак», стрела из которого за 300 шагов пробивала любой доспех. Это была сложная машина убийства, склеенная из трех слоев дерева, вареных жил и кости и для защиты от сырости обмотанная сухожилиями; склеивание производилось под прессом, а просушка продолжалась несколько лет. Секрет изготовления этих луков хранился в тайне [33]. Для натяжения монгольского лука требовалось усилие не менее 166 фунтов — больше, чем у знаменитых английских луков, которые погубили французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье [34]. Саадак не уступал по мощи мушкету, и все дело было в умении на скаку попасть в цель: луки не имели прицела и стрельба из них требовала многолетней выучки. Обладая таким всеокрушающим оружием, монголы не любили сражаться врукопашную. «Вообще они не охотники до ручных схваток, — отмечает С.М. Соловьев, — но стараются сперва перебить и переранить как можно больше людей и лошадей стрелами и потом уже схватываются с ослабленным таким образом неприятелем» [35]. Классическим примером такой тактики явилась битва с венграми на реке Сайо, когда венгерская рыцарская армия так и не смогла навязать монголам рукопашного боя и была расстреляна из луков во время шестидневного отступления к Пешту [36].

Малочисленные дружины враждующих между собой князей не могли противостоять нашествию. Русь была завоевана монголами, которые прошли по стране подобно смерчу. Разрушения были огромны; большинство городов обратилось в развалины, исчезли многие ремесла, более 100 лет на Руси не строили каменных зданий. Когда сопротивление было подавлено, завоеватели принялись перестраивать социальную систему Руси и вводить новые, неслыханные прежде порядки. Собственно говоря, эти новые порядки не были монгольскими; монголы не имели письменности и не могли управлять обширными завоеванными странами, поэтому преемник Чингисхана, Великий Хан Угэдей, вручил дела управления китайскому министру Елюй Чу-цаю. Елюй Чу-цай ввел на всей

территории Империи китайскую административную систему и назначил в провинции налоговых уполномоченных, «даругачи», — в восточных областях Империи они назывались «баскаками» [37]. В то время как наместник провинции командовал войсками и поддерживал порядок, баскак проводил перепись населения, осуществлял раскладку и сбор налогов, набирал рекрутов в войска, а также отвечал за почтовую («ямскую») службу [38]. Некоторые провинции отдавались в «улус» полководцам, и часть собранных баскаком налогов передавалась в содержание воинов. В каждой области была канцелярия, где хранились списки налогоплательщиков и данные о причитающихся с них налогах. Крестьяне платили два налога — поимущественный и подушный, а горожане — подушный налог и торговые пошлины («тамгу»). Производство и продажа соли, вина и некоторых других товаров были монополией государства [39]. Введенные Чучаем налоги были необременительны для народа и считались легкими; поимущественный налог составлял десятую часть урожая и сотую часть скота — значительно меньше, чем платили в Китае до монголов [40]. Отступлением от китайских традиций (против которого безуспешно протестовал Чучай) была сдача налогов на откуп; эта практика была характерна для мусульманских стран [41]. Мусульманские купцы, часто назначавшиеся баскаками, брали налоги на откуп, вносили всю сумму авансом, а затем собирали налоги с населения, завышая их ставки. В 1262 г. самоуправство откупщиков налогов вызвало восстание в Суздальской земле; Александр Невский поспешил в Орду, рассказал хану о произволе откупщиков и вымолил пощаду восставшим [42]. По-видимому, после этого за деятельностью откупщиков налогов был установлен более строгий контроль.

Система монгольского управления на Руси в общем была такой же, как и в других областях Империи. Киевщина и Черниговщина были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в улус местным князьям. Князья ездили в Орду и получали ярлык — грамоту на управление улусом; этот ярлык мог быть в любое время отнят и передан другому князю. Сбором налогов ведали баскаки, имевшие свой штат писцов и данщиков (основной поимущественный налог по-русски назывался данью). В функции баскаков входило также насильственное рекрутирование воинов в монгольские войска; у них были свои отряды с монгольскими офицерами и русскими солдатами. Проведя перепись, баскаки разделили княжества на «тысячи», «сотни» и «десятки» по числу выставляемых воинов и поставили во главе этих административных единиц соответственно «тысяцких», «сотских», «десятских» [43]. Эти «тысячи» и «сотни» соответствовали городским наместничествам и сельским волостям; староста села был «десятским», а «сотники» и «тысячники» — наместниками и волостелями. Они выполняли административные и судебные функции и получали за это «корм» — небольшую долю налогов с их района [44]. Сведения, относящиеся к более позднему времени, говорят о том, что волостели назначались на сравнительно короткий срок, на год или два, и по оставлении поста были обязаны представить отчет — причем любой обиженный ими простолюдин мог вызвать обидчика на суд князя [45].

В 1260-х гг. Монгольская империя распалась, и русские области отошли к Золотой Орде. Новое государство уже не подпитывалось китайскими административными традициями, и унаследованная от Елюй Чу-цзя бюрократическая система стала постепенно приходить в упадок. В начале XIV в. улусные князья стали совмещать функции баскаков; они сами собирали налоги и отправляли «выход» («харадж») в Орду; часть налогов при этом оставалась в княжеской казне («хазине») [46]. Московский князь Иван Калита получил право на откуп налогов с большей части княжеств и использовал свое положение, чтобы присоединять к Москве владения князей-недоимщиков. Многие князья потеряли свою независимость и превратились в «служебников»; они сохранили свои вотчины и служили великому князю в качестве наместников городов в своих прежних владениях [47].

В 1360-х гг. в Орде началась смута, и Дмитрий Донской попытался сбросить «татарское иго». Он одержал победу на Куликовом поле, но через два года хан Тохтамыш овладел Москвой и восстановил татарское владычество над Русью. В 1430-х гг. Орда окончательно распалась, русские княжества стали практически независимы, и на Руси возобновились междоусобные войны.

Распространение на Русь монгольского культурного круга имело существенные последствия для страны. «Москва обязана своим величием ханам», — утверждал Н.М. Карамзин. Московское княжество унаследовало от татарских ханов сильную княжескую власть, крепкую административную организацию, четкую систему сбора налогов, дисциплинированный и сменяемый бюрократический аппарат. Все это было следствием внедрения на русскую почву китайских и мусульманских управленческих традиций, наследия восточных цивилизаций, имевших тысячелетний исторический опыт. Средневековая Европа не могла сравниться с Востоком по части совершенства и силы государственной организации. Во Франции рекрутская повинность была введена в эпоху революции, а первую перепись населения провел император Наполеон. Ранее французские короли имели приблизительные представления о количестве своих подданных и, конечно, не знали, сколько у них имущества — налоги распределялись «вприкидку».

Русь была частью могущественной восточной Империи, и обычаи, культура, образ жизни русских людей неизбежно должны были подвергнуться своеобразной трансформации по восточному образцу. Сражаясь вместе с непобедимой степной конницей, русские полки заимствовали ее вооружение и тактику; русские воины сели на быстрых степных лошадях и научились стрелять из монгольского лука, «саадака»; они носили татарские стеганные доспехи («тигиляи») и рубились кривыми татарскими саблями. «Их сабли, луки и стрелы похожи на турецкие, — пишет Флетчер. — Убегая или отступая, они стреляют так же, как татары, и вперед и назад» [48]. Идя в атаку под пение зурны, русские вместе с татарами кричали «ура!» — «бей!»; они называли друг друга на татарский манер «богатырями», «казаками», «уланами». В русский язык незаметно вошло множество тюркских слов: караул, колчан, есаул, бунчук, облава, булат, охота, нагайка... Как всегда, сначала перенималось то, что было связано с войной и без чего нельзя было выжить, потом — то, что было связано с го-

сударственным управлением: казна, ямская служба, книги, служебные чины. Слова «книга» и «чин» пришли в русский язык из китайского как напоминание о мудром министре Елюй Чу-цае. На русских монетах ставили печать хана, «тамгу». Отсюда произошли слова «деньги» и «таможня». На печати-тамге были арабские надписи, поэтому русские деньги по виду мало отличались от восточных монет. Заимствовались и одежда: восточные «кафтаны», «шубы», «ферязи», «сарафаны», «армяки», «башлыки». С. Герберштейн отмечал, что русская одежда очень похожа на татарскую, только застегивается с другой стороны [49]. Русские князья и бояре подолгу жили в Орде. Постепенно они стали подражать ханам и бекам: носили парчовые халаты, атласные шаровары и сафьяновые салюги, украшали своих лошадей парчовыми седлами и охотились с прирученными соколами. Так же, как мусульмане, они не позволяли своим женам выходить к гостям и запирали их в «терем», строили церкви с куполами-луковками, похожими на купола мечетей [50].

Монгольский культурный круг пересекался на Руси с норманским культурным кругом — причем некоторые области остались вне этого пересечения. В Новгороде и в Западной Руси почти в первоначальной чистоте сохранились норманские традиции — городской строй, вече, власть бояр. В Северо-Восточной Руси владычество монголов привело к вытеснению многих старых традиций: городское самоуправление исчезло, городская русь утратила значение привилегированного военно-купеческого сословия, боярам пришлось подчиниться власти князей. С другой стороны, бояре сохранили свои вотчины и села с рабами, свои дружины и право служить, кому захотят; по-прежнему сохранялась боярская дума. Как только Орда распалась, князья возобновили свои усобицы, и, казалось, что норманские традиции снова восторжествуют — тем более, что эти традиции находили поддержку со стороны Западной Руси, Литвы и Польши. С другой стороны, московское княжество унаследовало мощную государственную организацию Востока, и московские князья пытались черпать силы в воспоминаниях о великих православных императорах Константинополя. В конечном счете, борьба решилась вмешательством новой грозной силы — в XV в. на Восточную Европу стал распространяться турецкий культурный круг.

Фундаментальным открытием, обусловившим распространение турецкого культурного круга, была артиллерия — точнее, тактика регулярной пехоты, основанная на использовании огнестрельного оружия.

В начале XIV в. турки-османы были лишь одним из многих кочевых племен, отброшенных монгольским нашествием к границе Азии. Их вождь Осман жил в палатке и оставил после себя лишь «несколько славных табунов и овечьих стад». Вместе с другими племенами османы принимали участие в войнах с Византией. Эти войны обогащали вождей-беев, которые содержали дружины из рабов-гулямов и владели обширными вотчинами-мульками. Сын Османа Орхан (1324—1362) и его наследник Мурад I (1362—1389) постепенно налаживали управление завоеванными территориями, перенимая при этом традиционные порядки мусульманского Востока. Со времен Халифата в мусульманских странах существовала традиция разделения военных, финансовых и судебных

властей; причем духовные судьи, «кади», судили по законам шарията. Все земли разделялись на частные («мулк»), церковные («вакф»), государственные («мири») и личные земли султана («хассе»). Соответственно этому казна разделялась на государственную и личную — казну султана. Казна и земли султана, дворцовое хозяйство и гвардия составляли султанский двор и имели особое управление [51].

Все завоеванные земли считались принадлежащими государству, поэтому прежние собственники этих земель теряли все права на владение ими. Часть населения — прежде всего знать и многие горожане — выселялась с завоеванных земель в коренные османские области, а на их место переселялись турки. Сразу после завоевания производилась перепись населения и земельный реестр («дефтер»), в котором указывалось число хозяйств в деревне и перечислялись полагающиеся с деревни платежи по налогам. Некоторые деревни выделялись в поместье («тимар») воинам-всадникам, и в дефтере указывались платежи, следующие тимариоту-«сипахи». Тимар был учреждением, заимствованным у византийцев, у которых он назывался «пронией». Впрочем, и в мусульманских странах был похожий институт — «икта». Обычно тимар составлял одну-три деревни и доставлял доход 3—10 тыс. акче, что соответствовало доходу 5—15 крестьянских хозяйств. С этого маленького поместья сипахи должен был служить сам и выставлять с каждых 1,5—2 тыс. акче одного всадника; офицерам предоставлялись большие тимары, «знаметы», но они должны были приводить, соответственно, большее количество воинов [52].

Сипахи регулярно вызывались на смотры, и если воин вызывал недовольство командиров, то тимар мог быть у него отнят; если сипахи проявил себя в бою, то тимар увеличивали. Тимары могли наследоваться, но сыну, поступающему на службу вместо отца, давали не весь отцовский надел, а лишь то, что полагалось молодому воину. Сипахи не имели никаких прав над крестьянами, кроме права сбора определенных в дефтере денежных сумм. Если сипахи пытался брать лишнее, то крестьянин мог пожаловаться кади, и тимар мог быть отнят. Крестьяне были лично свободными людьми, и их повинности были не слишком велики; основной налог мусульман, «ашар», составлял десятину урожая; немусульмане платили еще «джизью», которая считалась откупом от военной повинности; в целом налоги немусульман составляли примерно четверть урожая. Для примера, в Боснии до мусульманского завоевания оброки отнимали $\frac{3}{5}$ дохода крестьянина. Сипахи и санджакбей должны были следить за состоянием крестьянских хозяйств и, по возможности, обеспечивать их стандартными наделами земли, «чифтами». Вместе с тем дабы крестьяне не уклонялись от повинностей, уходя в другие места, с конца XV в. в отдельных районах существовало административное прикрепление крестьян к месту жительства. Позднее эти порядки были распространены на все государство [53].

Центральное управление осуществлялось «диваном», советом, в который входили главы военной, финансовой и судебной администрации, и который возглавлял великий визирь. Все члены администрации были сменяемыми по воле султана, который сохранял за собой функции главнокомандующего, «меча правоверных» и хранителя справедливости. В трудах мусульманских государственных

ных деятелей — в том числе в знаменитой «Книге правления» Низам ал-Мулька — справедливость выступает как основной принцип государственного управления, построенного на законах ислама. «Государям надлежит блюсти божье благоволение, — писал Низам ал-Мульк, — а благоволение господ — в милостях, оказываемых людям и достаточной справедливости, распростираемой среди них... Неизбежно государю раза два в неделю надо разбирать жалобы на несправедливости и, творя правосудие, выслушивать народ самолично... Амилям, которым дают должность, следует внушать, чтобы они хорошо обращались с людьми... не брали бы ничего сверх законного налога... Если кто из народа окажется в затруднении... надо дать ему в долг, облегчить его бремя...». Великий визирь приводит в пример Хосрова Ануширвана: «Я буду охранять от волков овец и ягнят, — говорил Ануширван. — Я укорочу загребистые руки и сотру с лица земли зачинщиков разрухи, я благоустрою мир правдой, справедливостью и спокойствием, ибо призван для этой задачи» [54]. Необходимо отметить, что существование исламской справедливости признавали даже ярые враги ислама: «И все же великое правосудие существует среди поганных, — писал серб, вернувшийся из турецкого плена. — Они соблюдают правосудие между собой, а также ко всем своим подданным... ибо султан хочет, чтоб бедные жили спокойно... над ними владывают по справедливости, не причиняя им вреда» [55]. Характерно, что в понятие мусульманской справедливости входило не только равенство всех перед законом, но и справедливые налоги и справедливые цены на рынке — все цены устанавливались кади с учетом себестоимости товара и максимальной торговой надбавки в 10%. Производство и продажа некоторых товаров составляли государственную монополию [56].

С помощью тимарной системы османы создали многочисленную и достаточно боеспособную кавалерию сипахи, однако секрет их военного могущества заключался не в кавалерии, а в пехоте и артиллерии. При султанах Мураде I были созданы первые подразделения янычар — это был корпус регулярной пехоты, составленный из воинов-рабов, с детства воспитанных в казармах. Корпус был организован по образцу египетской гвардии мамелюков. Так же, как мамелюкам, янычарам запрещалось жениться, и они посвящали свою жизнь «священной войне». Янычары считались мюридами ордена Бекташа и носили шапки монахов; дервиши ордена жили вместе с ними в казармах и вместе с ними шли в бой, обещая райское блаженство тем, кто погибнет за веру. «В казармах, похожих на монастыри, дисциплина была так строга, что ночью никто не мог оставаться вне них», — пишет Г. Дельбрюк [57]. Это было дисциплинированное и обученное войско, получающее регулярное (раз в три месяца) жалование из казны. В Европе еще не было подобных армий.

Среди историков распространено мнение, что создание постоянной армии является фактором, благоприятствующим установлению абсолютизма [58]. Постоянная армия, подчиняющаяся монарху, является мощным оружием в борьбе с сепаратистскими устремлениями феодалов. Естественно, что усиление султанов вызвало недовольство беев и эмиров, которые еще не забыли о былой независимости. В первой половине XV в. беи все еще владели дружинами и огром-

ными мультками, они устраивали мятежи и разжигали распри между наследниками султанского престола. В 1402 г. беи изменили султану Баязиду I, и это едва не привело к гибели Османского государства — турки были разбиты Тамерланом, и Баязид попал в плен. Порожденные этим разгромом междоусобицы продолжались двадцать лет, и лишь в 1423 г. султану Мураду II (1421—1451) удалось подавить все мятежи. В своей борьбе со знатью Мурад II опирался на корпус янычар, который был расширен и приобрел новое значение. Янычары комплектовались путем набора мальчиков-рекрутов из среды немусульманского населения. Обращенные в ислам и воспитанные в казармах молодые люди назывались «рабами дворца», «капыкулу». Преданность «капыкулу» побудила султана назначать из их среды командиров и чиновников; новое окружение Мурада II состояло из специально обученных в дворцовой школе «рабов дворца». «Не меньшее значение имели обучение и упражнения во дворце.., — писал польский посол князь Збаражский. — Через это проходили все должностные лица, как через школу, и были образцом для всей земли». Навысшей наградой для чиновника-раба были почетные одежды — шуба с султанского плеча [59].

Дисциплина, порядок и мужество янычар помогали им одерживать победы в сражениях, но настоящая слава пришла к ним тогда, когда в руках «новых солдат» оказалось «новое оружие». При Мураде II большая часть янычар была вооружена аркебузами-«тофенгами»; был создан мощный артиллерийский корпус, «топчу оджагы». Таким образом, на свет явилась регулярная армия, вооруженная огнестрельным оружием. Пушки тех времен были слишком тяжелыми, чтобы передвигаться по полю боя, поэтому их устанавливали на центральной позиции, обычно на холме. Батареи прикрывались укреплениями из деревянных щитов и повозок — получался укрепленный лагерь, в окопах впереди лагеря и в самом лагере располагались стрелки-янычары, а конница сипахи выстраивалась по сторонам и позади лагеря. Задача конницы состояла в том, чтобы завязать бой и заманить вражескую кавалерию на укрепления янычар, где она попадала под губительный огонь пушек и аркебуз. Потом конница возвращалась и добивала уцелевших врагов. При преемнике Мурада, Мехмеде II, для овладения городами были созданы огромные осадные орудия, в том числе знаменитая пушка Урбана, которая в 1453 г. разрушила стены Константинополя [60].

Создание вооруженной огнестрельным оружием регулярной армии было фундаментальным открытием турок. Это открытие вызвало волну османских завоеваний. В течение двадцати лет после взятия Константинополя турки овладели Сербией, Грецией, Албанией, Боснией, подчинили Валахию и Молдавию. Затем они обернулись на Восток, окончательно покорили Малую Азию и в 1514 г. в грандиозной битве на Чалдаранской равнине разгромили объединенные силы господствовавших над Ираном кочевников. Затем были завоеваны Сирия и Египет, и султан Селим Грозный (1512—1520) провозгласил себя заместителем пророка, халифом.

Новое оружие позволило султанам одержать победу над всеми своими врагами — в том числе и внутри страны. Вскоре после взятия Константинополя находившийся в ореоле славы Мехмед II нанес решающий удар оппози-

ционной знати — ее глава визирь Халил-паша был обвинен в государственной измене и казнен. Вслед за этим были казнены многие бен, владения знати были конфискованы; в 1453 г. великим визирем впервые стал раб-«капыкулу». Были конфискованы и многие вакфы, созданные беями и приносившие им доход. Пытаясь подвести итоги борьбе со знатью и утвердить справедливость, Мехмед II создал свод законов «Канун-наме», по которому должны были судить кади во всех частях огромного государства; эти законы не делали различия между простолюдными и знатными. Правда, борьба на этом не закончилась. В 1481 г. Мехмед II был отравлен своим сыном Баязидом, вступившим в союз с знатью. Баязид II вернул бейм часть отнятых владений, но его сын Селим I Грозный вновь конфисковал вотчины знати. Навысшего могущества Османская империя достигла в правление Сулеймана I Законодателя (1520—1560), который завоевал Венгрию и окончательно кодифицировал мусульманское законодательство. В частности, были установлены единые нормы податей и нормы военной службы. Возвеличение самодержавия достигло такой степени, что все приближенные называли себя «рабами» султана, и он одним мановением руки приказывал казнить вельмож, обвиненных в казнокрадстве или измене [61].

Могущество Османской Империи вызывало попытки подражания в соседних странах. В Иране в начале XVI в. получил распространение аналогичный тимару институт тиула. Сражаясь с турками, шах Аббас I (1587—1629) завел собственных янычар («туфенгчиев») и артиллерийский корпус («топлан»). После окончания войны в 1590 г. Аббас провел реформы по турецкому образцу, разгромил непокорную знать, конфисковал ее земли и ввел справедливые налоги [62]. В 1526 г. правитель Кабула Бабур, наняв турецких артиллеристов, одержал победу при Панипате и овладел северной Индией [63]. Основанная его потомками Империя Великих Моголов также имела некоторые турецкие черты. Впрочем, здесь надо иметь в виду, что собственно турецкие элементы трудно выделены в общемусульманском комплексе. Для всех мусульманских стран характерны одни и те же категории землевладения и система государственного управления, восходящая к Халифату. Распространение турецкого культурного круга было связано не столько с приходом новых культурных элементов (в частности артиллерии), сколько с восстановлением исламских традиций, подорванных долгим господством кочевников.

На Западе турецкое влияние сказывалось, в основном, в перенимании турецкой техники. Испания, которая постоянно воевала с мусульманами, первая переняла у них оружие янычар — аркебузы: конструкция фитильного и кремневого замка европейских ружей имеет восточное происхождение, а карабин — это искаженное турецкое слово «стрелок» [64]. В 1470-х гг. Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская сумели прекратить феодальную анархию и подавить грандов; с помощью артиллерии было разрушено множество замков; обширные владения знати подверглись конфискации. В начале XVI в. в Испании появилась регулярная пехота, использовавшая турецкую тактику — оборонительный бой за укреплениями из телег и деревянных щитов [65]. Как уже отмечалось, появление постоянной армии благоприятствует становлению абсолютизма. В первой половине XVI столетия Испания превратилась в могу-

щественную абсолютную монархию, а испанская пехота завоевала славу непобедимой. Можно привести и другие примеры турецкого влияния на историю Европы. Но в целом приходится признать, что западные историки неохотно касаются этой темы. Как бы то ни было, Османская империя XVI в. была символом государственного могущества не только для Азии, но и для Европы. Известные философы европейского Возрождения — Жан Боден, Ульрих фон Гуттен, Таммазо Кампанелла находили в Османской империи образец для подражания. В те времена взоры многих государственных деятелей были прикованы к Турции. Россия не была исключением.

Волею судеб история России была тесно связана с историей Византии — обе страны соединяли узы общей религии — православия. В 1472 г. великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Вместе с Софьей в Московскую Русь прибыло много греков, беглецов из Константинополя, которые многое видели и многое могли рассказать. Современники заметили, что после брака с Софьей великий князь изменился, как пишет С.М.Соловьев, он явился грозным государем на московском престоле [66]. Изменения в политике князя были весьма показательны: он сразу же послал в Италию за мастерами-литейщиками. В 1475 г. в Русь прибыл Аристотель Фиоравенти, и вскоре в Москве был построен Пушечный двор. В 1480-х гг. «Аристотель с пушками, и с тюфяки, и с пищали» участвовал в походах на Казань и Тверь [67]. В это же время были созданы первые отряды стрелков; заметим, что на Руси использовались турецкие названия ружей — «тюфяк» («тюфенг») и «мултух» [68].

В 1479 г. не без участия артиллерии Иван III овладел Новгородом. Великий князь поступил с завоеванным городом по примеру султанов: он расправился со знатью, вывел из города больше 7 тыс. «живых людей» и поселил на их место москвичей. Земли бояр и церкви были конфискованы и пополняли государственный фонд. Затем были проведены перепись и кадастр; при описи деревень так же, как в дефтерах, указывалось число хозяйств в деревне, количество земли и перечислялись полагающиеся с деревни платежи [69]. После этого Иван III осуществил небывалую до тех пор на Руси (но типичную для Турции) акцию: он разделил почти все земли новгородчины на поместья по 100-300 десятинам и раздал доходы с них воинам-всадникам («помещикам») [70]. Поместья давались на условии службы; в переписных листах были точно зафиксированы размеры подати, которые крестьяне должны были платить помещикам. Поместья были небольшими: при среднем крестьянском наделе в 15 десятин в поместье входило от 6 до 20 дворов. Помещики регулярно вызывались на смотры, и если воином были недовольны, то поместье могло быть отнято; если помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали. Поместья могли наследоваться, но сыну, поступавшему на службу вместо отца, давали не весь отцовский надел, а лишь то, что полагалось молодому воину, «новику» [71].

Вопрос об истоках поместной системы является предметом давних споров историков. Г.В. Вернадский прямо называет русское поместье «тимаром», но Р.Г. Скрынников выступает против такого сопоставления [72]. М.М. Ковалев-

ский считал, что поместье происходит от известного татарам института икта [73]. К.А. Неволин высказывался в пользу греческого происхождения этого института и связывал его появление с влиянием греческого окружения царицы Софьи [74]. Нам представляется, что в позициях исследователей, говорящих о заимствовании поместной системы, есть много общего: известно, что греческая прония и мусульманская икта были типологически сходными учреждениями, и тимар появился не без их влияния [75].

Очень вероятно, что Иван III, оказавшись под влиянием царицы Софьи, копировал методы завоевателя Константинополя Мехмеда II. Проявлением этого влияния, по-видимому, было и то, что великий князь «стал грозен» для своих бояр, и то, что дворцовые земли, как в Турции, выделяются из среды государственных, то, что греки заведуют княжеской Казной и, вероятно, учат дьяков проводить «дефтеры» [76]. Идея разработки первого Судебника, введенного в 1497 г., возможно, также навеяна деятельностью Мехмеда II, создателя знаменитого кодекса «Канун-наме». То же самое можно сказать и о попытке конфискации Иваном III церковных земель. Как известно, Мехмед II конфисковал часть вакфов. Наконец, введение государственных монополий на производство и продажу спиртных напитков, запрещение простым людям употреблять их во все дни, кроме праздников, очевидным образом говорит о влиянии тюркских традиций [77].

Конечно, вместе с турецкими порядками на Руси вводились и византийские — византийский церемониал при дворе, титул «самодержец» («автократор»), двуглавый византийский орел на гербе России. Этот аспект проблемы хорошо известен и не вызывает дискуссий.

Василий III продолжал политику своего отца и при завоевании Пскова, Смоленска, Рязани следовал методу, опробованному при овладении Новгородом, — массовые конфискации и переселения, а затем испомещение московских дворян [78]. При осаде Смоленска широко применялась артиллерия, но нужно сказать, что русские войска не сразу освоили турецкую тактику полевых сражений. В битве на реке Ведроша в 1500 г. русские применяли старую монгольскую тактику — это было конное сражение с использованием засад. Литовцы и поляки быстрее перенимали приемы турок; в 1514 г. они одержали победу под Оршей, заманив русскую конницу на укрепления, где стояли пушки [79]. Между тем Османская империя становилась все более могущественной, и ее рубежи придвигались все ближе. Еще в 1475 г. крымский хан признал себя вассалом турецкого султана; в 1521 г. хан Магмет-Гирей посадил своего ставленника в Казани, а затем совершил опустошительный набег на Москву. Между Москвой и Крымом началась длительная борьба за Казань, в которую постепенно втягивалась Турция; в походах крымского хана стали участвовать янычары [80].

Василий III был самовластным государем, недруги обвиняли его в том, что он отстранил от власти Боярскую Думу и решает дела «сам-третьей у постели» [81]. После смерти Василия III, в малолетство его сына Ивана IV, власть перешла к боярам, которые ссорились между собой из-за «мест» и кормлений. В 1547 г. 16-летний Иван IV был коронован «царем всея Руси», а через полгода в Москве разразилось большое восстание против бояр. В этой сложной и

опасной ситуации ближайшими советниками царя стали священник Сильвестр и рында (телохранитель) Алексей Адашев. В своих проповедях и посланиях Сильвестр призывал царя расстаться со своими прежними советниками, «богатыми» и «брюхатыми» вельможами, и ввести в своем государстве «правду» — справедливый суд, одинаковый для всех, малых и великих [82]. Следуя советам Сильвестра, молодой царь учредил Челобитенный приказ — ведомство, которое должно было принимать челобитные от народа. Царь и сам часто принимал челобитные. 8 сентября 1549 г. в церкви Рождества Богородицы он принял челобитную от Ивана Пересветова, русского дворянина из Литвы. Иван Пересветов был многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя. Он, вероятно, хорошо знал турецкие порядки и советовал царю брать пример с Турции. Челобитная содержала «Сказание о Магмете-салтане», в котором рассказывалось, как Магмет-салтан «великую правду в царстве своем ввел» [83].

«В 6961* году турецкий царь Магмет-салтан повелел со всего царства все доходы себе в казну собирать, — повествует «Сказание», — а никого из вельмож своих ни в один город наместником не поставил, чтобы не прельстились они на маду и неправедно не судили, а наделал вельмож своих из казны царской, каждому по заслугам. И назначил он судей во все царство, а судебные пошлины повелел взимать себе в казну, чтоб судьи не искушались и неправедно бы не судили... А через некоторое время спустя проверил царь Магмет судей своих, как они судят, и доложил царю про их лихоимство, что они за взятки судят. Тогда царь обвинять их не стал, а только повелел с живых кожу ободрать... А кожи их велел выделать и ватой велел их набить, и написать повелел на кожах их: «Без таковой грозы невозможно в царстве правду ввести». Правда — богу сердечная радость, поэтому следует в царстве своем правду крепить. А ввести царю правду в царстве своем — это значит и любимого своего не пощадить, найдя его виновным. Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы».

«Великая правда» — по сути то, что турки называли «адалет», «справедливость» — идея, лежавшая в основании исламского учения о государстве. Султан выступал в «Сказании» как страж справедливости: он выдал судьям книги судебные, чтоб судили всех одинаково, он установил налоги и послал сборщиков. «А после сборщиков проверял, по приказу ли его царскому собирают». Воинов царь «наделал царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам». «И запретил закабалить их и обращать в холопов, чтобы все служили добровольно». «Если у царя кто против недруга крепко стоит... будь он и незнатного рода, то он его возвысит и имя ему знатное даст...». «Еще мудро устроил царь турецкий: каждый день 40 тысяч янычар при себе держит, умелых стрельцов из пищалей, и жалование им дает и довольствие на каждый день...» [84].

Конечно, «Сказание» не вполне точно повествовало о событиях, произошедших после взятия Константинополя — у автора была иная цель, он предлагал проект преобразований и выстраивал события так, как хотел. Неизвестно, был

* 1453 год — год взятия Константинополя.

ли знаком Пересветов с советниками Ивана IV, но в его челобитной содержались те самые мысли, которые с буквальным совпадением высказывали Сильвестр и Адашев. Нужно сказать, что Адашев тоже бывал в Турции и знал о «великой правде». Петербургский исследователь Д.Н. Альшиц считает даже, что в действительности Пересветова не существовало, а «Сказание о Магмет-салтане» было написано Адашевым [85].

Как бы то ни было, Адашев и Сильвестр энергично взялись за выполнение программы Пересветова, то есть за переустройство России по образцу Османской империи. В 1550-х гг. началось постепенное упразднение наместничеств и кормлений, и «вельмож стали наделять из казны царской, каждому по заслугам». Судебные пошлины («корма») стали взимать в казну, а в городах и волостях были избраны новые судьи, земские и губные старосты. Им выдали книги судебные — новый Судебник, принятый в 1550 г. Этот Судебник запрещал закабалать в холопы служилых людей. Челобитный приказ стоял на страже «великой правды», и всякий мог подать жалобу на беззакония прямо царю. Дворянам на ежегодных смотрах стали выдавать дополнительное жалование из казны; был создан стрелецкий корпус — 3 тысячи «умелых стрельцов из пищалей», которых царь держал постоянно при себе. Появились и выдвиженцы из незнатных родов — к их числу принадлежал и сам Адашев, и многие окружавшие его дьяки [86].

Адашев и Сильвестр провели еще две реформы, выходящие за рамки проекта Пересветова. В 1550 г. были установлены единые нормы налогов для различных категорий земель, а в 1556 г. введены единые нормы службы — хозяева вотчин и поместий были обязаны выставлять одного всадника со 150 десятин земли [87]. Можно было бы ожидать, что эти законы окажутся характерными именно для России. Но, оказывается, и они повторяли соответствующие установления из «Канун-наме» Сулеймана Законодателя [88]. Очевидно, Адашев знал об Османской империи значительно больше, чем «воинник Иванец Пересветов».

Модернизация по образцу одной из самых могущественных держав того времени достигла своей цели: была создана мощная армия, многочисленная конница из дворян-«сипахи», корпус стрельцов-«янычар» и пушечный наряд, не уступавший турецкому артиллерийскому корпусу «топчу оджагы». Началось быстрое расширение пределов Русского государства. В 1552 г. была одержана большая победа: завоевана Казань; в 1556 г. русские войска достигли берегов Каспийского моря. Царь Иван IV находился в зените славы — так же, как Мехмед II после взятия Константинополя. Некоторые историки утверждают, что Иван IV подражал Мехмеду II [89]. В этой связи необходимо вспомнить, что сделал турецкий султан после завоевания Константинополя. Как отмечалось выше, Мехмед II воспользовался своей славой, чтобы разгромить знать и конфисковать ее владения. То же сделал и Иван Грозный. Конфискация владений знати была необходима для увеличения численности конницы — как в Турции, так и в России, конфискованные земли были сразу же розданы в тимары, поместья [90].

Для того, чтобы подавить сопротивление знати, Иван Грозный учредил опричнину. «Учреждение это всегда казалось очень странным, как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал», — писал В.О. Ключевский [91]. Московские летописи переводят устарелое слово «опричинна» как «особый двор», и позже, когда это слово было запрещено, опричнину именовали просто «двором» [92]. Опричник Штаден в своих записках утверждал, что царь учредил опричнину по совету своей жены Марии, дочери черкасского хана Темрюка, и ее брата Михаила Черкасского, ставшего одним из известных опричников [93]. Черкасы хорошо знали, что такое «двор» — двор османских султанов. Это было государство в государстве со своими землями, казной и маленькой армией, составленной из особых янычарских частей. Именно такой двор и создал Иван Грозный — вплоть до того, что скопировал некоторые внешние черты. Так же, как янычары, опричники ходили в одежде, похожей на монашескую, и их казармы в Александровском, как и казармы янычар, напоминали монастырь [94]. Засилье черкасов и татар в окружении Грозного возмущало русскую знать. Эти настроения проявились, когда однажды митрополит Филипп увидел опричника в церкви в мусульманской шапке, «тафье». Он не удержался и воскликнул: «Се ли подобает благочестивому царю агарьянский закон держати?» Митрополит и раньше позволял себе обличать царя, но на этот раз царь пришел в ярость и распорядился свести митрополита с престола [95].

Характерно, что при основании опричнины царь передал управление земщиной Земской Думе, распорядившись, чтобы ему докладывали только «ратные и земские великие дела». Такое разделение функций характерно и для Османской империи, где всеми текущими делами ведал диван [96]. Характерна также демонстративная позиция царя-«защитника справедливости», готового защищать «великую правду» с помощью жестоких расправ. Флетчер рассказывает, что когда один дьяк принял взятку в виде наштигованного деньгами гуся, царь приказал своим палачам разделать дьяка, «как разделявают гусей» [97]. Барберини писал, что царь приказывал сечь уличенных во взятках чиновников — и даже знатнейших из бояр, поэтому среди чиновников не было ни одного, которого ни разу бы не высекли [98].

Иностранные свидетели утверждали, что Грозный набирал своих опричников из людей «очень низкого происхождения». Это согласуется с тем, что в Турции дворцовая гвардия рекрутировалась из рабов-«капыкулу». Жестокие казни врагов вместе с детьми были неслыханным делом на Руси, но вполне обычным в Турции: «тезка» русского царя Селим I Грозный известен тем, что приказал отравить отца, братьев и задушить племянников; за восемь лет правления он казнил 7 своих визирей. Возможно, что Ивана IV стали называть Грозным по аналогии с султаном Селимом.

Таким образом, Иван IV подражал турецким султанам и устанавливал порядки, подобные порядкам султанского двора. Царь хорошо усвоил слова Магмет-султана из челобитной Ивана Пересветова: «Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы». Главное, что перенял Иван Грозный у Мехмеда II — это самодержавие, абсолютная власть монарха. Мы не будем останавливаться на вопросе, по-

лезно ли это было для России, — важно, что это определило ее историю на столетия вперед.

Как бы то ни было, основным результатом модернизации по турецкому образцу было создание мощной армии. В июле 1572 г. в битве при Молодях войска Ивана IV одержали решающую победу над крымской Ордой. Русские использовали турецкую тактику — они завлекли конную лаву татар на укрепления, за которыми стояли стрельцы с пушками [99]. Татары, которые шли покорять Русь, были отброшены, и страна сохранила независимость благодаря армии, созданной Адашевым и царем. Были и другие последствия модернизации. В 1580-х гг. в разных районах страны стали вводиться «заповедные годы» — временный запрет на крестьянский выход. В Турции было так же: сначала запрет выхода в отдельных провинциях, потом по всей стране, сначала на время — впоследствии навсегда. Это было административное прикрепление крестьян к месту жительства, чтобы они не стремились уйти от своего тягла. При этом повинности крестьян были указаны в переписных листах, и если помещик-«сипахи» брал больше, чем следовало, то крестьяне могли жаловаться в суд. В Турции время от времени султаны вспоминали о «великой правде» и издавали «указы справедливости», «адалет-наме» — поэтому турецкие крестьяне остались свободными людьми. В России было иначе, русские цари позавистничали «грозу», но быстро забыли о «великой правде» Магмет-салтана. Впрочем, это было позже, а в XVI в. порядки России живо напоминали порядки Османской империи. Об этом писали многие путешественники, но историки не относились серьезно к путевым впечатлениям, считая их поверхностными [100]. Однако один из английских послов, Джильс Флетчер, оставил после себя серьезный труд, который на Западе считали «энциклопедическим». Вот что пишет о России Джильс Флетчер: «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, пытаются подражать, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических...».

Таким образом, на Западе хорошо знали о восточной природе Русского государства...

Каковы же были результаты взаимодействия турецкого круга с традициями, сохранившимися на Руси от прошлых эпох. В процессе столкновения культур были утрачены многие норманские традиции: независимые боярские вотчины и дружины, самоуправление Новгорода и Пскова. Большая часть вотчин была уничтожена, а для тех, что остались, владение было обусловлено службой; боярская дума утратила прежнее значение. Исчезли удельные княжества, существенно сократилось многочисленное в прошлые эпохи черносошное крестьянство. С ликвидацией огромных боярских вотчин уменьшилась численность рабов-холопов.

Взаимодействие монгольских и турецких традиций привело к торжеству абсолютизма. Упрочилась налоговая система, стали систематическими переписи и кадастры. Появился новый многочисленный класс служилых землевладельцев — помещики-дворяне; крестьяне были прикреплены к земле и обязаны платить помещикам (пока фиксированные) оброки. Коренные изменения про-

изошли в военном деле — появилась артиллерия и регулярная пехота, собственно говоря, это и были основные элементы турецкого культурного круга.

Итак, диффузия сыграла немалую роль в формировании российского институционально-политического строя. Адаптация страной импортных социокультурных влияний способствовала укоренению в обществе «азиатского» компонента, который, по мнению многих западных исследователей, манифестировался главным образом в самодержавной и централистской форме управления. Последняя нередко приравнивается к восточным деспотиям или «гидравлическим» культурам Востока (терминология К.Виттфогеля). Р.Пайпс характеризует тип правления в царской и императорской России как «патримониальный» (система, в рамках которой политическая власть и частная собственность совпадают) [101]. Согласно данной концепции, со времен возникновения Московского царства и его победы над Золотой Ордой при Иване III, Василе III и Иване Грозном государство инкорпорировало все прочие социальные и экономические институты, в то время как в Западной Европе наблюдалась дивергенция политической и социально-экономической сфер. Именно институт частной собственности в Западной Европе сформировал базис для развития сильного противовеса государству, для эволюции структур гражданского общества. Но поскольку в России владение частной собственностью в значительной степени зависело от обладания ресурсами политической власти, а сам институт частной собственности не имел того легитимного статуса, как в Западной Европе, постольку не было создано благоприятных предпосылок для формирования западноевропейской разновидности противовеса государственной власти. Монолитная позиция государства интерпретируется как одна из важнейших причин необычного характера российской модернизации («революции сверху» — импульс модернизации задается сверху, правящей элитой, а не инициативой граждан, функционирующих в качестве независимых экономических и социальных акторов) [102].

Самодержавная форма правления настолько укоренилась в стране, что впоследствии на протяжении столетий подвергалась лишь незначительным изменениям. Для многих ученых царская автократия и тоталитарный режим советской России преемственно связаны. Так, по мнению Р.Бендикса, принцип управления в рамках самодержавной и тоталитарной моделей оставался почти нетронутым, несмотря на различные идеологические инструментровки: все социальные группы в равной степени были подчинены верховному правителю, царю или партии. В связи с этим структурное отличие России от стран Запада заключалось в том, что в ней модернизация и индустриализация осуществлялась в своеобразном контексте: авторитарном или тоталитарном. Подобный контекст, как считает Р.Бендикс, нельзя интерпретировать как рациональный, потому что политическая власть стояла над законом, и в итоге административное исполнение общественных постановлений не создавало условий для формирования стабильных ожиданий у социальных акторов. Между тем стабильность ожиданий считается важным аспектом экономической рационализации. В Западной Европе развивалась этика достижения, потому что люди усвоили, что существует четкая связь между упорным трудом и ожиданиями адекватных поступков со стороны работодателей и публичной администрации [103].

Обсуждение проблематики исторических диффузий имеет определенные социальные импликациии. Для отечественной интеллигенции стало привычным воспринимать Россию как страну, лежащую между Европой и Азией, между двумя различными «цивилизациями». В 1995 г. бывший премьер-министр правительства Е.Гайдар заявлял: «Наиболее важная историческая дилемма для нас сегодня — это традиционная дихотомия между Востоком и Западом». Социальный философ А.С.Ахиезер определяет Россию как «промежуточную цивилизацию», которая, по его мнению, характеризуется расколом между западным и восточным, европейским и азиатским. Этот дисбаланс между европейским и азиатским измерениями общества, как считает А.Ахиезер, служит постоянным источником нестабильности и ориентационных колебаний на протяжении столетий. По мнению ряда исследователей, именно он является своеобразным трагическим *ritus motor* российской истории. Понятно, что то или иное видение исторического опыта, «помещение» России в то или иное историческое пространство («Запад», «Восток», «Промежуточная цивилизация», или вообще другая система координат) в значительной степени детерминируют выбор стратегий и инструментов развития и реструктуризации общества в условиях современных перемен.

Диффузионизм (в частности его разновидность — теория культурных кругов) позволяет объяснить некоторые аспекты исторического процесса — но, конечно, не весь процесс. Помимо внешних влияний («культурных кругов»), их взаимодействия и синтеза, существует и имманентная логика процессов, обусловленная действием эндогенных факторов, которая не рассматривается этой теорией [104]. Сами результаты диффузии находятся в существенной зависимости от того исторического контекста, к которому им приходится адаптироваться. Данный контекст в состоянии кардинально видоизменить инновации, повтому, согласно концепции зависимости от пути развития, введение идентичных нормативных систем и практик в обществах с различными институциональными средами может вести к совершенно разным результатам. Тем не менее, анализ внешних сторон явлений вносит определенный вклад в изучение того многогранного мира, который называют историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 100—101; Цит. по: Роуни Д. Методологические аспекты изучения истории России (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова 2—3 декабря 1996 г. М., 1997. С. 225.
2. Цалф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс, 1998. № 8. С. 21.
3. Black C. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 198—199.
4. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 141—145, 149—154, 163—169; Левин М.Г., Токарев С.А. Культурно-историческая школа на новом этапе // Советская этнография,

1953. № 4; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Чеснов Я.В. Теория «культурных связей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Там же; Kroeber A.L. Diffusionism // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by E.Etzioni-Halevi and A.Etzioni. New York: Basic Books, 1973. P. 140—144; Боас Ф. Эволюция или диффузия // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 343—347.
5. Elliot-Smith G. Culture. The Diffusion Controversy. London, 1928.
6. Альфред Крёбер определяет диффузию как процесс, «посредством которого распространяются элементы или системы культуры; посредством которого изобретение или новый институт, принятый в определенном месте, внедряется в соседних местах, до тех пор, пока не распространится по всему земному шару» (Kroeber A.L. Diffusionism... P.140).
7. Cemea M.M. (ed.). Putting People First: Sociological Variables in Rural Development. N.Y.: Oxford, 1985; Robertson T.S. Innovative Behavior and Communication. N.Y.: Holt, Rinehart @ Winston, 1971; Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1991. С. 396—608.
8. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 12—13, 80—82, 117—121; Lauer R.H. Perspectives of Social Change. Boston: Allyn @ Bacon, 1982.
9. Murdock G.P. Our Primitive Contemporaries. N.Y.: Macmillan, 1934. Cit. in: Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 118.
10. Linton R. The Study of Man: An Introduction. N.Y.: Appleton, 1936. P. 326—327. Cit. in: Vago S. Social Change... P. 118.
11. Необходимо признать, что концепт «диффузия» использовался некоторыми представителями модернизационной перспективы классического периода. Так, по мнению Люциана Пайя, модернизация предполагала диффузию так называемой «мировой культуры». Последняя интерпретировалась как «основанная на передовых технологиях и духе науки, на рациональном взгляде на жизнь, на секулярном подходе к социальным отношениям, на признании в политической сфере нации-государства в качестве главной политической единицы» (Pye L.W. Aspects of Political Development. Boston: Little, Brown, 1965. P. 8).
12. Vago S. Social Change... P. 134.
13. Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
14. Cohen E. Thailand, Burma and Laos — An Outline of the Comparative Social Dynamics of Three Theravada Buddhist Societies in the Modern Era // Eisenstadt S.N. (ed.). Patterns of Modernity. N.Y.: New York University Press, 1987. Vol. II: Beyond the West.
15. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992; Idem. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1995. P. 216—218, 226—231.
16. Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo, London, 1988. P. 6.
17. Херманн И. Славяне и скандинавы в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 94.
18. Скрынников Р.Г. История Российская IX—XVII вв. М., 1997. С. 36.
19. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 53.
20. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 47.

21. История Норвегии. М., 1980. С. 130.
22. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. I—V. М., 1937. Т. I. С. 282.
23. Там же. С. 164.
24. Там же. С. 165.
25. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 98.
26. Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 290.
27. Там же. С. 282—283.
28. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 281; Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 134; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978. С. 143.
29. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 418.
30. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги... С. 243.
31. История Норвегии... С. 130, 132.
32. Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 333—334.
33. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 22.
34. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 1997. С. 118.
35. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I—X. М., 1988. Т. II. С. 144.
36. Равин Е.А. История военного искусства. М., 1994. Т. 2. С. 223.
37. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 26, 48.
38. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 468.
39. Мункуев Н.Ц. Китайский источник... С. 38—41.
40. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 535—536.
41. Мункуев Н.Ц. Китайский источник... С. 58.
42. Соловьев С.М. Сочинения... С. 155.
43. Там же. С. 488.
44. Вернадский Г.В. Монголы и Русь... С. 221—226, 367.
45. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд. Моск. ун-та, 1994. С. 94; Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 38.
46. Вернадский Г.В. Монголы и Русь... С. 235.
47. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян... С. 292.
48. Флетчер Д. О государстве Русском... С. 67.
49. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд. Моск. ун-та, 1988. С. 117.
50. Соловьев С.М. Сочинения... Т. III. С. 336.
51. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 74, 106; Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 159.
52. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 37, 43, 65; Орешкова С.Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 12; Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990. С. 21; Фрейденберг М.М. Крестьянство в Балкано-Карпатских землях (Сербия, Хорватия, Болгария, Дунайские княжества) в XV—XVI вв. // История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986. 465; История Византии. Т. II. М., 1967. С. 247; Аграрный строй Османской империи в XV—XVII веках. Документы и материалы. М., 1968. С. 22.
53. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С. 43; Фрейденберг М.М. Крестьянство в Балкано-Карпатских землях... С. 463—465; Книга законов султана Селима. М., 1969. С. 44; Новичев А.Д. История Турции. Т. I—IV. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1963. Т. I. С. 58.

54. Снасет-наме. Книга о правлении вавира XI столетия Низам ал-Мулка. М.; Л., 1949. С. 14, 16, 25, 41.
55. Записки янчара. М., 1978. С. 44, 112; Градева Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 50.
56. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С. 52.
57. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. Ш. С. 347—348.
58. Кареев Н. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1909. С. 344.
59. Эбаражский К. О состоянии Османской империи и ее войска // Османская империя в первой четверти XVII века. М., 1984. 150—151.
60. Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии // Тюркологический сборник, 1978. М., 1984. С.140—142.
61. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С.51; Градева Р. О некоторых проблемах... С. 46, 49; Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 150; Салимянова Ф.А. Люфти-паша и его трактат «Асаф-наме» // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1974. М., 1981. С. 103; Аграрный строй Османской империи... С. 22.
62. Пигулевская Н.В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1958. С. 256, 273, 276, 280.
63. История Индии в средние века. М., 1968. С. 382.
64. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие... С. 69, 89, 92.
65. Альтамира-и-Кривеа. История Испании. М., 1951. Т. I. С. 419, 440, 479; Т. II. С. 186; Дельбрюк Г. История военного искусства... Т. IV. С. 67.
66. Соловьев С.М. Сочинения... Т. III. С. 56.
67. Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 257.
68. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие... С. 69.
69. Соловьев С.М. Сочинения... С. 33, 144.
70. Вернадский Г.В. Россия в средние века. М., 1997. С. 126.
71. Ключевский В.О. Курс русской истории... Т. II. С. 237—238.
72. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 210.
73. Wittfogel E.A. Oriental Despotism. A comparative study of total power. New Haven, 1957. P. 224; Kowalewsky M. Institution politiques de la Russie. Paris, 1903.
74. Ключевский В.О. Курс русской истории... Т. II. С. 231.
75. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С. 43.
76. Зимин А.А. Россия на рубеже... С. 35, 247.
77. Соловьев С.М. Сочинения... С. 146, 336.
78. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 229—230.
79. Разин Е.А. История военного искусства... С. 322, 353.
80. Соловьев С.М. Сочинения... С. 257, 430.
81. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 247.
82. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 67.
83. Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 312, 313, 331.
84. Пересветов И.С. Сказание о Магмете-салтане // Все народы едино суть. М., 1987. С. 629—641.
85. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 74.
86. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 346, 355, 398, 439.
87. Там же. С. 392, 438.

88. Аграрный строй Османской империи... С. 22.
89. Шевяков Н. К вопросу об опричнине Ивана IV // Вопросы истории, 1956. №9. С. 71—77.
90. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 319; Орешкова С.Ф. Государственная власть... С. 47.
91. Ключевский В.О. Боярская Дума древней Руси. М, 1882. С. 347.
92. Ключевский В.О. Курс русской истории... Т. II. С. 189, 190.
93. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного... С. 134.
94. Там же. С. 342—343.
95. Там же. С. 254.
96. Там же. С. 368.
97. Флетчер Д. О государстве Русском... С. 49.
98. Скрывников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 351.
99. Там же. Т. II. С. 173.
100. Карацуба И.В. Образ России как великой восточной державы в записках английских путешественников XVI—XIX веков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. С. 45.
101. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
102. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989.
103. Bendix R. Nation Building and Citizenship. N.Y.: Wiley, 1964.
104. В частности, исследователи, обсуждавшие проблему складывания в России предпосылки деспотической монархии восточного типа, указывали не только на внешние, но и на внутренние факторы. В.Б.Кобрин и А.Л.Юрганов, например, связывали формирование деспотизма с тенденциями доордынской эпохи: усиление политической роли младшей дружины, члены которой находились по отношению к князю в положении фактически подданных-министериалов, а не вассалов. По мнению историков, данный тип социальных отношений был лишь усилен во время ордынского ига. (Павлова-Скльванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР, 1968. № 4; Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР, 1991. № 4; Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 86—89).

MODERNIZATION BEFORE MODERNIZATION: MEDIEVAL HISTORY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF DIFFUSION THEORY (On Highlights of the Problem)

The article defines the rank of diffusion theory in the process of modernization as well as interrelation and correlation between the diffusion theory and the modernization process. The medieval history of Russia is interpreted in the light of the diffusion theory, i.e. as resulted from successive transformations under the influences of the Norman and Mongol conquests, the XVI century «modernization» after the Ottoman pattern, etc.

V.V.Alexeyev, S.A.Nefyodov, I.V.Poberezhnikov

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Первая российская модернизация связывается в исследовательской литературе с реформаторской деятельностью Петра I. Преобразования первой четверти XVIII в. явились органичным развитием идей и начинаний XVII в. Рассмотрим эту преемственность в области промышленной политики на примере горнорудного дела.

В XVII — первой четверти XVIII в. экономическая политика Российского государства развивалась в русле идей меркантилизма: прибыль создается в сфере обращения, богатство нации заключается в деньгах, и накопление денежного богатства может быть достигнуто с помощью государственной власти [1].

Так же, как и в Западной Европе, российский меркантилизм прошел два этапа эволюции — ранний и поздний, но с отставанием от европейских стран приблизительно на столетие. Экономическая политика раннего меркантилизма, или монетарная система, была системой денежного баланса. На этом этапе путь накопления богатств в стране виделся российской властью через обретение собственных источников серебра, золота и меди.

Отношение к железу у государства было иным. К находкам железной руды центральная власть относилась не как к прибыльному делу, а как к необходимости — удовлетворение потребностей в железных орудиях труда и оружии. Особенно остро эта проблема встала в ходе освоения новых территорий на востоке страны. Данный порядок приоритетов обусловил и разное отношение государства к поиску месторождений и производству тех или иных металлов.

Разработка месторождений серебра и золота являлась монополией государства на протяжении всего XVII в. В деле же поиска этих месторождений наблюдается эволюция государственной политики по пути использования предпринимательской инициативы с 70-х гг. XVII в. То же самое происходит и с поисками меди. Но в производстве меди государство пошло дальше, постепенно отказавшись от своей монополии в этой области. Первый частный медеплавильный завод в России появился в середине XVII в.

При царе Михаиле Федоровиче поиск руд осуществлялся экспедициями, посланными из Москвы, в крайнем случае (на очень отдаленных территориях, например, Восточная Сибирь) силами местных властей, но по указу и при строгом контроле центра. Частная инициатива не допускалась, и даже разговоры о ней пресекались.

В материалах экспедиции Ч. Бартенева и Г. Леонтьева 1618 — 1620 гг. передан рассказ толмача Романа Зеленого, бывшего в экспедиции в связи с участием в ней рудознатца англичанина Джона Ватера. Во время одного из обедов переводчик рассказывал, что английский купец Фабин Ульянов пред-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 98-01-00400.

лагал царю 4000 руб., чтобы ему позволили искать серебряную руду в Московском государстве. Фабин брал на себя все расходы по организации поисков, «а что объявится и де волен государь». Этот рассказ был в очередной отписке Михаилу Федоровичу. Из Москвы последовало суровое предупреждение, что если «ведомо учинится, что толмач ворует, сказывает мастеру Ватеру не те речи, ... за то одно быти ему в смерти».

Экспедиция Ч.Бартенева и Г.Леонтьева была первой, организованной в условиях преодоления тяжелейших последствий Смуты. В то время, как войска королевича Владислава и гетмана Хоткевича готовились к последнему походу на Москву, при царском дворе очень внимательно отнеслись к челобитной Якова Литвина (Литвинов), жителя вотчины Никиты Строганова. Он сообщал, что во многих местах Пермь Великой, в том числе и на Орле-городке, имеются большие залежи медной руды и «возможно будет золото». Весной 1618 г. в прикамские земли была отправлена экспедиция под руководством дворянина Чулова Иванова Бартенева и подьячего Гаврилы Леонтьева [2]. В ее состав были включены: рудознатец англичанин Джон Ватер, Я. Литвин, три денежных мастера, мастер-плавильщик Молофей, клиненин сын боярский Алексей Головин для посылок и толмач Роман Зеленый. По мере сбора информации и расширения территории поисков в экспедиции принимали участие сыновья Якова Василий и Моисей Литвиновы, также как и их отец, имевшие рудознатные навыки, и другие лица.

Согласно царскому указу, экспедиционные расходы должны были покрываться из местных государевых доходов на Орле-городке, у Соли Камской или в Чердыни. Все, что «будет необходимо для дела», Ч.Бартенев и Г.Леонтьев могли брать «из рудяди Никиты Строганова безденежно». За счет местного населения должна была решаться и проблема рабочих рук на вспомогательных работах. Перед экспедицией ставились две главные задачи: если руда окажется «добра» и по мнению Ватера дело будет прибыльным, то завести «большой» завод и плавить руду «беспрестанно» [3]; опросить местное население с крестоцелованием, «где кто ведает» золотую, серебряную, медную, оловянную и свинцовую руды. С сообщившими такие сведения послать в указанные места Я.Литвина или кто «пригож». Накопанная руда должна была доставляться к Бартеневу и Леонтьеву, а Ватер был обязан проводить опытные плавки.

Таким образом, предполагалось, что экспедиция одновременно будет осуществлять две функции — поисковую и организационно-производственную. При создании «большого» завода, руководителям экспедиции предписывалось «завести всякую снасть, что к тому заводу надобно», и нанимать ярыжек (рабочников) сколько необходимо и «чтоб государю прибыльнее».

Любопытно, что в царских указах не проводится различий в деятельности экспедиции на государственных и частновладельческих землях (вотчины Строгановых). Следовательно, монополия государства на недра распространялась на все территории, независимо от их принадлежности. Руководителям экспедиции давались весьма широкие полномочия. Они могли наказывать не только строгановских крестьян, но и их приказчиков вплоть до битья кнутом и тюремного заключения, если они не оказывали должного содействия экспе-

диции или подозревались в утайке информации о рудах. В случае нехватки гулящих людей для найма на поисковые работы разрешалось брать деловых людей с варниц, принадлежавших Строгановым.

Сохранившиеся источники об этой экспедиции уникальны тем, что дают редкую возможность проследить процедуру принятия решений по горнорудным делам в первой половине XVII в. и выявить степень участия в них царя Михаила Федоровича.

О ходе экспедиции Бартенев и Леонтьев должны были регулярно сообщать в Москву. Их отписки напрямую поступали к кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову. Он также встречался со всеми приезжавшими из экспедиции, принимал привезенные образцы руд и результаты опытов. Всю корреспонденцию и образцы М.М.Салтыков относил к царю «вверх». В царской палате принималось решение. Как говорится в документах, Михаил Федорович приказывал «словом» и повелевал послать грамоту с принятым решением, затем распоряжения оформлялись под руководством кравчего письменно. Между сообщением царю и оформлением решения в виде указа проходило некоторое время (это могло быть и десять дней, и полтора месяца). После рассмотрения при дворе вся документация экспедиции должна была храниться в Аптекарском приказе.

Таким образом, Михаил Федорович лично руководил экспедицией при активном участии кравчего М.М.Салтыкова. Ведомственная подчиненность экспедиции какому-либо приказу не прослеживается. Хранение же ее материалов в Аптекарском приказе связано с тем, что его в это время возглавлял М.М.Салтыков.

Трудно сказать, насколько были самостоятельными принимавшиеся государем решения в данном вопросе. Известно, какое большое влияние при дворе в это время имел М.М.Салтыков. Скорее всего, решения принимались совместно царем и кравчим. Первый год работы экспедиции пришелся на период, когда Филарет Никитич находился еще в польском плену. Но и после его возвращения и включения в государственную жизнь, изменений в управлении экспедицией не произошло. Ее продолжал курировать М.М.Салтыков.

В начале июня 1618 г. экспедиция приехала в Орел-городок, где и была размещена ее база до середины сентября 1619 г. За этот период проводились неоднократные разведки по р.Яйве, у Григоровской горы на р.Каме, по р.Чусовой, р.Вильве, р.Усьве. В первой половине XVII в. бытовало мнение, что вместе с месторождениями меди должно быть и золото. Это прослеживается и в распоряжениях из Москвы, и в деятельности мастера Ватера. Так, например, в указе от 23 августа 1618 г. говорилось, чтобы Бартенев и Леонтьев в Григоровском «над медяною рудою промышляли великим радением, копали вниз и золото в той меди смотрели накрепко».

Еще в самом начале экспедиции, проводя опыты с первыми образцами руды, Ватер с целью обнаружения золота плавил медь с ползолотником свинца и сказал, что в той меди золота нет. Но при этом упомянул, что у него имеется «водка», и если в меди есть золото, то оно в этой «водке» объявится, а класть в «водку» медь нужно вместе с серебром. Он взял ползолотника меди,

сплавил ее с 3 алтынами серебра и положил в скляницу с «водкой». После этого мастер сказал, что «в той меди искра золотая объявилась». Руководители экспедиции стали «у него золотой искры просить», но Ватер ответил, что «та золотая искра утерялась», потому что положил мало меди.

Очевидно, в это время в Москве еще не было хороших специалистов, способных провести опыты с присылавшимися образцами руды и оценить работу Ватера. А мастеру явно не хватало знаний, чтобы осуществить полноценную разведку и по достоинству оценить найденные месторождения. Через 15 лет именно в этих местах, на р.Яйве и Григоровой горе, будут открыты промышленные залежи медной руды.

А пока в царских указах то напоминалось Ватеру, что «король английский прислал его служить, во всем радети», то обещалось ему, что если «объявится руда, от которой будет прибыль, и он будет пожалован из той прибыли чтью». Были у М.М.Салтыкова и подозрения, что Строгановы вступили в тайные переговоры с мастером и подкупили его, чтобы он ничего не нашел. Но эти подозрения не подтвердились.

Одновременно велась поиски серебряной руды. С этой целью из Орла-городка посылались отряды в «вогуличи» на р.Сыльву и на р.Печору. На Цильме поисковики обнаружили заброшенные рудные разработки и взяли там образцы породы. Привезенная руда оказалась медной. Ватер не смог обнаружить в ней ни серебра, ни золота. Но, по его мнению, в этой породе было довольно высокое содержание меди, и если будет обнаружен рудный слой, то дело окажется прибыльным.

В Москве было принято решение — экспедиции со всем «большим заводом» перебраться на Цильму. На новом месте отряд Бартенева и Леонтьева начал работы в мае 1620 г. Но надежды на промышленное залежание меди не оправдались. Результаты опытов оказались скудными. Кроме незначительных медных проявлений, был найден колчедан, но полученное при опытах железо оказалось плохим.

В июле экспедиция отправилась в обратный путь на Орел-городок в ожидании дальнейших указаний. В конце августа было принято решение о ее возвращении в Москву, и 14 декабря 1620 г. Ч.Бартенев и Г.Леонтьев явились на доклад к М.М.Салтыкову в Алтекарский приказ. Только на кормовые расходы участникам экспедиции казна потратила 944 руб. 23 ал. 1 ден.[4].

Несмотря на неудачу этого отряда интерес государства к поиску руд в Прикамье и Поморье не исчез. В 1626 — 1628 гг. экспедиция московского дворянина Григория Алексеевича Загряжского и подьячего Сергея Беликова проводила поиски золотой, серебряной, оловянной, медной и свинцовой руд в Перми Великой, на Мезени, Печоре, Пинеге, Кевроле, в районе Пустоозерска [5]. В ней принимали участие рудознатцы немцы «Цесарской земли» Ганц Герольт (Анц Ерольт), Самойло Фрик и Павлик Шмоль. Для посылок с ними был отправлен служивый немчин Иван Федоров Зорен (Анц Зорен Кукольник), а также переводчик Тимофей Фанемин. Управление экспедицией осуществлялось уже через Посольский приказ. К этому времени Салтыковы оказались в опале. Руководство поисками руд перешло с лично-

стного уровня на ведомственный. Присутствие в экспедиции иностранцев предопределило ее подчинение именно Посольскому приказу.

В пермских землях территория поисковых работ этой экспедиции по сравнению с первой была значительно расширена в северном и восточном направлениях. Были обследованы низовья рек Колвы и Вишеры (Помяная и Полюдовая горы), бассейны рек Чусовой и Косью с их притоками. Добылись поисковики и до границы Соликамского и Верхотурского уездов. Вновь были проведены разведки на Григоровой горе и по р. Яйве. Но ожидаемых результатов не было.

Центральные власти начали беспокоиться. Почти год работы экспедиции принес лишь убытки «в кормах и подводах». Квалификация рудознателей не вызывала сомнений. Как говорилось в царской грамоте, «посланы рудознаты к тому делу люди знающие, на то они к нам из иных земель и приехали, и грамоты с собою свидетельствованные привезли, и сами нам на Москве свое ремесло объявили (то есть показали), что они такие места, где живет руда золотая и серебряная, и медная и оловяная, знают достаточно, и где такие места сыщут, тем нам службу свою хотят показать».

Немецкие мастера имели хорошую репутацию при царском дворе благодаря не только рекомендационным грамотам, но и личным заслугам перед московским государем. Так, к началу экспедиции С.Фрик уже прожил в России не менее 10 лет и показал себя искусным мастером-ювелиром, неоднократно выполняя царские заказы. Например, в 1624 г. вместе с братом Яковом он делал царскую корону [6]. Во время пребывания экспедиции в Соли Камской С.Фрику для проведения опыта был прислан из Москвы образец породы, привезенный из Еренского городка. Это свидетельствует о явном отсутствии квалифицированных специалистов-рудознателей в столице.

На царском дворе причина малоэффективности экспедиции виделась в излишней торопливости и поэтому некачественной разведке местности. В государственной грамоте рекомендовалось «делать не скоростью, что приехав где да посмотря на гору или на курган, или на место, и посмотря да прочь, где при-смотря такое место, отыскивать и копать надобно гораздо». Далее шла ссылка на зарубежный опыт: «А в которых государствах делают золото и серебро и такие места доходят великою глубиною, то рудознаты и ведают, и знают, с каким трудом то находят, а где руда медная объявится, тут и золотая и серебряная, а мы просим у всемогущего Бога того, какая б руда не объявилась, золотая или серебряная или медная».

По сравнению с первой экспедицией в Москве были пересмотрены методы получения информации о рудах от местного населения. Если Бартеневу и Леонтьеву предписывалось добывать сведения от крестьян, путем пыток и суровых наказаний вплоть до тюремного заключения, то Загряжскому и Беликову указывалось «никаких людей в деле и за дело не жесточить, и разведывать у всяких людей ласкою и обнадеживая нашим (то есть государевым) жалованьем, а если начнете людей жесточить, то они вам ничего не скажут».

Полученная от местного населения информация вновь выводила направление поиска на поморские земли. Сведения о находках руды в северных районах

доходили и до Москвы. Повтому в начале 1627 г. экспедиция была отправлена на Мезень, Пинегу и Кевролу. Но данных о ее деятельности в этих районах пока не обнаружено. Известно лишь, что поисковики туда ездили, но «прибыльных» месторождений не нашли. Этой же экспедицией впервые были получены сведения о находках руды на Канином Носу. Но вновь эти территории привлекают внимание поисковых экспедиций только в 60-е гг. XVII в.

Согласно косвенным данным, экспедиция Г.Загряжского и С.Беликова завершилась в феврале 1628 г. Уже в марте Г.Герольд и С.Фрик были отправлены на Терек для поиска всяких руд и водопроводного дела [7]. Но на Тереке они в основном занимались строительством водопровода. Этой же весной Павлик Шмоль уехал на родину в Цесарскую землю, чтобы привезти в Россию семью и закупить рудознатные и водопроводные снасти [8]. Г. А. Загряжский с мая 1628 г. по май 1631 г. был на воеводстве в Тобольске вместе с князем А.Н.Трубецким и пытался наладить там железоделательное производство [9].

В 1627 — 1630 гг. на Тунгуске искала серебряную руду экспедиция Якова Хрипунова. В ее составе был плавильщик и серебряный мастер Иван Иванов Репа из Москвы. С Я.Хрипуновым были посланы «с огненным боем» 158 служилых людей из Пелыма, Березова, Сургута, Тары, чтобы попутно «князецких и иных землиц людей привести под государя высокую руку». Поиски закончились неудачей. Этой экспедицией руководил Сибирский приказ, связь осуществлялась через местную воеводскую администрацию [10].

В начале 30-х гг. вновь стали поступать сведения о находках рудных признаков в Прикамье. Скорее всего, речь шла о медных проявлениях, но по-прежнему господствовало представление, что медь является признаком месторождений золота.

22 февраля 1633г. из Москвы была послана очередная экспедиция в Пермь Великую «сыскивать золотые руды». Она отличалась от предыдущих своим составом. Ее возглавляли не служилый дворянин и подьячий, а весьма представительные лица — стольник Василий Иванович Стрешнев и дьяк Василий Сергеев[11]. Впервые в экспедиции принимал участие представитель высшего слоя купечества — гость Надея Андреев Светешников [12]. Для посылок с ними было отправлено 9 служилых дворян [13]. В качестве специалистов в экспедиции участвовали рудозналец Александрик Иванов Тумашев (скорее всего, именно по его челобитной отправилась экспедиция), пушечный мастер и рудозналец швед Елисей Коет [14] и лекарь англичанин Матвей Кинфин. Такой представительный состав экспедиции свидетельствовал о большом значении, которое придавалось ей царским двором.

К сожалению, сохранилось крайне мало сведений об экспедиции В.И.Стрешнева. Очевидно, это связано с тем, что она была кратковременной, уже в январе 1634 г. ее участники получали в Москве царские дары. Задачей экспедиции было обследование рудных признаков, указанных А.Тумашевым, и выяснение рентабельности месторождения.

Отряду В.И.Стрешнева не удалось найти золото, но зато были открыты промышленные месторождения медной руды в Соликамском и Чердынском

уездах (в тех местах, где работали предыдущие экспедиции). Руководители и специалисты экспедиции были щедро вознаграждены[15]. В снаряжении этого поискового отряда принимал участие Алтекарский приказ, обеспечивавший различными веществами для проведения опытов и лекарствами. В нем же должен был получить кормовые лекарь. Но сборы экспедиции были скорыми, и когда в Алтекарском приказе наконец-то дошло дело до выдачи денег М.Клифину, то выяснилось, что он уже уехал, получив кормовые в приказе Большой казны (там же, где и основная часть участников экспедиции)[16]. Таким образом, через данный приказ шло финансовое обеспечение поисковых работ и скорее всего координация действий.

На базе найденных месторождений был построен казенный Пыскорский медеплавильный завод. Первые заводские постройки были возведены у Григоровой горы еще при В.И.Стрешневе. Но в 1634/35 г. по предложению рудознатца немца Ариста Петцольта управляющий гость Надей Светешников и подьячий Илья Кириллов перенесли завод на 25 верст вниз по Каме на р.Канкарку[17]. Пыскорский завод управлялся присылаемыми из Москвы представителем московской администрации, который осуществлял общее руководство, и торговым человеком, занимавшимся учетом средств и продукции. Они находились в подчинении приказа Большой казны.

Экспедиции конца 10-х — 30-х гг. в Прикамье, Поморье и Восточную Сибирь не дали результатов в поисках серебра и золота. Видимо, это подтолкнуло царя к решению поддержать частную инициативу в этом деле. А.Олеарий в своих «Записках о путешествии в Московию» упоминает знакомого английского купца (не называя имени из уважения к его чести), который проживал в Москве уже несколько лет, вел значительную торговлю и был довольно известен. Купец сообщил царю, что он обнаружил признаки золотой руды и надеется открыть месторождение. Великий князь одобрил инициативу и распорядился выдать ему под поручительство средства для проведения изыскательских работ. Однако предприятие закончилось неудачей, деньги были издержаны, и купец оказался в долговой яме. Но соотечественники собрали необходимую сумму и выручили его [18]. С.М.Соловьев в «Истории России с древнейших времен» описывает аналогичную ситуацию, но называет имя английского купца и дату событий. Скорее всего, в обоих случаях речь идет об одном и том же факте — в 1640 г. англичанин Картрейт с 11 мастерами взялся искать золотую и серебряную руду[19].

В 1645 г. были поддержаны начинания по поиску медной руды в Верхотурском уезде воеводы М.Ф.Стрешнева, но его действия воспринимались в Москве не как частного лица, а как представителя власти[20]. К этому времени уже довольно четко определилась специализация приказа Большой казны на горнорудных делах. Однако существовавший порядок ведомственной подчиненности не позволял М.Ф.Стрешневу напрямую обращаться со своими находками в данный приказ. Он должен был общаться только с Сибирским приказом. Последний передавал для экспертизы присланные образцы породы и результаты опытов, проведенных на Верхотурье, в приказ Большой казны. После обследования письменное заключение присылалось в Сибирский приказ.

В приказе Большой казны имелись свои мастера — рудознаты и плавильщики, но это по-прежнему были иностранцы. Так, верхотурскую руду, присланную М.Ф.Стрешневым, исследовали водовзводный мастер Христофор Головей и плавильщик англичанин Рыцарь (Ричард) Штиль. В 1644 г. Х.Головею поручались поиски серебряной руды [21].

Как свидетельствуют факты, логика службы в приказе Большой казны предполагала непосредственное участие приказных дьяков в разведках рудных месторождений. Так, 1 мая 1642 г., будучи дьяком этого приказа, Назар Чистой был послан на поиски золотой руды в Тверь с боярином князем Б.А.Репниным и Ф.В.Клепиковым-Бутурлиным [22]. По свидетельству П.Марселеса, Н. Чистой побывал в Казани и других местах, а «для опыту всяких руд» с ним ездил иноземец Петр Мартинов [23]. Скорее всего, эти поездки состоялись в первой половине 40-х гг., так как с января 1647 г. он уже возглавлял Посольский приказ [24].

На 30 — 40-е гг. приходится интенсивное обследование отрядами землепроходцев районов Восточной Сибири и Приамурья. Участники походов разведывали пути сообщения, собирали сведения о пушных богатствах края, полезных ископаемых, местном населении, возможностях организации пашенного земледелия. О необходимости сбора такой информации говорилось и в царских грамотах местным воеводам.

О находках серебряных руд сообщали руководители отрядов Максим Перфильев (р.Шилка, устье р. Уры, р.Витим. 1640 г.), Василий Подрков (р.Зей. 1643 г.), Иван Похабов (Братский острог, оз.Байкал. 1644 — 1648 гг.), Петр Бекетов (р.Шилка, оз.Иргень. 1653 г.). Но лишь в конце 70 — 80-х гг. были найдены промышленные залежи серебра и построен сереброплавильный завод в Нерчинском крае [25].

Во второй половине XVII в. произошли коренные изменения в социально-экономической жизни и внутривластном развитии России. Перемены проявились и в промышленной политике государства. Стала активнее использоваться частная инициатива в поисках серебра, золота, меди и в разработке последней.

Первым важным шагом на этом пути была передача казенного Пыскорского медеплавильного завода Тумашевым. Родоначальнику этой династии принадлежала честь открытия сырьевой базы для данного завода в 1633 г., с тех пор Александр Иванов вместе с сыновьями работал здесь плавильщиком. В 1648 г. казенный завод был закрыт в связи с истощением месторождений и пожаром. В такой ситуации государство с большой выгодой для себя пошло на передачу завода в частные руки и переложило все расходы по восстановлению производства на предприимчивых Тумашевых. При этом сохранялась государственная монополия на конечный продукт. Всю медь заводладельцы должны были поставлять в казну по заниженным ценам. Продукция сдавалась ценовальникам в Соли Камской и шла на местный рынок (не известно вся или только часть). Царской грамотой Тумашевы и мастеровые люди были выведены из-под юрисдикции местных властей. Завод просуществовал до 1656/7 г. [26].

Следующим шагом в ослаблении государственной монополии на поиск и производство меди явилось разрешение посадскому человеку Алексею Тихоно-

вичу Жилину организовать медеплавильное дело в Енисейском уезде на условиях оброка. К этому времени он уже имел слюдяной промысел в этих же местах. Обнаруженная им в 1658 г. руда оказалась хорошего качества. На этот раз центральная власть не ограничилась только разрешением, но и оказала содействие. На заведение производства из казны было выделено 500 руб., из Соликамска был прислан плавильщик Даниил Михайлов. Воеводам предписывалось оберегать А.Жилина от всяких обид и защищать от набегов местных князьков. Со своего дела он должен был поставлять в казну десятый пуд меди. Также А.Жилину предоставлялось право поиска руд в других местах, но он был обязан сообщать воеводам о своих находках и предоставлять им образцы руд для отправки в Сибирский приказ [27]. Таким образом, во второй половине XVII в. на производство меди были распространены традиционные условия оброчных промыслов.

С конца 60-х гг. государство разрешило заниматься поисками медной руды и строительством частных медеплавильных заводов иностранцам. Первыми заинтересовались медеплавильным делом отец и сыновья Марселисы. В 1669 г. на государственных землях в Олонецком уезде Христиан Петрович Марселис и Еремей Фандергатен нашли два месторождения меди. Они же посылали искать руду в Фоймогубскую волость Олонецкого уезда рудоискателя Ивана Пульмана. Тремя годами раньше, в 1666 г., новгородский гость Семен Гаврилов и плавильщик Денис Юрьич (Кильбургер называет его голландцем Денисом Иовисом, служившим прежде при шведских рудниках) обнаружили медную руду и организовали ее выплавку в Толвуйской волости Олонецкого уезда. В 1669 г. глава семейства Петр Марселис обратился к царю с просьбой о выдаче привилегии ему и его сыну на разработку медной руды в Олонецком уезде и в Заонежье. [28].

В деле № 12 из фонда № 151 «Дела о горных промыслах и заводах в России» (РГАДА) нами найден интересный документ — записка с предложениями по развитию медеплавильного дела в России на основании анализа иностранного опыта. К сожалению, оказались утраченными начало и конец источника, листы перепутаны с другими документами. По почерку и содержанию удалось выявить 6 листов этой записки и восстановить их последовательность (лл. 31, 12, 14, 15, 16, 13). В сохранившемся тексте нет указания на авторство и дату составления документа.

Скорее всего, записка была написана в 1669 г. В ней есть фраза: «В Московском государстве в розных *четырёх* местах медная руда обьявилась и серы горячие много». Как отмечалось выше, в 1669 г. были известны три месторождения меди в Олонецком уезде. В 1668 г. Леонтий Петрович Марселис привез с Цильмы образцы медной руды — четвертое месторождение [29]. К этому времени в Прикамье и Казанском у. медные жилы были уже исчерпаны [30].

Есть основания предполагать, что автором записки был Петр Гаврилович Марселис, и она имеет прямое отношение к стремлению семейства Марселисов получить разрешение на строительство медеплавильных заводов в Олонецком крае. Вряд ли в это время в России были кроме них специалисты по организации заводов такого высокого профессионального уровня.

П. Г. Марселлис (1602 — 1672 гг.), датский купец, приехал в Россию в конце 30-х гг. XVII в. В 1639 г. вместе с тестем Филлимоном Акемой он вступил в компанию А.Д. Виниуса по строительству Тульских заводов. В 1644 г. они получили разрешение на заведение железных заводов собственными средствами на Ваге, Шексне и Костроме «или где инде приищут на наших великого государя порозжих, а не монастырских и не поместных землях» с 20-летней льготой. А.Виниус из компании был вытеснен. К 1662 г. П.Марселлис и Ф.Акема основали еще 2 завода к 5 уже существовавшим, в этом же году компаньоны разделились [31]. В 1643 и 1665 гг. П.Марселлис выполнял ряд дипломатических поручений в Дании.

За долгие годы жизни в России он прекрасно изучил русскую внешнеторговую практику и счел необходимым обратиться к правительству с предложениями по развитию торгового дела. В связи с этим Петром Гавриловичем были поданы в Посольский приказ две записки: первая — в 1667 г., частично учтена А.А.Ордын-Нащокиным при составлении Новоторгового устава; вторая — в 1668 г., содержащая критику последнего документа в плане ограничений торговли иностранными купцов [32].

Хотя эти две записки и упоминая выше о развитии медеплавильного дела 1669 г. преследовали различные цели и касались разных сфер экономики, тем не менее у них есть общее — они отражают развитие идей меркантилизма в России. Все эти документы касаются поиска государственной прибыли через сферу обращения, нацелены на привлечение в страну возможно большого количества серебра и золота из-за границы. В документах 1667 г. и 1668 г. были предложены меры, которые должны были расширить возможности иностранных купцов торговать на ефимки (серебро), что позволило бы, по мнению П.Марселлиса, увеличить выпуск русских серебряных денег. Предложения 1668 г. были отвергнуты российским купечеством [33].

Записка 1669 г. также основана на посылке, что источник богатства — внешняя торговля. Этот документ ярко отражает идеологию позднего меркантилизма — интерес к развитию промышленности, производящей продукцию, экспорт которой приносит стране избыточное количество денег по сравнению с тем, сколько они стоят. Это означало, что государство, обладавшее такой промышленностью, имело возможность участвовать в присвоении продуктов золотых и серебряных рудников других стран [34]. Именно таким производительным производством, по мнению П.Марселлиса, являлось металлургическое дело (в частности медеплавильное).

Обращаясь к царю в 1669 г., он писал: «Нельзя, государь, того прибыльнее быть Российскому государству, как бы дал Бог розные рудяные заводы. А обявы Бог дал в розных местах и от розных бы заводов Российское государство богатело. А как бы, государь, в Свие не розные были заводы — серебряные и медные, и железные, и сера горячая, не столь бы богата была. А на всякой, государь, год из Свийской земли вывозят в розные государства по 70000 берковец железа да меди по 20000 берковец с лишком, а за то железо и медь привозят из иных государств доброе серебро и золото и всякие дорогие товары, потому Свейская земля и богата и воинских людей держат,

потому много имеет... А как бы, государь, в Московском государстве всякие заводы были, и иноземцем бы какие русские товары понадобились и оне б, так же как в Свейской земле и в иных государствах, за медь и за железо, за московские товары стали б привозить серебро и золото и иные дорогие товары. И от того б Московское государство стало богато».

Практические предложения П.Марселиса базировались на его богатом опыте заведения железоделательных заводов. Проанализируем, как эти предложения нашли отражение в промышленной политике 70 — 80-х гг. XVII в. и были развиты Петром I. Предлагавшиеся меры можно разделить на две группы: геологоразведка, организация заводов и управление производством.

В основе предложений П.Марселиса по проведению поиска руд лежал уже давно использовавшийся метод — получение сведений о рудных проявлениях от местного населения. Автор записки считал необходимым упорядочить это дело в общероссийском масштабе. Предлагалось послать царские грамоты во все города и уезды к воеводам и приказным людям, чтобы они «накрепко заказали» попам, старостам и целовальникам, а те, в свою очередь, крестьянам «накрепко досматривать» у рек, в оврагах и гористых местах, где отмыто или вырыто, незнакоимые камни и песок, а также «крепкие глины».

Обнаруженные признаки крестьяне должны были приносить местной администрации. А воеводы и приказные люди подробно выясняли бы толщину рудного слоя, место залегания и «обнадеживали» бы изветчиков государевым жалованьем. Распросные речи и образцы породы (не меньше пуда) срочным порядком высылались бы в Москву. Марселисы были готовы оказать государю услуги по проведению опытов в столице и дать заключение о рентабельности месторождения. Предлагалось широко оповестить о вознаграждении за поиски руд, а также назначить вознаграждение «по рассмотрению» попам, старостам и целовальникам за радение.

Подобная царская грамота была отправлена в Тобольск воеводам И.Б.Репнину и И.Ф.Щербатову, дьякам М.Чирикову и Ю.Блудову в январе 1671 г. Кроме жалованья, нашедшим руду обещался перевод «из малых чинов в первую статью», а если это будут ссыльные люди, то им «вины их будут отданы». Указ был ответом на сообщение тобольских воевод о находках серебряной руды старцем Лотом Исетского монастыря и тобольским служилым татаринном А.Куламаметовым [35]. Таким образом, этот документ был связан с конкретными обстоятельствами и носил локальный характер.

Лишь после создания приказа Рудных дел 2 ноября 1700 г. был подписан именной указ о розыске всеми желающими различных руд и награждении открывших месторождения [36]. Согласно указу местные власти были обязаны провести первоначальный осмотр местности, объявленной в извете, составить описание и отправить его вместе с образцами руды (два пуда) в приказ Рудных дел. В Берг-привилегии 1719 г. устанавливались разные размеры вознаграждения за находки промышленных месторождений меди и серебра [37].

В записке 1669 г. П.Марселис касался важной проблемы — отношение собственников земель к находкам руд в их владениях. Он прекрасно понимал, что в связи с монополией государства на недра последние боялись потерять свои

земли в случае обнаружения в них месторождений. По мнению П.Марселиса, землевладельцам (боярам, дворянам и монастырям) должны быть возмещены потери земель в двойном — тройном размере. Также предполагалось суровое наказание тем, кто мешал поиску руд или скрывал находки. Эти предложения получили законодательное оформление только в Берг-привилегии 1719 г. Хотя еще в XVII в. существовала практика компенсации владельцам утраченной земли в связи со строительством казенных заводов. Например, в 1637 г. у Пысковского Преображенского монастыря были взяты земли на р.Канкарке под Пысковский медеплавильный завод. Взамен обитель получила обширную еще неосвоенную территорию между р.Мечкою и Нагаевой пустошью [38]. Согласно Берг-привилегия, владельцы земли имели приоритетное право на строительство заводов, «когда заранее о том востребуют». Если же у них не было желания этим заниматься, то они получали 32-ю часть прибыли от устроенного на их владениях производства. Предусматривались карательные меры за утайку руд и препятствование их розыскам.

Будучи хорошо знакомым с организацией металлургического производства в Европе, П.Марселис предлагал использовать зарубежный опыт в России при создании заводов. По его мнению, организацией металлургических заводов должны были заниматься специалисты («знатошные люди»). Для этого недостаточно уметь плавить руды, необходим опыт устройства «большого завода». Именно таких людей разыскивали и привлекали к заведению производства правители «Цесарской, Дацкой, Свейской и Саксунской земель». В данной записке Марселисы изъявляли готовность взять на себя роль организаторов заводов в России, «как будут великого государя жалованьем пожалованы против иных государств знамелных людей, как там те знамелные люди пожалованы». Особо подчеркивалась роль мастеров, без которых «нельзя таково дела зачинать и в знатные места ездить». Марселисы предлагали свои услуги по поиску таких мастеров в разных государствах.

Система управления производством представлялась П.Марселисом следующим образом. Заводовладелец (опытный специалист) сам формирует штат мастеровых людей и отвечает за производство. Приказчик-иноземец непосредственно контролирует технологический процесс («заводской строй») и выдает жалованье мастерам. Для «веры денежного расхода» к приказчику прикрепляются грамотный посадский человек и подьячий. Также заводом «ведает» дворянин. Но он «не вершит никаких больших дел, а токмо пишет о том к Великому государю, к Москве». Дворянин отвечает за безопасность завода, чтоб «обид от сторон не было» мастерам и работным людям, «чинит наказание» последним по челобитью приказчика. В записке доказывалась нецелесообразность поручения дворянам самостоятельной организации и управления заводом. Особо оговаривалось, что завод не подчиняется местной городской и уездной администрации.

В предлагавшейся схеме управления было опущено одно звено, которое существовало в зарубежной практике. Согласно описанию П.Марселиса, в европейских странах над заводчиком стояли «ближний боярин и думный канцеляр». Владелец завода докладывал им о заводских нуждах. «И тот боярин и канцеляр во всем знатошному (то есть заводчику) без задержки указ чинят»

и сообщают о том государю. Несомненно, это должны были быть люди знающие. Очевидно, в российских условиях П.Марселис не видел в верхнем эшелоне власти лиц, способных выполнять такие обязанностями и обладавших определенным уровнем квалификации. Лишь в 1719 г. Петром I была создана Берг-коллегия — специальный орган, ведавший заводским строительством, с соответствующими специалистами.

Ссылаясь на пример других стран, П.Марселис обращал внимание на запрет ввоза в государства, где «родится медь, и железо, и олово, и свинец, и сера горячая», этих товаров, чтобы заводладельцам не было убытка и разорения, да и деньги бы не вывозились из страны. Таким образом, поднимался вопрос о протекционистских мерах в отношении отечественных производителей.

Инициатива Марселисов по заведению медеплавильных заводов была поддержана правительством. Наверняка немалую роль в этом сыграл глава Посольского приказа А.Л.Ордын-Нащокин, талантливый дипломат, человек передовых экономических взглядов. Он был горячим сторонником государственной помощи и содействия предпринимателям, оказывал большую поддержку Марселисам в развитии металлургического производства [39]. Казна выдала заводчикам ссуду в 500 руб. на «медные заводы» [40]. Как сообщалось в челобитной Петра Петровича Марселиса и Еремея Фандергатена 1675 г., они уже были пожалованы «рудокопными делы, в Олонецком уезде, которые ведал гость Семен Гаврилов» [41]. Марселисом и Генрихом Бутенантом фон Розенбошем был построен медеплавильный завод в Фоймогубской волости Олонецкого уезда [42]. Также до челобитной 1675 г. им было разрешено проводить разведки рудных месторождений и строить медеплавильные заводы на р.Дильме, р.Пижме и в Пустоозерском уезде [43]. По сообщению Кильбургера, в 1674 г. Петру Марселису было передано управление тремя рудниками — один на Олонце, неподалеку от Онежского озера (до этого находился под управлением голландца Дениса Ювиса) и два в Кондырской области на берегах р.Мезени в 228 верстах от устья [44]. Марселисы оказались самыми удачливыми из всех желавших завести медеплавильные заводы во второй половине XVII в.

Небывалый всплеск предпринимательского интереса к поиску руд и организации заводов приходится на 70-е гг. Без каких-либо затруднений государство выдавало жалованные грамоты и удовлетворяло все просьбы желавших заниматься этим делом. Но было два обязательных условия: искать «своими проторми» (то есть на собственные средства), разработка золота и серебра — монополия государства. 24 июня 1672 г. приказ Тайных дел выдал нижегородскому посадскому человеку Ерофею Данилову Ножевникову грамоту, позволяющую искать медные и всякие руды от Нижнего Новгорода до Перми и в Пермском крае [45]. Он мог проводить разведку на любых землях независимо от их принадлежности и должен был объявлять о находках в данном приказе. В 1674 г. Ножевников с товарищами получили новые проезжие грамоты на поиски руд в Ярославском, Вологодском, Каргапольском уездах, а также по рекам Оке, Волге и Каме. Но никаких руд им найти не удалось. В 1676 г. Ножевников уже обращался за подобной грамотой в Посольский приказ.

С 1671 по 1676 гг. этот приказ возглавлял А.С.Матвеев, человек, пользовавшийся большим доверием Алексея Михайловича, личными заслугами добившийся высоких государственных постов, искусный дипломат, широко образованный, с тягой к западной культуре и ее достижениям. Он понимал происходившие в экономике России перемены придавал большое значение развитию товарно-денежных отношений, отечественной промышленности. Матвеев много сделал для упорядочения работы монетного двора, расширил торговые связи с заграницей. В мае 1672 г. по его поручению в Швецию было отправлено посольство с заданием привезти оттуда на службу «рудознатных всяких самых добрых мастеров»[46]. Он продолжил многие начинания А.А.Ордын-Нащокина, в том числе и поддержку предпринимательской инициативы в горнорудном деле.

В 1674 — 1675 гг. Посольским приказом были выданы подорожные и жалованная грамоты на поиски всяких руд и заведение медеглавных заводов с весьма широкими привилегиями переводчику этого приказа А.А.Виниусу и вологодскому торговому человеку Я.Г.Галкину [47]. В 1674 г. А.Виниус вернулся из служебной поездки по европейским странам и привез из Испании образцы золотой и серебряной руды. По сведениям Галкина, подобную руду привозили из Пензы. И Виниус с Галкиным отправились на поиски. В жалованной грамоте не оговаривался район их деятельности, она была адресована «по городам боярам и воеводам и дяком и всяким приказным людям» и говорилось, что Виниус с товарищами послан «по всем городам и уездам»[48]. Хотя участники экспедиции заявляли, что они будут искать руду своими проторями, однако в челобитной Виниус отмечал, что они надеются на милость государя и их расходы будут покрыты после обнаружения руды. Также он просил «учинить придачу» к его поденному жалованью и выдать кормовые деньги вперед на два года. Жалованье Виниуса составляло 4 гривны на день, это был единственный источник его существования, поместья он не имел. Последовало распоряжение — выдать ему кормовых денег на год вперед. Петр Петрович Марселис (после его смерти брат Христиан Петрович) и Е.Фандергатен, явно встревоженные деятельностью Виниуса и Галкина, попросили в июле и августе 1675 г. выдать им такую же подорожную грамоту на поиски руд на р.Цильме, р.Пижме, р.Мезени в Пустоозерском уезде (хотя разрешение на работы в этом районе они имели раньше) и торопились отправить в эти края своих мастеров[49].

В сентябре этого же года обратились в Посольский приказ с просьбой выдать такую же подорожную, как у Виниуса, еще две группы поисковиков. Авторами первой челобитной были поп Успенской церкви на Москве у Нового гостинного двора Доментий Федоров Нарыков, Сергей Иванов Патрекеев, Василий Фомин Старцев, Василий Исаев Вальяшников. Вторая челобитная поступила от сыновей попа Доментия Нарыкова — стряпчего Сытного двorca Льва, Ларки и Степана, а также Фильки Лукьянова, саратовца Микитки Васильева Алмашина (Алмашик) из Казенной слободы. Все три просьбы были удовлетворены [50].

Начало деятельности Нарыковых вызвало беспокойство у А.Виниуса. К этому времени основные районы поисков месторождений были уже общеизвест-

стны. С начала XVII в. бассейн р. Камы и ее притоков регулярно привлекал внимание поисковиков. В начале 70-х гг. у государства вновь возник интерес к медным рудникам в Соликамском уезде. Грамотой от 20 января 1671 г. местной администрации предписывалось доложить в Москву о состоянии рудника у Григоровой горы, почему он был заброшен. Именно на Каму в первую очередь и устремились экспедиции А.Винниуса и Нарыковых. О том, что Нарыковы получили проезжие грамоты, Винниус узнал почти сразу (видимо, в это время находился в Москве) и подал челобитную, стремясь закрепить свой приоритет на Каме. Уже 11 ноября 1675 г. его послание было рассмотрено. В челобитной он ссылался на жалованную грамоту на назначенные рудные места, которые они «обыскали» на Каме, и разрешавшую им «впредь где какие признаки обыщут заводы заводить». Винниус сообщал, что в 1674/75 г. ездил с товарищами на Каму и нашел признаки на Каме в Камешинских горах. По сообщениям извetchиков также ими были обнаружены признаки медной и железной руд на рр. Яйве и Косье. Андрей Андреевич просил записать его явку обнаруженных мест, чтобы другие в «обысканные места не вклепались и не назвали своего приску». Челобитная и явка были записаны в книгу[51].

Однако построить в Прикамье заводы А.Винниусу и Я.Галкину не удалось. Очевидно, обнаруженные месторождения оказались нерентабельными, а может быть не хватало опыта. К тому же чтобы завести заводы «своими проторми» нужны были немалые деньги. На долгие годы А.Винниус оставил рудное дело. В 1675/76 г. он уже числился среди московских дворян, а с 1677 г. служил в Аптекарском приказе. В 1694/95 г. был назначен Петром I главой Сибирского приказа в чине думного дьяка и руководил строительством железоделательных заводов на Урале.

Нарыковы занимались поисками руд до 1678 г. [52]. Группой Домениана, Льва и Степана Нарыковых, Сергея Патрикеева в 1676 г. были найдены железные руды в Галицком, Вятском, Казанском и Устюжском уездах, а также серебряная руда в Кольском уезде и на Медвеьем острове [53]. Построить заводы им также не удалось.

Решил попытать удачи на поприще поиска руд и устройства заводов боярин князь Юрий Иванович Ромодановский. В 1676 г. он просил выдать такую же грамоту, как у Винниуса и Марселиса, и собирался послать своих людей в Казанский уезд [54]. Наверное, этот интерес Ю. Ромодановского не был случайным. В 1667 — 1671 гг. он возглавлял Пушкарский приказ, в 1673 — 1676 гг. был на воеводстве в Казани, где в 50-е гг. были найдены промышленные залежи меди и действовал казенный завод[55].

Выданные в 1675 г. подорожные грамоты представляют для нас интерес с точки зрения объема предоставлявшихся поисковикам-предпринимателям привилегий[56]. Они могли искать руды на любых землях, независимо от их принадлежности (раньше такое право давалось только отрядам, посланным центральными властями). Это положение нашло отражение в Берг-привилегии 1719 г. Руды, кроме золотой и серебряной, слюда, краски, «узорочное или простое пригодное каменье», найденные на государственных, вотчинниковых и помещиковых землях, по жалованной грамоте становились владением их открывателей,

которые «на тех местах» могли заводить заводы и промыслы. Но они должны были «о том о всем к великому государю писать и под отписками присылать росписи имянно в Посольской приказ». Таким образом, государство делалось своим монопольным правом на земные недра с частными лицами. Эта линия была продолжена Берг-привилегией, только в общий список уже включались и серебро, и золото.

Относительно устройства заводов в рассматриваемых грамотах прослеживается практика, уже существовавшая в отношении Тульских и Каширских заводов Марселисов и Акемы [57]. Строить заводы и сечь лес разрешалось только на государственных землях. Если возникала потребность в частновладельческих землях, то заводчики должны были договариваться с их хозяевами о найме. Специально оговаривалось, что «заводы заводить и строить и те руды плавить и ковать и делать наемными людьми своими проторми». В первой четверти XVIII в. государство поступало уже более бесцеремонно с частными владениями. Берг-привилегией разрешалось строить заводы на любых землях, но владелец земли, не желавший заниматься заводским делом, получал 32-ю долю прибыли от производства в его владениях.

На определенный срок устроители заводов освобождались от уплаты государственных пошлин и оброка. Для Виниуса, Галкина и Марселиса это было 20 лет, для Ножевникова — 15 лет. После этого срока ежегодно с каждой плавильной печи Виниус и Галкин должны были платить по 150 руб., Марселис — по 100 руб., Ножевников — по 200 руб. В Берг-привилегии пересматривалась система налогообложения заводов. Заводчики платили государству десятую часть прибыли. Если при поисках руд убытков оказывалось больше, чем прибыли, то на несколько лет заводвладелец мог быть освобожден от уплаты десятой части. Также этим документом предусматривалась выдача Берг-коллегией ссуды на устройство завода. И в XVII в. правительство иногда оказывало финансовую поддержку устроителям заводов, но это не было законодательно закреплено.

Согласно грамотам, в первую очередь, медь (также, как и железо) должна была поставляться в казну «сколько понадобится» по льготным для нее ценам. Перед торговой ценой Виниус должен был уступать 50 коп., Марселис — 25 коп., Ножевников — 69 коп. (хотя в челобитной просил 60 коп.). Оставшуюся медь они могли продавать самостоятельно, в том числе и за границу. После истечения льготных лет они должны были с продаж платить согласно Торговому уставу и оброк с оброчных земель. И в Берг-привилегии государство оставляло за собой приоритетное право покупки золота, серебра, меди и слитры по ценам, устанавливавшимся Берг-коллегией. Остальные металлы и минералы промышленник мог свободно продавать.

Ограниченный объем статьи не дает возможности остановиться подробно на поисках и находках железной руды. Этой теме посвящен ряд специальных работ [58]. Отметим лишь, что государство на протяжении всего XVII в. давало возможность заниматься железоделательным производством частным лицам в ремесленной и мануфактурной формах. Но на государственном уровне крупных мероприятий по поиску месторождений железа не проводилось. Казенные железоделательные заводы обеспечивали в основном нужды местного населения.

Таким образом, во второй половине XVII в. были заложены основы петровской политики по привлечению и использованию частной инициативы в горнорудном деле. В этот период стала обычной практика поддержки желающих заниматься поисками и разработкой рудных месторождений. Это касается в полной мере и железнорудного производства. Но правительственные решения по этому поводу носили частный, локальный характер. Решения принимались по прецеденту. Лишь в первой четверти XVIII в. привилегии промышленников были закреплены общегосударственным законодательством.

Однако это не главная причина того, почему в XVII в. предоставлявшиеся частным лицам возможности в большинстве случаев остались нереализованными. Государство было готово приступить к крупномасштабному заводскому строительству. Об этом свидетельствуют грандиозные поиски серебра на Южном Урале в 1669 — 1673 гг. [59]. Для успешного развития крупного заводского производства было необходимо найти промышленные запасы руд, ликвидировать технико-технологическую отсталость и иметь квалифицированные кадры [60]. Лишь при решении этих проблем было возможно начало модернизационных процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Реуваль А.А. История экономических учений. М., 1972. С. 113 — 123.
2. РГАДА. Ф. 151. № 1. Л. 1 — 17; Ф. 365. № 1. Л. 14 — 163.
3. В привлекаемых нами документах понятие «завод» также используется в значении «оборудование экспедиции для проведения опытов». Но в данном случае речь идет об организации производства.
4. РГАДА. Ф. 151. № 1. Л. 17.
5. Там же. №№ 2; 3; 4. Л. 25 — 31; Ф. 150. № 9.
6. Забелин И. О металлическом производстве в России до XVII столетия. СПб., 1853. С. 133—134.
7. С ними поехал нижегородский служилый немецкий Юрй Гремон, так как ему «то рудовздатное и водопроводное дело и всякие снасти, которые к таким делам годны, делать за обычай» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столб. 887. Л. 246).
8. РГАДА. Ф. 150. № 2.
9. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1988. С. 85, 171.
10. РГАДА. Ф. 214. Ст. 12, 16; Оглобин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 — 1768). Ч. 3. М., 1900. С. 234, 347 — 350; Новомбергский Н.Я., Гольденберг Л.А., Тихомиров В.В.. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. Сб. 8. М., 1959; Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России. М., 1961.
11. Накануне экспедиции служил подъячим в дьячье место Государевой Мастерской палаты. После экспедиции пожалован в дьяки и назначен членом посольства боярина Ф.И.Шереметева в Польшу (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С. 431 — 432).
12. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2.
13. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. II. СПб., 1851. С.319.

14. После возвращения из экспедиции в мае 1634 г. он получил разрешение на устройство первого в России стекольного завода (СГГД. Т. 3. М., 1822. С. 351).
15. ЧОИДР. 1883. Кн. 4. С. 862, 890.
16. Материалы для истории медицины в России. Вып.1. СПб., 1881. С. 32.
17. Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. Для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 42.
18. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Оларнем. М., 1870. С. 124 — 125.
19. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 290.
20. Манькова И.А. Инициатива воеводы М.Ф.Стрешнева в поисках государевой прибыли // Проблемы истории местного управления Сибири XVI — XX веков. Материалы III региональной научной конференции, 19 — 20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 16 — 22.
21. Забелин И. О металлургическом производстве ... С. 115.
22. Дворцовые разряды. Т. II. СПб., 1851. Ст. 679 — 680.
23. РГАДА. Ф. 151. № 12. Л. 14.
24. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв... С. 569.
25. Новомбергский Н.Я. и др. Материалы к истории ... С. 54 — 55; Кузин А.А. История открытий ... С. 109 — 113.
26. Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 112.
27. Кузин А.А. История открытий... С. 67 — 68.
28. Там же. С. 62 — 63.
29. Там же. С. 61.
30. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С.293 — 294.
31. Крепостная мануфактура. Т. 1. Л., 1930. С. 277 — 290; Заверская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI — XVII веков. М., 1970. С. 352 — 370.
32. Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 года // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 102 — 126.
33. РГАДА. Ф. 151. № 16.
34. Реуэль А.Л. История экономических учений... С.116.
35. РГАДА. Ф. 214. № 837. Л. 112 — 113.
36. ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. С. 79 — 80.
37. Там же. Т. V. СПб., 1830. С. 761
38. Дмитриев А. Пермская старина. Вып.2. Пермь, 1890. С. 104.
39. История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. М., 1955. С. 240 — 246.
40. Любомиров П.Г. Очерки по истории... С. 285.
41. ДАИ. Т. VI. СПб., 1851. С. 165 — 166.
42. Кузин А.А. История открытий... С. 63.
43. ДАИ. Т. VI. С. 165 — 166.
44. Корнилович А. Известие об успехах промышленности в России, и в особенности при царе Алексее Михайловиче // Северный архив, 1823. Ч. 5. № 1. С. 61.
45. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 308. Приказ Тайных дел был создан в 1654 г. и одной из его функций стала организация помесковых экспедиций. Так, например, этот приказ руководил экспедициями В.Шпилькина, Р.Неплюева и др.
46. История экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. С. 222 — 223; История государства Российского: Жизнеописания. XVII век. М., 1997. С. 219.

47. ДАИ. Т. VI. С. 158 — 165.
48. РГАДА. Ф. 151. № 126.
49. ДАИ. Т. VI. С. 165 — 167.
50. Там же. С. 167 — 168.
51. Там же. С. 168 — 169.
52. РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. № 38.
53. Кузин А.А. История открытий... С. 28.
54. ДАИ. Т. VII. СПб., 1859. С. 53.
55. Любомиров П.Г. Очерки по истории... С. 293.
56. ДАИ. Т. VII. С. 53 — 57.
57. Крепостная мануфактура... Т. 1.
58. Любомиров П.Г. Очерки по истории... ; Кузин А.А. История открытий ...; Звозерская Е.И. У истоков крупного производства...
59. Курлаев Е.А. Поиск серебряной руды на Южном Урале в XVII в. // Урал в прошлом и настоящем. Тез. докладов конференции. Екатеринбург, 1998. Ч. 1.
60. Курлаев Е.А. Металлургические заводы Урала XVII — начала XVIII в. (организационный и технологический аспекты). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

BY THE ORIGINS OF THE RUSSIAN MODERNIZATION

The article examines the formation of the state industrial policies through the case of ore mining. By way of analysing the evolution of legislation and practices, the author argues that the reforms taken at the first quarter of the XVIIIth century were organic results of developing the ideas and undertakings of the previous century. The author's viewpoint is that as early as the second half of the XVIIIth century the fundamentals of Peter the Great's policies had been laid down together with using mechanisms of attracting and utilizing the private initiatives in search of ore deposits and working them. However, the opportunities given to the private searchers in the XVIIIth century proved in most cases to be unrealized. Some attempts to organize large state-owned works construction were unsuccessful, too. The main reason for the general failure of all undertakings is seen in lacking any ore discoveries of industrial scale, more sophisticated technologies and skilled labour force.

I.L.Man'kova

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ (ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ в 20 – 30-е гг. XVIII в.)

В общем модернизационном процессе России выделяют две определяющие его особенности. Во-первых, традиционно привлекающая внимание исследователей доминирующая и иницирующая роль государства: всецелое господство в экономике и общественной жизни в эпохи мирного, эволюционного развития и «революции сверху» в переломные моменты истории. Во-вторых, серьезные региональные различия: противоречия в социально-экономическом и культурном развитии во времена стабильности и скрытое или даже открытое противостояние, усиление центробежных тенденций в эпохи внутренних кризисов.

Применительно ко второй позиции необходимо обратить внимание на то, что конгломерат народов, типов цивилизаций, объединенных мощным государством, был присущ все же для доиндустриальной эпохи; в дальнейшем понятие «региональный момент» включало скорее конгломерат типов территориального социально-экономического развития [1]. В этой связи весьма любопытной представляется именно эпоха зарождения индустрии России и, в частности, ее ключевой момент — период форсированного строительства казенных горных заводов на Урале в 20 – 30-е гг. XVIII в. Формы и особенности этого явления (которое, несомненно, требует более серьезного определения, нежели «петровская индустриализация» и т.п.) в масштабах страны послужили отправной точкой периода «новой истории», а на местном уровне стали началом процесса регионоформирования — впервые в России.

В первые 20 лет века на Урале обозначилась не более как тенденция регионального развития: строительство заводов ни организационно, ни технологически не выходило за рамки традиционализма XVII в. Впрочем, уже тогда стала очевидной «небуржуазность» процесса зарождения горной промышленности края: базовый завод Демидовых — Невьянский был ими не выстроен, а приватизирован; не только не появилось новых фамилий заводладельцев (Федор Молодой с его Мазуевским заводом — просто яркое исключение), но и сколько-нибудь заметные заводские компании крестьян и разночинцев обычно держались не более пяти лет и исключительно за счет государственной поддержки. Крестьянские и разночинские заводы середины и конца 1710-х гг. (Романовский, Шувакишский) и начала 1720-х гг. (Истекаевский, Толмачевский) были, по нашему мнению, предприятиями самодостаточными, не товарными.

В принципиально иных формах и темпах процесс промышленного освоения края пошел после учреждения в 1720 г. Уральского горного управления* и особенно по вступлении в его руководство В.И. Генина в 1722г. Во времена Генина строилось в среднем в год по казенному заводу, сразу по его отъезде были выстроены Гороблагодатские заводы (Кушвинский и Туринский) — базовые предприятия казенной черной металлургии. Возникший за рамками

* Здесь мы придерживаемся последнего названия.

традиционных административных структур (воеводского управления и системы Сибирского приказа) новый орган — по своей разновидности распорядитель типа автономна [2] с самого своего основания обладал властными полномочиями и субординативно приравнивался губернской канцелярии, а его руководитель — губернатору. Территориально его объект управления и явился формируемым регионом вне зависимости от сложившейся административной сетки, а так называемое Екатеринбургское ведомство — «горнозаводская провинция» в составе Сибирской губернии — имело черты ядра формировавшегося региона. Первую же серьезную неудачу казенной промышленной экспансии (незавершенное строительство Иковского и Табынского медеплавильных заводов в 1736 — 1739 гг.) можно, по-видимому, считать верхней границей эпохи форсированного строительства. Официальный отказ от строительства означал объективную невозможность автоматического переноса наработанного опыта на территории с иными реалиями (лесостепная зона Южного Урала) и одновременно знаменовал собой старт альтернативного пути промышленной колонизации неосвоенных земель (поддержка заводчиков-купцов со средним достатком, в данном случае, сначала Семена Иноземцева, а затем Мясникова и Твердышева).

С технологической точки зрения для изучаемого периода были характерны следующие особенности: в черной металлургии — массовое строительство и реконструкция имевшихся домен по европейскому типу с круглым сечением и узким колошником (при том что первая подобная домна на Урале появилась лишь в 1717 г.); в передельном производстве — освоение не менее пяти новых типов вододействующих молотов (вместо единственного «боевого» до 1722 г.) и разработка других приспособлений механической обработки металла (вододействующие клещи, ножницы, сверлильные станки и т.п.); в цветной металлургии (которая, собственно, рождалась в этот период) — освоение четырех циклов медной плавки. Мощность вододействующего оборудования (в том числе доменные и горновые меха) определялась, однако, не усвоением европейской технологии, а совершенствованием русской традиции плотинного строения, неизбежной в условиях местного климата и особенно результативной благодаря приписной системе.

Формирование массового слоя приписного крестьянства также соотносится с эпохой форсированного строительства заводов и знаменует появление в России уникальной категории населения, единственной, законодательно включенной в общественное производство. Другое принципиальное отличие приписных от других групп крестьянства — очевидная трансформация их общины из территориальной в «территориально-производственную» (качественно новый момент в русском обществе вообще), хотя очевидность принципиального отличия традиционной и новой общин заметна лишь с середины 40-х гг. века, с упорядочением выплат за переработку сверх подушного оклада. С появлением у приписной общины денег ей становится по силам свалить в судебном порядке не устраивавшего ее заводского управителя. А в 1767 г. выборы депутата от Екатеринбургского ведомства в Уложенную комиссию (в чистом виде по территориально-производственному принципу: заводы идут за уезды) и поучительный случай с депутатом Ермаковым [3] демонстрируют не более и не менее как

формирование политической культуры уральских приписных. Лет за сто до зачатков чего-либо подобного в крестьянской среде России здесь появляется осознанное стремление не к бунту, бегству или челобитью, далее чего не шли и не могли пойти иные группы крестьянства (причем о крепостных Европейской России здесь и речи нет), но к вхождению в законотворческую структуру, к влиянию на законодательство и прямой расчет на сотрудничество с иными сословиями и на поддержку власти.

Этот пример позволяет проследить пути развития предложенной в начале века модели экономико-юридического подчинения государству формально не потерявшей свободы личности. В этой же связи показательно и традиционное требование приписных в случаях приватизации казенных заводов — отказ работать на нового хозяина, а не на монарха.

Вообще в рамках концепции «догоняющей модернизации» процессы усвоения элементов чужой (либеральной) культуры и эволюция на основе саморазвития [4] неизбежно ведут к выяснению возможностей адаптации личности к новым условиям.

Для Урала рассматриваемого периода знаменательно появление нового типа личности, особенно в среде горных офицеров, отчасти и среди мастеровых — человека осознанно работающего на государство: не воюет или служит, как прежние дворяне, но именно трудится, как интеллектуально, так и физически, за деньги (наверняка зная о почти неизбежной задержке выплаты окладного жалованья) и ради должностного продвижения. Характерно в этом смысле появление делопроизводственного оборота «ради казенного ЕИВ интереса и всенародной пользы». Характерно также, что пока новая система ценностей еще не утвердилась в массовом сознании, а старый патриархальный быт уже оказался разрушен, на горнозаводском Урале начинается подлинное алкогольное бедствие — отнюдь не частный момент в 20 — 30-е гг. XVIII в.

В появлении «нового человека» — не аскета, но трудоголика, сыграло, вероятно, свою роль и привнесение контрактерами протестантской трудовой этики, однако переоценивать это не следует. Во времена Геннина на казенных заводах работало чуть больше 10 контрактеров, сам он, вопреки укореняющемуся мнению, относился к ним с известной долей скепсиса и уже в начале 30-х гг. полностью отказался от активной контрактации горных специалистов (другое дело, что ключевой пункт всякого контракта «бесскрытно и по чистой совести» обучить четырех русских учеников за 2-3 года, то есть за первый же срок его, выполнялся неукоснительно). С середины 30-х гг. даже несмотря на самую мощную волну контрактной «иммиграции» (50-60 чел.) на переданные во владение Шембергу Гороблагодатские заводы и учреждение особого контрактерского органа — Экспедиции свидетельства казенных заводов, иноземцы работали почти исключительно берг-гауэрами и штейгерами на рудниках, и кроме собственно Экспедиции не входили в заводское руководство. Фактически надобность в них уже отпала, они стали занимать далеко не самые престижные участки горнозаводского хозяйства и на карьерное продвижение могли рассчитывать, лишь сменив подданство. Тем не менее использование европейских цивилизационных ценностей (производственная орга-

низация и промышленные технологии) системно началось именно на Урале в 20 — 30-е гг. XVIII в. Прежнее заинтересованное знакомство России с европейской культурой, условно начавшееся с московской Немецкой слободы, носило традиционный характер (кутцы, дипломатия, военные наемники и т.п.), характер эпизодов (иноземцы на Каширском заводе под Тулой и Пыскорском заводе на Западном Урале в XVII в.) или исторических случайностей (наплыв пленных шведов в 1710-е гг.).

Рассматриваемый период на горнозаводском Урале привлекателен для исследователя также тем, что здесь и тогда сложилась редкая для России ситуация единства двух составляющих государственной системы (по Н. Моисееву — экономико-политической и управленческой [5]), просуществовавшая по крайней мере до середины 50-х гг., до начала массовой приватизации, когда цели казенной промышленности перестали быть одновременно и жизненными задачами валежелявших ее горных офицеров и чиновников. Тем не менее, даже за столь короткий срок слой горных управленцев приобрел черты самовоспроизводящейся, самообучающейся системы: маркшейдерские, механические, пробирные, геодезические и лесных надзирателей ученики, набираемые из выпускников заводских школ. В общей исторической перспективе это означало рождение русской технической интеллигенции, а в исторической конкретике примером эффективности системы явились прикладная разработка и практическое внедрение нового источника энергии — как раз в те годы, когда в Европе еще только грезили о паровых машинах в промышленности.

В экономике показателем эпохальности преобразований может служить многоукладность, сосуществование противоречивых типов территориального развития, крайняя степень насыщенности ими ограниченной территории (и это в условиях процесса ретноформирования). Для образного представления, в современной Свердловской области (считая северной границей район Кушвы — Нижнего Тагила) можно выделить следующие типы:

- 1) земли коренного населения с полным по тогдашним меркам (башкиры до восстания 1735 — 1740 гг.) или частичным (татары-мещеряки, марийцы) самоуправлением;
- 2) традиционное феодальное землевладение (вотчины Строгановых, вотчины Верхотурского Успенского и Невьянского Знаменского монастырей), где новые реалии — строгановские заводы — внедрялись, но не определяли тотально развитие территорий;
- 3) общегосударственные административно-территориальные образования (Верхотурский и Тобольский уезды Сибирской губернии, Соликамская провинция Казанской губернии) с преобладанием земель государственных или черносошных крестьян, дворянских земель;
- 4) то же, но с новыми реалиями, довлеющими в развитии территории (Кунгурский уезд Казанской губернии); массовые рудопромышленные крестьянские, посадские, татарские компании для снабжения за плату рудой казенных и частных заводов, а также и массовая приписка государственных крестьян;

- 5) территориально-хозяйственный частновладельческий комплекс, развившийся из пожалованного земельного владения и формировавшийся на основе металлургического производства («ведомство Акинфия Демидова»), прообраз частного горного округа;
- 6) принципиально новое административно-территориальное образование (Екатеринбургское ведомство), первый опыт экономического районирования в России, государственный территориально-хозяйственный комплекс в административных границах, прообраз казенного горного округа.

Черты «классического протоиндустриального» развития по восходящей (артель — мануфактура — фабрика) можно увидеть в Кунгурском уезде, чему способствовал характер залегания тамошних медных руд («гнездовой»). Оно началось по крайней мере в 1710-е гг. и сохранилось, хотя и в видоизмененной форме, на протяжении всего века. После скорой деградации малых плавильных заводов рудопромышленные компании превратились здесь в неотъемлемую часть общего горнозаводского хозяйствования зоны. В рамках прочих выделенных типов развитие индустрии шло «классическим российским» путем — «сверху». Казенные и частные заводы определяли здесь экономическую и общественную жизнь; отнюдь не запретительные меры, а обрезки полосового и «баутного» (пруткового) железа, шедшие на свободную продажу как сырье для частных кузниц, уже к началу 30-х гг. полностью задавили старинные крестьянские доменки.

При всей активности процесса регионоформирования Уральское горное управление стремилось не к делимитации подведомственной территории (и уж тем более не к политической автономии), а к экономической самостоятельности территориально-хозяйственных образований (и на зональном, и на районном уровне), а на региональном уровне — к созданию механизма регуляции и мобилизации экономики с перспективой развития его в средство воздействия на экономику всей страны. Так, нереализованный татищевский проект Екатеринбургской ярмарки на последнем этапе предполагал создание общегосударственного ярмарочного «ритма»: Макарьевская ярмарка (июль) — Екатеринбургская (ноябрь-декабрь) — Ирбитская (январь-февраль) — ярмарки в сибирских городах (весна-лето). Очевидно также стремление к расширению подведомственной территории за счет активной промышленной колонизации (направление, в том числе инициативное, горных кадров на Крайний Север и Дальний Восток империи от Северной Двины до Камчатки). В годы башкирского восстания и Оренбургской экспедиции эта политика трансформировалась в политику колониальной войны в чистом виде (Комиссия Башкирских дел в составе Управления, организация «башкирских походов» и прежде не мыслимая поддержка переселенческой инициативы приписных). Удаление препятствия в лице прежде практически равных соперников привела и к устранению противоборствующей «цивилизации» на Южном Урале; отныне восстания башкир были всего лишь бунтами побежденных.

Рассматриваемая эпоха — одна из самых ярких в истории Урала и, по нашему мнению, содержит ключ к пониманию многих процессов и явлений не только края, но и всей страны. Современная Россия началась здесь и тогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенникова П. Феномен России // Наука и жизнь, 1996. № 11. С. 41.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. М., 1983. С. 146.
3. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965. С. 355.
4. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993. № 7. С. 4.
5. Моисеев Н. Десятилетние годы. Взгляд и вопросы на рубеже веков // Наука и жизнь, 1998. № 10. С. 3—4.

ON THE TERRITORIAL PATTERN OF MODERNIZATION (THE MINING URALS IN THE 1720s—1730s)

The article looks at the epoch of the forced construction of the mining works in the 1720s—1730s as the turning point in the Urals' history. Distinctive types of the territorial development are picked out within the area. The influence of the European experiences upon the production organization and industrial technologies is also displayed. The author comes to the conclusion that the epoch under consideration is seen as the starting point of the *modern history* of Russia.

N.S.Korepanov

ТЕХНОСФЕРА УРАЛЬСКОЙ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Модернизация как общемировой процесс перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному, начавшись в Западной Европе, постепенно захватывала одну за другой «периферийные» страны, интегрируя их в общемировой модернизационный поток. Будучи комплексным явлением, охватывая все сферы жизни общества — экономику, социальные отношения, политику, право, культуру, модернизация проявилась прежде всего в «обновлении» техносферы в развитии тяжелой промышленности (металлургии, топливной, машиностроения), в успехах машинной индустрии, развитии транспорта и коммуникаций в расширяющемся участии в мировом хозяйстве. В России модернизация проходила с запозданием, имела «догоняющий» характер, получала импульсы развития от ушедших вперед стран Запада, приобрела скачкообразный вид, когда ее отставание от западных стран то сокращалось, то увеличивалось. Существенной особенностью российской модернизации было активное вмешательство в экономическую жизнь страны со стороны государства, его абсолютистского правительства, в целях наращивания военного могущества, энергично насаждавшего «сверху» крупную промышленность и связанную с ней инфраструктуру.

В черной металлургии ввиду особенностей производства модернизационные процессы начались раньше, чем в других отраслях промышленности, еще на мануфактурной стадии ее развития. Основа черной металлургии — чугуноплавильное производство — представляет химическую реакцию, автоматически протекающую в сосудистых системах (анклавах, печах и т.п.). Человеческий труд, а также заменяющие или облегчающие его механизмы и машины, требуются здесь только на вспомогательных операциях (загрузка рудой, углем, флюсами; поддержание хода металлургического процесса; разгрузка, транспортировка). Возможность массового, поточного выпуска продукции в больших масштабах в чугуноплавильном производстве достигается не путем внедрения системы машин, а за счет расширения емкости химической аппаратуры и перехода от прерываемого, периодического к непрерывному течению химических реакций в металлургических агрегатах.

Качественным скачком, настоящей технической революцией в черной металлургии стал переход от получения металла в сыродутных «домницах» к выплавке чугуна в доменных печах. Домницы имели небольшой объем (их высота была около одного метра), действовали периодически, после изготовления каждой крицы они разламывались, дутье было ручное, производительность невелика (до 6 пуд. в сутки). Выплавка чугуна в доменных печах большого объема (высотой в 8,5–9 м и более и введение более мощного дутья с помощью мехов, приводимых в действие водяными колесами, в сочетании с использованием водяных двигателей для механической проковки криц под «вододействуемыми» молотами и выполнения других операций с расплавленным и раскаленным ме-

таллом дали огромный рост производительности труда и позволили резко увеличить объем выпускаемого металла. Суточная выплавка доменных печей на Урале в начале XVIII в. превышала продукцию домниц в 120 раз, а затраты труда в железодельном производстве на металлургических заводах были раз в 7 меньше, чем в ручном производстве[1].

Уральская черная металлургия, возникшая в начале XVIII в., создавалась сразу на технической базе доменного производства. Быстрому развитию на Урале металлургической промышленности, появлению в регионе большой группы крупных по тому времени чугуноплавильных и железодельных — «доменных» и «передельных», молотовых — заводов способствовало существование в крае пригодных для промышленной колонизации огромных массивов незаселенных «пустопорожных» земель; исключительное богатство региона высококачественными, почти повсеместно залегающими железными рудами; обилие дремучих, девственных лесов, служивших топливной базой тогдашней металлургии; возможность использования гидравлической энергии многочисленных небольших горных рек и речек; удобные для транспортировки готовой продукции в центральные районы страны судоходные реки (Чусовая, Уфа, Белая, Кама, Вятка и др.). Оценивая природные ресурсы вновь осваиваемого края, В.И.Геннин в 1724 г. в одном из своих первых писем с Урала, адресованном Петру I, писал: «Понеже удивительно, что здесь бог определил таковы места, что рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно...»[2].

Важную роль сыграла покровительственная промышленная политика правительства, возможность обеспечить заводы рабочими кадрами за счет применения феодально-крепостнических, принудительных методов: переселения из Центральной России крепостных крестьян и мастеровых, приписки к заводам государственных крестьян, присылки на них солдат, рекрутов, преступников, бродяг и т.п., а также санкционирование правительством приема на заводы беглых, раскольников и др. Богатая материальная база и обеспеченность рабочей силой позволили создать на Урале в XVIII — первой половине XIX в. мощный металлургический район, занявший видное место в мировой металлургии черных металлов.

Возникшие в XVII в. на Урале первые железодельные заводы — Ницинский («Невьянское рудное и железное дело») и Красноборский казенные, братьев Тумашевых на р.Нейве, Железенское поселение Далматовского монастыря на р. Каменке — были очень небольшими (на Ницинском в 1630-х гг. было занято 16 крестьянских семей, на заводе братьев Тумашевых в 1671 г. — 23 чел.). Железо на них выплавлялось в «домницах» — сыродутных горнах, крицы проковывались вручную. Эти заводы не имели гидротехнических установок, их производительность была ничтожной (0,5–3 тыс. пуд. железа в год). По сути это были кустарные предприятия, еще не достигшие стадии заводского производства, не поднявшиеся на технико-организационный уровень металлургических заводов того времени [3].

Мелкая крестьянская железодельная промышленность (близ Кунгура, в Верхотурском уезде, у Арамильской слободы, в с.Слудке в именин Строгановых и в других местах) и небольшие кустарные железодельные заводы,

имевшиеся на Урале в XVII в., подготовили кадры рабочих, знакомых с рудоватным и железным делом, металлообработкой, накопили определенный опыт, и, безусловно, сыграли значительную роль в утверждении в XVIII в. на Урале заводской металлургии.

Уральская металлургия XVIII в. строилась уже на иной, более высокой технической базе, соответствовавшей уровню металлургических заводов, существовавших в Западной Европе (в Англии, Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Швейцарии и друица странах) и в Центральной России (в Тульско-Каширском и Олонезком районах), где давно уже действовали доменные печи, велась плавка руды на чугуи, работали вододействующие мехи, молоты и т.п. Поэтому академик Г.Миллер, проезжавший через Урал в 30-х гг. XVIII в., мог с полным правом заявить, что в этом регионе «в начале нынешнего столетия рудное дело... другой вид получило»[4].

В «благодарность» за свои услуги мелкая крестьянская железоделательная промышленность уже вскоре была раздавлена заводской металлургией. «Еще до начала у нас большого заводского дела, — писал Н.И.Колопанов, — народная кустарная промышленность наметила уже все те центры, где местные удобства способствовали развитию металлургической промышленности и где впоследствии заводское дело, возводившись по следам кустарного промысла, совершенно его вытеснило и уничтожило»[5].

ПЛАНИРОВКА ЗАВОДОВ. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Привязка к источникам гидравлической энергии, силой которой приводились в движение все основные заводские механизмы, обусловила в XVIII — первой половине XIX в. постройку всех уральских металлургических заводов в речных долинах, на берегах рек, в местах, топографически удобных для возведения плотин и создания больших водохранилищ — заводских прудов. Для строительства плотины выбирался участок, где берега реки были сближены между собой и достаточно высоки, чтобы образовать пруд, являвшийся по сути дела резервуаром для хранения воды, который обеспечивал бы водой двигатели заводов в течение всего года, а зимой не промерзал до дна.

Уральские гидростроители — инженеры и «плотинные мастера», возглавляемые в 1722—1734 гг. главным начальником уральских заводов В.И.Генниным, выработали свои особые способы сооружения плотин, приспособленные к условиям водного режима уральских рек с их бурными весенними разливами и пересыханием в летнее время. Плотины строились земляные. Использовалась глинистая земля, которая набивалась в деревянные срубы, причем полагалось предварительно вынуть «рыхлую землю» в основании плотины «до материка», то есть до твердой породы, водонепроницаемого слоя. На некоторых заводах плотины укреплялись еще деревянными «свинками» — особыми срубами, набитыми глиной, а на больших заводах облицовывались серым бутовым камнем. Поскольку такие плотины не могли выдержать сильное давление воды, они сооружались низкопорными, имели высоту не более 4—5 сажен (8,5—10,7 м), а чаще всего — только 2 сажени (4,26 м). При этом выбирали такое место,

чтобы русло и долина реки выше плотин имели небольшой уклон («плоскую ситуацию»), что ослабляло на нее напор воды. Ширина плотин была очень большой: до 30—40 сажен (64—85,3 м) в основании, 20—25 сажен (42,6—53,3 м) по гребню[6].

Все это обеспечило уральским заводским плотинам большую прочность, надежность и долговечность, многие из них (например Екатеринбургского завода и др.) сохранились до наших дней. Заводские плотины создавали большие пруды, достигавшие на крупных заводах при ширине в 2—3 версты в длину 10—15 и более верст.

Размеры плотин некоторых уральских металлургических заводов на рубеже XVIII—XIX вв. показывает табл.1.

Таблица 1

Гидротехнические сооружения уральских металлургических заводов на рубеже XVIII—XIX вв.*

Заводы	Размеры плотин, саженей**				Длина пруда, верст***
	Длина	Ширина		Высота	
		внизу у основания	уверху по гребню		
Белорецкий	250	Св. нет	12	3,5	10
Верхисетский	125	35	25	4	9
Верхнейвинский	450	40	18	4	12
Воткинский	242,5	40	20,5	5	13
Нижнетагильский	104	40	20	3,67	12
Пожевской	450	Св. нет	21	3,5	15
Рединский	75	19	16	4	9
Режевской	170	35	20	3,33	15
Чермозский	168	Св. нет	20	4	28

* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Сб. док. и материалов. Екатеринбург, 1956. С. 159, 171, 196, 220, 222, 250, 285, 287.

** Сажень равна 2,1336 м.

*** Верста равна 1,0668 км.

В плотине обычно устраивалось два «прореза» — сосновые или лиственничные срубы с задвижками для регулирования уровня воды в пруду. Один широкий до 5 и более саженей — 10,6 м и более) — «вешняжный»; «вешняк» служил для пропуска излишней воды весной при таянии снегов или летом после сильных дождей. Второй более узкий в одну сажень — 2,13 м), рабочий или «ларевый», он подавал воду в водовод — деревянный «ларь», который прокладывался во всю длину территории завода и по которому вода по разветвленной системе деревянных труб и желобов подавалась к двигательным механизмам, на рабочие колеса. На крупных заводах было несколь-

ко вешняков и рабочих прорезов (на Екатеринбургском и Воткинском заводах по 2 вешняка и 2 рабочих прореза).

Главным принципом планировочной структуры металлургических заводов было расположение производственных зданий вдоль рабочих прорезов — «ларей». Производства, требовавшие большего количества водной энергии, располагались ближе к плотине, требовавшие меньше энергии — дальше от нее. Возле плотины обычно ставился доменный цех («доменная фабрика»). Догна соединялась с плотиной мостом, по которому на колошник подвозились руда, уголь и флюсы. За доменным мехом строились кричные цеха («кричные фабрики»), далее вдоль ларя располагались «сверильные», «укладные», стальные, якорные «фабрики», за ними — кузницы, слесарные, фурмовые и т.п. В стороне от реки ставились амбары и склады для готовых изделий и разных «припасов», сараи для руды, угля и флюсов [7].

Далее на площади располагались заводская контора, жилища для администрации завода и церковь, затем деревянные одноэтажные дома мастеровых и рабочих людей. От завода, бывшего центром населенного пункта и расположенного в низине, у реки, в разные стороны расходились улицы, забегая вверх по склонам гор, окружавших заводской поселок.

В дальнейшем, с увеличением масштабов производства, подобная планировка превратила уральские заводские поселки (позднее — города) в очаги серьезной экологической напряженности. Дым и вредные для здоровья человека газы, выбрасываемые заводскими трубами, обволакивали расположенные вокруг завода дома жителей, а при отсутствии ветра заполняли всю речную долину, образуя смог. Заводские пруды, куда предприятия сбрасывали все отходы производства, свои промышленные стоки, куда стекались, особенно весной при таянии снегов со всей окружающей местности всяческие нечистоты и воду из которых жители заводских поселков вынуждены были употреблять не только для хозяйственных нужд, но и для питья, превращались в очаги распространения всяческих болезней [8].

Гидравлическая энергия на уральских заводах приводила в действие воздуходувные мехи у доменных печей и кричных горнов; поднимала и опускала 20-пудовые молоты, проковывавшие крицы и слитки железа; дробила руду и флюсы; толкла «мусор» (присыпку из угля и глины для пробивки листового железа); вращала сверильные и обтачивающие станки, валки «плоских» (прокатных) машин, режущие диски железорезок; двигала рычаги, вытягивавшие проволоку; передвигала лесопильные рамы, производившие «ростирку тесу на пильных мельницах» и т.п. [9]

В создании гидротехнических двигателей уральские инженеры и техники добились значительных успехов, создав надежные и экономичные установки, использовавшие технические достижения западноевропейских стран и учитывавшие местные природные и социальные условия.

Основным двигателем в XVIII в. были водяные колеса. Они применялись двух типов: верхненаливные («верхнебойные»), использовавшие потенциальную энергию, и подливные («нижнебойные»), употреблявшие кинетическую энергию воды. Преобладавшим видом двигателя было «верхнебойное» («мельничное»)

колесо на горизонтальном валу, передающее с помощью различных сцеплений свою вращательную энергию, преобразованную в возвратно-поступательное движение, исполнительному органу — двигателю. Мощность этих колес обычно не превышала 10—15 л.с.

Крупные уральские заводы, имевшие огромные плотины и громадные пруды, создавали у себя грандиозные гидротехнические комплексы. Так, Екатеринбургский завод имел в 1730-х гг. 50 верхнебойных водяных колес, действовавших «целый год без остановки». Они приводили в действие 22 молота, 107 воздуходушных мехов, 10 проволочных станок, пильную мельницу, пушечно-сверильный, прокатный и резной станы. Суммарная мощность Екатеринбургского гидроузла, по подсчетам современных исследователей, составляла от 250—350 до 500 л.с. В те же годы самый большой и наиболее известный промышленный комплекс в Западной Европе — во Франции, на реке Сене в Марли, близ Парижа — имел 11 подливных (нижнебойных, более примитивных по своему устройству) колес суммарной мощностью в 150 л.с.[10]

Водяные колеса, простые по конструкции, дешевые для изготовления, экономичные в эксплуатации, оказались настолько удобными и практичными, что безраздельно господствовали в уральской металлургии вплоть до середины XIX в., когда они стали постепенно вытесняться водяными турбинами и паровыми машинами.

Маломощность, громоздкость (диаметр — от 3,5 до 8,5 и более м) и тихоходность водяных колес заставили заняться поисками более компактного, более мощного и более быстроходного двигателя. В 1838 г. мастерской И.Е.Сафонов построил на Алапаевском заводе и успешно применил в железоделательном производстве первую в России гидравлическую турбину. В 40—50-х гг. XIX в. турбины получили на уральских металлургических заводах уже значительное распространение. Строились турбины, использовавшие потенциальную энергию воды (системы Сафонова, Фурнейрона, Жонваля, Френсиса) или кинетическую энергию потока (системы Швамкруга, Жирара)[11]. Однако турбины создавались чаще всего взамен водяных колес такой же мощности, в большинстве случаев они были тоже маломощными (в 30—40 л.с.).

Водяные двигатели — колеса и турбины — имели ряд существенных недостатков, главными из которых были неустойчивость, непостоянство двигательной силы и слабосильность. Запасы гидравлической энергии и, следовательно, работа водяных двигателей, всецело зависели от времени года и погоды. Весной, во время таяния снегов, или летом, после продолжительных дождей, воды в заводских прудах скоплялось слишком много, чтобы использовать ее как можно полнее, производство спешно расширяли и лихорадочно увеличивали. Зимой или в засушливую погоду, наоборот, пруды мелели и производство приходилось сокращать.

Слабосильность водяных двигатели резко снижала производительность труда: приводимые ими в движение воздуходушные машины давали в домы слабое дутье, вододействующие молоты не могли проковать толстых складок железа, в прокатных станах благодаря медленности движения валков болванка остывала, и ее приходилось нагревать снова [12].

Первый паровой двигатель Урале (водоподъемная установка англичанина О.Гиля) появился в 1799 г. В 1804 г. англичанин О.Меджер построил на Юговском заводе паровую воздуходувку. В 1810-х гг. паровая машина «для отворачивания останки действия во время убыли воды в пруде» была построена на Кушвинском заводе. В 1815—1819 гг. несколько паровых машин на Верхисетском заводе построены А.Вяткиным, в 1830-х гг. на Нижнетагильских заводах их строили Е.А. и М.Е.Черепановы, в 1840-х гг. на Екатеринбургской механической фабрике — П.Э.Тэт, на Пожевском заводе — Э.Э.Тэт. В 1840 г. на Урале было 73 паровых двигателя, в 1860 г. — уже 141.

К 1860 г. из 46 частных горных округов Урала ввели паровые машины 15 (32,6%), из 22 казенных заводов — 15 (68,2%). В Пермской губернии из 97 заводов паровые двигатели имели 63 (64,9%)[13]. Однако даже в середине XIX в. на большинстве заводов паровые двигатели играли второстепенную роль, так как применялись в качестве дополнения к водяным двигателям во время недостатка воды в прудах.

О мощности энергетического хозяйства уральских металлургических заводов в середине XIX в. дает представление табл. 2.

Таблица 2

*Энергетическое хозяйство металлургических заводов Урала в 1860г.**

Вид двигателя	Число двигателей		Мощность, л.с.	
	абс.	%	абс.	%
Водяные колеса	1602	88,7	18048	73,5
Турбины	64	3,5	2355	9,6
Итого	1666	92,2	20403	83,1
Паровые машины	141	7,8	4138	16,9
Всего	1807	100,0	24542	100,0

* Кривоногов В.Я. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Вопросы народного хозяйства СССР. К 85-летию академика С.Г.Струмилина. М., 1962. С. 325.

Таким образом, в течение всего протондустриального периода, в XVIII — первой половине XIX в., энергетической базой уральской металлургии почти всецело продолжала оставаться гидравлическая энергия. И тем не менее появившиеся на заводах первые паровые двигатели явились предвестниками наступления новой, индустриальной эры. Крупные уральские заводы, внедрившие у себя паровые двигатели, не только преобразовывали свою технологическую базу, но и меняли организацию труда и даже свой внешний облик. Паровые двигатели, более совершенные печи и механизмы, массовое применение машин парализовали их из «заводов-мануфактур» в предприятия индустриального типа заводы-фабрики.

ДОМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Металлургические заводы, начавшие строиться на Урале в XVIII в., использовались для того времени более прогрессивный и более выгодный экономически, по сравнению с сыродутным, доменный процесс. Если на изготовление 100 пуд. железа сыродутным способом требовалось 522 чел. — дня, то при доменном способе — только 76, то есть в 7 раз меньше[14]. Эти цифры убедительно объясняют, почему сыродутный способ не смог конкурировать с доменным.

Уральские металлурги успешно использовали благоприятные, сложившиеся в их пользу, не только естественно-географические (изобилие сырьевых и энергетических ресурсов и т.п.), но и социально-экономические обстоятельства. Возникнув позже, чем в других регионах уральская металлургия имела возможность учитывать технические достижения и опыт западноевропейских заводов, а также русских подмосковных, построенных в 30–50-х гг. XVII в. по голландским и немецким образцам. Если «старые» английские, немецкие и шведские домы XVII в. давали в сутки по 40–50 пуд. чугуна, усовершенствованные шведские «новые» высотой в 9,1 аршин (6,5 м) — по 134 пуд., «знаменитейшая» английская доменная печь в Суссексе — по 85–100 пуд., бельгийские в Люттихе — по 104 пуд., тульские — по 100–120 пуд., и лишь единственная шведская домна в Даннеморе высотой в 10,5 аршин (7,42 м) — по 261 пуду; то уральские домы, построенные в начале XVIII в., высотой в 12–12 3/4 аршина (8,5–9,1 м), сразу же стали выплавлять от 245 до 325 пуд. чугуна в сутки[15].

На производительность уральских домен, кроме размеров, влияла сказались их более удачная внутренняя конфигурация. По своему внутреннему профилю они были круглого сечения (что сближало их со шведскими «новыми» домнами), тогда как тогдашние английские, германские и бельгийские домы в подавляющем большинстве имели квадратное сечение, что создавало неравномерность нагрева по углам доменной шахты и ухудшало процесс плавки. Кроме того, уральские домы были намного экономичнее: на 100 кг выплавленного чугуна екатеринбургские домы расходовали 156–172 кг древесного угля, шведские «старые» — по 600–1000 кг, шведские «новые» — 300–350 кг, печь в Даннеморе — 216 кг[16]. «Несомненно, что уже первые уральские домы, — писал С.Г.Струмилин, — были и крупнее и производительнее подмосковных... По объему продукции уральские заводы были значительно крупнее не только самых больших английских, но и лучше шведских. Они были к тому же не только крупнее, но и экономичнее их, ... могли бы служить образцом для наиболее передовых зарубежных... На наших доменных заводах, построенных «по заморским образцам», работали голландские мастера, французы, шведы и англичане. Но русские мастера основательно их перестраивали, и, может быть, именно поэтому наши печи надолго оказались наилучшими в Европе»[17].

На протяжении всего XVIII в. уральские домы считались самыми высокими, мощными и высокопроизводительными. В конце XVIII в. на Невьянском заводе домна имела высоту 19 аршин (13,5 м), а обычная высота домен в Западной Европе тогда составляла 10–12 аршин (7,1–8,5 м). К середине

XIX в. уральские домы достигли высоты 21,1 аршина (15 м), самая большая доменная древесноугольная печь на Нижнесаальдинском заводе наследников П.П.Демидова — 25,7 аршин (18,3 м). Древесноугольные домы во Франции и Германии тогда имели высоту в 14–16,9 аршин (10–12 м) и объем 706,3–1059,45 куб. футов (20–30 куб. метров), в Швеции, Австрии и России — до 21,1 аршин (15 м) и объем 1765,75–2118,9 куб. футов (50–60 куб. метров)[18].

Высота домен в 21,4–25,7 аршин (50–60 футов, или 15,2–18,3 м) считалась в 50–60-х гг. XIX в. предельной для древесноугольных домен, но в 1900 г., когда древесноугольные домы уже повсюду останавливались, в окрестностях г.Варес в Боснии, в округе Сараево (Австро-Венгрия), была задута «величайшая в мире древесноугольная доменная печь» высотой в 29,9 аршин (65 футов, или 21,25 м), объемом 182 куб. м [19].

Важнейшим нововведением, резко повысившим производительность уральских доменных печей на рубеже XVIII–XIX вв., было внедрение вместо клинчатых мехов цилиндрических воздуходувок (сначала деревянных, а затем чугуновых). Их преимущество было настолько очевидно, что «ни с одним старым прибором, — пишет Д.А.Кашинцев, — не прощались так безжалостно, как с деревянными клинчатыми мехами»[20].

Первые цилиндрические воздуходувки появились в 90-х гг. XVIII в., а уже в 1807–1809 гг. на 33 доменных заводах, обследованных берг-инспектором П.Е.Томиловым, старые клинчатые мехи сохранились лишь на 9 заводах (27,3%), на 24 заводах (72,7%) были установлены цилиндрические воздуходувки, причем из 128 цилиндрических (поршневых) установок 76 были чугуновыми и 52 — деревянными[21]. Новые воздуходувки позволили резко увеличить высоту, объем и производительность доменных печей, что видно из табл. 3.

Таблица 3
Размеры и производительность доменных печей на Урале
на рубеже XVIII–XIX вв.*

Завод	Высота домы, аршин	Вид воздуходувной установки	Сила дутья	Число адуваний в минуту	В сутки	
					Проплавлено руды, пуд	Выплавлено чугуна, пуд.
Невьянский	18	Цилиндрическая	Сильное	12	1500	940
Кыштымский	14	Клинчатые деревянные мехи	Весьма слабое	2,5	700–800	278–432

* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Сб. док. материалов. Екатеринбург, 1956. С. 7.

Внедрение цилиндрических воздуходувок, более сильного дутья позволило в некоторых случаях удвоить суточную производительность домен, значительно сократить (до 20 %) расход древесного угля. Вместе двух выпусков из домы в сутки (до 60 пуд.) по нормам конца XVIII в., большие уральские домы

ны конца XVIII в. (высотой до 18 аршин) с введением новых воздуходувок стали производить четыре выпуска в сутки по 180—300 пуд., их суточная производительность доходила до 900—1200 пуд. [22].

По мнению шведского инженера И.Э.Норберга, работавшего в 90-х гг. XVIII в. в России, в том числе и на Урале, введение цилиндрических воздуходушных установок произвело настоящую «революцию в дутье», резко повысило производительность домен. Так, по его данным, суточная выплавка чугуна на Нижнетагильском заводе, не превышавшая до 1791 г. 470 пуд., после установки цилиндрических воздуходувок увеличилась в 1799 г. до 629 пуд. Норберг ставил русскую металлургическую технику конца XVIII в. в пример западно-европейским заводчикам. По его словам, в Силезии строили домы «по русским образцам» [23].

Последующий прогресс — в доменном производстве на Урале в первой половине XIX в. проходил путем увеличения объема и высоты доменных печей (до 21 аршина — высоты, считавшейся тогда предельной для древесно-угольных домен), улучшения их внутреннего профиля, дальнейшего усиления дутья за счет усовершенствования конструкции воздуходушных устройств и установки к ним более мощных двигателей — водяных турбин и паровых машин. К середине XIX в. большая часть уральских доменных печей по своей высоте приближалась к максимальной величине: на Кушвинском и Верхнетуринском заводах она составляла 22 аршина (15,7 г.), в Златоустовском округе — 17—20 аршин (12—14,2 м), на Баранчинском заводе — 19 аршин (13,5 м) и т.п. [24] Вместо однодушных вертикальных цилиндрических машин у домен устанавливались более экономичные и производительные двухдушные горизонтальные устройства с металлическими цилиндрами. Новые домы строились уже с 2—3 фурмами, что позволяло более равномерно распределить дутье. Чтобы обеспечить непрерывно сильное дутье, к воздуходувам стали ставить более мощные водяные турбины Швамкруга и Жирарда в 60—70 л.с., паровые машины в 50—100 л.с. и более.

Другие новшества в доменном производстве, появившиеся в коксовой металлургии в первой половине XIX в., — горячее дутье (начавшее вводиться в Англии с 1824 г.) и использование доменных газов для нагревания вдуваемого воздуха (появившееся там же в 1837 г.) на Урале в рассматриваемый период не получили значительного применения, хотя опыты по их введению, довольно удачные по своим результатам, проводились на ряде заводов — Кушвинском в 1833 г., Лысьвенском в 1839 г., Верхнетуринском в 1840 г. и др. Препятствием для широкого внедрения на уральских заводах нагретого дутья были не только объективные причины (отсутствие качественных огнеупорных материалов, способных предотвратить быстрый разгар горнов при горячем дутье и др.), но и, как свидетельствует профессор Г.Ф.Туннер, субъективное предубеждение, что «горячее дутье будто бы вредно влияет на доброкачественность чугуна» [25]. (Такой довод, заявлял Г.Ф.Туннер, для него не был новостью: 20—25 лет тому назад «подобное мнение было распространено по всей Германии, в особенности в Австрии»).

Тем не менее, уральские доменные печи, даже действовавшие на холодном дутье, оставались в середине XIX в. высокопроизводительными и экономич-

ными, выплавливали в сутки от 800—900 до 1200 пуд. и более чугуна, что считалось тогда хорошим результатом для древесноугольных домен. Знаменитый австрийский металлург, австрийский министерский советник и директор Леобенской горной академии профессор Г.Ф.Туннер, осмотревший в 1870 г. многие уральские заводы, дал уральскому доменному производству достаточно высокую оценку. Он отметил, что «доменные печи на Урале вообще давно уже имеют довольно хорошую репутацию. Они велики, высоки, снабжены сильными дутьем и поэтому способны к значительной суточной выплавке чугуна» [26].

Технический прогресс в доменном производстве в XVIII—XIX вв. оказал серьезное влияние на его экономические показатели, заметно снизив расходы руды, угля и рабочей силы на единицу продукции, о чем свидетельствует табл.4.

Таблица 4

Расходы материалов и рабочей силы на выплавку одной тонны чугуна на уральских заводах в XVIII — первой половине XIX в.*

Год	Руда, т	Древесный уголь, т	Рабочая сила	
			Чел.-дни	%
1704	2,92	2,88	12,0	100
1723	3,0	2,26	5,5	46
1737-1770	2,15	1,61	5,5	46
1801	1,95	1,48	Св. нет	Св. нет
1829	1,74	1,45	5,1	43
1860	1,67	1,33	4,0	33
Уменьшение (в число раз)	1,7	2,1	3	3

* Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 430.

Число рабочих, обслуживавших одну доменную печь, в начале XVIII в. составляло в среднем 18 чел., в начале XIX в. — 26,4 чел. Это были обычно мастер, 2 подмастера, 1—2 ученика, 4—5 работников, 2—4 засыпщика («засыпки»), несколько (3—4 до 10—15) возчиков или подносчиков угля, руды, флюсов («углевозы», «рудовозы», «шлаковозы», «угленосы» и т.п.), 4—5 рудобоев и т.п. На некоторых заводах рудобои (их число было очень различно, достигая до 40—60 чел.) не включались в список доменных рабочих, считаясь «вспомогательными» к заводу. Тогда как количество рабочих, занятых непосредственно у домны, выросло не намного, число различных подсобных рабочих увеличи-

вась очень быстро: с 1726 по 1829 гг. в среднем с 74 до 338, то есть в 4,5 раза [27].

Труд в доменных цехах, особенно у горна с открытой грудью, у фурм — при высокой температуре, у колошника в атмосфере, насыщенной углекислым и сернистыми газами, угольной пылью и т.п. был очень тяжелым. Из открытого колошника поднимался столб жара, дыма и огня, внизу домы, у горна постоянно бушевало пламя. Возле домы стоял нестерпимый жар, а когда рабочий отходил от печи на несколько шагов, его обдувал уральский ледяной сквозняк. Резкая смена температуры разрушающе действовала на здоровье доменных рабочих. Все работы, в том числе завалка печей, дробление и сортировка руд, производились вручную.

В условиях неустойчивости гидроэнергетики, задержек с подвозкой угля и руды, недостаточной надежности огнеупорных материалов доменное производство было подвергнуто серьезным колебаниям. Из-за недостатка воды в прудах зимой или в засушливую погоду на крупных заводах из имеющихся четырех доменных печей нередко действовала только одна. Сухой или сырой древесный уголь, хорошо или плохо обожженная руда и т.п. резко увеличивали или уменьшали суточную выплавку чугуна.

Нерациональная, опытным путем созданная конструкция доменных печей, не всегда равномерное из-за неравномерной работы водяных двигателей дутье, плохой обжиг руд, сортировка руды и угля вредно отражались на ходе доменной плавки: домы часто «капризничали» («уросили») и давали чугун непредвиденного качества. В случае «застопоривания» доменной печи сырым ходом единственным рецептом на Урале было бросание в печь иконы с изображением святого угодника [28].

Общую картину развития техники доменного производства на Урале в XVIII — первой половине XIX в. дает табл. 5.

Таблица 5

*Средняя годовая производительность одной доменной печи на Урале и в Англии в XVIII — первой половине XIX вв. *, тыс. пуд.*

Годы	Урал	Англия
1730–1740	47	22
1767–1788	69	50
1800–1801	87–93	65,5
1820–1830	111	115–145
1840	Св. нет	216
1860	137	426

* Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 80.

Как показывает таблица, мощность доменных печей на Урале в XVIII — первой половине XIX в. выросла почти в 3 раза. На протяжении все-

го XVIII в. уральские доны были значительно производительнее английских и, как сейчас признано, самыми мощными в мире. Быстрое развитие в XIX в. коксовой металлургии выдвинуло Англию в авангард мировой металлургии.

Техническое развитие доменного производства на Урале в пореформенный период — во второй половине XIX в. — выразилось в дальнейшем увеличении высоты древесноугольных доменных печей до 24—25 аршин (17—17,8 м) и более, их полезного объема до 150 куб. м, повсеместном введении горячего дутья, сооружении доменных печей новой конструкции — с облегченной кладкой, тонкими стенами и клепаным наружным корпусом («шотландской системы»), эллиптических печей системы Рашета, печей без наружного кожуха и т.п., что позволило значительно увеличить их производительность (с 1860 по 1916 гг. — в 5,4 раза)[29]. Но именно в этот период явно обнаружилось прогрессирующее отставание уральской древесноугольной металлургии от коксовой Западной Европы и США, а также Юга России.

ПЕРЕДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Новый, более массовый и экономичный способ производства железа, пришедший на смену сыродутному, был двухстадийным: доменный процесс, заключающийся в выплавке чугуна, дополнялся кричным, в ходе которого чугун перерабатывался в мягкое, поддающееся ковке, железо.

При создании кричных цехов на Урале опирались на технологический опыт западноевропейских и подмосковных, тульско-каширских заводов. Но если на Тульских (Городищенских) заводах применялся так называемый «валлонский» («французский») способ, возникший в конце XV — начале XVI в. в Льеже (Бельгия), а затем завезенный в Швецию, Германию и Англию, то на Урале с самого начала кричное производство строилось на других, более соответствовавших уральским условиям основаниях — по так называемому «немецкому», или «старонемецкому» способу.

Типичное помещение кричного цеха — «кричной фабрики», как называли их на Урале позднее (сначала они именовались «молотовыми амбарами», «молотовыми кузницами», «молотовыми ковальными мельницами» или даже «молотовыми заводами»), обычно представляло деревянный сарай длиной 10 саженей (21,3 м), шириной 7,5 саженей (16 м) и высотой в 2 сажени (4,3 м), в котором устанавливались два кричных горна (позднее — нередко вместо них ставился один «двойной» горн) и один молот весом в 20 пуд. приводившийся в движение водяным колесом. Оба горна чаще всего располагались под одним «шатром», из которого выводилась кирпичная труба высотой в 14 саженей (29,9 м).

На крупных заводах устанавливалось много пар кричных горнов и соответствующее число молотов (так, в 1807—1809 гг. Белорецкий завод имел 30 кричных горнов и 20 молотов, Пожевской — 20 горнов и 17 молотов, Невьянский — 25 горнов и 25 молотов и т.д.).

Кричный горн имел размеры: длину — 1,25 аршина (0,9 м), ширину — 1 аршин (0,7 м), глубину — от 13 до 16 дюймов (33—40,6 см). Рабочее пространство горна и пол перед ним выкладывались чугунными плитами. У

каждого горна устанавливалось по два деревянных клинчатых меха, которые через фуру подавали в горн воздух. Фурма устанавливалась таким образом, чтобы струя воздуха направлялась на середину донной плиты.

Сущность кричного процесса заключалась в том, что в горн на слой горящего древесного угля загружался чугуун. Расплавившись, он стекал вниз и, проходя через окислительную область у фурмы, терял часть углерода и другие примеси (фосфор, серу и др.). Осевший на дно горна металл снова поднимали к фурме. Постепенно на дне горна образовывался ком малоуглеродистого железа — «крица», которую извлекали из горна и в горячем виде проковывали под молотом, уплотняя ее и выдавливая из нее шлак а потом ее разрубали на части и проковывали в полосы или прутья[30].

Приемы кричного передела были самыми различными, даже на одном заводе нередко мастер применял свои методы. Эти приемы различались составом подины, которая укладывалась на дно горна перед его загрузкой (она состояла из окалин и шлака, толченого угля в смеси с железной мелочью и т.п.), забрасыванием в горн шлака с самого начала процесса или уже на расплавленный чугуун, переворачиванием крицы один или несколько раз, с выниманием из горна накатанных на лом «жуков» или с оставлением их в горне и т.п. В горн закладывалось от 5—6 до 12—15 пуд. чугуна, весь процесс продолжался от 5—6 до 10—12 ч. Существовало около 90 вариантов кричного передела чугуна[31].

Большим достоинством кричного способа, обеспечившим его повсеместное распространение и длительное, на протяжении нескольких столетий, существование, была его универсальность, подвижность, высокая степень приспособляемости к особенностям состава переделываемого чугуна, способность получения железа из чугуна любого состава, его высокие качества (ковкость, тягучесть, свариваемость, антикоррозийность и т.п.). Серьезными недостатками кричного способа, дававшими повод уже в 30-х гг. XIX в. считать его устаревшим, архаичным, «анахронизмом» (что, кстати, не помешало ему продержаться на промышленной сцене еще почти целое столетие) были: низкая производительность кричных горнов, невозможность увеличения веса нагружаемого в горн чугуна из-за «непроварки» криц большего размера; неоднородность состава криц (при производстве первоклассного железа у крицы обрубались и отправлялись на переплавку ее оба конца); неэкономичность (высокий процент «утара» чугуна, большой расход древесного угля на пуд выкованного железа); невозможность организовать получение железа в масштабах, способных удовлетворить потребности промышленности на рубеже XIX—XX вв.

Кричный горн традиционно обслуживался тремя рабочими. Это были мастер, подмастер и работник. Их работа была трудной и опасной: им приходилось перемещивать ломом расплавленный металл в горне, «обжимать» под молотом раскаленные крицы, от которых во все стороны разлетались огонь и брызги расплавленного металла и шлака. П.И.Мельников (позднее — известный писатель Мельников-Печерский), в 1839 г. побывавший на металлургических заводах Лазарева в Пермской губернии, писал: «Когда смотришь на работников, стоящих у кричной печи... ужас объемлет душу: как могут эти несчастные труженники в продолжение нескольких часов трудиться у пылающей печи в атмосфере

градусов 80 по Реомюру (99,4 градуса по Цельсию — Д.Г.)»[33]. Пребывание в кричном цехе напомнило ему описание ада у Данте.

Для повышения производительности кричных цехов в них устанавливались, чтобы избежать простоев, запасные молоты. В конце XVIII — начале XIX в. по примеру доменного производства деревянные клинчатые мехи при кричных горнах были заменены установками поршневого действия: сначала ящичными, затем цилиндрическими — деревянными и чугунными. В 1807—1809 гг. в кричном хозяйстве 50 обследованных берг-инспектором П.Е.Томиловым заводов имелось клинчатых мехов 96 (14,5%), призматических 54 (8,1%), цилиндрических 514 (77,4%)[34].

В 1840-х гг. началось внедрение нового способа передела чугуна в железо — контуазского, или «малокричного». Он возник во Франции в 20-х гг. XIX в., а затем довольно быстро распространился в европейских странах и в России. Особенность контуазского горна состояла в том, что фурма в нем устанавливалась горизонтально, струя воздуха направлялась на противоположную от фурмы плиту. Расплавляясь с конца болванки под струей воздуха, чугун стекал вниз, где вступал в реакцию с железистыми шлаками и окалиной. При контуазском способе примеси чугуна выгорали равномернее, крица получалась более однородного состава, он был производительнее и экономичнее (см. табл. 6).

Таблица 6

*Экономические показатели работы кричных горнов равной конструкции в 40-х гг. XIX в.**

Производство	Старокричный способ	Контуазский способ
Суточное железа на один горн, пуд	25-30	30-40
Выковывалось железа на один короб древесного угля, пуд	5-6	8
Угар чугуна, %	25-40	26-27

* Граматчиков В. О выковке кричного железа в Артинском заводе на обыкновенных (открытых), закрытых горнах и французским малокричным, или контуазским способом // Горный журнал, 1846. № 3. С. 144—145.

Первыми, в 1840 г., новый способ внедрились частные Юрюзань-Ивановские заводы. В первой половине 40-х гг. он был введен на казенных заводах Златоустовского округа, во второй половине 40-х гг. — на казенных заводах Гороблагодатского и Екатеринбургского округов. Из частных заводов его ввели у себя Пожевские, строгановские — Очерский и Добрянский, Сысертские и др. В первой половине 40-х гг. было построено на 6 заводах 50 контуазских горнов, во второй половине 40-х гг. — на 18 заводах 230 горнов, в 50-х гг. — на 13 заводах 84 горна. К реформе 1861 г. на 37 заводах Урала имелось

364 контуазских горна[35]. Контуазское железо из-за его «несравненной чистоты и доброкачественности» ценилось дороже и использовалось для приготовления ружейных стволов и различных изделий (кос, гвоздей и т.п.).

В 70-х гг. XIX в. на Урале начали сооружать шведские, или ланкаширские, горны, в которых две воздуходувные фурмы устанавливались друг против друга, что позволяло в значительной мере устранить основной недостаток кричного процесса — неравномерность распределения газовых зон. В результате увеличился вес перерабатываемого металла и производительность кричного горна (до 180 пуд. в сутки). Ланкаширские горны были установлены на Белорецком, Юрюзанском, Усть-Катавском и других заводах. Но это нововведение внедрялось на закате кричного способа, когда он уже энергично вытеснялся из заводской практики[36].

В 40—50-х гг. XIX в. на Урале начал вводиться принципиально новый способ передела чугуна в железо — пудлингование. Пудлинговая печь была изобретена англичанином Г.Кортом в 1784 г., но широкое применение получила лишь после усовершенствования ее пода Роджерсом в 1820 г. При пудлинговании чугун нагревался в отражательной печи потоком горячих газов, не соприкасаясь с горячим металлом. Процесс рафинирования чугуна происходил при непрерывном перемешивании расплавленной массы стальной кюлкой с загнутым концом («пудлингование» произошло от английского слова «puddle» — месить). Пудлинговая крица для удаления шлака и уплотнения металла проковывалась под обжимным молотом, потом «проваривалась» в сварочной печи и прокатывалась в прокатном стане на полосовое железо. Для получения железа других сортов, в зависимости от сорта, проварку и прокатку повторяли несколько раз.

По сравнению с кричным, пудлинговый способ был более экономичным и производительным. При пудлинговании расходовалось в два раза меньше угля, угар чугуна обычно равнялся 10% (при кричном производстве — 25—30%). В пудлинговых печах в качестве топлива вместо древесного угля можно было употреблять каменный уголь, дрова, торф, пни, корни и т.п. малоценные предметы сгорания. Пудлингование позволило значительно увеличить масштабы производства железа: уже в 40—50-х гг. XIX в. пудлинговая печь давала в сутки от 120 до 150 пуд. железа (кричный горн — от 27 до 54 пуд.). В начале 60-х гг. XIX в. на каждом кричном горне получали в среднем за год 4850 пуд. железа, в пудлинговой печи — 14900 пуд., то есть в 3 раза больше[37].

Первые опыты пудлингования на Урале были осуществлены в 1817 г. на Пожевском заводе В.А.Всеволожского. В 1825—1830 гг. такие опыты велись на Нижнетагильском заводе, в 1837—1838 гг. — на Нижнесадинском. С 1837г. опыты по внедрению пудлингования систематически проводились на казенном Камско-Воткинском заводе, а в 1842 г. на этом заводе была пущена пудлинговая печь, имевшая промышленное значение. Вскоре пудлингование было введено на Чермозском, Архангело-Пашийском, Катав-Ивановском и Пожевском заводах. В 40-х гг. пудлинговые печи были построены уже на многих заводах, одновременно началось сооружение газопудлинговых и газосварочных печей. До 40-х гг. XIX в. пудлинговые и газопудлинговые печи были постро-

ены на 5 заводах, в 40-х гг. на 13 заводах, в 50-х гг. на 41. Всего к 1861 г. пудлингование было введено на 58 заводах, где были установлены 201 пудлинговая, 34 газопудлинговых, 153 сварочных, 23 газосварочные печи[38]. Пудлингование, в первую очередь, ввели крупные, экономически более мощные заводы — Нижнетагильские, Катав-Ивановские, Лысьвенские и др. Процесс распространения пудлинговых печей на Урале показывает табл.7.

Таблица 7

*Число кричных горнов и пудлинговых печей на Урале
в конце XVIII — первой половине XIX в.**

Годы	Кричных горнов	Пудлинговых печей
Конец XVIII в.	515	—
1807–1809	656	—
1837	1703	8
1851	1891	92
1860	1064	337

* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Сб. док. материалов. Свердловск, 1956. С. 7; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С.425.

В 1860 г., накануне отмены крепостного права, на уральских заводах было приготовлено 10931858 пуд. железа, из них кричным способом — 5430257 пуд (49,7%), пудлинговым — 5501601 пуд. (50,3%)[39]. В пореформенный период пудлинговые печи все в большем количестве возводились до 80-х гг. XIX в., причем строились преимущественно регенеративные печи Сименса и печи Бовинуса. Суточная производительность пудлинговой печи была доведена в 60-е гг. XIX в. до 180 пуд., к началу 80-х гг. — до 210 пуд. [40]. Это был апогей пудлингового производства, после которого началось постепенное вытеснение пудлингования из заводской практики. Ряд советских историков (С.Г.Струмилин, В.К.Яцунский, В.Я.Кривоногов и др.) утверждали, что в 40–60-х гг. XIX в. на Урале произошло «вытеснение» кричного способа пудлинговым, осуществлялась «радикальная перестройка кричного производства в пудлинговое», причем пудлингование они считали «одним из важнейших критериев» промышленного переворота в металлургии, «самым крупным продвижением вперед» в развитии железодельного производства прединдустриального периода [41]. В действительности же никакого «вытеснения», «радикальной перестройки» кричного производства в пудлинговое, не было. В 40–60-е гг.

XIX в. они развивались параллельно, не конкурируя друг с другом, что ясно видно из табл. 8.

Хотя удельный вес кричного железа в общей массе изготавливавшегося на казенных заводах Урала сварочного металла к 1860 г. снизился до 54,3%, вплоть до 50-х гг. XIX в., как видно из таблиц 7 и 8, происходил рост численности кричных горнов и объема продукции кричного производства. Пудлинговое производство в 40—50-х гг. развивалось быстрыми темпами, почти весь прирост выпуска железа за два последних десятилетия перед отменой крепостного права происходил за счет пудлингования, но вытеснить кричное производство оно не смогло. Кричный способ (в значительной части модернизированный за счет внедрения контаузских горнов) сохранил свои позиции вплоть до начала индустриальной эпохи, до 60-х гг. XIX в.

Таблица 8

*Структура железнорудного производства на казенных железнорудных заводах Урала в 1835-1860 гг.**

Год	Всего железа, пуд.	В том числе			
		кричного		пудлингового	
		пуд.	%	пуд.	%
1835	358466	358466	100	—	—
1841	590203	424582	71,9	165621	28,1
1849	856494	593017	69,2	263477	30,8
1850	879896	554682	63,0	325214	37,0
1859	969336	582961	60,1	386375	39,9
1860	785627	426870	54,3	358757	45,7

*Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму: К проблеме промышленного переворота. Красноярск, 1986. С. 58.

Пудлинговая печь обслуживалась тремя рабочими: мастер-пудлинговщик, подмастер и рабочий. Поскольку пудлинговые печи действовали в связке со сварочными печами и прокатными станами, в пудлинговых цехах, где в основном приходилось иметь дело с печами и механизмами, требовались от рабочих физическая сила и умение, трудовые навыки. Работа в пудлинговых цехах, как и в кричных, была тяжелой и опасной, вредной для здоровья людей. «Ушибы, ранения, ожоги, переломы костей, — писал в 1870 г. врач Э.Говорливый, — общий удел мастеровых... Постоянный стук молотов в кричной и пудлинговой фабриках производит у работающих в них тупость слуха, доходящего иногда до полной глухоты. Брызги горячего шлака, выдавливаемого из железа тяжелыми

молотами, часто попадают в глаза, обуславливая ожог, а вследствие его атрофию глазного яблока. Постоянное пребывание в сильнейшей жаре, происходящем от печей, производит приливы крови к коже лица и к мозгу: от того-то большая часть заводских рабочих краснокожи и часто страдают головными болями эретического характера» [42].

Общее состояние передельных производств на уральских заводах к концу доиндустриальной эпохи показывает табл. 9.

Таблица 9

Применение различных способов передела чугуна в железо на уральских заводах в 1860 г.*

Способы передела	Число заводов	
	абс.	%
Пудлингование	45	37,2
Пудлингование и контуазский	13	10,8
Конттуазский	24	19,8
Старокричный	39	32,2

* Кривоногов В.Я. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1962. С. 314.

Таблица показывает, что в усовершенствовании способов передела чугуна в железо уральские заводы в 30–50-х гг. XIX в. пошли разными путями: одни — вводили пудлингование, вторые — контуазский способ, третьи — заводили у себя оба эти производства. И лишь на 39 заводах (32,2%) — это были главным образом мелкие обветшавшие заводы или находившиеся в плохом финансовом и экономическом положении — техника не обновлялась, сохранялся старокричный способ. Однако на смену сварочному железу уже шла сталь. Судьба и кричного, и пудлингового производств с появлением конвертеров и мартеновских печей была предрешена.

ЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Значительное место в деятельности уральских металлургических заводов, как казенных, так и частновладельческих, особенно на первом этапе их существования, в XVIII в., имела отливка чугунных изделий: «тяжеловесных припасов» — пушек, якорей, лафетных колес, труб, машинных частей и «мелких припасов» — ядер, бомб, гранат, посуды и т.п. Отливка велась непосредственно из доменных печей — «больших» или «малых» (литейных). Благодаря особым качествам уральского чугуна мастерам удавалось выполнять даже очень сложные работы. Так, например, на Каменском казенном заводе в 1778 г. были

отлиты для Царского Села уникальные чугунные «готические» ворота со статуями общим весом 1596 пуд.

В первой половине XIX в. отливка чугунных вещей стала вестись из вагранок и отражательных печей. Военные заказы остались только за казенными заводами: чугунные гладкоствольные пушки отливались на Каменском и Верхнетуринском заводах, чугунные снаряды — на Кушвинском, Бяранчинском, Верхнетуринском, Каменском, Нижнеисетском, Златоустовском, Саткинском и Кусинском, якоря и цепи — на Воткинском заводе.

Технический прогресс в литейном деле проявился в усовершенствовании ваграночных печей, введении с 40-х гг. XIX в. для них нагретого дутья, в улучшении технологии отливок. Однако качество пушек, изготовляемых на уральских заводах в первой половине XIX в., что явно обнаружилось в годы Крымской войны 1853—1856 гг., было недостаточно высоким[43].

ПРОИЗВОДСТВО ПРОКАТА И ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ

В XVIII в., когда большая часть изготовленного железа шла на военные нужды государства и на экспорт, уральские заводы выпускали главным образом прутковое или полосовое железо. Потеря Россией в конце XVIII — начале XIX в. внешних рынков, переориентация заводов на удовлетворение растущих потребностей внутреннего рынка в металле вызвали перестройку железодельного производства, развитие прокатных устройств и расширение ассортимента рыночного железа.

Перемены в металлопередельном производстве на рубеже XVIII—XIX вв. показывает табл.10.

Таблица 10

*Техническое оснащение металлопередельных производств уральских заводов на рубеже XVIII—XIX вв.**

Станы	1797 г.	1807—1809 гг.
Прокатные	—	16
Дошчатые	—	19
Плющильные	12	27
Резные	2	29
Сверлильные	1	17

* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Сб. док. материалов. Свердловск, 1956. С. 8.

Чтобы иметь больше покупателей, заводы стремились создать как можно более полный рыночный ассортимент. В первой половине XIX в. почти все уральские заводы стали производить железо разных сортов — котельное, кровельное, круглое, четырехгранное, шпнное, каретное, обручное, угловое, резное,

узкополосное, широкополосное, ральное, сошничное, одинарное, рельсовое, шабальное, посудочное, лопаточное, втулочное и т.п., всего более 200. Кроме того, они изготовляли гвозди, проволоку, цепи и т.п.[44]. Значительное развитие получило прокатное производство, но прокатные станы в большинстве случаев были «домашнего приготовления», примитивных систем, с двойными валками, небольшой скоростью вращения. Основная часть железа по-прежнему продолжала обрабатываться под молотами. Наиболее мощные уральские заводы — Нижнетагильские, Алапаевские и Катавские — в 50-х гг. XIX в. освоили у себя рельсопрокатное производство.

СТАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В очень небольших количествах на уральских заводах начиная с XVIII в. изготовлялась сталь, которая применялась для производства ружейных стволов, инструментов, частей машин и механизмов, требующих наибольшей прочности. Эта сталь была трех видов: уклад, цементная сталь, пудлинговая сталь.

Уклад изготовлялся в особых горнах, в которых чугун переделывался в сырую сталь. Цементирование железа в цементную или топленую сталь производилось в сталетомительных печах. Потребность в стали быстро росла. В 1797 г. на Урале была зафиксирована только одна сталетомительная печь, в 1807—1809 гг. их насчиталось 13[45].

В Златоустовском заводе выдающимися русскими металлургами П.П.Аносовым и П.М.Обуховым в 1830—1850-х гг. был разработан способ получения в больших количествах высококачественной тигельной стали, что позволило начать там с 1860 г. изготовление стальных орудий, не уступавших по своим качествам пушкам Круппа[46].

ЗАВОДСКИЕ ЗДАНИЯ И ПОСТРОЙКИ

В XVIII в. все заводские здания и постройки, здания цехов с «огневым производством» (доменные, кричные, литейные и т.п.) строились преимущественно из дерева. Из дерева же изготовлялись колошниковые мосты, фундаменты прокатных станов, лари, «водоводные» трубы, водяные колеса и многое другое. Из камня сооружались, главным образом, только печи и горны. Каменные и кирпичные здания были большой редкостью. Уральские металлургические заводы XVIII в. были по преимуществу «деревянными заводами»[47].

В первой половине XIX в. многие крупные заводы (Златоустовский, Ижевский, Воткинский, Нижнетагильский, Алапаевский, Верхнеисетский и др.) реконструируются, на них возводятся большие каменные и кирпичные здания доменных, пудлинговых, прокатных и других цехов. К середине XIX в. по внешнему виду эти заводы утратили свой былой облик мануфактур и стали походить на предприятия индустриального типа.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ТЕХНОСФЕРЫ

Техническая база уральской металлургии, сложившаяся к началу индустриального периода — середине XIX в., оценивалась советскими историками противоречиво. Наряду с довольно оптимистическими оценками (С.Г.Струмилин, В.К.Яцунский, В.Я.Кривоногов, А.Г.Козлов и др.), раздавались утверждения о ее «крайне низком техническом уровне», «огромной технической отсталости» (С.П.Сигов, Д.А.Кашинцев, Б.А.Цыпин и др.). Сторонники второго мнения обычно ссылались на успехи, достигнутые к середине XIX в. английской коксовой металлургией. Однако сравнивать технико-экономические показатели уральской древесноугольной металлургии с английской металлургией, всецело перешедшей на каменноугольное топливо, некорректно, так как это неоднородные, разнотипные, несовместимые величины.

Хотя уральские патриоты в конце XIX в. были уверены, что уральскую древесноугольную металлургию еще «ждут большие дела», что «запасы древесного топлива на Урале вечны», что для Урала вопрос о замене древесноугольного топлива минеральным является «несущественным»[48], тем не менее в среде горнозаводских деятелей еще в середине XIX в. сложилось убеждение, что древесноугольная металлургия Урала, в условиях начавшегося в России большого железнодорожного и индустриального строительства, не в состоянии удовлетворить потребности крупнейшего государства в черных металлах. В 1851г. генерал К.В.Чевкин и полковник А.Д.Озерский в своем обзоре горнозаводской производительности России пришли к выводу: «Ожидать значительного и притом постоянного увеличения выделки железа от нынешних заводов наших, древесным топливом действующих, нет вовсе основания; подобное увеличение производства железного возможно лишь при соединении онаго с промыслом каменноугольным. Токмо при выделке железа минеральным топливом можно достигнуть постоянного, значительного умножения и удешевления онаго»[49].

Причины замедления темпов развития уральской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в., после ее «блестящего» взлета в XVIII в., современники видели не в ее технической отсталости, а в социально-экономических условиях развития страны: сохранении крепостного права, неблагоприятной экономической и финансовой ситуации, монопольном положении уральских металлургических заводов на внутреннем рынке[50].

В дошедших до нас описаниях уральских заводов того периода обращает на себя внимание не их «техническая отсталость», а обветшалость, неустроенность. Вот как описывает довольно крупный Верхнетуринский чугуноплавильный и железоделательный казенный завод (далеко не самый худший на Урале) берг-инспектор П.Е.Томилов, осматривавший его в 1807 г.: «Доменная фабрика деревянная, забранная в столбах, ветхая, над выпуском покрыта набросанным новым тесом, о 4-х горнах, в действии 1, другой кладется, 3-й за разгоранием остановлен, 4-й от худого горнового камня действовал не более двух месяцев и обвалился»[51]. В 1828 г. комитет, созданный по предписанию Главного начальника горных заводов Уральского хребта для принятия мер по устройству

и улучшению действия Гороблагодатских заводов, обсуждал вопрос: «Не можно ли действие некоторых заводов вовсе прекратить по ветхости строений, а другие вместо того усилить?»[53].

Русские инженеры и техники, осматривавшие в те годы заграничные заводы, не находили больших различий в техническом оснащении уральских и западноевропейских предприятий. Так, побывавший в 1821 г. в Англии механик Е.А.Черепанов утверждал, что имевшееся там «доменное производство с нашим мало разности имеет»[53].

Признавая, что в развитии уральской древесноугольной металлургии в первой половине XIX в. были допущены серьезные ошибки (неправильный выбор позиций в конкуренции с коксовой металлургией; невнимание к повышению качества металла и уменьшению издержек производства; отсутствие технической базы для снижения себестоимости), горнозаводские деятели пришли к выводу, что «развитие горнозаводского дела на древесном горючем материале в обширных размерах невозможно», и что «настоящая производительность древесноугольного чугуна в России близка к тахитум'у»[54]. «Весь секрет нашей отсталости в горнозаводском деле, — писал в 1877 г. И.А.Тиме, — заключается в неимении самостоятельных чугуноплавленых заводов на минеральном топливе. Дешевый чугун и в количестве, соответствующем современным потребностям, может быть получен не иначе, как плавкою руд на минеральном топливе... Развитие горнозаводского дела на прочных началах возможно только при разработке туземных минеральных богатств»[55].

Техническая база уральской древесноугольной металлургии середины XIX в. мало отличалась от технического оборудования древесноугольных заводов западноевропейских стран — Швеции, Франции, Пруссии, Австро-Венгрии и США. (В 1858 г. на древесноугольном топливе выплавлялся весь чугун в Швеции, почти весь в Австрии, 40,5% чугуна в США, 37,6% — во Франции, 28,6% — в Пруссии)[56]. Об уровне технического оснащения уральской металлургии на рубеже протондустриального и индустриального периодов имеется авторитетнейшее свидетельство знаменитого австрийского металлурга, директора Леобенской горной академии, профессора Г.Ф.Туннера, побывавшего в 1870 г. на многих уральских заводах. Он писал: «Русская горная промышленность занимает гораздо высшее место, чем я ожидал и чем вообще у нас полагают. Горное дело в России, в особенности столь важное железное производство, не только равно нашему, но в некоторых отраслях даже опередило нас, немцев... Едва ли есть какое-либо из новейших изобретений или улучшений, которое не было бы введено в России, хотя в виде опытов»[57].

Все это свидетельствует, что древесноугольная черная металлургия Урала по мощности металлургических агрегатов и техническому оснащению к середине XIX в. значительно отстала от каменноугольной черной металлургии Западной Европы и США, но по своей техносфере была примерно на одном уровне с техникой древесноугольной металлургии промышленно развитых стран того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. Феодальный период (1500—1860 гг.). С. 421.
2. Генин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.
3. Кашинцев Н.И. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 27—32, 38—42; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. М., 1972. С. 249—251.
4. Кашинцев Н.И. История металлургии Урала... С.27.
5. Колюпанов Н.И. Колонизация Пермской губернии и распространение горного промысла // Вестник Европы. СПб., 1871. Т. 9.
6. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М.; Л., 1935. С. 35—39; Кашинцев Н.И. История металлургии Урала... С. 76—79.
7. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства... С. 42—43; Кашинцев Д.А. История металлургии Урала... С. 79.
8. Гаврилов Д.В. Экологические проблемы Уральского горнозаводского региона в конце XIX — начале XX в. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992. С. 92—94, 97—104, 106—107.
9. Кашинцев Д.А. История металлургии Урала... С. 79.
10. Там же. С. 78; Рейнольдс Т.С. Средневековые корни промышленной революции // В мире науки. М., 1984. № 9. С. 91—99; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.: Горное дело. Металлургия. Энергетика. Машиностроение. М., 1978. С. 264—266.
11. Рожков В.И. Описание турбины, установленных в Алапаевских заводах // Горный журнал. СПб., 1846. № 7. С. 7—19; Очерки истории техники в России... С. 271—279.
12. Июсса Н.А. Материалы для изучения истории горнозаводской промышленности России // Горный журнал. СПб., 1890. Т. 1. С. 244.
13. Кулагина Г.А. Горнозаводской Урал накануне отмены крепостного права // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1958. С. 60—61.
14. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР... С. 62—66.
15. Там же. С. 149—151.
16. Там же. С. 150—151.
17. Там же. С. 149—151.
18. Грюнер Л. Аналитическое исследование плавильного процесса в доменных печах // Горный журнал. СПб., 1877. Т. IV. № 12. С. 254.
19. Величайшая в мире древесноугольная доменная печь // Уральское горное обозрение. Екатеринбург, 1902. № 24. С. 4.
20. Кашинцев Д.А. История металлургии Урала... С. 187.
21. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Сб. док. материалов. Свердловск, 1956. С. 7.
22. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 75; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР... С. 422.
23. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 102.
24. Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму: К проблеме промышленного переворота. Красноярск, 1986. С. 34.
25. Туннер Г.Ф. Отчет Г.Ф.Туннера, австрийского министерского советника и директора Леобенской горной академии о поездке его по Уральским заводам и Южной России, представленный им его превосходительству господину Министру финансов

- М.Х.Рейтерну // Горный журнал. СПб., 1871. № 1. С. 7.
26. Там же. С. 10.
27. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР... С. 422, 428.
28. Чернов Д.К. Взгляд на положение уральских железных заводов // Записки императорского русского технического общества. СПб., 1881. Вып. 1. С. 39.
29. Очерки истории техники в России (1861–1917 гг.). М., 1973. С. 128–135.
30. Бердников. Кричный мастер или руководство к изучению контауазского способа // Горный журнал. СПб., 1866. № 11. С. 173–220; № 12. С. 379–431; Ботышев Ф. Изменения, претерпеваемые чугуном во время кричной операции // Горный журнал. СПб., 1862. № 2. С. 237–246; Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале... С. 68–75; Кашинцев Н.И. История металлургии Урала... С. 88–91, 194–197; Яковлев В.Б. Развитие способов производства сварочного железа в России. М., 1960. С. 86–88; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. ... С. 204–207.
31. Яковлев В.Б. Развитие способов производства сварочного железа в России... С. 96–101.
32. Там же. С. 101 и др.
33. Мельников П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 20. № 2. Раздел VIII. С. 58.
34. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. ... С. 7.
35. Кривоногов В.Я. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1962. С. 314; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. ... С. 208–209.
36. Жуковский С. Кричное производство по шведско-ланкаширскому способу на Катавских заводах // Горный журнал. СПб., 1888. № 6; Яковлев В.Б. Развитие способов производства сварочного железа в России... С. 133–134; Очерки истории техники в России (1861–1917)... С. 135–136.
37. Соболевский П.Г. Об английском способе выделяния железа посредством самодувных печей и катальных машин // Горный журнал. СПб., 1825. № 1. С. 55–82; Олышев П.О. О пудлинговом производстве в Камско-Воткинском заводе // Горный журнал. СПб., 1843. № 6. С. 361–402; Котляревский И.П. Несколько слов по поводу введения в Воткинском заводе газового пудлингования // Горный журнал. СПб., 1858. № 9. С. 438–455; Латынин В.К. К истории введения контауазского способа и пудлингования на Уральских заводах // Горный журнал. СПб., 1889. № 12. С. 312–313; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР... С. 424–426; Кривоногов В.Я. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. ... С. 313–327; Он же. Стаковление фабричных методов в металлургии Урала в дореформенное время // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 17–18; Яцунский В.К. Первые шаги промышленного переворота на Урале // Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. ... С. 209–215.
38. Кривоногов В.Я. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. ... С. 312–313.
39. Там же. С. 317.
40. Очерки истории техники в России (1861–1917)... С. 137–142.
41. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР... С. 425–426, 431; Яцунский В.К. Промышленный переворот в России // Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. ... С. 133–134; Кривоногов В.Я. Некоторые вопросы историографии промышленного переворота в горнозаводской промышленности Урала

(40–90-е гг. XIX в.) // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967. Свердловск, 1967. С. 69.

42. Говорливых Э.С. Медико-топографический очерк Чермошского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 294.

43. Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М., 1962. Т. 1. С. 63–65, 70–71; Козлов А.Г. Об особенностях развития техники на казенных заводах Урала (рубеж XVIII–XIX вв.) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1964. Вып. 5. С. 12–13

44. О выделке рельсов для железных дорог России // Горный журнал. СПб., 1856. № 3. С. 389–391; Матвеев А.П. Уральские металлы 1897 г. СПб., 1898. С. 71; Уральская железная промышленность в 1899 г. Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900. С. 166–167; Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале... С. 103–118; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. ... С. 216–217.

45. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. ... С. 7.

46. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале... С. 75–82; Кашинцев Д.А. История металлургии Урала... С. 198–199; Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и в СССР. М.; Л., 1935. С. 270–272; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. ... С. 217–223.

47. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. ... С. 154–193.

48. В защиту древесного топлива // Уральское горное обозрение. Екатеринбург, 1898. № 38. С. 4.

49. Чевкин К.В., Озерский А.Д. Обзор горной производительности России // Горный журнал. СПб., 1851. Ч. III. С. 372.

50. Рожков В.И. Материалы к вопросу о железной промышленности в России // Горный журнал. СПб., 1868. Т. 2. С. 496; и др.

51. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. ... С. 181.

52. Организация производства и труда в металлургической промышленности Урала в XVIII— начале XX вв. Свердловск, 1990. С. 40.

53. Виргинский В.С. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых. М., 1956. С. 248.

54. Тиме И.А. О необходимости скорейшего водворения в России самостоятельного чугуноплавленного производства на минеральном топливе // Горный журнал. СПб., 1877. Т. IV. № 11. С. 244.

55. Там же. С. 241.

56. Кеппен А.П. Развитие железной промышленности в главнейших государствах // Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863. С. 307, 313, 317, 318; Форбс Д. Об успехах железной и стальной промышленности в иностранных государствах // Горный журнал. СПб., 1873. Т. IV. № 12. С. 302.

57. Туннер. Отчет Г.Ф. Туннера, австрийского министерского советника и директора Леобенской горной академии о поездке его по Уральским заводам и Южной России... С. 2–3.

TECHNOSPHERE OF THE URALS' FERROUS METALLURGY IN THE XVIIIth — THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURIES

The article highlights the modernization processes in the Urals' ferrous metallurgy during the period of the region's industrial colonization in the XVIII — first half of the XIX centuries: installation of the blast-furnace production, improvements in methods of forging cast iron, use of more powerful blast-engine devices and hydro-technical facilities. The author comes to the conclusion that by the middle of the XIXth century the Urals' metallurgy was at the level comparable with the charcoal metallurgy of the West European countries (Sweden, Austria and others), while the reasons of its slow-down development and low economic efficiency in the first half of the XIXth century lay in socio-economic conditions, such as the continuing serfdom, unfavourable economic and financial situation, monopoly status within the domestic market.

D.V.Gavrilov

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

Исторические судьбы России на важнейших этапах ее цивилизационной динамики всегда определялись потенциалом и перспективами развития промышленной сферы. Анализ воздействия промышленной политики на решение стратегических экономических задач, исторического опыта ее осуществления остро актуален сегодня.

Диапазон интерпретаций роли государства в развитии модернизационных процессов весьма широк, что в полной мере относится и к оценке роли правительственной промышленной политики в таком важнейшем субпроцессе модернизации, как индустриализация [1]. Данное обстоятельство следует объяснять архисложным характером проблемы, перманентно интенсивно теоретически обсуждаемой и «испытываемой» практикой. Суть проблемы обуславливает особую востребованность конкретно-исторического знания о ней, «экспериментальная» по отношению к прикладной экономике и теории государственного регулирования составляющая которого в известном смысле незаменима при генерации новых теоретических идей, выработке «высокой» экономической политики и в конкретной практике хозяйствования.

Промышленная политика представляет собой определенным образом мотивируемую и организованную деятельность государства, направленную на сферу промышленности. Традиционно понимание промышленной политики в «широком» (совокупность разных мероприятий государственной власти, оказывавших существенное прямое или косвенное целенаправленное или непреднамеренное воздействие на промышленное развитие, а также отношение правительства к промышленности вообще) и в «узком» (правительственная деятельность, «имеющая специальной задачей оказать то или иное воздействие на развитие промышленности») смыслах [2]. При изучении промышленной политики принципиальное значение имеет выявление причинных факторов, сама же промышленная политика может рассматриваться как их многокомпонентная результирующая. Это определяет необходимость обращения к самому широкому экономическому, социальному и культурному контексту развития российского общества, что, в свою очередь, невозможно без учета широкого спектра экстерналий — степени интегрированности и функционального положения страны в более широких международных системах, характеристик так называемого «общемирового пространства — времени».

Изучение промышленной политики объективно предполагает комплексный анализ, во-первых, принципиальных основ и логики ее выработки; во-вторых, непосредственного содержания предпринимаемых мер; в-третьих, хода, методов и механизмов ее осуществления; в-четвертых, результатов, оцениваемых в кратко- и долгосрочной перспективе с точки зрения степени их адекватности потребностям развития как промышленности, так и национальных интересов.

Такое абстрактно-логическое структурирование, по мнению автора, наиболее полно намечает проблематику, концентрирующуюся во взаимодействиях названных элементов. Последние и представляют собой процесс реализации промышленной политики. Подобный подход позволяет учитывать внутреннюю логику ее эволюции, ибо результаты осуществления того или иного курса, в свою очередь, на новом витке служили исходными посылками формирования задач и методов, они же определяли механизмы и конкретный ход реализации. В плоскостях названных взаимодействий — соотношения теоретических представлений и конкретных программ действий, их содержания и методов, а также фактически воплощенного на практике с точки зрения последующих перспектив, — лежат и принципиальные оценочные суждения как основа генерации исторического опыта.

Рассмотрим каждый из элементов предлагаемой структуры промышленной политики как объекта изучения, обозначив проблематику, важнейшие аспекты и подходы.

Основы промышленной политики определялись интересами господствующих социально-классовых групп и элит государства как некоего арбитра в их гармонизации, а также автономными интересами государства. В качестве самостоятельного направления изучения промышленной политики может рассматриваться историческая верификация механизмов выработки ее стратегии и тактики с учетом всех субъектно-объектных уровней этого процесса.

Самостоятельное значение имеет анализ развития системы органов государственного аппарата, ведавших промышленностью, с точки зрения различных источников и каналов инициирования, управления, контроля. Оценка дееспособности складывавшихся систем определялась комплексом вверенных прав, рациональной организацией внутренних и внешних связей, качеством информированности и компетентности с точки зрения сбора, переработки, верной оценки рассеянной экономической и прочей информации, а также, при всей важности личного состава государственного аппарата [3], его потенциальной способностью к деперсонализации действий. Выработка управленческих решений зависела от уровня экономических знаний, идеологических императивов, причем с весьма значимой поправкой на личностный фактор — теоретические и прочие воззрения и пристрастия глав государства, правительств, министерств, местных органов власти [4] и т.д.

Отечественная историография при изучении экономической политики преимущественное внимание традиционно уделяла социально-политическим, а не финансово-экономическим проблемам. Так, накоплен значительный фактический материал по различным аспектам взаимоотношений российского самодержавия с верхушкой дворянства и формировавшейся буржуазии, противоречий внутри бюрократического аппарата [5]. При этом явно недостаточно изученным и незаостренным проблемно остается вопрос о том, как различными общественными слоями осмысливался ход социально-экономического развития страны, насколько глубоко понималась степень взаимозависимости между индустриализацией и инновационными процессами в экономике в целом. Так, например,

сельскохозяйственная и промышленная политика традиционно рассматривались как две «стороны экономической политики» [6], а в выработке и восприятии последней сохранялось противопоставление искусственно взращиваемой промышленности и «исторически-национального» земледельческого промысла.

Ограничено востребованы и введены в научный оборот соответствующие материалы различных обсуждений в правительствах и подведомственных учреждениях, научных обществах проблем промышленной политики [7]. В данном случае, не «замыкаясь» на действиях и лицах, особенно важно отразить «идейный потенциал» этих обсуждений.

Значительный интерес вызывает изучение так называемой «обратной связи» — характера и механизмов влияния на целополагание и принятие решений в области промышленной политики различных социальных групп, так или иначе осознавших некие корпоративные интересы или определенным образом организованных (существенно рассмотрено как стихийного процесса самоорганизации промышленников, так и целенаправленной деятельности правительств в этой области).

Необходимы более взвешенные оценки и анализ того, насколько учитывались в проводимых курсах скрытые и явные, подлинные и мнимые, сиюминутные и рассчитанные на перспективу, «корыстные» и общественно ориентированные интересы (частные, групповые, общие) акторов промышленного производства и прочих хозяйствующих субъектов. Весьма симптоматично, что на современном этапе развития общественности все более осознанно звучит вывод о необходимости в исследованиях синкретического подхода — признания принципиальной сочетаемости, соединимости (а не абсолютизации и противопоставления) разнородных начал, отражающих различные стороны общественной практики.

Непрерывным направлением анализа механизмов «обратной связи» является исследование деятельности представительных организаций российской буржуазии, концентрированно выражавших интересы активных слоев предпринимательства. При всей источниковой доступности и видимой изученности этого вопроса [8] не обозначены такие важные аспекты, как анализ степеней «свободы» и «реализации» этих организаций (в частности, не выработаны методики оценки их фактического влияния на подготовку конкретных решений), а также того, насколько их программы соответствовали кардинальным объективным направлениям экономического развития.

Подобное изучение механизмов «обратной связи» позволяет выйти на качественно иной уровень обобщений и определить некий оптимум так называемого «диалогового» режима формирования и реализации промышленной политики, а также представить в исторической ретроспективе потенциал внесударственных институционально-корпоративных механизмов экономического регулирования, важность которых особенно ощущается в современной хозяйственной практике [9].

Под содержанием промышленной политики понимается прежде всего законодательное регулирование развития промышленности. В данном случае имеет

смысл принципиально исходить из того, что по мере изменения социально-экономического пространства высвобождающаяся правовая ниша постоянно заполнялась новым, адекватным ему содержанием, обеспечивавшим функционирование и развитие промышленности. Соответственно, промышленная политика может рассматриваться, с одной стороны, как перманентный процесс регулирования этой сферы, с другой, с точки зрения наиболее важных этапных моментов ее развития, как процесс смены правительств, курсов, программ и т.д.

Анализ содержания промышленной политики невозможен без спецификации законодательства, выявления его субъектно-объектной структуры (от какого органа государственной власти исходило, на что было направлено), привлечения для исследования подзаконных актов, инструкций и распоряжений, коллизионных норм.

Известно, что законодательные акты России, регулировавшие промышленность, условно делятся на три группы. Первая объединяет поток основных законов империи, относящихся к общему законодательству—Законы о состояниях, Уставы горный, торговый, промышленности; специальные законоположения—указы императора, положения Комитета министров, а затем Совета министров, Мнения Государственного Совета (они впоследствии становились частью общего законодательства, уточняя, расширяя, дополняя его в качестве примечаний или приложений к соответствующим статьям того или иного закона) составляют вторую группу; сепаратное законодательство—третью. Важность пристального изучения сепаратного законодательства определяется тем, что это была наиболее подвижная, фиксировавшая важнейшие экономические сдвиги составляющая государственного регулирования. Сепаратное законодательство служило выработке наиболее дееспособных правовых форм, при известных условиях формировало устойчивые прецеденты [10], а также отражало направления поиска приемлемых решений.

С точки зрения развития законодательства могут быть, в частности, выделены некие стадийные характеристики промышленной политики. Так, в законодательстве XVI—XVII вв. несмотря на известный опыт промышленного строительства практически отсутствовали постановления относительно промышленных производств [11]. В петровские времена, к которым восходят начала промышленной политики как особой сферы регулирования, она выражалась практически исключительно в предоставлении конкретным лицам особых льгот и монопольных прав. Первые законы общего порядка появились в 20—30-е гг. XVIII в.

Подобный ход эволюции законодательного регулирования промышленности своеобразно повторялся на новых витках развития экономического пространства. Он отражал поиски таких высоко генерализированных форм, процедур и стандартов, которые могли в значительной перспективе справиться с широким разнообразием менявшихся обстоятельств, а также переживания необходимых формально-рационального и «патриархального» (когда отдельные предпочтения и милости «испрашивались» в тиши министерских и прочих кабинетов) этапов регулирования промышленной сферы.

Содержание промышленной политики может анализироваться также в ключе выявления состава, иерархии и приоритетов ее направлений (соответствующим

щего инструментария), которые определялись важнейшими задачами промышленной политики на каждом конкретном этапе. В исторической динамике промышленного потенциала России правительственная политика выполняла различные задачи — от созидательной, координирующей, адаптивной, стабилизирующей, защитной до антикризисной. Приоритетные направления соответствовали решению наиболее насущных проблем как мультипликаторов — источников некоего негатива (нестабильности, ограничений потенциала роста и т.д.). В качестве важнейших направлений промышленной политики могут рассматриваться социальная (обеспечение рабочей силой, кадрами), финансовая (кредитная, инвестиционная), технологическая (научно-техническая, таможенная, инфраструктурная), сырьевая (земля, недра), рыночная (ценовая, налоговая, антимонопольная, прав собственности) ее составляющие.

Особым направлением анализа промышленной политики является ее региональный аспект. Картина экономической деятельности государства в отдельных промышленных районах представляется крайне пестрой и неоднородной. Поскольку региональные компоненты в развитии промышленной политики особо представлены на разных этапах, целесообразна постановка вопроса о том, в какие периоды отдельные промышленные районы выступали в качестве особых объектов промышленной политики.

Одна из важных сущностных характеристик промышленной политики связана с тем, что система предпринимаемых мер была на разных этапах различной по насыщенности. Это позволяет говорить о значимости формирования представлений о смене в ее развитии периодов эволюционных и реформаторских. Если говорить о моделях отношения государства к промышленности, то при всем многообразии национальных специфик достаточно характерным признан следующий образно представленный их ряд: сначала государство руководствуется лозунгом «Помочь встать на ноги» (явно выраженное покровительство), затем — «Предоставить самой себе» (обеспечение минимума необходимых условий) и, наконец, — «Дать костыли» (при параличе регулирующего рыночного механизма) [12].

Содержание и методы регулирования промышленной сферы целесообразно на важнейших этапах также оценивать и с точки зрения степени сложности. Эта шкала в своих крайних точках может быть представлена следующими оценками: промышленная политика как главная, многоканально действующая управляющая сила (высокий балл сложности), как рациональная и сравнительно простая «инструментальная» сила, роль которой сводится к инициированию событий, в дальнейшем определяющихся воздействием экономических переменных.

В определении, с точки зрения содержания, места промышленной политики в структурных изменениях национальной экономики, хотелось бы обратить внимание на недостаточную изученность факторов, связывающих все отрасли экономики в целостную народнохозяйственную систему» [13]. Важнейшими факторами, формировавшими специфику развития промышленности в России, были, с одной стороны, обеспеченность материальными ресурсами, делавшая возможным построение автаркичной экономической системы, с другой — аграрный характер экономики, условия перекачки в промышленность рабочей силы

и нараставший секторный разрыв между сельским хозяйством и промышленностью [14].

Говоря о методах российской промышленной политики, можно отметить, что ее эволюция своеобразно выражала переход от административно-мобилизационных методов модернизации к рыночным. Эта гипотеза о сути представляет известную тенденцию. Реально же сложный и неоднозначный характер процесса определяла координация различных методов, оцениваемых в шкале «силовые — экономические». На поворотных этапах развития отечественной экономики в задачах и конкретной практике важнейших курсов правительственной политики в отношении промышленности были представлены не только ярко выраженные рецидивы и неосознанные «запечатления» тех или иных методов, но и их целенаправленная организация. В этом преломлялись прежде всего действовавшие системы форм хозяйствования, а также потенциальная автономность интересов государства, выдвигавшего сообразные социальной ориентации, но экономически не- или малообоснованные решения. Промышленная политика в принципе не может рассматриваться иначе как сквозь призму соотношения (не путать с противопоставлением!) приказного и спонтанного порядков во всякой экономической системе. Речь идет прежде всего о представлениях возможностей рынка как экономического механизма, о его типах, совместимости с преобладающими принципами поведения в различных экономиках, включенных в более широкие социальные системы, пределах и формах оптимизации государственного регулирования [15].

В рамках названного соотношения очерчивались сферы, с одной стороны, регулирования, с другой — свободного координирования действий акторов промышленного производства. Последнее складывалось из скрытых форм спонтанной либерализации, легальных (допускаемых законодательно) и нелегальных (противодействующих системе) действий. Анализ смены моделей экономического «поведения» [16] и адаптации к ним акторов промышленного производства может стать своеобразным, весьма интересным ракурсом изучения промышленной политики. Следует подчеркнуть, что именно механизмы социально-экономической адаптации в весьма значительной степени были связаны со спецификой российской условий и национальной модели модернизации, поскольку развитие последней на всех этапах было связано с противоречивыми по своей природе факторами [17]. Традиционно в их ряду отмечаются несовпадение социального вектора модернизации с ее капиталистической сущностью, рыночное нивелирование производственных систем по образцу «индустриального капитализма» и активизация не исчерпавшего себя потенциала архаичных экономических форм, спонтанное развитие модернизационных процессов на собственной культурной основе и их форсирование сверху.

Оценка характера адаптационного взаимодействия акторов промышленного производства с экономической средой, в частности, может быть проведена с точки зрения степени их активности и результативности влияния на последнюю. Недостаточно адекватная по темпам и направленности обновляемость экономического и правового пространства подталкивала к различного рода выходам за его пределы, формировала прецеденты девиантного или оппортунистического

[18] поведения предпринимательства. Очевидно, что там и тогда, где и когда общеэкономические условия ставили акторов промышленного производства в положение «игроков в партии с краткосрочным временным горизонтом» [19], оппортунистическое поведение проявлялось во всех его формах — вплоть до воинствующе-эгоистичной экономической недобросовестности. Немаловажным в оценке адаптационных процессов представляется и внимание к тому, как на каждом из этапов развития экономической практики использовался открывающийся спектр новых возможностей, к тому, что было сделано не только благодаря, но и условно вопреки проводимой политике (в процессе как усвоения, так и отторжения обрабатываемых экономических правил складывался механизм саморегулирования промышленного развития, формировались его особые резервы).

Ход реализации промышленной политики может рассматриваться как процесс взаимодействия с культивируемой ею средой — промышленностью и экономикой в целом, представляемыми как особые сферы, функционирование и развитие которых подчинено собственным закономерностям, обладающих движущими силами, «встроенными стабилизаторами», инерционностью и т.д. Изучение реализации тех или иных мер позволяет выделять в промышленной среде силы и конкретные носители, которые способствуют однонаправленным предпринимательским изменениям или, напротив, их тормозят. В более длительной исторической перспективе они могут быть оценены как прогрессивные, деструктивные и т.д.

Баланс позитивных и негативных итогов государственного регулирования промышленной сферы, то есть конкретные результаты, скорость и цена достижения поставленных задач определялись целым рядом факторов. Почвенность конкретных мероприятий зависела от того, насколько полно и точно учитывались этапные характеристики экономических, социальных, демографических, политических процессов. Результативность их была непосредственно связана с реализацией отражавших состояние исторически обусловленных хозяйственных структур, интересов различных акторов промышленного производства — отраслевых, региональных, корпоративных групп, элит, предприятий. Они складывались из характеристик наличного производственного аппарата (количество и качество производственных фондов), сырья (доступность с точки зрения конкретных геополитических и технико-технологических и экономических условий), кадрового потенциала (численность, квалификация, воспроизводство), инвестиционных возможностей, организационных ресурсов, положения на рынке (сбыт, прибыль и т.д.).

Дееспособность проводимых курсов определялась также верной расстановкой задач по приоритетам, в том числе определенном в их ряду своеобразных «рычагов». Особого учета требует анализ различных транзакционных издержек, в том числе «аффекта запаздывания» в формировании и постановке целей, в принятии решений, в выборе методов и инструментов, каждый из которых обладает свойственной его природе временным лагом (различной скоростью подключения и срока работы, неодинаковой структурой интенсивности воздействия на цель).

В заключение хотелось бы в некоторых общих характеристиках представить историографическую ситуацию в исследовании проблемы российской промышленной политики, а также отметить наиболее перспективные направления и подходы в ее изучении.

В отечественной историографии промышленная политика рассматривается, как правило, в глобальных рамках, детерминированной широким спектром условий российской экономической политики в целом [20]. С другой стороны, при освещении проблемы из претендующей на известную целостность сферы промышленной политики нередко изымаются отдельные ее составляющие, рассматриваемые как самостоятельные. Все это находит некоторое негативное отражение в индустриальной (общероссийской и региональной) историографии, которая так или иначе связана с проблемой государственного регулирования промышленного производства и содержит немало исследований, представляющих хронологические и тематические ее аспекты.

В толковании сложившейся историографической ситуации представляется необходимым обратить внимание на следующие положения. Во-первых, несомненно, самой высокой оценки заслуживает стремление к многомерному представлению промышленной политики, расширению спектра объясняющих переменных — макроэкономических, хозяйственно-экономических, технико-технологических, социокультурных, политических, институциональных, личностных, экстерналиных. В этом — стратегия разработки проблемы. Такой подход позволит избегая искусственной изолированности представления промышленной политики определить ее роль в структурных изменениях национальной экономики, что в условиях сложной, с точки зрения секторной, отраслевой структуры, а также многоукладности экономики России представляется особенно важным [21].

Во-вторых. Все новые и новые аргументы обретают вывод о необходимости «вычленения» промышленной политики из экономической, наполнения этого понятия конкретным содержанием, в его хронологической и сущностной определенности. К сожалению, приходится констатировать, что обращаясь к проблеме историки и экономисты, как правило, оперируют весьма ограниченным, переходящим из публикации в публикацию набором фактов. Это неминуемо приводит к их «стилизации», а также увлечению механистическим теоретизированием и схоластической эконометрикой в аргументации.

Дабы не впасть в «грех» умозрительных построений и не повторять «общие места», в качестве одного из приоритетных на настоящий момент направлений в исследовании данной проблемы, следует, по убеждению автора, рассматривать анализ промышленной политики как процесса *перманентного*. Такой подход позволит проанализировать внутренне присущую ему структуру, отказавшись от традиционного формального представления ее эволюции с точки зрения смены царствований, правительств, курсов и программ, что весьма ограниченно способствует генерации нового знания. Именно с этим подходом автор связывает выявление закономерностей эволюции промышленной политики в динамично менявшемся российском социально-экономическом пространстве, более тонкую дифференциацию ее природы, общих и этапных особенностей, типологических свойств и национально-исторической специфики.

Анализ соотношения внутренней структуры промышленной политики с ходом объективного экономического развития, последовательно-историческим рядом, характером «встроенности» каждого конкретного правительственного мероприятия в сложную последовательность событий и механизмы взаимодействия экономических и прочих переменных представляется перспективной основой анализа ее исторического опыта — «аналогий позитивных и негативных решений» [22] проблем создания, развития и использования промышленного потенциала страны. Большой потенциал обобщений предоставляет сравнительное изучение страновых промышленных политик как в целом, так и с учетом их регионального компонента, а также освоение методик обнаружения ситуаций альтернативности в процессе исторической эволюции [23]. Изучение возникающих в ходе выработки и реализации промышленной политики альтернативных возможностей позволит фиксировать внимание не только на состоявшихся, но и на упущенных ее направлениях, состояниях, перспективах (используя столь нелюбимое историей сослагательное наклонение для «отделения зерен» исторического опыта).

Одним из наиболее востребованных современностью аспектов изучения исторического опыта промышленной политики представляется изучение моделей и механизмов социально-экономической адаптации различных стран и акторов промышленного производства, ретроспективный анализ рассматриваемых в рамках промышленной политики изменений в ряду модернизационных, которые открывали новый уровень и спектр адаптивных возможностей. Особенно интересны в этой связи исторические аналогии постфеодального и постсоциалистического периодов, которые могут быть идентифицированы и интерпретированы в категориях теории переходной экономики, характеризующейся неким системным вакуумом, когда ни один из спектра методов координации деятельности экономических агентов не являлся доминирующим [24].

Каждое из представленных как перспективное направление предъясвляет особые требования к качеству аргументации, а значит и к фактической базе исследования, в частности, диктует целесообразность формирования баз данных по законодательству, динамике промышленного производства, его качественным производственно-экономическим характеристикам. Извлечение не искаженного сиюминутными запросами современности знания невозможно без детального анализа важнейших механизмов эволюции промышленной политики, наиболее полной спецификации и систематизации мер экономического, правового и административного инициирования, регулирования и контроля. Только на таком уровне исследования и представления собственно исторических исследований, когда «революция конкретно-проблемных разработок» опережает «революцию оценок», они оказываются востребованными с точки зрения как развития теоретических представлений, так и практической актуализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Роуни Д. Отношения между государством и экономикой в России в период индустриализации: взаимодействие теории и количественных методов // История. Статистика. Информатика. Материалы научного семинара «Статистическое программное обучение для историков». Барнаул, 29-31 мая 1994 г. Барнаул, 1995. С. 211—221.
2. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 11—12.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 3, 18—20.
4. Гиндин И.Ф. Как оценивал С.Ю. Витте свою экономическую политику. О возможных источниках для изучения проблемы // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. Ч. 1. М., 1993.
5. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1975; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Л., 1986; Он же. Из истории экономической политики царизма в 1907-1914 гг. // Исторические записки, 1983. Т. 109; Он же. Выбор пути экономического развития России (конец XIX — начало XX вв.) // Реформы или революция. Россия 1861-1917 гг. СПб., 1992; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; Он же. Проблема промышленного развития России в финансовой политике царизма начала XX вв. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987; Он же. Промышленность или сельское хозяйство? Проблема смены курса политики царизма в начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии конце XIX — начале XX в. М., 1988; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; Он же. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л., 1990.
6. Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства (Выбор пути экономического развития России. 1892-1914 гг.) // История СССР, 1991. №3. С. 65.
7. Среди немногих, вышедших в последние годы и частично ликвидирующих пробелы в изучении этих вопросов, следует отметить следующие исследования: Аликкин А.В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990; Смирнова О. Россия на пороге XX века. Общественно-политическая дискуссия о путях социально-экономического развития страны. Оренбург, 1995.
8. Лявшин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в конце XIX — начале XX в. // История СССР, 1959. №2; Буранов Ю.А. Съезды уральских горнопромышленников в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С.268-282; Пушкина Т.Л. Опыт административного контроля правительственными учреждениями съездовских организаций сибирских предпринимателей в конце XIX — начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — начало XX в.). Барнаул, 1995. С.36-53; Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А. Съезды золото- и платинопромышленников Урала. 1897-1919. Екатеринбург, 1997.
9. См., напр.: Медведев В. Наши перспективы в контексте мировых трансформационных процессов // Свободная мысль, 1997. №3. С. 34-36.
10. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 98-110, 121-128.
11. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С.40
12. Нуссбаум Х. Государство и экономика в Германии. Конец XIX — начало XX в.

// Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX — начале XX в. М., 1986. С.176.

13. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.3.

14. Ояндук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995.

15. Эрроу К.Дж. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. Т.1. Вып.1. С.53-68; Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля, деньги // Там же. С.10-17.

16. Под поведением в данном случае понимаются обобщенные типовые характеристики (образцы) и осмысленные результаты действий.

17. Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1993. №7. С.3-39; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Там же. С. 40-56; Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии, 1993. №5. С. 107-109.

18. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS, 1993. Том.1. Вып.3. С.44-45.

19. Основы теории переходной экономики. Киров, 1996. С.84.

20. Едва ли не единственным, сфокусированным в значительной степени на промышленной политике, является монографическое исследование Л.Е. Шепелева «Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики» (Л., 1973), однако и здесь автор особо оговаривает рассмотрение ее в связи с важнейшими направлениями экономической политики.

21. Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства ... Указ. соч. С.64-81;

22. Алексеев В.В. Исторический опыт как предмет изучения. XVIII Международный конгресс исторических наук. Montreal-Екатеринбург, 1995. С.34.

23. Гребениченко С.Ф. Технологии обнаружения ситуаций альтернативности в процессе исторической эволюции. М., 1995.

24. Экономика переходного периода. М., 1995; Основы теории переходной экономики. Киров, 1996.

RUSSIA'S INDUSTRIAL POLICIES OF THE XVIII – THE EARLY XX CENTURIES AS A FACTOR OF MODERNIZATION

The article proposes operational definition of the industrial policies, outlines actual directions and approaches to studying it from the viewpoint of revealing the evolution logic through the changing Russian socio-economic space as well as of differentiating the nature, peculiarities of stages, technological characteristics and nation's historical specifics.

L.V.Sapogovskaya

ИДЕЯ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

По мере развития экономического кризиса и поляризации политических сил современной России остается все меньше возможностей преодолеть данные негативные явления демократическими средствами. Делаются попытки переосмыслить модернизационные возможности авторитарных режимов, ссылаясь на опыт широкомасштабных преобразований в таких странах как Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Бразилия, Чили и пр. Свобода (в первую очередь — политическая) при этом перестает рассматриваться как неперемное условие и важнейший элемент модернизации общества. Ее место занимает критерий политической стабильности. Быстрое экономическое развитие указанных стран при значительном уровне индустриализации, изобилии потребительских товаров и растущем уровне и качестве жизни населения выглядят особенно убедительно на фоне происходящих в России спада производства и обнищания населения.

Однако далеко идущие выводы делаются на основе анализа процессов, длительность которых не превышает нескольких десятилетий. В развернутой же исторической перспективе ускоренное развитие одних сфер жизни общества за счет консервации или регресса других не представляется благотворным открытием. Пример России, которая, повинувшись организационному таланту и железной воле Петра I, в течение одного поколения оказалась «западнее Запада», а затем более столетия платила за внутреннюю несогласованность преобразований, здесь вполне уместен.

ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, МОДЕРНИЗАЦИЯ

Процесс модернизации, то есть перехода от традиционного общества к индустриальному, в Западной Европе и странах европейской «полупериферии» (Российской и Османской империях, Прусском и Польском королевствах и пр.) протекал по принципиально различным сценариям.

В Западной Европе он зародился в XVI столетии и в дальнейшем развивался как спонтанное и комплексное изменение всех сфер общественной жизни: экономической, политической, социальной и культурной. Истоки процесса лежали в логике развития самой общественной жизни, то есть главным действующим лицом было общество, стремившееся к более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей. Роль государства не была определяющей: в конечном итоге она сводилась к приспособлению к менявшимся реалиям общественной жизни. В тех случаях, когда государство не справлялось с этой задачей, общество отвечало социальными движениями, корректировавшими правительственную политику или даже менявшими политический строй. Модернизация носила характер постепенного и длительного поиска никем не освоенного, оригинального пути развития.

Отставшие в развитии страны «полупериферии» оказались перед дилеммой: проведение своей модернизации (вторичной и подражательной по отношению к Европе) или превращение в контролируемый извне источник сырья для европейского рынка (то есть в «звено» чужого модернизационного процесса). Вариант постепенной модернизации в непосредственной близости от Европы был безвозвратно потерян. В Польше процесс пошел без определяющего влияния государства, что, казалось бы, роднило польскую модернизацию с западноевропейской. В результате центробежные силы в лице ориентированных на европейский рынок магнатов и компрадоров подорвали могущество монархии, затем последовал крах самой польской государственности. На фоне этой катастрофы более успешными представляется опыт России, Пруссии и Турции, в которых вдохновителем, идеологом и руководителем модернизации (или по меньшей мере чрезмерно строгим и придирчивым куратором) выступило государство. Однако это было лишь меньшим из двух зол. Издержки искусственного ускорения экономических, политических и культурных преобразований неизбежно должны были быть отнесены на счет социальной сферы, то есть прав и благосостояния народа.

В царствование Петра I Россия по многим показателям не только догнала, но и перегнала Западную Европу именно благодаря закреплению и усилению крепостного права. Тем самым петровские реформы заложили фундамент будущего застоя и нового отставания. Для того, чтобы пояснить эту мысль на примере развития металлургической промышленности Урала, позволим себе обширную цитату из работы видного экономиста первых лет Советской власти А.П.Спундз: «Уральская металлургия выросла поразительно быстро. Но она выросла не в качестве органически прогрессивного элемента в теле феодальной экономики. Наоборот, ... феодальный строй в лице Петра оказался достаточно силен, чтобы для продления своего существования создать исторический уникум — промышленность на крепостном труде. Зародышу будущего Петр придает реакционную социальную форму. ... Этим он настолько укрепил класс феодалов и настолько ослабил неизбежный рост буржуазии и буржуазных отношений, что русское дворянство, которое к началу его царствования почти полностью исчерпало свои внутренние силы, сумело сохранить монопольную власть еще на 200 лет. С этой точки зрения потрясающая картина гниения послепетровской России является естественным и закономерным следствием успеха его реформ. Промышленность на Западе толкала феодализм к могиле. Крепостная промышленность Петра усиливала его. ... Европейские заводчики под угрозой гибели в конкурентной борьбе должны были тратить высокую долю прибыли на расширенное воспроизводство и техническое переоборудование заводов. А уральская металлургия родилась и выросла, окутанная монополиями на рабский труд, на леса и недра, монопольной защитой от могущих возникнуть рядом конкурирующих предприятий. Закрывшийся всяческими видами монополий уральский горнозаводчик тратил на расширенное воспроизводство совсем ничтожную часть своих прибылей. Отсюда застой и загнивание уральской металлургии и ... ее исключительный паразитизм»[1].

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

Однако в течение всей первой половины XVIII столетия порочность российской модели модернизации еще не могла быть осознана во всей полноте. С одной стороны, петровские преобразования были успешны, масштабны и стремительны (создание соответствующей европейским образцам административной системы, регулярной армии, флота, мощной горнозаводской промышленности и т.д.). С другой стороны, идеология европейской модернизации находилась в процессе становления, еще смутно подозревая, что в своей основе должна утвердить понятие свободы.

Свобода реализуется в общественных отношениях. А поскольку различные социальные группы объективно имеют противоречащие друг другу интересы, расширение сферы свободы одних чревато ограничением свободы других. «Свобода неотделима от конкретной исторической, социокультурной ситуации, целеустремленности, избирательности; это — всегда свобода в каком-то определенном отношении, в той или иной степени», — пишет современный философ Л.А.Коган[2]. На зыбкость и многозначность понятия свободы в свое время указывал и Ш.де Монтескье: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода». Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие — право избирать того, кому должны повиноваться; третьи — право носить оружие и совершать насилия; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. ... Иные соединяют это название с известной формой правления, а люди, пользовавшиеся благами монархического правления, — с монархией. Наконец, каждый именовал свободой то правление, которое наиболее отвечало его обычаям или склонностям»[3].

Британская индустриальная революция второй половины XVIII в. окончательно убедила европейцев в том, что труд свободного наемного работника эффективнее, чем труд подневольный. Свобода соединилась с экономической выгодой — перпетуум-мобиле формировавшегося буржуазного общества. Но в абсолютистской Европе она еще продолжала осознаваться преимущественно в терминах отрицания и противопоставления: свобода от чего-то, свобода против кого-то, свобода как некий предел, при нарушении которого властями народ получает право «взяться за меч». Понимание свободы как зависимости от законов, как права «делать все, что дозволено законами», предложенное Локком, Монтескье и Вольтером[4], воспринималось как перспектива на неопределенное будущее.

Благодаря работам британских и французских философов XVII — XVIII вв. (Дж.Локка, Ш.Монтескье, Ж.-Ж.Руссо и др.) свобода также стала ассоциироваться с демократией, то есть властью народа. Великая французская революция явилась для современников реализацией демократии (превращением из определенного направления мысли в соответствующие ему социальные движение и политический режим) и одновременно — разоблачением ее несостоя-

тельности, доказательством тождества реальной демократии и охлократии. «В нестройные времена ужаса, ... обрызганные кровью нечестивцы с жадным оком и несатым сердцем рыскали по пределам мятущейся Франции, святотатствуя в храмах и даже самые прахи усопших из могил исторгая ...» — таково типичное восприятие революции русским дворянином, отнюдь не реакционером-крепостником, а одним из будущих видных деятелей движения декабристов Ф.Н.Глинкой[5].

В то время, когда Европа разочаровалась в идее демократии, в США сформировались и впервые в мировой истории «заработали» с должной степенью эффективности демократические институты и механизмы власти. Но даже американцы вначале старались избежать термина «демократия» и именовали свою форму представительного правления просто «республикой». «Под демократией понимается правление, при котором законодательная власть осуществляется непосредственно всеми гражданами, как в прежние времена в Афинах и Риме. В нашей стране эта власть находится в руках не народа, а его представителей. Власть народа, по существу, ограничена непосредственным использованием права голоса. Отсюда явное различие между формой правления у нас и в древних демократиях. Наша форма правления получила название республики или, скорее, представительной республики. Поэтому и слово «демократ» используется как синоним французского якобинца», — писал в 1800 г. Н.Уэбстер. По самым смелым оценкам реабилитация терминов «демократия» и «демократ» началась в Америке не ранее 1828 года[6]. В Европе она началась еще позднее: после выхода в свет книги французского историка, социолога и политика А.Токвиля «Демократия в Америке» (I т. — 1835 г., II т. — 1840 г.)[7].

Но до этого европейская общественная мысль пережила весьма затруднительное положение: свобода была осознана как требование не только морального, но и экономического порядка, а демократия уже оказалась скомпрометированной. Выход был найден в идеологии либерализма. Парадигма либерализма предполагает: в мировоззренческом плане — принцип индивидуальной свободы, терпимость к чужим взглядам, признание «естественных» неотчуждаемых прав; в экономическом плане — невмешательство государства в экономику, свободные рынок и конкуренция; в политическом — правовое государство и гражданское общество, предпочтение методов эволюционно-реформистских преобразований перед революционными; в социальном — признание каждого человека самодостаточным для обеспечения своего материального и духовного благополучия. Для Европы, перед которой стояла двойная проблема закрепления позитивных результатов революции и избавления от разгула охлократии, либерализм стал инвариантным ценностным ядром всего модернизационного процесса.

С этого же временного периода — рубежа XVIII — XIX вв. — для стран «полупериферии» либерализм становится критерием «глубины модернизационного эффекта», помогающим ответить на вопрос, «копирует ли модернизация внешние — материальные, технологические, институциональные — проявления передовой цивилизации, или она нацелена на освоение ее глубинных социокультурных механизмов»[8].

ДИАЛЕКТИКА РОССИЙСКОЙ СВОБОДЫ

Россия как страна-реципиент европейской модернизации чутко реагировала на все изменения понятия свободы. Но поскольку именно очевидная несвобода составляла экономический базис российской модернизации, данная сторона западной модернистской идеологии казалась неприемлемой. Тут-то и пригодилась способность понятия «свобода» менять содержание в зависимости от конкретно-исторической и социокультурной ситуации.

В продолжение всего XVIII в. шел процесс сокращения сферы государственной власти и расширения сферы свободы, но лишь для дворянского сословия. Закон 31 декабря 1736 г. ограничил обязательную дворянскую службу 25-летним сроком. Затем последовал манифест Петра III от 18 февраля 1762 г. о даровании «вольности и свободы российскому благородному дворянству». Манифест был составлен не без лукавства: государство в лице монарха не только высказывало в нем надежду на то, что дворяне «будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностию и желанием в оную вступать и честным и ненадзорным образом оную по крайней возможности продолжать», но и повелевало не служивших, «яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества»[9]. Логическим завершением данного процесса явилась так называемая «Жалованная грамота дворянству» Екатерины II от 21 апреля 1785 г.: «Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу»[10]. Кроме освобождения от обязательной службы «Грамота» гарантировала неприкосновенность «чести, жизни и имения», закрепляла иные сословные личные и общественные права.

Лишившись существенной доли власти над «первенствующим сословием», государство не особенно пострадало: оттока дворян со службы не произошло. Действительно страдающей стороной оказалось крепостное крестьянство, права которого «Грамота» и иные указы Екатерины II (от 13 декабря 1760 г. — о праве помещиков ссылать крепостных в Сибирь; от 17 января 1765 г. — о праве помещиков отправлять крепостных на каторгу и пр.) окончательно свели к нулю. «Усиление зависимости крестьян было прямым и неизбежным последствием предоставления дворянам свободы», — писал историк российского либерализма В.В.Леонтович[11]. Другой исследователь — Ю.М.Лотман отмечал в «Грамоте» очевидное стремление «подделаться» под свободолюбивые европейские идеи: «Культурный парадокс сложившейся в России ситуации состоял в том, что права господствующего сословия формулировались именно в тех терминах, которыми философы Просвещения описывали идеал прав человека»[12].

Закономерно, что идеи зарождавшегося либерализма были занесены в Россию императрицей, олицетворявшей государство, то есть главное действующее лицо российской модернизации. Подражание европейскому свободолюбию было прямым следствием подражательности всей российской модернизации. При этом внешнее копирование было столь убедительно, что ввело в заблуждение даже мэтров европейской философии. Вольтер считал правление Екатерины

образом просвещенного реформаторства, Гельвеций относил ее к числу монархов, способных просветить мир. Однако как только российская общественная мысль коснулась фундаментального отличия отечественной модернизации от европейской (опоры на крепостническое принуждение вместо вольного найма), монархия покончила со своими идеологическими играми самым решительным образом. Поднявшего «проклятый русский вопрос» А.Н.Радищева просвещенная императрица назвала «бунтовщиком хуже Пугачева» и сослала в Сибирь.

После пугачевщины, Радищева и французской революции было уже невозможно не замечать отличия модернизационного процесса в России от европейского образца. Доктрина либерализма, зародившись в работах Дж.Локка, Монтескье, Вольтера, получила развитие в трудах И.Канта, А.Смита и обрела зрелость в политических идеалах Ф.Гегеля. Подмена понятия свободы была более невозможна. Российские сторонники дальнейшей интеграции с Европой (абсолютное большинство «образованного меньшинства») должны были принять как данность либеральные ценности. Вопрос теперь заключался в их совместимости с российской действительностью. Крепостное право — зло, но зло, которое следует уничтожить или с которым следует смириться? «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу, но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных, ныне имеют навык рабов», — писал Н.М.Карамзин, полемизируя со сторонниками отмены крепостного права[13]. Распад идеологического фундамента под политической системой России вступил в новую фазу.

Весь XVIII век Россия делала вид, что неуклонно идет по европейскому пути. В начале XIX в. перед ней встала задача осознанного выбора между комплексным принятием европейской модели развития или продолжением петровской феодальной модернизации. Следующие шесть десятилетий основное содержание политической истории страны составляла напряженная, а порой и драматическая борьба сторонников различных решений этой дилеммы. Александр I, страстно желавший искоренения крепостного права во всей империи, сумел добиться его отмены в трех прибалтийских губерниях, а в общероссийском масштабе — лишь издания указа о вольных хлебопашцах. Николай I не был замечен в стремлении облегчить участь несчастных соотечественников, но сделал на этом поприще не менее своего либерального предшественника (передача в казенное управление малоземельных поместий, предоставление свободы крестьянам Молдовы и Валахии, выкуп крепостных у помещиков-однодворцев, запрет продажи крестьян без земли и покупки их безземельными дворянами, закон об обязанных крестьянах). Что представлял собой крут лиц, который был способен вносить столь существенные коррективы в планы российских монархов?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ

Теоретически при неограниченной монархии должен существовать только один политик, стоящий над им сформированной и выполняющей его волю бюрократией. В реальности это, разумеется, не так. Наличие властвующей элиты

является универсальным правилом для любых типов общества и государственных устройств, не исключая тех, идеологию которых составляют самодержавие сакрализованного монарха или эгалитаристские теории. «С сотворения мира всегда, как правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархии и для республики, для эпох реакционных и революционных. Из управления меньшинства нет выхода...», — утверждал Н.А.Бердяев.

В числе основополагающих идей современных демократий важное место занимают теории элитного плюрализма и баланса элит. Властвующую элиту составляют как минимум такие типы элит, как политическая, экономическая, военная, идеологическая. Их слияние, нерасчлененность, концентрация всех видов власти в одних руках равносильны гибели демократии. Крайняя разрозненность элит, потеря возможности диалога грозят развалом государства. Оценим с этих позиций состояние российской властвующей элиты XVIII — первой половины XIX в.

Первое, что следует отметить, — узость социальной базы формирования, не говоря уже о узости круга лиц, причастных к процессу формирования властвующей элиты. Элиту составляли почти исключительно дворяне, при этом обычно представители наиболее знатных и богатых родов. Политическая, военная, экономическая и идеологическая элиты были представлены одними и теми же людьми. Правда, переломные эпохи, властно требовавшие появления недюжинных энергичных деятелей, выдвигали таковых и из социальных «низов». Правление Петра I и, в частности, головокружительная карьера А.Д.Меншикова — лучшее тому подтверждение. Но в том-то и дело, что затем до конца XVIII в. история России была отмечена не «переломами», а дворцовыми переворотами. В начале следующего столетия именно острая необходимость в реформаторах выдвинула на самый верх российской политики М.М.Сперанского. В числе обвинений предъявляемых противниками, было и его социальное происхождение (прозвища госсекретаря «в свете» — «Попович», «Семинарист»).

Почти все сферы государственного управления были военизированы, и для дворян, не прошедших воинскую службу, карьера по статской и придворным частям была значительно затруднена. Ю.М.Лотман отмечал, что «почти до самого конца «петербургского периода» правительство в случае, если требовался энергичный, расторопный и желательный честный администратор, предпочитало не «специалиста», а гвардейского офицера»[14]. Существует характерный анекдот о том, как Николай I утвердил претендента в должности товарища министра финансов только потому, что тот был «из конной гвардии»[15]. «Русский государственный строй — это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства», — писал Астольф де Кюстин[16].

При отсутствии в крепостнической России полноценных рыночных отношений предпринимательская деятельность не была обеспечена достаточными гарантиями и не давала своим субъектам желаемого положения в обществе. Политическая власть оставалась главным экономическим ресурсом. В царствова-

ние Елизаветы Петровны все металлургические заводы Урала, за исключением Екатеринбургского и Каменского, были приватизированы чиновной аристократией, оказавшей поддержку «дщери Петровой» в борьбе за престол. Показательна и эволюция династий крупнейших уральских земле- и заводоладельцев Строгановых, Демидовых, Яковлевых. Позднейшие представители этих семей все более демонстративно дистанцировались от «неблагогородного» занятия управления собственными заводскими хозяйствами. Демидовы, прибывшие на Урал в начале XVIII в., совершили эту эволюцию быстрее, чем Строгановы, обосновавшиеся в Прикамье в середине XVI в., Яковлевы, приступившие к купке и строительству заводов в крае в 1770-х гг., — еще быстрее. Такое «одворянивание» богатейших людей России не позволяло буржуазии сложиться в независимую экономическую элиту, реальную политическую силу.

Роль относительно самостоятельной идеологической элиты могла достаться Русской православной церкви. Однако ее теократические притязания вызвали ответную реакцию со стороны монархии и тем самым закрыли и эту возможность. Процесс, начавшийся с конфликта царя Алексея Михайловича со своим прежним «собинным другом» патриархом Никоном, привел к замене власти патриарха коллегиальным Синодом при Петре I. В послепетровское время обер-прокурор (на место которого избирали «из офицеров доброго человека, кто имел бы смелость и мог управление синодского дела знать») стал фактическим руководителем святейшего Синода. Огосударствление церкви завершилось. Формирование идеологии как светской, так и духовной оказалось в безраздельном ведении государства.

Налицо нерасчлененность, монолитность российской властной элиты. Монолитность в смысле не отсутствия внутренней борьбы за власть и политической идиллии, а социальной однородности и единства кадрового состава. До реформ 1860 — 1870-х гг. уместно говорить даже не о неразвитых экономической, идеологической, военной элитах, а об экономической, идеологической и военной функциях элиты политической. Уточним, что речь также не идет об отсутствии в России крупных предпринимателей или модных «властителей дум». Речь об элите, следовательно, о власти — возможности и способности навязывать свою волю.

В России рассматриваемого периода не существовало избирательного права, значит, не могло быть и собственно публичных политиков. Не было политических партий, легальных политических движений. Общественное самоуправление даже в его сословном варианте было ограничено функциями распорядительной власти. Эту черту российских общества и государства отмечал Гегель, писавший об отсутствии такой социальной организации, «где существуют права относительно независимых особенных кругов и где произвол чиновного мира предотвращается сопротивлением подобных правомочных кругов» [17]. Поэтому бесполезно искать политиков общенационального масштаба вне государственной организации (если, конечно, не рассматривать столь крайних вариантов, как Е.И.Пугачев) или пытаться внутри этой организации отделить собственно политиков от бюрократов, чиновников.

Политическая элита России XVIII — первой половины XIX вв. — это немногочисленная группа лиц, занимавших командные посты в управлении го-

сударством. Правомерно также поставить знак равенства между понятиями «политическая элита» и «административная (функциональная) элита», «высшая государственная бюрократия». Вопрос о том, кого отнести к этой категории, вернее, где провести нижнюю иерархическую границу этого слоя, в некоторой степени является делом вкуса. По аналогии с современностью представляется, что она не должна опускаться ниже губернаторского поста.

В современной научной литературе термин «бюрократия» имеет двойное значение: это «одновременно и институтированная общность людей, функционирующая в рамках целенаправленно созданных организаций и соответствующего нормативного порядка, и сама система таких организаций»[18]. Согласно веберовской традиции, основными признаками бюрократии являются иерархическая субординированность, обусловленность законами и рациональность ее деятельности, независимость принимаемых решений от желаний конкретных исполнителей, политическая нейтральность чиновников и кадровая политика, основанная исключительно на личных деловых качествах и заслугах чиновников[19]. Эта ставшая классической модель бюрократии в данном случае нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, М.Вебер определял признаки бюрократии, подразумевая наличие в государстве публичных политиков. Таковых, как писалось выше, в России изучаемого периода не было. Соответственно, государственная политика от разработки курса до его реализации находилась в руках царя и высокопоставленных чиновников. Во-вторых, сама веберовская модель в дальнейшем подверглась пересмотру в трудах Э.Мейо, Г.Саймона, П.Блау, М.Кроузе и других исследователей. При этом речь шла не столько о критике, сколько о соотношении с реальностью «идеального типа», сознательно сконструированного Вебером как отвлеченная теоретическая схема. В результате достоинство таких постулатов, как политическая нейтральность бюрократии и безличность ее решений было поставлено под сомнение. Современный исследователь волен рассматривать политику как неформальный фактор, влияющий на функционирование бюрократической системы, но не учитывать его уже не имеет возможности.

«ЛИБЕРАЛИСТЫ»: ОТ ЗАГОВОРА ДО ВЛАСТИ

«Свобода — душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиноваться законам, но не рабам...»[20]. Понимала ли Екатерина II, вторя мыслям Монтескье и Вольтера, сколь опасные для российского самодержавия игры она затеяла? В конце правления ей уже пришлось бороться с вышедшими из под контроля «либералистами» А.Н.Радищевым и М.Н.Новиковым. И был еще автор конституционного «Рассуждения» Д.И.Фонвизин, которому, по словам Пушкина, не избежать бы судьбы Радищева, «если б не чрезвычайная его известность»[21]. Был участник американской и, возможно, французской революций литератор Ф.В.Каржавин[22]. И все же в конце XVIII в. «либералистов» в России — единицы. Благоприятная пора для развития российского либерализма наступила в начале следующего столетия. На престоле — враг самодержавия и крепостничества. В отличие от своей державной бабки Александр I уже через две недели после воцарения пытался приступить к решению

«проклятого русского вопроса»: внес на рассмотрение Государственного совета проект закона о запрещении продажи крепостных без земли. Его же царствование было ознаменовано появлением в России первого общественно-политического движения, исповедовавшего идеалы либерализма, — движение декабристов.

Трагизм ситуации заключался в том, что либеральным устремлениям монарха и передового дворянства не было суждено соединиться. Между либеральным мифотворчеством Екатерины II и радикальным либерализмом Радищева — пропасть ценностного, идеологического характера. Между Александром I и декабристами, особенно в период 1818 — 1821 гг. — дистанция, обусловленная главным образом иерархическими соображениями царя. Заговорщики даже пытались оказать помощь тайным замыслам монарха, как это было во время полтавского эксперимента 1818 г.[23]. Сложившаяся парадоксальная ситуация весьма точно подмечена историком и писателем Н.Я.Эйдеманом в романе «Большой Жанно»: «Все мечтания о свободах, вся либеральность произошла от царских речей, проектов, «дней Александровых прекрасного начала». Он сам, царь, как бы создал нас (декабристов — В.Ш.): хоть принимай его в тайный союз, выходи с ним на площадь».

Александр — на троне, декабристы — в гвардии, армии. Между ними — государственная бюрократия. Отпор либеральным устремлениям царя она дала решительно и твердо, будь то «екатерининские старики» — члены Государственного совета или «молодые друзья» — члены Негласного комитета[24]. Возобладали соображения не государственного, а сословного порядка. Только в начале 1820-х гг. Александр, устав от глухого противодействия собственных сановников, расстался с надеждой на коренную либерализацию режима. В это же самое время декабристы потеряли веру в «просвещенного монарха» и приступили к перестройке своей организации для ведения насильственной революционной борьбы. Впрочем, даже на рубеже 1825 — 1826 гг., в Петропавловской крепости, они все еще надеялись, что монарх призовет их, выслушает и пойдет вместе с ними по пути либеральных преобразований. Увы, на троне была уже совсем иная политическая фигура — царь Николай I.

Известный историк Х.Сетон-Ватсон писал об отношении этого монарха к проблеме реформирования страны: «Николай был недоверчив к нововведениям, но непреклонен в принципах. Он принял результаты политики брата. В частности он дал клятву польской конституции. Он подверг внимательному изучению те проекты дальнейших реформ, которые были в рассмотрении на момент кончины Александра I. Он сознавал несправедливость крепостничества, но не верил в возможность его скорой отмены: он предпочитал череду постепенных реформ, медленно проводившихся по обычным бюрократическим каналам. ... Он также воображал себя наследником Петра Великого. Он держал бюст своего великого предшественника на рабочем столе и говорил одному сановнику: «Это образец, которому я стремился следовать все мое царствование». В самом деле ... он продолжил процесс модернизации страны, начатый Петром»[25].

Последнее замечание нуждается в уточнении. Возможность «почивать на лаврах» петровской феодальной модернизации иссякла вместе с XVIII столе-

тием. Возможность квазилиберальных игр, не затрагивавших основу основ социального строя России — крепостного права, осталась в екатерининской эпохе. Модернизационная политика Николая построена на компромиссах: в ней есть черты и от Петра (феодалное принуждение), и от Екатерины (демагогия), и от Александра (реальные шаги по ограничению крепостничества). Симпатии самого императора принадлежали петровской модели. Выше уже указывалось, что в конечном итоге Николай I сделал для ограничения крепостного права не меньше, чем его предшественник. Но Александр хотел и не смог сделать больше, а Николай не хотел и не мог позволить меньше. Невозможность (экономическая, политическая, нравственная) дальнейшего развития на основе эксплуатации крепостного труда стала очевидна. Настало время «платить по счетам» за то, что Петр открыл Россию для западного «ветра перемен», но не допустил полноценного перевода страны на западный путь развития.

Изменилась и политическая физиономия высшей бюрократии. «Неким взяты», — так Александр I объяснял однажды причину своих неудач на реформаторском поприще. В царствование Николая I «вошли в чины» те, чья юность пришла на предыдущее царствование, когда либерализм был чуть ли не всеобщим увлечением. Ключевые посты в государстве крепостникам пришлось делить с «либеральными бюрократами»: министром государственных имуществ П.Д.Киселевым, генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н.Муравьевым-Амурским и др. «Во власть» пришли и многие бывшие члены декабристских организаций, в первую очередь Союза благоденствия: министр уделов Л.А.Перовский, его брат оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А.Перовский, санкт-петербургский генерал-губернатор А.А.Кавелин, генерал-губернатор Прибалтийского края А.А.Суворов, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории П.Х.Граббе, начальник Северо-Западного края И.Г.Бибиков, обер-прокурор Синода С.Д.Нечаев, главный начальник горных заводов Уральского хребта В.А.Глинка, сенаторы В.И.Пестель, И.Н.Хотяинцов, А.Д.Башуцкий и др. Ссылный декабрист М.С.Лунин писал о продолживших службу товарищах: «Пора прозреть и отказаться от несправедливых предубеждений — против этих людей будущего. Как все поля выигранных сражений обгажены их кровью, так и во всех разумных действиях властей мы находим влияние их идей» [26].

Крымская война окончательно разоблачила невозможность дальнейшего развития страны при сохранении крепостничества. К концу 1850-х гг. влияние «либеральной бюрократии» на выработку политического курса Российского государства стало определяющим. В 1861 г. крепостное право, столь разительно отличавшее Россию от Европы, было упразднено. Период феодальной модернизации в истории страны сменился эпохой либеральных реформ. Однако отставание всех сфер общественной жизни от западно-европейского и северо-американского образцов было вновь разительно велико. Впереди Россию ждал новый этап «модернизации вдогонку», который ей не суждено было довести до логического конца.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Спунда А. Очерк экономической истории русской буржуазии // Наука и жизнь, 1988. № 1. С. 80.
2. Коган Л.А. Трехдальность свободы // Вопросы философии, 1997. № 5. С. 31.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 288.
4. Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977.
- С. 23; Кузнецов В.Н., Месеровский Б.В., Гризнов А.Ф. Западноевропейская философия XVIII века. М., 1986. С. 171 — 172; Локк Дж. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 293.
5. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 385-386.
6. Ильин М.В., Мельвиаль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация // Полис. 1996. № 5. С. 151.
7. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
8. Зубков К.И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль // Уральский исторический вестник. № 2. Екатеринбург, 1995. С. 15.
9. Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. М., 1975. С. 15.
10. Российское законодательство X — XX веков. В 9 т. М., 1987. Т.5. С. 28.
11. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 — 1914 гг. М., 1995. С. 36.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 40.
13. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 87.
14. Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 25.
15. Залесский П.И. Возмездие. Причины русской катастрофы. Берлин, 1925. С. 48 — 49.
16. Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 432 — 433.
17. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 336.
18. Пушкарева Г.В. Государственная бюрократия как объект исследования // Полис. 1997. № 5. С. 77.
19. Weber M. Essay on Bureaucracy // Rourke F. Bureaucratic Power in National Policy Making. Boston, 1986. P. 62-73.
20. Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 4. СПб., 1907. С.14.
21. Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII — XIX веков. М., 1993. С. 214 — 226.
22. Рабинович В.И. Вслед Радищеву... Ф.В.Каржавин и его окружение. М., 1986.
23. Равдин Б.Н., Рогинский А.Б. Записка декабриста М.Н.Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. С. 112-143.
24. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 146 — 178; Сафронов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 97 — 106; 141 — 146.
25. Seton-Watson H. The Russian Empire. 1801-1917. Oxford, 1967. P. 200 — 201.
26. Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 140 — 141.

THE IDEA OF LIBERTY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN MODERNIZATION OF THE XVIIIth – FIRST HALF OF THE XIXth CENTURIES

The idea of liberty, being one of the major prompting motive of the societal development, is, in turn, altering together with the change of historical and socio-cultural situations. The article examines the evolution of this idea through implementing the qualitatively differentiated stages of the Russian modernization in the XVIIIth — first half of the XIXth centuries, as well as its influence upon the modernization process itself.

V.A.Shkerin

ЦЕРКОВЬ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

При рассмотрении процесса модернизации различных сторон жизни общества нельзя обойти вниманием и один из влиятельнейших институтов — церковь. Выделяя основные атрибуты современного общества, теоретики модернизации, как правило, упоминают и о переменах в статусе церкви, но этот вопрос затрагивается лишь мельком. Церковь рассматривается как институт традиционный, и реформирование церкви воспринимается как одна из форм поиска симбиоза между модернизаторскими тенденциями и традициями. С одной стороны, модернизация общества сопряжена с подрывом позиций церкви, ослаблением ее воздействия на все стороны жизни общества и индивидуума, секуляризацией общественной жизни. Но эта тенденция не является абсолютно однонаправленной: традиции могут стать и одним из факторов модернизации, становясь частью идеологической доктрины, сплачивающей общество и тем самым способствующей успеху модернизационных процессов. Эти два аспекта взаимодействия новационных импульсов и церковных традиций могут уживаться друг с другом: в целом церковь теряет свое глобальное воздействие на все стороны жизни общества, но в определенной сфере может приобрести даже большее значение, чем в предыдущий период.

Однако все это теоретические размышления. Их соотносимость с историческими реалиями должна быть аргументирована фактами. Когда же речь заходит о России, развитие которой не следовало полностью моделям, характерным для Америки или Европы, то применимость теоретических выводов к историческим фактам становится еще более проблематичной.

Вопрос о месте церкви в новом обществе, в обществе модернизирующемся, весьма интересовал россиян еще в конце XIX — начале XX в., когда тенденции общественного развития на Западе стали отчетливо заметны, получили законодательное оформление. Естественно, эти перемены не могли не повлиять и на российское общество. Особенно усилилось внимание к церковным проблемам после 1905 г., когда политические перемены в стране поставили на повестку дня коренную реформу и церковной организации, причем в достаточно короткие сроки. Необходимость таких перемен признавалась всеми, различались только представления о их направленности и формах проведения. Развернувшаяся среди духовенства и мирян дискуссия о том, каким быть предстоящему поместному собору, переросла в обсуждение всех проблем современной церковно-общественной жизни, с обширными историческими экскурсами, глубоким вниманием к роли канонического, традиционного элемента в жизни церкви, к рассмотрению современного устройства православной церкви в других странах. Для блага церкви полагалось необходимым предоставить свободу исповедания, отделить церковь от государства и провести демократизацию самого строя церковной — православной жизни. Отделение же церкви от государства является одним из главных компонентов модернистского общества.

Еще в 1888 г. в журнале «Православный собеседник» появилась обширная статья действительного статского советника, доктора богословия и ординарного профессора кафедры церковного права Казанской духовной академии Ильи Бердникова, озаглавленная «Новое государство в его отношении к религии». Предметом рассмотрения стало положение церкви в странах европейских и американских, уже отчетливо вставших на путь модернизации и оформивших в своих конституциях новый статус церковных организаций. Хотя сам автор статьи явно неодобрительно относился к перспективе подобного пересмотра статуса церкви в России, тем не менее, как настоящий ученый, он постарался всесторонне изучить этот вопрос и отчетливо выделил основные черты взаимоотношений церкви и государства в модернизирующемся обществе. Этот анализ не потерял своего значения и поныне.

Учитывая законодательство основных европейских и американских стран, историографические исследования, труды по теории права, И. Бердников выделил три основных принципа этих взаимоотношений.

I. Личная свобода совести.

II. Верховенство государства и полная политическая равноправность религиозных обществ с автономией в их внутренних делах.

III. Устранение гражданского общегития от всяких отношений к религии, то есть полное отделение церкви от государства.

Эти принципы разворачивались в целую систему конкретных законодательных норм, более или менее последовательно реализованных в зарубежных странах.

Первый принцип — личная свобода совести — обеспечивался следующими законодательными нормами:

1.1. Государство абсолютно не влияет на религиозные убеждения человека, регулированию подлежит только исповедание веры — то есть внешние действия.

1.2. «Задача права состоит в этом случае не более, как в том, чтобы обеспечить для каждого опять свободу исповедания религиозных убеждений. Государство само не входит в существо дела, не считает себя заинтересованным в деле религии. Верует ли кто в Бога или нет, для государства все равно... Повтому государство никого не принуждает исповедывать ту или другую и вообще какую нибудь веру и никому не дозволяет делать другому какое либо стеснение или насилие в деле веры. Государство предоставляет полную свободу переходить из одного исповедания в другое и запрещает церковным властям ставить какие нибудь внешние препятствия к тому».

1.3. Государство «контролирует деятельность церковных властей в наложении дисциплинарных взысканий за религиозные преступления, наблюдая, чтобы эти взыскания носили чисто церковный характер, чтобы они не затрагивали физической личности, имущества, свободы и гражданской чести наказуемых. Государство отказывается в какой бы то ни было степени содействовать приведению в исполнение церковных наказаний, предоставляя на волю каждого подчиняться или не подчиняться этим наказаниям».

I.4. Гражданская правоспособность и политические права не зависят от религиозных убеждений.

I.5. «Личная свобода религиозного убеждения и исповедания может быть ограничена только с точки зрения правил общежития. Прежде всего, личная свобода религиозного убеждения и исповедания одного не должна стеснять такой же свободы другого».

I.6. Свобода вероисповедания не должна противоречить безопасности государства, т.е. ни одно религиозное течение не вправе проповедовать неповиновение государственным законам и непослушание законным властям.

I.7. Не терпимы верования, противоречащие принятым началам общественной жизни.

Второй принцип — автономность религиозных обществ, проистекающий из принципа свободы совести, в своей внутренней деятельности тоже гарантировался некоторыми законодательными нормами.

II.1. В рамках семьи и близкого окружения каждый человек имеет право проповедовать свои взгляды и устраивать религиозные обряды без всякого правительственного разрешения.

II.2. «Учреждение религиозных обществ происходит беспрепятственно, на общем основании и праве граждан учреждать общественные союзы, без разрешения правительства, а только с его ведома. Ограничения при учреждении религиозных обществ, зависящие от свойства верований, могут быть те же самые, каким подлещит свобода исповедания частного лица».

II.3. «Все уставы религиозного общества, нормирующие его внутреннюю жизнь, имеют в глазах государства такое же значение, какое и уставы всяких других общественных союзов частного-правового характера... Новое государство не вмешивается во внутреннюю жизнь религиозных обществ и не дает своей санкции их уставам».

Религиозные сообщества обладают при этом не самостоятельностью, а только лишь автономностью, поскольку непреложным принципом является верховенство государственной власти. Оно обеспечивается политическими нормами:

II.4. Право государства санкционировать учреждение религиозного общества, с учетом потребностей общественного блага и безопасности.

II.5. Для обеспечения общего блага государство может ограничить свободу деятельности религиозного общества. Чаще всего такие ограничения вводились относительно учреждения монастырей и монашеских орденов.

II.6. Государство «считает себя в праве следить за деятельностью должностных лиц религиозных обществ, чтобы она не уклонялась от прямой задачи и не принимала направления, вредного для государственных интересов».

II.7. Государство оставляет за собой право контроля над мерами церковно-дисциплинарных взысканий, дабы они «не выходили из сферы церковных отношений и не были соединены с физическим насилием или стеснением свободы совести частных лиц».

II.8. Наконец, государство берет на себя функции верховного арбитра во всех спорных делах по жалобам частных лиц на неправильные действия церковно-должностных лиц, затрагивающих свободу совести личности.

В качестве носителя верховной власти государство обеспечивает свободу совести всех членов религиозных обществ, устанавливая политическое равноправие всех религиозных организаций. Оно гарантируется следующими принципами:

II.9. Государство относится ко всем религиям одинаково безучастно. Поэтому в новом государстве нет места ни господствующей, ни привилегированной религии.

II.10. Для обеспечения религиозного мира государство может ограничить внешние проявления богослужебных действий.

Третий принцип — отделение церкви от государства. (Такое вождеденное для многих состояние государства характеризуется тем, что в нем гражданские и политические отношения очищены от влияния религии). Практическое воплощение: этот принцип находит в следующих мерах.

III.1. Регистрация гражданских актов (рождение, смерть и бракосочетание) поручена государственным чиновникам. Религиозные торжества совершения этих актов и распространенные обряды во внимание не принимаются.

III.2. Церковно-дисциплинарные взыскания не должны наносить ущерба жизни, имуществу, гражданской чести наказуемых.

III.3. Религиозная принадлежность не влияет на право государственной службы. Никто не может отказываться от исполнения государственного закона по религиозным побуждениям. Нельзя налагать церковные взыскания за исполнение государственного закона.

III.4. Государство само устанавливает «дни гражданского покоя» (праздники), руководствуясь общественным благом. Государство вправе включать или не включать в календарь церковные праздники.

III.5. «Государство не признает нужным обращаться к религиозным обществам с просьбой о молитвенной помощи в его начинаниях и разных торжественных случаях государственной жизни». В государственных клятвах и присягах имя Божие не употребляется.

III.6. В государственных школах религиозные предметы не преподаются.

III.7. «Духовные лица должны быть устраняемы от всякого участия в общественных делах, как люди не от мира сего. Они не должны пользоваться никакими преимуществами и льготами по отправлению государственных повинностей личных и имущественных».

III.8. Церковные учреждения и заведения (церкви, монастыри) не освобождаются от государственных и общественных повинностей.

III.9. «Общественная благотворительность должна находиться в распоряжении гражданских властей, а не церковных».

III.10. «Законы христианского государства не могут иметь никаких точек соприкосновения с Евангелием и с церковным учением вообще» [1].

Сам автор, И. Бердников, от рассмотрения тенденций подобного развития взаимоотношений государства и церкви в России принципиально устранился,

однако весь контекст работы говорил о том, что он не усматривает объективных причин к развитию этих тенденций в нашей стране в современную ему эпоху. Так ли это?

При всем различии взглядов различных исследователей на историю православной церкви в России все они единодушно выделяют эпоху от Петра I до Николая II в особый период — синодальный. Для этой эпохи было характерно утверждение нового стиля взаимоотношений церкви и государства, новый взгляд на предназначение самой церкви в обществе. Поэтому логично рассмотреть, проявились ли модернизаторские тенденции реформирования статуса церкви на протяжении всего этого периода, явно имеющего признаки внутреннего единства.

Известно, что в церковной реформе Петра I многие усматривали склонность к церкви протестантского образца, то есть того типа, который считается наиболее органичным для модернистского общества. Однако внутреннее устройство православной церкви существенно отличалось от протестантских образцов. Более того, необъятные просторы России, низкий уровень образования рядового духовенства в XVIII в. ставили царя-реформатора и его последователей перед необходимостью корректировать свои намерения с учетом исторических реалий. Относительно стройная система взглядов на место церкви в новом обществе буржуазного образца тоже сложилась позднее, а первое практическое воплощение эта система получила только в конце XVIII в. в Соединенных Американских штатах.

Итак, можно ли усмотреть некоторые тенденции модернистских отношений между церковью и государством в России XVIII в.?

Прежде всего очевидно единство идеологической базы преобразований: принцип территориализма и представление о государственной власти как о верховной попечительнице «общественного блага». Известный исследователь истории русской церкви А.В.Карташев писал: «Дуалистические дискуссии о *jus divinum* и *jus humanum* к XVI веку были перекрыты монистической идеей *jus naturale*, «естественного права», как начала высшего, воплощенного в национальном государстве, занимающем определенную территорию. Все, что на этой территории, включая все религии, церкви и секты, — подвластно государству и им управляется. В этом праве государственной власти, законодательной, административной и судебной, и заключается примат ее над сферой религиозной. Принципиально религиозная жизнь, с ее догматикой, мистикой и моралью, протекает на глубине, независимой от внешней власти государства. На деле эта зависимость, как и в таинственной связи души с телом, является вполне реальной и исторически весьма осязаемой. В системах канонического права вышеуказанная форма взаимоотношений церкви и государства носит название системы «территориальной». На Западе со времени Петра Великого эта система, особенно в протестантских странах, была торжествующей и нормальной в свете мировоззрения нового времени, монистически-гуманитарного»[2].

Сам Петр I в итоговом документе своей церковной реформы, Духовном Регламенте 1721 г., также отчетливо свидетельствует об усвоении западной идеологии верховного примата государства на церковь, поставленной им в один

ряд с другими общественными институтами: „Между многими, по долгу Богоданныя нам власти, попеченьми о исправлении народа Нашего, и прочих поданных Нам Государств, посмотри на Духовный чин, и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, не суетный на совести Нашей возытели Мы страх, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая от Него получив благопоспешества во исправлении, как Воинскаго, так и Гражданскаго чина, пренебрежем исправление и чина Духовнаго»[3]. Мелькнувшее в этом же документе упоминание о государе как о «Крайнем Судие» Духовной Коллегии своей выразительностью еще долго смущало иерархов православной церкви.

Итак, тезис о верховенстве государства над церковью с эпохи Петра I стал неременным утверждением всех российских государей. Явственно просматриваются с этого периода и конкретные формы его реализации. История дала нам яркие примеры того, как государство ограничивало свободу деятельности религиозного общества (п. II.5). На фоне других государств в этой области Россия была не оригинальна: как и в европейских странах, такие ограничения чаще всего касались деятельности монастырей. В 1722 г. в «Прибавлении к Духовному Регламенту» запрещалось строить пустынные скиты, малобратственные монастыри приказано было соединять и тем уменьшать их количество, а впредь монастырей без ведення Синода не строить. Все это шло в разрез со сложившейся в России традицией. Хотя подобные пожелания правительство высказывало еще в XVII в., но только при Петре I они были подкреплены строгими административными мерами и проведены на практике. Еще более решительную меру — секуляризацию монастырской собственности и определение числа обителей, имеющих право на существование, с введением в них штатного числа мест — Петр I не успел провести в общероссийском масштабе. Эту задачу решила его последовательница Екатерина II (1764 г. — относительно великороссийских монастырей, 1786 г. — относительно Малороссии). С 1722 г. под строгий государственный контроль было взято и учреждение новых приходов в России. Все эти мероприятия мотивировались заботой об «общем благе» подданных, совершенно в духе модернистского законодательства.

Контроль за деятельностью «должностных лиц религиозных обществ» (п. II.6) со времен Петра I также получил большой размах, став одним из основных средств проведения церковной реформы. Такие экстраординарные меры, как введение института духовных фискалов, продержались всего несколько лет, зато более умеренные, но последовательные, создающие практическую систему контроля за деятельностью духовенства, были проведены со всей неуклонностью. И аргументировались все эти меры вполне по-модернистски — заботой о том, чтобы духовенство не уклонялось от своего прямого предназначения и не действовало во вред государственным интересам.

От внимания царя не укрылся ни один разряд православного духовенства. Для каждого были разработаны инструкции, каждый получил свою характеристику. Даже если учесть полемичность многих формулировок, следует признать, что облик духовных пастырей начала XVIII в. был далек от идеала. Недостатки высших церковных властителей России — патриархов — усматривались прежде

всего в способности их посеять смуту в государстве, злоупотребив своим авторитетом, в чисто человеческой подверженности различным страстям и в медлительности решения дел. Коллегиальное управление, по мысли императора Петра I, должно было избавить страну от этих основных недостатков патриаршества. Духовной Коллегии — Синоду — были выданы четкие императорские инструкции относительно его функций. Круг полномочий синодальных членов сводился прежде всего к разбору различных спорных вопросов культовой практики, к организации проповеднической деятельности и к решению текущих организационно-кадровых проблем.

Следует признать, что намеченная в «Духовном Регламенте» программа действий Синода, достаточно детальная и вполне реальная, была в последующие годы подкреплена законодательными актами, издаваемыми от имени Синода или императорской власти [4]. Синод занимался унификацией культовой практики в пределах всей России и этим, несомненно, способствовал дальнейшему распространению православия в стране.

Следующий раздел «Духовного Реглаamenta» был посвящен епископату. Его недостатки и функции были разобраны не менее строго. Прежде всего епископам была поставлена на вид необходимость знания церковного законодательства, степеней родства для разбора брачных дел, а для этого им, как студентам, было предписано ежедневно за трапезой слушать церковные каноны, а во всех спорных случаях советоваться с владыками соседних епархий или с Синодом. Епископы было запрещено надолго оставлять свои епархии без личного присутствия. В обязанности епископов вменялось заведение школ для обучения священнослужителей, причем программа обучения и даже необходимые условия проживания учеников при семинарии детально регламентировались. Необходимой учебной литературой епархиальные семинарии должен был обеспечить Синод, причем, учитывая явный недостаток доступных и несложных пособий для такого обучения, Духовный Регламент сообщал, что будут созданы и разосланы три «книжицы», достаточные для первоначального образования. Создание и содержание семинарий становилось обязанностью епископов, а посвящение в священнический сан неученого грозило епископу наказанием. Столь же ультимативно предписывалось епископу ежегодно объезжать свою епархию, дабы лучше знать все ее нужды, не стесняясь выведывая при этом кулуарное мнение прихожан о своих духовных пастырях. Дважды в год епископ был обязан рапортовать в Синод о состоянии епархии по обширной программе. Логичным завершением не слишком почтительного описания недостатков современного епископата, предстающего со страниц «Духовного Реглаamenta» малообразованным, склонным к праздности и расточительности, не совместимой с духовным саном, смутно представляющим положение дел в своей епархии, является совет: «Ведал бы всяк Епископ меру чести своея, и невысоко бы о ней мыслал» и требование отменить обычай, чтобы епископа водили под руки и кланялись бы ему до земли. Образ епископата со страниц регламента предстает столь живым, что можно не сомневаться в том, что он списан с натуры.

Рассматривая послепетровский период, можно отметить, что и требования к епископату постепенно воплощались в конкретные административные меры.

Реформа приносила свои плоды. Именно в XVIII — начале XIX в. при всех епископских кафедрах России были образованы семинарии, до этого бывшие уделом личного усердия немногих епископов. Тем самым сдвинулась с мертвой точки профессиональная подготовка священнослужителей — основных проводников христианского воздействия на широкие народные массы. Долго и трудно решался вопрос об увеличении числа епархий в России, дабы сделать их пределы реально обозримыми епископами. Во второй половине XIX в. эта проблема была в основном решена, после чего стали регулярными и епископальные визитации своих округов. Так, благодаря усилиям российского правительства со времен Петра I удалось реально воплотить в жизнь провозглашенные еще в XVII в. требования к епископату.

Не меньшим реализмом отличались и меры по улучшению нравственного и профессионального облика рядового белого духовенства — священнослужителей. В духе заботы о том, чтобы священники не уклонялись от своего прямого предназначения, в «Прибавлении к Духовному Регламенту» писалось: «Мнози в священнический чин вдираются не для чего инаго, только для большей свободы и пропитания, и никакого званию своему должного искусства не имеют», а посему запрещалось впредь посвящать в духовный сан неученых. Еще более резкую характеристику заслужили у императора нравственные качества приходского духовенства. Каждый кандидат на священнический сан отныне должен был представлять от прихожан свидетельство, «что его знают быть добраго человека, а именно, не пьяницу, в домостроении своем не лениваго, не клеветника, не сварлива, не любодейца, не бийцу, в воровстве и обманстве не обличеннаго»[5].

Со времен Петра I правительство последовательно стремилось поставить на место свободной договоренности прихожан с причтом об условиях службы назначение священнослужителей на приход епископом, с предварительным обучением в семинариях, экзаменовкой, последующей «стажировкой» при церкви архиерейского дома, во время которой ставленники обяваны были познакомиться с текстом «Духовного Регламента» и списать его, а также получить и книжицы с кратким изложением вопросов, которые священнику придется излагать своим прихожанам при совершении различных треб. Дальнейшая служба на приходе также была тщательно регламентирована: предписаны формы ведения отчетности, регулярность совершения церковных служб. Приходской священник все больше превращался в государственного чиновника, которому вменялась в обязанность государством его деятельность духовного пастыря, за исправное исполнение которой он нес ответственность перед властными структурами.

Не укрылась от властного внимания государства и жизнь монашествующих. «Чин наипаче монашеский, который в древние времена был всему Христианству аки зеркало и образ покаяния и исправления, во времена сии во многая безчиния развратился» — писалось в «Прибавлении к Духовному Регламенту». Во исправление этого положения предписывался целый ряд ограничений относительно возраста поступления в монастырь, срока искуса, социальных характеристик поступающих в послушники. Каждое из этих ограничений имело традиционные корни еще в каноническом законодательстве, но только с эпохи Петра получило

реальный механизм контроля за исполнением и только с этого времени стало исполняться [6].

Не меньшее внимание вызывал у законодателя и сам образ жизни в монастырях. Рисуемая на страницах «Прибавления к Духовному Регламенту» картина современного положения была весьма далека от идеала христианской аскетики: монахам предписывалось исповедоваться и причащаться хотя бы 4 раза в год, не быть праздными, а заниматься пристойными «художествами», не иметь служителей (исключение составляли «начальники», которым позволялось иметь служителей «не выше потребности», и престарелые и больные), в гости не ходить и к себе не звать, монастырскими вещами не торговать, по своим кельям не трапезничать, жить согласно правилам общежития и не покидать обитель самовольно, в кельях наедине с представителями противоположного пола не встречаться и без разрешения настоятеля ничего не писать. Последним аккордом преобразования образа жизни монашества должна была, по мысли Петра I, стать секуляризация монастырского имущества, ибо только тогда можно было бы реально добиться возвращения российского иночества к идеалу христианской аскетики. Исполнить свой замысел Петр I не успел, но в 1764 г. была реализована и секуляризационная реформа, в значительной степени ужесточившая условия жизни монашествующих и положившая начало долгому и трудному возвращению российского иночества к идеалу монашеской жизни. Призывы к таким переменам российской правительством издавало еще в XVII в., но практическая их реализация стала заслугой Петра I и Екатерины II.

В России XVIII в., в условиях всеобщей религиозности, высшие церковно-дисциплинарные наказания, такие как анафема и отлучение от церкви, по своей силе явно перерастали границы чисто церковного наказания и становились наказанием и гражданским, исключая отлученного не только из жизни религиозного сообщества, но и сообщества политического. Поэтому неслучайно в «Духовном Регламенте» особенно тщательно оговариваются условия применения этого наказания епископами: подчеркивается, что анафеме епископ может предавать только за тягчайшие сугубо церковные преступления, после долгого увещевания, с разрешения Синода, а отлучению — тоже весьма осмотрительно, хотя и без доклада Духовной Коллегии. Вне всякого сомнения, в этих пунктах регламента можно усмотреть выражение еще одной нормы верховенства государства над церковью — права государственного контроля над мерами церковно-дисциплинарных взысканий (п. II.7).

Итак, принцип верховенства государства над церковью, один из важнейших принципов модернистского законодательства, с эпохи Петра I неуклонно проводился на практике. Как же обстояло дело с другими компонентами модернистской системы взаимоотношений церкви и государства?

Важнейший принцип — признание личной свободы совести, — придающий цельность и идеологическую завершенность всей модернистской системе взаимоотношений церкви и общества, для России XVIII в. был абсолютно чужд. Государство считало себя вправе влиять и на религиозные убеждения своих подданных, и на формы вероисповедания. Более того, именно в XVIII в. это полицейское воздействие приобрело наиболее выразительные, массовые

формы. Примером тому могут служить миссионерские экспедиции в места расселения языческих и мусульманских народов, имевшие результатом крещение в православие десятки тысяч человек, пришедшие на смену индивидуальным обращениям в христианство, практиковавшимся в XVII в. Привилегии для новокрещенных, дары им, помощь в организации экспедиций — все это правительство брало на себя. Другой не менее выразительный пример — борьба с расколом во всех ее формах: от устраиваемых государством «диспутов» с расколоучителями до установления системы регулярной фиксации совершения таинства причастия и разработки формы церковной клятвы ради выявления раскольников, введения двойного налогообложения раскольников, ограничения на поступления на государственную службу, наконец, до полицейских розысков расколоучителей, породивших такое количество старообрядческих «гарей». Не было речи и о свободе перехода из одного вероисповедание в другое: государство вмешивалось даже в воспитание детей в семьях раскольников, заставляя родителей приобщать их к старообрядчеству под страхом наказания: «совращение» православного в любое другое исповедание — будь то раскол, католичество, лютеранство или иудаизм, или даже возвращение новокрещенного к вере своих предков — также каралось по закону. Государство прямо заявляло о своей поддержке одного — православного вероучения, которое признавалось религией государственной.

Надо признать, что светское правительство много способствовало распространению православия в России в XVIII в. Методы такого расширения были по преимуществу полицейскими, бюрократическими, можно сказать, самыми примитивными, но само общество по уровню своего развития не доросло еще до требования иных, более гибких и демократичных форм воздействия. Показательно, что даже при организации миссионерских экспедиций именно светские чиновники призывали духовенство действовать не столько мерами принуждения и закармливания, сколько мерами убеждения.

Понятно, что в XVIII в. не было и речи о равноправии религиозных организаций перед лицом государства. Ни церковь, ни государство в XVIII в. не выставляли и требования отделения церкви от государства. В условиях всеобщей религиозности общества тезис об очищении гражданских и политических отношений от влияния религии не мог быть поставлен. Наоборот, государство не упускало случая продемонстрировать свой православный характер: вероисповедный ценз был обязателен для занятия места в чиновничьем аппарате Российской империи, в тексте присяги чиновников обязательно присутствовали религиозные моменты, государство придирчиво следило за тем, чтобы все акты государственного значения непременно сопровождались молебнами в церквях, часто ссылалось на христианские нормы в своем законодательстве, делало обязательными для всех некоторые религиозные праздники, вводило преподавание религиозных предметов в светских школах.

XVIII век — эпоха оформления сословий в России, в том числе и статуса духовного сословия, имевшего свои привилегии при отплатлении государственных налогов и повинностей. Усилия правительства были направлены не на ликвидацию привилегированного положения духовенства, а на установление

рациональных рамок самого сословия: путем «разборов» духовенства государство пыталось сохранить привилегии только за потребным числом священнослужителей, путем введения образовательного ценза повысить профессионализм церковного причта, а социальными ограничениями на постриг в монашество сократить численность иночества до минимума, не затрагивающего податные интересы государства и оправданного возлагаемыми на монастыри благотворительными обязанностями.

Итак, в XVIII в. из всех компонентов модернистских взаимоотношений между церковью и государством в России был ярко выражен только принцип верховенства государства над церковью, все же остальные принципы не только не подкреплялись, но прямо опровергались историческими реалиями. Однако само государство использовало свое влияние не против церкви, а ради ее развития в соответствии с ее предназначением как религиозного института, постепенно отсекая все, что могло отвлечь ее от этого предназначения (прежде всего, земельные владения), и создавая со своей стороны заинтересованность духовенства в повышении своего профессионального уровня. Развиваясь под сенью государства, пользуясь поддержкой государства в пространственном и количественном расширении своего влияния, православная церковь обязана была выполнять и некоторые несвойственные ей функции, налагаемые на нее государством.

Все эти тенденции продолжали развиваться и в XIX в. Сотрудничество с государством приносило церкви много положительных моментов. Были и отрицательные.

Верховенство государства над церковью становилось все более выраженным. На уровне центральных органов это проявлялось в резком усилении влияния светского обер-прокурора в Синоде. Вся церковная организация превратилась в «ведомство православного вероисповедания», с четкой структурой и со своей системой отчетности.

Бюрократизация церкви становилась все более отчетливой. В 1841 г. был опубликован «Устав духовных консисторий» — новый акт, систематизировавший ранее изданные нормативные документы и текущие указы правительства и Синода относительно епархиального управления. В 1883 г. он был переработан с учетом последующего законодательства и обнародован под тем же названием [7].

В результате нескольких реформ церковно-административного деления в России к 1861 г. было 58 епархий. Пределы их стали реально обозримы, и практика ежегодного объезда епископами епархий стала реальностью. Пусть не каждый год, и не все приходы, но епископы посещали прихожан и имели возможность ближе узнать нужды обитателей и церквей. Впрочем, визиты были кратковременными и достаточно формализованными.

Более четкой становилась и вся система внутрिएпархиального управления. В 1775 г. была издана «Инструкция благочинному». Согласно ей устанавливалась должность благочинного, которому поручался непосредственный надзор за приходским духовенством и церквями. В 1797 г. именным указом благочинные вводились по всей стране. Благочиннический округ включал от 10 до 30 церквей. В уральских епархиях к началу XX в. было обычно 30-40 благочиний.

К середине XIX в. в ведении Синода было 32 тыс. церквей. В обязанности церковного причта входило ведение разнообразной отчетности, превращавшей церковнослужителей в своеобразных чиновников от религии.

Государством были установлены размеры жалования духовенству в натуральной или денежной форме: епископат получал содержание сообразно штатному расписанию, установленному в 1764 г. и повышенному в 1797 г., монастырство штатных монастырей — тоже, создание же новых — заштатных монастырей, которые должны были содержать себя сами, было чрезвычайно затруднено существующим законодательством. Приходское духовенство с 1765 г. стало получать плату за требы от прихожан по установленному государством тарифу, который в 1801 г. был удвоен. Вскоре основные требы было приказано совершать бесплатно, зато от местных обществ приказано было выделить причту землю в указанной пропорции — 33 десятины, эта норма в 1829 г. была утрачена. Вместо земли местное общество могло выделить причту денежное или натуральное жалованье. Но все нормы уже предписывались только государством. В военном, морском, горном ведомствах, иногородских приходах священники получали жалованье от государства[8].

Для обеспечения семей священнослужителей казенных городских церквей с 1799 г. предусматривалось помещение вдов в богадельни, сирот — в духовные училища на казенное содержание. В 1801 г. были введены пенсии для военного духовенства. Это сближало статус священнослужителя в административно-бюрократическом плане со светским чиновничеством. Сельские церковные причты эти меры затронули только в 1823 г., когда были созданы епархиальные попечительства о бедных духовного звания. Для попечительств в 1823 г. были разработаны специальные штаты и законодательная база[9]. Еще более сближало духовенство с государственным чиновничеством введенное с конца XVIII в. награждение духовных лиц орденами и аксельбантами, вызвавшее много едких нападок в печати.

Однако воздействие государства на церковь не сводилось к бюрократизации. Сама бюрократизация была лишь средством повышения профессионального уровня российского духовенства и развития культовой деятельности. В XIX в. при всех епархиях существовали семинарии. Требование обязательного обучения священнослужителей стало выполняться, и если не все ставленники заканчивали курс семинарии, то по крайней мере начальное образование получали[10].

Епископат, который в силу развития сословной замкнутости духовного сословия, стал формироваться из сыновей священнослужителей, обязательно заканчивавших духовные семинарии или — зачастую — и Духовные Академии, уже нельзя было обвинить в малообразованности. Результатом повышения образовательного уровня духовенства явилось развитие церковного проповедничества и введение внебогослужебных собеседований, а это означало появление новых форм воздействия на религиозное сознание прихожан, которых и в XIX в. еще обвиняли в обрядовости и в неглубоком усвоении основ православия.

В XIX в. сложилась и еще одна форма повседневного воспитательного воздействия церкви на мирян — сеть церковно-приходских школ. Приходской причт помимо богослужения в церкви обязан был вести определенные курсы в

этих школах. Содержались церковно-приходские училища и школы грамоты за счет приходских общин, остальные духовные училища и семинарии — за счет средств местного духовенства, получаемых путем особых сборов с церкви и монастырей. С 1895 г. на эти цели стали выделять и некоторые суммы из Государственного Казначейства[11].

Запретив еще в 1722 г. впредь устраивать новые монастыри в России без разрешения Синода и проведя секуляризацию и определение штатов монастырей в 1764 г., правительство получило мощное средство влияния на монашескую жизнь. Учреждение новых монастырей в России в послесекуляризационную эпоху было чрезвычайно затруднено. Если штатные обители, сохранившиеся при секуляризации 1764 г., еще продолжали сохранять во внутреннем порядке жизни многие традиции былого времени — как положительные, так и отрицательные, — то все новые обители создавались уже в строгом соответствии с идеалом Духовного Регламента. Чтобы получить официальное разрешение на открытие монастыря, обитель должна была жить по общежительному уставу, сама обеспечивать себя (а это было возможно только при трудовом укладе жизни и достаточном нравственном авторитете среди окрестных жителей, который обеспечивал обители пожертвования) и непременно заниматься благотворительностью — иметь школу для детей, больницу. Так, монастыри и общины Екатеринбургской епархии, существовавшие к началу XX в. и появившиеся в XIX в., в среднем добивались официального признания по 34, 5 лет. До официального признания общины практически не подлежали церковному управлению, хотя их время от времени могли посещать благочинные. Открытие общины и монастыря до 1881 г. официально санкционировалось императором и Синодом, с 1881 г. официальный статус заштатных обителей мог определять Синод без высочайшей резолюции[12]. Естественно, выдержать столь долгий период борьбы за существование обители могли лишь люди, бескорыстно преданные своему иноческому призванию, и результатом ужесточения законодательства о монастырях стало улучшение нравственного облика монашествующих — та цель, к которой так стремился еще Петр I, та цель, которая присутствует и в модернистском законодательстве. В конце XIX — начале XX в. указами Синода и штатные обители, сохранившиеся еще с десекуляризационных времен, стали в указном порядке переводиться на новые принципы общежительности.

В 80-е годы XVIII в. начались некоторые перемены в направлении веротерпимости. Инициатором этих мер выступало государство, которое становилось гарантом всех послаблений, сделанным неправославным христианским и нехристианским конфессиям. Поэтому список терпимых в империи вероисповеданий определялся не их близостью к православной догматике, а чисто политическими условиями вхождения того или иного народа — последователя определенного вероучения, в состав Российской империи, его численностью и влиянием. Юрист М.А. Рейснер в конце XIX — начале XX века писал об этом так: «...наша веротерпимость в своих основаниях, не современная, правовая западная и не христианская вероисповедная, а скорее древне-римская национальная. Наше право не знает разделения государства и духовных обществ, ни свободы этих последних, ни свободы личной веры и совести; но также ему чуждо и начало

quasi-христианской нетерпимости, того гнета во имя вероисповедного фанатизма, который лишает права на существование и на соответственное признание все исповедания, за исключением христианского или даже одного правоверного; но, с другой стороны, если наше право с покорением каждого нового народа вводит в состав русского государственного организма и новые исповедания, в качестве признанных терпимых религий, то оно это делает отнюдь не по мотивам нравственного свойства и не в силу своего культурного правосознания, а в силу чисто-политической необходимости: привязать к составу громадной империи новые нации и народы и захватить их национальные религии в рамки общего государственного управления» [13].

На новый уровень вышла и миссионерская деятельность православной церкви. Индивидуальным обращениям в православие в XVII в., массовым миссионерским экспедициям XVIII в. пришла на смену постоянная работа миссионеров в приходах с инородческим населением. Необходимость перемены форм работы была ясна и самим православным миссионерам: исправно отчитываясь о количестве крещенных, они не могли не признать, что большинство новоявленных христиан являются таковыми лишь номинально. Церкви в инородческих селениях строились за счет казенных средств, жалование причту также выплачивалось из государственной казны — государство непременно демонстрировало свою поддержку православия, его исключительное положение среди всех религиозных течений. В середине XIX в. к этой деятельности стало подключаться Православное миссионерское общество. Деятельность общества охватывала главным образом Восточную Россию. Во главе его стоял московский митрополит, с 1870 г. общество стало открывать свои комитеты в епархиях. В эти комитеты, возглавлявшиеся епископами, входили наиболее важные должностные лица епархиального и губернского уровня. Комитет учреждал миссии на местах, школы в приходах с инородческим населением. На содержание миссионеров и школ шли доходы с епархиальных свечных заводов. Христианское просвещение инородцев возлагалось и на некоторые монастыри, расположенные в отдаленных местах. Если раньше миссионеры приезжали в отдаленное селение, крестили инородцев и уезжали, то теперь приобщение новокрещенных к началам христианской религии стало вестись постоянно. Как и прежде, бывали злоупотребления, но они составляли скорее исключение, чем правило.

Проживание в стране значительного количества мусульманских народов, представлявших реальную военную силу, особо остро ставило вопрос о веротерпимости по отношению к этой религии. С 80-х гг. XVIII в. начинают разрешать строить мечети и медресе и даже брать некоторые из них на казенное содержание. В 1788 г. в Уфе был учрежден Оренбургский муфтий, при котором устраивалось Мусульманское духовное собрание, содержавшееся на казенный счет (до 1794 г. оно было единственным на всю Россию, с 1794 г. открыли еще одно — в Крыму). Муфтия назначал император из кандидатов, представленных духовным собранием. Собрание находилось под непосредственным контролем губернского правления и относилось к ведомству Министерства внутренних дел [14].

Яростное преследование старообрядцев православной церковью в XVIII в., породившее крайние формы религиозного протеста в виде «гарей», с екатери-

нинской эпохи сменилось более терпимой политикой, инициаторами которой стали гражданские власти. Отмена двойного подушного оклада с раскольников в 1782 г. как меры явно дискриминационной вызвала реакцию церковных кругов в виде усиления административного контроля в православных приходах за наличием раскольников и проведения «увещательных» бесед с ними (указ Синода от 4 марта 1783 г.)[15]. Еще в середине XIX в. действовали епархиальные совещательные комитеты по делам о раскольниках, которые главным образом занимались их выявлением и увещанием, принудительным изъятием старообрядческих книг и судом за возвращением в раскол[16].

В 1800 г. был найден частичный компромисс между старообрядчеством и официальным православием в форме единоверия — религиозного течения, которое сохраняло богослужение старообрядцев, давало им право избирать священников, но подчиняло единоверцев управлению православных епископов. В единоверие перешли немногие раскольники. Стимулом к принятию единоверия, как правило, было стремление избавиться от явной дискриминации, проводимой российским государством по отношению к раскольникам.

Само старообрядчество получило некоторый официальный статус только в 1874 г., когда раскольникам дано было право вступления в законный брак, с регистрацией его в метрических книгах, которые велась в полицейских управлениях. В 1883 г. старообрядцам позволили совершать общественную молитву, исполнять требы по своим обрядам, ремонтировать молитвенные здания (с разрешения губернатора) и в случае надобности обращаться в них имеющиеся строения (с санкции министра внутренних дел). Раскольники, исполняющие духовные требы, в качестве духовенства не признавались, но и не преследовались. Публичные проявления своего вероисповедания раскольникам были запрещены, равно как и заведение скитов[17].

Итак, ни о каком равноправии религиозных организаций в России и в XIX в. говорить не приходится. Тем не менее, тенденция к признанию ряда вероисповеданий как терпимых в государстве — налицо. Подчеркнем еще раз, что и эти небольшие послабления были инициативой светских властей, не нашедшими никакой поддержки у государственной православной церкви и, наоборот, вызвавшими активизацию миссионерской деятельности самой православной церкви. Лишь утвержденный принцип верховенства государства позволил ему провести эти меры.

Буржуазные реформы 60—70 гг. в России, создавшие систему земского и городского самоуправления, несомненно, более демократичную, повлияли и на церковное управление. Выразилось это в некотором оживлении коллегиальных начал.

При благочинных были введены периодически созываемые советы. Они состояли из 3—4 членов, которых выбирал специально созываемый благочиннический съезд, т. е. все духовенство округа, а утверждал епископ. Особой сферы компетенции этот совет не имел, благочинный мог вынести на обсуждение в нем любые вопросы, как то благосостояние церквей, духовенства, церковно-приходских школ и попечительств, рассматривали там присылаемые из церквей исповедные ведомости, поведение причта, состояние миссионерских дел и т.п. Для благочиннических советов епархиальными архиереями разрабатывались специальные правила[18].

Во второй половине XIX — начале XX вв. становится более выраженной и деятельность самой приходской общины, прежде всего в виде церковно-приходского совета. В 1808 г. была издана специальная «Инструкция церковным старостам», которая систематизировала его традиционные обязанности и взаимоотношения с причтом[19].

Вся епархия по числу духовных училищ делилась на несколько округов. Для попечения о семинариях и духовных училищах епископ ежегодно созывал съезды священнослужителей училищного округа, в которых в начале XX в. стали участвовать и церковные старосты. Съезд надзирал за учебно-воспитательной частью: заслушивал отчеты, решал спорные вопросы, назначал преподавателей[20].

На фоне государственной политики, провозглашавшей веротерпимость (но не отменявшей наказания за соращение православных в любую другую религию), под эгидой официальной церкви стали создаваться религиозные братства, членство в которых было добровольным для мирян и полуоязательным для священников. Первые религиозные братства в России появились в ее западных областях, в условиях идеологического давления на православие униатских и католических религиозных организаций в период вхождения этих областей в Польшо-Литовское государство, и были призваны сплотить силы православных христиан в борьбе против господствовавших там вероисповеданий. Наиболее старинными братствами являлись Львовское, учрежденное в 1439 г., и Виленское, возникшее в 1458 г. В XIX в., после национально-освободительных восстаний в этих областях, деятельность братств в этих районах снова оживилась. В 1864 г. для них были опубликованы основные правила. Братства занимались не только миссионерством, но и благотворительностью. К началу XX в. они имели до 200 штатных миссионеров, свои разъездные миссии, проводили съезды. Из всех форм религиозных организаций именно братства представляли собой наиболее демократичную, имели богатый опыт координации усилий мирян и духовенства.

Распространившись по всей стране братства стали заниматься миссионерской работой среди всех неправославных вероисповеданий. Они возглавлялись епископами, устраивали беседы раскольников, сектантов, единоверцев, католиков, протестантов с подготовленными для миссионерской работы священнослужителями, создавали специальные библиотеки, противораскольнические комитеты и т.п. Особенно активизировалась деятельность братств в начале XX в.[21].

Итак, к началу XX в. православная церковь достигла значительных успехов. Вместо необозримых епархий — вполне разумные размеры церковно-административных округов, которыми епископы могли систематически управлять. Вместо необразованного духовенства — духовенство с начальным или средним образованием. Ушли в прошлое напоминания о том, что в церквях службы должны совершаться ежедневно, а уж в праздничные дни — пренебреженно. Это стало практикой, равно как и проповеди в церквях, внебогослужебные собеседования. Создана была целая сеть церковных школ для мирян и даже в светских непременно преподавался Закон Божий. Возникла сеть церковных периодических изданий, было создано множество религиозных книг, рассчитан-

ных на самый разный уровень подготовки, для взрослых и детей. В значительной степени была исчерпана и задача распространения православия на окраинах государства среди иноверцев.

Во всех этих мероприятиях православная церковь опиралась на помощь государства. У духовенства выработалась устойчивая привычка к административным методам работы. Своим статусом государственной религии православная церковь не только пользовалась в максимальной степени, но и готова была даже злоупотреблять. Печальной иллюстрацией этого стала духовная цензура, развернувшаяся в России в полную меру с 1820-х гг. Не способствовала росту авторитета православной церкви и методы борьбы с расколом. В России, уже имевшей свою прогрессивную печать, литературу, знавшей Л.Толстого, Ф.Достоевского, многие действия православной церкви в духе прошлого столетия теперь вызывали резкую критику. Уровень развития общества стал иным. Буржуазные реформы 1870—80-х гг. при всей их ограниченности придали больше активности и демократизма политическому развитию страны. На фоне происходящих перемен консерватизм церкви становился все более одиозным. Необходимость церковной реформы признавали практически все.

Раньше инициатором перемен выступало государство, утверждавшее свое исключительное верховенство над церковью. К началу XX в. эта задача была полностью исчерпана. Развитие общественного сознания вышло на новую ступень: пришло понимание человека как личности. И от церкви общественное мнение стало требовать соответствия эпохе: перехода от мер воздействия на религиозное поведение к мерам воздействия на религиозное сознание, воздействия идеологического, но не принудительного, качественного, а не количественного. Созрели предпосылки для реализации второго необходимого компонента модернистских взаимоотношений — принципа личной свободы совести.

В условиях абсолютного верховенства государства над церковью и эта тенденция была инициирована государством. Бурные события 1905 г., заставившие правительство искать компромисса с различными политическими и общественными силами, сделать новый шаг в развитии политической демократии, заставили искать и единения в религиозном плане, усиления влияния церкви на умы и чувства населения.

17 апреля 1905 г. в России был издан закон о веротерпимости. Работа над ним велась более двух лет, с момента издания Манифеста 26 февраля 1903 г., в котором было выражено желание Николая II «охранять освященную основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям»[22].

Закон о веротерпимости уже в преамбуле провозглашал личную свободу совести при сохранении приоритета православия в стране: «В постоянном, по заветам Предков, общении со святою Православною церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обезпечить и каждому из Наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести... Призывая благословение Всевышнего на это дело мира и любви и уповая, что оно послужит к вящему возвеличению пра-

вославленной веры, порождаемой благодатию Господнею, поучением, кротостью и добрыми примерами...»[23].

Текст закона соответствовал принципу личной свободы совести, хотя и с некоторыми ограничениями. В России была провозглашена свобода перехода из одного христианского вероисповедания в другое и свобода возвращения к религии предков принявших крещение инородцев (в соответствии с п. 1.2 вышеприведенной градации). Вариант обращения природного христианина в нехристианское вероисповедание в законе рассматривался как исключительный случай, и законодательством по-прежнему не признавался, хотя и не должен был сопровождаться репрессивными мерами. Аргументировалось такое ограничение предельно ясно: «Прямое разрешение в законе принятия православными нехристианских исповеданий не соответствовало бы глубокому сознанию истинности высоких начал, лежащих в основе веры Христовой»[24]. Министерства должны были, отменить все административные распоряжения, ограничивающие права старообрядцев и сектантов на государственную и общественную службу, ликвидировались дискриминационные различия при производстве в военные чины и в награждении медалями лиц различной исповедной принадлежности (в соответствии с п. 1.4 вышеприведенной градации). И, наконец, четко закреплён принцип, гласящий, что в уголовном порядке должны преследоваться только отдельные лица, которые в своей религиозной деятельности нарушают существующее законодательство и принятые в обществе нормы (в соответствии с п. 1.7).

Итак, в 1905 г. был провозглашен второй основной принцип модернистских отношений государства и церкви в России — личная свобода совести. Религиозным обществам была предоставлена большая, чем прежде, автономия во внутренних делах (например, старообрядцам предоставлено право вести метрические записи не в полиции, а у своих «настоятелей и наставников», как в законе называлось старообрядческое духовенство; католикам дано право замещать духовные должности без сдачи проверочных испытаний по русскому языку, право принимать новичков в монастыри, право католиков и протестантов основывать братства)[25]. Однако принцип политического равноправия церквей в законодательстве так и не был введен: гарантией государственного приоритета православия над другими вероисповеданиями являлись православность императора, свобода привлечения в это вероучение последователей и отчисление на нужды православной церкви части государственных денежных средств — три позиции, неизменность которых особо подчеркивал закон от 17 апреля 1905 г.[26] Закон о веротерпимости еще на стадии подготовки согласовывался с приглашенным по Высочайшему повелению первоприсутствующим членом Синода митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Антонием.

Несоответствие этого закона современным западным принципам взаимоотношения церкви и государства было очевидно. Большинство современников признавали невозможность провести в России в тот период в полной мере принцип религиозной свободы. Причинами такой неподготовленности один из исследователей положения различных церковных организаций в России С.Мельгунов считал политическую конъюнктуру, а именно «сплетение в русской жизни отношений церковных и государственных, многолетняя опека государства над

церковью, историческая традиция, неподготовленность значительного большинства русского общества к восприятию идеи полного отделения церкви от государства» [27]. Поэтому необходимо было выработать промежуточный, компромиссный вариант. Один из них был предложен церковной комиссией партии «народной свободы» в 1907 г. Этот проект настаивал на ликвидации государственной опеки над православной церковью, монополии пропаганды и уголовной охраны ее, соглашаясь на сохранение ассигнований из государственного бюджета первенствующей церкви [28].

Однако осложняющаяся политическая ситуация в стране, начавшееся наступление реакции помешали в полной мере привести все российское законодательство хотя бы в соответствие с законом о веротерпимости 1905 г. Демократическая пресса с болью констатировала явный регресс предлагаемых министерствами на рассмотрение Думы законов, касающихся религиозных вопросов [29]. При их разработке чиновники ссылались в основном на западно-европейские кодексы, признаваемые в начале XX в. уже устаревшими, преимущественно на Уголовное Уложение Германской империи 1871 г. и на австрийское Уложение 1852 г., построенные на принципе покровительства со стороны государства определенному религиозному учению [30]. Но даже рассмотрение этих министерских законопроектов зачастую вызывало реакционное неодобрение в различных комитетах Думы [31] и особенно со стороны Синода. Последний постепенно ваял курс на полную отмену закона о веротерпимости в России, требуя предоставления всех министерских законопроектов по церковным вопросам на предварительное рассмотрение в Синоде [32]. Однознейшим проявлением этого настроения высшей церковной иерархии, глубины привыкания православного духовенства к административно-бюрократическим, силовым методам религиозной пропаганды стали миссионерские съезды, проводившиеся в России с 1887 г., причем каждый последующий съезд демонстрировал все более нетерпимое отношение к вопросу о свободе вероисповедания [33]. Наиболее фанатичные приверженцы православия доходили даже до требования лишить всякой законодательной защиты в России все религиозные течения, кроме православия, поставить их вне закона и тем самым отделить от государства [34]. Скандальные случаи грубейшего нарушения закона о веротерпимости местными светскими и церковными властями в изобилии были описаны на страницах демократической прессы того времени [35].

Как только было провозглашено намерение императора ввести в России свободу вероисповедания, православные церковные иерархи заявили о необходимости переустройства православной церкви на принципе полной автономии во всех собственно церковных делах, дабы она не оказалась в более стесненном положении, чем все остальные вероисповедания.

Вновь зазвучал тезис о неканоничности существующей синодальной формы церковного управления. Последовавшее в декабре 1904 г. Высочайшее разрешение на созыв всероссийского поместного собора стало началом обширной дискуссии о современном состоянии православия в России и перспективах развития церкви [36]. Дискуссии, растянувшейся на годы, выявившей все достоинства и недостатки церковной жизни, показавшей отношение общества к церкви.

В ходе этой дискуссии звучал и призыв к отделению церкви от государства — т.е. к реализации последнего важнейшего принципа модернистских отношений к религии. Призыв этот исходил и от представителей духовенства, и целью его было совершенствование самой православной церкви.

Первоначально предполагалось подготовить собор в кратчайшие сроки. При Синоде было образовано предсоборное совещание, на которое и выдвигались организационные вопросы. Однако проблема реформирования церкви привлекала внимание очень многих. В 1905 г. в Петербурге организовалась т.н. «Группа 32-х», включавшая в себя радикально настроенных представителей православного духовенства и верующих мирян (впоследствии послужившая основой создания Союза церковного обновления), взгляды которой обычно определяются как христианско-социалистические. Группа выдвигала требования отделения церкви от государства и демократизации всего строя церковной жизни. В апреле того же года на собрании Общества любителей духовного просвещения, в работе которого участвовали многие представители московского православного духовенства и профессуры, начались чтения докладов о роли мирян в церковном управлении в различные исторические эпохи. Осенью на заседаниях этого общества уже была сформулирована задача всеми силами способствовать подготовке материалов к будущему собору, но даже скромные попытки членов общества ознакомиться с планами реформ, выдвигаемых епархиальными властями и предсоборным совещанием, встретили отпор. Пожелание, высказанное членами Общества митрополиту Московскому о созыве общепархиального съезда из числа духовенства, выбранного, а не назначенного епархиальной властью, также осталось без последствий.

Между тем развитие политических событий в стране сказывалось и на церковной жизни. Издание Манифеста 17 октября, провозгласившего некоторые реформы в стране, повляло, по признанию самих членов Общества, и на более четкую формулировку ими своих пожеланий в плане подготовки церковного собора. Суть этих пожеланий сводилась к большей демократизации подготовительных мер и к переносу времени созыва собора, дабы программа работы собора была наилучшим образом продумана, с учетом всех нужд церкви. Конкретно же членами общества было предложено провести собор только после получения материалов с епархиальных съездов, которые следовало провести во всех епархиях страны, причем эти материалы передать не в предсоборное совещание при Синоде, а в специально образованную комиссию, известную для всех. Члены самого Общества любителей духовного просвещения создали комиссию, которая должна была всесторонне рассмотреть вопрос о возможности участия в работе собора не только епископов, но и рядового духовенства и мирян. Вскоре комиссия перешла под покровительство «Союза 17 октября», выработала свой устав и развернула активную деятельность. В состав ее учредителей вошли и представители других конституционно-монархических партий. Деятельность комиссии была гласной и породила большое количество публикаций в прессе [37].

Вопрос о составе предстоящего собора, который должен был избрать патриарха, перерос в обсуждение самих перспектив развития церкви. «Лучше пустить на церковный собор обитателей тюрьмы, — чем представителей совре-

менной интеллигенции», — писал Антоний Храповицкий, глава синодального предсоборного совещания, резко отрицая возможность любого участия мирян в работе собора [38]. Поэтому комиссия при Союзе 17 октября не жалела сил для того, чтобы на примере церковных традиций, законов, истории доказать не только возможность, но и необходимость участия мирян и рядового духовенства в работе предстоящего собора, видя единственно в этом залог успешности церковных реформ, на проведение которых одним епископатом они не рассчитывали. Речь шла о воскрешении древнего принципа церковной соборности, понимаемого как полное участие «всех членов церкви (не только епископов, но также белого духовенства и мирян) в различных видах и формах церковной жизни, начиная с низшего — церковного прихода — и кончая высшим областным собором всей русской Церкви» [39]. Позиция Синода оказалась еще консервативнее: он не принимал не только предложенной комиссии при Союзе 17 октября, но даже скромные пожелания предсоборного совещания об ослаблении епархиального бюрократизма.

В последнем практически все видели основной недостаток современной церковной жизни. Развитие живых начал, душевной связи пастырства с прихожанами казалось невозможным для церкви, превращенной в ведомство православного исповедания. Освобождение от опеки государства считалось спасительным для самого православия.

Отстаивая автономность церкви от государства, протоиерей Н. Боголюбский, один из членов комиссии при Союзе 17 октября, писал, что сам христианский дух православной церкви предполагает у ее членов дух веротерпимости, признавал великим историческим грехом гонения на еретиков, сектантов, раскольников, призывал христиан не предаваться всецело политической борьбе, а служить делу мирного прогресса единственно проповедью, основанной на духе христианской любви, выступал против формальной обрядности и писал о том, что «истинная церковь не должна быть государственною и господствующею, в официальном смысле, — она должна быть общечеловеческою» [40]. Ему вторил профессор И. Громогласов, прямо укоряя церковную иерархию за недостаток подвижнического духа, попечительности «о более последовательном проведении истинно-христианских начал в сознание и жизнь церковного общества», столь умело прикрываемым бюрократической деятельностью по исполнению «благопопечительных мероприятий», инициатором которых было светское правительство» [41].

С горечью перечисляя список основных пороков современной церковной жизни, профессор В. Соколов писал о неизбежном равнодушии и даже враждебности интеллигенции к церкви, которая неспособна ответить на ее духовно-нравственные запросы [42]. «Что такое современный русский епископ? Это — прежде всего и больше всего, конечно, священнослужитель, то есть совершитель торжественных богослужений; а затем — сановник и администратор. Пастырская сторона его деятельности совершенно заслоняется и оттесняется на задний план его деятельностью как администратора... Он не знает в должной степени и не имеет возможности знать свою паству» [43]. Приходский священник, конечно, лучше знает запросы прихожан, но появляется на приходе

не по желанию прихожан, а единственно по воле епископа, посему долго завоевывает авторитет среди мирян, к тому же, вынужден вести более 30 видов приходской отчетности. В этом духе «мертвящего формализма» ему уже не до пастырского служения, а сверх этого на священника возлагают и чисто полицейские функции. «Наша церковь не есть общество в настоящем смысле самодеятельного, объединенного и организованного целого. В ней организована лишь та малая часть, которая учит и управляет. Все же остальное представляет собою не общество, а скорее толпу...»[44].

П.В.Тихомиров, продолжая анализ церковной жизни, замечал, что «школа должна быть независимой от церковного влияния, автономной. По моему мнению, и средняя школа должна быть светской. Во всяком случае, богословская школа должна быть по возможности независимой от церковного влияния»[45].

Сводная картина недостатков церковной жизни, нарисованная представителями православного духовенства и мирянами, по роду своей профессиональной деятельности занимавшихся исследованием прошлого и настоящего церкви, достаточно показательна. Она демонстрирует и произошедшие с православной церковью изменения за почти десятилетия синодального периода со времен Петра I, и уровень общественных требований к церкви в начале XIX в.

Резюмируя мнения членов комиссии 17 октября по вопросу о программе работы предстоящего собора, С.И.Кедров уже прямо говорил, что «главный вопрос на соборе — вопрос об отношении церкви и государства, а не о структуре церковной. Должна ли церковь быть в связи с государством, или отделиться от него — это центральный вопрос, который должен быть рассмотрен на соборе. Раз церковь отделится от государства, то и все другие вопросы будут освещаться иначе»[46].

Однако проявившиеся ростки церковного реформаторства вскоре оказались загублены, во многом именно стараниями высшей православной церковной иерархии, в наибольшей степени приверженной к бюрократическим методам работы, и вызывавшей в связи с этим наибольшую критику как со стороны мирян, так и рядового духовенства. Несмотря на активную дискуссию по проблемам церковной реформы, состава и повестки работы будущего собора, уже к 1907 г. верх одержали проекты, разработанные не в различных демократических кружках и комитетах, а в предсоборном совещании, выражающем в основном чаяния епископата и синодальной бюрократии. Согласно утвержденным в 1907 г. положениям, решающим голосом на соборе должны были обладать только епископы, а низший клир и миряне, пройдя через двух-трехстепенные выборы и после этого еще отбираемые епископами, на соборе должны были получить лишь совещательные голоса, и то без права выдвижения каких-либо инициатив. Уже после принятия этих положений при Синоде было создано особое совещание для разработки проекта церковных реформ, в еще более консервативном составе, чем предсоборное совещание, что было воспринято многими как свидетельство того, что собор вообще не будет созван, а реформирование церкви пойдет исключительно прежним, бюрократическим путем. Если же собору все-таки суждено будет состояться, то он будет напоминать всего лишь бесплодную смоков-

ницу в евангельской притче. «Реакция покончила с вопросом о церковном соборе и о церковных реформах», — с горечью констатировал С. Мельгунов еще в 1907 г. [47]. Особое совещание при Синоде пыталось реанимировать вопрос о созыве собора в 1912 г., но безуспешно. Столь же безуспешными были инициативы думских комиссий в 1915 г. вернуться к рассмотрению реформ, призванных демократизировать деятельность православной церкви. Только Февральская революция 1917 г. всколыхнула проекты церковных реформ, но резко обострявшаяся политическая ситуация в стране выдвигала на первый план уже не столько задачи реформирования ради блага и дальнейшего качественного развития церкви, сколько задачи физического сохранения церкви и страны в целом, что, конечно, не способствовало реализации такого модернистского принципа, как отделение церкви от государства. Даже бывшие сторонники церковных реформ все больше ратовали в этой ситуации за союз православной церкви с государством, хотя и продолжали требовать свободы вероисповедания в России, видя в этом средство сплочения всех верующих против возрастающей активности большевиков. Подтверждением этого принципа свободы вероисповедания стали два постановления Временного правительства в марте и июле 1917 г. [48]. В этой ситуации даже открытие поместного собора в 1917 г. было не столько свидетельством продолжения церковных реформ, сколько попыткой православных иерархов отстоять особое место православной церкви в общественной жизни, повянуть на политические события, бурно разворачивающиеся в стране.

Итак, как же можно оценить этапы и уровень модернизации церковно-государственных отношений в России до 1917 г.?

Основные принципы этих отношений складывались одновременно. Раньше всего, еще в эпоху Петра I, сформировался на практике принцип верховенства государства. Некоторые аспекты веротерпимости, без которой невозможно воплощение личной свободы совести, в весьма урезанном виде стали проявляться в политике российского государства с эпохи Екатерины II, однако в виде достаточно последовательной законодательной нормы были приняты только в 1905 г. В этом же законе 1905 г. закладывались и определенные элементы усиления автономии неправославных церквей в своей внутренней деятельности, однако о полной политической равноправности вероисповеданий в дореволюционной России речь не шла — православие всегда оставалось религией государственной. В русле подготовки церковной реформы, связываемой с восстановлением патриаршества и возобновлением деятельности поместного собора православной церкви, в общественном сознании стали формироваться представления о необходимости отделения церкви от государства. Одни (конституционно-монархистские круги) требовали этого с целью наиболее полного воплощения религиозно-нравственного предназначения церкви, а само отделение церкви от государства понимали скорее как освобождение церкви от возлагаемых на нее государством несвойственных полицейских функций, чем как отсутствие влияния церкви на государство. Другие (наиболее радикальные революционные партии) требовали полного отделения церкви от государства, имея целью полное уничтожение в перспективе самих религиозных организа-

ций. В полной мере модернистская модель взаимоотношений церкви и государства в России так и не сложилась.

Однако, говоря о признаках модернистских церковно-государственных отношений, мы рассматривали идеальную модель. Профессор И. Бердников, анализируя реальный статус церкви в «новых государствах» Европы и Америки, отмечал достаточно широкую палитру отклонений в законодательстве от идеальной модели, порожденных конкретными историческими особенностями различных стран. В частности, практически ни в одной стране не было реального политического равноправия всех вероисповеданий, обычно они делились на признаваемые и терпимые. Признаваемые пользовались влиянием на государственную жизнь, иногда довольно заметным. Терпимые же довольствовались внутренней автономией в церковных делах. Само законодательное закрепление принципа отделения церкви от государства и верховенства государства было явственно ориентировано не на все вероисповедания, а прежде всего на католицизм, поскольку именно католическая церковь, в силу своей организации, оказывала наибольшую конкуренцию национальным государственным организациям в осуществлении их властных полномочий. Церкви протестантского типа изначально усваивали себе более тесное сотрудничество с государством, при безусловном признании его верховенства, поэтому законодательные ограничения затрагивали их в меньшей степени.

Русская модель церковно-государственных отношений являла собой еще более терпимый образец, чем взаимоотношения западных государств с церквями протестантского типа. Государство нового типа вообще готово было уступить церкви многие позиции, при одном неперемennom условии — безоговорочном признании его верховенства. От степени ожесточенности борьбы, в которой приходилось его отстаивать, зависела и мера жесткости нового законодательства относительно церкви. Исторические условия России обеспечивали наиболее мягкую модель таких взаимоотношений, при которых государство получало верховенство, православная церковь — статус наиболее признаваемой, остальные вероисповедания становились терпимыми, при законодательном закреплении личной свободы совести и автономности внутренней жизни религиозных организаций. Однако противоречивая и бурная история России предреволюционных лет помешала полностью развиться этой тенденции. Государство, выступившее во многом выразителем общественных чаяний на качественные изменения в церковно-религиозном вопросе, не проявило, в силу политической ситуации в стране, достаточной последовательности в практическом воплощении законодательно провозглашенных им принципов веротерпимости, которые в перспективе могли бы приблизить правовой статус религий в России к правовому статусу религий в европейских государствах, ставших на путь модернизации. Оставшись без надежной поддержки со стороны государства, демократические круги религиозной, прежде всего православной общественности, в силу своей неорганизованности, не смогли настоять на церковных преобразованиях, которые способны бы были утвердить новый статус церкви в России, поднять ее авторитет, изменить методы работы. К роковому 1917 г. Россия так и не узнала в действительности ни подлинной свободы совести, ни отделения церкви от

государства. Прошли десятилетия, и в годы перестройки, когда речь зашла о возрождении религиозной свободы в России, это возрождение многие представители государственных и церковно-православных кругов стали понимать как возрождение статуса церкви в царской России — статуса, требующего коренного реформирования еще в начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бердников И. Новое государство в его отношении к религии. // Православный собеседник, 1888. №11. С.286-291.
2. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Том II. Париж, 1959. С.314.
3. ПСЗ-I. Т. VI. № 3718.
4. ПСЗ-I. Т. VI. № 3718; Высшее церковное управление в России. М., 1905. С.29-39.
5. ПСЗ-I. Т. VI. № 4022.
6. Нечаева М.Ю. Уральское монашество XVIII века: нормы и практика пострига. // Религия и церковь в Сибири. Вып. 8. Тюмень, 1995. С.21-35.
7. ПСЗ-II. Т. XVI. № 14409; Устав духовных консисторий. СПб., 1905.
8. ПСЗ-I. Т. XVII. № 12378, Т. XXV. № 18316, 19182, Т. XXVI. № 19674, 19816; ПСЗ-II. Т. IV. № 3323; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1844 г. СПб., 1845. С.91-92; То же... за 1846 год. СПб., 1847. С.37; Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Изд.3. СПб., 1900. С.110 -115, 297-303; Знаменский П. Приходское духовенство в России со времени Петра. Казань, 1873. С.669-850.
9. ПСЗ-I. Т. XXV. № 18921; Т. XXXVIII. № 29583, 29613; Ивановский Я. Указ. соч. С.49-52; Знаменский П. Указ. соч. С.781-786, 814-819.
10. См., например: Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С.178-186, 220-231.
11. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т.I. Ч.2. Местные установления. Казань, 1898. С.272- 273; Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Греко-российской Церкви. Казань, 1888. С.159-160.
12. Ивановский В. Русское законодательство... С.81-90; Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С.73.
13. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб., 1905. С.160.
14. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. I. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург, 1900. С.122-127; Ивановский В.В. Русское государственное право... С.280-281.
15. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 109-386.
16. К истории Пермской миссии. // Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1888. Отдел неофициальный. № 13-15, 17-18, 20.
17. Бердников И.С. Указ. соч. С.233-235.
18. Ивановский В.В. Русское государственное право... С.265; Ивановский Я. Указ. соч. С.101-102; Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1889 г. № 27. С.626-630, 1897 г. № 23. С.517- 520, 1900 г. № 18. С.425-429, № 19. С.452-454; ГАСО. Ф.698. Оп.1. Д.314.
19. ПСЗ-I. Т. XXX. № 22971; Ивановский Я. Указ. соч. С.180-191, 285-296.

20. Бердников И.С. Указ. соч. С.159-160; Ивановский В.В. Русское государственное право... С.271-273; Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1887 г. № 19, 21, 29-35; 1907 г. № 34. С.444; 1912 г. № 1. С.13; 1917 г. № 16. С.88-97; Обзор деятельности... С.75-76.

21. Церковь в истории России. (IX в. — 1917 г.) Критические очерки. М., 1967. С.290-291.

22. Цит. по изданию: О веротерпимости. Закон 17 Апреля 1905 г. М., 1905. С. 15.

23. Там же. С.3.

24. Там же. С.23.

25. Там же, С.55, 77, 78.

26. Там же. С.19.

27. Мельгунов С. Церковь и государство в России. Ч. II. М., 1909. С.9.

28. Мельгунов С. Указ. соч. С.9, 90.

29. См. статьи С.Мельгунова в сборниках: Церковь и государство в России. Ч. I. М., 1907; Ч. II. М., 1909.

30. Мельгунов С. Указ. соч., Ч. II, С.19-24, 41, 48, 93.

31. Там же, С.47-81.

32. Там же, С.49, 98-102, 111, 129-132.

33. Там же. С.110-111, 133-170; Русское православие: веки истории. М., 1989. С.438-462.

34. Этого, например, требовал депутат от фракции правых Ткачев на вероисповедной комиссии в Думе. См.: Мельгунов С. Указ. соч. Ч. II. С.48-49.

35. Следует особо отметить в связи с этими статьями С.Мельгунова, собранные им впоследствии в указанных выше сборниках (Ч. I-II).

36. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С.25-26; Церковь в истории России... С.264.

37. Поспеловский Д.В. Указ. соч. С.64-66; Перед Церковным Собором. М., 1906. С. IV-XIII.

38. Цит. по: Церковь в истории России... С.264.

39. Перед Церковным Собором..., С. IX.

40. Там же. С.6—11.

41. Там же, С.22.

42. Там же. С.45-47.

43. Там же. С.49.

44. Там же, С.53.

45. Там же, С.343.

46. Там же, С.324.

47. См.: Мельгунов С. Указ. соч. Ч. II С.117-128.

48. Подробнее о подготовке поместного собора и проектах церковных реформ пред-революционного периода см., например: Церковь в истории России... С.264-365; Поспеловский Д.В. Указ. соч., С.26-45.

THE CHURCH IN MODERNIZING RUSSIAN SOCIETY OF THE XVIIIth - THE EARLY XXth CENTURIES

The article considers a little known aspect of modernizing the Russian society, namely, the changes in the status of the ecclesiastical organizations during the XVIIIth — the early XXth centuries. By comparing facts of the Russian history and legislative regulations with the constitutions of the Western states, the author exposes the dynamics of forming basic components of modernist relations between the church and the state in Russia. Significant attention is paid to the ecclesiastical reforms in Russia during the early XXth century, reasons for their implementation, perceptions of their practices by various social circles, as well as the factors stipulated for their insufficiently consecutive and half-way realization.

M.Yu.Nechaeva

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА XVIII – НАЧАЛА XIX в.)

Одним из проявлений присущего модернизации рационализма можно рассматривать возникновение статистики. Числовые сведения были призваны установить закономерности, причины, следствия массовых явлений общественной жизни, в том числе и в народонаселении. В сфере внимания демографического учета находятся проблемы численности населения земного шара, «демографический взрыв» и пр. Современный демографический учет рассчитан на гражданское общество, члены которого сотрудничают с органами государства и не считают статистические операции вторжением в свою частную жизнь. Кроме того, демографический учет ориентирован на образованного человека, который знает календарные даты событий своей жизни и на их основе умеет определять важные демографические параметры (например точно указывает свой возраст). Подобный *homo statistikus* — принадлежность современного общества, результат длительного развития самой статистической науки — появляется в процессе модернизации. Собственно статистика возникла в форме так называемой «политической арифметики». Научные взгляды ее представителей самым тесным образом были связаны с практикой учета, которая их выработывала. Теоретические идеи зародились ранее самого учета, но оформились в некоторую систему, когда уже была осознана необходимость и польза статистических сведений, их систематический, постоянный сбор стал обычным делом.

В дореволюционной России полная схема статистики населения (текущий учет и переписи) внедрена не была. Наивысшим достижением российской статистики населения принято считать перепись 1897 г., хотя становление демографического учета началось еще в предыдущем столетии. Рассмотреть зарождение данной отрасли в России XVIII в. по уральским материалам, то есть проследить первые «ростки» модернизации в этой сфере в традиционалистском обществе является целью нашей работы. В этот период государственные и общественные деятели исповедовали популистские взгляды: увеличение населения, а следовательно, увеличение численности войск и плательщиков податей, рассматривалось ими как естественное увеличение могущества государства. Повышение удельного веса политических мероприятий, направленных на регулирование и контроль демографического поведения населения происходило также в силу абсолютистских устремлений. О демографической политике в ее современном понимании применительно к XVIII в. говорить не приходится, но отдельные мероприятия (законодательное определение возраста вступления в брак, переселения) проводились издавна. Главным достижением государственных властей явилось осуществление необходимого и существенного элемента демополитики — организация системы источников данных о населении. В первой половине XVIII в. в рамках ревизского и церковного учета происходил совершенно необходимый для налаживания статистики населения процесс — государственные органы

привыкали работать с документами по учету населения (вопросы статистического наблюдения, сводки, обработки и освещения полученных результатов), население же свыклось с мыслью, что оно является объектом такого учета.

Последствием стремления правительства при введении учета получить как можно больше сведений и отсутствия на первых порах четкой формы учетных документов явилась информационная избыточность собранных данных[1]. Так, формуляр первой ревизии во многом складывался стихийно в ходе ее проведения. Приходская книга по указу 1737 г. должна была включать 71 рубрику. В силу этого правительство могло выбрать наиболее приемлемый вариант содержания документов и затем вести работу по их формализации (позже учетные документы получили табличную форму и неоднократно публиковались).

При введении учета интерес правительства был направлен на индивида, однако для фиксации материала наиболее приемлемым оказалось перечислять людей по семьям (ревизский учет) или по дворам (церковный учет) с указанием их возраста. В формуляр документов ревизского учета, был заложен своеобразный механизм четкости, присущий только ему — составитель очередной сказки должен был отчитаться за каждого человека, зафиксированного предыдущей ревизией. Это окончательно определило форму первичных документов ревизского учета — посемейный список с двойным указанием возраста записанных (по предыдущей и теперешней ревизии) и событий, произошедших с этим населением в межревизский период (например, «умер», «отдан в рекруты», «вышла в замужество» и пр.).

Документы церковного учета были двух типов — исповедные росписи и так называемые метрики. В конце концов они приобрели следующую форму. На одной стороне (странице) тетради (или книги, если приход был большим) переписывали прихожан по их дворам и указывали возраст. По третям года делали отметки о явке на исповедь и «ко святому причастию», в конце списка подводились итоги по сословиям. Другая страница была разлинована на три части, в каждой из которых записывались сведения об определенном обряде (дата и характеристика лиц, над которыми он производился; например, указывались имена восприемников у окрещенных детей), под конец года давались общие итоги «по родившимся, браком сочетавшимся и умершим».

Общее руководство ревизским учетом осуществлял Сенат, церковным — Синод. В первую ревизию сказки подавало само население. Губернаторы и воеводы их собирали и отсылали в специальное учреждение Сената — канцелярию Зотова. Во время второй ревизии губернаторов и воевод заменяли офицеры, которые сверяли поданные населением сведения с материалами первой ревизии и предоставленными справками, затем составляли сводки и отсылали их в Сенат. Третья ревизия проводилась силами местных властей. Сказки составляли губернаторские, провинциальные и воеводские канцелярии. Проведение ревизий всегда затягивалось, и только в четвертую ревизию удалось уложиться точно в срок. Ее проводили местные власти, но более низкого уровня — нижние земские суды, которые посылали сводные данные казенным палатам (возникшим в 1775 г.), а те подавали окончательные итоги в Сенат. Из большого количества инстанций, задействованных в проведении ревизий, предпочтение в

конце концов было отдано среднему, если можно так выразиться, звену местной власти — нижним земским судам, которые знали ситуацию на местах и в то же время имели уже достаточно квалифицированные кадры для проведения учета, а также специальным налоговым учреждениям — казенным палатам. Само же население от сбора информации было отстранено.

В церковном учете население как агент сбора информации не принималось в расчет изначально. Вся работа была сосредоточена в руках приходского клира. Если при проведении ревизий стремились прежде всего к точности, то создание церковного учета скорее явилось компромиссом между желанием властей получить нужные им сведения о населении и возможностью духовенства проводить учет своих прихожан. Принимая во внимание, что приходское духовенство имело хотя бы зачатки грамотности, государство предписывало иметь в приходе книгу со списком прихожан и вести по ней текущий контроль за исповедью, а для центральных властей составлять на ее основе итоговый отчет. Священники ограничивались отправкой списков прихожан, первоначально высылая их Синоду и присутственным местам. С 1737 г. к ним добавился еще один адресат — Духовное правление, которому надо было предоставить копию книги, а Синоду — сводные материалы. Следует согласиться с мнением Б.Н.Миронова, что подобное требование было нереально, ибо означало проведение ежегодных переписей всего православного населения страны силами только духовенства[2]. В 1742 г. был найден жизнеспособный вариант, более или менее равномерно распределяющий работу между тремя инстанциями — священник ведет общий список прихожан, консистория получает от него список неисповедовавшихся, а Синоду подает уже генеральный по форме экстракт. Только после этого в 1740—1750-е гг. Синоду удалось наладить регулярный сбор и присылку материалов учета.

На Урале в сборе сведений церковного учета полного успеха в XVIII в. достигнуто не было[3]. Показателен случай с Далматовским заказом 1770 г. Оренбургский губернатор Рейнсдорп, составляя в январе генеральную ведомость по текущему учету населения, обнаружил, что Далматовский заказ не прислал для нее сведений. После трехкратного безрезультатного запроса в Далматов, он вынужден был обратиться к архимандриту Иакинфу. Глава Тобольской епархии уже давно знал «слабость» Далматовского духовного правления в «чинении ведомостей», поэтому он приказал держать служителей заказа «под караулом без выпуску» до завершения составления ведомостей и пригрозил, что если по этому поводу еще будут жалобы, «отстранить заказчика от заказа как неспособного к правлению дел и выправить ведомости на коште духовного правления».

Далматовский заказ попытался свалить вину на мирскую избу, через которую посылал ведомости. Его служители утверждали, что ведомость отправили еще в январе, поэтому и на первое требование губернатора не прореагировали «в рассуждении того, что посланная ведомость еще не получена». По второму требованию они якобы переписали ведомость и вновь ее отослали. Эти отписки дело, однако, не продвигали. Шел уже апрель, и губернатор вынужден был снова обратиться в Далматов, предлагая «с отпуску написать такую же ведомость и отправить так, чтобы в пути утратиться не могла, и требуя над-

лежаще исследовать, каким образом и через кого первые ведомости были отправлены и кем удержаны»[4].

Существовала еще одна, характерная именно для Урала трудность в проведении учета — его неприятие старообрядцами, доля которых в населении края была значительной. Взаимоотношению старообрядцев и властей в данном вопросе на протяжении XVIII столетия посвящены несколько глав монографии Н.Н.Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских старообрядцев в XVIII веке»[5]. Ситуация была далеко не однозначной. Автор не ставит под сомнение хорошо известный тезис об уклонении представителей этой конфессии от различных видов учета, как церковного, так и ревизского, однако приходит к мнению, что учет староверов станет традиционным именно во время проведения ревизий[6]. Запись в ревизскую сказку и платеж двойного оклада был одним из немногих средств перехода старообрядцев на легальное положение, но эти же меры обеспечивали духовенство сведениями о тех, кого надо с помощью воинских команд и застенков «увещевать» для перехода в православие. «Испорченность» данных церковного учета была еще значительнее, поскольку в его основе лежало совершение обрядов в лоне официальной церкви — один из основных «каменей преткновения» никониан и староверов. Последние уже в XVII в. перешли на самообслуживание: «устрои сами себе священников, и вся таинства наша православныя... действовать... крещения творити... и погребати».

Практику учета, проводимую российским абсолютизмом, старообрядцы критиковали не только с народной, но и с традиционалистской точки зрения. В данном случае ярко проявился конфликт между модернизацией и традицией. Ревизский учет был для них неприемлем уже потому, что он являлся новшеством. Р.Г. Пихоя приводит следующую цитату из старообрядческого «Цветника» середины XIX в., который, по его мнению, восходит к предыдущему столетию: «Устанавливая их (ревизии — Р.Г.) не по прежде установленному благочестивых царей, но нечто особое вне границ православного правления»[7]. В другом месте старообрядческий автор оценил проведение первой ревизии Петром I более жестко: «...сего и в древние времена бывшие мучители не творили»[8]. Староверы вскрывали антинародную направленность ревизского учета: «Учени описание народное, исчисляя все мужеска пола и женска, старых и младенцов, живых и мертвых... взыскупя всех, дабы не один мог скрытися... и облагая их данями великими»[9]. Рациональные мероприятия светского государства воспринимались простыми людьми XVIII в. как грубое вмешательство в сферу частной жизни: по их мнению, попадание в документы ревизии «всякого при своем житии крепко ограничивает»[10]. Человеку того времени были абсолютно непонятны и поэтому воспринимались им как «ковни» или «тиранство» властей принципы, положенные в основу ревизского учета, например, облегчавший сбор налогов прием платить подати за всех попавших в ревизскую сказку до проведения новой ревизии, даже если они умерли (так замечательно обыгранный Н.В.Гоголем в «Мертвых душах»). В той же старообрядческой литературе существуют яркие примеры подобного «непонимания». Если продолжить далее тему о «данях великих», то оказывается, что их «возлагали»

«не точно на живых, но и на мертвых». «Таково тиранство учини, и с мертвых дани востребова»[11]. Рационализм и «модернизм» ревизского учета с трудом воспринимался здравым смыслом русских людей. Народ не видел надобности в том, чтобы «его сосчитали», а соединение с учетом населения мероприятий по сбору налогов и борьбы с церковным инакомыслием начисто отворачивали население от статистики.

Государство при проведении учета вынуждено было прибегать к целому набору мер воздействия, которые можно разделить на две группы: наказания — смертная казнь, телесные наказания, ссылка на галеры, конфискация имущества, денежные штрафы, содержание в цепях и под караулом (для священников, кроме того, отречение от сана и монастырские работы); поощрения — снятие наказаний за утайку душ, если сведения будут поданы вовремя, прощение наказанных и отмена штрафов, освобождение от крепостной зависимости крестьян, если им удавалось уличить своих владельцев в сокрытии душ и пр. Как стимулирующее средство постоянно использовали такую меру как повторные указы.

Правительство комбинировало меры воздействия по следующей схеме. Наказания доминировали при проверках и на начальных стадиях организации учета. Например, в ревизском учете объем наказаний был сокращен уже начиная со второй ревизии, ибо к этому времени государство заставило население смириться с введением учета. С третьей ревизии ограничивались только штрафами. По окончании ревизий силу набирали «милостивые» указы, то есть поощрения за обеспечение более полной информативности учетных данных.

Для обеспечения точности ревизского учета проводились специальные мероприятия. Уже в первую ревизию власти сделали попытку объединить обе системы учета — духовенство должно было содействовать сбору сказок предоставлением своих сведений (с этого момента материалы церковного учета стали главным источником проверки сведений ревизий). По окончании ревизии производилась проверка. Первый раз она осуществлялась силами армии и специально созданных переписных канцелярий; во второй — была совмещена со сбором данных; сведения третьей ревизии выборочно контролировались офицерами; во время четвертой контроль осуществляли местные власти, но только «по подозрению».

Основные черты ревизского учета сложились к третьей ревизии (1763 г.), церковный был налажен в 1750-х гг. Они оказались совершенно оригинальными учетными системами, в довольно своеобразной форме вобравшими в себя полную схему статистики населения — переписи и текущий учет. Ревизии, будучи переписями, учитывали текущие демографические события за межревизский период у записанного в них населения. Церковный учет состоял из исповедных росписей — переписей и метрических книг — записей текущих демографических событий. Однако эти учетные системы не охватывали всего населения. Ревизии считали плательщиков податей, а церковному учету подлежало православное население.

К середине XVIII в. выявились два пути дальнейшего развития учета населения: первый — каким-то образом объединить ревизский и церковный учет

для получения целостной картины о населении России; второй — создание наряду с ними чисто демографической учетной системы. Попытки объединить данные ревизского и церковного учета продолжались вплоть до 1830-х гг. Найти общее между различными системами учета удавалось на уровне первичных документов, где указывались имена людей (подобный прием использовался с первой ревизии), но соединить сводные материалы было невозможно именно из-за оригинальности, присущей каждому из видов учета. Поэтому во второй половине XVIII в. власти приступили к организации уже собственно демографического учета.

Введя метрики гораздо раньше России, европейские страны приступили к созданию статистики населения в середине XVIII в. Считается, что наиболее успешно эту задачу решило шведское правительство[12]. За основу были приняты материалы церковного учета. Дополнительно к нему с 1749 г. на пасторов была возложена задача в табличной форме и цифровом виде предоставлять сведения о естественном и механическом движении населения, о его составе и численности: о рождаемости (с разделением новорожденных по полу, на брачных и внебрачных, живо- и мертворожденных, с указанием на многоплодные роды); о смертности (причины смерти комбинировались с полом и возрастом умерших, отдельно указывались состоящие и не состоящие в браке); о брачности (заключение и прекращение браков). Все эти сведения приводились по месяцам. Информация о жителях содержала в себе разграничения по возрасту, семейному состоянию, общественному положению и промыслам в комбинации с полом. При проведении этой реформы Швеция столкнулась с трудностями, аналогичными российским.

Духовенство не умело составлять сводные документы демографического учета, первое время при их заполнении пасторы делали много ошибок. Отсутствие должного контроля со стороны государства приводило к тому, что сведения не присылали в назначенный срок (сводку за 1749 г. правительство смогло получить только в 1755 г.). Полагаться на то, что население сообщит о себе точные данные (например о возрасте) также не приходилось. Специально занимаясь этим вопросом, шведский ученый Пер Варгентин вынужден был констатировать, что многие крестьяне не знают точно свой возраст, некоторые по финансовым соображениям его преувеличивают или преуменьшают, другие округляют. Поэтому пасторы отказались от опроса населения и устанавливали возраст по приходским книгам[13]. Со временем выяснилось, что вести подобный учет только на основе метрик невозможно. Духовенство стало вести книги, в которые записывало семьи всех жителей с обычными для народной переписи сведениями о каждом человеке, о рождении и смерти, приезде и выезде[14]. Таким образом создавались так называемые «регистры населения», формуляр которых весьма напоминает ревизские сказки в России.

В начале 70-х гг. XVIII в. также на основе церковного учета новую систему статистики населения попытались внедрить во Франции. Суды, в которые с мест поступали списки о рождениях, браках и смертях, должны были в заранее отпечатанных бланках (где в алфавитном порядке приводился перечень

приходов) указать численность родившихся, умерших и вступивших в брак, тщательно различая лиц того и другого пола[15].

В России в этот период также усиливается интерес к вопросам демографической политики. В «Наказе» Екатерины II появляется специально посвященная этому глава «О размножении народа в государстве». Этой же теме в 1761 г. было посвящено письмо М.В. Ломоносова государственному деятелю И.И.Шувалову. В 1763 г. появляется первый Департамент Сената, на который было возложено «ведать о числе народа». К этому времени государственные органы научились не только определять количество населения, но и учитывать его качественные характеристики (пол, возраст, различные демографические события — рождения, смерти, браки и т.п.). Были разработаны приемлемые формы учетных документов, определены мероприятия по сбору и обработке информации, возникла система наказаний-поощрений при проведении учета населения. На местах появились квалифицированные кадры учетчиков, за несколько лет отложились учетные материалы. Это избавляло от необходимости обращаться за данными только к населению, которое, по замечанию В.Н.Татищева, записей о демографических событиях не вело и по прошествии большого количества лет вспомнить их точную дату не могло[16].

Обобщение и анализ материалов демографического учета в трудах «политических арифметиков» также стимулировали дальнейшее развитие статистики населения. Во второй половине XVIII в. на русский язык были переведены наиболее известные сочинения по этой отрасли знания — Бильфельда, Юсти и Зоннефельса[17]. Возникла отечественная литература — работы Л.Ю.Крафта (по материалам церковной статистики г.Петербурга за 1764—1796 г.), И.Ф.Германа (по данным ряда провинций и городов России, в том числе Тобольской губернии за 1786 г.), А.К.Шторха (по сведениям 15 наместничеств, в том числе Пермского и Вятского, за 1793 г.)[18].

Какие же идеи в организации учета населения выдвигались учеными? «Политические арифметики» пришли к твердому убеждению, что статистика народонаселения должна быть отделена от налогообложения, «ибо чернь почти во всех странах долговременными испытаниями уже удостоверилась, что такие исследования почти ничем другим не сопровождаются, как новыми налогами»[19]. Страх перед переписью, по мнению Зоннефельса, возникал именно из опасения новых налогов. Чтобы «простой народ без всякия утайки открывал подлинное число душ», Юсти рекомендовал «внушить ему, что сия возобновительная перепись не в таком намерении делается, чтобы в последующее время, смотря по тому, наложит на него новья подати»[20]. Насколько серьезно даже перед статистиками «просвещенных» стран того времени стояла данная проблема, свидетельствуют наблюдения француза Де Поммеля. В 1789 г. он писал о невозможности провести всеобщую перепись в своей стране. Трудно было даже наладить учет населения отдельной провинции. Де Поммель ссылался на опыт в провинции Ош, в которой проведение переписи в 1786 г. привело к народным волнениям[21].

Достаточно единодушно «политические арифметики» выступали за передачу демографического учета из рук церкви в ведение местной администрации, то

есть за введение так называемого «административного учета». Варгентин вообще предлагал переложить его на плечи местного самоуправления, выбрав «надежного человека из числа жителей». Другие считали, что лучшим вариантом будет низшее звено администрации: С. Вобан советовал назначать лейтенантов для проведения учета, Юсти — служителей благочинного правления, урочных или уличных нарядников (в городах) и главных старшин (по селам и деревням), Бильфельд — полицейских офицеров и комиссаров, Зоннефельс — приставов и присутственные места (в городах) и старост (в сельской местности)[22]. Они сами должны были считать жителей, не перепоручая это важное дело своим подчиненным или «другим каким непросвещенным людям».

Следовательно, «политические арифметики» выступали за создание самостоятельного демографического учета, однако еще не в полной мере понимали своеобразие двух составных частей полной схемы статистики населения: переписи и текущего учета. Переписывать население они советовали гораздо чаще, чем принято в современной демографии, — ежегодно (под конец года)[23]. Причем считалось, (видимо, сказался опыт Швеции), что оба вида учета должно осуществлять одно и то же должностное лицо. Подобные взгляды на организацию статистической работы не способствовали выработке различных методов проведения переписи и текущего учета, а наоборот, приводили к их смешению. Это было характерно не только для специфически российских учетных систем (ревизских сказок и метрик с исповедными росписями), но и для Швеции, Франции (по предложению маршала С. Вобана лейтенанты четыре раза в течение года должны были посещать закрепленные за ними дворы, заполняя при этом регистры, и таким образом следить за всеми изменениями в населении)[24]. Подобные же представления были присущи теоретическим трудам Юсти (в поголовный список семей вносить все изменения по мере их возникновения)[25] и Зоннефельса. Предложенный последним проект программы переписи охватывал не только так называемое состояние населения, то есть установление его количества и состава (что присуще переписи), но также его динамику (что относится к текущему учету) и весьма напоминал формуляр ревизской сказки. Также, как и в ревизском учете, перепись начинали с регистрации состояния семьи при последней переписи, затем указывали ее приращение вследствие рождений и переселений, далее — убыль. Сравнение двух последних граф с прошлым показывало, по мнению этого ученого, настоящее состояние семьи[26].

«Политические арифметики» предлагали несколько способов организации статистического наблюдения. Население предлагалось отслеживать, применять метод обхода и изустного опроса («самим ходить по всем домам и записывать живущих там людей, а не призывать к себе хозяев оных и не определять числа обывателей по их сказкам»)[27] или, наоборот, предоставить возможность («приказать») самим жителям сообщать властям демографические сведения о себе[28].

Обращение к материалам уральских архивов свидетельствует, что при налаживании текущего учета использовались многие предложения «политических арифметиков» и практический опыт организации подобного рода мероприятий, накопленный как в России, так и в других странах.

Указом от 10 февраля 1782 г. было «предписано начать сочинение генеральных ведомостей о родившихся, браком сочетавшихся и умерших». Реализация этого начинания возлагалась в промышленных районах на заводские конторы, а в сельских — на волостные правления. Принимая во внимание заключение М.В.Птухи о хорошей постановке статистики на горных заводах Урала того времени, можно предположить, что и учет горнозаводских жителей проводился лучше. Это дает возможность одновременного получения на уральских материалах двух уровней учетной информации: в сельской местности сопоставимой с общероссийской и более качественной на заводах.

Предполагалось, что сведения будут собирать сотские и десятские и каждый день докладывать в заводскую контору (примерно такая же процедура была и для волостных правлений). Контора или правление должны были вести постоянные «верхнейшие записки» и в нужный срок по прилагаемой форме сочинять ведомости[29].

От заводских контор сначала требовали, чтобы они поименно перечисляли родившихся, умерших и вступивших в брак, однако документы получались очень длинными. Тогда было решено о происходящих демографических событиях «показывать генерально, а не подробно», то есть с помощью цифр. О рождаемости требовались следующие сведения: сколько детей родилось и какого они пола; о смертности — сколько человек умерло и какого они пола и возраста, а также, умерли ли младенцы до крещения и о причинах смерти от несчастных случаев (например, убит молнией, утонул и пр.); о брачности — сколько людей вступило в брак, сколько образовалось супружеских пар, сколько холостых женилось на девицах, сколько вдовцов на девицах, сколько холостых на вдовах и сколько вдовцов на вдовах[30]. Генеральные ведомости имели табличную форму.

В указе 1782 г. государственная власть вновь попыталась соединить учет населения, который обязаны были проводить государственные органы, с церковным учетом. Для наилучшей верности данные предписывалось «поверять их з духовным правлением и приходским священником»[31].

В определении сроков, по которым нужно было предоставлять ведомости для контор и правлений, существовали расхождения. От заводских контор требовали присылать подобные ведомости каждые полмесяца, то есть к 1 и 15 числу[32]; затем был установлен порядок высылки ведомости по прошествии каждого месяца[33]. Для волостных правлений был установлен годичный промежуток подачи ведомостей[34].

По опыту в налаживании ревизского и церковного учета государственная власть заранее представляла трудности в реализации данного начинания. Поэтому в указе предусматривались следующие меры: «...если же от коголибо в назначенные числа таковых сведений в получении не будет или будут получены, да не по приложенной форме, то к переправке на счет неисправных возвращены будут с нарочными; нарочные посланы будут на коште писчиков и волостных старост»[35].

Действительно, самым распространенным явлением было запаздывание в подаче ведомостей или составление их не по форме[36]. Так, в конце 1796 г.

Шадринский нижний земский суд вынужден был отправить «во все здешние округи» солдата Федорова с наказом, чтобы он «по приезду в каждой волости нанестройжайше старостам и пищикам подтвердил, чтобы они доставили ведомости непременно, причем из ближних к городу Шадринску волостей к 27 декабря, а из дальних к 29—30 декабря». Федоров должен был также отдать на исправление ведомости, сочиненные не по форме в правлениях Юрьмытской и Мехонской волостей. В этих документах не было означено, «есть ли нет убытые, утопленные, удавившиеся, деревом убитые или громом», а также отсутствовали сведения, сколько детей умерло до крещения[37].

Другая проблема, которая встала в ходе реализации мероприятий по проведению текущего учета, состояла в отсутствии опыта совместной работы администрации и священников по составлению ведомостей на местах. Иногда священники просто не допускали светские власти к имеющейся у них информации. Поэтому в указанном порядке священникам было «строжайше подтверждено» давать сведения по требованиям заводских контор и судов[38]. В конце концов государственные власти рекомендовали организовать совместную работу следующим образом: получать сведения о текущих демографических событиях от сотских и десятских, но по прошествии каждых двух месяцев проверять «оные» совместно с приходскими священниками[39]. В свою очередь, как свидетельствует указ нижнего земского суда Баклановской волости Шадринского уезда, светские власти должны были помогать в церковном учете населения. Сотским и десятским предписывалось жителей на исповедь и «ко святому причастию» «понудить неослабно всех до одного человека в нынешний великий пост»[40]. Местные власти должны были также помогать церкви в организации текущего учета среди староверов. В совместном указе генерал-губернатор Пермский и Тобольский Волков и архиепископ Тобольский Варлаам в 1793 г. требовали: «дабы в сочинении духовных ведомостей не могло последовать остановки, приказать нижним земским судам понудить волостные суды к подаче приходским священникам списков заблуждающихся от православия о семействах их с летами и сколько у них было в 1790, 1791 и 1792 годах родившихся, бракомсочетавшихся и умерших»[41].

Рассмотрение делопроизводственной документации волостных правлений и заводских контор Урала по налаживанию текущего демографического учета позволяет сомневаться в утверждении В.М.Кабузана о несамостоятельности этого вида учета в связи с отсутствием в нем собственных первичных документов. Это верно лишь в отношении сельского населения. В хорошо сохранившихся «книгах» Баклановского волостного правления Шадринского уезда за 1786—1788, 1793, 1794, 1796, 1798, 1799 гг. обязательно имеются годовые ведомости при отсутствии постоянных записей о текущих демографических событиях[42]. Встречающиеся же в архивных фондах волостных правлений документы церковного учета (метрические книги, исповедные росписи) наводят на мысль, что сведения о составлении ведомостей брались именно оттуда.

Объем документов о населении в книгах заводских контор гораздо больше. Заводская администрация совершенно самостоятельно вела текущий демографический учет.

рафический учет и использовала данные церковного, как и предписывалось, только для сверки.

Учитывая значительную численность заводского населения Урала, следует, видимо, признать, что для данного региона текущий демографический учет, проводимый административными органами, с самого начала имел самостоятельное значение. О качестве его материалов говорит тот факт, что их стали активно использовать «политические арифметики». В научный оборот уральские данные ввел начальник Екатеринбургского горного управления И.Ф.Герман. Вскоре по представленной им в Академию наук информации наиболее плодотворный в данной области российский автор Л.Ю.Крафт написал «Мемуар о таблицах населения Екатеринбургских горных государственных учреждений...»[43]. Самим И.Ф.Германом уже в Екатеринбурге в 1808 г. была опубликована работа «О составлении народных таблиц»[44]. По нашему мнению, высказывание авторитетного российского демографа М.В.Птухи об уровне организации горной статистики Урала («Тяжелая и горнодобывающая промышленность имели большое оборонное значение, поэтому отчетность не только государственных, но и частных предприятий поставлена была на большую для того времени высоту, что и нашло свое отражение в трудах Германа»[45]) вполне применимо к такой ее отрасли как учет народонаселения.

XVIII век в истории России — время организации учета населения. По количеству проведенных мероприятий эта задача была перевыполнена, внедрено несколько систем учета: ревизский, церковный, административный. Правительство приступило к внедрению полной схемы статистики населения, принятой в других странах (отказ от разработки оригинальных приемов сбора демографической информации, как это имело, например, место в ревизском учете; формализация демографических данных — четкая, цифровая, ограниченная по числу параметров информация; налаживание текущего демографического учета административными органами). С этого времени, по утверждению А.Бушена, в России «положительно ведется более списков, чем где-либо». Однако конечная цель, как ее сформулировал тот же А.Бушен, — создание «полной статистической системы, соединившей вместе все операции и сосредоточенной в одних руках», достигнута не была[46].

Краеугольный принцип современной демографической статистики — сотрудничество государства и граждан на ее поприще — остался декларацией почти во всех странах, тем более в России. Хотя его значение для дальнейшего развития учета вполне осознавалось. И.Ф. Герман оценивал активную гражданскую позицию следующим образом: «...каждый гражданин должен видеть нужду, необходимость и пользу оных для правительства, следовательно и для самого народа; без сего статистика есть и будет одно пустое слово»[47]. На практике народонаселение чаще приходилось рассматривать только как объект, а не субъект статистической работы. Были созданы достаточно точные системы, которые просто-напросто «отслеживали» население, примерно такими же методами, как современные ученые узнают численность биологических популяций. Видимо, это можно рассматривать как «плату» за «прививку» элементов модернизации традиционному обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963; Миронов Б.Н. Исповедные росписи — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX.
2. Миронов Б.Н. Исповедные росписи... С. 104.
3. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 17.
4. ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1. Д. 855. Л. 2, 6, 7.
5. Покровский Н.Н. Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
6. Там же. С. 137.
7. Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 155.
8. Там же. С. 206.
9. Там же.
10. Там же. С. 155.
11. Там же. С. 206.
12. Птуха М.П. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945. С. 168.
13. Там же. С. 170—171, 186, 191.
14. Там же. С. 208.
15. Там же. С. 210—211.
16. Татищев В.Н. Рассуждения о ревизии поголовной и касающимся до оной // Избранные произведения. Л., 1979. С. 361.
17. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1: Статистическая мысль в России (до конца XVIII в.). М., 1955. С. 426.
18. Там же. С. 342—343, 359, 374.
19. Там же. С. 431.
20. Там же.
21. Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. ... С. 249.
22. Там же. С. 144, 186; Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. С. 431, 441, 451—452.
23. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. ... С. 431, 441.
24. Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. ... С. 144.
25. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. ... С. 431.
26. Там же. С. 451.
27. Там же. С. 431.
28. Там же. С. 451.
29. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 12, 32—33.
30. Там же. Л. 32—33; ШФ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 33 об.
31. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 32; ШФ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 33.
32. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 12; Д. 86. Л. 294.
33. Там же. Д. 17. Л. 32; Ф. 643. Оп. 1. Д. 251. Л. 13.
34. ШФ ГАКО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 6. Л. 181.
35. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 33.
36. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 32.
37. ШФ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 414. Л. 324.
38. Там же. Д. 409. Л. 84.
39. Там же. Ф. 387. Оп. 1. Д. 6. Л. 181.

40. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 413. Л. 151.
 41. Там же. Л. 311.
 42. Там же. Д. 408—417.
 43. Memoire sur les Tables de Population des Etablissemens Imperiaux pour les Mines de Catherinenbourg, presentees a l'Academie par S.E.Mr.Hermann, Capitaine en chef des Mines. Par. Mr. Kraft; «Nova Acta Academiae...» Tomus XV, Petropoli MDCCCVI. P. 237—256. (Цит. по книге: Птуха М.П. Очерки по истории статистики в СССР... С. 343).
 44. Герман И. О составлении народных таблиц. Екатеринбург, 1808.
 45. Птуха М.П. Очерки по истории статистики в СССР... С. 245.
 46. Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864. С. 13.
 47. Герман И. О составлении народных таблиц. С. 21.

FORMATION OF THE DEMOGRAPHICS AS AN ELEMENT OF THE MODERNIZATION (BY THE CASE OF THE URALS OF THE XVIIIth – THE EARLY XIX CENTURIES)

The article considers the formation of the demographic statistics in Russia during the XVIIIth — the early XIX centuries, namely, elaborating the theory of organizing data system on the population by the «political arithmeticians» and the practices of the population registration. By using the case of the Urals, the formation of those population registration practices is traced in both the rural and mining variants. The author argues that due to generally high culture of statistics inherent to the administration of the mining works, the effective system of the demographic registration succeeded to emerge.

S.V.Golikova

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОРНОГО ВЕДОМСТВА
НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В историографии сложилось убеждение, что система принудительного труда на горных заводах Урала в крепостной период не давала рабочему и его семье достаточных гарантий социального обеспечения в случае старости, инвалидности, болезни и потери кормильца [1]. Утверждения эти, однако, по большей части являются предположениями и не подкреплены убедительно статистическими материалами. Известно, что именно в первой половине XIX в. на Урале сложилась своеобразная система попечительства о рабочих, утрату которой после отмены крепостного права весьма болезненно переживало «патриархальное» горнозаводское население. Несомненно, система социального обеспечения, сложившаяся на горных заводах Урала, еще нуждается в специальных исследованиях, в поиске новых цифр и фактов. Основу для дальнейших размышлений и обобщений, очевидно, могут дать и данные этой статьи.

Нищенство и бродяжничество в царской России начиная еще с петровских времен, строго преследовалось по закону. Указы, пресекавшие распространение нищенства, многократно повторялись и были обобщены в первой половине XIX в. Сводом законов Российской империи. Основой социальной политики самодержавия, как известно, было деление общества на сословия. Именно на сословия, или на «общества», к которым было приписано все население крепостной России, Уставы благочиния и возложили главную ответственность за благосостояние жителей. В крепостных селениях попечение о благополучии жителей нес помещик. «Помещики должны со своей стороны пеших о держании и призрении крепостных людей, пришедших в невозможность кормиться работою и не допускать их до нищенства», — заявлялось в одной из статей Устава благочиния [2]. Наблюдение за исполнением законов в этом отношении возлагалось на земскую и городскую полицию.

Уличенные в «бродяжничестве для прошения милостыни» люди забирались полицией (впрочем, как подчеркивалось законом, «без всякого притеснения и страха, но с осторожностью и человеколюбием») и отправлялись на прежнее место жительства. После повторного задержания бродяги, уличенные в нищенстве, оставались уже на некоторое время в местном приказе общественного призрения — выяснялось их подлинное имя, звание и место жительства. Затем их вновь отправляли на попечение своего «общества». Все издержки приказа на содержание этих людей под арестом взымались с помещика, «общества» или ведомства, к которому они принадлежали. Помимо этих издержек виновные в неблагополучии своих подопечных должны были подвергнуться взысканию как «ослушники закона». Бродяги, не признавшие в принадлежности к какому-либо «обществу» или ведомству, отправлялись в рабочие или смирительные дома, при этом больные и инвалиды поступали в «богоугодные» учреждения приказов общественного призрения, а дети — в военно-сиротские отделения [3].

«Правила для руководства Комитета о разборе и признании нищих в Санкт-Петербурге» 1835 г., присланные в Уральское горное правление для руководства, уточняли меры ответственности за допущение нищенства. «Общества или помещики, отпустившие по паспортам, свидетельствам или другим каким-либо актам для прокормления себя работою таких людей обоего пола, кои по старости, дряхлости, болезни или калечеству не в силах исправлять работ и снискивать себе пропитание трудами, — говорилось в Правилах, — по задержании их полициею за прошение милостыни подвергаются штрафу в пользу Комитета о нищих в первый раз по 25 рублей ассигнациями за каждого человека или женщину. Когда после возвращения помещикам или обществам /... / люди сии вторично взяты будут полициею за бродяжничество и прошение милостыни, то в сем разе с помянутых помещиков и обществ взыскивать означенный штраф вдвое; в случае задержания тех же людей в третий раз втрое и так далее» [4]. Если вспомнить среднегодовой размер оплаты труда и пенсий рабочих того периода, то станет ясно, что владельцам горных заводов было гораздо выгоднее содержать собственную систему социального призрения, чем подвергаться столь большим штрафам.

Проект горного положения 1806 г. узаконил на горных заводах Урала вполне развитую систему социального обеспечения. Правда, касалась она лишь рабочих и служащих казенной промышленности. 25 лет постоянной и «безпорочной» службы на горных заводах давали право горному чиновнику на отставку и пенсию, равную его полному жалованью. Половину своего прежнего оклада чиновник получал в жалованье после 20 лет службы. Двадцатилетняя служба давала право на отставку и нижним горным чинам казенных заводов. В первой трети XIX в. эти чины имели обычно заводские надзиратели, штейгеры, уставщики и старшие мастера. В 1847 г. закон отнес к верхнему слою рабочей иерархии также квалифицированных цеховых мастеров. Правда, после 20 лет заводской службы нижние горные чины могли получить в пенсию лишь четверть своего прежнего оклада, а полное жалованье — только после 40 лет службы. Рядовые рабочие права на полное жалованье в пенсию не имели. Верхней границей их пенсии было три четверти прежнего заработка после 40 лет работы. Отставку рабочие получали также несколько позднее заводского «начальства» — в начале XIX в. через 25 лет, а с 1847 г. через 35 лет обязательной горной службы [5].

Реально и в достаточно полном объеме пенсионное законодательство исполнялось, как свидетельствуют данные исследователей, лишь в отношении горных чиновников [6]. Число рядовых мастеровых и рабочих людей казенных горных заводов, получавших пенсию, было, очевидно, ничтожно малым. Основной причиной этого был недостаток пенсионных сумм, отпускаемых государственным казначейством горному ведомству. На протяжении первой трети XIX в. эти суммы оставались практически неизменными и составляли в 1806 г. 60 тыс. руб., а в 1832 г. — 61,5 тыс. руб. [7]. В этих условиях руководители горных округов вынуждены были искать многочисленные поводы для отказа мастеровым в их прошениях об отставке и пенсии. Главным поводом здесь были сведения о наказаниях и «оштрафованиях» мастеровых, отраженные в их формулярных

списках. Отрицательный ответ в прошениях на отставку получали также, как правило, и рабочие, уходившие в длительные отпуска или «на собственное пропитание» в течение трудового стажа. В результате большая часть мастеровых лишалась законодательно предоставленного им права на отставку и пенсию. По подсчетам Г.А.Кулагиной, из 428 рабочих ведомства Екатеринбургской конторы, просивших об отставке в 1859 г., получили ее только 48 чел. (11,2% просивших) [8]. Нужно учесть еще и то, что далеко не все из числа мастеровых, вышедших в отставку, получали пенсию. В 1822 г., например, судя по подсчетам Н.Г.Павловского, на Богословских заводах из 185 отставных рабочих пенсию получили только 9 (4,9%) [9].

Горное законодательство предоставило право на пенсионную поддержку не только отставным мастеровым казенных заводов. Заводской пенсией обеспечивались и семьи рабочих и служащих, оставшиеся без кормильца. Наиболее льготные права здесь также получали вдовы и дети горных чиновников. После смерти мужа, состоявшего еще на горной службе, его вдова получала одновременно годовое жалованье чиновника, а затем пожизненно пенсию, равную двум третям его прежнего оклада. Оставшуюся треть пенсии получали девочки-сироты до 20-летнего возраста. Мальчики, сыновья горных чиновников, пенсию получали до 10 лет, а затем отправлялись в Петербургский горный кадетский корпус, где обучались за казенный счет. Вдова чиновника-пенсионера тоже не оставалась без поддержки, ей предназначалась пожизненная пенсия, равная половине прежней пенсии умершего мужа. Этих денег, конечно же, было достаточно для вполне обеспеченной старости.

Вдовы служателей, умерших в ранге нижних горных чинов, обеспечивались пенсией на тех же основаниях, правда, закон ограничивал ее верхнюю границу 75 руб., а нижнюю 24 руб. в год. Для вдов рядовых мастеровых и рабочих людей границы пенсии устанавливались в 6-24 руб. в год. Дети нижних горных чинов, мастеровых и рабочих людей получали пенсию после смерти отца до 15 лет. При этом ее границы ежегодно для девочек устанавливались в 6-12 руб. Мальчики до 12 лет получали по 30 коп. ежемесячно плюс бесплатный провиант, а после поступления в школу — 75 коп. в месяц [10].

Семьи умерших мастеровых были, очевидно, самой нуждающейся частью горнозаводского населения, поэтому горное ведомство стремилось особо поддерживать эту группу. В Богословском округе, например, судя по подсчетам Н.Г.Павловского, доля людей, получавших пенсию среди этой группы, в 1822 г. была значительно большей, чем среди отставных мастеровых и рабочих людей. Из 1006 вдов и сирот, представленных к пенсии, в это время ее получили 365 чел. (36,3%), среди рабочих, как уже указывалось, лишь 4,9% отставных.

Казенная пенсия, ложившаяся дополнительным бременем на цену заводского металла и потому строго фиксированная, была не единственным способом социальной поддержки малолетних слоев горнозаводского населения. Проект горного положения 1806 г. возложил на горное ведомство обязанность учредить в каждом заводе богадельню, где могли бы найти приют «все престарелые, увечные и не могущие исправлять обыкновенных работ» [11]. Содержаться эти богадельни должны были за счет особого «богадельного капитала», в пользу

которого поступали штрафные деньги «за разные упущения с высших и нижних чиновников, нижних и рабочих чинов», а также процентные сборы с награждений, пенсий, доходов частных предприятий на казенных землях и т.д. Из награждений, которые выдавались горному начальнику и офицерам за счет остающихся штатных сумм, в пользу богадельной суммы вычиталось, согласно горному уставу, по 2,5 коп. с рубля. Нижние и рабочие чины делались с богадельней еще большим процентом своих премий — им полагалось сдавать в богаделенную сумму по 5 коп. с рубля. По 2,5 коп. с рубля сдавали пенсионеры. Сюда же поступал двухпроцентный сбор с денег, отпускавшихся на покупку продовольствия для заводского населения на ярмарках. Пенсионеры, поступавшие на казенное содержание в богадельню, должны были сдавать в богаделенную всю свою пенсию. Если же кто-то из призреваемых в богадельне людей мог работать, то после продажи изготовленных им изделий он получал лишь половину вырученной суммы, остальные деньги шли на содержание учреждения [12].

Деньги эти, как свидетельствуют источники, действительно пополняли особый богаделенный капитал. При этом главным источником его пополнения, как свидетельствуют рапорты Златоустовской заводской конторы, были процентные сборы с наград и пенсий, а также с денег и припасов, выданных разным лицам в счет жалованья. По этим статьям в счет богаделенной суммы Златоустовских заводов в 1835—1842 гг. было собрано около 3966 руб. Остальные 3807 руб. были собраны в это время в богаделенную сумму за счет получения штрафов и многочисленных пошлин: перемол зернового хлеба на казенной мельнице, распиловку леса на лесопиленной мельнице, содержание лавок и «ренсковых» погребов и даже за право крашения крестьянских изделий [13].

Размеры богаделенных сумм, собиравшихся в разных горных округах, весьма отличались друг от друга и зависели, вероятно, от обширности хозяйства и умения управляться с ним заводского начальника. Судя по штатам 1827—1829гг., отраженным в Полном собрании законов, ежегодные доходы богаделенной суммы в Екатеринбургском округе составляли около 4500 руб., в Златоустовском — 3893 руб. 12 коп., в Богословском — 1500 руб. [14]. В 1853—1855 гг., как свидетельствует отчет главной конторы Златоустовских заводов, ежегодные доходы богаделенной суммы в этом округе выросли до 4953 руб. [15]. Богаделенная сумма, как и капиталы приказов общественного призрения, не лежала в наличных деньгах — часть из нее шла на содержание заводской богадельни, а часть в долг сохраненной казне Московского опекунского совета и в ссуду служащим заводам для приращения процентами.

Богадельни, однако, как учреждения закрытого призрения очень долго не приживались на горных заводах Урала. В 1822 г. в общем присутствии Пермского горного правления и горных начальников было составлено положение об устройстве богаделен. Согласно этому положению было признано необходимым содержать за счет богаделенной суммы на казенных горных заводах Урала 1260 чел., из них на Екатеринбургских заводах — 450, на Гороблагодатских — 300, на Богословских — 250, на Пермских — 135, на Камско-Воткинских — 135 чел. [16]. Однако желающих поселиться в них среди заводского на-

селения оказалось очень мало. Штаты 1827—1829 гг. по казенным горным заводам Урала зафиксировали существование лишь одной заводской богадельни — на Богословских заводах [17]. Здесь содержалось в это время 10 «богадельщиков» мужского и 10 жененского пола, а также дети до годовалого возраста. На содержание богадельни отпускалось, согласно штатам, 2300 руб. ежегодно, что составляло достаточно большую сумму — около 115 руб. на чел. В эту сумму входило жалование смотрителя и служащих богадельни, расходы на питание, одежду, отопление и освещение учреждения.

Согласно положению, на каждого призываемого в Богословской богадельне полагалось муки ржаной по 1 пуд. 32,5 фунтов в месяц, крупы ячной по 7,5 фунтов в месяц, мяса по 0,5 фунтов в день, масла коровьего и постного по 6 золотников в день. Кроме этого, при богадельне существовал собственный огород, с которого получали к столу овощи. Огород возделывали сами обитатели богадельни, а также поочередно отставные мастеровые, вдовы и сироты, получающие содержание от казны. В воскресные и праздничные дни в пользу богадельни собирались пожертвования в особые кружки, которые вносили в церковь. На пожертвованные деньги для обитателей покупался белый хлеб и рыба. Казенный стол, таким образом, в достаточной степени предоставлял питание самой малообеспеченной и нуждающейся в социальной помощи группе населения. Богадельная сумма покрывала и расходы на одежду этих людей. В год на одного «богадельщика»-мужчину полагалось купить 3 холщевых рубахи, 3 портов, 3 пары холщевых и 2 пары шерстяных чулок, 2 холщевых платка, 1 зипун из крестьянского сукна, подбитый под пояс холстом, 1 летний армяк с опояской, 1 шапку, 1 шляпу, 1 пару рукавиц с варегами и 2 пары башмаков. Тулупов бараньих, покрытых крашениной, правда, полагалось в год покупать по 5 штук на 10 человек, но, очевидно, эту вещь можно было носить и не один год, а следовательно, половина «богадельщиков» вполне могла пережить зиму и в старом тулупе.

Тем не менее, заводские жители, значительную часть которых составляли старообрядцы, долго отказывались от казенного призрения. Горный начальник Златоустовских заводов докладывал, например, в 1828 г. главному начальнику в Екатеринбург о том, что в подведомственных ему заводах в богадельни пожелало вступить всего 8 чел. «и то единственно за неимением совершенно родственников и сил к снисканию пропитания» [18]. К 1847 г. Уральское горное правление, постоянно настаивавшее на выполнении горного законодательства, добилося от руководителей горных округов учреждения в каждом из них заводской богадельни. Согласно «Штатам и основным рабочим положениям горных казенных заводов хребта Уральского» 1847 г., численность обитателей заводских богаделен в это время (мужчин и женщин) должна была составлять 230 чел., в том числе в Екатеринбурге — 50, в Златоусте — 40, в Кушве — 50, в Перми — 20, в Воткинских заводах — 30 и в Богословских заводах — 40. Содержание «богадельщиков» в домах призрения, однако, в это время было значительно урезано и составляло, согласно штатам 1847 г., 28—29 руб. на человека в год.

Размеры заводских пенсий большей части отставных мастеровых намного отставали даже от этого урезанного для «богадельщиков» казенного содержания.

По данным Г.А.Кулагинной, которая провела анализ пенсионных ведомостей отставных мастеровых ведомства Екатеринбургского горного округа, за основу при начислении пенсий бралась помесечная заработная плата последних двух лет перед выходом на пенсию. При этом мастера и мастера-урядники 1-й и 2-й статей с оплатой 120, 72 и 54 руб. в год при выходе на пенсию, как правило, продолжали получать ту же сумму. Пенсия мастеровых и урочнорабочих составляла от 25 до 60% их жалованья, то есть от 2 руб. 14 коп. до 7 руб. 50 коп. в год. Совершенно ясно, что подобная пенсия не обеспечивала даже прожиточного минимума для отставных мастеровых. В урожайный год на нее можно было купить от 8 до 10 пуд. муки, в неурожайный — от 2 до 6 пуд. [19].

Проект горного положения 1806 г. лишал мастеровых после увольнения от службы всех прав на выплаты со стороны казны, помимо выплат пенсионных. Пенсионеры и отставные мастеровые не получали и бесплатного провианта, что было гарантировано для рабочих указом от 14 мая 1799 г. Это обрекало семьи отставных мастеровых на полуголодное существование, что, естественно, вызывало недовольство. Весной 1822 г. уральские заводы посетила комиссия, «отряженная по высочайшему повелению». Чиновники слышали многочисленные жалобы мастеровых на «скудность пенсионна». Результатом работы этой комиссии стало принятие комитетом министров положения от 30 июня 1826 г., разрешившего бесплатную выдачу провианта всем отставным мастеровым, вдовам и сиротам, даже в том случае, если они получают казенную пенсию. Оговоривалось, что это временная мера, действующая до принятия новых штатов.

Штаты 1827—1829 гг. для казенных заводов, опубликованные в Полном собрании законов, позволяют уточнить численность мастеровых, воспользовавшихся этим новым положением. Число «богадельщиков» и их доля в общем составе населения, подведомственного заводам, в разных округах значительно отличались: на Екатеринбургских заводах «богаделенным содержанием» пользовались 700 чел. (1,9%), на Богословских — 775 (6%), на Гороблагодатских — 2400 (8,9%), на Пермских заводах — 136 (1,1%), на Камско-Воткинских заводах — 590 (2,1%), на Златоустовских заводах — 2544 (8,7%) [20]. Наиболее близки к численности всех мастеровых, нуждающихся в социальном пособии, цифры по Гороблагодатским и Златоустовским заводам. Об этом свидетельствуют данные, отраженные в предписании главного начальника горных заводов Урала горному начальнику Златоустовских заводов от 14 июля 1828 г. «Комитет об устройстве горных заводов заметил, — значилось в этом предписании, — что (по неимению богаделен) в Златоустовских заводах выдается ныне провиант на всех без изъятия мастеровых, уволенных от работ» [21].

При подготовке штатов комитет предложил значительно сократить бесплатную выдачу провианта отставным мастеровым и другим группам малообеспеченного горнозаводского населения. Во вновь опубликованных штатах было указано, что «цель упомянутых положений была дать способ к пропитанию токмо неимущим и лишенным всех средств к прокормлению, а как в числе пользующихся сим содержанием заключаются отставные мастеровые и вдовы, имеющие довольно способов к их содержанию или через самих себя, или детей их, то г. Министр финансов предписал сделать по всем заводским округам

строгий разбор сему классу людей» [22]. Штаты 1827—1829 гг. сократили численность людей, имеющих право на бесплатную выдачу провианта за счет богаделенных сумм, примерно вдвое. Богаделенные суммы составлялись из особого богаделенного капитала и дополнительных ассигнований из заводского бюджета, что вновь поднимало цену казенного железа. Выдачу провианта всем, кто может обойтись без казенного пособия, предписано было прекратить. При этом решение о прекращении выдачи провианта тем или иным людям должен был принять сам горный начальник.

Горные начальники как непосредственные руководители казенной промышленности, конечно же, более всех были заинтересованы в сохранении социальной стабильности на подведомственных им заводах. В пределах отведенных им штатных сумм они старались поддержать как можно большее число социально необеспеченных людей. Горный начальник Златоустовских заводов для этого еще в 1818 г. ввел на своих заводах вместо двухпудовой однопудовую выдачу провианта в месяц, в результате на его заводах были обеспечены провиантом все нуждающиеся [23]. Отмена обязательной выдачи провианта вызвала «ропот» среди горнозаводского населения. «Распоряжение сие, — писал в секретном донесении главному начальнику горный начальник Златоустовских заводов в 1829 г., — имеет теперь следствием беспрепятственные ко мне просьбы от тех из мастеровых обоего пола, коим выдача богаделенного провианта прекращена и особенно от бывших кричными мастерами и носивших подобные звания... Люди сии, почитая выдававшийся им доселе провиант не столько в виде пособия, сколько в виде награды за прежнюю их службу, просят не лишать их впредь до положения пенсионов» [24].

Предложения о защите прав квалифицированной части заводского населения вообще довольно часто встречаются в делопроизводительной переписке горных начальников с верхними эшелонами власти горного ведомства. В октябре 1849 г., например, Уральское горное правление постановило определять мастеровым пенсии исходя из новых штатов 1847 г. При этом если жалованье мастерового по новым штатам оказывалось ниже его прежнего оклада, то и пенсия тоже должна была рассчитываться из более низкого оклада. «Между тем заводские люди, — написал в рапорте от 28 ноября 1852 г. горный начальник Златоустовского округа, — звания мастеров и урядников достигают отличную свою службу и знанием дела, поступая на высшие оклады жалованья по их заслугам, и если они имеют право на заслуженную пенсию, то лишать их последнеполучаемых окладов... было бы обидно для сих людей и несоответственно правам, последнюю службу приобретенным». Столь же несправедливо горный начальник считал и оценку труда рабочих полировочного цеха оружейной фабрики. «По статье 847 назначено, — продолжил он рапорт, — мастерам и подмастерьям так называемого кричного цеха при железных заводах 20 лет безсменной службы в сем звании зачислять за 25 лет. Такое сокращение срока установлено для сих людей в вознаграждение тягостной работы, изнуряющей их силы прежде времени. По цеху полировочному Златоустовской оружейной фабрики работа хотя и не требует такой силы, как по цеху кричному, но губительно действует на здоровье рабочих, ибо тонкая пыль от точил, распростра-

нение которой по фабрике, несмотря на все принимаемые меры, невозможно совершенно отворотить, садясь на легкие, доводит рабочих мало помалу до чахотки, от которой большая часть их умирает» [25].

Новые штаты 1847 г. значительно сократили сумму богаделенного провианта и казенных выдач: в горных округах, помимо призреваемых в заводских богадельнях людей, штатами положено было выдавать содержание и провиант лишь сиротам, то есть «детям нижних и рабочих чинов умерших, бежавших и поступивших в военную службу». Численность сирот, нуждавшихся в социальной поддержке, составляла, по мнению составителей штатов, на Екатеринбургских, Златоустовских и Гороблагодатских заводах по 600 чел., на Богословских, Пермских и Камско-Воткинских заводах по 400 чел. (всего 3000 чел.).

Тем не менее, выдача бесплатного провианта отставным мастеровым, вдовам и инвалидам на казенных заводах, очевидно, не прекратилась. Положение комитета министров от 30 июня 1826 г. сохранилось в законодательстве и было повторено во всех изданиях горного устава в первой половине XIX в. В делопроизводственной переписке Златоустовских заводов сохранились сведения о соотношении групп отставных мастеровых, получавших и не получавших пособие от горного ведомства. Судя по ведомостям, составленным главной конторой Златоустовских заводов для отчета штабу корпуса горных инженеров в 1859 г., на Златоустовском заводе числилось в это время отставных мастеровых, получавших содержание, 531 чел., не получавших содержание — 106 чел. На остальных заводах этого округа соотношение отставных, получавших и не получавших содержание, было примерно таким же: на Златоустовской оружейной фабрике — 375 и 22, на Саткинском заводе — 306 и 69, на Миасском заводе и золотых промыслах — 607 и 121, на Артинском заводе — 181 и 65, на Кусинском — 203 и 59, то есть большая часть отставных в это время имела пособие от горного ведомства. Помимо этого, на казенном содержании в окружной богадельне состояло 38 чел., а «богаделенное содержание» получали на Златоустовском заводе 418 мужчин и 603 женщин (очевидно, находились на нем вдовы, сироты и инвалиды). По остальным заводам соотношение мужчин и женщин, получавших богаделенное содержание в это время, было таково: Златоустовская оружейная фабрика — 86 и 48, Саткинский завод — 230 и 386, Кусинский завод — 165 и 281, Артинский — 121 и 178, Миасский и золотые промыслы — 416 и 547 [26]. Общая численность заводских мастеровых, получавших социальную поддержку в это время на Златоустовских заводах, составляла 5720 чел. (13,4% всего зависимого населения) [27].

Приведенные цифры не включают данные о социальном обеспечении иностранных мастеров, служивших на Златоустовской оружейной фабрике по контрактам. Оружейники составляли в заводском поселке особое «общество», независимое от горного ведомства, следовательно, не включенное в сферу населения, нуждающегося в ведомственной опеке. Для поддержки малообеспеченных и лишенных кормильца семей иностранные оружейники вынуждены были создать собственную вдовью и сиротскую кассу. Капитал кассы собирался из взносов и добровольных пожертвований ее членов. Правила участия в этой кассе были достаточно жесткими. В фонде Златоустовской оружейной фабрики

сохранилось дело об исключении из вдовьей и сиротской кассы иностранного мастера Оберкотте. Как следует из этого дела, Оберкотте платил в кассу ежегодные взносы начиная с 1824 г. В 1845 г. он был исключен старшинами кассы из членов этого клуба за то, что не внес туда ежегодный вклад. Предыдущие взносы Оберкотте при этом не получил. Немецкий суд, куда обратился иностранный мастер, признал это решение справедливым, добавив, однако, что мастер будет восстановлен в клубе, если внесет туда недостающие деньги [28].

Трудно сказать, насколько эти данные отражают общее содержание системы социального обеспечения на казенных заводах Урала. В целом, однако, можно предположить, что несмотря на стремление министерства финансов ограничить бюджетное финансирование системы социального обеспечения на казенных заводах, наиболее нуждающиеся слои зависимого населения в это время получали социальную поддержку и помощь.

Оказывалась подобная благотворительная помощь горнозаводскому населению и на частных заводах Урала. Одна из статей проекта горного положения 1806 г. прямо предписывала владельцам частных заводов иметь попечение «о прокормлении бедных и немощных, престарелых и увечных людей» [29]. Патерналистская установка о попечении помещика над своими подданными была закреплена в российском законодательстве еще указом от 26 апреля 1734 г. Подчинялись этому закону и владельцы уральских заводов. Горный устав лишь повторил и конкретизировал это общепринятое положение.

Известно, что еще в середине XVIII в. на многих частных заводах была организована централизованная закупка хлеба для мастеровых и работных людей. Хлеб этот не только продавали по мере надобности рабочим, но и выдавали в качестве помощи «престарелым, увечным и немощным заводским жителям». Заводские хлебные запасы использовались для поддержки низкооплачиваемых работников в неурожайные годы [30]. Горный устав 1832 г. законодательно обязал владельцев частных горных заводов иметь постоянно «годовую или двухгодичную препорцию хлеба». Судя по данным заводских ведомостей 1818 г., из этих хлебных запасов выдавался бесплатный провиант престарелым, вдовам, сиротам и увечным в большинстве частных горнозаводских округов. Зачастую затраты на пенсионные нужды в частной промышленности намного превышали затраты казны. Например, в 1818 г. пенсионная сумма (деньгами и провиантом) в Верх-Исетском горном округе, принадлежавшем Яковлевым, составляла 25800 руб., что значительно выше подобных затрат в любом из казенных округов [31].

Попечение «о прокормлении бедных и немощных, престарелых и увечных людей» в частной промышленности контролировалось служащими горного ведомства. Заводские исправники, согласно закону, обязаны были доставлять сведения о нуждающихся в социальной поддержке группах населения управляющему заводом и следить за тем, чтобы им была оказана необходимая помощь [32]. Собирались сведения о положении малообеспеченных слоев населения частных заводов и руководящими органами горной промышленности Урала. В апреле 1828 г., например, главный начальник горных заводов Богуславский, услышав жалобы от «людей бедного и беспомощного состояния» на частных

заводах, предписал заводским исправникам и земским судам составить списки этих людей, доставить их в заводские конторы и потребовать оказания этим людям положенной законом помощи. «При сем считаю необходимым предварить вас, — подчеркнул главный начальник, — что если впредь встречены будут мною подобные жалобы по заводам вашего ведения, то вы подвергнетесь строгой ответственности» [33].

Донесениями с грифом «секретно» заводские исправники информировали главного начальника о положении дел на подведомственных им заводах. В фонде Уральского горного правления часть этих рапортов сохранилась. Большинство из них сообщает о том, что «бедные и беспомощные обоего пола люди» получают от заводских контор частных округов необходимую помощь. На Рождественских заводах Зеленцовых, например, они «безбедно» снабжались провиантом. На Кажымском заводе Дементьева «престарелым и малолетним, оставшимся по сирочеству, равно и не имеющим возможности по каким-либо болезням пропитывать себя», выдавались хлеб, крупа и соль. На Чермозских заводах, как сообщал исправник земского суда, эта группа населения получала хлеб и денежное пособие, а потому «ходящих за прошением милостыни» здесь не было, за исключением солдаток и их детей, неподведомственных попечению вотчинного правления. Список солдаток, живущих мирским подаванием на Чермозском заводе и в близлежащих деревнях, составлял 126 чел. Оренбургский земский суд, под ведением которого находился Преображенский завод Гусятниковых, сообщал, что людей, лишенных всех способов пропитания, на данном заводе не имеется, «ибо для подобных людей от господ заводосодержателей определена экстраординарная сумма, из которой снабжаются они на поправку ветхих домов, покупку лошадей, коров и в нужном случае одежды, в пропитание же выдается им провиант из магазинов за счет заводской».

Заводской исправник Юдин отправил в канцелярию главного начальника «Списки заводским людям обоего пола престарелым, увечным и сиротам малолетним, не могущим заводскими работами и другими занятиями снискивать себе содержание, имеющим и не имеющим со стороны заводов пособия». В списках были учтены жители Омутнинского и Пудемского заводов Осокина, а также Залазинского, Щурминского и Буйского заводов Мосолова. Судя по этим спискам, на заводах Осокина пособие провиантом и деньгами получали в это время все сироты (9 чел.) и солдатки (4 чел.). Остальные группы нуждающегося населения обеспечивались провиантом лишь частично. Престарелые мастерские жили в основном за счет доходов своих трудоспособных детей, пособие получали лишь 4 из 18 семей престарелых (22,2%). Среди вдов и инвалидов доля лиц, получавших пособие, была значительно выше: 26 из 33 «вдовьих» семей (78,7%) и 2 из 3 семей с инвалидами (70%) обеспечивались на этих заводах бесплатным провиантом. Помимо этих групп нуждающегося населения, пособие от заводов получали многодетные семьи (10 семей), а также незаконнорожденный мальчик 11 лет, живший у родственника. Пособие составляло от 1 до 6 пуд. провианта в месяц плюс крупа и соль. Установить какую-то закономерность при распределении пособия невозможно. Очевидно, контора не имела никаких инструкций по этому поводу и все зависело от воли владель-

ца. Любопытно отметить, что бесплатный провиант мог служить не только пособием для наименее обеспеченных групп заводского населения, он использовался и как возмещение за производственную травму. Житель Омутнинского завода Иван Леонтьев Смирнов «по случаю повреждения руки в кричной работе», как указано в списке, служил сторожем при заводской конторе и получал неплохо по тем временам жалованье — 96 руб. в год. Помимо этого, семья его получала в пособие по 2 пуд. провианта в месяц.

В переписке о положении мастеровых на Омутнинском и Пудемском заводах сохранилась просьба, отправленная в 1829 г. арендатором этих заводов Веймарном в Уральское горное правление. Веймарн просил разрешить ему не учреждать в заводских поселках богадельни, объясняя эту просьбу не только отсутствием на его заводах нищих и обездоленных, но и неприятием идеи закрытого призраения местным, по крайней мере старообрядческим населением. Все нуждающиеся в помощи жители заводских поселков получали бесплатный провиант от конторы или жили в семьях с достаточным обеспечением. Если же «вместо сей меры обеспечения требовать непременно их помещения в богадельне, — писал заводчик, — то они без сомнения не согласятся, лучше вовсе отказаться от пособия заводов, нежели быть в необходимости оставить настоящее пребывание в кругу семейств и родных своих и жить в сообществе людей не их веры». Горное правление согласилось с этими доводами.

На Залазинских заводах Мосолова соотношение семей, получавших и не получавших пособие от завода, было несколько иным, чем на заводах Осокина. Среди престарелых мастеровых здесь получали пособие деньгами и провиантом 23 семьи из 54 (42,5%). Бесплатный провиант имели все сироты (25 чел.), солдатки (6 чел.) и большая часть вдов (72 из 81 семьи) и инвалидов (7 из 8 семей). Как и на осокинских заводах, контора Залазинских заводов обеспечивала бесплатным провиантом некоторые многодетные семьи (12 семей) [34].

Система благотворительности охватывала, таким образом, весьма значительную часть жителей горнозаводского Урала. Во многом это было результатом сознательной политики горного ведомства, законодательно поставленного перед необходимостью оказания социальной помощи нуждающимся группам подведомственного ему населения. Социальные меры (пенсии, безвозмездные ссуды, обеспечение провиантом, элементы медицинского и социального обслуживания) во многом способствовали поддержанию социальной стабильности в регионе даже в период кризиса феодально-крепостнических отношений и подготовки модернизационных реформ 60-х гг. XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов в 50-х гг. XIX века // Вопросы истории Урала. Вып.39. Ч.1. Свердловск, 1961. С. 93—108; Павловский Н.Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных заводов Урала в первой половине XIX века // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1991. С. 127—150.
2. Свод законов Российской империи (СЗ). Изд. 1832 г. Т.14. Уставы благочиния. Ст. 234.
3. СЗ. Изд. 1832 г. Т. 14. Ст. 238, 239, 240, 387, 391.
4. ГАСО. Ф.24. Оп. 32. Д. 3345. Л. 5 об.
5. Проект горного положения для управления заводов хребта Уральского. Б.м., 1806. Ст. 584—598; Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов хребта Уральского. /Б.м./, 1847.
6. Дашкевич Л.А. Материально-бытовое положение технических кадров горных заводов Урала в первой половине XIX века // Социально-экономическое положение кадров горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период. Свердловск, 1989. С. 3—17.
7. Павловский Н.Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей ... С. 135.
8. Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов ... С. 104.
9. Павловский Н.Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей ... С. 137.
10. Проект горного положения ... Ст. 599—620.
11. Там же. Ст. 651.
12. СЗ. Изд. 1857 г. Ст. 996.
13. Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области (ЗФ ГАЧО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1066. Л. 42—44.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. 2. 1827 г. Ст. 1022; Т.3. 1828 г. Ст. 1776; Т. 4. 1829 г. Ст. 2888, 2890.
15. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1513. Л. 19.
16. Там же. Д. 559. Л. 2.
17. ПСЗ-II. Т. 4. 1829 г. Ст. 2890.
18. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 36 об.
19. Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов ... С. 106.
20. При подсчетах число душ м.п. при казенных заводах по 8-й ревизии (1834 г.) увеличивалось вдвое. Сведения о численности населения казенных заводов (в душах м.п.) см.: Неклюдов Е.Г. К вопросу о численности и составе рабочих казенной горнозаводской промышленности Урала в 30-40-е гг. XIX в. // Рабочие горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период. Свердловск, 1987. С. 38—39.
21. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 1.
22. ПСЗ-II. Т. 4. 1829 г. Ст. 2890.
23. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 20—20 об.
24. Там же. Л. 49.
25. Там же. Д.1715. Л.9—10.
26. Там же. Д.2102. Л.14—52.
27. При подсчете число душ м.п. по 10-й ревизии при Златоустовских заводах увеличивалось вдвое. Сведения о численности населения Златоустовских заводов см.: Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1986. С. 122.
28. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1314. Л. 1—9.
29. Проект горного положения ... Ст. 804.

30. Редин Д.А. Власть, заводоладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере частной уральской металлургии): Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 186.
31. Павловский Н.Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 128.
32. Проект горного положения ... Ст. 804.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 692. Л. 1 об.
34. Там же. Л. 4—58.

SOCIAL POLICIES OF THE MINING BOARD IN THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

The article examines forms of material maintenance and social aid to the least secured strata of the Urals' mining population during the period of serfdom. Analysis involves the legal regulations and basic social measures of the mining board, such as pensions, gratuitous loans, foodstuff provisions, elementary medical care and social services. The author argues that the system of social rehabilitation covered significant portions of the Urals' mining populace and contributed to maintaining the social stability within the region.

L.A. Dashkevitch

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
ХОЗЯЙСТВА УРАЛА НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.**

В 60-е гг. XIX в. переход России к индустриально-технологическому типу организации экономики стал исторической необходимостью. Сохранение крепостнических порядков в хозяйственном развитии страны грозило усилить отставание от передовых государств. Россия уже в ходе Крымской войны столкнулась с этим вызовом времени и не могла не принять его. Попытка утвердить положение России в Европе экономического развития. Как одной из ведущих держав могла быть успешной только при условии достижения уровня экономического развития, близкого к европейскому. Продиктованные в первую очередь внешними условиями экономические реформы 60-70-х гг. XIX в. стали своеобразной «революцией сверху». Развитие русской промышленности при условии успешного осуществления реформ могло пойти по общему с Западной Европой руслу. Новые отношения охватывали промышленность, торговлю, транспорт, то есть основные отрасли народного хозяйства.

Для динамичного их развития промышленность нуждалась в емком рынке сбыта и колоссальных капиталовложениях. Но сохранение архаичного сельского хозяйства сделало капиталистическое накопление лишь относительно слабым ручейком, удовлетворяющим незначительную часть потребности страны в капиталах. Медленное движение по пути капитализации сельского хозяйства обрекало страну на черепаший темпы в хозяйственном развитии. Угроза же оказаться на европейских задворках подталкивала правительство к поиску стимулирующих форсированный экономический рост средств.

Отсталое уральское хозяйство находилось в тупике. Перспектива промышленного развития при ограниченности внутреннего рынка и хроническом недостатке оборотного капитала связывалась либо с преимущественно экспортной ориентацией, либо с вариантом раздувания производства средств производства по казенной программе. Но для расширения экспорта нужно было технически модернизировать промышленность и добиться конкурентоспособности ее продукции на мировом рынке. И тот и другой вариант нуждался в подкреплении значительными капиталовложениями. Общие для российской экономики проблемы накопления капитала на Урале, хозяйство которого консервировало отжившие отношения, были особенно острыми.

Однако через несколько десятилетий, вслед за промышленным взрывом на Юге России, оживилась и начала бурно расти уральская промышленность. Причиной «экономического чуда» было включение регионального хозяйства в орбиту мирового рынка, осуществленное в соответствии с политикой привлечения иностранных инвестиций, проводимой министром финансов С. Ю. Витте. «В России не стали ждать, — писал А. Г. Донгаров, — покуда отечественный капитал наберет силу и сумеет повернуть скрипучее колесо телеги российского народного хозяйства. Вместо этого допотопную евразийскую колымагу взяли и

прицепили к разогнавшемуся «локомотиву» европейской промышленности» [1]. Характерная особенность российского промышленного развития заключалась в насаждении капитализма «сверху» при помощи иностранных капиталов. В 60—80-х гг. XIX в. внешние займы направлялись правительством главным образом на развитие транспортной инфраструктуры, позволявшей связать воедино громадные пространства, приступить к освоению минеральных ресурсов Юга страны, Урала, Сибири и других районов.

Длительное время непосредственное инвестирование производства зарубежными банковскими кругами сдерживалось колеблющимся курсом рубля, низким таможенным тарифом. Ужесточение тарифной политики, денежная реформа С. Ю. Витте 1897 г., с одной стороны, обострение конкуренции на мировом финансовом рынке, с другой, способствовали приливу иностранных капиталов в народное хозяйство страны, в значительной мере обусловивших промышленный подъем конца прошлого столетия [2].

За 1893—1900 гг. в стране было учреждено около 200 заграничных акционерных обществ с совокупным оборотом в 911 млн руб., составившим половину общероссийского акционерного капитала [3]. Если движимое имущество иностранцы приобретали в полную собственность, то недвижимость (недра, леса, сельскохозяйственные угодья и т.п.) отводилась им лишь в срочное пользование — впредь до выработки месторождения ископаемых, окончания постройки объектов, либо до истечения указанного в контракте срока. Поначалу деятельность зарубежных акционерных компаний четко не регламентировалась, с 1887 г. она всецело подчиняется российским законам. Для управления делами в России правлениям компаний надлежало открывать агентства, вносить денежный залог, публиковать и предъявлять контрольно-ревизионным органам государства отчеты и т.п. Возникавшие конфликтные ситуации рассматривались национальными судебными учреждениями. При этом западноевропейские финансисты не ограничивались созданием предприятий с иностранным уставом, вкладывали средства и становились совладельцами российских акционерных обществ [4].

Преодолевая жесткую оппозицию со стороны псевдопатриотически настроенных сил, опасавшихся закабаления России иностранным капиталом, правительство пошло на подлинно новаторский эксперимент. Политика расширения притока иностранного капитала, обоснованная в известном докладе министра финансов С. Ю. Витте, сыграла очень важную роль. Он подчеркивал, что России необходимы для ее промышленного развития «капиталы, знания и предпринимчивость», но прежде всего его интересовали капиталы, ибо без них «нет ни знаний, нет и предпринимчивости» [5].

Иностранные займы и инвестиции С. Ю. Витте рассматривал как необходимое условие промышленного развития. «Внешние займы и приток иностранных капиталов,— заявлял он,— своего рода мышьяк, под воздействием которого происходит наше финансовое и экономическое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обойтись без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности» [6]. Обширная литература, посвященная утверждению этой политики, позволяет нам не вдаваться в подробности ее разработки [7]. Результаты же ее осуществления впечатляющие.

Правильный и устойчивый рост сельскохозяйственного хозяйства, составлявшего основу российской экономики, зависел от роста обрабатывающей промышленности, обеспечивающей переработку сельхозсырья и потребление хлеба. И наоборот, промышленности был необходим приток капиталов из аграрной сферы и расширение рынков сбыта и сырья.

Иностранные займы позволили создать в стране емкий внутренний рынок и стали толчком для развития промышленности [8]. На первых порах остро нуждавшаяся в капиталах уральская промышленность не привлекала внимания иностранных инвесторов. Это было связано с транспортными проблемами, правовыми отношениями по земельным наделам, лесным площадям, рудным богатствам и другими сторонами обеспечения стабильных отношений [9].

Первые контакты иностранного капитала с уральской промышленностью относятся к 60-м гг. XIX в. Но до начала нового столетия иностранный капитал действовал на Урале осторожно и в целом не очень удачно. По данным Ю. А. Буранова, в этот период в основном собиралась информация об условиях вложения капитала, действия возникших компаний были малоактивными [10]. В основном это были банковские кредиты и участие в акционировании. Юг России, снабженный иностранными капиталами, в этот период бурно развивался, тогда как уральская промышленность, неспособная конкурировать с более эффективным производством Юга, втягивалась в кризис.

Положение меняется с реализацией программы С. Ю. Витте в железнодорожном строительстве с использованием иностранных займов. Железные дороги вовлекли в капиталистический оборот оторванные от него ранее восточные территории страны. Природные богатства Урала под влиянием «железнодорожного бума» не могли не привлечь к себе предпринимательского интереса. Капитализм стремительно развивался вширь. Это развитие означало не только вовлечение восточных районов страны в капиталистическое хозяйство, но и выход Урала и Сибири на мировой рынок, сопровождавшийся быстрым ростом сельскохозяйственного производства и накоплением капиталов за счет внешней торговли.

Иностранный капитал через участие в транспортном строительстве, инвестирования промышленности и экспортных заготовок сырья сыграл решающую роль в обновлении уральской экономики.

В 90-е XIX в. на Урале резко увеличилась активность иностранного промышленного и банковского капитала. По данным Л. Е. Шепелева, в 1900 г. в России действовало 34 иностранные компании с основным капиталом в 94,4 млн руб., на Урале—4 из них с капиталом 24,2 млн руб. [11]. Французские предприниматели основали Урало-Волжское и Волго-Вишерское общества, бельгийские Южно-Уральское. Вклады в эти общества в 1900 г. составили 42 % всего акционерного капитала на Урале [12]. В последующее десятилетие все учреждаемые с участием иностранного капитала в России акционерные общества приходятся на Урал. С созданием транспортных условий в крае резко выросла активность иностранного торгового капитала, создавшего развернутую сеть торгово-посреднических предприятий.

Связи Урала с мировым рынком довольно быстро укреплялись. Кредитование производства сырья, заготовок сельхозпродуктов и практическая органи-

зация их вывоза за границу ускорили процессы накопления. Доходы от экспорта вкладывались отечественными и иностранными предпринимателями в развитие разных отраслей регионального хозяйства. Поэтому можно сказать, что связи с внешним рынком непосредственно стимулировали укрепление технико-экономической базы хозяйства. Мировозьяственные связи Урала в начале века выражались в нескольких формах: 1) непосредственная организация производства иностранными предпринимателями в сфере промышленности, сельского хозяйства, торговли; 2) кредитование иностранными фирмами заготовок сельхозпродукции и продажи в регионе иностранной продукции (инвентаря, сельхозмашин, потребительских товаров); 3) двусторонние торговые экспедиции, осуществлявшие экспортно-импортные операции; 4) реэкспорт на внешних рынках товаров, вовлеченных во внешнеторговый оборот; 5) совместное предпринимательство и акционирование.

Для иностранного капитала Урал и сопредельные территории стали той благодатной страной, где вложение капиталов вознаграждалось громадными доходами.

Содержанием деятельности иностранного торгового капитала на Урале стал экспорт масла, зерна, сельскохозяйственного сырья и сбыт сельскохозяйственных машин и орудий. Наиболее значительная работа проводилась в организации молочно-масляного хозяйства и экспорта масла. На Урале и в прилегающих районах Сибири «Лунд и Петерсон», «Экспортное товарищество Рандруп, Якобсен и Данцер» вложили в маслоэкспорт более 5 млн руб. [13]. Крупными вкладчиками были обосновавшиеся в Кургане компании «Т/Д Паллизен и К^{*}» и основанная на датском капитале «Сибирская компания».

Заготовками различного сельскохозяйственного сырья, пушнины и мясopодуктов и сбытом сельхозмашин на Урале занимались «Международная компания жатвенных машин в России» (объединяющая американские заводы «Дарнинга», «Мак-Кормика», «Осборн», «Мальвоки» и др.), акционерное общество «Р. и Т. Эльвортн», товарищество «М. Гельферих-Саде», товарищество механических заводов, «В. Г. Столь и К^{*}» (имело завод сельхозинвентаря под Челябинском), торговый дом «Рандруп и К^{*}» и др. [14]. Иностранные фирмы вложили в организацию импорта сельхозмашин на Урал, по нашим подсчетам, около 25 млн руб. [15].

Иностранный банковский капитал на Урале преимущественно кредитовал операции, связанные с экспортом сельхозпродукции, железнодорожным строительством и горной промышленностью. Особую активность проявляли Русско-Французский банк, Лионский кредит и Русско-Азиатский банк. Вокруг каждого образовывался совершенно определенный круг патронируемых предприятий. Можно говорить о начальном, достаточно интенсивном этапе складывания финансового капитала в развитии уральской горнозаводской промышленности. Сказалось значительное участие иностранного банковского капитала. При возрастающей интеграционной связи уральской экономики с мировой иначе и быть не могло.

Мощный приток иностранных капиталов, вопреки опасениям противников политики С. Ю. Витте, не только не закабалил русское хозяйство, но позволил встать на ноги отечественным предпринимателям и способствовал мобили-

защиты отечественных капиталов. Динамика инвестиционного движения капиталов на Урале подтверждает это заключение. «В 1900 г., — утверждает Ю. А. Буранов, — французский и бельгийский акционерный капитал составил 17,6 млн руб., а с учетом ранее возникшего Камского общества — 24,2 млн руб., или 42% от общей суммы акционерного капитала. В 1910 г. из 63,03 млн. руб. акционерного капитала иностраный составил 19,9 млн руб., т. е. доля его сократилась до 31,57% несмотря на общий рост акционерных капиталов на Урале. В 1913 г. при увеличении акционерного капитала до 125,2 млн руб., а осенью 1917 г. до 191,5 млн руб., доля иностранного капитала снизилась соответственно до 29 и 19%» [16].

С тех пор, как привлечение иностранных капиталов стало одной из важных сторон экономической политики правительства, в русской историографии не утихали споры о роли иностранных капиталовложений и займов. После Октября 1917 г. в советской историографии эта тема стала предметом острых дискуссий в первую очередь с точки зрения определения влияния иностранных капиталов на общий процесс экономического развития [17]. На наш взгляд, широкие связи с мировым рынком, «открытость» отечественной экономики иностранному капиталу сыграли огромную роль в экономическом подъеме страны на рубеже XIX—XX вв. Нельзя не согласиться с А. Г. Донгаровым, считающим, что всемерное укрепление связей с внешним рынком с помощью иностранного капитала явилось прорывом в новую экономическую эпоху. Очень интересные материалы и наблюдения на этот счет содержатся в брошюре А. В. Дмитриева «Проблемы использования зарубежных инвестиций в экономике Урала» [18]. Материалы этих авторов используются в данной статье.

На первых порах в экономике России, особенно в банковской сфере, преобладал германский капитал. В связи с ухудшением отношений с Германией и переориентацией царского правительства на Францию главное место занял французский капитал, тесно переплетавшийся с бельгийским. В 1896 г. альянс крупнейших французских и отечественных банков организовал «Генеральное общество» (Сосьете Женераль), на которое возлагалась задача освоения недр ведущих горнометаллургических районов страны [19].

Франко-бельгийский капитал прежде всего устремился в Донецко-Криворожский бассейн. Приток его на Урал, лишенный надежных коммуникаций, отдаленный от рынков сбыта, где консервировались привилегии горнозаводской аристократии, был неизмеримо слабее, но и здесь возникло несколько концессионных предприятий. Сразу после ввода в действие УГЖД Франко-Российское акционерное общество (АО) арендовало часть вотчины князя Голицина для развертывания металлургического производства, но просуществовало оно недолго из-за краха контролировавшего его банка. Тогда в 1882 г. Голицин вошел в соучредители Камского АО, центром которого становится Чусовской железодобывательный завод — один из лучших на Урале [20].

В 1896 г. было образовано Уральско-Волжское АО, французский устав которого не помешало включить в правление видных русских предпринимателей. Основной капитал общества достигал 18 млн франков. Администрация предприятия выдвинула план использования донецко-бакинского минерального топ-

лива и уральской руды. Чугуноплавильное производство предполагалось сосредоточить на Южном Урале, а сталеплавильное — на Волге. Связь между ними была призвана обеспечить спроектированная магистраль Царицын—Челябинск. Однако крупные затраты осложнили состояние общества. Во избежание банкротства правление согласилось в 1900 г. на его реорганизацию в более крупное АО Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских заводов[21].

Под патронажем парижско-петербургских банков было и организовано в 1897 г. по русскому уставу Волжско — Вишерское горное и металлургическое общество с капиталом в 25 млн франков. Создавалось оно для разработки компактного рудного месторождения на северо-западе Урала и изготовления металлоизделий на предприятии, воздвигавшемся неподалеку от Казани[22].

При посредстве бельгийских финансовых групп в 1898 г. было учреждено Южно-Уральское металлургическое АО, арендовавшее у князя Белосельского-Белозерского Катав-Ивановский округ. Одновременно франко-бельгийские деловые круги, тесно взаимодействовавшие с российскими партнерами, приняли деятельное участие в акционировании нерентабельных частновладельческих округов, выискивали «ниши» для капиталовложений в перспективной золотоплатиновой промышленности[23].

Источение россыпей, обустройство фондоемких коренных месторождений благородных металлов повлекли за собой разорение мелких торговых домов и «золотарей» — одиночек. Летом 1897 г. заявило о себе учрежденное в Брюсселе франко-бельгийское «Анонимное общество золотых приисков в Кочкаре», к которому перешла долгосрочная аренда площадей обедневшего клана Подвижных в Оренбургской губернии. С течением времени общество преодолело убыточность и заняло приоритетное место в добыче золота[24].

Менее осмотрительные вели себя зарубежные ассоциации, осевшие на Южном Урале вслед за Кочкарским АО. На рубеже XIX-XX вв. в известнейшем золотосном районе возникло более десятка компаний с иностранными уставами. Закрепились в отрасли три-четыре зарубежные компании, остальные же вообще не приступали или быстро свернули добычу. Такая участь, например, постигла несколько бельгийских золотопромышленных фирм, относившихся к типично грюндерским, покупавшим земельные участки, как правило, для перепродажи[25]. Свойственный начальному этапу акционерного учредительства размах спекулятивно-посреднических операций наблюдался не только на Урале, но и повсеместно.

Особый интерес иностранные финансово-промышленные круги питали к уральской платине. В декабре 1898 г. в Париже была образована «Платино-промышленная компания анонимного общества», уставный капитал которой формировался из средств подданных Франции, Бельгии и России. Номинально считаясь транснациональной, компания контролировалась французскими банками, предоставившими ей кредит на приобретение 150 приисков, прежде арендовавшихся у казны разрозненными торговыми домами и единоличными владельцами. Российское правительство предоставило компании режим наибольшего благоприятствования, так как видело в ней противовес английской корпорации «Джон-

сон, Маттей и К^т», монополизировавшей торговлю редким металлом. К тому же французы давали обязательство основать в России аффинажное производство [26].

Притягательной для западных бизнесменов являлась также добыча пространенных на Урале драгоценных камней, носившая из-за нехватки капиталов и отсталой материальной базы кустарный характер. В 1899 г. изумрудное месторождение в Монетной даче получила в аренду на 24 года франко-английская компания, платившая казне ежегодно 10 тыс. руб. [27]. Это было специализированное предприятие, добывавшее изумруды помимо России в Колумбии. Лучшие экземпляры самоцветов фирма сдавала по договору в государственное казначейство, а остальное сырье вывозила для ювелирной обработки в Париж.

Таким образом, опора на иностранные займы и инвестиции была стержнем политики Витте, направленной на опережающее развитие индустрии, чтобы догнать передовые страны Запада. Однако на Урале, не имевшем пока надежной связи с центром, страдавшем от медленного оборота капитала, приток финансовых средств извне в домонополистическую эпоху ощущался еще слабо. Зарубежные, преимущественно, французские банкиры и предприниматели вкладывали деньги избирательно, в потенциально выгодные отрасли и проекты. Вместе с тем для них оставался недоступным государственный сектор уральской промышленности, представленный в основном оборонными заводами, располагавшими месторождениями первоклассных руд черных и цветных металлов. Правительство неизменно отклоняло требования общественности о продаже казенных предприятий в частные руки, опасаясь, что большинством из них завладеют иностранцы [28]. Но даже относительно скромные капиталовложения из-за рубежа приносили бесспорную пользу, способствовали наращиванию масштабов использования природных ресурсов. Кроме того, повышалась фондовооруженность отечественных предприятий, заимствовавших технические новшества.

Противники Витте, защищавшие привилегии помещиков, прогнозировали неминуемое разорение страны в результате привлечения иностранного капитала. Опровергая их доводы, выдающийся русский ученый Д.И. Менделеев писал: «Иностранные капиталисты взошли в последние годы во многие промышленные предприятия России, особенно в горные и металлургические. Такое явление... возмущает очень многих. Но без них... наша крупная промышленность не могла бы быстро возрасти, и если иностранный капиталист получает своих 5—10% интереса, он все же оставляет в стране заработок, в десятки раз превосходящий этот интерес капитала» [29].

Экономический подъем в конце XIX в. сменился упадком производства и затяжной депрессией, обнажившими существенные диспропорции, прогрессирувавшее отставание сельского хозяйства. Кризис рубежа XIX—XX вв., объективно укреплявший позиции монополий, тем не менее породил сомнения в целесообразности дальнейшего форсированного развития индустрии. Правительство вынуждено было обратить внимание на аграрный сектор, стимулировать мелкотоварное производство, заботиться о повышении покупательной способности населения, без чего был невозможен широкий сбыт фабрично-заводских

изделий, то есть благополучие самой промышленности. Этой цели прежде всего служил блок реформ преемника С.Ю.Витте — П.А.Столыпина.

Столыпинские преобразования упрочили позиции капитализма в деревне, дали импульс новому экономическому подъему. Индустриальное производство за 1909—1913 гг. увеличилось в 1,5 раза, удельный вес тяжелой промышленности составил в нем 40%. Интенсивное развитие народного хозяйства происходило под знаком монополизации и акционирования промышленности, кооперирования мелких индивидуальных товаропроизводителей. Поглощая или устрояя слабых конкурентов, монополистические объединения различных типов (Продамет, Продуголь, Медь, Ниточный трест, концерн Коломна — Сормово и др.) сосредоточивали в своих руках управление комплексами предприятий, а подчас отраслями. Мощным ускорителем концентрации и монополизации производства явился финансовый капитал. Столичные коммерческие банки, имевшие, как правило, интернациональные активы, установили контроль над большинством акционерных компаний, синдикатов и трестов.

С началом промышленного подъема возникла необходимость пополнить сбалансированные, но недостаточные отечественные капиталовложения зарубежными. Официальный взгляд на проблему изложил в марте 1909 г. перед депутатами Думы министр торговли и промышленности В.И.Тимирязев, сделавший акцент на безальтернативности европейских займов и инвестиций. Министр призвал законодателей не препятствовать, а содействовать приливу денег извне «на русскую службу», прежде всего для организации дефицитного промышленного кредита. Угроза финансовой зависимости на почве частного инвестирования экономики России исключалась ввиду сравнительно незначительной доли заграничных капиталов, импортировавшихся к тому же соперничавшими между собой группировками[30]. *Игряя на противоречиях западных банковских монополий, российское правительство стягивало внешние капиталовложения преимущественно в малоосвоенные восточные районы страны.* При этом речь не могла идти о «преднамеренном» ограблении национальных богатств, ибо зарубежные и смешанные корпорации действовали в рамках имперского законодательства под присмотром горной и фабрично-заводской инспекции.

В период депрессии частные банки неохотно субсидировали горнометаллургический Урал. Финансовый «прилив» обозначился лишь в разгар предвоенного подъема, вызвавшего настоящий бум в акционировании горнозаводских округов. Надвигавшийся крах заставил некоторых латифундистов обратиться за помощью к европейским банкирам. Черной металлургией, не имевшей надежной топливной базы, иностранные финансовые круты интересовались мало, они предпочитали инвестировать золотоплатиновую и медную промышленность региона. На уральских приисках лидерство перешло от франко-бельгийских предпринимателей к англичанам. В 1909 г. ряд Лондонских банков образовал совместно с Азовско-Донским банком «Российское горнопромышленное общество», а затем «Инвестиционный русский синдикат». Созданный тандем облегчил проникновение международной группировки Гувера-Уркарта в золотое и медное дело края. Большинство франко-бельгийских акционерных обществ

сошло со сцены, либо поддерживало существование участием в реализации дополнительных выпусков акций. Выдержало испытания лишь крупнейшее Кочкарское предприятие, администрация которого укрепила материальное положение обогащением скопившихся отвалов, гарантировала держателям акций стабильную прибыль вводом в эксплуатацию нескольких рудников и хлоридного завода[31].

Первой из английских фирм на Урале обосновалась Орская, предварительно завладевшая промыслами отечественного безуставного товарищества. Вслед за ним на сведенных воедино участках разорившихся золотопромышленников было образовано Троицкое АО. Британские компании уступали по размерам оборота Кочкарскому обществу, поглотившему в 1913 г. старейшее Екатеринбургское товарищество, но вели золотодобычу умело, с прицелом на отдаленную перспективу[32]. Попытки британцев закрепить приоритет в платиновой промышленности путем создания «Англо-русского АО» не увенчались успехом. Сказывалась губительная конкуренция с французской Анонимной компанией, заручившейся долгосрочными контрактами на поставку сырья от владельцев Исовских и Тагильских приисков. Нарушение французами обязательств о постройке на Урале аффинажного завода вынудило правительство поручить внедрение технологии рафинирования самородной платины национальному акционерному обществу Николае-Павдинского округа, отчасти финансировавшемуся через Русско-Английский банк иностранцами[33].

Суммарные затраты на золотоплатиновую и медеплавильную промышленность региона равнялись, по одним данным 23 млн руб., по другим — 28 млн руб.[34]. При любом исчислении более половины из них приходилось на Кыштымский горный округ. Российские предприниматели, акционировавшие округ в 1900 г., оказались из-за нерасчетливой модернизации производственных фондов и трудностей с реализацией черных металлов на грани разорения. Банкротство предотвратила лондонская «Англо-Сибирская корпорация», оплатившая вхождение в предприятие погашением процентов залогодержателю — Ярославско-Костромскому земельному банку. Председателем обновленного правления был избран барон В.Меллер-Закомельский, а директором-распорядителем — глава Кыштымской корпорации шотландец Л.Уркарт[35].

Детально разведавшие недра округа геологи обнаружили промышленные залежи серного колчедана, что указывало на целесообразность преимущественного развития цветной металлургии. Обладая передовой технологией добычи и переработки сырья, новые хозяева впервые в отечественной практике приступили к эксплуатации бедных руд, с содержанием красного металла от 3 до 1,5%. В 1911 г. состоялся пуск Карабашского и Верхне-Кыштымского заводов, оснащенных новейшим оборудованием. Завершался производственный цикл на электролизном заводе — крупнейшем в России, где попутно с рафинированием меди получали в виде концентрированных шламов золото и серебро [36].

Манипулирование синдикатом «Медь» торгово-закупочными ценами ущемляло интересы Кыштымской корпорации, поэтому ее администрация вынашивала замысел сколачивания антисиндикатного блока в лице объединенных под своей эгидой уральских медеплавильных заводов. Такой шаг диктовался и кон-

центрацией едва окупающегося электролитного производства, внедрением тонкой очистки шламов, обходившейся чрезвычайно дорого из-за транспортировки в Великобританию. Перед войной Кыштымская корпорация начала переговоры с администрацией Березовского товарищества, Южно-Уральского и Сысертского АО о получении от них сырья и совместном строительстве аффинажного завода. Сысертцы, тяготевшие к Верх-Исетскому округу, от предложения отказались, другие же контрагенты на него откликнулись[37].

Упомянутое Южно-Уральское АО также явилось объектом инвестирования группировки Гувера — Уркарта, сблизившейся с российскими банками. Весной 1912 г. учреждаются Южно-Уральское общество в Петербурге и Таналякская корпорация в Лондоне, владелица контрольного пакета акций[38]. Уникальность Таналякско — Баймакского месторождения заключалась в рудах с высоким содержанием благородных металлов. Поэтому возводились мощности по их комплексной переработке. Рафинировалась таналякская медь Кыштымской корпорацией, на нее же возлагалась продажа золота и серебра.

В сфере английского бизнеса оказался и Сысертский округ, акционированный в 1912 г. по традиционному варианту «холдинг-компани», с неперменным выделением головного центра. В России учреждалось АО, в Лондоне — одноименная «Сысертская компания», скупившая львиную долю последнего. Сысертская корпорация, подобно Кыштымской и Южно-Уральской, носила смешанный характер, основывалась на партнерстве англо-американского и отечественного капитала — двух лондонских и Русско-Английского банков[39]. Ориентируясь на доминирование медной плавки, правление общества развернуло целенаправленные геологоразведочные работы. Посредством алмазного бурения были уточнены запасы Гумешевского и Зюзельского месторождений и открыта знаменитая впоследствии «Дегтярка» на стыке с Ревдинским округом. После обследования залежи, простиравшейся на несколько верст, администрация планировала на лето 1914 г. закладку крупного медеплавильного завода[40]. Война воспрепятствовала реализации потенциальных возможностей Сысертской компании, способной после ввода в действие Дегтярского медьобрабатывающего комплекса догнать и превзойти шедших в авангарде кыштымцев.

Несмотря на очевидную выгоду привлечения заграничных инвестиций, плодотворность сотрудничества национальных компаний с западно-европейскими терявшая привилегии горнозаводская аристократия подогревала в печати критику правительства, потворствовавшего якобы «захвату» Урала иностранцами. Нападки правых вызвали ответную реакцию предпринимательских ассоциаций. Буржуазная элита предупреждала власти об отрицательных последствиях «экономического национализма», доказывала, что без участия иностранных предпринимателей Россия не в состоянии освоить колоссальные ресурсы, ликвидировать нетерпимое далее отставание в базовых отраслях[41]. С точкой зрения Совета съездов промышленности и торговли был солидарен премьер-министр В.Н.Кокцов, подтвердивший в Думе неизменность курса на всемерное привлечение зарубежных капиталов, прежде всего в рудные, угольные и нефтеносные районы страны.

Итак, англичане, зачастую блокировавшиеся с американскими бизнесменами, неуклонно расширяли свое присутствие на Урале, французы же достаточно

прочно утвердились лишь в платиновой промышленности, имевшей, правда, мировое значение. Большинство франко-бельгийских компаний, учрежденных в черной металлургии, постигла неудача. Бедствовавшее Уральско-Волжское АО вошло в состав Комаровского, но и у того дела складывались неблагоприятно. В связи с убыточностью доменного производства общество постепенно эволюционировало в лесопромышленное. Кредитная задолженность предопределила переход его в 1916 г. к Сибирскому банку, но затем комаровские акции скупил Азовско-Донской банк, планировавший разработку Комаровско-Зигаинского рудного месторождения и выплавку чугуна на сибирском коксе [42]. Депрессивная полоса не причинила существенного вреда Камскому АО, являвшемуся одновременно контрагентом конкурировавших синдикатов «Продамета» и «Кровали». Специализируясь на выпуске кровельного железа и монтажно-строительного проката, Камское общество получало устойчивую прибыль, обеспечивавшую расширенное воспроизводство [43].

Вытеснение Урала Югом на отдаленные рынки, продиктованное монополистической эпохой ускорение оборачиваемости капитала, необходимость использования дальнепривозного минерального топлива требовали безотлагательного решения транспортной проблемы. Оживление железнодорожного строительства началось с 1908 г., но особого размаха достигло в годы промышленного подъема. Наиболее важное значение из строящихся магистралей имели Западно-Уральская (Лысьва — Бердяш) и Северо-Восточно-Уральская (Тавдинская). Первая открывала возможность челночных перевозок кизеловского угля и бакальской руды. Вторая позволяла увеличить заготовку древесного топлива в прибрежных лесах Тавды и Туры. Кроме того, Тавдинская дорога должна была соединить непрерывным сообщением Волжско — Камский и Обь — Иртышский речные бассейны и тем самым разгрузить однопутную Транссибирскую магистраль. Интересы отечественных и иностранных финансовых монополий, поспешно внедрявшихся в экономику региона, во многом совпадали. Неудивительно, что субсидировалось строительство коммуникаций синдикатом ведущих банков Парижа, Лиона и Петербурга. В частности, 40% акционерного капитала выделяли французские банкиры [44].

Растущий спрос мирового рынка на огнеупорные и теплоизоляционные материалы вызвал лихорадочную разработку Баженовского асбестового месторождения, где на рубеже XIX — XX вв. сформировалось несколько товариществ и акционерных компаний. В 1906 г. рудники обанкротившегося «Уралита» арендовало Русско-Итальянское АО — филиал головного предприятия, находившегося в Италии. Сравнительно небольшой уставный капитал (1,5 млн лир) не гарантировал выживания среди более крупных конкурентов. К объединению с ними побуждало и давление основного экспортера асбеста — Канады. Вот почему Русско-Итальянское общество выступало горячим сторонником асбестопромышленного синдиката, рождению которого на Урале помешала империалистическая война [45].

Средние и мелкие государства Европы, исключая разве что Бельгию, располагали скромными возможностями вывоза капитала в сравнении с колониаль-

ными державами и инвестировали в России «беспроигрышную» переработку сельскохозяйственного сырья. Часть продукции шла на удовлетворение нужд их населения, а то, что славилось на мировом рынке (лен-долгунец, животное, кедровое и пихтовое масло, битая дичь, пушнина) обычно перепродавалось за комиссионные. Если франко-бельгийский и англо-американский капитал оперировал главным образом в акционерной форме, через банковские монополии, то его «младший партнер» из Скандинавии, Нидерландов заводил мелкие неуставные фирмы. Достаточно вспомнить о существовании в городах и промышленных центрах края десятков принадлежавших иностранцам крахмало-паточных, мясоконсервных, кондитерских предприятий, отличавшихся, как правило, высокой культурой производства.

Экономический подъем, сокративший дистанцию между Россией и государствами «первого эшелона», к сожалению, оказался непродолжительным. В конце 1913 — начале 1914 г. наметились симптомы очередного кризиса, а вскоре разразилась кровопролитная война, сорвавшая реконструкцию уральского индустриального комплекса. За годы войны в регионе усилились позиции банковского капитала, завладевшего большинством горнозаводских округов, окреп государственно-монополистический сектор, созрели предпосылки для преобразования картелей и синдикатов в монополии высшего типа. Однако встревоженные инфляцией и взрывоопасной политической обстановкой зарубежные акционерные компании воздерживались от крупных капиталовложений не только в российские, но даже в собственные предприятия. К тому же, вследствие распоряжения министерских кабинетов по предотвращению отлива денег за границу, сами они испытывали затруднения с оборотными средствами и зачастую приостанавливали хозяйственную деятельность, либо самоликвидировались. Именно так, в частности, обстояло дело с золото- и платинопромышленными иностранными компаниями[46].

Иное положение сложилось в металлургии, особенно цветной, где отсутствовали чисто иностранные акционерные общества. Кыштымская и прочие медные компании имели статус международных и в значительной степени финансировались группой петербургских банков. Несмотря на проблемы военного времени эти предприятия не захирели и намеревались основательно модернизировать производство, наладить выпуск сопутствующих ему кислот, взрывчатки и других химических веществ. Оптимистично смотрела в будущее администрация французского Камского АО, проектировавшая в мирных условиях, наряду с Богословским, Верх-Исетским, Алапаевским округами, замену древесноугольной плавки чугуна коксовой.

В дореволюционный период, как видим, иностранный капитал являлся своеобразным катализатором индустриального развития страны, прежде всего ее окраин. Европейские монополистические группировки, заинтересованные в редких и дешевых полезных ископаемых, неуклонно расширяли сферу влияния на Урале. Вместе с тем нельзя согласиться с авторами исследований 20—40-х гг., отождествлявших их деятельность с безудержной, неконтролируемой экспансией. Доля западноевропейских инвестиций в экономике региона составляла примерно четверть совокупных капиталовложений. Максимальной (около половины) она

была в золотоплатиновой промышленности. Выражая волю российского правительства, либо не желая подвергаться излишнему риску, зарубежные бизнесмены предпочитали учреждать выгодные обеим сторонам смешанные акционерные общества. При общеизвестном росте внешнего долга союзникам в годы войны наблюдалась и не столь явная тенденция сокращения оборота иностранных предприятий. Более того, происходило вытеснение их национальными, о чем свидетельствует уменьшение доли заграничного капитала в общей массе акционерного с 29 до 19% [47].

Наметившийся процесс мало отразился на стратегии правящих верхов исходившей из того, что иностранный капитал весомо представленный в активах ведущих отечественных банков принимал деятельное участие в акционировании и монополизации производства, в том числе нерентабельных округов-латифундий, перекраивая их границы с учетом оптимального размещения предприятий. Ввоз капиталов на Урал, конечно, в первую очередь преследовал цель развития горнодобывающей промышленности. Но, за редким исключением, создаваемые иностранцами предприятия обеспечивали в первую очередь российские потребности, а потом мировой рынок. Исключение составляли действия английской фирмы «Джонсон, Маттей и К'»», добывающей платину исключительно на вывоз. В добыче золота и изумрудов французские предприниматели в большей степени ориентировались на русские потребности; более 50 % вырабатываемых на предприятиях Лесли Уркарта меди, свинца, цинка шло на внутренний рынок [48].

Пожалуй, из всех иностранных вкладчиков наибольший интерес к добывающей промышленности и вывозу сырья из региона проявляли англичане, и в этом отношении английские капиталовложения были наиболее «колониальными». Однако нужно иметь в виду, что под воздействием иностранных инвестиций в России была значительно ускорена промышленная революция. В целом правительственная политика в этом вопросе может быть обозначена как подлинно новаторский эксперимент. *Государство осуществляло контроль над действиями иностранных предпринимателей с помощью законодательства и порядков, установленных для относительно свободной рыночной системы в интересах своего экономического развития.* Характер взаимоотношений с внешними рынками зависел от внутренних экономических потребностей и регулировался государством.

До 80-х гг. прошлого века мирохозяйственные связи осуществлялись в основном по каналам внешней торговли. При очень низком таможенном тарифе Россия заполнялась готовой продукцией, что не стимулировало развитие собственной промышленности. Нужда в капиталах для этих целей подтолкнула правительство к созданию условий для «переселения» иностранного производства внутрь страны. Значительное повышение таможенных барьеров сделало более выгодным для иностранных предпринимателей не ввоз готовой продукции, а ее производство в самой России. В новом издании общего таможенного тарифа России (1891 г.) содержалась уже не протекционистская по отношению к отечественной промышленности система, а скорее запретительная для ввоза товаров зарубежного производства. «Эта правительственная система,— писал Витте,—

имела своей задачей создать в России свою собственную обрабатывающую промышленность, которая содействовала бы росту нашей экономической, а следовательно, и политической самостоятельности...» [49].

Правительство строго следило за тем, чтобы иностранные компании действовали по установленным в России порядкам, в значительном числе случаев вводило «необходимые ограничения» [50], настаивало на включение в правления акционерных обществ, основанных на иностранном капитале, русских представителей. Не без помощи этих мер к 1917 г. владельцами большинства уральских предприятий стали русские коммерческие банки. Постоянное государственное вмешательство практически исключило для иностранцев применение методов колониальной эксплуатации России. Но общая отсталость страны, конечно же, влияла на структуру товарообмена. По данным управления уполномоченного НКВТ по Уральской области, общий объем зарубежных вкладов в акционерные общества, торговые и посреднические компании и т. д. составлял примерно 125 млн руб. Иностранный капитал участвовал в финансировании почти 85 % внешнеторгового оборота региона в период, предшествовавший первой мировой войне [51].

В течение первого десятилетия XX в. внешнеэкономические связи Урала с мировым рынком развивались по восходящей линии. Реализация продукции не представляла особых затруднений и сравнительно быстро осуществлялась. Большинство товаров не встречало конкуренции, так как иностранные вкладчики кредитовали производство и заготовки тех видов изделий, которые пользовались повышенным спросом. Большинство уральских экспортеров работали вместе с иностранными партнерами или пользовались их субсидиями.

В предвоенное пятилетие Урал ежегодно давал на мировой рынок продукции на 60,4 млн руб. [52], а с учетом изменившегося после революции административного деления (к Уральской области отошел Тобольский Север и значительная полоса Западной Сибири) сумма стоимости вывоза составляла около 80,3 млн руб. [53]. Довоенный экспорт из Уральского региона составлял 59,8 % продовольствия и сельскохозяйственного сырья; 33,3 % промышленного сырья и готовых изделий; 4,1 % пушнины; 2,8 % лесоматериалов и другой лесопродукции [54].

Ввозимые из-за рубежа товары по стоимости составляли сумму 57,3 млн руб. и состояли на 72% из товаров производственного назначения и на 28 % из потребительских [55]. В больших количествах импортировалось оборудование для горной и металлургической промышленности, маслобойни, сельхозмашины и другой инвентарь. Нужно отметить, что результаты были весомыми. Например, обеспечение машинами одного хозяйства в регионе составляло индекс 2,2, тогда как в европейской России только 1,8. Быстрыми темпами шла техническая реконструкция промышленности, особенно таких отраслей, как цветная металлургия, золотодобывающая промышленность и химия. Отставание от европейской промышленности сокращалось, но до его преодоления было далеко. Это обстоятельство объясняет разделение товарной структуры экспортно-импортных операций для западного и восточного рынков, характерное для уральского хозяйства в предреволюционный период.

Основную часть западного экспорта составляли продовольственные товары, промышленное сырье и полуфабрикаты, кустарные изделия. Вывоз продукции обрабатывающей промышленности был весьма незначительным. Уральские предприятия не могли конкурировать по сбыту готовой продукции не только с европейской промышленностью, но и с промышленностью Юга России. На европейский рынок с Урала поставлялось масло на сумму около 18 млн руб., зерно и хлебпродукты на сумму свыше 15 млн руб., промышленное сырье на сумму 20 млн руб. Пушнина, кустарные изделия, лекарственное сырье и т. д. всего по стоимости составляли сумму 12 млн руб. [56].

Объемы поставок говорят сами за себя. Потребителями уральского экспорта были практически все страны Европы, США, Канада. Некоторые отрасли европейской промышленности базировались исключительно на уральском сырье: переработка пушнины и кожсырья в Германии, деревообрабатывающая промышленность в Англии, переработка пуха, пера и щетины в Австрии, производство эттернита и асбестовых фабрикатов во Франции и Бельгии и т. д. [57]. По существу экспортом с лихвой оплачивался ввоз оборудования и техники, который интенсивно осуществлялся с построением железнодорожных линий и притоком иностранных капиталов в уральскую промышленность. К тому же связи с европейским рынком стимулировали рост сельскохозяйственного производства в регионе, ибо внутренний рынок поглощал довольно ограниченные объемы сельскохозяйственной продукции.

Иная картина складывалась в связях с восточными рынками. Туда шли в основном продукты обрабатывающей промышленности; их потребителями были главным образом Западный Китай, Монголия, Афганистан, Персия. В среднем ежегодно в 1909 — 1914 гг. Восток поглощал русских товаров на сумму около 68 млн руб. [58]. Доля уральской продукции составляла около 25 %. На восток с Урала вывозились металлические изделия, бумажные ткани, мешковина, брезент, меха, деревянные и резиновые изделия, фаянс и фарфор, драгоценные металлы, хлеб. Большая часть их поглощалась Персией (31,6%), в Западном Китае и Монголии реализовалось товаров 21,5%, в Афганистане 7%, в Турции 4,6% [59]. Остальные товары расходились на ярмарках и выставках, организованных для восточных потребителей.

Главными потребителями уральской железнотопливной промышленности до войны были Китай и Монголия, которые ежегодно потребляли поступающих из России железных изделий 192 тыс. пуд., машин и частей к ним 18 тыс. пуд., металлических изделий 1558 тыс. пуд., рельсов 225 тыс. пуд. [60]. В другие страны Востока шли в основном скобяные товары, гвозди, утварь и инвентарь. Всего на восточные рынки в довоенное время вывозилось ежегодно продукции уральской металлургической и металлообрабатывающей промышленности на сумму в 5,5 млн руб. [61]. Большим спросом на Востоке пользовались уральские кустарные изделия: рожи, невьянские сундуки, тагильские раскрашенные подносы, азиатские чаши, кумганы и т. д.

С Востока в регион ввозилась главным образом продукция кочевого животноводства для реэкспорта на европейские рынки и потребительские товары

в объемах, достаточных для утверждения в восточных странах западной торговой ориентации. Поставленная на экспорт в восточные страны промышленная продукция отвечала специфике рынка. В течение последнего столетия Урал выступал промышленной базой для освоения Сибири, Средней Азии, и поэтому производство в значительной степени ориентировалось на потребности «традиционного» хозяйства. В совокупном (восточном и западном) вывозе из региона на первом месте стояло зерно и хлебопродукты, затем масло, промышленное и сельскохозяйственное сырье. Если развести товарные группы экспорта по сферам производства, то получается такая картина: в довоенное время на товары промышленного производства в вывозе приходилось 23,4%, на сельскохозяйственные товары — 76,6 % [62].

Приток иностранных инвестиций в уральскую промышленность, так благоприятно сказавшийся на ускорении промышленного переворота, имел свои национальные особенности. Капиталы предпринимателей австро-германской группы не имели в крае большого веса и сосредоточивались в основном в торговой сфере. Это объяснялось как романской ориентацией правительства, так и преобладающими интересами германских инвесторов в Прибалтике, на Юге России и на Кавказе. Капитал из Дании размещался в маслоделии и молочном хозяйстве, что соответствовало мировой специализации датской экономики.

В акционировании промышленного производства наибольшую активность проявляли английские и французские инвесторы, заметную роль играли бельгийские предприниматели, а в период первой мировой войны усилился приток американских капиталов. Причем с течением времени менялись приоритеты. Если в конце XIX в. в уральской промышленности преобладали французские и бельгийские капиталы, то к 1914 г. на первый план выдвинулись английские. Английские компании в большинстве случаев не ограничивали свою активность рамками региона, а оперировали на более обширных территориях. Так, нефтедобывающая деятельность английских предпринимателей сосредоточивалась в крупном Урало-Каспийском регионе; медеплавильные корпорации охватывали Урал, Казахстан, Алтай; золотодобывающие компании контролировали месторождения Урала, Западной и Восточной Сибири и т. д.

В предвоенные годы складывались возможности и условия для установления монопольных структур в нескольких отраслях промышленности и зон влияния иностранного капитала. Но все же говорить о возрастающем политическом влиянии иностранных государств на Россию вследствие увеличения иностранных капиталовложений не приходится. Конечно, некоторые предпочтения в политических отношениях были, но они складывались при подавляющем воздействии других факторов. Эту ситуацию хорошо показал американский исследователь иностранного предпринимательства в России Дж. Маккей в своей книге «Пионеры прибылей. Иностранное предпринимательство и русская индустриализация. 1885—1913». Он отмечал: «Доход в России зависел не от способности к грабежу и вымогательствам, а от уровня предпринимательства. Это помогает объяснить причину того, что международные политические факторы всегда носили второстепенный характер для иностранных предпринимателей. Возникновение основных деловых групп предшествовало франко-русскому сближению.

Бельгийские бизнесмены не имели иллюзий относительно возможности использовать дипломатическое давление для того, чтобы влиять на русскую администрацию... Прилив английских капиталов в нефтяную промышленность в конце 90-х гг. совпал с острыми политическими англо-русскими конфликтами...» [63]. Более сложными обставили дела с крупными займами. В их размещении в европейских государствах финансовые отношения тесно переплетались с политическими.

Пришедшее к власти в результате Февральской революции Временное правительство уведомило партнеров по Антанте об использовании дополнительных стимулов для привлечения иностранного капитала. Реалистично оценивая расстановку сил на международной арене, конъюнктуру денежного рынка, оно делало ставку на нового «экономического союзника» — США, не выдвигавшего в отличие от англо-французских деловых кругов политических притязаний, затрагивавших суверенитет России. Не случайно, именно американским корпорациям был обещан режим наибольшего благоприятствования при разработке месторождений полезных ископаемых; в строительстве железных дорог, различных хозяйственных объектов на Урале и в Сибири.

Зарубежные инвестиции, оседавшие преимущественно в добывающих отраслях, после войны предполагалось сконцентрировать в обрабатывающей промышленности, чтобы с помощью финансовых инъекций ликвидировать техническое отставание от союзных держав. Запутывание общественности леворадикальной и право-националистической прессой «порабощением» соотечественников всевластным иностранным капиталом не имело под собой реальных оснований. Напомним, что деятельность последнего регламентировалась российскими законами и при необходимости жестко ограничивалась.

Сознавая опасность растущей задолженности поставщикам вооружения, царское, а тем более коалиционное Временное правительство вовсе не собиралось по дешевке распродавать природные богатства, дискриминировать отечественных предпринимателей в угоду «варягам». Напротив, вырисовывалась преемственность идеи «национального самоутверждения», прогнозировались модели развития народного хозяйства, долженствующие обеспечить укрепление международного авторитета России. Конверсия милитаризованной промышленности, начавшаяся еще до окончания войны, предусматривала в последующем ширококомасштабную индустриализацию, форсирование машиностроения, энергетики, ускоренное строительство железных дорог, холодильников, элеваторов, портов, гражданского флота с целью активизации внешней торговли.

Можно утверждать, что «новаторский эксперимент» по развитию тесных связей с мировым рынком был удачным ответом на вызов времени. Социально-экономические устои империи сохранились на несколько десятилетий. Но первая русская индустриализация неизбежно приближала крах самодержавия. Правда, ее осуществление с опорой на иностранные инвестиции, технологию и производственный опыт избавило страну от жестких проявлений капиталистического накопления, имевших место в Европе. Даже «импортируя» индустриализацию, самодержавие, заинтересованное в консервации российской архаики, с трудом несло тяжесть, налагаемую все обостряющейся борьбой развитых стран за экономическое и политическое влияние. Теряющее кредит общественного доверия

государственное устройство не могло развить производительные силы настолько, чтобы находиться на уровне своих партнеров и соперников. Промышленный бум рубежа XIX—XX вв., обязанный внешнеэкономическому фактору, не ликвидировал отставание от европейской промышленности.

Однако сам вариант «импорта» индустриализации в исторической ретроспективе несет в себе черты поучительного опыта. Тем более, что в недавнем прошлом этим путем прошли новые индустриальные страны—Сингапур, Тайвань, Южная Корея и т. д. И на рубеже XIX—XX столетия широкие связи с внешним рынком перенесли отсталое хозяйство гигантской России на несколько десятилетий вперед, без крайностей в отыскании источников накопления—доля накопления в национальном доходе времен промышленного переворота не превышала 8%. Остальное обеспечивалось притоком иностранного капитала, о котором В. И. Ленин писал: «Вся мощь миллиардных капиталов буржуазии всех стран тянет за собой Россию». В сравнении с индустриализацией Советского Союза за первую индустриализацию России была заплачена приемлемая цена. В ходе первой индустриализации сложилась и укрепилась традиция внешнеэкономических связей Урала, отражавшая основные технико-экономические характеристики регионального хозяйства. В этих связях обнаруживалась «преемственность» исторических эпох и устремленность к технологическому обновлению. На первый взгляд несовместимые элементы внешнеэкономической ориентации Урала в действительности составляли единое целое, задающее характер социально-экономического развития региона. Местоположение Урала между двумя историческими типами хозяйствования, тесные контакты с «традиционной» экономикой Востока и европейской индустриальной цивилизацией стали причиной консервации противоречивых тенденций в промышленном развитии.

Восточные рынки не стимулировали процесс постоянного обновления индустрии, тогда как попытки сравняться с современным европейским производством реализовались на принципах «догоняющего развития». Ориентация на выравнивание уровней развития с западным рынком диктовалась политическими и военными соображениями и контролировалась государством.

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. промышленное развитие Урала в значительной степени опиралось на широкие связи с европейским хозяйством. В отдельные годы иностранные инвестиции в производство и экономическая помощь в организации внешнеторгового обмена составляли более половины всех новых капиталовложений в регионе, а некоторые отрасли хозяйства создавались и развивались едва ли не исключительно усилиями зарубежных партнеров. Долговременный эффект этого сотрудничества измерялся наметившимися тенденциями к бурному росту региональной экономики, существенными изменениями внешнеэкономической и внутрироссийской специализации Урала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 9.
2. Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века. М., 1949. С. 692;
- Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 68.
3. Лященко П.Н. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т.2. С. 155;
- Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России (конец XIX в. — 1908 г.). Л., 1984. С. 168.
4. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 125—126; Донгаров А.Г. Указ. соч. С. 20.
5. Материалы по истории СССР. Т. IV. М., 1959. С. 181—182.
6. Цит. по: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897— 1914. Л., 1970. С. 256.
7. Соловьев Ю. Б. Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 371—388.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.
9. Гранин В. Г. Иностранный капитал в горнозаводской промышленности Урала в начале XX в. в оценке советской исторической науки // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII—начале XX в. Свердловск, 1985. С. 120—121.
10. Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861— 1917 гг.). М., 1982. С. 106.
11. Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 143.
12. Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 107.
13. Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1934. С. 269— 279.
14. Там же.
15. Там же.
16. Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 108, 168, 244.
17. Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 250— 313; Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 192—223.
18. Донгаров А. Г. Указ. соч. С. 5; Дмитриев А.В. Проблемы использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1997.
19. Соловьев Ю.Б. Русские банки и французский капитал в конце XIX в. // Французский ежегодник, 1974. С. 145—146; Анпохина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1986. С. 282.
20. Устав Камского акционерного общества железо и сталелитейных заводов. СПб., 1884. С. 22; Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899. С. 68.
21. Сапелкин В. Горное дело в России. СПб., 1903. С. 164,346; Уральское горное обозрение. 1901. № 4. С. 7.
22. Пермская земская неделя, 1908. № 15. С. 24—25; Вольф М.Б. Некоторые историко-географические особенности размещения металлургии Урала // Географический сборник. М.; Л., 1957. С. 60.
23. Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 97.
24. Весновский В.А. Весь Екатеринбург. Справочник-ежегодник. Екатеринбург, 1903. С. 20; Список золотоплатинопромышленных фирм в России. СПб., 1904. С. 185.
25. Уральское горное обозрение. 1903. № 5. С. II; № 9. С. II; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1905. С. 2020.

26. Вяткин М.П. Платинопромышленная анонимная компания // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 143.
27. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов. СПб., 1905. Т.2. С. 1911; Гомилевский Е.В. Об изумрудных коях и добыче изумрудов в Монетной даче на Урале // Горный журнал, 1914. № 2. С. 149—154.
28. РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 1644. Л. 179.
29. Менделеев Д. И. Учение о промышленности // Сочинения. Л.; М. 1950. Т.20. С. 372.
30. Золото и платина, 1909. №8. С. 181; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1913 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 193—194.
31. Золото и платина, 1908. №11. С. 239; Тигранов Г.Ф., Ойль П.В. Драгоценные металлы. М., 1925. С. 60.
32. РГИА. Ф. 49. Оп. 1.Д. 58. Л.123; Акционерно-паевые предприятия России. М., 1914. С. 298.
33. ГАСО. Ф. 636. Оп. 1. Д. 17. Л. 2; Устав акционерного общества Николае-Павдинского горного округа. СПб., 1912. С. 6.
34. Оль А.В. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922. С. 55—59; Брейтерман А.Д. Медная промышленность в СССР и мировой рынок. Л., 1930. Т.3. С. 35.
35. Официально Кыштымская корпорация считалась английской, хотя солидная доля ее акций принадлежала капиталу США, а в составе директоров пребывали известные американские бизнесмены Г.Гувер и Д.Морган. См.: Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения (1900—1917) М., 1964. С. 114.
36. ГАЧО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1232. Л. 20; Асеев Н.П. Производство меди в Кыштымском горном округе // Горный журнал, 1912. № 1. С. 4—15.
37. РГИА. Ф. 1428. Оп. 1. Д. 66. Л. 4; ГАСО. Ф. 24. Оп. 22. ? 42. Л. 106.
38. Лачаева М.Ю. Английский капитал в меднорудной промышленности на Урале и в Сибири в начале XX в. // Исторические записки, 1982. Т.108. С. 84.
39. Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 195—196.
40. РГИА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 12. Л. 3; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3084. Л. 19.
41. Новое время, 1914. 8 января; Промышленность и торговля, 1913. № 3. С. 97; 1914. № 8. С. 424.
42. РГВИА. Ф. 369. Оп. 1 Д.284.Л. 16; Промышленность и торговля, 1916. № 36—37. С. 218.
43. Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917. М., 1963. С. 593; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965. С. 351.
44. Соловьева А.М. К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны // Исторические записки, 1936. Т.55. С. 198.
45. Фабрично-заводские предприятия Российской Империи. СПб., 1909. С. 874—890; Уральский техник, 1913. № 3. С. 53.
46. РГИА. Ф. 630. Оп. 2.Д.579.Л. 181; Ф. 634. Оп. 1.Д. 221.Л. 22.
47. Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 254.
48. Хозяйство Урала, 1925. № 1. С. 38.
49. Цит по: Царизм и развитие капитализма в России. М., 1984. С. 6.
50. Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 178—188, 189; ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 137; Хозяйство Урала, 1925. № 1. С.37—40.
51. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2686. Л. 4.
52. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2686. Л. 58.
53. Там же.

54. Азгонов Д. Вопросы уральского экспорта и импорта // *Хозяйство Урала*, 1926. № 13—14. С. 29.
55. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 266. Л. 4, 58.
56. *Хозяйство Урала*, 1925. № 1. С. 38.
57. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 138.
58. *Хозяйство Урала*, 1927. № 2—3. С. 68.
59. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 139.
60. *Хозяйство Урала*, 1927. № 2—3. С. 68.
61. Веллер Р. Уральский экспорт // *Хозяйство Урала*, 1928. № 2. С. 106.
62. Там же.
63. McKay J.P. *Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialisation. 1885-1913.* Chicago-London, 1970. P. 385—386.

FOREIGN ECONOMIC FACTORS OF THE URALS' ECONOMIC MODERNIZATION ON THE VERGE OF THE XIXth—XXth CENTURIES

The article highlights the foreign economic aspects of the Russian modernization which, according to the author, significantly contributed to the industrial boom on the verge of the XIXth—XXth centuries. For the period covered basic forms of the foreign capital involvement in the Urals' economy were determined as follows: 1) the direct organization of production lines; 2) re-exports to the external markets; 3) taking part in share-holding of the enterprises as well as the banking. The author contends that in the course of the first industrialization on the verge of the XIXth—XXth centuries traditions of the Urals' foreign economic ties as having reflected basic technological & economic features of the regional economy had grown up and consolidated.

V.P. Timoshenko

СЪЕЗДЫ УРАЛЬСКИХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. КАК ОСОБАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Одной из важных и в то же время недостаточно разработанных проблем истории России и Урала является вопрос о представительских организациях буржуазии. Возникновение таких организаций как массовое явление относится к концу XIX — началу XX в., однако в ряде стран некоторые виды этих организаций появились значительно раньше в связи с потребностями буржуазии в защите и представительстве ее интересов. Одним из типов таких организаций являются представительные учреждения — особая форма ассоциации промышленников, главной задачей которых является направление экономической политики государства в интересах как отдельных групп предпринимателей, так и всей промышленности в целом.

В странах Запада старейшим видом представительных организаций являются торговые палаты. Первая такая палата была учреждена во Франции в 1599 г., позже, в XVII — XVIII вв., они появились в Италии, Голландии, Австрии и других странах. В это время молодая и политически слабая буржуазия нуждалась в защите своих интересов перед правительствами, в которых преобладали землевладельцы. [1] Впоследствии, с развитием капитализма и образованием монополий, в Европе широкое распространение получили разного рода торгово-промышленные ассоциации, союзы, федерации, коммерческие клубы и тому подобное, как отраслевые, так и общенациональные, представляющие интересы капитала в правительственных и общественных учреждениях. В своем докладе I Съезду представителей Промышленности и Торговли в Санкт-Петербурге в 1906 г., профессор М.И.Иванюков говорил: «Знанием дела и энергичной работой, направленной к развитию промышленности и торговли в стране, союзы эти завоевали себе такой авторитет, что парламенты Англии, Германии, Франции и Австрии предварительно издания закона, касающегося торговли и промышленности, ожидают обыкновенно заключения по данному предмету этих союзов [2].

Во второй половине XIX в. представительные организации появляются и в России, первыми такими объединениями стали биржевые общества и их постоянные выборные органы — биржевые комитеты. Однако особенностью России было то, что большая часть оптового товарооборота совершалась помимо бирж. Биржевые комитеты сообщали, что биржи как места торга посещались слабо, и обороты их были невелики. В 1895 г. в России функционировало 22 биржевых общества с постоянными комитетами [3].

Другой формой представительской деятельности были торгово-промышленные съезды, созывавшиеся время от времени в Москве в 1865, 1872 и 1882 гг., в Санкт-Петербурге в 1870 г. и в Нижнем Новгороде в 1896 г. Съезды собирали довольно многочисленный состав делегатов, среди которых были и представители правительства. [4] Вслед за торгово-промышленными съездами

в России начинают появляться и отраслевые съезды. Одной из самых старых и влиятельных организаций этого вида был Съезд горнопромышленников Юга России, который впервые был созван в июне 1874 г. в Таганроге.

Немногочисленные дореволюционные работы экономистов и публицистов, посвященные представительским организациям, [5] представляли собой, с одной стороны, открытое или завуалированное возвеличивание организаций торгово-промышленного класса, а с другой — вежливую верноподданую критику царской бюрократии за неповоротливость в деле усовершенствования форм объединения буржуазии. В послереволюционной историографии эта проблема также не была достаточно изучена. В 1939 г. вышла в свет монография Е.О.Черменского [6], где он рассматривает вопрос об организациях промышленников в связи с решением проблемы политического положения буржуазии в русском обществе, ее роли в революции 1905—1907 гг. Автор, говоря о корнях политического бессилия русской буржуазии, подчеркивает ее зависимость от западноевропейских империалистов. Во втором издании этой книги в 1970 г. ничего нового по этому вопросу сказано не было [7]. Д.И.Шполенский своей работе также говорит о зависимости представительных организаций от иностранного капитала [8]. Этой же теме посвящена статья Р.Ш.Ганелина и Л.Е.Шепелева [9]. В работе Т.О.Крупинной [10] вопрос о представительных организациях затрагивается в связи с освещением темы взаимоотношений царизма с монополиями. Привлечен большой фактический материал, использовано много документов, характеризующих деятельность представительных организаций. Исследователь утверждает, что монополистические объединения и компании использовали постоянные совещательные конторы и съезды представителей промышленности отдельных отраслей для обхода закона с целью легализации существования так называемых «негласных монополий», что велась работа по устранению конкурентов, регулированию цен, распределению рынка и заказов. Но эти выводы не применимы к съездам золотопромышленников, тем более, что из двух постоянных совещательных контор, одна была создана золотопромышленниками, и обобщения в данном случае некорректны.

Большое внимание разработке вопроса о представительных организациях уделил Л.И.Лившин. Непосредственно этой проблеме посвящена его статья и специальные разделы монографии [11]. В своей статье Л.И.Лившин рассматривает социальную структуру представительных организаций, историю их возникновения и развития с конца XIX в. и до первой мировой войны, а также их роль и место в системе российского монополистического капитализма. Проводя общую характеристику представительных организаций как средства воздействия крупной буржуазии на аппарат государственной власти, автор дает так же и краткую характеристику отдельных организаций.

По примеру промышленников Юга России начинают собираться на свои съезды и горнопромышленники Урала; I съезд в Екатеринбурге собрался в 1880 г. Первое время эти съезды собирались от случая к случаю, II съезд проходил в декабре 1882 г., III — в декабре 1889 г. И только начиная с IV съезда (1896 г.) горнопромышленники Урала стали собираться ежегодно. В 1898 г. было утверждено Положение о съездах горнопромышленников Уральской гор-

ной области и образован постоянный исполнительный орган — Совет Съезда, находившийся до 1905 г. в Екатеринбурге, а затем переведенный в Санкт-Петербург [12]. Всего с 1880 по 1915 г. было проведено 20 съездов горнопромышленников Урала, в 1899 г. состоялся чрезвычайный съезд, а в 1904 и 1912 гг. — экстренные съезды.

Особое место среди отраслевых занимали съезды золото- и платинопромышленников. Первый съезд золотопромышленников состоялся в 1885 г. в Чите. В нем приняли участие золотопромышленники Забайкальской и Амурской областей. Он был создан по инициативе вновь назначенного Приамурского генерал-губернатора, чтобы «разобраться в хаосе мнений, толков и слухов и составить себе хотя бы приблизительное представление о нуждах частной золотопромышленности и мерах, могущих быть принятыми для улучшения ее положения». Съезд не отличался большой представительностью, на нем присутствовали в основном чиновники от горного ведомства, местной администрации и всего 7 золотопромышленников. Но на этом съезде был впервые поставлен вопрос о необходимости созыва периодических съездов золотопромышленников, по примеру съездов горнопромышленников, с целью информирования правительственных кругов о нуждах местной золотопромышленности [13]. 29 декабря 1895 г. Комитет Министров предоставил право Министру Земледелия и Государственных Имуществ созывать, по соглашению с местными генерал-губернаторами, когда и где это будет удобно, общие и местные съезды промышленников под председательством лиц им назначенных [14]. 20 октября 1897 г. было утверждено Положение об организации и круге занятий местных и общих съездов золотопромышленников и постоянных их бюро. На основании этого положения, с 1897 г. Горным Департаментом начинают созываться первые официальные съезды золотопромышленников, которые становятся периодическими. В каждом крупном районе, где добывали золото или платину имелся свой местный съезд с постоянным руководящим органом в виде Совета Съезда или Бюро Съезда. Всего в начале XX в. в России сложилось 13 таких организаций золотопромышленников, из них два съезда собирались на Урале.

В последние годы XIX в. в крае начали собираться Общие съезды золото- и платинопромышленников, всего их было проведено пять: в 1897, 1898, 1899, 1903 и 1910 гг. В начале XX в., когда были приняты соответствующие положения о распределении уральских округов по Казенным Палатам и Особым Раскладочным присутствиям, начинают собираться съезды золото- и платинопромышленников Пермской губернии и съезды золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний, а общие съезды теряют свое значение и прекращают деятельность. Было проведено 17 очередных и 9 экстренных Пемских съездов и 14 очередных Оренбургских съездов.

Все 13 съездов золотопромышленников имели в Санкт-Петербурге общую представительскую организацию: Постоянную Совецательную Контору золото- и платинопромышленников, которая была учреждена в 1902 г., а начала свою деятельность с 1903 г. Контора, помимо отстаивания интересов уральских и сибирских золотопромышленников в правительственных учреждениях, организовала и провела два Всероссийских съезда золото- и платинопромыш-

ленников в 1907 и 1915 гг. Съезды горнопромышленников Урала с 1907 г. начинают собираться только в столице. Это привело к тому, что общественная жизнь в горнопромышленной среде Урала стала постепенно сходить на нет [15].

Съезды как форма представительской организации промышленников получили в России широкое развитие потому, что правительство относилось к этой идее доброжелательно, как к деловому общению предпринимателей. Съезды не выходили за рамки одной отрасли и на них не обсуждали политических вопросов. Созывались они самими промышленниками, что позволяло закрыть в них доступ посторонним лицам. Высшие чиновники, министры, их заместители, руководители ведомств считали своим долгом посещать отраслевые и общероссийские съезды, демонстрируя единение власти и капитала. Представители организаций неизменно приглашались в различные ведомственные и межведомственные союзы, правительственные органы, на которых решались вопросы экономической политики. Обсуждались они и на отраслевых съездах. Правительство считало своим долгом спрашивать мнение представителей промышленности и торговли во всех случаях, затрагивающих их интересы. Но запрашивать — не значит обязательно удовлетворять.

Весь порядок деятельности съездов на Урале был сразу поставлен под жесткий контроль правительственных органов. Все съезды проходили под председательством специально назначавшихся каждый раз служащих горного ведомства. В работе съездов обязательно принимали участие в качестве непременных членов местные горные чиновники. Время и место проведения съездов, а так же вопросы, внесенные в программу, определялись в министерстве, чтобы работа таких съездов касалась исключительно проблем горнозаводского дела и золотоплатинового промысла. Копии всех протоколов заседаний представлялись Главному Начальнику Уральского Горного Управления для сведения.

В работе съездов могли принимать участие все владельцы или их доверенные лица предприятий, расположенных на территории деятельности съезда. На съездах избирались исполнительные органы — Советы или Бюро Съезда, которые воплощали в жизнь принятые решения: публиковали труды, оформляли ходатайства в правительственные инстанции, готовили доклады следующему съезду по проблемным вопросам. Советы Съездов должны были также готовить списки членов будущих съездов и утверждать в министерстве их программу, рассылать приглашения всем заинтересованным лицам. Любой участник съезда, независимо от его звания и рода занятий, мог быть избран должностным лицом от съезда. Для покрытия расходов на финансирование мероприятий съездов, содержание Совета, подготовку и проведение собственно самого заседания съезда, а с 1905 г. для золотопромышленников и на содержание горнополицейской стражи в качестве пособия казне, устанавливался специальный денежный сбор, сначала добровольный, а потом обязательный для всех участников съезда. Сбор производился в виде платы определенной суммы с каждого пуда добытого золота, платины, угля или руды, с каждого выплавленного пуда чугуна, железа или меди, с каждой рабочей поденщины или с каждой десятины земли отведенной под прииск. Причем размер

сбора, раскладка и способ взимания определялся и изменялся постановлениями съезда.

Съезды имели право направлять свои ходатайства по различным вопросам в различные правительственные учреждения, но соблюдая определенный иерархический порядок: Председатель съезда — Уральское Горное Управление — Горный Департамент — Министр Земледелия и Государственных Имуществ, с 1905 г. — Министр Торговли и Промышленности. В большинстве случаев эти ходатайства или оставались совсем без ответа или возвращались обратно Советам Съездов. Для того, чтобы контролировать прохождение ходатайств и оперативно давать правительственным ведомствам сведения о положении в золотой и платиновой промышленности страны, с 1903 г. в Санкт-Петербурге начала свою деятельность Постоянная Советательная Контора золото — и платинопромышленников, финансирувавшаяся за счет средств, отчислявшихся местными съездами. Горнопромышленники, как уже говорилось, с 1907 г. исполнительные органы своих съездов полностью перевели в Санкт-Петербург, где они могли непосредственно следить за прохождением ходатайств. На съездах обсуждались самые разные вопросы, наиболее насущными для промышленников были вопросы развития транспорта и связи, страхования рабочих, кредитов, земельного устройства горнозаводского населения, отмены посессионного владения, создания Золотопромышленного Банка, обеспечения приисков самым современным оборудованием, которое необходимо было приобретать за границей. Самыми важными были вопросы о причинах сокращения объемов производства и падения добычи золота и платины на Урале и мерах, способствовавших их подъему. По всем этим проблемам на съездах были выработаны комплексы мероприятий, внедрение которых дало бы возможность не только удержать уровень производства в металлургии и добыче благородных металлов, но и значительно увеличить его, а также решить другие проблемы.

Таким образом, подводя итог деятельности съездов горнопромышленников, золото- и платинопромышленников на Урале, мы видим, что, собираясь первоначально как представительные органы промышленников для того, чтобы коллегиально выяснять и решать проблемы, стоящие перед ними, съезды после принятия соответствующих законодательных актов ставятся под жесткий контроль правительства и в большинстве своем теряют представительные качества и превращаются в организации, выполняющие функции налогового и отчасти земского характера. Съездам удалось добиться изменения некоторых статей законов об условиях найма и страхования их рабочих. В условиях войны был разрешен отмененный в 1909 г. беспощадный ввоз из-за границы машин и орудий для добычи золота и платины. Была разрешена постройка на Урале аффинажного завода по очистке платины. Главным в деятельности съездов на Урале было формирование корпорации людей, веривших в то, что все может измениться к лучшему, для которых участие в работе съездов стало жизненно необходимым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лившин Я.И. Представительные организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX в. // История СССР, 1959. № 2. С.96.
2. Литтауэр С. Съезды золота — и платинопромышленников // Золото и платина, 1910. № 12. С.267.
3. Лившин Я.И. «Представительные» организации... С.98-99.
4. Там же. С.102.
5. Лурье Е.С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб., 1913; Фомин П.И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908; Туган-Барановский М. Съезды представителей промышленности и торговли // К лучшему будущему, СПб., 1913.
6. Черменский Е.Д. Буржуазия и царям в революции 1905-1907 гг. М.; Л., 1939.
7. Черменский Е.Д. Буржуазия и царям в первой русской революции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1970.
8. Шполенский Д.И. Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века. М., 1953.
9. Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. К истории буржуазной контрреволюции // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л., 1957. С.259-317.
10. Крупина Т.О. К вопросу об особенностях монополизации промышленности в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С.197-214.
11. Лившин Я.И. Представительные организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX вв. // История СССР, 1959. № 2. С.95-117; Он же. Монополии в экономике России. М., 1961.
12. Буранов Ю.А. Съезды уральских горнопромышленников в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С.268-282.
13. Пушкина Т.А. Опыт административного контроля правительственными учреждениями съездовских организаций сибирских предпринимателей в конце XIX — начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — начало XX в.). Барнаул, 1995. С.38-39.
14. Там же. С.40.
15. Буранов Ю.А. Указ. соч. С.272.

CONGRESSES OF THE URALS' INDUSTRIALISTS IN THE LATE XIXth — THE EARLY XXth CENTURIES AS SPECIAL FORM OF INTERACTIONS BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE BUSINESS OWNERS

The article is devoted to important and at the same time insufficiently studied problem of both the Russian and the Urals' histories, namely, to the role and rank of the bourgeoisie's representative organizations in the processes of modernization. The origins of those organizations dates back from the late XIXth — the early XXth centuries. One version of those organizations was represented by the congresses as a special form of association between the industrialists focused on elaborating the guidelines for the state's economic policies in the interests of both the distinctive groups of businessmen and the industry on the whole. The practices of convening the congresses had been broadly developed in Russia, because the Government saw them as a convenient opportunity for the business intercourse between employers. While at the beginning the congresses of the Urals' industrialists represented the mining, gold and platinum industries were convened as the representative bodies for discussing in collegiate order and solving the needs and problems faced their businesses, later they were gradually brought under the Government's strict control, so having lost their representative functions and become only advisory bodies.

Ye. Yu. Rukosuyev

ВОЙНА И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ЗЛАТОУСТОВСКИЙ ГОРНЫЙ ОКРУГ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В конце XIX — начале XX в. войны являлись одним из факторов модернизации, так как они приводили не только к разрушающим последствиям, но и давали толчок создающим процессам внутри конфликтующих государств. В период военных действий с увеличением государственного заказа на предметы вооружения, как правило, существующее производство значительно расширялось, усиливалась топливно-сырьевая база, внедрялись новые технологии.

История военного производства на Урале в годы первой мировой войны неоднократно привлекала внимание исследователей. Помимо работ, посвященных социально-экономическим и политическим процессам [1], в последнее время появились исследования, где основной акцент ставится на геополитический фактор, имевший непосредственное влияние на конъюнктуру выпуска военной продукции [2]. Отраслевой подход к изучению истории военной промышленности на Урале в годы первой мировой войны, примененный большинством авторов, позволил дать общую картину выпуска военной продукции на предприятиях региона в тот период. Тем не менее, история военного производства в каждом горнозаводском округе уникальна и заслуживает отдельного рассмотрения. Большим своеобразием отличалось военное производство на заводах Златоустовского казенного горного округа, снабжавшего в то время почти всю российскую армию холодным оружием. На примере этого округа модернизационные процессы прослеживаются особенно отчетливо.

К началу первой мировой войны промышленность Златоустовского горного округа была ориентирована в основном на удовлетворение нужд военного, морского и инженерного ведомств Министерства торговли и промышленности. Заводы округа (Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский), кроме чугуна и железа, производили снаряды, холодное оружие и шанцевый инструмент. Накануне первой мировой войны снарядное производство было представлено в Златоустовском заводе 3-, 42-дюймовыми шрапнелями, 6-дюймовыми артиллерийскими бронебойными береговыми снарядами для пушки Канэ, 6-дюймовыми морскими, фугасными бомбами для скорострельной пушки Шнейдера, 6-дюймовыми тротильными бомбами удлиненного типа и 48-дюймовыми тротильными снарядами для гаубиц, 120-миллиметровыми морскими фугасными и учебными снарядами, 42-линейными шрапнелями для скорострельных пушек; в Саткинском — ядрами для 4- и 75-дюймовых орудий, 3-линейными батарейными шрапнелями, 3-дюймовыми менелитовыми гранатами; в Кусинском — ядрами для 120-миллиметровых орудий, 6-дюймовыми и 48-линейными боевыми и учебными шрапнелями, 3-дюймовыми учебными снарядами, 42-дюймовыми и 12-сантиметровыми бомбами [3]. Производство холодного оружия составляло одну из важных характерных черт военного производства округа и служило показателем уровня развития техники металлообработки в стране. Златоустовская оружейная фабрика выпускала драгунские, казачьи, артиллерийские и

кубанские шашки, кинжалы-бебуты, армейские тесаки и т. п.; Артинский завод — кинжальные клинки. При этом 50—70% холодного оружия изготовлялось по частным заказам. Производство шанцевого инструмента на Златоустовском заводе было представлено легкими, кавалерийскими, тяжелыми и малопехотными топорами, саперными лопатами, ломами и киркомотыгами; на Артинском заводе — топорами различных модификаций. Топливо-сырьевой базой военной промышленности округа являлись Бакальский, Ельничный и Ахтенский рудники, а также окрестные лесные массивы, главный объект заготовки горючего материала — дров и древесного угля.

Еще задолго до начала первой мировой войны на Златоустовском заводе в течение многих лет нарабатывались эффективные системы организации снарядного производства. Была отработана четкая система «поплавочного» запуска металла в штамповку или механическую обработку. Для обеспечения высоких тактико-технических характеристик снаряд изготовлялся из металла с заранее заданными прочностными свойствами, что обеспечивалось назначением определенной марки чугуна и стали. Металлургической марке стали присваивался условный номер плавки, который через клеймение сохранялся от штамповки до готового корпуса. Любая путаница в номерах плавки вызывала паралич производства, особенно при изготовлении закаленных (бронепробивных) снарядов. «Поплавочная» система в снарядном производстве предотвращала случаи преждевременного разрыва корпуса в канале ствола орудий. Если на контрольных испытаниях на прочность при стрельбе возникала увеличенная деформация, не предусмотренная в технических условиях — все снаряды этой плавки браковались и изымались из производства.

Основная техническая документация по заказам на снаряды морского ведомства разрабатывалась независимо от заказов на снаряды военного ведомства. Различия в содержании как чертежей, так и технических условий были весьма существенные. Технические условия были унифицированы на все калибры морских снарядов, качество оформления технической документации на артиллерийские снаряды морского ведомства всегда было на порядок выше, чем у сухопутных войск.

Технологический процесс от выплавки металла до укупорки готовых снарядов завершался их приемкой представителем заказчика — артиллерийским приемщиком. Артприемщик Златоустовского горнозаводского округа имел в своем штате армейскую команду в составе 3—4 офицеров и 45—55 военнослужащих нижних чинов. В соответствии с требованиями технических условий артприемщик производил отбор снарядов для контрольных испытаний; проводил инструктаж среди подчиненных и принимал у них экзамены на профпригодность; контролировал ход погрузочно-разгрузочных работ готовой продукции; отчитывался о результатах своей деятельности непосредственно перед Главным Артиллерийским управлением. Мероприятия по улучшению организации снарядного производства сыграли существенную роль в мобилизации военной промышленности Златоустовского горного округа в годы первой мировой войны.

Златоустовским заводом в 1913 г. было изготовлено 223,6 тыс. шт. снарядов, Саткинским — 95 тыс., Кусинским — 49,4 тыс. Чистый доход от производства оружия по сравнению с 1911 и 1912 гг. вырос в среднем по округу

в 1,5 раза и составил 1120,3 тыс. руб. При существовавших тогда производственных мощностях в 1914 г. планировалось увеличить выпуск снарядов на Златоустовском заводе до 300 тыс. шт., Саткинском — до 150-200 тыс., Кулинском — до 100 тыс. в год. В среднем по округу снарядное производство планировалось в 1914 г. увеличить в два раза по сравнению с 1913 годом. С 1 января по 1 августа 1914 г. только Златоустовским заводом было изготовлено 183,9 тыс. шт. снарядов, 58,7 тыс. ед. холодного оружия и 83,1 тыс. ед. шанцевого инструмента на общую сумму 2285 тыс. руб. [4]. При таких темпах заводы округа вполне могли бы справиться с намеченным планом по производству заказов государственной обороны, но он был составлен в условиях мирного времени и не мог не претерпеть значительной корректировки.

С началом военных действий выяснилось, что уральские заводы оказались непригодными к быстрому увеличению производства. Французский дипломат Морис Палеолог в своем дневнике устами начальника Управления Генерального Штаба генерала Беллева так передал сложившуюся тогда ситуацию со снабжением действующей армии оружием: «Русская артиллерия нуждается в снарядах. Расход превзошел все расчеты. В начале войны мы имели в наших арсеналах 5200000 трехдюймовых шрапнелей. Все запасы истощены. Армии нуждались бы в 45000 снарядах в день. А наше ежедневное производство достигает самое большое 13000; мы рассчитываем, что оно к 15 февраля 1915 г. достигнет 20000. До этого дня положение наших армий будет не только трудным, но и опасным»[5].

Война существенно повлияла на привычный рабочий ритм заводов округа. Ускорился процесс намеченной ранее модернизации цехового оборудования, изменился ассортимент выпускаемого оружия и боеприпасов, значительно сократились сроки сдачи заказов. На Златоустовском заводе в конце 1914 г. все силы были брошены на производство трехдюймовых шрапнелей. Выпуск 6-дюймовых бомб и 48-линейных шрапнелей был временно прекращен. В августе 1915 г. работа по их изготовлению возобновилась, а производство трехдюймовых шрапнелей планировалось увеличить до 50 тыс. шт. в месяц. Согласно инструкции «О временных льготах на изготовление и прием снарядов от 31 июля 1915 г.» механические испытания шрапнельных стаканов, диафрагм и некоторых других деталей к снарядам отменялись. В целом в первый год войны с 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. Златоустовским заводом снарядов было изготовлено в 2 раза больше, нежели за год до этого.

В целях дальнейшего расширения выпуска военной продукции за границей было заказано около 250 станков для обработки снарядов общей стоимостью 1 млн руб., а также несколько прессов и точильных крутов для производства шанцевого инструмента. Наибольшее количество заказов получили США, Швеция, Англия и Франция. Собственными силами был изготовлен пресс для штамповки корпусов снарядов. Согласно «Отчету начальника Златоустовских заводов за 1916 г.», к середине 1916 г. производственные площади Златоустовского завода увеличились на 675 квадратных сажен, появились новые складские помещения, а также были установлены компрессор для испытания морских фугасных снарядов под давлением и 74 новых металлообрабатывающих станка;

завершилась постройка 30-тонной мартеновской печи, пущен новый чугунолитейный цех Ермоловской домен; продолжалось строительство прокатной фабрики, спроектированной по последнему слову техники с производительностью около 4 млн пуд. стали в год; пущена центральная силовая электростанция, что позволило полностью механизировать ручной труд [6].

Значительно вырос выпуск холодного оружия и шанцевого инструмента. В своем письме от 4 октября 1914 г. начальник отделения казенных заводов Горного департамента Министерства торговли и промышленности подчеркивал, что «надобность в холодном оружии достигла крайних пределов и в силу этого ГАУ просило принять все зависящие меры к подаче его возможно большего количества» [7]. В 1915 г. началось освоение производства копий и наконечников для кавалерийских пик. Требования к приемке холодного оружия были теперь не так строги. В частности, допускались некоторые погрешности в заключительной стадии обработки шашечных и сабельных клинков; последующая отделка с украшением эфесов и ножен считалась вообще необязательной. Такое оружие было второсортным, и себестоимость его изготовления определялась значительно ниже, что позволило Златоустовской оружейной фабрике к концу 1915 г. увеличить объем выпускаемой продукции в 1,8 раза, а в 1916 и 1917 гг. — в 2 раза. В соответствии с тактическими требованиями войны модернизировался шанцевый инструмент: особую ценность приобретали изделия облегченного типа и мобильной конструкции. В 1915 г. в производство были запущены ножницы для резки проволочных заграждений. В 1915 г. по округу производство шанцевого инструмента увеличилось в 2,6 раза, в 1916 г. — в 5,3 раза, а в 1917 г. — в 10 раз.

Саткинский завод в начале войны, приостановив выпуск учебных снарядов, срочно приступил к переоборудованию цехов для налаживания производства боевых трехдюймовых шрапнелей. Первой была пущена линия по обработке некоторых деталей к снарядам. После установки дополнительных станков к июлю 1915 г. завод выпускал ежемесячно более 8,5 тыс. комплектов. При этом заготовку (черновую штамповку) поставляли Златоустовский, Пермский, Верхнетуринский и Воткинский заводы. В 1916 г., значительно увеличив площадь снарядного цеха, Саткинский завод получил наряд на изготовление 120 тыс. штук трехдюймовых шрапнелей. В дальнейшем, с окончанием строительства трехфазной электростанции на территории цеха, завод планировал довести выпуск трехдюймовых шрапнелей до 300 тыс. шт. в год.

Подобная ситуация сложилась и на Кусинском заводе. Ориентировав производство на выпуск трехдюймовых шрапнелей, предприятие в августе 1914 г. установило 11 новых токарных станков, значительно увеличило площадь снарядных мастерских. К 1916 г. завершилось строительство электростанции, склада для хранения готовой продукции, подъездных коммуникаций. Объем военной продукции удалось увеличить в 1,5–2 раза.

На Артинском заводе ощутимое увеличение производительности началось лишь в марте 1915 г., когда правительством было ассигновано на переоборудование и капитальный ремонт мастерских 580 тыс. руб. До этого Артинский завод занимал незначительное место в производстве холодного оружия и шан-

цевого инструмента среди заводов Златоустовского горного округа. В целом к 1916 г. завод увеличил свою ежегодную производительность в 1,5 — 2 раза.

Военные события отразились также на работе рудников и лесных дач, территориально входивших в состав округа и снабжавших его заводы необходимым количеством сырья и топлива. На Бакальском руднике к концу 1914 г. была расширена сеть железнодорожных коммуникаций, увеличен подвижной состав локомотивного депо, возведено несколько дополнительных жилых помещений для рабочих. В 1915 г. правительство ассигновало на переоборудование рудника 1 млн руб. благодаря чему был освоен метод пневматического бурения горных пород. За 1915 г. было добыто около 9 млн пуд. руды, что не совсем удовлетворяло текущие потребности заводов. С пуском новой пневматической установки при условии полной электрификации рудника, к 1917 г. планировалось увеличить объем ежегодной добычи до 15 млн пуд. Недостающее количество руды заводам округа приходилось покупать у Симского общества.

В первый год войны российское правительство допустило ошибку: с заводов Урала на фронт была призвана значительная часть квалифицированной рабочей силы. Более всего пострадали отрасли, снабжавшие заводы топливом и рудой. По этой причине, а также вследствие мобилизации гужевого транспорта во второй половине 1914 г. на рудниках работы несколько раз прекращались. Для механизации труда требовалось значительное время, и в связи с этим со второй половины 1915 г. стал интенсивно применяться труд военнопленных. Во второй половине 1914 — начале 1915 г. со Златоустовского завода были командированы служащие для найма рабочих. Много специалистов приглашено было из г. Риги. Администрации Саткинского, Кузинского и Артинского заводов пришлось формировать штат из жителей окрестных селений и заниматься их обучением, что вызвало некоторый спад в военном производстве. Наскоро обученные таким образом рабочие не смогли заменить ушедших на фронт кадровых. В дальнейшем при попытке демобилизации военной промышленности в 1918 г. и в годы гражданской войны произошла значительная утечка этих так называемых «новых кадров».

Несмотря на целый ряд причин, тормозивших военное производство (задержка поставок заграничного оборудования; недостаток топлива и сырья в связи с плохой работой железнодорожного транспорта по всей России; социальная, политическая и экономическая нестабильность и др.), казенные заводы Златоустовского горного округа за годы первой мировой войны сумели значительно увеличить выпуск военной продукции и сыграли важную роль в снабжении фронта снарядами, холодным оружием и шанцевым инструментом. Деятельность заводов Златоустовского горного округа 1913 — 1917 гг. по производству военной продукции показывает табл. 1. Из нее следует, что к концу 1917 г. по сравнению с довоенным 1913 г. в абсолютных величинах производство снарядов в Златоустовском горном округе выросло в 3,4 раза, холодного оружия — в 2,3 раза, шанцевого инструмента — в 16,6 раз.

Бурные события, связанные с установлением Советской власти в стране, оказали значительное воздействие на работу военной промышленности на Урале, заставили сменить курс мобилизационных преобразований на военных предпри-

ятнях. Этот процесс постепенно вовлек в свою орбиту и казенные заводы Златоустовского горного округа. В октябре и ноябре 1917 г. они еще продолжали работать в прежнем режиме. Но изменения во внутренней и внешней по

Таблица 1

**Военное производство на казенных заводах
Златоустовского горного округа в 1913—1917 гг.*.**

	Показатели по годам	Снаряды	Холодное оружие	Шашечный инструмент	Всего
1913 г.	Кол-во / ед. Сумма / руб.	372605 2959288	131463 789312	108830 286131	4034731
1914 г.	Кол-во / ед. Сумма / руб.	632794 3758741	153081 961669	245918 490329	5210733
1915 г.	Кол-во / ед. Сумма / руб.	1212150 7204976	241245 1799692	948744 1619295	10623963
1916 г.	Кол-во / ед. Сумма / руб.	1178353 14996598	342259 3137567	1424810 3526279	21660444
1917 г.	Кол-во / ед. Сумма / руб.	1377393 27524880	296945 5296543	1808581 6441499	39262622

* Составлено по: Сведения о производительности заводов Златоустовского округа за 1913—1917 гг. // ЗФ ГАЧО. Ф. И — 20. Оп.1. Д.2949. Л.642 — 643.

литике страны, трудности с государственным кредитованием военного производства и как следствие — хронические задержки выплаты заработной платы рабочим заставляли начальство округа поставить на повестку дня вопрос о целесообразности перехода от выпуска исключительно военной продукции к изготовлению рыночных изделий. В письме на имя начальника Уральских казенных заводов от 26 ноября 1917 г. представители фабрично-заводского совещания и административной верхушки Златоустовских заводов подчеркивали: «разработка программы демобилизации должна быть в данное время первоочередной задачей заводов, необходим... переход... к изготовлению наиболее ходовых на местном рынке изделий» [8].

А в Петрограде уже давно шла работа над программой демобилизации оборонной промышленности. 9 (22) декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров в газете «Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России» №18 опубликовал «Обращение ко всем товарищам рабочим России», где оповестил население о разработке советским правительством плана демобилизации российской военной промышленности. В «Обращении» подчеркивалось, что «в настоящий момент... изготовление предметов военного снаряжения явилось бы совершенно бесцельной тратой народного труда и достояния». «Обращение» призывало прекратить выпуск военной продукции и «перейти к производству предметов мирного обихода, в которых так нуждается вся страна». Документ содержал некоторое противоречие: «Работы для нужд военного времени должны производиться с целью придания им вполне законченного вида. Так, на-

пример, артиллерийские снаряды, взятые в обработку, должны быть вполне закончены»[9]. При этом не разрешалось производить штамповку новых снарядов при наличии заготовок. В конце концов, право решать спорные вопросы в таких случаях передавалось местным Советам рабочих и солдатских депутатов, конфликтные же ситуации рассматривались Народным комиссариатом промышленности. Принималось во внимание также и то, что переход сугубо военных заводов к выпуску мирной продукции займет значительное количество времени. 10 (23) декабря 1917 г. был одобрен проект «Декрета о демобилизации военной промышленности, работающей на Армию»[10]. Проект был составлен Советом представителей довольствующих управлений военного ведомства, образованного по приказу СНК №4 от 15 декабря 1917 г., и принимался к руководству, при неотложных мероприятиях по демобилизации военной промышленности и ликвидации военных заказов впредь до его утверждения. В проекте подчеркивалась демобилизационная направленность реформирования оборонной промышленности России. Проектом «Декрета» предполагалось ликвидировать все заграничные заказы по снабжению армии оружием и боеприпасами и, что особенно важно — сконцентрировать военное производство на казенных заводах. Дальше одобрения проект не пошел, но некоторые его идеи легли в основу «Директив» Правительства, оглашенных в заседании Высшего Совета Народного Хозяйства тов. Лариным 25 января 1918 года»[11] и циркулярных предписаниях администрации военных заводов. «Директивы» предписывали прекращать строительство новых военных заводов, закрывать существующие с организацией «Комитета по разработке вопроса об их утилизации», сворачивать вообще всякое снарядное и пушечное производство. Согласно «Мнению, оглашенному в заседании Высшего Совета Народного Хозяйства 25 января 1918 года», демобилизация военной промышленности должна была заключаться не столько в ликвидации заказов военного и морского ведомств Министерства торговли и промышленности, сколько в «использовании громадных запасов боевого снабжения, и, главным образом, в переводе промышленности на мирное положение»[12]. Следует добавить, что к концу 1917 г. на заводских складах накопились ощутимые запасы вооружения. В связи с недостатком железнодорожного транспорта на фронт посылалась лишь незначительная часть военной продукции. Но, к сожалению, ни один из вышеназванных документов не содержал конкретного плана эффективного использования военнопromышленного потенциала как Урала, так и всей России.

27 февраля 1918 г. в управление Златоустовского горного округа поступило циркулярное предписание Областного правления национальными предприятиями Урала, согласно которому администрация казенных заводов обязывалась представить развернутый план перехода к выпуску мирной продукции с сокращением существующих военных заказов и уменьшением числа рабочих. Причем правление гарантировало ощутимую финансовую поддержку государства при воплощении такого плана в жизнь[13]. Забегая вперед необходимо отметить, что и этот план не был до конца разработан и представлен на рассмотрение ВСНХ. Все ограничилось лишь пожеланиями заводского начальства, нашедшими отражение в справках и отчетах в Областное правление национальными предприятиями Урала.

В апреле — марте 1918 г. на заводах округа были созданы ликвидационные комиссии в составе членов фабрично-заводского комитета округа и цеховых комитетов снарядного производства. При них были назначены районные инспектора по ликвидации заказов Главного артиллерийского управления. Инспектора и уполномоченные по ликвидации заказов ГАУ, согласно данным им инструкциям, находились в подчинении Председателя Особого совещания по обороне государства. На казенных заводах округа разрешался выпуск только холодного оружия, за исключением офицерских шашек. 19 марта Областное правление национальными предприятиями Урала уведомило фабрично-заводской комитет Златоустовского горного округа о полном запрещении выпуска снарядов.

Политику советского правительства в отношении демобилизации военной промышленности рабочие округа восприняли неоднозначно. Большинство их при этом теряло рабочие места, безработица грозила работникам рудников и заготовщикам горючего материала. Сама идея демобилизации военной промышленности была продиктована положениями ленинского «Декрета о мире», не получившего одобрения у существенной части российского населения. Проводимая в столь короткие сроки демобилизация военной промышленности не могла быть легкой и безболезненной, вопреки благим желаниям молодого советского правительства, нашедшим отражение в «Директивах» от 25 января 1918 г. В среде рабочих назревало недовольство, подогреваемое антисоветскими настроениями и разгоравшейся гражданской войной. В конце марта в Златоуст началась эвакуация Сестрорецкого оружейного завода из Петрограда. Но имущество завода прибыло только в июле 1918 г., когда политическая ситуация в городе уже радикально изменилась.

В мае 1918 г. Златоустовский горный округ был вовлечен в орбиту гражданской войны. Чехословацкий корпус бывших военнопленных 25 мая поднял мятеж против советской власти. 27 мая чехословаки попытались установить свою власть в Златоусте, но были отбиты отрядами Красной Армии. В середине июня положение частей Красной Армии на Златоусто-Челябинском фронте осложнилось: вспыхнули восстания на Саткинском и Кусинском заводах, в селах Златоустовского уезда. Восставшие жестоко расправлялись с коммунистами и сторонниками советской власти. Под напором превосходящих сил противника, 25 июня 1918 г. части Красной Армии оставили Златоуст.

С приходом чехословаков и колчаковцев в Златоусте и рабочих поселках округа было введено военное положение, запрещены митинги и собрания, прекращена деятельность фабрично-заводских комитетов, началось восстановление прежних органов власти, стало налаживаться военное производство. На основании распоряжения Временного Сибирского правительства от 4 июля 1918 г. аннулировались все декреты советского правительства, упразднялись Советы уполномоченных, Деловые Советы заводов и все органы управления демобилизацией военной промышленности. Смена власти фактически означала прекращение планомерной демобилизации военного производства. Более того, новые власти приняли энергичные меры для развертывания на заводах округа выпуска предметов вооружения для нужд белой армии.

К сентябрю 1918 г. на Златоустовском, Саткинском, Кусинском и Артинском заводах военное производство практически полностью было восстановлено. За четыре месяца, с июля по октябрь 1918 г., заводами округа было выпущено 158 тыс. ед. холодного оружия и 37 тыс. шт. снарядов на сумму 327 тыс. руб. и заготовлено руды и горючего материала на сумму 658 тыс. руб.[14]. Вопреки мнению, сложившемуся в отечественной историографии о тотальной разрухе и крахе военного производства на Урале с приходом белогвардейских войск, новые власти сумели в короткие сроки мобилизовать военную промышленность округа на удовлетворение собственных нужд.

Успешные действия Красной Армии на фронтах гражданской войны заставили колчаковское командование летом 1919 г. принять решение об эвакуации Златоустовского завода в Томск. В 52 вагонах была вывезена значительная часть оборудования и в принудительном порядке 40% служащих и 16% рабочих завода[15]. По другим сведениям, имущество завода и около 1800 рабочих и служащих были эвакуированы в 227 вагонах[16]. Вместе с оборудованием Златоустовского завода была вывезена значительная часть эвакуированного в Златоуст имущества Сестрорецкого оружейного завода. Колчаковская эвакуация принесла округу убыток в 5,6 млн руб.

25 июня 1919 г. части советской 5-й Армии под командованием М.Н.Тухачевского начали осуществление Златоустовской операции. К началу июля была освобождена северо-западная часть Златоустовского уезда, 10 июля — Кусинский завод. 13 июля отряды Красной Армии вступили в Златоуст. Частично восстановить военное производство в округе удалось лишь к лету 1920 г., когда из Томска возвратилось большинство эвакуированных рабочих и незначительная часть технологического оборудования. Истории суждено было распорядиться так, что далеко не весь арсенал оружия, изготовленного на казенных заводах Златоустовского горного округа, попал на театр военных действий первой мировой войны. Революционные события 1917 г. и гражданская война «впитали» в себя «излишки». Оружия, изготовленного в годы первой мировой войны, хватало на четыре года гражданской, когда практически вся военная промышленность в стране была парализована.

Подводя итог, следует отметить, что в годы первой мировой войны (в 1914 — 1917 гг.) военно-промышленный потенциал Златоустовского горного округа был значительно усилен. Демобилизация военной промышленности в округе, начавшаяся после установления советской власти, не была завершена. Из-за отсутствия четких планов конверсии, неподготовленности заводов округа к выпуску мирной продукции, поспешности, неразумности и нецелесообразности демобилизационной политики в условиях размежевания политических сил в стране в 1917—1918 гг., демобилизация не дала ощутимых плодов, чем воспользовались белые, возобновившие выпуск военной продукции в значительных объемах.

Гражданская война, обострение внешнеполитической ситуации заставили советское правительство по-иному относиться к идее демобилизации военного производства. Промышленность Златоустовского горного округа так и осталась сильно милитаризованной. В 20-30-е гг. XX в. военно-промышленный потенциал округа был еще более усилен. Материалы нашего исследования свидетель-

ствуют: расширение производства, совершенствование заводского оборудования, изменение ассортимента выпускаемого оружия и боеприпасов, внедрение новых технологий на казенных предприятиях Златоустовского горного округа в годы первой мировой войны привели к значительным модернизационным сдвигам в военном производстве на Урале и в России, что в дальнейшем сильно повлияло на весь политико-экономический курс государства в рамках принятия геостратегических решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; Залесский С.А. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1959. №65. С.80—118; Вяткин М.П. Горнозаводской Урал 1900—1917 гг. М.; Л., 1965; Поликарпов В.В. Государственное производство вооружения в России (1905 — февраль 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986 и др.
2. Зубков К.И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890—1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. №1. С.76—92; Гаврилов Д.В. Влияние геополитического фактора на развитие военного производства на Урале (XVIII в. — 1917 г.) // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С.93—97.
3. Пояснительная записка к отчету по заводам Златоустовского горного округа за 1913 г. // Златоустовский филиал государственного архива Челябинской области (Зф ГАЧО). Ф. И-20. Оп.1. Д.2114. Л.40.
4. Рапорт на запрос Пермской контрольной палаты от 14 августа 1915 г. // Там же. Д.2274. Л.5.
5. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны /Пер. с француз. 2-е изд. М., 1991. С.136-137.
6. Зф ГАЧО. Ф. И-20. Оп.1 Д.2752. Л.43 об.
7. Там же. Д.2287. Л.146-14 об.
8. Там же. Д.2820. Л.234.
9. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по Обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915—1918 гг. Т. 2. М., 1980. С. 334.
10. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.79. Оп. 1. Д. 1. Л. 12—13 об.
11. Там же. Л. 15—15 об.
12. Там же. Л. 16 об.
13. Зф ГАЧО. Ф.И-18. Оп.1. Д.1686. Л.55—55 об.
14. Телеграмма начальника Златоустовских горных заводов Г.И.Бострема в Екатеринбург // Там же. Л.98.
15. Яблонский Ф. Златоуст в годы гражданской войны // Златоустовская энциклопедия. Т.1. Златоуст, 1994 С. 131.
16. Чепуров А.А. На защите Отечества. Военное производство Златоустовского завода с 1811 по 1945 гг. Златоуст, 1993.

WAR AND MODERNIZATION: ZLATOUST MINING DISTRICT DURING THE FIRST WORLD WAR

The article focuses on analysing the dynamics of the military production in the Zlatoust state-owned mining district under circumstances of the World War I. The author's conclusion is that the war became one of the modernizing factors, because it didn't involve solely destructive consequences for contesting parties, but also gave impetus to the development of certain industries and contributed into the use of new technologies. On the basis of statistical data, the author displays an important reinforcement of the district's military-industrial potentialities during 1914–1917. It was these processes that had led to the significant modernization changes in the military production in the Urals as well as in Russia on the whole.

A.V.Zhuk

РАБОЧИЙ КЛАСС УРАЛА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В 1900-1940 гг.

В 1990-е гг. XX в. усилился интерес историков к теориям, объясняющим переход от традиционного общества к индустриальному. К этому подталкивает специфика российской истории XX в.: сочетание этапов реформы и контрреформ, приливов и откатов модернизации [1]. Целью нашего исследования является выявление взаимосвязи концепции модернизации и истории рабочего класса в 1900-1940 гг.

Отметим наличие в концепции модернизации взаимосвязанных компонентов: создание индустриальной базы со структурой отраслей и технической оснащенностью мирового уровня; установление взаимной автономности различных социальных сфер (включая создание развитых систем социальной защиты); развитие правовой защищенности человека. Равнозначность указанных компонентов определяется тем, что модернизация — системное явление. Разрыв в единой цепи, выпадение какого-то звена ведет к блокированию всего процесса модернизации. Теория модернизации рассматривает советское государство как одну из форм догоняющей модернизации. Это позволяет провести аналогии на широком историческом отрезке времени начиная с буржуазных реформ 60 — 70-х гг. В результате просматривается типологическая близость программ модернизации в 1861 — 1913 гг. и в 1921 — 1941 гг. Обе программы можно отнести к модернизации «властного характера» [2].

К общим чертам модернизационных процессов в XIX—XX вв. можно отнести их имперский милитаристский характер, растущую централизацию и бюрократизацию государственных институтов, «разнонаправленность развития модернизации государства и общества» [3].

Обратимся к источникам. И в России до 1914г., и в СССР 20—30-х гг. существовали сходные источники модернизации: необходимость ответа на военный и технологический вызов Запада, борьба за сохранение внешнеполитических и внешнеэкономических позиций. Отмечается определенная преемственность в разработке программ индустриализации в досоветский и в советский периоды [4]. Так, в исторической литературе процесс создания плана Урало-Кузбасса сегодня прослеживается не с конца 20-х гг., а с 1912—1914 гг. [5]. Однако существуют и значительные различия в содержании и характере внутренних взаимосвязей между звеньями модернизации в 1900—1913 гг. и в 1921—1940 гг.

Почему следует выделять в самостоятельный этап период 1900—1913 гг. ? Вторая техническая революция (80—90-х гг. XIX в.), связанная с заменой паровых двигателей электрическими, дала импульс не только развитию новых отраслей, и форм организации предприятий, но и обострению внешнеэкономических и внешнеполитических противоречий. Фактически первые десятилетия XX в. стали временем подготовки и проведения мировой войны. Ответ на новый технологический и политический вызов Запада требовал от Романовых

в начале XX в. консолидации всех социальных сил, способных выступать в качестве носителей модернизации. Однако власть проявила неспособность не только к последовательному диалогу с предпринимательскими кругами, но и к самоорганизации правящего класса в 1900—1913 гг.[6]. Итог известен: Россия, не успевшая совершить технологический рывок на стадии монополистического развития капитализма, не выдерживает перегрузок первой мировой войны.

Но так ли однозначно, однолинейно было развитие страны в данный период? В России 1900—1913 гг. прослеживается процесс укрепления рыночных отношений. Общество шаг за шагом отвоевывало у государства «зоны автономного плавания», создавалось и крепло законодательство по рабочему вопросу. Предпринимательские слои выступали активным (не всегда равноправным) участником модернизации, вовлекая в свои ряды и часть дворянства[7]. Невысокая эффективность законодотворческого процесса в работе Государственной Думы в 1906—1913 гг. отнюдь не означала отсутствие наработок, опыта политических компромиссов в обществе. На наш взгляд, речь идет не о неверном направлении развития российской модернизации, а об отставании данного развития в период 1900—1913 гг. Но в целом можно говорить об уменьшении разнонаправленности в развитии государства и общества.

Несмотря на региональные особенности, промышленность Урала развивалась в соответствии с общими закономерностями капиталистической эволюции России. Монополистический капитал к 1914 г. занял ведущее положение в экономике края[8]. Вместе с тем незначительное развитие машиностроения, легкой промышленности, слабость топливной базы, приоритетное финансирование казенных заводов, связанных с военными заказами, несбалансированное развитие заводского и вспомогательного производства обусловили качественные характеристики индустрии Урала и, как следствие, рабочего класса региона.

Для изучения истории рабочего класса Урала важное значение имеет теория социальной стратификации. Дело в том, что на протяжении первой половины XX в. классовый принцип деления общества не позволяет раскрыть основные характеристики рабочих Урала. Понятие «рабочий класс» правомерно рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. В самом деле, в период войн и революций (1914—1920 гг.) рабочий класс Урала вступает будучи расколотым по сословному, религиозному, национальному признакам. Достаточно велики были различия между рабочими, проживавшими в городах и в заводских поселках. Концентрация трех четвертей рабочих Урала в заводских поселках позволяет говорить о своеобразной «поселковой цивилизации», промежуточном звене между городом и деревней. Рельефны были и различия у заводских (около 40% всех рабочих промышленности) и вспомогательных рабочих (60%).

И.В.Нарским высказано и аргументировано мнение о невысоком влиянии политических партий на жителей Урала перед первой мировой войной[9]. Но необходимо учитывать ряд факторов. Во-первых, степень политизации рабочего класса превосходила степень вовлеченности рабочих в политические партии. Во-вторых, на долю РСДРП — леворадикальной партии — приходилось менее трети всех ее членов на Урале, но две трети политических организаций в за-

водских поселках [10]. В-третьих, именно РСДРП систематически акцентировала свою пропаганду на проблемах законодательства по рабочему вопросу. Известно, что социальная программа в этой области была декларирована законом 1912 г., но так и не реализована в полном объеме к 1917 г. Все это позволяло небольшому числу социал-демократов (1200 чел. в 1911—1916 гг.) удерживать влияние в рабочей среде. Казалось бы, жители городов и заводских поселков составляли весьма небольшую часть населения Урала в 1913 г., однако в административных и экономических центрах края при незначительном слое представителей среднего класса и интеллигенции (специфике Урала) преобладал рабочий класс. Отсюда политическое влияние леворадикальной партии в рабочей среде несло потенциальную угрозу для существующего строя. Можно согласиться с мнением В.Г. Железкина о том, что в 1900—1917 гг. прослеживается тенденция к выравниванию правового положения рабочих [11]. Однако не следует забывать, что социальное страхование по закону 1912 г. не коснулось рабочих лесной, строительной, золотодобывающих отраслей, предприятий с числом рабочих менее 20. Таким образом, наряду с сословным, профессиональным, религиозным делением рабочего класса следует отметить и деление по степени социальной защищенности.

Период 1914—1920 гг. знаменателен не только откатом назад хода модернизации в России. В эти годы страна лишается части тех социальных слоев, которые выступали как носители модернизации. Выделим некоторые особенности данного периода. В годы первой мировой войны формируется тот тип директивного управления экономикой, который найдет свое логическое завершение в командно-административной системе 30-х гг. Речь идет не только об определенных органах, но и о слое управленцев, идеологии, практике, традиции управления. В 1914—1917 гг. складывается практика использования принудительного труда в промышленности в широких масштабах. Любопытная деталь: удельный вес работников подневольного труда в 1916 — начале 1917 г. и в 30-е гг. был примерно одинаков и составлял 15—17% [12]. При возможной случайности совпадения процентов можно вывести закономерность: милитаризованная экономика допускает технический прогресс только по узкому диапазону отраслей. Отсюда, необходимость использования дешевого труда во вспомогательных производствах и «неосновных» отраслях. Вот почему в 1914—1917 гг. и в 30-е гг. мы наблюдаем следующую картину: в цехах заводов и за пределами цехов работают как бы два рабочих класса, причем работники подневольного труда используются прежде всего там, где государство экономит средства на механизацию производства: в лесной и строительной отраслях. Наконец, «революционное обновление» общества обернулось социальной катастрофой не только для бывшей правящей элиты, но и для того класса, который должен был стать носителем этого обновления. Известны данные по крупнейшему отряду рабочего класса России — питерским рабочим: из 380 тыс. промышленных рабочих, покинувших производство в 1918—1920 гг., только 80 тыс. вернулось на заводы после окончания гражданской войны [13]. Близки к данным показателям и потери уральских рабочих. На Урале 1913—1920 гг. больше всего пострадала горнозаводская промышленность, потерявшая

68% рабочих (73% к 1917 г.). Эти потери превышали соответствующий общероссийский показатель — 50% [14]. Таким образом, тот класс, который правящая партия рассматривала как авангард всего общества, утратил значительную часть своего состава.

Следующий этап модернизации России (1921—1928 гг.) определялся прежде всего задачами восстановления довоенного уровня народного хозяйства, численности рабочего класса, стабилизации социальных отношений, разрушенных в 1917—1920 гг. Казалось бы, существовали благоприятные условия для проведения модернизации в рамках НЭПа. В 20-е гг. мир вступил в этап сокращения военных расходов и армий, нового экономического подъема. Набирала темпы (прежде всего в США) третья крупная модернизация — позднеиндустриальная, — связанная с преобразованием процесса труда на основе научной инженерной организации, поточно-конвейерного производства, ориентированного на массовый выпуск стандартной продукции [15]. Возобновление дипломатических связей России с Западом позволяло использовать, как и прежде, новейшие достижения в области техники, технологии, подготовки кадров. Внешнеполитический фактор для модернизации догоняющего типа играл (добавим — и будет играть впоследствии) заметную роль. Что касается внутренних факторов, отметим такие, как сохранение определенной части предпринимательских слоев, интеллигенции; политическую стабилизацию в стране. Большинство управленцев советских экономических органов составляли специалисты дореволюционного времени. Несмотря на колоссальные потери в 1914—1920 гг. шел процесс консолидации рабочего класса. Характерным отличием данного периода было восстановление рядов рабочих в основном на собственной основе. К концу периода НЭПа три четверти рабочих-металлистов Урала (т.е. металлургов, машиностроителей, собственно металлистов) по социальному происхождению являлись потомственными пролетариями [16].

Прослеживается дальнейшее сокращение удельного веса рабочих, имевших собственный надел и посевы. Этот показатель с 45% в 1916 г. сократился до 24,8% в 1928 г. Правда, огород и домашний скот оставались серьезным подспорьем, обеспечивая в 1928 г. 70—90% потребностей рабочих семей в овощах, молоке и яйцах [17].

Заметно расхождение динамики восстановления количественных и качественных характеристик рабочего класса Урала. Если довоенный уровень его численности был достигнут в 1926 г., то ситуация с уровнем квалификации была иная. Уже в начале XX в. в среднем 60% занятых на предприятиях горнозаводской промышленности (в пределах заводской черты) составляли квалифицированные рабочие [18]. Оговорка — в пределах заводской черты — существенна: вспомогательные рабочие, как правило, имели низкую квалификацию и работали часть года. То же самое можно сказать и об основной массе рабочих лесной и угольной отраслей [19]. К концу периода НЭПа (1928 г.) число квалифицированных рабочих в промышленности Урала не превышало 30,6% [20]. Отмечая разнородность сравниваемых величин (рабочих заводов в одном случае и рабочих всей промышленности в другом), обратим внимание на сокращение удельного веса вспомогательных рабочих за 20-е гг. Однако и

эта проблема (невысокий квалификационный уровень) могла быть успешно решена. Политика НЭПа нашла свое логическое выражение в первом пятилетнем плане. По своей сути это был достаточно реалистический вариант модернизации страны, предусматривавший сбалансированное развитие экономической, социальной, культурной сфер. Характерно, что начало пятилетки совпало с введением (с 1928 г.) сокращенной рабочей недели. В политической сфере сохранялась монополия на власть одной партии. Но именно здесь в конце 20-х гг. происходит разрыв в цепи модернизации. Репрессии против специалистов и предпринимателей вновь лишили Россию значительной части носителей модернизации. Массовый прием рабочих в ряды ВКП(б) в 1924—1925 гг. (до четверти всех рабочих крупной промышленности)[21] снизил и без того невысокий интеллектуальный уровень правящей партии. Это и помогло Сталину и его сторонникам навязать обществу перемену курса развития: отказ от НЭПа. Фактически модернизация как системное явление была подменена форсированной индустриализацией. Отсюда логично выделение периода 1929 — июня 1941 гг. как особого этапа модернизации России.

Форсированная индустриализация способствовала созданию на Урале многоотраслевого промышленного комплекса. Однако, наряду со старой болезнью — слабым развитием легкой промышленности, уральский индустриальный комплекс получил отчетливо выраженный военный уклон. Как известно, в 30-е гг. степень милитаризации народного хозяйства СССР заметно увеличилась: так, например, доля прямых военных расходов в величине национального дохода за 1937—1940 гг. выросла с 8,3 до 22,1% [22]. Только в результате реконструкции и строительства новых цехов на Уралмаше, Уралвагонзаводе, Воткинском машиностроительном, а также на двух заводах Украины — Ново-Краматорском и Ново-Черкасском, в 1939—1940 гг. удалось в 1,5-2 увеличить мощности по производству стволов для артиллерийской промышленности [23]. Милитаризации экономики должна была соответствовать и милитаризация труда. Указ Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. фактически предвзял военизацию режима работы всех государственных предприятий и вводил прикрепление рабочих к заводам.

Таким образом, для рабочих Урала, как и для СССР в целом, принципиальными характеристиками стали прикрепление к своим предприятиям и (для значительной части) милитаризация труда на оборонных производствах. Но технический прогресс не мог не изменить социальный состав рабочего класса в крае. Отмечались количественные изменения — рост рабочего класса Урала за 1927/28—1940 гг. почти в 3 раза [24]; отраслевые сдвиги — крупнейшим отрядом рабочих края стали машиностроители [25]; изменения в культурно-техническом уровне рабочих кадров Урала к 1941 г. [26]. Однако в данном случае эти, сами по себе существенные перемены, выступают как вторичные факторы. Первичными становятся те изменения в социальном облике рабочих, которые более всего были связаны с характером советского государства — главного носителя модернизации. С конца 20-х гг. курс сталинского руководства приобретает все более выраженную антирыночную, антигуманистическую направленность. Если в 1900—1913 гг. механизм государственного принуждения

постепенно слабеет, то в 1929—1941 гг. прослеживается обратная картина. Если предпринимательские слои России в начале XX в. выступали активными носителями модернизации, то этого нельзя сказать о советском рабочем классе в целом.

В советском (этакратическом) обществе само понятие «рабочий класс» также нуждается в уточнении. Поскольку собственность в СССР была национализирована, постольку исчезла и сама база для деления на классы. Классовые признаки становятся вторичными. На первый план в этакратическом обществе выходит этакратический тип стратификации. Согласно данному делению общества, дифференциация между социальными группами происходит прежде всего в соответствии с их положением во властно-государственной иерархии. На практике это означает, что часть рабочего класса пополняет правящую элиту. О масштабности такого явления мы можем говорить только применительно к узловым моментам истории России и Урала в период 1914—1941 гг. Если в 1917—1920 гг. «орбочивание» правящего слоя усилило социальную направленность политики советской власти, то в 30-е гг. рабочее пополнение растворилось в уже сформировавшемся огромном и малокомпетентном чиновничьем аппарате.

Не вызывает сомнения, что определенную часть рабочего класса России увлек социалистический проект переустройства общества. Данную часть объективно можно рассматривать как одного из носителей модернизации. Без поддержки этого слоя рабочих были бы невозможны те итоги индустриализации, которые можно отнести к позитивным. Сколь велика была его численность? Известны границы слоя наиболее активных сторонников социалистического проекта модернизации — рабочих-партийцев. Численность данной социальной группы вырастает с 200 тыс. чел. в 1917 г. до примерно 2 млн в начале 30-х гг.[27]. На Урале 21,5 тыс. рабочих (к 1933 г.) были выдвинуты на руководящую работу, в том числе 2 тыс. стали директорами предприятий и учреждений[28]. Говорит ли этот факт об усилении «ведущей роли рабочего класса» в советском обществе? Единственное, с чем можно согласиться, так это с тем, что у рабочих-партийцев курс на «социалистическую» индустриализацию рождал представление о героическом ореоле, окружавшем производственную деятельность.

Бесспорно, это способствовало появлению новых стимулов к труду, к получению технических знаний. По меньшей мере 1 млн рабочих-выдвиженцев, вошедших в управленческий аппарат, и примерно равный им по численности слой рабочих-коммунистов на производстве находились в привилегированном положении по отношению к основной массе трудящихся. Характерно, что в 20-е гг. дифференциация между социальными группами проходила не столько по материальному благосостоянию, сколько по степени близости к власти. В 30-е гг. рабочие-выдвиженцы растворились в бюрократическом аппарате, а рабочне-партийцы в своей основной массе вошли в слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев. Сумма отличий в оплате труда, бытовых условиях, положении в коллективе выросла настолько, что в первом случае можно говорить о том, что режим поглотил активную часть рабочего класса. Во втором

случае справедливо отметить становление сословия «советской рабочей аристократии». На практике это означало, что определенные слои рабочих получали большую, чем рабочий класс в целом, долю материальных и моральных благ, в рамках включенности либо в политическую (принадлежность к правящей партии), либо в экономическую (приоритетный завод), либо в социально-экономическую корпорацию (например стахановское движение). Именно этот слой рабочих нацеливался на различные формы и виды послешкольного обучения и, как следствие, на выдвижение низовые руководящие должности на производстве. Характерно, что правящая партия рассматривала бригадиров и мастеров на производстве свою социальную опору в рабочей среде, как пропагандистов коммунистических идей. На наш взгляд, правомерно говорить о названной социальной группе, как о «советской рабочей аристократии».

Иные типы стратификации (физико-генетический, социально-профессиональный, культурно-символический и др.) носят второстепенный характер. В этом специфика СССР, так как формирование страт по данным признакам — явление мирового порядка и носит глобальный характер. В СССР в 20—30-е гг. XX в. формирование страт внутри рабочего класса пошло по другому пути. Власть разделила рабочих на социальные группы в зависимости от политической лояльности режиму, социального происхождения, места проживания, рода занятий. Прикрепив рабочих к месту проживания и месту работы, сталинский режим фактически превратил их в ряд сословий, определявшихся по их отношению к советской власти.

Особым сословием выступал такой специфический отряд, как заключенные и спецпереселенцы. Введенные В.Н. Земсковым в научный оборот цифры говорят о его многочисленности. По меньшей мере 10% рабочих народного хозяйства СССР в 30-е гг. относились к категории лиц принудительного труда; на Урале — от 20% всех рабочих региона[29], до 20% рабочих в лесной, горнорудной и угледобывающих отраслях[30]. По нашим подсчетам, в 30-е гг. доля подневольного труда составляла 15—17% от всех рабочих края. Разница в подсчетах объясняется высокой смертностью среди заключенных и спецпереселенцев, по-разному отраженной в статистике.

Война против собственного народа лишила экономику того количества рабочих, на которое рассчитывали вожди. Невффективность принудительного труда в конечном итоге будет вынуждено признать руководство СССР в 1953 г. С опозданием на эпоху. Что же касается 30-х гг., то ни один социальный слой в СССР не мог чувствовать себя в безопасности. В 1934—1938 гг. не менее 2/3 рабочих-партийцев оказалось вне партии, вне власти, вне правящей элиты, а нередко и за чертой жизни. Данный слой рабочих продолжал себя рассматривать как приводной ремень от народа к государству и партии. Сталинский режим требовал послушных исполнителей. Итог оказался иным, чем замышляло руководство ВКП(б). Истребление значительной части большевизированного слоя рабочего класса лишило власть большого числа носителей модернизации. Постоянное выдавливание из рабочего класса кадров для быстрорастущего аппарата усиливало некомпетентность управленцев. Наконец, во второй половине 30-х гг. быстро сокращается партийная прослойка среди промышленных рабочих. К ян-

варю 1941 г. среди рабочих крупной промышленности Урала число членов ВКП(б) не превышало 4%. Власть добилась от рабочих СССР послушности, повиновения приказам. Но такой рабочий класс не мог стать носителем модернизации.

Итак, власть, провозгласившая лозунг бесклассового общества, фактически восстановила сословный строй. Разнонаправленность интересов различных социальных слоев и государства не учитывалась властью в процессе выработки курса модернизации. В результате раскол общества не мог не затормозить сам ее процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лейбович О.А. Модернизация в России (К методологии изучения современной отечественной истории). Пермь: ЗУУНЦ, 1996.
2. Там же. С. 101.
3. Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии, 1998. № 7. С.11.
4. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914—1929. М., 1993.
5. Дмитриев А.В. Основные направления социально-экономического развития Урала в период монополистического капитализма // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992. С. 134.
6. Демин В.А. Государственная Дума России 1906—1917: механизм функционирования. М., 1996.
7. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России в конце XIX в. — 1914 г. М., 1992. С.149.
8. Дмитриев А.В. Основные направления социально-экономического развития Урала в период монополистического капитализма... С. 135.
9. Нарский И.В. Политические партии в российской провинции (Урал, 1901—1916 гг.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII—XX вв. Челябинск, 1997.
10. Там же. С. 127—128.
11. Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900—1917) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма. Свердловск, 1991. С.122.
12. Подсчитано по: Рафиков И.К. Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала (1917—1920) // Формирование и становление советского рабочего класса. Свердловск, 1989. С. 23-24; Кириллов В.М. История репрессий на Урале (1920 — начало 50-х). Дисс. ... док. ист. наук. Н. Тагил, 1996. С. 228.
13. Советское общество: возникновение и развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 35—36.
14. История советского рабочего класса. В 6 т. М., 1984. Т. 2. С. 112—113, 304.
15. Алексеев В.В. Россия в контексте модернизации // Российская модернизация XIX—XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997. С. 7.
16. Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932). М., 1971. С. 67.
17. Там же. С. 69; Постников С.П. Модернизация социальной структуры на рубеже 20—30-х гг. (на примере Урала) // Формирование и становление советского рабочего класса... С. 102.

18. Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма. 1861—1900. М., 1985. С. 120.
19. Там же. С. 121—122.
20. Постников С. П. Модернизация социальной структуры на рубеже 20—30-х гг. (на примере Урала)... С. 102.
21. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал... С. 77.
22. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. М., 1996. С. 133.
23. Там же. С. 127.
24. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 84, 87.
25. Там же.
26. Фельдман М. А. К вопросу о культурно-техническом уровне рабочего класса Урала в годы третьей пятилетки // Индустриальные кадры Урала в условиях социализма. 1937—1980. Свердловск, 1986.
27. История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 2. С. 304, 306.
28. Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974. С. 164.
29. Бакунин А. В., Бедель А. Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994. С. 44.
30. Постников С. П. Модернизация социальной структуры на рубеже 20—30-х гг. (на примере Урала)... С. 98.

THE URALS' WORKING CLASS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION IN THE 1900s—1940s.

The article contains the attempt to compare the peculiarities of the modernization process both the Czarist and Soviet periods, so revealing general as well as specific features. The author examines the history of the Urals' working class in the context of modernization, determining sources, forms and stages of the modernization during 1900—1941. By using the theory of social stratification, the author identifies various groups within the working class and their respective attitudes in perceiving the modernization process. The article affirms that the diverging interests of various social groups hindered the process of modernization in the USSR.

M. A. Fel'dman

РЕФОРМЫ 1950–1960-Х гг. В КОНТЕКСТЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

При изучении отдельных исторических сюжетов перед исследователем встает проблема применимости избранной им теоретической модели. Модель модернизации в этом смысле не является исключением. Она представляет собой абстрактную концепцию всеобщего исторического процесса перехода общества из традиционного состояния в индустриальное. Эта концепция позволяет выделять национальные особенности модернизации: британской, немецкой, или российской. Сложности возникают тогда, когда историк пытается в терминах модернизации определить конкретную историческую проблему. Модернизационные процессы разворачиваются в течение десятилетий на протяжении жизни нескольких поколений. Обнаруживать их присутствие в каждом конкретном эпизоде — значит руководствоваться той же методологией, что и незадачливые последователи Маркса, пытавшиеся истолковать дворцовые перевороты в России с позиций классовой борьбы, либо как отражение на политическом уровне изменений в экономическом базисе общества.

В этом смысле ключевой проблемой является определение «клеточки» исторического процесса, то есть той его части (пространственной, временной, событийной), внутри которой основные тенденции модернизации действительно проявляют себя и, стало быть, их можно описать. Процесс модернизации динамичен и неравномерен, поэтому весьма сложно найти временной критерий. Более продуктивной представляется гипотеза, согласно которой «клеточку» модернизации можно обнаружить на основе событийного ряда, в соответствии с характером исторического действия. Не продолжительность, но содержание исторических событий является здесь главным аргументом. С этой точки зрения, «клеточку» модернизации образуют реформы, имеющие общесоциальное и общенациональное значение. Что касается временной протяженности, то она определяется конкретно-исторически. Эпохи реформ в истории России XIX–XX вв. продолжались не более 10–15 лет. В реформах такого масштаба можно обнаружить все компоненты модернизационного процесса. Инициативы властной элиты, по-новому решающей накопившиеся проблемы. Проверка этих инициатив обществом на предмет их органичности. Конфликты между различными социокультурными группами по поводу институциональных изменений. Внедрение новых социальных институтов с адаптацией их к наличной социокультурной системе. Последующая их критика со стороны традиционалистов и новаторов. Наконец, формирование следующей серии социальных проблем. Естественно, речь идет о реформах, осуществляемых внутри модернизационного процесса, в соответствующем пространственно-временном континууме, ориентированных на развитие и укрепление институтов современного общества.

Для историка реформа представляет собой единицу анализа, в которой допустимо использовать понятийный аппарат концепции модернизации. С этой точки зрения, представляется правомерным анализировать историческую полосу

развития советского общества, расположенную между мартом 1953 г. и октябрем 1964 г., в контексте теоретической модели модернизации. Основным содержанием этого периода являются реформы, коснувшиеся всех сторон жизни общества: от политических институтов до сферы повседневности. Они принадлежат социалистическому циклу отечественной модернизации. Влияние реформ на его последующую судьбу представляется целесообразным обсудить далее. Здесь можно ограничиться указанием на то, что именно социалистические институты создали историческое поле реформ определили их истоки, содержание и процедуры принятия. В связи с этим правомерно хотя бы в тезисной форме представить наше понимание социалистического цикла модернизации.

Термин «социалистический цикл модернизации» нуждается в разъяснении. В литературе оспариваются все его составляющие. Достаточно вспомнить, например, мнение Ю. Козырева, согласно которому в СССР и зависимых от него странах Восточной и Центральной Европы модернизация имела ярко выраженный нефеодалный характер, так как означала «огосударствление собственности и превращение в связи с этим государства в «суперфеодала», вольного в лице чиновного сословия распоряжаться судьбами своих подданных... — новых крепостных людей, отчужденных от собственности, (а значит и от власти) и в силу этого не защищенных от внеэкономического принуждения, правового «беспредела», являющегося (наряду с концентрацией собственности) в руках феодалов и, соответственно, «номенклатуры», государственных чиновников, главным атрибутом феодальной организации»[1]. Для В. Красильщикова «модернизация неотделима от капитализма»[2]. Вместо «цикла» большинство авторов употребляют иные термины: «этап», «ступень», «фаза».

По мнению автора, эти аргументы исходят из двух положений: непрерывности процесса модернизации и отсутствия исторической специфики социализма. В России процесс модернизации дискретен. Каждый этап ее отделен от другого полосой социальной катастрофы, во время которой разрушаются модернизационные социальные институты. После нее общество вновь приступает к решению тех же самых социальных задач, но уже иными средствами и, самое главное, с отодвинутого назад старта. Так было в 20-е гг. Это происходит и на наших глазах в 90-е гг. Далее, исторический период между двумя катастрофами характеризовался доминированием социалистических институтов, которые не были тождественны феодальным, хотя и обладали некоторым их подобием. Суждение В. Красильщикова неоспоримо в большой исторической перспективе, что не исключает существование иных промежуточных вариантов развития.

Социалистический цикл модернизации характеризуется следующими чертами.

- Его инициатором, организатором, движущей силой являются властные институты, под которыми здесь понимаются не только соответствующие учреждения, но и исполняющие в них социальные функции вполне конкретные исторические персонажи.
- Политика модернизации реализуется в социалистических идейных одеждах.
- В технологии модернизации преобладают силовые методы, включающие в себя как политику репрессий, так и применение пропаганды.

- Власть придает модернизации узко индустриальную направленность, сопряженную с рационализацией системы управления. Все остальные компоненты модернизации рассматриваются как второстепенные, служебные или непримлемые.
- Модернизация осуществляется в различных сферах общественной жизни крайне неравномерно. Речь идет не только о движении к современному обществу на разных скоростях, но и о попятных тенденциях в сторону традиционалистских форм общественной жизни.
- Последствия модернизации отличаются крайней неоднородностью. Их можно условно поделить на два класса: инициированные и легитимизированные властью, вроде системы общего образования, и спонтанно сложившиеся в обществе новые институты, регулирующие, например, частную жизнь горожан. У них единая природа, но различная судьба. Первые имеют тенденцию к затуханию. Вторые обладают большей стабильностью и временной протяженностью, но по своему социальному содержанию выходят за рамки социалистических институтов, содержат в себе фермент их разрушения.

Разумеется, речь идет о некоторых обобщенных характеристиках модернизации. Реальная историческая действительность много богаче и противоречивее. В разные периоды советской истории эти черты проступают в иной мере и в неодинаковых сочетаниях. Имеет смысл поэтому сформулировать проблему конкретно-исторических моделей социалистической модернизации: их особенностей, эффективности, степени соответствия базовым основаниям, причинам обновления. Нас интересует рубеж 40—50-х гг. Именно в этот исторический период закладывались не только предпосылки реформ, но и формировались тенденции, получившие развитие в последующую эпоху. Мы исходим из того, что истоки реформ советского общества коренились в кризисе сталинской модели модернизации страны. Эта модель отличается жесткой ориентацией власти на проведение первичной индустриализации силовыми методами, исключавшими какую бы то ни было индивидуальную или групповую инициативу, если последняя не санкционирована сверху. Власть в высшей степени централизована и персонафицирована. В сталинской модели модернизации действуют по преимуществу доктринальные и внешнеполитические стимулы. Первые определяются социалистической традицией. От нее вождь и его свита не могут уйти, поскольку именно она легитимизирует их притязания на власть. Есть в социалистической традиции и иной аспект. Она заложила основы языка, позволявшего людям власти интерпретировать социально-политические проблемы и обеспечивавшего необходимые коммуникации внутри аппарата и за его пределами. При всех переменах идеологического курса социалистическая традиция была тем остовом, от которого власть не могла, да и не пыталась уйти.

Можно согласиться с мнением Ю. Каграманова, согласно которому сталинцы от коммунистической идеи сохранили для себя только имя: «Чужое имя, взятое в качестве псевдонима, тоже кое к чему обязывало.... Сохранив коммунистическое обличье, сталинский режим не мог быть тем, чем он хотел быть своею «задней мыслью»; обличье «давило» на содержание»[3]. Иначе говоря,

Сталин мог руководствоваться в политических шагах державной идеей или просто прислушиваться к своим фобиям, но в обоих случаях социалистическая традиция определяла и символическую форму и связанное с ней смысловое значение политических акций. К таким акциям относилась и политика модернизации. Напомним, что в рамках принятой доктрины модернизация сводилась к индустриализации народного хозяйства.

Сталинское руководство к началу 50-х гг. лишилось важнейшего стимула для продолжения этой политики. В контексте социалистической традиции модернизация была не более чем средством для утверждения социалистических отношений. В начале 50-х гг. эта задача была решена. В экономической сфере обобществление достигает своих пределов. Плановая система охватывает все хозяйственные единицы. Госплан РСФСР отдельной строкой планирует для городских животноводческих товариществ численность участников, но не поголовья скота [4]. Все граждане находятся на службе у государства, объединены в коллективы. Для стороннего наблюдателя советские люди даже внешне похожи. «Исчезновение классов — впечатляющая очевидность: все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви, — такой видит московскую толпу Г. Маркес. — Чувство титанизма, навык массовой организованности, видимо, составляет важнейшую часть психологии советских людей» [5]. На самом деле личная жизнь людей органически входит в жизнь общественную. Партийные организации мирят супругов, подсказывают, как воспитывать детей, приглядывают за досугом. Коллективистские начала вытеснили частные из всех жизненных сфер. Экономика, политика, наука, семья были слиты воедино настолько, что утратили, автономность своего существования. СССР напоминает в начале 50-х гг. если и не фабрику размерами в 1/6 части суши, то такой же по величине колхоз. Полная победа социализма означала и завершение социалистической модернизации. Более того, новые социальные отношения вполне устраивали многочисленную армию начальников высшего, среднего и низового звеньев. Они хотели стабильности, дающей им право в полной мере пользоваться благоприобретенными привилегиями: кормиться за счет вверенного их попечению населения, использовать подчиненных для удовлетворения личных нужд, обзаводиться предметами роскоши, жить в свое удовольствие. Партийные документы пестрят сообщениями о секретарях райкомов, заставляющими вспомнить гоголевских персонажей.

Вот супруга районного хозяина берет без денег из магазина бутылку «Кагора», из столовой 100 лиц, на базе — печенье и кисель, а впридачу и «различные личные вещи у работников торгова». Другой секретарь «сожительствовавал с тов. К. — бывшей зав. Отделом ГК КПСС, а когда у нее появился ребенок, он заставил ее написать заявление об увольнении и отправил из города... Работников ГК партии т.т. Р. и П., что знали о данном факте, уволил из ГК КПСС» [6].

В 30-х гг. существовал еще один стимул для индустриальной модернизации — догнать и перегнать буржуазную Европу в техническом и военном отношении. «Отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим», — (И.В.Сталин) [7]. После войны образ мира в голове главного персонажа со-

ветской истории изменялся, что было немедленно растиражировано пропагандой. СССР превратился в самую передовую державу, в том числе и в техническом отношении. Запад разлагается, загнивает и, стало быть, безнадежно отстает. Состязание и на этом участке борьбы можно считать выигранным. Такое виденье мира не позволяло использовать в широких масштабах достижения западных технологий (в прежние годы важнейший фактор нашего технического и организационного прогресса). Оставались две отрасли промышленности, где специалистам было позволено реально оценивать ситуацию и пользоваться западными разработками: атомная и ракетная.

Таким образом, власть утратила интерес к политике модернизации по причинам, имеющим социокультурное основание. В этом пункте можно обнаружить совпадение взглядов Сталина и местных аппаратчиков. Выходцы из деревни, едва освоившие политтрамоту, типичные маргиналы по своему социокультурному облику, они испытывали страх перед городскими и индустриальными формами жизни, чуждались и побаивались образованных людей, тяготились перешедшим к ним по наследству аскетическим образом жизни и приспособляли социалистический рационализм к житейскому опыту. Эти люди составляли фундамент сталинского политического режима в 50-х гг. Они пришли на смену предшествующим поколениям государственных функционеров: профессиональным революционерам и «советским американцам» эпохи индустриализации. А.Воронский, заставший начало недолгого политического взлета последних, назвал их реалистами: «Новое поколение усвоило пока марксизм поверхностно, внешне... Что выйдет в итоге из этих новых реалистов, в конечном счете, зависит от социалистической революции на Западе и в России. При неблагоприятном обороте все это может выродиться в узкий американизм, в деячество «без всяких изюмов», в грюндерство худшего сорта. Отсутствие склонности к рефлексии при этом может превратиться в свободу от всякой идейности, а некоторое равнодушие к «музе мести и печали» — в черствое, жестокое отношение к бабкам и мужикам»[8].

Впрочем, политическая судьба «советских американцев» была менее трагичной, чем их предшественников. Понеся громадные потери во время «большой чистки», они, тем не менее, сохранили некоторое влияние в хозяйственном аппарате. Для управления военной промышленностью нужны были люди, умеющие читать чертежи, имеющие вкус к решению инженерных задач, способные сделать выбор между несколькими конструкторскими проектами. К принятию политических решений их не допускали. Для роли политических функционеров они тоже не годились. В партийных и советских инстанциях ключевые позиции принадлежали «крепким мужичкам», которые при всей своей покладистости не умели и не хотели исполнять роль агентов власти для проведения дальнейшей модернизации.

В то же время остановка на этом пути обострила социальную и экономическую ситуацию в стране до такой степени, что ставила под угрозу устои режима. Наследники Сталина столкнулись с тяжелейшими проблемами. Перед властью имущими постоянно возникал призрак голода. Сельское хозяйство страны находилось в таком состоянии, что не могло обеспечить даже простого воспро-

изводства. Поголовье скота сохранялось на уровне 1916 г. Урожайность зерновых культур не изменилась с начала века. В 1952 г., например, урожайность в Молотовской области, составляла 2,43 ц с гектара посевной площади[9].

Значительная часть сельского населения пребывала в бедственном положении. Новые формы организации сельскохозяйственного производства законсервировали традиционный быт, некогда свойственный беднейшим слоям русской общинной деревни. Мы располагаем любопытнейшим документальным свидетельством на этот счет. В начале 1954 г. Молотовский медицинский институт послал две бригады сотрудников для обследования населения Кочевского района. Медяки проявили дотошность, скрупулезность и профессионализм. В результате их усилий родилась «Докладная записка» на имя секретаря обкома, крайне рассердившая адресата. Приведем несколько выдержек из нее. «В 1952 г. колхозники получили на трудодень в среднем около 1 кг зерна. В ряде колхозов меньше одного килограмма... Хорошее питание выявлено только у 29% обследованных семей колхозников; удовлетворительное питание у 50,5% семей; плохое питание, совершенно недостаточное как в качественном, так и в количественном отношении, выявлено у 20,5% семей. Большинство колхозников выпекают хлеб с различными примесями, совершенно неудовлетворительного качества. 46% всех жилищ колхозников содержится грязно, кровати имеются только в 41,5% жилищ. Население очень плохо обеспечено одеждой и обувью по сезону. Подавляющее большинство сельского населения ходят в лаптях. Около 40% сельского населения совсем не имеют нательного белья... У 11% населения выявлена завшивленность. У 87% дворов колхозников нет совсем уборных, помойных ям нет нигде... Надо отметить, что в Кочевском районе, расположенном в 89 км от г. Кудымкара, нет рынка»[10].

Бригады медиков прибыли в Кочевский район из областного центра, который по степени благоустройства напоминал шахтерский поселок в Англии эпохи ранней индустриализации, только много больший по размерам и численности населения. Средняя обеспеченность жилой площадью на человека в г. Молотове равнялась двум сажням, около 4,5 кв. м. 20% жилищного фонда было обеспечено водопроводом, 18% канализацией, 5% центральным отоплением. Витрины центрального гастронома были заполнены деликатесами, но в продаже не было ни картофеля, ни овощей[11].

Бедность, в которой проживало большинство городского и сельского населения, становилась фактором политическим. Давали свои силовые методы побуждения к труду. Сотрудники Молотовского УМВД жаловались на низкий уровень производительности труда в лагерях: «Руководство лагерей и лагерных подразделений работу механизмов отдало на откуп контингенту, а последний, будучи бесконтрольным, использует механизмы, как ему вздумается, без напряжения»[12].

Заклоченные ломали машины, как это делали барщинные крестьяне в прошлом веке. Колхозников же начальство выгоняло на поле угрозами и физическим насилием. Прокурор Молотовской области М.В. Яковлев рассказывал на пленуме обкома про одного колхозного председателя, который «систематически занимался пьянством и избиением колхозников. Так им был избит 75-летний

колхозник Пудов за невыход на работу. 78-летнего колхозника Макарова беспричинно отругал и избил кулаком по лицу»[13].

Судя по позднейшим воспоминаниям Хрущева, Сталин имел обыкновение бранить своих сотрудников «приготовишками от марксизма» или «политическими младенцами». Если второе суждение можно оспорить, то первое кажется точной характеристикой теоретического уровня его ближайших соратников. Людями они были необразованными. Некоторые попросту малограмотными. Марксизм для них был чем-то вроде Священного писания для сельских батюшек — символ веры, внушающий почтение и страх своей неизреченной мудростью. Именно такое отношение и помогло наследникам Сталина приступить к реформированию системы. Они не могли исходить из буквы теории, поскольку, кроме всего прочего, были о ней слабо осведомлены. Представления этих людей о социализме были сродни народным. Для них социализм, кроме всего прочего, ассоциировался с зажиточностью.

М.Ромма позабавила фраза Н.С. Хрущева, произнесенная на одном из митингов: «Идеи Маркса — это, конечно, хорошо, но ежели их смазать свиным салом, то будет еще лучше»[14]. М. Ромм еще в сталинские времена получил титул народного артиста СССР и решил для себя проблему «ножа и вилок». Его ирония с этой точки зрения вполне объяснима. Другое дело, что для подавляющего большинства населения соединение идей Маркса со шпиготом было оправдано не только стилистически, но и исторически.

Сталинские соратники, оставшиеся без поводыря, реагировали на проблемы более непосредственно, нежели теоретики, сверявшие каждый свой шаг с доктриной. Г.М. Маленков, А.П. Берия, Н.С. Хрущев были единодушны в том, что политику следует поменять, иначе ситуация в стране может выйти из-под контроля. Конечно, никто из них не задумывался о модернизации страны. Они не употребляли и слово «реформы». Просто, сталинское наследие казалось таким тяжелым и опасным, что никому из них не хотелось принимать его в полном и неизменном виде. Роль Сталина, бывшего не столько символом, сколько средоточием террористического политического режима, также была им не по плечу. В пределах существующей персонифицированной политической культуры «коллективный Сталин» не мог состояться. Под давлением обстоятельств наследники его с первых дней начали вносить коррективы в сложившуюся политическую практику. Они не только прекратили «дело врачей», но и осудили террор. Уже в июле 1953 г. это слово для партийных функционеров стало означать нечто дурное и зловещее. «Это делалось для террора», — на пленуме ЦК возмущался Н.С. Хрущев[15]. Что касается стратегии дальнейших действий, то здесь пути советских иерархов разошлись, вопреки мнению В. Бруса, утверждавшего, что три претендента на высшую власть (Берия, Маленков и Хрущев) «выступили, или попытались выступить, по сути дела с одинаковой программой»[16].

А.П.Берия был сторонником проведения политической реформы в масштабах Союза, прежде всего в области межнациональных отношений. Он настаивал на изменении политических ритуалов и фактически навязывал Президиуму ЦК решение отказаться «от оформления портретами колонн демонстрантов, а

также зданий, предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников»[17]. Заметим, что менее всего он занимался делами своего министерства. Здесь речь шла о запрете пыток и о передаче части функций в Министерство юстиции[18]. Слияние аппаратов МВД и МГБ не было реализовано даже в областном звене. В августе 1953 г. секретарь Молотовского обкома сообщал в ЦК, что «со стороны министерства не было никаких указаний, как работать по новой структуре»[19].

Г.М. Маленков был инициатором возвращения к тактике НЭПа в новых условиях. «Новый курс» Маленкова предполагал сокращение сельхозналогов, при Сталине превосходивших пресловутую продрозверстку, повышение закупочных цен на зерно, льготы для личного подсобного хозяйства, наконец, инвестиции в аграрный и промышленно-потребительский секторы экономики. В пределах этого курса колхозы получали большую самостоятельность, нежели прежде. В далекой перспективе «новый курс» приобретал рыночные очертания.

Н.С. Хрущев проявил себя среди претендентов на высшую власть самым большим приверженцем ранней сталинской модели модернизации. Он настаивал на индустриализации деревни. При сохранении сложившихся социальных отношений сельское хозяйство следовало оснастить новой техникой, прогрессивными культурами и технологиями, а также подготовленными кадрами. Н.С. Хрущев предлагал реализовать старую идею Сталина: превратить колхозы и совхозы в фабрики по производству зерна, мяса и молока. Полигоном для реализации индустриальной стратегии в деревне стала *целина*. Визитной карточкой новой сельскохозяйственной политики — *кукуруза*.

*Во всех областях и краях Союза
Начнет давать урожай кукуруза.
Эту культуру повсюду внедряй:
В каждую область и в каждый край.*

ЦК КПСС рекомендовал «всем редакторам газет» использовать эти стихи для «шапок, заголовков, плакатов» в апреле 1954 года[20].

Н.С. Хрущев одержал верх над своими соперниками во многом потому, что его программа более всего соответствовала поздней сталинской традиции и целиком и полностью уместилась в существующие властные структуры. Н.С. Хрущев придал новый импульс деятельности партийных инстанций. Областные и районные комитеты расширили свои функции в хозяйственной сфере. «Партийной работы в чистом виде не бывает, — поучал проштрафившихся молотовских функционеров Н.С. Хрущев. — Нам надо добиться такого положения, чтобы все наши партийные работники хорошо знали конкретные вопросы производства и всю свою работу вели бы на обеспечение изобилия продуктов питания, жилья, обуви для трудящихся»[21]. Экономическая политика, связанная с именем Н.С. Хрущева, в конечном счете, представляла собой компромисс между различными проектами. Ее основной составляющей была техническая реконструкция промышленности на основе импортных технологий и оригинальных отечественных научных разработок. Причем различные отрасли промышленности развивались неравномерно. Приток инвестиций в первую очередь был направлен на создание ракетно-ядерного и космического комплексов. Традици-

онные отрасли тяжелой и добывающей промышленности, за исключением нефтегазовой и химической, переживали застой. Оживление легкой промышленности было весьма слабым и непродолжительным. Индустриализация сельского хозяйства стала вторым по значению компонентом экономического курса. В этой области несмотря на резкое увеличение капиталовложений успехи оказались незначительными. Сельскохозяйственное производство в районах традиционного земледелия не вышло из кризисного состояния. Секретарь Молотовского обкома в апреле 1957 г. был вынужден признать: «По валовому производству зерна ни разу на протяжении 16 лет колхозы области не достигли уровня 1940 г.» [22]. Итоги новой сельскохозяйственной политике подвел хлебный кризис 1962 года.

Важнейшим средством для реализации экономической политики Н.С. Хрущев полагал реорганизацию системы управления на региональной основе. Совнархозы сохранили все дурные черты командной системы (многоступенчатую процедуру принятия решений, слабость экономических стимулов, ориентацию на директивные показатели) и добавили новые (местничество, свертывание межрегиональных связей). Над совнархозами возвышалась целая пирамида директивных инстанций: госкомитеты, экономические комиссии, советы, отделы ЦК. Один из ответственных работников Западноуральского совнархоза на совещании в Пермском обкоме напомнил, что «на самом деле десятки организаций, не объединенных общим органом, так или иначе, руководят промышленностью... Даже люди, постоянно имеющие общение с центральными органами, не всегда в состоянии разобраться, кто за что и в какой степени отвечает» [23].

С позиций экономической рациональности совнархозы были неудачным изобретением. В то же время они реализовали, пусть половинчато и непоследовательно, местные экономические интересы. Региональные элиты смогли при помощи совнархозов заявить о своих особых притязаниях и проблемах. Движение по этому пути вело к признанию частных интересов отдельных хозяйственных единиц и граждан. Совнархозы содержали в себе фермент разложения социалистической системы, которую были призваны укреплять. Здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий постоянно пытались самостоятельно преодолеть пороки плановой системы, завязывая противозаконные хозяйственные рыночные связи.

В начале 1960-х гг. органы внутренних дел получают директиву ЦК партии усилить борьбу с взяточничеством и разворовыванием народного добра. При обсуждении соответствующих мероприятий руководство пермской милиции признало факт существования «дельцов-посредников, прибывающих в Пермскую область за приобретением леса и строительных материалов... В распоряжении отдела имеются сведения о приобретении колхозами авторезины, запчастей к автомобилям, горюче-смазочных материалов и другого оборудования у частных лиц» [24].

В социальной сфере государственная политика отличалась крайней непоследовательностью. Через все хитросплетения правительственного курса можно штрих-пунктиром нанести линию освобождения граждан от докучливой государственной опеки. Открепление рабочих и инженерно-технического персонала от предприятий (апрель 1956 г.) явилось решающим шагом в этом направлении.

В то же время власти, одной рукой предоставляя гражданам право самостоятельно выбрать место работы, другой рукой вновь прикрепляют их к государственному сектору экономики. По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. вводилось уголовное преследование для тунеядцев, иначе говоря, лиц, систематически уклоняющихся от общественно-полезного труда. В эту категорию входили многочисленные категории граждан: *кустари*, спекулянты, частные предприниматели, владельцы личных автомашин, занимающиеся извозом, члены колхозов, занимающиеся выращиванием ранних овощей в ущерб колхозной работе, или работающие на других временных работах без согласия правления колхозов[25].

С 1958 г. партия выступает в поход против личных подсобных хозяйств городских и сельских жителей, а затем ужесточает контроль над мичуринскими обществами — городскими объединениями садоводов и огородников. Все должны жить на заработную плату. Политика в этой области экономической жизни сводилась к выравниванию доходов различных категорий работников. По расчетам Б.Н. Казанцева, за девять лет (1952—1960 гг.) денежный доход среднестатистической рабочей семьи увеличился на 29,2% [26]. Доля расходов на питание в семейном бюджете городского населения в 1962 г. составляла 40%. Причем, потребление белков животного происхождения едва превысило половину установленной медиками нормы. Даже хлеба и картофеля люди ели меньше, чем нужно[27].

Можно согласиться с мнением Э. Фитцера, что реформа заработной платы потерпела неудачу, так как не смогла ни поднять производительность труда, ни решить проблему занятости в машиностроительных отраслях[28]. Регламентация тарифов и окладов ужесточилась по сравнению со сталинским периодом. На рабочие протесты власть не обращала внимание. У нее были иные приоритеты: развитие общественных фондов потребления. Н.С. Хрущев прилагал все усилия, чтобы превратить СССР в полицейское государство в самом точном значении этого слова. В политической мысли XIX века полицейское государство ассоциировалось с всеобъемлющим государственным попечением подданных, получавших необходимые им жизненные ресурсы либо непосредственно от властных инстанций, либо по их инициативе, либо с их разрешения.

Социальная политика в 50—60-е гг. принимает вид казенной благотворительности, снисходящей от партии и правительства на все население, а также на отдельные его части; благотворительности, имевшей ярко выраженную эгалитаристскую направленность. Среди социальных проектов были неудачные, вроде несостоявшейся отмены налогов или отказа от принудительных займов. Однако власть, бесспорно, имела и достижения на этом поприще. Имеется в виду реформа пенсионной системы и широкая программа жилищного строительства. В 1957 г. была сформулирована новая законодательная норма, согласно которой семья получила право на отдельную квартиру. Начиная с этого года и в последующие 8 лет ежегодно 2—3 млн семей улучшают свои жилищные условия[29]. Тенденция к качественному совершенствованию социальной среды составляет наиболее привлекательную сторону этой исторической полосы развития. Она нашла свое выражение в снижении детской смертности. Из 1000

младенцев, родившихся в 1953 г., не доживали до года 68, в 1964 г. — 29 детей[30]. В 50—60-е гг. расширились шансы на получение образования для молодежи. Тем не менее, эгалитаристская социальная политика не смогла остановить процессов социальной дифференциации. Она переводила их на иной, более высокий уровень, поднимала «планку», с которой велся отсчет социальной мобильности, а кроме того, задавала формы, в которых эта дифференциация была легализована: преимущественный доступ к дефицитным товарам и услугам, например. В конце хрущевского правления таким дефицитным товаром стали белый хлеб и пшеничная мука.

Главным результатом политической реформы явилось создание партийного государства с упорядоченными властными институтами. Именно партийная вертикаль приводит в действие хозяйственные, военные, образовательные, научные, карательные и иные органы. Она обеспечивает тем самым единство всей властной системы. Скрепляющим винтом внутри нее можно считать аппарат областного комитета партии, возглавляемый первым секретарем. Он представляет область в центральном комитете, а также в Верховном совете республики или Союза, перед правительством и отдельными министерствами, плановой комиссией. Одновременно он распоряжается в местном совнархозе, контролирует работу всех областных инстанций и несет полную ответственность за все происходящее в области перед центром. Между партийными секретарями устанавливаются горизонтальные связи, складывающиеся в ходе постоянных контактов на пленумах ЦК, расширенных заседаниях его Президиума, сессиях Верховного совета. Формируется некое подобие политического клуба, в который входят по должности «хозяева областей». Они избавляются от взаимной подозрительности и отчуждения. Прекращение террористической практики делает их относительно независимыми и от центра. Эти люди дисциплинированы, но только до тех пор, пока не возникает угроза их корпоративным позициям. События 1957 и 1964 гг. свидетельствуют о том, что областные партийные секретари превращаются постепенно во влиятельную политическую силу.

Н.С. Хрущев оставил своим преемникам регулярное партийное государство с разветвленной бюрократической структурой. Партия по своему социальному составу все более превращалась в своеобразный профсоюз для начальников, в который «синие воротнички» не торопились вступать. Так, в Пермской области в 1958 г. доля коммунистов среди промышленных рабочих не превышала 3,4%, среди строительных — 1,8%, среди колхозников — 2,6%[31].

Отношения между государством и обществом строились на основе демократии поддержки. Ее содержание сводилось к тому, что решения, принимаемые партийными органами, должны были пройти затем обязательную процедуру одобрения в государственных и общественных институтах: от Верховного Совета СССР до пионерского отряда в школе. Ни один из них не мог ни отменить партийное решение, ни подвергнуть его критическому анализу, ни скорректировать с учетом местных условий.

«Играючи, правительство отчитывалось перед Верховным Советом, ЦК перед съездом партии, депутаты перед избирателями, — описывал сложившийся к 1958 г. политический ритуал М. Молоствов, один из лидеров оппозицион-

ной молодежной группы, — но как только несколько человек, впадших в илюзию, сделали попытку всерьез развернуть критику снизу — они оказались вне игры. Выступая на митинге молодежи Москвы по случаю награждения комсомола, Н.С.Хрущев счел нужным пригрозить заигравшимся. «Вы учитесь? — обратился он к нашему студенчеству, — так и учитесь, пока учитесь». Если развернуть мысль первого секретаря: учащиеся должны учиться — и только, рабочие — работать и только, правители — править»[32].

Демократия поддержки представляла собой особую технологию авторитарной власти, нуждавшейся не только в лояльном исполнении гражданами ее решений, но и в демонстративном их одобрении. Идеологической оболочкой этой технологии служила пропаганда успехов.

Политическая реформа включала в себя тихую кадровую революцию. Вовлечение партийного аппарата в непосредственное хозяйственное управление потребовало иной квалификации его сотрудников. Знание политпраоты не заменяло компетентности в производственных проблемах. Новые задачи были призваны решать новые люди. Так, в Пермской области за десятилетие, прошедшее после смерти И.В.Сталина, полностью обновился состав районных партийных секретарей. Причем, речь идет не только о конкретных лицах, но и об их социокультурном облике. Секретарь райкома в 1953 г. — как правило, сорокалетний мужчина со средним образованием, выходец из деревни, прошедший политическую подготовку в партийной школе и — очень часто — в органах МВД. Фронтоников среди этой категории работников было очень мало. Секретарь парткома территориального сельскохозяйственного управления или горкома в 1964 г. — тридцатилетний мужчина с очным высшим техническим или агрономическим образованием, горожанин или выходец из села, начинавший свою трудовую карьеру инженером на промышленном предприятии или специалистом сельского хозяйства в совхозе.

Попытаемся подвести итоги десятилетию реформ. Здесь необходимо дифференцировать новации, инициированные властями, и естественный ход вещей: спонтанные процессы, происходившие в обществе частично под влиянием правительственной политики, частично независимо от нее. Отметим, что тенденция к затуханию модернизации, проявившаяся в начале 50-х гг., была преодолена в последующий период. Во-первых, сказалась инерция исторического действия. Движение по пути индустриализации не только закладывает определенные традиции политического поведения, но и диктует дальнейшую последовательность деятельности в области образования, интенсификации сельскохозяйственного производства, урбанизации. Среди молодых людей увеличивается доля потомственных горожан, освоивших (пусть в разной степени) урбанистическую культуру с ее мобильностью, рационализмом, саморегуляцией поведения, денежной расчетливостью и индивидуализмом[33]. Во-вторых, имели значение правительственные реформы. Наследники Сталина стали государственными людьми в процессе первичной индустриализации. Прежний опыт диктовал им поведение в новых условиях. Они ревниво и с опаской относились к Западу, поэтому старались победить его на главном направлении: в качестве и количестве вооружений, объемах промышленного производства, реализации глобальных проектов.

В своей деятельности реформаторы руководствовались утилитарными целями: не отстать от Запада в военном отношении, отрегулировать управленческую систему, накормить городское население, вывести из отсталости сельское хозяйство и, самое главное, сохранить власть. В течение всего этого периода ясно слышен общественный ропот. В своих политических начинаниях верховные правители все больше ориентируются на социальные интересы «нового класса» — партийно-правительственной бюрократии, приобретшей после прекращения террора мощное социальное влияние. Можно предположить, что Н.С. Хрущев потерпел политическое поражение, когда нарушил негласные правила: властвовать вместе с аппаратом, не покушаться на его корпоративные права. Бюрократия больше других социальных групп получила от реформ. Она обезопасила себя от произвола «сверху» и от давления «снизу». При этом чиновники сделали все возможное, чтобы реформы не вышли из берегов: не поколебали неизблемости государственной организации хозяйства и монополии власти на любые социальные инициативы.

Впрочем, их стремление к тотальному контролю над социальными процессами не могло быть реализовано в полной мере. Изменения в общественной жизни не уместались в рамках социалистических институтов. Это не осталось незамеченным современниками событий. В.М. Молотов был обеспокоен, что за Хрущевым идут те, «кого тянет в сторону от коммунизма». Хрущев — де не понимает, что такое социализм. «Не раздача благ, а это долгий период, когда все точно регламентируется, все точно учитывается, потребление точно выполняется по определенному плану»[34]. Лamentациям отставного сталинского сановника придал теоретическое обоснование американский марксист М. Николаус, который обнаружил, что после смерти Сталина СССР стал капиталистической страной. В нем было восстановлено товарное производство, возник правящий класс, отменили экономическое планирование[35].

В этих оценках начальным формам процесса придан завершённый вид. Социалистические институты в ту эпоху не утратили своего доминирующего положения в изменившемся обществе. Иное дело, что его модернизация разрушала традиционалистские основы социализма. Реконструкция промышленности привела к возникновению новой высокоиндустриальной среды, насыщенной высокоточными и тонкими технологиями, что порождало новые проблемы, впоследствии получившие статус экологических. Люди, воспитанные в иных традициях, не замечали новой угрозы. Так, в 1959 г. радиоактивные вещества перевозили по городу Перми на попутных машинах, зачастую без контейнеров. На предприятиях, где их использовали, не было дозиметрических приборов. Радиоактивные отходы сгружались вместе с иными на общие городские свалки[36].

Развивалась и урбанизированная среда. В конце периода городское население страны превысило сельское. Жилищное строительство создавало одновременно и новое качество жизни. Речь идет не только об элементарном комфорте, но, прежде всего, об обособлении отдельной семьи. Частная жизнь граждан отделяется от публичной, приобретает черты автономности. Складываются предпосылки для развития стилевых различий в домашней культуре. Сокращается эффективность прямого партийно-государственного контроля над частной жиз-

нию граждан. У последних появляется возможность уйти от политики, ограничившись участием в общеобязательных и не слишком обременительных ритуалах или создать собственную версию политического участия — дискуссии на кухнях с друзьями, критическое комментирование телевизионных новостей в кругу семьи, пересказ политических анекдотов. Домашняя политическая культура — культура зрителя, а не актера. Ее, однако, можно рассматривать как колыбель, из которой вырастает политическая автономия личности.

Эти процессы встречали сопротивление как со стороны власти, пытавшейся при помощи «организованной общественности» преследовать скептиков и малочисленных, так и со стороны части общества, воспитанной в старых коллективистских традициях. В 40-е гг. дети сообщали педагогам о неправильных высказываниях родителей. Некоторые из учителей передавали сведения вверх по инстанциям. В 60-е гг. ситуация меняется. Теперь родители пишут в обком с требованием призвать к порядку их несознательных детей и либеральствующих педагогов: «Однажды дочь, ученица 8 класса, приходит домой и говорит: «Мама, дай мне денег на красный лак, на маникюр. Учительница сказала, что всем девочкам старших классов разрешается носить красивые прически, открытые платья и делать маникюр». Мы не поверили и стали отговаривать ее от маникюра, но она заявила: «Я не хочу быть хуже всех и все равно сделаю». (...) При наличии маникюра на руках разговоры о том, что надо любить труд, превращаются в пустые слова и все постановления партии и правительства не дают результатов. Мне непонятно, как можно идеологическое воспитание молодежи как строителей коммунизма совместить с мещанским маникюром?» [37]. Подобно этому рассерженному отцу реагировали и другие сознательные граждане на странное и шокирующее поведение молодежи, которая стала носить разноцветные и непривычные по покрою одежды. Стиль поведения молодых людей резко отличался от общепринятого откровенным американизмом, подчеркнутым пренебрежением к официальной системе ценностей и запретов, предпочтением труду развлечений. Пресса, радио, лекторы общества «Знание» обличали их во всех смертных грехах. Комсомол воспитывал. Администрация вузов и школ наказывала. Дружинники разрезали узкие брюки. В конце концов, страсти улеглись — и молодые люди получили неписаное право на собственную субкультуру, отличную от взрослой.

Общество приобретало внутреннюю дифференциацию. Политическая, экономическая, бытовая сферы общественной жизни отделились друг от друга. В каждой из них действовали собственные технологии социального поведения. В то же время увеличивалась социокультурная дистанция между отдельными группами населения, связанная с родом занятий, местом проживания, социальным происхождением, уровнем образования, возрастом, наконец. У этой дистанции были экономические характеристики, проявлявшиеся в типе и объеме потребления, но также и собственно культурные — стилевые. Причем, группы населения обнаруживали тенденцию к социальной самоидентификации. Изменился и их статус. По уровню престижа на первенствующие позиции в обществе претендовала техническая интеллигенция — «физики». Именно эта группа оп-

ределяла стиль эпохи, который были вынуждены осваивать даже партийные функционеры.

По своему внутреннему строению, технической и социально-пространственной среде советское общество середины 60-х гг. приближалось к раннеиндустриальному. Распадаются принудительно-коллективные формы жизни: уходят в прошлое коммунальные квартиры, общие дворы, многочасовые собрания. Им на смену приходит индивидуально-семейный быт. Основные проблемы советского общества имеют вполне выраженную модернизационную направленность: развитие города за счет деревни, что обрекает последнюю на экономический и культурный застой, противоречия между урбанистической и производственной средой, что отталкивает от рабочих профессий городскую молодежь, культурный конфликт между поколениями.

Все это вместе взятое разрушает общинные основы социалистической организации, усиливает ее неэффективность, прежде всего в экономической и культурной сферах жизни. Итак, реформы 1950—1960-х гг. интенсифицировали модернизацию общества за счет ослабления социалистических институтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Козырев Ю. «Соцмодернизация», или агония неофеодализма? // Полис, 1993. № 5. С. 124.
2. Красильщиков В. Модернизация в России на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993. № 7. С. 42.
3. Каграманов Ю. От какого наследства мы отказываемся // Континент, 1997. № 4. С. 153.
4. ГАНИ и ОПД. Ф. 7214. Оп. 1. Д. 51. С. 91.
5. Маркес Г. 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Латинская Америка, 1988. № 3. С. 97—98.
6. ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 8. Д. 178. С. 28—36.
7. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 38.
8. Воронский А. Литературные портреты. Т. 2. М., 1929. С. 121, 124.
9. ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 21. Д. 10. С. 3.
10. Докладная записка секретарю Молотовского областного комитета КПСС тов. Струеву А.И. // Лейбович О. Россия. 1941—1991. Пермь, 1993. С. 82—83.
11. ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 21. Д. 10. С. 4—45.
12. ГАНИ и ОПД. Ф. 1624. Оп. 3. Д. 53. С. 153.
13. Там же. Ф. 105. Оп. 21. Д. 10. С. 63.
14. Ромм М. Устные рассказы. М., 1989. С. 123.
15. Известия ЦК КПСС, 1991. № 1. С. 154.
16. Brus Wl. Geschichte der Wirtschaftspolitik in Osteuropa. Koeln, 1987. S. 98.
17. Известия ЦК КПСС, 1991. № 2. С. 185.
18. Исторический архив, 1996. № 4. С. 132—164.
19. ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 8. Д. 119. С. 175.
20. Там же. Оп. 12. Д. 781. С. 4, 12.
21. Там же. Оп. 21. Д. 10. С. 48.
22. Там же. Оп. 24. Д. 3. С. 20.
23. Там же. Оп. 28. Д. 3. С. 70.
24. Там же. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 196. С. 74.

25. Там же. Ф. 7214. Оп.1. Д.50. С.7.
26. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социс, 1993. № 4. С. 4.
27. ГАНИ и ОПД. Ф. 7214. Оп. 54. Д. 9. С. 35–64.
28. Fitzer A.D. De-Stalinization and industrial worker: the Experience of the Khrushchev Reforms // Abstracts IV World Congress for soviet and east European Studies. –Croyden, 1990. P. 40.
29. Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 545.
30. Народное хозяйство СССР в 1964 г. М., 1965. С. 34.
31. ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 25. Д. 32. С. 11.
32. Молоствов М. Status quo // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991. Оппозиция и репрессии. Пермь, 1998. С. 164.
33. Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology, [1938]. Vol. XLIV. P. 3–24.
34. Чуев Ф. Из бесед с В.М. Молотовым // От оттепели до застоя. М., 1990. С. 59–60, 72.
35. Nicolaus M. The Restoration of Capitalism in the USSR. Chicago, 1976.
36. ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 26. Д. 62. С. 14–15.
37. Там же. Ф.7214. Оп. 1. Д. 13. С. 22–23.

REFORMS OF THE 1950s—1960s IN THE CONTEXT OF THE HOME MODERNIZATION

The article based on new materials from the archives examines socio-cultural contents of the changes in the public and societal life in the USSR during the 1950s—1960s. According to the author's view, the basic development trend of the period became an atrophy of traditionalist fundamentals underlying the Socialistic institutions.

O.L.Leibovitch

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Перспективы развития российской государственности определяются особенностями модернизаций и политической традицией страны. Российские модернизации от Петра I до М.Горбачева имеют общие черты.

1. Они начинались после очередного поражения в войне (Нарва в Северной, Севастополь в Крымской, первая мировая война, холодная война), которое вскрывало технико-экономическую отсталость страны. В связи с этим модернизации имели своей целью совершенствование военной машины. Милитаризация экономики, помимо внешнеполитических причин, диктовалась еще и тем, что полиэтничная, поликонфессиональная, громадная по территории страна могла сохранить единство только с помощью милитаристского обруча.
2. Реформы имели прозападную направленность, так как именно Запад являлся носителем передовой индустриально-технической культуры и военных технологий.
3. Российские модернизаторы пытались в ходе реформ соединить несовместимые параметры: западные индустриальные технологии и несвободного работника, то есть пересадить достижения западной цивилизации на иную почву. В результате сложилось вопиющее противоречие между потребностями модернизации страны и несвободой основного производящего индивида, поскольку чем сложнее промышленная технология, тем более раскрепощен должен быть производящий индивид: юридически, экономически, социально, политически, ментально и т.д.
4. В силу доминирования государства и, как следствие этого, власти бюрократии реформы проводились бюрократией, в интересах сохранения бюрократии и обрекали народ на медленный, мучительный, зигзагообразный путь развития.
5. Модернизация экономики, осуществляемая с целью милитаризации страны, не сопровождалась адекватными изменениями в политической, социальной и духовной сферах. Между тем синхронность исторического развития, характерная для Запада, предполагает, что изменения в экономической, социальной, политической и духовной сферах взаимосвязаны и происходят одновременно.

Препятствием для модернизации политической системы являлась российская политическая традиция, для которой было характерно:

Во-первых, доминирование государства и прежде всего силовых структур, слабость всех других институтов политической системы; авторитарная природа власти несмотря на субъективные желания народа или политиков.

Во-вторых, преимущественно личностный характер функционирования политических институтов.

В-третьих, отсутствие политических структур центра.

Рассмотрим влияние этих особенностей российской политической системы на развитие ее государственности.

Доминирование государства объяснялось как слабым развитием рынка, товарно-денежных отношений, в силу неразвитости института частной собственности, так и необходимостью постоянного отражения военной угрозы, что приводило к усилению военно-служилого сословия. Засилье бюрократии и связанной с ней коррупции — первое следствие доминирования государства во всех сферах жизнедеятельности общества. В СССР бюрократия замещала рынок в качестве регулятора экономических отношений и вмешивалась в такие сферы, которые никогда не являлись объектом бюрократического регулирования. Продажность, корпоративное преследование собственных интересов в патриархальной по строю и ментальности стране привели к тому, что подданный (крестьянин, мещанин, рабочий, дворянин и т.п.) вплоть до начала XX века видел в царе отца-избавителя от притеснений бюрократа. «Царь хорош, да окружение его плохо» — с известными изменениями в личностных именах и должностных званиях это представление просуществовало в народной ментальности до наших дней. «Окружение» было виновато в колебаниях политики Горбачева и фюрерском его заточении. «Окружение» несет ответственность за ошибки политического курса Ельцина — так убеждают нас сегодня средства массовой информации, эксплуатируя древнее ментальное качество.

Одним из наиболее ярких проявлений патриархальности власти в политических отношениях является ориентация на персону властителя, а не на объективные элементы политической системы, например, гражданское общество. В отличие от Запада, где власть сосредоточена в политических институтах, или Востока, где ее носителями являются кланы, тейпы и.д., в России власть носит персоналистский характер. Это означает, что личности (как в официальной, так и особенно в теневой власти) подменяют институты и органы власти, а межличностные связи заменяют элементарные управленческие отношения. Политическая история России — это борьба личностей, стоящих у власти, она личностна, в силу этого основной направляющей политики в России служит интерес властителя. Отсюда «серые кардиналы», фаворитизм. Отсутствие структур политической системы принуждало надеяться на доброго царя, просвещенного генсека, справедливого президента как единственно возможных гарантов прав человека.

Следствием персоналистского характера власти является то, что основной метод правления в России — произвол политической элиты. Законы пишутся, но в отношении власти как бы не действуют. За всю историю страны ни один представитель высшей власти не понес иной ответственности, кроме исторической, за свои преступные или халатные действия. Причина — отсутствие зрелого гражданского общества как полноправного элемента политической системы.

В связи с этим для повседневной корректировки курса верховной власти (в отсутствие цивилизованной оппозиции, гражданского общества, среднего класса) существует один способ — влияние теневой власти. Теневую власть можно определить как совокупность нелегитимных структур, влияющих на процесс принятия, содержание и форму реализации властных решений.

В силу отсутствия или слабости гражданского общества как стабильного и влиятельного элемента политической системы в России не могло существовать

и системной оппозиции. Поэтому конфликты власти и подвластных выливались в форму бунтов — основную форму оппозиции в России. Тотальному характеру власти соответствовал и тотальный характер ее отрицания.

Русская оппозиция не сбалансирована в структуре политического действия так называемым «центром», поскольку «центру» просто неоткуда было взяться. Для преобладания «центра», то есть политических сил, нацеленных на компромиссное решение проблем, на эволюционный в целом путь социально-экономического и политического развития страны с реформированием лишь частных структур общественного организма, с отказом от революции и социального насилия как основного средства политических преобразований — нужно развитие гражданского общества, базирующееся на мощном среднем классе и системе диффузной частной собственности, то есть такой собственности, которая проникает во все слои населения.

Перспективы развития российской государственности целиком определяются вышеперечисленными особенностями российских модернизаций и политическими традициями общества и выглядят следующим образом.

В экономике процесс денационализации и приватизации не породил слоя собственников, так как основная масса населения оказалась разорена реформами, а немногочисленные новые собственники перекачали свои капиталы на Запад, помня уроки Октября, а именно, что право частной собственности очень легко нарушается, если не является элементом целой системы прав гражданина: экономических, политических, личных и т.д. Россия как была, так и осталась на дорыночной, дотоварной, докапиталистической стадии развития. Рыночные регуляторы в ее экономике еще не работают, а административные — уже не работают. Нишу заполнили криминальные структуры. Теневая экономика и теневая власть представляют самую грозную опасность для общества.

Основы государственности подтачивает коррупция, являющаяся следствием доминирования государства и засилья бюрократии, которая приобрела такие размеры, что честность представляет сегодня угрозу для карьеры и жизни чиновника, поставленного часто перед серебряным или свинцовым выбором. Фактически произошла приватизация управленческих функций. В отсутствие эффективно действующих судов, работающей судебной системы и устоявшегося коммерческого и договорного законодательства криминальные элементы де-факто превратились в третейских судей. В некоторых сферах экономики протекционистский ржкет практически узурпировал традиционные судебные и правоохранительные функции государства.

В социальной структуре сохранилась раздробленность, атомизация общества, наследие тоталитарного режима, когда индивид оказывался один на один перед всей громадой властных структур, а также механизм индивидуального подключения подвластных к власти. Это увеличивает степень незащищенности личности от любого произвола.

В политической системе институты гражданского общества находятся в зачаточном состоянии, так как им приходится развиваться даже не с нуля, а с минуса, поскольку при тоталитаризме они не только утратили свою амортизирующую роль, но именно через них государство пробивало каждую клетку

жизнедеятельности общества. Формирующиеся политические партии имеют элитный характер. Они представляют интересы не широких социально-политических сил, а узких экономических группировок или личные взгляды групп интеллигентов на пути развития России. В лучшем случае социальное представительство, реализуемое нашими политическими партиями, — профессиональное. Отсутствует реальное разделение властей и механизм взаимного контроля, слаба исполнительная власть и принижена власть судебная. Независимость средств массовой информации оставляет желать большего.

В ментальном плане не произошла смена ценностных ориентаций: социалистических на либеральные. Дискредитированные социалистические ценности разделяет еще значительная часть населения (идентифицировавшаяся с ними еще в годы сталинского террора), в других же слоях общества идейный плюрализм породил деморализацию и дезориентацию.

Таким образом, следствием асинхронности российского пути развития явилась неудача всех буржуазных реформ и революций в России. Экономические реформы не создавали слоя свободных товаропроизводителей, а без экономической свободы невозможно реформирование политической системы, утверждение политических прав и свобод и личных прав граждан.

RUSSIAN POLITICAL TRADITION AND PROSPECTS OF THE STATEHOOD DEVELOPMENT

The article defines specific features of Russian modernizations and political tradition and their impact on the development of the state system.

R.T.Moskvina, N.A.Komleva

Г.Е. Корнилов, Л.И. Пересторонина,
Д.В. Каракулов

АГРАРНАЯ СФЕРА УРАЛА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

Экономическая, социальная, демографическая, культурная жизнь деревни в XX в. во многом определялась модернизацией. При этом под модернизацией аграрной сферы мы подразумеваем утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий и усовершенствованной техники, развитие рыночных отношений и кооперации, преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда.

В исторической литературе широко распространено представление о замедленном и мучительном характере перестройки аграрной экономики. В начале XX в. большая часть крестьянских хозяйств оставалась на уровне, едва обеспечивавшем собственное потребление. Поэтому при неблагоприятных климатических явлениях несмотря на внедрение системы обеспечения народного продовольствия часто вспыхивал голод (1901, 1905, 1906, 1911 гг.).

Под воздействием столыпинских преобразований аграрное производство стало развиваться более динамично, усилилась его ориентация на рынок. И все же большинство крестьянских хозяйств предпочитало не порывать связи с общиной, настороженно относилось к нововведениям.

Исторические источники, позволяющие реконструировать модернизационные процессы в уральской деревне в начале XX в., разнообразны. Среди документов, созданных в процессе деятельности государственных органов, аппарата земских и крестьянских учреждений, научный интерес представляет отчетная документация, в том числе статистические обзоры, ведомости, сведения. Статистические обзоры земств готовились как материалы для всеподданнейших губернских отчетов и нередко публиковались в специальных земских журналах. Они представляют собой обширные тексты, содержащие анализ динамики посевных площадей, метеорологических условий, урожайности зерновых культур, продовольственного обеспечения сельского населения. В обзорах, как правило, давалась краткая характеристика работы земских агрономов по распространению в крестьянской среде новых сельскохозяйственных знаний и технологий, усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий, улучшенных семян, продуктивного скота и т.п. Все это позволяет составить представление о многогранной работе земств по модернизации сельского хозяйства в начале XX в.

Начавшаяся в 1914 г. тяжелая для России первая мировая война остановила организационную перестройку сельского хозяйства Урала, но, как свидетельствуют публикуемые документы, не оказала сколько-нибудь существенного

негативного влияния на хлебопроизводящую отрасль. Наоборот, в первые годы войны, например в Пермской губернии, наблюдалось резкое увеличение посевных площадей и, вместе с тем, хлебной продукции вследствие повышения цен на хлеб и его массовой поставки в армию.

Представленные в публикации документы (разного характера и видовой принадлежности планы и отчеты местных органов власти, доклады и отчеты земельных органов, информационные сводки и обзоры уездных и губернских Чрезвычайных комиссий) показывают, что катастрофический спад сельскохозяйственного производства и полная утрата всех достижений аграрной модернизации произошла в результате гражданской войны, продразверсток и голода 1921—1922 гг. Документы свидетельствуют о крайней степени обнищания сельского населения в 1920—1922 гг. В них же характеризуются мероприятия советской власти по восстановлению и развитию сельского хозяйства.

М. И. ИЗ «ОБОРА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1900 г.» О СОСТОЯНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И НАРОДНОГО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

[...] Сельскохозяйственная промышленность губернии в общем стоит на весьма невысоком уровне и нуждается в значительных улучшениях в смысле изменения практикуемой системы полеводства, улучшения способов обработки земли, подбора семян, применения соответствующих почве удобрений и т.п. Местное земство давно уже обратило внимание на нужды земледелия и организовало ряд мероприятий с целью их удовлетворения.

Во главе организации учреждений для содействия сельскохозяйственной промышленности стоит губернское земство, на средства которого и в его ведении содержится агрономический институт, состоящий из 12-ти агрономических смотрителей, с губернским агрономом во главе.

На обязанности губернского агронома лежит общее руководство деятельностью уездных агрономов и контроль за нею. Деятельность уездных агрономов, определяемая особым «положением» о них, утвержденным губернским земским собранием XXV очередной сессии, как и в предыдущих годах, выражалось в отчетном году: а) в устройстве бесед по разным вопросам местного хозяйства; б) в организации показательных опытов; в) в руководстве опытно-показательными полями; г) в содействии хозяевам по приобретению улучшенных семян, породистого скота и усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий; д) в демонстрации этих машин и орудий; е) в собирании материалов к изучению естественных условий, техники и экономики местного хозяйства; ж) в указании населению мер борьбы с вредными насекомыми и паразитами.

Деятельность агрономического института, вступившего в шестнадцатый год со времени своего образования, успела уже отразиться благотворным образом на успехах земледельческой промышленности, как это отмечалось обзорами губернии за предыдущие годы. Деятельность уездных земств в смысле содействия сельскохозяйственной промышленности заключалась в отпуске средств на содержание складов земледельческих орудий и семян для снабжения таковыми населения на возможно льготных условиях, организации опытно-показательных

полей, содержании сельскохозяйственных ферм и т.д. Отчетный год не внес чего-либо нового в эту сферу деятельности уездных земств. Осинское уездное земство заканчивало устройство сельскохозяйственной фермы, но открытие ее состоялось уже в текущем году.

Обеспечение народного продовольствия

Удовлетворительный урожай отчетного года хотя и не вызвал особых мероприятий по обеспечению народного продовольствия, но, тем не менее, в отдельных случаях, оказались необходимыми некоторые меры восполнения населению.

По ходатайствам уездных земских собраний на выдачу в 1899/90 сельскохозяйственным году из губернского и имперского капиталов продовольственных и семенных ссуд населению разрешены были следующие кредиты:

Для Красноуфимского уезда сверх запасов ржи в количестве 13621 пуд. 37 фунт., принадлежащих уездному земству, на случай, если бы таковых запасов оказалось недостаточно, губернское собрание уполномочило губернскую управу испросить разрешение употребить на выдачу продовольственных ссуд и остатки хлеба от операций 1898/9 г., который был заготовлен за счет кредитов из имперского капитала.

Для Кунгурского уезда губернское собрание уполномочило губернскую управу, во-первых, в случае обнаружения нужды выдать в распоряжение уездной управы на продовольствие и яровой посев потребную сумму из губернского продовольственного капитала и, во-вторых, на озимой посев, если это окажется необходимым (по особому постановлению чрезвычайного уездного собрания) испросить потребный кредит из имперского продовольственного капитала.

Для Осинского уезда на выдачу ссуд на продовольствие и яровой посев губернское собрание расширило кредит в 5000 руб. из губернского продовольственного капитала.

На выдачу ссуд нуждающемуся населению Соликамского уезда губернским собранием разрешено было уездному земству израсходовать запасы ржи, оставшиеся от заготовок прежних лет.

Для выдачи ссуд на продовольствие и яровой посев населению Шадринского уезда, по ходатайству губернского собрания, Министерством Внутренних Дел было разрешено израсходовать 33000 рублей из сумм имперского капитала, остававшихся в депозите губернской управы от операций 1898/9 года.

Независимо от сего губернское собрание уполномочило губернскую управу, в случае обнаружения нужды в ссудах на продовольствие и посев в местностях, где до сего времени таковая не предусматривалась, расходовать на этот предмет, по ходатайствам чрезвычайных уездных собраний*, наличность гу-

* По отношению к Пермскому уезду губернским Собранием было постановлено: «Выдать уездной управе при обостренности и доказанности нужды населения необходимую сумму на продовольствие и яровой посев из губернского капитала, если в наличности его будет достаточно и если на удовлетворение нужд населения позаймствование из капиталов уездного земства окажется невозможным, не обязывая уездную управу для определения размера предстоящей нужды созывать экстренное уездное земское собрание».

бернского продовольственного капитала, не испрашивая на то особого разрешения губернского собрания.

За счет разрешенных кредитов из губернского и имперского капиталов впоследствии явилась необходимость в ссудах только по двум уездам, Кунгурскому и Шадринскому, а по всем остальным уездам продовольственные и семенные потребности были удовлетворены местными средствами. По Кунгурскому уезду из губернского продовольственного капитала было отпущено и выдано в ссуды на продовольствие населения — 101 руб. 12 коп. (одному Талинскому обществу Асовской волости) и на посев яровых — 330 руб. 20 к. (Талинскому обществу Асовской волости и Верх-Култымскому — Покровской волости).

Шадринское уездное земство за счет отпущенного кредита в сумме 33000 руб. заготовило семенной пшеницы — 37227 пуд. 26 фун., с накладными расходами на сумму 21216 руб. 70 коп. (по 56,99 коп. за пуд) и семенного овса 25566 пуд. 2 фун., с накладными расходами на 10412 руб. 77 коп. (по 40,68 коп. за пуд), а всего на сумму 31629 руб. 47 к., после чего остаток кредита — 370 руб. 53 коп. был возвращен в депозит губернской управы.

Из этих заготовок роздано в ссуды:

пшеницы	37030 пудов на 21110 руб. 32 коп.
овса	24140 пудов на 9970 руб. 08 коп.
	61170 пудов на 31080 руб. 40 коп.

Осталось на отчете Шадринской уездной управы:

пшеницы	197 пуд. 26 фун. на 106 руб. 38 коп.
овса	1426 пуд. 2 фун. на 442 руб. 69 коп.
	1623 пуд. 28 фун. на 549 руб. 07 коп.

Из местных продовольственных средств на продовольствие и обсеменение полей в 1899/900 г. Населению Пермской губернии выдано в ссуды:

*Из сословных продовольственных капиталов
(ссуды выдавались по 6 уездам)*

	На продовольствие населения (руб.)	На обсеменение яровых полей (руб.)	На обсеменение озимых полей (руб.)
Верхотурскому	—	835	—
Екатеринбургскому	—	1376	—
Красноуфимскому	330	—	—
Пермскому	—	913	—
Соликамскому	125	12070	878
Чердынскому	472	982	858
ИТОГО	927	16176	1736

* В число дворов и едоков не входят данные по Оханскому уезду за недостатком последних уездной управой.

Из общественных натуральных запасов:

В уездах	На продовольствие населения		На обсеменение яровых полей		На обсеменение озимых полей	
	В четвер.	В пудах	В четвер.	В пудах	В четвер.	В пудах
Верхотурском	3872	30756	4288	22584	1359	10872
Екатеринбургском	—	—	9509	52300	—	—
Ирбитском	4887	39096	6107	33589	—	—
Камышловском	—	—	3387	18629	—	—
Красноуфимском	247	1976	660	3630	—	—
Кунгурском	7182	57234	5129	28209	—	—
Осинском	2768	22144	5689	31289	—	—
Оханском	12728	101824	20948	115214	—	—
Пермском	4764	34747	16230	89265	5101	40808
Соликамском	5154	41232	26385	145118	7632	61056
Чердынском	194	1502	106	583	443	3544
Шадринском	—	—	3334	18337	—	—
Всего по губернии	41796	330511	101772	559747	14535	116280

Из уездных продовольственных капиталов ссуды были выданы:

В Верхотурском уезде на яровой посев — деньгами 459 руб.

В Красноуфимском уезде на продовольствие — хлебом (рожь) 4802 пуда.

Всего в 1899/1900 г. на продовольствие населения Пермской губернии из всех источников (из общественных натуральных запасов, сословных, уездных губернского и имперского капиталов) выдано ссуд в переводе на хлеб 336871 пуд., причем воспользовались ссудами в 793 сельских обществах 143 волостей 33805 дворов на 169852 едока*, причем в среднем на одного едока упадет выданных ссуд 1,38 пуда, а на 1 двор — 6,95 пуда. [...]

(Обзор Пермской губернии за 1900 год. Пермь, 1901. С. 1—15.)

**№2. ИЗ «ОБЗОРА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1911 г.» О СОСТОЯНИИ
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И НАРОДНОГО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ**

[...]§ 2. Из общего количества находящейся под пашнею земли (3577433,75 десятин) в 1911 году было засеяно 2387616 десятин (или 66,74) на 116570 десятин (или 3,26%) более, чем в предыдущем 1910 году, когда вся засеянная площадь составляла 2271046 десятин (или 63,48% общего количества распаханной земли).

* В число дворов и едоков не входят данные по Оханскому уезду за недоставленным последних уездной управой.

§ 3. Вся указанная выше посевная площадь (2387616 д.) была засеяна неодинаковым количеством хлебов разного рода. Преобладающее значение имели, конечно, главные хлеба в таком порядке:

	1911 г.
Овес	36,1%
Рожь озимая	23%
Пшеница	26,3%
Ячмень	6,7%

Под остальными хлебами было менее значительное пространство земли: 2,1% (гречиха), 2,1% (лен), 1,4% (рожь, ярица), 0,8% (картофель) и ниже.

В свою очередь, отдельные уезды выделяли неодинаковые части своей посевной площади для того или другого рода хлебов. Для характеристики отдельных уездов в посевном отношении прилагается нижеследующая таблица.

Уезды	Размер посевной площади, отведенной в 1911 г. под:			
	рожь озимую	пшеницу	ячмень	овес
Осинский	45,2%	7,0%	3,5%	27,3%
Соликамский	44,3%	0,5%	12,2%	38,9%
Пермский	43,5%	3,1%	14,9%	36,10%
Кунгурский	38,3%	12,5%	4,0%	39,8%
Чердынский	38,7%	0,3%	17,3%	36,5%
Красноуфимский	26,0%	27,9%	2,2%	38,1%
Оханский	31,3%	5,9%	15,0%	38,9%
Верхотурский	14,8%	18,1%	18,1%	44,7%
Ирбитский	8,7%	35,4%	9,3%	35,7%
Камышловский	4,3%	47,3%	2,6%	38,0%
Шадринский	4,0%	58,6%	0,3%	32,5%
Екатеринбургский	4,4%	40,7%	6,6%	41,5%

Таким образом, все уезды весьма значительную часть своей посевной площади от 27,3% до 44,7% отдают под посевы овса. Наиболее значительные (по количеству занимаемой площади) посевы пшеницы имеют место в уездах: Шадринском, Камышловском, Екатеринбургском, Ирбитском, отчасти — Красноуфимском, посевы ржи — во всех уездах по сю сторону Урала. Сев ячменя сравнительно везде умеренный, но достигает наибольших размеров в Чердынском, Верхотурском, Оханском и Пермском уу. [...]

Средняя урожайность за 10 лет (1901-1910 гг.)

Средний урожай хлебов с десятины в 1911 году (28,1 пуд.) получился менее десятилетнего на 24,8 пуда или на 46,9%, а по отдельным уездам это превышение выражается в еще больших различиях.

Валовой сбор главных хлебов по подсчету Земств выразился для всей губернии в сумме 52.460.924 пудов.

Уезды	С десятины пудов	Уезды	С десятины пудов
Верхотурский	71,6	Ирбитский	53,1
Пермский	64,9	Камышловский	52,1
Соликамский	58,2	Осинский	48,1
Екатеринбургский	56,0	Чердынский	44,1
Красноуфимский	54,6	Шадринский	43,6
Оханский	53,9		
Кунгурский	53,3	По губернии	52,9

Сравнительно с прошлым годом он получился менее на 83.534.437 п. или на 61,4%.

Из общей суммы валового сбора всех главных хлебов на долю собственно продовольственных хлебов в 1911 году пришлось 31781707 пуд., потребность же на продовольствие 3190596 человек, по 19 пудов на каждого, определяется в 60620811 пуд. и в 15229831 пуд. на обсеменение полей, получается недостаток продовольственных хлебов в 44068935 пуд., остальные 20679217 пудов составляют сумму валового сбора овса. За вычетом 12151578 пудов на семена по площади посева 1911 г. и 22387570 п. на прокорм рабочих лошадей получается недостаток овса в 13859931 пуд. Таким образом, из приведенного расчета видно, что в отчетном году по губернии получается значительный по сравнению с прошлыми годами недостаток как продовольственных хлебов, так и овса. На все это и было обращено серьезное внимание как местных крестьянских учреждений, так и Земства, деятельность которых по обеспечению народного продовольствия будет указана ниже.

Площадь покосов, скошенных в 1911 году, равняется 1585344 десятинам. Сравнительно с площадью покосов 1910 года она уменьшилась на 209203 десятины. Валовой сбор сена в 1911 году равняется 85955479 пудам, менее сбора предыдущего 1910 года на 41325436 пуд. т.е. на 32,5%. По величине укоса с десятины отдельные уезды располагаются в нижеследующем порядке:

Уезды	Средний укос с десятины		Уезды	Средний укос с десятины	
	1910 г.	1911 г.		1910 г.	1911 г.
Чердынский	99	82	Осинский	89	54
Пермский	94	80	Екатеринбургский	55	49
Оханский	102	73	Красноуфимский	70	47
Соликамский	94	70	Камышловский	49	26
Верхотурский	77	57	Шадринский	43	18
Кунгурский	90	57			
Ирбитский	56	55	По губернии	71	54

Средний по губернии укос с десятины за 1911 год равняется 54 пудам, за 1910 г. — 71 и за 10 лет с 1901 г. по 1910 г. — 72 пуд.

Принимая во внимание, что сбор соломы в отчетном году был почти на 50% меньше среднего за пятилетие, почему почти во всех уездах губернии ощущался большой недостаток кормовых средств, пополнением которого были озачены как Уездные, так и Губернские Земства.

§ 6. Продуктивность земледелия, как известно, зависит не только от естественных климатических и почвенных условий, но и от тех приемов, которые применяются к обработке земли, а также и от условий землепользования.

На это последнее обращены заботы как крестьянских учреждений, так и землеустроительных комиссий, обзор деятельности которых будет помещен ниже. Что же касается способов обработки земли, подбора семян, применения удобрений, улучшенных земледельческих орудий и машин, то на эти нужды земледелия обращены заботы местных земских учреждений, затрачивающих, в общем, значительные суммы на восполнение земледелию и связанным с ним отраслям сельского хозяйства. Заботы эти успели уже принести значительные результаты, хотя еще многое остается сделать в этой области.

Мероприятия Губернского Земства, направленные на восполнение усовершенствованию сельского хозяйства, выразились, главным образом, в содержании института агрономов. Пермское Губернское Земство, одно из первых в России развившее агрономическую организацию в широком масштабе, продолжает развивать ее при значительном также участии Уездных Земств.

Личный состав земских агрономов в отчетном году заключал: агрономов — Губернского Земства 34, Уездных Земств 8, пом. Агрономов 40. Кроме этого, для развития маслоделия Губернское же Земство, разбив губернию на районы, поручило их 8 техникам маслоделия, благодаря чему маслоделие идет довольно быстро вперед и в губернии функционирует около 1000 сепараторов.

Основною задачею деятельности земских агрономов служит распространение сельскохозяйственных знаний путем устройства бесед и подачи населению советов по разным отраслям сельского хозяйства. Кроме бесед и советов, земские агрономы проводят сельскохозяйственные знания в крестьянскую среду посредством организации показательных опытов в крестьянских хозяйствах. Серьезное внимание также уделяется на развитие травосеяния, в чем и достигнуты значительные успехи: так, в Красноуфимском уезде засеивается клеверов до 3,5 т. десятин и травосеянием занимается до 0,1 части всех домохозяев этого уезда. Насколько это дело движется вперед, видно из того, что площадь посева клевера в некоторых волостях этого уезда с 1905 г. по 1910 г. увеличилось вдвое и одних семян клевера сбывается за пределы уезда 10-15 тысяч пудов, тимофеевки 1000-1500 п., ковра 100 п. С целью распространения сельскохозяйственных машин и орудий агрономы демонстрировали работу таковых в различных пунктах, о чем оповещалось население. Благодаря таким мерам, машины и орудия довольно широко распространяются в губернии. Земские агрономы принимают также самое живое и деятельное участие в образовании сельскохозяйственных обществ среди крестьян в качестве председателей или членов советов этих обществ.

Весь расход Губернского Земства по мероприятиям на улучшение сельскохозяйственной промышленности по сметным назначениям достигает суммы 139.418 р. 75 к., из коих 60368 руб. 02 к. относятся на содержание агроно-

мического персонала, а остальная сумма 79050 р. 73 к. на мероприятия по улучшению производства в сельском хозяйстве (на травосеяние, удобрение, на улучшение сортов хлебов, на демонстрирование сельскохозяйственных машин и орудий, на пополнение инвентарей районных агрономов, на конкурс сельхозмашин и орудий, на улучшение пород скота и рабочих лошадей и т.д.). Помимо этих сметных ассигнований Губернским Земством из своего запасного сельскохозяйственного капитала (213424 руб. 99 к.) было выдано в прежние годы по постановлениям губернских земских собраний на различные мероприятия по улучшению сельского хозяйства ссуд на 106824 руб.

Совместно с Губернским Земством для развития сельскохозяйственной промышленности действуют самостоятельно в том же направлении и Уездные Земства. Деятельность эта в своем объеме определяется тем значением, которое имеет занятие земледелием для экономического быта местного населения и потому более интенсивно в уездах с преобладающим земледельческим населением и менее в тех уездах; где преобладает горнозаводская промышленность.

Обеспечение народного продовольствия

Выше уже было сказано, что неблагоприятные атмосферические явления весны 1911 г. давали основание предполагать, что урожай хлебов едва ли будет хорош. С наступлением июня месяца, когда погода продолжала не благоприятствовать росту хлебов, опасения эти стали усиливаться, а в начале июля месяца для всех было уже ясным, что состояние хлебов является неудовлетворительным, а следовательно, Пермская губерния должна быть отнесена к разряду постигнутых неурожаем.

В связи с этим явлением как крестьянские, так и земские учреждения приступили к определению размеров предстоящей нужды.

Выяснение производилось в большинстве случаев путем подворного обследования и в результате своем дало следующую картину.

Уезды: Шадринский и Камышловский оказались постигнутыми неурожаем на всей их площади, Екатеринбургский в юго-восточной его части, Осинский на всей площади, кроме прилегающей к Кунгурскому уезду, Оханский в южной его части, Соликамский в западной части, Чердынский в юго-западной части. Таким образом, неурожай хлебов захватил весьма значительную часть губернии, причем почти во всех перечисленных уездах замечался также и неурожай трав. [...]

Обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1912. С. 6—19; 30—33

№3. ИЗ ДОКЛАДА ЗАМ.УПОЛНОМОЧЕННОГО ВЦИК ПО БАШКИРПОМОЩИ СЕРГЕЕВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ БАШКИРСКОЙ БЕДНОТЕ И ПО ПОДНЯТИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ БАШКИРСКОГО НАРОДА*

28 марта 1920 г.

Обследование пострадавших

[...] Чтобы судить о размерах разорения, количестве пострадавших и, образуясь с данными, проводить работу по оказанию помощи, Кантонная Ко-

* Орфография сохранена

миссия Башкиропомощи через Волостные Исполкомы и через своих агентов производит обследование. Одновременно сведения группируются по степени разорения, причем случай острой нужды выделяется особо, чтобы принять срочные меры к удовлетворению сильно нуждающихся. Эти сведения предполагалось собирать по особому выработанной форме силами Статистического Управления Башкирской Советской Республики, но статистические карточки не были вовремя напечатаны и Статистическое Управление оказалось неспособным справиться с этой задачей, вследствие чего сведения собираются наспех и не полно. Это дало возможность скоро узнать случаи острой нужды и вовремя оказать необходимую действительную помощь.

В пяти наиболее пострадавших Кантонах собраны точные сведения и окончательная обработка по 12 формам будет закончена с представлением сметы. При собрании сведений и при составлении списков пострадавших наблюдается стремление раздуть убытки и попасть в списки пострадавших со стороны совершенно не нуждающихся, но когда последние узнают, что беднякам придется организоваться в артели для производства работ по строительству, и как только создаются Комитеты пострадавших, то эти примазавшиеся отказываются от всякой помощи. [...]

Снабжение продовольствием, мануфактурой

[...] Из обследования видно, что в некоторых деревнях население настолько разорено и обнищало, что с голоду умирает и вследствие отсутствия одежды живет в бочках (особенно женщины) и выходят оттуда только ночью, одеваются в рогожу или в лучшем случае имеется на всю семью один тулуп, которым пользуются по очереди. Такие условия создались отчасти и гражданской войной, а отчасти природной ленью башкир, ведущих беспечный кочевой образ жизни.

Чтобы накормить и одеть эту бедноту, необходимо было получить продовольствие и хлеб из продорганов или же взять на учет у кулаков и распределить. Так как работа Продорганов была настолько неудачна (что из имеющегося количества хлеба в 7 миллионов пудов ссыпано только около одного миллиона пудов), то Продорганы часто не в состоянии были отпустить хлеб для голодающих и органы Башкиропомощи были вынуждены закупить по спекулятивным ценам, чтобы не допускать случаев голодной смерти. Мануфактуру тоже не отпускал Народный Комиссар продовольствия сверх нормы, хотя бы для совершенно раздетых. Только одному Бурзян-Тангауровскому Кантону отпущено сто тысяч аршин мануфактуры для детских домов и пострадавших. После представления общего плана потребности на детские дома можно надеяться, что будет отпущена мануфактура. Следовательно, не предвидится возможным удовлетворить большинство пострадавших продовольствием и мануфактурой через государственные органы по твердым ценам. Поэтому Центральное Управление Башкиропомощи было озабочено изысканием других путей кормления и одевания пострадавшей бедноты.[...]

*Сельскохозяйственные артели, обсеменение,
сельскохозяйственные орудия*

[...] С наступлением весны предполагается приступить к организации сельскохозяйственных артелей в местностях, где население занималось земледелием. Необходимо снабдить эти артели живым и мертвым инвентарем и семенами. Башкиропомощь снабжает население лошадьми на артельных началах. Лошадей приходится покупать по вольным ценам у кулаков. Сначала Башкирский Народный Военный Комиссариат почему-то разрешил закупать Башкиропомощи только сто лошадей, между тем, как на один только Кантон нужно около тысячи голов. Теперь разрешено закупать сколько потребуется, но из Бураян-Тангауровского Кантона, где имеются собственники табунов в 600 голов лошадей, поступают сведения, что кулачество всячески противодействует продаже их. Попытка закупать лошадей у киргиз тоже не увенчалась успехом.

По наведенным справкам, снабжение семенами может быть удовлетворено только частично. Башкирский Народный Комиссариат Земледелия дал справку, что снабжение сельскохозяйственными орудиями возможно только через центр и без шансов на удовлетворение на ближайший сезон, поэтому Башкиропомощь приступила к организации мастерских по ремонту сельскохозяйственных орудий и взятию на учет имеющееся на местах орудия. [...]

Зам. Уполномоченного ВЦИК [подпись] [Сергеев]

Гор. Стерлитамак.

(РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.27 б. Л. 3—5 об. Подлинник.)

**№ 4. ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПЕРМСКОГО УЕЗДНОГО
ИСПОЛКОМА О ПОДГОТОВКЕ К ПОСЕВНОЙ КАМПАНИИ
В ПЕРМСКОМ УЕЗДЕ***

31 марта 1921 г.

[...]С 27-го января, согласно общего распоряжения, организован Упосевком. Ввиду командировок членов Уисполкома, в том числе и председателя тов. Тиунова, организация Волпосевкомов и селькомов по Пермскому уезду отчасти задержалась. И только с 5 февраля с. г. удалось приступить к организации таковых, что и было закончено к 15 февраля, параллельно с этим были организованы 2-х недельные земельные курсы, по окончании которых часть курсантов, успешно закончивших курсы, были назначены в Волисполкомы в качестве Уполномоченных Упосевкома. Таким образом, к 25-му февраля окончательно закончена организация Волисполкомов и селькомов. Закрепление семматериала произведено продов. орган. Упродкомом. Всего закрепленного семфонда на 25 марта 903.000 пуд. Площадь, подлежащая засеву первоначально по заданиям Губпосевкома, выражалась 62800 дес., но по желанию некоторых вол[остей] таковая увеличена и в данное время, после уездного съезда, утверждена в размере 63.301 дес., причем необходимо иметь в виду, что закрепленные семена не отсортированы. По имеющимся данным отсортировано

* Орфография сохранена

всего 70.000 пуд. Принимая во внимание, что семена не сортированы, необходимо выбросить минимум 20% как непригодный к посеву. Таким образом, получаем 900.000 пуд. — 20% — 180.000 пуд., 720.000 пуд. Разумеется, этого недостаточно, а требуется для обсеменения 63.301 дес. Минимум 810-820.000 тыс. пуд. отсюда видно, что для Пермского уезда недостаток семян выражается в 90.000 пуд. эту цифру и просил Упосевком отпустить для уезда, но Губпосевком на заседании 25 марта с этим не согласился и в отпуске хотя бы минимального количества решительно отказал, но еще много раньше этого при личных разговорах с членами Губпосевкома, в частности, с тов. Подкиным и тов. Абрамовичем, было получено согласие, что те семена, которые были отпущены в 1920 г. Уземотделу, будут и ныне оставлены и зачтены за Пермским у., как недостающие для обсеменения. Исходя из этих разговоров, Упосевком, надеясь на получение недостающего количества, имеющуюся наличность семфонда на ссыпных пунктах распределил между неимущими вол[остями]. Теперь, в связи с постановлением Губпосевкома от 25 марта, которым наложено категорическое вето, Упосевком оказался в весьма некрасивом положении. С одной стороны, и Пермский Упосевком не может и лишен возможности снабдить неимущих и, с другой, вряд ли удастся вывезти семена в другие уезды, как Усолье-Чердын, ввиду наступившей распутицы. Перекидка семян в Чердын, как предполагают, парходом, безусловно мера неудачная, и неудачная вот почему. Чердынский уезд, как известно, страдает хронической болезнью бездорожья, и прошедшие в прошлом году разверстки выполнялись и могут выполняться впредь только лишь верховыми. Это можно было наблюдать в большей части уезда в указанное время. Невольно задашь вопрос, как же думают перебросить из Пермского у. хотя бы и парходом те 12.000 пуд. семян, когда дороги просохнут, то тогда минует всякая надобность в семенах. По нашему мнению, было бы преступно перебрасывать, не имея уверенности, дойдут ли семена ко времени на место. Да и, кроме того, для Республики в высокой степени безразлично, будут ли семена использованы в Пермском-Усольском или Чердынском, важно, чтобы они не проросли где-нибудь в вагоне или на складе, а были бы использованы и росли, где им и подобает расти, т.е. в земле. В случае же отправки семян из Пермского у., может именно случиться так, что они не попадут и в Чердынский уезд, да и для Пермского будут потери, а значит, и не принесут пользы Республике. Что же касается сельскохозяйственного инвентаря, то таковой за 7-ми летний период почти не обновлялся, естественно, что 50% инвентаря требуется произвести основательный ремонт, из которых 30% требуют капитального ремонта и 20% сравнительно небольшого. Про остальные 50% тоже нельзя сказать, что они совершенно исправны, но для них требуется ничтожное количество ремонта, как то или нет гайки, винтика, шурупа и т.п., что может быть сделано или путем получения запасной части с прокат-пункта или же самими гражданами. В смысле ремонта сельскохозяйственных орудий вопрос обстоит довольно сложно. Хотя ремонт и производился, но и в самом незначительном размере и развить его не удалось до последнего времени по причине крайне ограниченного коли-

чества металла и угля в мастерских, да и, кроме того, также недостаточно было и рабочих рук, а с опубликованием приказа № 34 в большинстве мастерских рабочие были сняты на трудповинность чуть ли не поголовно. Что безусловно не могло не отразиться на ходе работы по ремонту. Несмотря на неоднократные ходатайства перед Губкомтрудом и просьбы Упосевкома применять приказ к рабочим ремонтных мастерских в порядке очереди, дабы этим дать возможность продолжать работу без приостановки, но к сожалению, хотя бы об этом знал и Губисполком, мер не было принято никаких. Всего металла на Пермский у. распределено и вывезено на места 2.730 п. Конечно, этого количества недостаточно. В средних числах февраля с. г. Упосевком совместно с представителями секции Сельмаш и Район. Отдела Металла, разрешил вопрос о дополнительном снабжении мастерских металлом, на который секция сельмаш получила наряд только 24 марта и на долю Пермского у. сошло 2.000 пуд. Металл распределен, но на места еще не доставлен. Кроме того, на этом же заседании с представителем РайОтдметалла был принципиально разрешен вопрос о снабжении прокат-пунктов запасными частями к сельскохозяйственным орудиям. Упосевкомом был составлен список на части и подан в Отдел Металла. Подбор частей производится и скоро закончится. Надо думать, что металла хватит, но вопрос осложняется ограниченным количеством угля. Углежюги были также мобилизованы на трудповинность по лесозаготовкам и создать запасы угля не удалось. Но что в высшей степени ненормально, так это привлечение представителей Селькомов на лесозаготовки. Здесь Упосевком также просил, ходатайствовал, убеждал, что привлечение Селькомов, кроме вреда для посевной кампании, ничего не принесет. Но, увы, ничего не подействовало, и теперь Упосевком, разумеется, не может дать никакой гарантии за сохранность семян. Действительность убеждает нас в этом. С мест есть ряд сообщений, что за отсутствием бдительного присмотра со стороны Селькомов семена едят. Из данного положения можно было легко найти выход, опять-таки путем соблюдения очереди, т.е. можно было привлекать из каждого 10-ка половину, остальная оставалась для присмотра за семенами, по исполнении заданий по приказу первые пять освобождались и шли на работу вторые. Таким путем был бы исполнен и приказ, и были бы сохранены семена. Все такие дефекты — результат самостоятельной неконтактной работы Губернских организаций с Уездными. Пермский Упосевком, должен оговориться, что такое явление, может быть, наблюдается только в Пермском уезде. Ибо парализовать и умело пользоваться приказами, в особенности по трудповинности, Пермский Уисполком не мог, поскольку не имеет в схеме своей организации Уездного Комитета по трудповинности.

Помимо высказанных соображений, необходимо обратить особенное серьезное внимание на сохранность семян в связи с объявленным свободным провозом продуктов. Положение, очевидно, усугубляется потому, что все идет исключительно на рынок и на обсеменение полей картофелем можно заранее поставить определенный крест, да и есть основание в связи с объективными условиями опасаться вообще за всю посевную кампанию.

О неделе Красного Пахаря говорить много пока не приходится. В данное время организована Уездная Комиссия, которая ведет подготовительную работу.[...]

Председатель Уисполкома [подпись неразборчива]
(ГАПО. Ф.19. Оп.1. Д. 205. Л. 56—56об. Подлинник.)

№ 5. ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЗОРА
О СОСТОЯНИИ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Декабрь 1921 г. — январь 1922 г.

[...] б) Крестьяне. Пролетризация бедного крестьянства на почве неурожая и голода идет усиленным темпом с переходом под экономическое влияние кулачества. Экономическое значение последнего возрастает.

Настроение сельского населения наименее устойчивое по сравнению с остальными категориями. В Челябинской губ. враждебное, в Тюменской губ. — колеблющееся, за исключением части Ишимского и Ялуторского (голодающих уездов), где настроение враждебное; в Уфимской губ. в связи с катастрофическим продовольственным положением настроение враждебное, иногда с политической окраской; в Екатеринбургской — неудовлетворительное; в Пермской — плохое, особенно в Сарапульском уезде, где ждут свержения Советской Власти и прихода американцев. В общем в голодающих местах настроение подавленное, враждебное к Советской Власти. Последнее не мешает, однако, населению быть уверенным в продовольственной и семенной помощи Правительства. Новой экономической политикой крестьянство не прониклось, по той причине, что не видит практических ее результатов. Отношение к продналогу в связи с неурожаем и [...] налога отрицательное².

Кулачество относится к коммунистам и Советской Власти враждебно. В Челябинской губ. кулаки на выборах ставили условием своего избрания не избрание коммунистов и случалось демонстративно покидали выборы. В Екатеринбургской губ. был случай организации кулаков для расправы с уголовными бандитизмом, с тенденциями перенести активные действия и на коммунистов. На почве голода большое распространение получил уголовный бандитизм.[...]

Голод и борьба с ним

О деятельности Губернских комиссий помощи голодающим достаточных сведений нет. Вообще, в работе Губкомпомголод наблюдается оторванность от мест и отсутствие учета работы.

Сбор хлебов в 1921 г. по самой пострадавшей от неурожая губернии — Уфимской рисуется в следующем виде:

Валовой сбор всех хлебов (и картофеля в переводе на хлеба) 10.280 т.п., потребность на продовольствие населения и на семена 24.732 т. п.

¹ Орфография сохранена.

² Дописано от руки.

Таким образом, дефицит выражается в 14.022 т.п. (о недостатке семян см. с/х).

Голодает по области:

Пермская губ.	360.342 ч.	Екатеринбургская	312.123 ч.
Челябинская губ.	700.000 ч.	Уфимская	1217.785 ч.
Тюменская губ.	— сведений нет.		

Борьба с голодом ведется в 2-х направлениях: всемерная поддержка голодающего населения продуктами питания и организация весенней посевной кампании (о весенней посевной кампании см. о с/х). Для удовлетворения внутренней потребности, в связи с отменой продналога по Уфимской губернии, — постановлено произвести местное обложение населения на продукты, главным образом, хлебные.

В вопросе борьбы с голодом большого внимания заслуживает вопрос об эвакуации части населения из пострадавших местностей. Эвакуация идет в 2-х направлениях: эвакуация населения вообще и, в частности, детей и 2 — переброски рабочих на работы в другие губернии, более удовлетворительные по урожаю. В связи со слабой пропускной способностью ж.д., которые не смогли перебросить незначительное назначенное Центром к эвакуации количество населения — открылся и продолжается стихийный самотек, главным образом, крестьянства из пораженных местностей.

Сколько-либо полных сведений о ходе общественных работ в пострадавших губерниях — не имеется. Уфимская губ. из-за отсутствия продовольствия развернуть общественных работ не могла. С весны предполагается начать постройку электрической станции.

Питается голодающих: (достоверные сведения имеются только по Уфимской губ.) Уфимская губ. 106370 ч. От остальных губерний сведений нет.

Голод с каждым днем развивается. К весне по Уфимской губ. вероятный процент голодающих по отношению к общему количеству населения губернии ожидается не менее 80%.

На почве голода развиваются всевозможные эпидемии. Главный контингент больных — это переселенные и беженцы. Ввиду невозможности удовлетворить пайком даже больных — эпидемия усиливается. Из-за недостатка продовольствия и медицинского персонала стоит вопрос о сокращении количества имеющихся больниц вместо требуемого моментом расширения больничной сети. На почве истощения отмечается небывалый процент смертности от различных болезней. Так например, — корь вместо обычных 2-3% дает до 35% и более смертности. В детских больницах смертность нередко превышает 70% больных. [...]

Сельское хозяйство и посевная кампания

Основные задачи работы Земорганов: поднятие производственных сил сельского хозяйства и проведение посевкампании. Сложность и важность задач требует вполне налаженного аппарата. Имеющиеся сведения с мест свидетельствуют об игнорировании требований Земорганов, отказ от посылки туда работников, более или менее политически развитых и энергичных, со стороны

местных советских и партийных органов. Отсюда вялость и слабость аппаратов Земорганов и недостаточно налаженные взаимоотношения с другими хозяйственными организациями. Очередные задачи, стоящие в отчетный период перед Земорганами, были: учет имеющихся ресурсов, проведение и разработка подготовительных мер и планы сельскохозяйственной кампании 22 года и согласование этого плана в волостном, уездном, губернском и Областном масштабах. Указанный период совпадает с рядом съездов, начиная от Всероссийского и кончая уездными, занимавшимися детальной разработкой мероприятий по сельскому хозяйству на 22 год и подсчетом наличных сил и материалов.

По последним данным имеющееся и недостающее количество семян по Области в голодающих районах рисуется в следующих цифрах (в тысячах пудов)

Губернии	Требуется семян		Имеется семян				Недостаёт семян			
	Прод. и Карто- корм.	Карто- фель	Прод. и корм.	Карт.	В %		Прод. корм.	Карто- фель	В %	
					Прод.	Карт.			Прод.	Карт.
Екатери.	2670,5	33,4	1058,6	21,3	39	63	1.611,9	12,1	61	37
Пермск.	886,6	-	71,0	-	8	-	815,6	-	92	-
Уфимск.	3993,5	2.570,9	798,7	514,1	20	20	3.194,8	2.056,7	80	80
Челябин	5.318,2	1.378,0	1.595,4	275,6	30	20	3.792,8	1.102,4	70	80
Тюмен.										
Урал	12.868,8	3.982,3	3523,7	811,0	27	20	9.345,1	3.171,2	73	80

Часть недостающего количества семенного материала покрывается выдачей государственной семенной ссуды (Уфимской 2.275.000 п. и Челябинской 573.000 п.), но ввиду малой успешности семенных перебросок, едва ли удастся получить и это количество. Поэтому для покрытия недостатка в семяноматериалах пришлось прибегнуть к заготовке семян путем товарообмена в Сибири. Для этого решено использовать: 1) Все имеющиеся в семорганах фонды, 2) Провести принудительный заем фондов в Губсовнархозах на договорных началах, 3) Развить широкую агитацию за внесение нуждающимся в семенах населением денежных и натуральных фондов. Путем этой заготовки предполагается частично покрыть недостаток в семенах и в благополучных по урожаю губерниях. Заготовка семян в Сибири возложена на специальную Областную Комиссию, которая выехала на место заготовок. Сбор же и отправка фондов в Сибирь возложена на созданную для этой цели при Урал-эконо. Комиссию. В общем же по целому ряду причин рассчитывать на полное удовлетворение семенами губернии Урала не приходится. Необходимо напрячь все усилия и средства к доставке занаряженного семяноматериала и возможно большей заготовке и переброске семян из Сибири.

Наличие живого и мертвого инвентаря в Области: 1) Живой инвентарь: количество рабочего скота по сравнению с 1916 г. (100%) видно из следующей таблицы:

Рабочие лошади

Губернии	1916 г.	1920 г.		1921 г.	
	В %	В абсолют. цифрах	В %	В абсолют. цифрах	В %
Екатеринбургская	100	438.057	84,7	404.170	76,0
Пермская	100	225.741	74,0	—	—
Тюменская	100	404.464	92,6	—	—
Уфимская	100	408.076	74,3	309.596	56,3
Челябинская	100	438.156	82,8	335.155	57,6

В настоящую зиму, благодаря отсутствию кормов для скота у населения и тяжелого продовольственного положения вообще, количество рабочего скота уменьшится еще на 8—10% по сравнению с 1918 г.

Мертвый инвентарь: обеспечение сельскохозяйственным инвентарем Области согласно данным сельскохозяйственной переписи рисуется в следующем виде.

Наименование сельскохозяйственных машин	Производ. в 10 час. раб. день.	Приходится десятин посева на 1 орудие в Европ. России	Уфимск.	Екаб.	Челяб.	Перм.	В среднем
			Приходится на 1 орудие десятин посева				
1. Пахотное орудие (сохи, сошны, плуги)	1/3-1 д.	—	6,7	5,0	9,2	2,9	5,77
в частности, плуги	1/2 д.	9,5	18,0	24,0	11,0	36,0	22,50
2. Бороны	3/5	—	6,0	2,7	4,6	2,8	4,25
3. Сеялки	3 1/2-5	185	313.1	142.0	183.0	275.0	229.275
4. Жнейки	4-5	76	166.1	69.7	8.8	124.7	92.26
5. Веялки, сортировк, зерноочистители	9-10	49	49,5	53,9	121.8	23,0	62,05
6. Молотилки	1/4	—	82,8	54,5	123,0	35,8	74,00
7. Серпы	1/8-1/10	—	2,4	1,9	—	1,3	1,87

Количество плугов, потребных для замены всех простейших орудий пахоты, а также количество сеялок, жнеек и молотилок, потребных для обработки площади посева, равной площади 20 г., видно из следующей таблицы:

Наименование орудий	Норма	Уфимск. норма	Челяб. норма	Пермск. норма	Екатеринб. норма
Плуг	15	14986	27490	38210	25544
Севлок	45	24233	27327	10910	14998
Жнеёк	60	14161	-	3747	2032
Молотилок	120	5034	310	-	-

В 10-летний период такую замену можно провести без большого напряжения. Что же касается снабжения населения недостающим сельскохозяйственным инвентарем в настоящее время, то, в связи с переходом к платному снабжению, конкретнее сказать ничего нельзя. Эти вопросы стоят сейчас на разрешении в Центре.

Совхозы (см. таблицу ниже) в наибольшем количестве имеются в Пермской губернии. Большинство из них приписные, весьма слабо снабжаемые и слабо руководимые Губземотделами. Хозяйственно не поставлены в совхозы Екат. губ. В совершенно хаотическом состоянии находятся малочисленные совхозы Тюменской губ. В Уфимской губ. совхозы расположены большей частью на месте прежних оборудованных хозяйств, в значительной степени сохранных от разрушения. Работа в них налаживается. УфГубземотдел принимает действительные меры к организации и снабжению указанных хозяйств. Проведение принципа хозяйственного расчета должно внести оздоровление в работу совхозов вообще.

Советские и коллективные хозяйства — сводка

Назв-ние	Кол. хоз.	Губернии	Площадь			Население			Скот	
			Посев.	Общ.	В %	Трудо-способных	летрудо-способных	Всего	Лошад.	Рога-т. скот
Совхоз	26	Екат.	7500	27750	27	666	1535	2201	658	812
	52	Пермск.	5940	28861	22	208	-	368	164	306
	6	Тюмен.	621	9702	6	194	-	166	-	-
	30	Уфим.	5000	19530	25	824	1271	2095	659	421
	33	Челяб.	3000	76864	3,8	-	-	-	600	374
	147	Урал	22061	182797	13,55	-	-	-	2236	1221
Колхоз	26	Екат.	10637	720000	1,5	5491	2850	6149	1431	1534
		Перм.	Сведений нет							
	60	Тюмень	1026	-	-	1151	2766	3317	942	1023
	227	Уфа	-	40417	-	-	-	1339	3316	3431
	36	Челяб.	-	3379	-	764	931	1095	496	551
	345	Урал	-	-	-	-	-	-	-	-

Поднятие сельского хозяйства немыслимо без повышения сельскохозяйственной грамотности населения. Поэтому земорганы в своей работе немалое

внимание уделяли вопросу сельскохозяйственной агитации. Во всех губерниях приступлено к организации сельскохозяйственных курсов, ликвидации сельскохозяйственной безграмотности — путем проведения лекций и бесед. Количество организованных и прослушанных курсов, проведенных лекций и бесед — представлены следующей таблицей:

Губерния	Проведено			
	Лекций	Бесед	Курсов:	
			Сельскохозяйств.	Землеустрои.
Екатеринбургская	680	90	73	—
Пермская	-	-	-	-
Тюменская	88	—	—	1
Уфимская	-	-	-	-
Челябинская	-	-	5	-
ИТОГО	-	-	-	-

В Екатеринбургской губернии предполагается открыть еще 5 курсов по землеустройству, в Пермской — 4 сельскохозяйственных курсов. Кроме того, для подготовки инструкторского персонала, могущего стать во главе противосаранчовых истребительных отрядов. В Екатеринбурге предполагается открыть областные курсы по борьбе с вредителями сельского хозяйства. В качестве слушателей курсов привлекаются студенты сельскохозяйственного факультета УТУ и агроперсонал с мест. Для подготовки низших агентов по борьбе с кобылкой — в Ишимском и Ялуторовском уездах Тюменской губернии предполагается организовать еще курсы. Организация курсов тормозится отсутствием денежных средств и продовольствия.[...]

Предгубчека [подпись неразборчива]

Предгубинформтройки [подпись неразборчива]

Член губинформтройки [подпись неразборчива]

(ЦГАОО РБ. Ф.1. Оп. 1. Д. 548. Л. 1—7. Подлинник.)

№ 6. ГОСИНФОРМСВОДКА УФИМСКОГО ГУБЧЕКА О ПОЛОЖЕНИИ В ГУБЕРНИИ

4 января 1922 г.

С.Секретно Через Политконтролера

Екатеринбург П.П.В.Ч.К.

Копия губчека: Самара, Челябинск, Оренбург, Пермь, Вятка, Ижевск, Казань и Стерлитамак Башчека

Госинфорсводка Уфгубчека на 4 января 1922 года № 2.

Настроение на заводах не изменилось, желдороба: растет недовольство рабочих, почва: не установление твердого пайка, ропщут на то, что рабочие заводов и служащие учреждений обеспечены, транспорт, несмотря на ударность работы транспорта, не обеспечен. Крестьянство голодает и ропщет на отсутствие

помощи, голод в некоторых районах достигает 80-90%, смертность от голода и эпидемий доходит до 20%. Голодающим населением стихийно уничтожается скот, в некоторых волостях осталось 10-15 лошадей на волость. Уничтожение скота грозит срывом посевной весенней кампании. Партийная и союзные организации без изменений. Поступление продналога с истощением продуктов почти прекращается. Губземотделом ведутся подготовительные работы посевной кампании, приступлено к учету ярового клина, на местах работают комиссии борьбе со скрытием пашни. Упосевкомами ведется реорганизация волпосевкомов. Гуж-повинность заменена гужтрудналогом, который крестьяне выполняют неохотно. Цены на ржаную муку доходит до миллиона рублей. За отчетный период Губкоммукоотделом сдано аренду два помещения под предприятия и два дома усадьбой частным лицам. Эпидемия не прекращается, борьба при отсутствии медикаментов, препаратов, продовольствия трудна. Медперсонал саботирует, стремясь частной практикой и расхищая скудные запасы медикаментов. Остальным вопросам без перемен.

Зампредуфгубчека Чудинов
Предгосинформтройки Субботин
Члены Большаков и Першин
Верно: Секретарь [подпись] Колесова

(ЦГАООРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 552. Л. 4. Копия.)

**№ 7. ИЗ ОТЧЕТА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ СОВЕТУ ТРУДА И ОБОРОНЫ
О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ, НАПРАВЛЕННОГО В.И. ЛЕНИНУ**

[Апрель 1922 г.]

[...] Сельскохозяйственная и кустарно-промысловая кооперация

Сельскохозяйственную и кустарно-промысловую кооперацию объединяет в Екатеринбургской губернии селькустсоюз, открывший свои действия в начале отчетного периода. Возникновение союза вызвалось острой необходимостью возрождения сельского хозяйства и кустарной промышленности Зауральского края.

К 1-му октября работали следующие объединения, образованные путем кооперирования сельских хозяев-кустарей:

С.-хоз. куст. пром. т-ва	18	объединений
С.-хоз. т-ва	88	«
С.-хоз. и куст. пром. артели	6	«
С.-хоз. артели	89	«
С.-хоз. общества	4	«
Пчеловодные т-ва	2	«
« артели	1	«
Мелиоративные т-ва	4	«
С.-хоз. артели по осушению почвы	1	«
Рассадники крупного рогатого скота	1	«
Машинные т-ва	1	«
Семенные т-ва	1	«

Огородные т-ва	1	«
Промысловые артели и т-ва	11	«
Кооп. с.-хоз. и куст. пром. коммун	31	«
Труд. с.-хоз. пром. артели	42	«
Всего	301	объединение

Объединенные союзом кооперативные т-ва и артели организовали различные производства, как то: выделку телег, колес, деревянной посуды и др. деревянных предметов крестьянского обихода, машиностроение (плуги, молотилки, вельки, крупорушки и т.д.), выпуск чугуниного литья, изготовление кузнечно-слесарных изделий, обуви, шуб, пимов, выработку овчин, мелких шкур и проч., обработку кожи, добычу алебастра, известки, белой и огнеупорной глины, выгонку дегтя, смолы, приготовление вара и проч.

Площадь земли, обрабатываемой кооперативным населением, достигает 40 тысяч десятин. На этой площади ведется полевое хозяйство (хлеб), травосеяние (клевер, вика и др.), пчеловодство, огородничество, скотоводство и проч. Союзом приобретены два крупных имения с пахотной и покосной землей 503 десятины. У него есть также собственный чугунолитейный механический завод. Годовой баланс имений достигает 1076300 руб.

По паевому капиталу и наличности своего имущества кооперативные объединения имеют финансовую ответственность до 34374175000 руб.

На 1 февраля баланс селькустосоюза достиг следующего: дебет выражался суммой 13343531661 руб., вкладов было на 647000000 руб., доходов — 242329595 руб.

В своей работе союз придерживается определенной программы. Им уже проводится: а) агрикультурные мероприятия (организация прокатных пунктов, пополнение хозяйств живым инвентарем, открытие маслодельных заводов, овощесушилок, образование телячьих и бычьих питомников, показательных пасек и т.д.), стоимость этих мероприятий выражается в 73990 руб. золотом; б) операция по поддержке сельского хозяйства (комиссионные по с.-х. инвентарю, заготовка кормов, покупка пользовательского племенного скота, приобретение лошадей, снабжение пчеловодов сахаром), реализация этих мероприятий требует 128000 золотых руб.; в) заготовительные операции (заготовка сырых кож, овчин, шерсти, пуха, пера, щетины, лекарственных растений и проч.), расход на это достигает 712500 рублей золотом; г) мелноративные мероприятия (корчевание и сушка болот, прокладка летних дорог), расход на них доходит до 74500 руб. золотом; д) посевная кампания вызывает расход союза в 279000 руб. золотом. Кооперированному им населению союз поможет засеять более 40000 десятин, сам же он засеивает до 600 десятин. Для поднятия кустарной промышленности союз намерен путем объединения кооперативного кустарнического труда изготовить: изделий металлообрабатывающей промышленности на 313907 р. золотом и предметов деревообрабатывающей промышленности на 82429 рублей золотом; союзом будет переработано жировых и волокнистых веществ на 180000 рублей золотом. Всего за первую половину 1922 года труд кооперированных кустарей должен дать разнообразных изделий на 576336 рублей золотом.

Еще до апреля сего года селькустоюзом в счет полугодовой выработки кустарной промышленности заключены договора на поставку изделий:

для уралкустпрома на	29160000.	руб.
« губсовнархоза «	1775.89.400	«
« губземотдела «	2400000.000	«
« северолес «	1040000000	«

В течение полугодия союз решил заготовить сырых и вспомогательных материалов на 305118 руб. золотом. Один только кустарно-промышленный отдел союза должен иметь оборот за 6 месяцев в 30925864 руб. золотом. Приходо-расходная смета союза на первую половину первого года его работы, согласно сметы предположений, должна сбалансироваться в 57172770000 руб.

Нижеприводимая таблица характеризует торговые операции селькустоюза, произведенные им по 1-е апреля 1922 года, снабжение сырьем кустарей и сбыт кустарных изделий. Мы не детализируем в этой таблице названиями продуктов, товаров и т.д., т.к. номенклатура сбываемых товаров и сырья, которыми снабжаются кустари, слишком разнообразна, многосложна и громоздка. Стоимость всех объектов товарооборота, сбыта и снабжение в достаточной мере говорят о той финансовой мощи сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации, которую она уже приобрела в течение своего еще краткого существования.

Месяцы	Участники товарооборота				
	Сельскохозяйственные и куст.-пром. кооперативы района		Кооперативы других видов своего района	Государственные организации	Частные лица
	Своего	Не своего			
куплено на сумму					
Декабрь	87.502.637	180.000.000	517.270.000	11.747.010	402.120.473
Январь	562.139.500	114.512.500	227.700.000	514.286.000	1.556.806.770
Февраль	1.551.301.122	1.076.000	507.672.500	1.147.350.000	2.379.946.513
Март	6.669.554.512	791.375.000	1.553.156.260	3.321.465.000	6.336.254.181
Всего	8.870.497.771	1.086.962.500	2.805.798.760	4.994.818.010	10.675.128337

Месяцы	Участники товарооборота				
	Сельскохозяйственные и куст.-пром. кооперативы района		Кооперативы других видов своего района	Государственные организации	Частные лица
	Своего	Не своего			
продано на сумму					
Декабрь	40.667.500	—	—	21.581.400	51.817.088
Январь	464.244.175	188.920.000	—	123.623.520	409.895.250
Февраль	2.027.648.675	15.110.313	2.186.250	863.633.175	825.854.625
Март	7.187.033.756	3.759.633.000	39.617.500	266.051.750	1.943.648.525
Всего	9.719.594.106	3.963.663.313	41.803.750	1.274.889.845	3.231.215.488

В течение 3-х первых месяцев своей работы селькустоюзом заключены с кооперативами и государственными организациями и учреждениями договора и соглашения на поставку для союза следующих продуктов: пшеницы 1.000 п., ржи 5.000 п., муки пшеничной 2.000 п., вики 1.000 п., клевера 100 п., сена 9.000 п., меду 200 п. и воску 100 п., тимофеевки 15 п., жмыхов 200 п., овса 2.000 п. Заключены также договора на поставку для селькустоюза 5.000 п. изделий из сортового железа, 500 топоров дроворубных, 750 скатов ходков, 3.000 пуд. изделий из сортового железа, 500 вейлок, 100 п. втулок чугунных, 500 пил столярных и неограниченное количество борон, плугов и др. с.-х. машин и орудий.

В настоящее время производство объединенных селькустоюзом кустарей растет быстрым темпом.

Но много еще требуется усилий, финансовой поддержки, настойчивой работы для должного разрешения многосложных задач, стоящих перед с.-х. кооперацией. Условия новой экономической политики на основании почти годового опыта убеждают ГЭС в быстром росте, расширении и углублении деятельности с.-х. кооперации. [...]

Бавары. Крестьянский рынок. Мешочничество

Базарная торговля концентрируется в городах губернии, причем резко выделяется Екатеринбург — можно с уверенностью сказать, что обороты екатеринбургских базаров составляют не менее 5 оборотов всех остальных базаров по губернии.

В сельских местностях организованная, концентрированная в определенных пунктах торговля существует, но распределяется довольно неравномерно. В северных уездах (Надеждинский, Верхотурский) единственный базарный пункт — уездный город; в других уездах имеется таких пунктов довольно много (Шадринский уезд — 18, Камышловский — 10), но удельный вес их в уездном товарообороте невелик, ибо, во-первых, эти сельские торжки бывают всего раз в неделю, а во-вторых — там господствует почти исключительно натуральный товарообмен, и емкость этих рынков мала. Степень развития торговли в сельских местностях уезда стоит, очевидно, в связи с хлебодородностью и урожайностью уездов: в северных уездах, являющихся с общегубернской точки зрения потребляющими, ее совершенно нет; в южных она наблюдается, но, например, голодающий Красноуфимский уезд насчитывает, при очень большой территории и населенности, всего 4 базарных сельских пункта с ничтожным товарооборотом.

Базары в губернском и уездных городах состоят в непосредственной продаже приезжающими крестьянами своих товаров потребителям и в обращении кустарных изделий. По мере сокращения предложения крестьянских продуктов (главным образом, хлеба), которое начинается с декабря-января, после короткого периода осеннего изобилия, в базарной торговле в весьма большой степени проявляется спекулятивный элемент: скупка и перепродажа хлеба, которая становится своего рода «бытовым явлением».

Главным поставщиком базаров является крестьянство губернии; ввозные продукты играют в базарной торговле второстепенную роль. Приблизительная

емкость хлебного рынка губернии определяется цифрой около 1.000.000 пудов; нужно иметь в виду, что всей хлебной продукции 1921 года (исчисляющейся по переводе зернофуража и картофеля на хлеб в 21.000.000 пудов), за вычетом продналога, кормовой и семенной потребности, не хватило бы всему сельскому населению на год даже из расчета голодных норм. Но хлебная продукция 1921 года распределяется по отдельным районам весьма неравномерно, вследствие естественных и экономических различий уездов и пестроты урожая 1921 года; поэтому, наряду с голодающими районами, есть районы, где имеются (вернее — имелись) довольно большие излишки хлеба, которые съезд заведывающих райотделениями губсоюза определяет в указанной выше цифре 1 миллион пудов — этот миллион пудов составляет основную базу крестьянского рынка губернии и фонд для прокормления городского и заводского населения, поскольку оно не состоит на госснабжении, а также и тех групп сельского населения, которые нуждаются в покупном хлебе, поскольку они сохранили покупательную способность. Эти хлебные излишки путем товарооборота перекачиваются: 1) из одних сельских местностей в другие непосредственно; 2) то же при посредстве городских рынков; 3) из сельских местностей в города.

Обороты городских рынков, понятно, с большим трудом поддаются учету, и самый этот учет можно сделать только самый грубо-приблизительный. Для екатеринбургского рынка дневной оборот хлеба можно считать в среднем от 1.000 до 2.000 пудов, а всего оборот за полугодие — 200-300 тысяч пудов. Цифры эти, конечно, являются весьма приблизительными, ибо лишь часть продаваемой муки поддается учету, а громадное количество сделок происходит даже за пределами рынка. Для иллюстрации тех трудностей, с какими здесь приходится сталкиваться, достаточно привести такой пример: при взвешивании продуктов на городских весах Хлебного рынка в г. Екатеринбурге взимается 3% с объявленной стоимости (для муки), и взвешивается преимущественно мука. Если сделать расчет полученного комхозом дохода от весов и цены муки за соответствующие периоды, то получается совершенно неверный вывод: месячный оборот хлеба измеряется одной, двумя или тремя тысячами пудов, тогда как предпринимавшиеся специальные обследования дают для отдельных дней цифры *дневного* оборота в тысячу пудов и более. Учитывая, с одной стороны, громадное количество внебазарных сделок, а с другой — спекулятивную перепродажу хлебных продуктов (вследствие чего одно количество муки делает два-три оборота), приходится признать приблизительно приемлемыми установленные выше цифры (200-300 т. пудов в полугодие). Еще более гадательными представляются цифры оборотов уездных рынков. Самым приблизительным образом можно их в совокупности посчитать равными обороту екатеринбургского рынка.

Что касается собственно мешочничества, то при новой экономической политике его можно считать явлением, если не отживающим, то заметно сокращающимся. Главные причины этого: созданная развитием торговли нивелировка цен по губернии, ж.-д. тариф и новые условия оборота: крестьянин не так охотно меняет продукты на месте, а предпочитает вести их на городской рынок, в чем уже нет прежнего риска, и есть возможность при развитом денежном обороте купить на вырученные деньги нужные товары, а не случайные

предметы, предлагаемые городским мешочником. Для характеристики хлебного рынка по губернии можно привести еще такие цифры: заготовки государственных и кооперативных организаций в порядке частного товарооборота за период октябрь-март выражаются цифрой 132 тыс. пудов, тогда как заготовки тех же организаций на внегубернских рынках достигают 223 тыс. пудов (из них, впрочем, ввезено в губернию значительно меньше — остальное лежит в местах заготовок). Учитывая также значительно больший ввоз частным порядком хлеба в губернию (из Сибири), чем вывоз из нее, мы неизбежно приходим к заключению, что в отношении хлеба Екатеринбургская губерния является в большей степени потребляющей, чем производящей. [...]

(РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2821. Л.14—21. Подлинник.)

№ 8. ИЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

1922 г.

[...] Губерния в общем и целом представлена производящей губернией, выбрасывавшей по преимуществу овес. Этот избыток хлебов по губернии для 1915 года (без Сарапульского уезда) определялся — 4385 тысяч пудов главных продовольственных хлебов (ржи, пшеницы и ячменя) и 9291 тысяч пудов овса, т.е. избыток овса более чем в 2 раза превосходил таковой же для ржи (поскольку пшеница и ячмень имели второстепенное значение).

Посевная площадь, определявшаяся 1040000 десятинами для 1915 и 1916 г. представлялась до 75% занятой посевами ржи и овса, из которых первая в целом по губернии превалировала. По характеру господствовавших культур губерния определялась как ржано-овсяно-ячменно-пшеничная.

Второстепенные культуры на хлебную продукцию не имели никакого значения, так как посевная площадь их не превышала 4-х-5% общей посевной площади. Из этих второстепенных культур более или менее заметное значение имели гречиха, распространенная преимущественно в Сарапульском и Осинском уездах, и клевер в Кунгурском, Пермском и Оханском уездах.

Характер культур полевого клина по отдельным уездам находился в соответствии с их почвенными особенностями: северные Чердынский, Усольский, Пермский и Оханский уезды с их бедными песчанистыми, супесчанистыми и суглинистыми оподзоленными почвами представлялись преимущественно овсяно-ржано-ячменными, с проти<...> овсяно-пшеничными и наконец Кунгурский уезд — уезд с развитым травосеянием представлялся овсяно-ржано-пшенично-клеверный.

Характер развития посевных площадей в целом по губернии с 1892 г. определялся преимущественно медленным постепенным развитием их с колебаниями в сторону уменьшения для неурожайных годов (1896, 1898, 1908, 1911), причем максимальный размер посевной площади (1.040.000 десятин без Сарапульского уезда) наблюдался в 1915 г. и 1916 г.

Имеющее колоссальнейшее в организационной перестройке крестьянского трехполья в более совершенные формы травосеяние, должствующее именоваться клеверосеянием по абсолютно преобладающему развитию его (однолетние

и все др. многолетние травы занимают только доли %), зародившись в губернии в 90-х годах прошлого столетия вследствие благоприятствовавшей его развитию политике быв. Земства, определявшейся предоставлением на чрезвычайно льготных условиях в рассрочку на 2-3 года населению заготовленных семян, с 1905 года (как это видно из прилагаемой диаграммы) начало настолько сильно развиваться, что к 1916 году площадь его достигала 52.000 десятин, что составляло 5,0% всей бывшей тогда посевной площади.

По отдельным уездам клеверостояние, как уже ранее упоминалось, особенно развито было в Кунгурском уезде, где площадь его в 1916 г. доходила до 13951 десятин или 12%, в Осинском 18909 дес. — 5%, Оханском 8388 дес. — 3% и Пермском 5991 дес. — 7%.

И наконец, последним и самым существеннейшим заключением из произведенного нами исследования является то, что империалистическая война, несмотря на массовую мобилизацию пешей рабочей силы и лошадей, не внесла сколько-нибудь существенных изменений в хлебную продукцию губернии, наоборот в первые годы войны, вследствие повышенных цен на хлеб по причине его массовой поставки на армию, дают определенное резкое увеличение посевных площадей, а вместе с тем, следовательно, и хлебной продукции.

*Влияние на полеводство революции,
гражданской войны и голода 1921 года*

Падение сельского хозяйства и, в частности, посевных площадей начинается уже только с 1917 г., чему не в малой степени способствовали революционные события и нарождавшаяся в эти дни политика твердых цен.

Революция, происходившая на территории губернии, гражданская война и обрушившийся в довершение всего этого небывалый по своим размерам и действию голод 1921 г. внесли в сельское хозяйство губернии настолько существенные изменения, настолько сильно и глубоко подорвали мощь крестьянского хозяйства, привели его к такому тупику, из которого выбраться ему без посторонней помощи будет чрезвычайно трудно, да даже и при оказании этой помощи для восстановления сельского хозяйства потребуются сравнительно длительный промежуток времени, так как расстройство сельского хозяйства разразившимся в 1921 году голодом настолько сильно, что все другие предшествовавшие недороды и неурожаи, даже самый сильный из них голод 1891 г., представляются в сравнении с ним совершенно незаметными.

Особенно велико и губительно действие голода 1921 года, все остальные причины упадка сельского хозяйства кажутся в сравнении с ним незаметными.

Прежде всего, губерния из производящей, выбрасывавшей за предшествовавшие революции года десятки миллионов пудов хлеба, превратилась вследствие ужасающего сокращения посевной площади в потребляющую губернию — губернию с огромным недостатком продовольственных ресурсов, исчисляемых для нынешнего года по весьма преуменьшенным против довоенных нормам продовольствия населения — в 9 1/2 миллионов пудов только для одного сельского населения.

Дефицит в производстве между избытком хлебов в 1915 году 13 1/2 миллионов пудов и недостатком 9 1/2 миллионов пудов — для 1922 года — 23 миллиона пудов — нам кажется, говорит достаточно убедительно о том поло-

жении, к которому [...]. Констатируемый дефицит в производстве хлебов, урожайность которых в общем для нынешнего года выражается в среднем 54 пуд. на десятину, является исключительно следствием небывалого катастрофического сокращения посевных площадей.

Посевная площадь губернии, как это усматривается из прилагаемой при сем диаграммы (см. диаграмму № 1), определяющаяся в нынешнем году 467223 дес. (без Сарапульского уезда 412518 дес.) нужно полагать, достигла максимума своего сокращения, так как в сравнении даже с послеголодным 1892 г., когда она определялась 847 тысяч десятин, это сокращение доходит до 52%, в сравнении же с максимальным по размерам посевных площадей 1916 г. посевные площади составляют

в 1892 г. 81%, а в 1922 г. только 38%,

и если после голода 1891 г. губерния, судя по приведенным в упоминаемом прилагаемой к сему диаграмме данным сравнительно быстро оправилась от постигшего ее бедствия, то в отношении нынешнего состояния сельского хозяйства необходимо установить, что переживаемый кризис является затяжным и крайне обостренным, оправляться после которого губерния будет не один десяток лет. Отмечая неблагоприятными для развития сельского хозяйства последние, начиная с 1917 г., годы, необходимо указать, что посевная площадь, сократившись к 1920 году до 645 тысяч десятин (без Сарапульского уезда), в 1921 г. под влиянием более благоприятствующей экономической политики дает определенное, на 13,3%, повышение, определяясь размерами по тем же уездам в 731 тысяч дес., и наконец, послеголодный нынешний год дает даже по сравнению с прошлым 1921 г. резкое падение посевной площади, которая по тем же уездам определяется уже 412,5 тысяч дес. (с Сарапульским 467 тыс. д.) или 56% площади 1921 года, 39% — 1916 г. и 48% площади 1892 года.

По отдельным уездам наиболее резкое падение посевных площадей, начиная с максимального 1916 г., наблюдается в южных производящих уездах, особенно сильно почувствовавших результаты продрозверсток и голода 1921 года.

Это сокращение, как видно из приложенной к сему диаграммы (см. диаграмму № 2), поистине ужасающее: посевная площадь Осинского уезда с 356 тысяч дес. в 1915 году к 1920 году доходит до 171 тысяч дес. и к 1922 году уже только до 106 тысяч, сокращение более, чем в три раза, Оханский уезд дает не менее ужасающие цифры: посевы с 289 тысяч дес. в 1916 г. опускаются в 1920 г. до 143 тыс. и в 1922 году уже до 68 тысяч дес., сокращение более чем в 4 раза, и по Сарапульскому уезду посевная площадь с 188 тыс. десятин в 1916 г. к 1922 году доходит только до 55 тысяч, т.е. сокращается более чем в три раза.

Остальные уезды, сокративши также свою посевную площадь с 1915-1916 г., не дают уже, конечно, таких феноменальных падений, хотя и здесь сокращение в полтора-два раза обычное явление.

Если посмотреть данные обеспеченности посевами каждого в отдельности хозяйства за 1898 г. и 1916 г. и 1922 г., то разница, конечно, колоссальна, причем, как и следует ожидать, наиболее резкое сокращение будет наблюдаться по южным уездам.

На одно хозяйство приходится десятин посева:

Уезды	1898 г.	1916 г.	1922 г.
Чердынский	3,2	2,73	1,62
Усольский	3,8	2,51	1,39
Пермский	3,3	1,66	1,50
Кунгурский	4,3	4,84	1,75
Оханский	5,4	4,99	1,27
Осинский	4,9	4,82	1,64
Сарапульский	—	4,88	1,60
По губернии	4,4	3,67	1,53

Наблюдаемое катастрофическое сокращение посевных площадей по всем уездам особенно сильно произошло в овсе, вследствие чего соотношение культур полеводства, установившееся к 1917 году, резко изменилось.

Соотношение культур в полеводстве (в %)

Уезды	1917 г.							
	Озим. рожь	Овес	Пшеница	Ячмень	Корм. травы	Лен и коноп.	Гречиха	Всего яров.
Чердынский	36,3	41,9	0,1	14,8	1,6	3,3	—	63,7
Усольский	39,0	44,6	0,3	10,9	1,7	2,7	—	61,0
Пермский	38,4	40,8	2,0	12,7	4,8	1,1	—	61,6
Кунгурский	35,1	39,0	10,7	3,0	10,2	1,4	—	64,9
Оханский	28,8	45,5	4,7	13,5	2,7	1,4	2,8	71,2
Осинский	43,7	30,1	7,8	1,5	4,5	2,2	9,4	56,3
Сарапульский данные 1916 г.	44,7	25,8	12,4	7,0	Св. нет	2,4	7,7	55,3
По губернии	38,4	36,8	6,5	7,9	3,2	2,0	4,5	61,6

Уезды	1922 г.					
	Озимья рожь	Овес	Пшеница	Ячмень	Гречиха	Всего яров.
Чердынский	43,0	38,0	0,2	12,7	0,5	57,0
Усольский	53,3	34,7	0,4	7,5	0,0	46,7
Пермский	53,3	30,0	4,0	8,7	0,3	46,7
Кунгурский	58,9	15,9	14,8	2,2	1,2	41,1
Оханский	45,6	25,7	4,9	9,8	5,1	54,4
Осинский	60,3	14,8	5,6	1,1	10,4	39,7
Сарапульский данные 1916 г.	54,3	15,5	12,6	1,2	3,2	45,7
По губернии	53,8	23,4	6,4	5,5	3,7	46,2

Таким образом, губерния в общем и целом по соотношению культур в своем полевом клину превратилась из ржано-овсяно-ячменной с почти равными по положению рожью и овсом в ржано-ржано-овсяно-ячменную, потеряв в яровом клину 15% и по одному только овсу 13%, посевы же ржи, благодаря этому, относительно увеличились на 15%.

И если в 1917 г. посевы ржи и овса занимали одинаковое место в полеводстве, то теперь овес по отношению к ржи составляет только 43,4%.

Выпадение культуры Пермского клевера

Травосеяние, этот отправной момент в организационной перестройке всего крестьянского хозяйства в более совершенные формы через установление соответствующего для большей части губернии девяти полного севооборота, достаточно подробно разработанного профессором Б.Н. Варгинным («девятиполье на смену трехполья»), за время революции и гражданской войны потеряло настолько существенное изменение, что от него остались только одни следы, клеверосеяние нужно признать исчезающим, так как то, что осталось от 1916 г., является, конечно, незаметной величиной. К сожалению, мы не располагаем данными о травосеянии, относящимися к нынешнему году, но, судя даже по данным 1921 года, положение с культивировавшимся высокоценным «пермским» клевером, нужно считать поистине катастрофическим.

Уезды	Десятин			%		
	1916 г.	1920 г.	1921 г.	1916 г.	1920 г.	1921 г.
Чердынский	1270	50	48	100	3,9	3,8
Усольский	2436	118	104	100	4,8	4,3
Пермский	6991	857	1041	100	12,3	14,9
Кунгурский	13951	2028	2250	100	14,5	16,1
Оханский	8388	820	893	100	9,8	10,6
Осинский	18909	505	487	100	2,7	2,6
Сарапульский	Сведений нет					
По губернии	51945	4378	4823	100	8,4	9,3

(ГАНИОДПО. Ф. 557. Оп. 3. Д. 318. Л. 10—16. Подлинник.)

№ 9. ИЗ ОТЧЕТА БАШНАРКОМЗЕМА О ПОЛОЖЕНИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ БАШКИРИИ И СНАБЖЕНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ИНВЕНТАРЕМ

[1923]

В первые годы после революции снабжение сельскохозяйственным инвентарем было построено на принципах бесплатности и организации государственных ремонтных мастерских, насчитывающихся на всей Республике до 250.

Точных цифр, характеризующих отпуск инвентаря, а также его ремонт, почти не сохранилось за исключением 1920 года.

Новая экономическая политика дело снабжения сельскохозяйственным инвентарем поставила на новые рельсы: принцип платности и хозрасчет снабжающего аппарата.

За это время организован Гос.Сель.Склад с восьмью филиалами в кантонах. Основная его деятельность сводилась к снабжению сельскохозяйственным инвентарем, огородными и травяными семенами, ПЧЕЛОВОДНЫМИ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ. Основная деятельность Гос.Сель.Склада с/х инвентарем видна из нижеприведенной таблицы:

Данные в таблице говорят о незначительных размерах распространения сельскохозяйственного инвентаря в зависимости от общего упадка [сельского хо-

зайства], но и о наметившемся подъеме в сельском хозяйстве также говорят, как данные в других отраслях

Наименование машин и орудий труда	1920	1921	1922	1923
Плуги	2.065	959	305	1.846
Бороны	132	1	37	479
Сеялок	1	56	9	186
Жнеек	802	245	17	180
Граблей конских	160	154	37	89
Молотилок	141	47	19	77
Веялок	144	12	44	365
Сортировок	2	4	2	2
Кос и серпов	85271	92324	9175	90842

В отчетном году распределение машин от Цека Последгола и Башгоссельсклада.

Послеголодовские машины и орудия распределялись в ссуду на более льготных условиях, а именно при выдаче машин брался задаток в размере 10% от стоимости, а остальная сумма рассчитывалась в ссуду от 2 до 5 лет. Выплата за машины Последгола производится рожью по цене 80 коп. золотом пуд.

Послеголодовских машин распределено по Республике на 57.723 руб. зол. в следующем количестве:

Плугов разных 910

Борон 243

Жней 46

Сеялок 111

Молотилок 35

Веялок 6

Соломорезок 6

Машин Госсельсклада было выдано в ссуду же:

Плугов 485 Сноповязалок 4

Борон 77 Молотилок 17

Сеялок 4 Веялок 169

Жней 45 Куклеотборок 2

Граблей конных 64 Кос 44.327

Серпов 20.544 — Всего продано с запасными частями и прочими мелкими предметами на 71.561 руб. золотом.

Ближайшими задачами в снабжении с/х инвентарем необходимо признать: 1) Снижение цен на машины и орудия. 2) Организация долгосрочного кредита в деле снабжения. 3) Уменьшение организационных накладных расходов. 4) Научение применения с/х орудий и машин разных систем в условиях БАШРЕСПУБЛИКИ.

АГРОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Агрономическая организация Башреспублики, возглавляемая Башнаркомземом, сосредоточена при нем и руководит всей агрономической работой Башреспублики. Весь штат агроорганизации в Центре определяется в 26 человек, ведущих работу в управлении сельского хозяйства Башнаркомзема. На местах ведут работу кантагрономы и их помощники и участковые агрономы. Нижеприведенная таблица указывает, как расположены агрономические силы по кантонам:

	Участок	На участок приходится		
		Селений	Хозяйств	Десятин
Уфимская	5	88	5.676	141.000
Белебеевский	11	180	12.802	252.212
Стерлитамак	7	130	6.346	302.391
Бирский	8	150	12.905	861.000
Месягутовский	5	60	5.572	45.000
Аргаяшский	2	51	3.839	39.121
Зилаирский	8	100	4.500	59.463
Т.Катайский	3	53	8.394	18.371

Агровоздействия осуществляются путем распространения сельскохозяйственных знаний. Здесь мы имеем живое слово и печать. По данным за последние 22—23 год агрономическими организациями Башнаркомзема было проведено 941 лекция и беседа при 40.752 слушателях. Кроме того, необходимо учесть и консультативную работу, которая выполняется агрономом в его повседневном соприкосновении с крестьянством. Организовано 13 курсов с общим числом слушателей крестьян 644 человека. Курсы были продолжительностью от 2-х недель до 6 месяцев и организовались в кантонах Белебеевском, Уфимском, Стерлитамакском и Залаирском. В крестьянской массе распространено брошюр, листовок, плакатов и отчетов по сельскому хозяйству до 2.800 экземпляров, часть коих была переведена на башкирский язык.

Агропропаганда охватывала вопросы зяблевой вспашки, раннего замета паров, улучшенных систем хозяйства, травосеяния и т.д. В прошлом агропропаганда имела следующее цифровое выражение: по Уфимской губ. в 1913 г. было проведено 514 лекций с 16.409 слушателями. Прогресс в этом отношении очевиден. При агроучастках имеются прокатпункты, на которых сосредоточено по всей Башкирии 2.202 машины, из коих: орудий для обработки почвы 1.275: на пункт 25, орудий для посева 252 — на пункт 5, орудий для уборки 949, на пункт 16, орудий молотильных 75 — на пункт 1-2, орудий зерноочистительных 353 — на пункт 7.

Хотя общее количество машин уменьшилось, но факт воздействия на повышение сельскохозяйственной техники здесь все же на лицо и проявляется он в том, что плуг, железная борона, сеялка, триер, появившись в крестьянском хозяйстве хотя бы на один сезон, невольно увлекает хозяина и на дальнейшее им пользование и выгодность рядового посева и глубокой вспашки и сортировки семяматериала. Если в мирное время зерноочистительный обоз обрабатывал в год

до 13.000 зерна, то теперь эта цифра снизилась до 11.000 пудов, но все же принимая во внимание, что общий семенной запас снизился в полутора, а иногда и в два раза, очевидно, что здесь имеются положительные достижения.

Мы лишены возможности привести здесь цифровые данные о распространении рядового посева черного пара, зяблевой вспашки, но все же можно определенно констатировать, что эти меры глубоко осознаны крестьянством и имеют широкое распространение (зяблевая вспашка). Надо признать, что в развитии этих мер имеется крупный тормоз — это недостаток конской рабочей силы. В целях показа улучшенных приемов обработки и ухода заложено 57 показательных огородов на крестьянских землях и кооперативах и действует одна учебно-показательная пасека, на которой тоже производятся разные опыты по пчеловодству. В дальнейшем Башнаркомзем намерен развернуть исключительную по глубине и размерам огородную кампанию в целях борьбы с последствиями голода.

К ряду факторов, агрономически воздействующих на сельское хозяйство с несомненным правом должны быть отнесены и наши опытно-показательные учреждения и мероприятия, куда относятся Чишминская и Селеукская опытные станции и Миловское опытное поле, метеорологическая сеть и музей.

Кроме того, Башнаркомзем не оставлял мысли проводить работы по естественносторическим обследованиям некоторых районов. Экспедиция в Зиларский и Т.Катайский кантоны и животноводческое обследование Архангельского района были первыми и довольно важными шагами в этой области.

Чишминская станция ставила опыты над удобрением, временем посева, способами посева, обработки и т.д. на 666 десятинах, демонстрировавших различные сельскохозяйственные приемы. Здесь точно так же нашли себе место: учение³ почв, осадков, влияние температуры на произрастание растений и т.п. Станция открыта для посетителей, которым работающими здесь специалистами даются консультации по различным вопросам. Метеорологическая сеть, насчитывающая 26 станций, ведет и систематизирует данные метеорологических наблюдений: осадки, облачность, ветер и другие явления природы. К показательным учреждениям могут быть отнесены наши советские Хозяйства: нигде, как только там, крестьянин может видеть и положительные результаты усовершенствованной техники сельского хозяйства и усовершенствованный уход за скотом, там же он получит и хорошего производителя и зерноочистительную машину. Так, в случную кампанию 23 года участвовало 31 совхозских жеребцов. Кроме того, уже сейчас совхозы начинают выбрасывать как излишек борзых и свинок в крестьянские хозяйства. В будущем это распространение культурного скота совхозов по крестьянским хозяйствам должно принять массовый характер. Поручкой тому служат хотя бы следующие цифры: в 1922 г. было рогатого скота 359 голов и овец с свиньями 749 голов, в 1923 году первых имеется свыше 500, а вторых 1388.

(РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 74. Л. 7 об.—11 об. Подлинник.)

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА И ШКОЛЫ

И.В.Побережников

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА «МОДЕРНИЗАЦИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ»

Тема 1–2. Модернизации: определение понятия и критерии.
Теоретические и дисциплинарные подходы в изучении
модернизации

Определения понятия модернизации: *дихотомические* (модернизация как переход от одного состояния общества — традиционного к другому — индустриальному или современному), *исторические* (описание процессов, посредством которых осуществляется модернизация: трансформации, революции и т.д.; = Р.Бендикс), *инструментальные* (модернизация как трансформация инструментов и способов освоения и контроля над окружающей природной и социальной средой; = М.Леви), *ментальные* (определение через ментальный сдвиг = особое состояние рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям; = Д.Лернер), *цивилизационные* (цивилизация modernity; соответственно, модернизация как распространение данной цивилизации; = С.Эйзенштадт) интерпретации. Качественные и количественные критерии степени продвинутости по пути модернизации. Понятия «традиционное» и «современное» общества: критерии их идентификации (М.Леви).

Теоретико-методологические подходы к изучению модернизации. *Системно-функциональный* (М.Леви, Д.Истон, Г.Алмонд, Д.Элтер, Ф.Ригтз), *процессуальный* (Д.Лернер, К.Дейч, Р.Тантер, Х.Алкер, Ф.Катрайт, М.Хадсон), *компаративно-исторический* (С.Блэк, С.Эйзенштадт, Д.Растоу, С.М.Липсет, Б.Мур, Р.Бендикс) подходы. Ключевых категории и концепты в рамках системно-функционального подхода: система, функция, структура, равновесие, входы и выходы, среда, обратная связь. Теоретическая модель социальной системы — база для распознавания и сопоставления эмпирических общественных систем. Достоинства и недостатки системно-функционального подхода. Невластичность данного подхода по отношению к динамическим процессам, слабая эмпирическая ориентированность. Особенности процессуального подхода: бихевиористский характер, акцент на взаимодействие (установление характера и причин корреляции) между социальными процессами (переменными) и ориентация на эмпирические данные, нередко использование количественных методов. Преимущества и слабые места подхода: ориентация на изучение реальных процессов, зависимость от состояния источниковой базы, методологические

проблемы определения характера взаимосвязей между разнородными переменными, проблемность включения в аналитическую модель звена, опосредующего зависимость между «макро» сдвигами в социальноэкономической и политической областях, — то есть «микро» изменений на уровне установок, ценностей, поведения индивидов. *Сравнительно-исторический подход.* Общество как объект сопоставления. Эмпиризм как характерная черта сравнительно-исторического подхода. Акцент на переменные: институты, культура, лидерство. Цель сравнительного подхода — выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить все общества; 2) особых путей, которыми могут двигаться общества; 3) комбинаций «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций.

Дисциплинарные подходы. Социологический подход Н.Смелзера. Принцип *структурно-функциональной дифференциации*: в процессе модернизации сложные структуры, выполнявшие прежде множество функций, делятся на более специализированные структуры, каждая из которых может отвечать за выполнение одной функции; новая совокупность специализированных структур выполняет те же функции, что и прежние структуры, но с большей эффективностью. Проблема *интеграции*, т.е. координации деятельности разнообразных новых дифференцированных институтов. Проблема конфликта ценностей новых и старых структур. Противоречие между потребностями и динамикой становления новых структур. Социальные беспорядки как следствие недостатка интеграции новых дифференцированных структур. *Экономический подход У.Ростоу.* Либеральный экономический детерминизм. Пять основных стадий экономического развития: 1) традиционное общество; 2) подготовка предпосылок к взлету; 3) стадия взлета («takeoff stage»); 4) ; 5) общество массового потребления. Самоподдерживающийся экономический рост. Источники производственных инвестиций. Недостатки подхода: дисциплинарная ограниченность; эволюционизм; недостаточное внимание к проблеме разнообразия традиционных институтов. «Стадии политического развития» (А.Органски, 1965 г.): стадии примитивной унификации, индустриализации, национального благоденствия, изобилия.

Тема 3–4. Эволюция школы модернизации

Политические предпосылки возникновения школы модернизации. Мировой порядок после Второй мировой войны. Становление биполярного мира. Превращение США в супердержаву. Развитие мирового коммунистического движения, распространение влияния СССР на страны Восточной Европы, Китай, Северную Корею. Распад колониальных империй и образование молодых независимых государств в Африке и Азии. Влияние условий холодной войны на формирование модернизационной перспективы. Поддержка модернизационных исследований международными институтами (МОТ, МВФ, МБ).

Теоретические предпосылки возникновения школы модернизации. Интеллектуальная традиция «девелопментализма». Дихотомия между примитивными и более развитыми обществами в социальной мысли XIX в. (Г.Мэн, Ф.Теннис, Э.Дюркгейм, Г.Спенсер, О.Конт). Влияние эволюционизма и функцио-

нализма на формирование теоретических основ школы модернизации. Теоретическое наследие эволюционизма в составе модернизационной парадигмы: однонаправленность социальных изменений; прогрессивный характер эволюционного процесса; постепенный, эволюционный характер социальных изменений. Значение теоретического наследия Т. Парсонса — функционализма — в формировании теорий модернизации (категории: система, функциональный императив, гомеостатическое равновесие, « типовые переменные »).

Классические модернизационные исследования. 9 характеристик теорий модернизации классического периода (С. Хантингтон). Политические и социальные импликации модернизационной парадигмы. Модернизационная перспектива как фактор трансформации кейнсианской революции в экономической политике в политическую программу институционализации классовых конфликтов.

Проблемы и сбои в реализации модернизационных программ в странах Третьего мира. Изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. Критический период в истории школы модернизации. Внутренняя критика. Критика модернизационной парадигмы со стороны теории зависимости, миросистемной перспективы, марксистской формационной теории истории.

Школа модернизации в посткритический период. « Новые модернизационные штудии » (Э. Соу): пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации; переход от достаточно абстрактного теоретизирования к анализу конкретных ситуаций; рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних факторов. Тенденции конвергенции школ модернизации, зависимости и миросистемного анализа. *Неопарсонское возрождение* (Германия, 1980-е гг.). Глобальные сдвиги 1970—1990-х гг., их влияние на эволюцию школы модернизации. Юго-восточно-азиатское « чудо »: ускоренная модернизация « азиатских тигров ». Падение коммунистических режимов в СССР и странах Центральной-Восточной Европы (ЦВЕ), социально-политическая трансформация стран бывшего социалистического лагеря. Гальванизация модернизационных исследований. *Неомодернизационный анализ* (Э. Тириакян) и близкие ему теоретические направления изучения проблем развития (« социальное становление » П. Штомпки и др.). « Система отнесения » Э. Тириакана. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; акцент на циклическую природу процесса модернизации. Актуализация проблемы различия путей модернизации (Г. Тернборн, Э. Тириакаян, В. Цапф, К. Мюллер). Освоение теорий модернизации в постсоветской России. Модернизационная перспектива в интеллектуальном контексте *постмодернизма*.

Тема 5. Источники и механизмы модернизации

Рационализация. Структурная дифференциация. Расширение дифференциации экономической, организационной, политической, культурной сфер в условиях модернизации.

Диффузия. Диффузия и диффузионизм: определение понятий. Течения в рамках школы диффузионизма: историко-географическое направление; учение о культурных кругах или культурно-историческая школа; теория культурных ареалов; гелиолитическая школа. Факторы диффузии. Возможность заимствований и динамика общественного прогресса. Компоненты, стадии, механизмы, типы участников процесса диффузии (Э.Роджерс). Диффузия как механизм социальных изменений. Контакт между модернизированными и относительно немодernизированными обществами — один из решающих факторов модернизации (М.Леви). Роль диффузии в процессах модернизации (исторические примеры: индустриализация, научный и технологический прогресс, петровская модернизация в России и мейдзийская в Японии). Концепты: межсоциальное подражание (Д.Уэстни), селективная восприимчивость, сравнительная динамика (Р.Робертсон). Диффузия и дихотомия эндогенное развитие VS экзогенное развитие.

Приспособление традиционных институтов к выполнению модернистских функций. Дихотомия перенос институтов VS адаптация традиционных институтов к новым функциям в литературе (Д.К.Фэйрбанк, Э.О.Рейшауэр, А.М.Крэйг, Х.Кишimoto). Трансформативный и адаптивный потенциал традиционных институтов.

Тема 6. Фазы, стадии, пути модернизации

Опыт периодизации процессов модернизации. Фазы модернизации: 1) вызов модернити; 2) консолидация модернизаторских элит; 3) экономическая и социальная трансформация; 4) интеграция общества (С.Блэк).

Проблема дифференциации путей модернизации. 3 модели (траектории) модернизации Б.Мура: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянская (Россия, Китай).

Модели модернизации: а) английская модель XIX в.: современное общество формируется на базе разрушения традиционных структур; б) германская модель: совместимость с нетронутыми традиционными структурами; в) «периферийная модель»: превалирование традиционализма, который внедряется даже в самые передовые сектора экономики).

Тема 7–8. Субпроцессы модернизации

Индустриализация, урбанизация, бюрократизация, политическая модернизация, строительство нации, коммерциализация, профессионализация, партиципация, секуляризация, распространение грамотности и средств массовой информации, рост социальной и профессиональной мобильности и т.д. как субпроцессы модернизации. Проблемы взаимосвязи субпроцессов модернизации. Комплексность VS одностороннее развитие модернизации.

Индустриализация. Индустриализация как процесс замены ручного труда технологиями, основанными на неживых источниках энергии. Индустриализа-

ция и модернизация: соотношение понятий. Модернизация без индустриализации. Разделение труда, развитие индустриальных производственных отношений, изменение организации производства. Промышленная революция и индустриализация. Стадии индустриализации. Региональная динамика индустриализации. Природа и последствия индустриализации. Индустриализация и становление индустриального общества. Общее и особенное в процессах индустриализации.

Бюрократизация. Бюрократизация как становление иерархической социальной структуры для управления организациями на принципах рациональности, квалификации, эффективности и обезличенности. Идеальный тип бюрократии М.Вебера. Модернизация и бюрократизация. Бюрократизация до модернизации (исторические примеры: древние государства Китая, Индии, доколумбовой Америки). Бюрократизация и социализм.

Урбанизация. Урбанизация как процесс перемещения сельского населения в города и сопутствующая этому концентрация экономической активности, административных и политических институтов, коммуникационных сетей на урбанизованных территориях. Урбанизация, индустриализация, экономический рост: проблема взаимозависимостей. Урбанизация и снижение доли аграрного сектора и процветание индустрии. Эффект концентрации осуществляющих промышленное производство крупных фирм (экономия от масштаба), возможность использования общей инфраструктуры: коммуникаций, транспортных средств, энергоснабжения. Эффект агломерации — экономия издержек, получаемая благодаря близости к другим фирмам. Измерение темпов урбанизации. Стадии урбанизации. Городские и фабрично-заводские системы. Городские структуры до модернизации. Урбанизация без соответствующей ей по размаху индустриализации (Латинская Америка). Урбанистический образ жизни. Дезурбанизация.

Тема 9. Проблемы экономического роста

Экономический рост как увеличение численности населения, увеличение общего объема наличных ресурсов (производства товаров и услуг), рост наличных ресурсов, сопровождаемый повышением производительности труда. Пути осуществления экономического роста (использование ранее незанятых ресурсов; увеличение предложения производственных факторов или более эффективное их использование). Кратковременный и долговременный экономический рост. Различия в темпах экономического роста. Эффект различных темпов роста.

Экономический рост в исторической ретроспективе. Предпосылки современного экономического роста. Модель хода эволюции народонаселения и выпуска продукции на душу населения Энгуса Мэддисона: 1) Эпоха аграрнизма (500—1500 гг.); 2) Развитой аграризм (1500—1700 гг.); 3) Торговый капитализм (1700—1820 гг.); 4) Капитализм (1820—1980 гг.). Промышленные революции и переход к современным темпам экономического роста. Причины перехода к современным моделям экономического роста: роль протестантской религии и этики (М.Вебер), роль технологий и становления института частной собственности (Д.Норт). Характерные черты современного экономического роста (снижение относительной доли аграрного сектора в общем объеме выпуска

и занятости, снижение доли расходов на приобретение продуктов питания с ростом душевого дохода /закон Энгеля/, рост удельного веса промышленности, а затем сферы услуг в экономике, тенденция к урбанизации).

Факторы экономического роста: сбережение и накопление капитала, рост рабочей силы (численность и кадровый состав населения, образование, квалификация), земля (географическая среда, количество и качество природных ресурсов), мобильность рабочей силы и капитала (эффективность распределения ресурсов), технические знания и технологические изменения (уровень научно-технического прогресса), система управления и хозяйственный механизм. Факторы предложения, спроса и распределения. «Вклад» различных факторов в обеспечение экономического роста. Повышение производительности труда как наиболее важный фактор роста реального продукта и дохода. Модель роста Р.Солоу. Взаимосвязь источников экономического роста (накопление капитала, рост населения, технологический прогресс, экономическая политика). Стабильный динамический рост. Важность инвестиций в человеческий капитал (инвестиции в профессиональные навыки). Неэкономические источники экономического роста. Политические и законодательно-институциональные факторы экономического роста. Политическая стабильность в стране, социальная, культурная и политическая атмосфера. Экономический рост в открытой экономике: «стадии платежного баланса».

Факторы, приводящие к снижению роста выпуска: расходы на охрану окружающей среды и труда, недобросовестное отношение к труду, хозяйственные преступления, прекращение работы во время трудовых конфликтов, воздействие неблагоприятных погодных условий на аграрное производство. Экономический рост и экономическое благосостояние).

Государственное регулирование экономического роста. Индустриальная политика.

Фундаментальные проявления человеческого динамизма (Франсуа Перру): 1) Демографический динамизм /Жан Боден: «Нет никакого иного богатства, кроме богатства, заключенного в людях»/ (рост спроса, побуждающий увеличивать производство; более эффективная организация производства благодаря большему разделению труда и большей концентрации производства; уменьшение груза общих издержек общества, которые распределяются среди более многочисленного активного населения; смягчение расхождений и неувязок между экономическими секторами благодаря росту экономики); 2) Динамизм инновации /Й.Шумпетер: «Инновации представляют собой изменения в производственных функциях, которые не могут быть расчленены на ничтожно малые этапы. Поставьте в ряд друг за другом сколько угодно почтовых карет, но вы никогда не получите железной дороги»/ (производство нового продукта или изделия для клиентуры, на которую ориентируется предприниматель; введение в промышленность или торговлю какого-либо нового производственного метода; завоевание и освоение нового рынка сбыта своей продукции; освоение нового источника сырья; новая организация производства).

Примеры крупных инноваций: инновации промышленной революции /паровая машина/; инновации 1840-х гг. /век пара и стали, развитие сети желез-

ных дорог и других транспортных средств/; инновации 1900-х гг. /химия, автомобилестроение, электроэнергетика/. Условия внедрения инноваций: а) склонность вводить инновации зависит от человеческих факторов /дух изобретательства, характер и смелость руководителей предприятий/, а также от технических и финансовых факторов /развитие научных исследований и объем ресурсов, выделяемых на эти исследования/; б) готовность принять инновацию: наличие соответствующей окружающей среды: экономической /обильные финансовые капиталы/, социальной /различные экономические и социальные типы общества/ и ментальной /возникновение и развитие духа науки и научности/ {автоматизация= «новая промышленная революция»= «мощный мультипликатор технического прогресса»}; 3) Динамизм доминирования /Теория асимметричных влияний в экономической жизни Франсуа Перру/. Господствующая экономическая единица оказывает на другие экономические единицы одностороннее необратимое или лишь частично обратимое влияние: а) ввиду своих размеров, позволяющих ей иметь значительную долю участия в общей экономической деятельности; б) ввиду ее мощи как участницы переговоров, поскольку она может сломить волю своих партнеров с помощью рынка или иных способов, не имеющих отношения к рынку; в) ввиду самого характера своей деятельности, которая позволяет ей контролировать ключевые сектора экономической деятельности; 4) Динамизм социальных групп (необходимость присутствия классов, представители которых обладают предпринимательскими качествами, инициативой, свободой от стесняющих юридических и институциональных установлений).

Роль научно-технического прогресса в обеспечении экономического роста. Технический прогресс: 1) технические нововведения; изобретение и освоение производства новых изделий или производственных процессов; 2) открытие и накопление знаний, позволяющих по-новому комбинировать наличные ресурсы с целью увеличения конечного выпуска продукции (наука, образование, управление, замена старых ресурсов новыми). Новые методы производства, новые формы управления и организации производства. Научно-технические революции.

Преимущества экономического роста: повышение жизненного уровня, качества социальных услуг, престижа страны. Издержки экономического роста: социальные издержки, вмененные издержки, невозполнимые ресурсы. Экономический рост и окружающая среда. Экономический рост и человеческие ценности.

Тема 10. Экономическое развитие и прогресс

Экономическое развитие. Методы измерения развитости: валовой национальный продукт на душу населения; ожидаемая продолжительность жизни; Проблема развития для отдельных регионов и для целых стран. Индустриально развитые страны. Слаборазвитые или экономически отсталые страны («бедные», «с низким доходом», «недоразвитые», «слаборазвитые», «развивающиеся»). «Третий мир». «Зоны экономического застоя»=депрессивные регионы в развитых странах. Слаборазвитость (дониндустриальный характер экономики; заня-

тость населения преимущественно в сфере сельского хозяйства; низкий уровень ресурсов основного капитала; примитивные производственные технологии; низкая производительность труда; преимущественно сельскохозяйственный характер экспорта; крайне низкий уровень современных видов экономической деятельности по их наиболее типичным показателям; низкий уровень ежегодного национального дохода на душу населения; высокие темпы роста населения; недоедание в современном значении этого понятия, т.е. недостаточность ежедневного рациона; повышенный уровень смертности, особенно детской смертности; значительная доля неграмотного населения).

Фундаментальные основы слаборазвитой экономики. «Порочный круг бедности». «День прожили — и хорошо». «Бедные страны остаются бедными по причине своей бедности». Зависимость от иностранных фирм и государств. Дуализм слаборазвитой экономики: отсутствие экономической связи между докапиталистическим или архаическим сектором и сектором капиталистическим («импортным»). Минимум «затрат на человека». Социально-политические и социокультурные следствия слаборазвитости. Слаборазвитое общество: отсутствие промежуточных социальных групп между земельной аристократией и немногочисленными правящими элитами, с одной стороны, и нищенствующей массой, с другой. Непрочность и неприспособленность к существующим реалиям политических институтов. Предрасположенность к революциям, военным переворотам, тоталитаризму, авторитаризму, управлению военных хунт. Непрочность политических свобод, свободы личности и личной безопасности. Низкий средний уровень интеллектуального развития, острая нехватка квалифицированных работников. Необеспеченность экономической деятельности руководителями, кадрами инженерно-технического персонала, рабочей силой.

Экономический рост и проблемы экономической конвергенции. Пути ускорения экономического роста. «Меню выбора»: повышение эффективности использования природных ресурсов; расширение запасов сырья и средств производства, более эффективное использование труда и технологий. Стратегии внешней торговли развивающихся стран (внешняя ориентация; внутренняя ориентация или замещение импорта) и экономический рост. Государство — фактор ускорения экономического роста или потенциальный тормоз экономического развития? Возможности государства в обеспечении политической стабильности, законности и порядка, принудительного накопления и капиталовложения, стимулировании производства и развитии инфраструктуры, оптимизации социального устройства, поощрении воли к развитию. Государственный сектор экономики. Проблемы централизованного экономического планирования.

Препятствия экономическому росту в слаборазвитых странах. Узость внутреннего рынка вследствие низких доходов населения. Низкий уровень сбережений. Отток капитала. Препятствия на пути инвестиций: отсутствие инвесторов и недостаток стимулов к инвестированию. Отсутствие материальной базы образования и здравоохранения. Невысокая профессиональная подготовка. Отсутствие адекватной инфраструктуры. Негативная роль институциональных и социокультурных факторов.

Проблема: разработка согласия по поводу выбора методов и политических инструментов, способных обеспечить выравнивание уровней экономического развития. Проблема: отсутствие уверенности в том, что оправдавшие себя в отдельных случаях методы и политические инструменты дадут те же результаты в других географических, культурных и исторических условиях.

Экономический прогресс как рост наличных ресурсов, обгоняющий рост населения. Измерение экономического прогресса. Средние показатели. Реальный национальный доход на душу населения. Реальный продукт на душу населения. Реальное потребление на душу населения. Трансформация структуры потребления (с ростом доходов уменьшение в индивидуальном или семейном бюджете доли расходов на покупку продуктов питания; увеличение доли «благ для богатых» по сравнению с «благами для бедных» в пределах каждого вида расходов) и производства (рост тех товаров и услуг, которые являются определяющими для прогресса; перераспределение активного населения между различными секторами экономической деятельности). Зависимость экономического прогресса от созидательной способности людей и от распространения инноваций при наличии сети экономических институтов, занятых все более разносторонней деятельностью.

Тема 11. Экономическая структура и структурные изменения

Экономическая структура как система взаимосвязей между различными секторами экономики, в первую очередь, между тремя главными: первичным, вторичным и третичным (К.Кларк). Первичный (сельскохозяйственный) сектор включает отрасли, добывающие продукты непосредственно из окружающей природной среды: земледелие, пастбищное скотоводство, лесное хозяйство, рыбный промысел, охота. Вторичный сектор составляют производства, в рамках которых осуществляется переработка сырья: рудники и шахты, строительство, промышленность, производство электроэнергии. Третичный сектор включает не производство материальных благ, а услуги: торговлю, транспорт, услуги и другие виды экономической деятельности.

Экономический прогресс как последовательное и нарастающее перемещение активного населения из сельского хозяйства в промышленность и сектор услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: В 3 т. М., 1986, 1988, 1992.
3. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 11.
4. Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990. М., 1994.
5. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М., 1989.
6. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. М., 1971.
7. Европа и Россия: опыт экономических преобразований. М., 1996. С. 8–12, 260–270.
8. История теоретической социологии. В 4 т. М., 1997. Т. 1. 1998. Т. 2, 3.

9. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997.
10. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.
11. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
12. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993. № 7. С. 40—56.
13. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
14. Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997.
15. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
16. Лилли С. Люди, машины и история. История орудий труда и машин в ее связи с общественным прогрессом. М., 1970.
17. Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии (опыт исследования). М., 1937.
18. Модернизация и национальная культура. М., 1995.
19. Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. Японское общество: книга перемен (полтора века эволюции). М., 1996.
20. Мэнсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса. М., 1970.
21. Новая Россия на пути к общему дому: Западные модели развития и общегуманные ценности в контексте российской истории и социально-экономических преобразований в современной России // Новый мир, 1994. № 1.
22. Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.
23. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис, 1998. № 2. С. 39—51.
24. Покровский В. Ускорение научно-технического прогресса. М., 1983.
25. Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис, 1997. № 3.
26. Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.
27. Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е. мл. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск, 1995.
28. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993. № 7. С. 3—39.
29. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.
30. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М., 1995.
31. Смельзер Н. Социология. М., 1994.
32. Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность, 1998. № 4.
33. Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии, 1994. № 11. С. 3—18.
34. Социально-экономические преобразования в России: современная ситуация и новые подходы. М., 1994.
35. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996.
36. THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993; Зима. Т. 1. Вып. 1; Весна. Т. 1. Вып. 2.
37. Тодаро М.П. Экономическое развитие: Учебник. М., 1997.
38. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии, М., 1993. № 1/2. С. 129—138.

39. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.
40. Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 20—36.
41. Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991.
42. Хоош Я. Факторы экономического роста. М., 1974.
43. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // *Социс.* 1998. № 8.
44. Шмелев Н., Попов В. На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М., 1989.
45. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры). М., 1982.
46. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.
47. Экономика переходного периода / Под ред. В. Радаева и А. Бузгалина. М., 1995.
48. Экономические реформы в России — итоги и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (октябрь 1994 г.) / АЭНПД России, Государственная Академия управления. М., 1994.
49. Almond G.A., Coleman J.S. *The Politics of Developing Areas.* Princeton: Princeton University Press, 1960.
50. Apter D. *The Politics of Modernization.* Chicago; London, 1965.
51. Apter D. *Rethinking Development: Modernization, Dependency, and Postmodern Politics.* Newbury Park: Sage Publications (Calif.), 1987.
52. *Aspects of Late Tsarist Russia.* Nottingham, 1980.
53. Berg M. *The Age of Manufactures 1700—1820.* (1985).
54. Berend I.T. and Ranki G. *Economic Development in East-Central Europe in East-Central Europe in the 19th and 20th Centuries.* New York, 1974.
55. Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History.* N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
56. Blackwell W.L. *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800—1860.* New York, 1968.
57. Blackwell W.L. *The Industrialization of Russia: An Historical Perspective.* Davidson Illinois (Ill.), 1982.
58. Blum J. *The End of the Old Order in Rural Europe.* Princeton: Princeton University Press, 1978.
59. Cameron R. *A Concise Economic History of the World. From Paleolithic Times to the Present.* New York; Oxford, 1989.
60. Carter H.C. *Towns and Urban Systems 1730—1900* // Dodgshon R.A. and Butlin R.A. (eds) *An Historical Geography of England and Wales.* London: Academic Press, 1978. P. 367—400.
61. Carter H.C. *An Introduction to Urban Historical Geography.* London, Edward Arnold, 1983.
62. Clark C. *Conditions of Economic Progress.* (3-e ed., 1957).
63. Clough Sh.B., Rapp R.T. *European Economic History: The Economic Development of Western Civilization,* 1975.
64. *Comparative Modernization: A Reader.* Ed. by C.E. Black. N.Y., London, 1976.
65. Deane P. *The First Industrial Revolution.* Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
66. Deane P. and Cole W.A. *British Economic Growth 1688—1959.* 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
67. Dobb M. *Studies in the Development of Capitalism.* London: Routledge @ Kegan Paul, 1946.

68. Eisenstadt S.N. *The Political Systems of Empires*. New York: Free Press of Glencoe, 1963.
69. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
70. Eisenstadt S.N. *Tradition, Change, and Modernity*. N.Y.; Wiley, 1973.
71. Eisenstadt S.N. *Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations*. N.Y.; London, 1978.
72. *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union* / Guroff Gregory and Fred Carstensen (eds.). Princeton: New York, 1983.
73. Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973.
74. Feinstein C.H. (ed.) *Socialism, Capitalism and Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
75. Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). *Political Development and Social Change*. N.Y.; London: Sydney, 1966.
76. Foster J. *Class Struggle and the Industrial Revolution*. London: Methuen, 1974.
77. *From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR*. Ed. by R.W. Davies. Birmingham, 1990.
78. Gatrell P. *The Tsarist Economy, 1850-1917*. London, 1986.
79. Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995.
80. Gregory P.R., Stuart R.C. *Soviet Economic Structure and Performance*. Cambridge, 1986.
81. Hartwell R.M. *The Industrial Revolution and Economic Growth*. London: Methuen, 1971.
82. Hilton R.H. (ed.) *The Transition from Feudalism to Capitalism*. London: Verso, 1976.
83. *Industrialization and Growth. A Comparative Study*. Ed. by Chenery H., Robinson Sh., Syrquin M. London, 1986.
84. Johnston J.H. and Pooley C.G. (eds.). *The Structure of Nineteenth-Century Cities*. London: Croom Helm, 1982.
85. Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. (eds.). *Industrialization Before Industrialization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
86. Kriedte P. *Peasants, Landlords and Merchant Capitalists, 1500-1800*. Leamington Spa: Berg, 1983.
87. Kuznets S. *Modern Economic Growth*. Yale University Press, 1966.
88. Kuznets S. *Toward a Theory of Economic Growth*. N.Y., 1968.
89. Landes D.S. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. London, 1969.
90. Laue T.H. von. *Sergei Witte and the Industrialization of Russia*. New York, 1963.
91. Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York: London, 1965.
92. Levy M.J. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966.
93. Levy M.J. *Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization* // Moore W. and Cook R.M. (eds.) *Readings on Social Change*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 189-208.
94. Maddison A. *Phases of Capitalist Development*. Oxford; N.Y., 1982.
95. Marwick A. *The Nature of History*. Bristol, 1970.
96. Mendels F. *Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process* // *Journal of Economic History*, 1972, vol. 32, pp. 241-261.
97. Milward A.S. and Saul S.B. *The Development of the Economies of Continental Europe, 1850-1914*. Cambridge; Mass., 1977.

98. Modernization: The Dynamics of Growth. New York, London: Basic Books Inc., 1966.
99. Moore B.J. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.
100. More Ch. The Industrial Age: Economy and Society in Britain 1750-1985. New York: Longman Inc., 1989, 1990.
101. Mosse W.E. Alexander II and the Modernization of Russia. London, 1992.
102. Nisbet R.A. Social Change and History: Aspects of the Western Theory of Development. Oxford: Oxford University Press, 1969.
103. North D.C., Thomas R.P. The First Industrial Revolution // Economic History Review, second series, 1977. V. XXX. P. 229-241.
104. North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
105. North D.C. Structure and Change in Economic History. New York; Norton, 1981.
106. Nove A. An Economic History of the USSR. Harmondsworth, 1982.
107. Patterns of Modernity. Ed. by S.N. Eisenstadt. London, 1987. V. I: The West; V. II: Beyond the West.
108. Pearson R. The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914-1917. London, 1977.
109. Polanyi K. The Great Transformation, with introduction by R.M. MacIver. New York: Rinehart @ Co, 1944. (Boston: Beacon Press, 1957.)
110. Pollard S. Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe 1760-1970. Oxford: Oxford University Press, 1981; 1995.
111. Rider Ch. An Introduction to Economic History. Cincinnati, 1995.
112. Rogger H. Russia in the Age of Modernisation and Revolution, 1881-1917. London, 1983.
113. Rostow W. The Process of Economic Growth. N.Y., 1952.
114. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
115. Rostow W. The Process of Economic Growth. N.Y., 1952.
116. Rostow W.W. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.
117. Rustow D.A. A World of Nations. Washington, 1967.
118. Schmal H. (ed.) Patterns of European Urbanization Since 1500. London: Croom Helm, 1981.
119. So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990.
120. Stearns P. European Society in Upheaval: Social History since 1750. New York, 1975.
121. The Economics of Technological Change. Ed. by N. Rosenberg. Harmondsworth: Penguin Books, 1971.
122. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945. Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge, 1994.
123. Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945-2000. London, New Delhi: Sage Publications, 1995.
124. Tipton F.B., Aldrich R. An Economic and Social History of Europe, 1890-1939. London: Mcmillan Education, 1987.
125. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989.
126. Woodruff W. The Impact of Western Man: A Study of Europe's Role in the World Economy, 1750-1960. London, 1966.
127. Worsley P. The Three Worlds. Culture and World Development. London, 1984.
128. Zeldin T. France, 1848-1945. Oxford, 1979.

ИСТОРИЯ УРАЛА: НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (к итогам конференции)

24–25 февраля 1998 г. Екатеринбурге состоялась научная конференция «Урал в прошлом и настоящем», посвященная 10-летию со дня открытия Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. В рамках конференции обсуждались главным образом проблемы региональной истории, но широкая география участников объективно определила ее всероссийский статус. Конференция ставила своей целью подведение итогов в области изучения истории Урала, а также определение перспектив дальнейших исследований. В научном форуме приняли участие более 250 ученых более чем из 30 городов Российской Федерации. На конференции были представлены как признанные центры развития исторической науки (Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Тюмень, Екатеринбург, Пермь, Уфа, Челябинск, Оренбург, Ижевск, Курган, Сыктывкар, Тюмень, Киров, Магнитогорск, Нижний Тагил), так и небольшие уральские и сибирские города (Шадринск, Тобольск, Касли, Златоуст, Миасс, Сысерть, Полевской, Ревда, Новотроицк и др.). Впервые за последние 7–8 лет удалось собрать вместе историков всего региона и провести своеобразный смотр сил уральской исторической науки.

На пленарном заседании было заслушано пять научных докладов. Головной доклад директора Института истории и археологии УрО РАН академика РАН В.В.Алексеева был посвящен подведению итогов развития и анализу перспективных направлений уральской историографии на рубеже третьего тысячелетия. Отметив достижения и недостатки трудов по истории Урала, докладчик четко обозначил проблемы, нуждающиеся в дальнейшем углубленном историческом исследовании. Среди наиболее значимых и перспективных направлений была выделена работа по новой интерпретации истории региона сквозь призму теории модернизации.

Интересны и содержательны в научном плане были и последующие выступления. Директор Института Российской истории РАН, член-корреспондент РАН А.Н.Сахаров подробно проанализировал основные тенденции историографии российской истории. Заведующий отделом Народов Урала и Музея археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН, член-корреспондент РАН Р.Г.Кузеев осветил некоторые исторические особенности вхождения Башкирии в состав Русского государства. Этническому самосознанию народов Среднего Урала, факторам формирования и степени его проявления в XIX – XX вв. был посвящен доклад заведующего кафедрой Пермского государственного университета, доктора исторических наук Г.Н.Чагина. Директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, доктор исторических

наук К.И.Куликов (Ижевск) ознакомил участников конференции с проблемами адаптации восточно-финских народов в условиях реформ 1990-х гг.

На конференции работало шесть секций. На секции «Древние и средневековые культуры Урала» рассматривались проблемы древней истории Урала от эпохи неолита до позднего средневековья, вопросы трансевроазиатских связей, сакральных комплексов. Большой интерес вызвал доклад И.В.Усачевой «Элементы сакрального в отношении к дому у населения Тюменского Приобья в эпоху энеолита-бронзы». В докладах кандидата технических наук И.В.Журбина и А.В.Зелинского обсуждались проблемы применения электрометрического метода в археологических исследованиях. Международным связям в древности и средневековье были посвящены доклады Н.А.Хана «Роль Вятско-Камского ареала в трансевроазиатской торговле VI—XI вв.» и доктора исторических наук А.В.Головнева «Путь в Мангазею».

На секции «Урал в XVI — начале XX в.» были обсуждены проблемы истории Урала начиная с заселения региона русским крестьянством в XVIII в. и заканчивая различными аспектами кризиса окружной системы горнозаводской промышленности в конце XIX — начале XX в. Большой интерес вызвал доклад известного нейрохирурга, доктора медицинских наук В.П.Саковича о новой версии ранения М.И.Кутузова в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. В нем убедительно продемонстрирована необходимость тесного сотрудничества различных наук в смежных областях. Весьма содержательными, представляющими повышенный научный интерес признаны доклады кандидата исторических наук А.Т.Шашкова о преследованиях вятских старообрядцев в XVII в.; Е.А.Курлаева об экспедиции XVII в., занимавшейся поисками серебряной руды на Южном Урале; доктора исторических наук В.В.Пундани о новых подходах к изучению истории крестьянства и аграрных отношений на Урале; кандидата исторических наук И.В.Побережникова о модернизационной парадигме в разработке научных проблем истории региона; кандидата исторических наук Л.В.Сапоговской о научном проекте, посвященном изучению промышленной политики правительства на примере Урала XVII—XX вв.

Плодотворно потрудились секция «Урал в панораме XX века». Ее участники в своих докладах и выступлениях затронули широкий спектр вопросов, касающихся революционных событий и гражданской войны, становления тоталитарных структур управления, роли региона в Великой Отечественной войне и в послевоенном восстановлении народного хозяйства. Предметом особой дискуссии стали проблемы сегодняшнего дня: демократизации и общественной стабильности, социальной отчужденности российской интеллигенции, геополитического структурирования и др. Среди секционных докладов наибольший интерес вызвали выступления докторов исторических наук А.В.Бакунина («Сталинская модернизация Урала»), Г.Е.Корнилова («Современная историография уральского тыла в годы Великой Отечественной войны»), А.В.Сперанского («Духовный потенциал Урала в годы Великой Отечественной войны»), В.П.Мотревича («Материально-бытовое положение спецпереселенцев и военнопленных на Урале в 1940-е годы»), докторов философских наук А.М.Мосорова («Современные формы социального отчуждения российской интеллигенции») и

С.Н.Некрасова («Уральская интеллигенция как движущая сила российской демократической революции»).

Совместно с Уральским гуманитарным институтом была организована секция «Взаимодействие гуманитарной науки и образования: опыт истории и горизонты XXI века». На секции прошел живой обмен мнениями по проблемам гуманитаризации и гуманизации образования, взаимодействия науки и образования в исторической ретроспективе и на настоящем этапе. Представителями классических и новых вузов, школ, сотрудниками Российской академии наук, работниками областных правительственных структур были подняты и освещены актуальные вопросы новых образовательных технологий, организационного и финансового состояния науки и образования, российской и региональной политики в этой сфере. Серьезный научный и общественный резонанс имели выступления доктора исторических наук М.Н.Денисевича и кандидата исторических наук К.И.Зубкова («Гуманитарное образование в российском и региональном измерении»), руководителей отделов науки и образования Правительства Свердловской области доктора химических наук И.В.Мурыгина и кандидата исторических наук В.В.Запария («Состояние системы высшего и среднего специального образования в Свердловской области»), доктора философских наук Л.М.Андрюхиной («Интеллектуальная культура как основание взаимодействия гуманитарной науки и образования») и др.

Много актуальных проблем было затронуто в работе секции «Урал и проблемы краеведения». В выступлениях ее участников освещались вопросы духовного наследия уральских старообрядцев, становления на Урале библиотечной системы и горного дела, распространения письменности, жизнедеятельности выдающихся уральцев и т.д. Содержательностью и научной глубиной отличались доклады доктора исторических наук Е.Ф.Шумилова («Библейские тексты среди удмуртов: цивилизационные процессы XVIII — начала XIX в.»), доктора геолого-минералогических наук В.В.Филатова («И руды осмотреть, и описать, и чертеж учинить»), кандидата филологических наук М.А.Литовской («Магнитогорские тексты В.Катаева в контексте его прозы») и др.

На конференции прошло заседание круглого стола «Урал в панораме XX века», на котором были всесторонне обсуждены подготовленные Институтом истории и археологии УрО РАН концепция и план-проспект книги, посвященной итогам уходящего столетия. Одобрив предложения Института, его участники вынесли ряд основополагающих решений. Главным учреждением по реализации проекта определен Институт истории и археологии УрО РАН. Для упорядочения процесса подготовки издания было предложено создать Редакционный совет с включением в его состав руководителей областей и республик уральского региона, представителей деловых кругов и общественных организаций, Редакционную коллегию для организации всей научно-практической работы по созданию книги и научно-организационные пункты в областных и республиканских центрах Урала. Было решено также от имени конференции «Урал в прошлом и настоящем» обратиться к региональным органам власти с просьбой о финансовой поддержке этого начинания. Все участники отметили высокий уровень подготовки конференции и признали полезным проведение подобных ре-

гулярных обменов мнениями и информацией между уральскими историками. С этой целью было решено конституировать Уральское историческое совещание под эгидой Объединенного гуманитарного совета УрО РАН с периодичностью один раз в три года.

А.В.Сперанский, Е.Ю.Рукосуев

УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ (ЕКАТЕРИНБУРГ: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998)

На пороге XXI в. в условиях перехода от индустриального к информационному обществу во многих странах наблюдается своего рода «энциклопедический бум», значительно возрастает спрос на научно-справочную литературу. И это вполне закономерно: при глобальном росте информационных потоков пропорционально увеличивается институциональный и функциональный спрос на информацию самого разнообразного характера.

Особый жанр энциклопедических изданий представляют труды по отечественной и всеобщей истории. Достоинством их является то, что они сочетают в себе отраслевой и универсальный характер, поскольку история — это синтез знаний по многим специальностям начиная от лингвистической палеонтологии и заканчивая проблемами современной экономики и культуры.

В этом смысле недавно вышедшая в свет «Уральская историческая энциклопедия» (УИЭ) — действительно уникальное издание, не имеющее пока аналогов в отечественной историографии.

В 1930-е гг. предпринимались попытки создания «Сибирской советской энциклопедии» и «Уральской советской энциклопедии», но удалось издать лишь 1—2 тома. Уже в эпоху «развитого социализма» были изданы энциклопедии Москвы и Ленинграда. Позже, в 1990-е гг., появились «Энциклопедия Башкортостана», «Энциклопедия Кузбасса» и др. Каждое из этих изданий имело как свои достоинства, так и недостатки. Созданные в советскую эпоху энциклопедии были крайне политизированы: в них отсутствовали даже упоминания о многих государственных деятелях дореволюционной эпохи, зато были помещены биографии всех так называемых крупных партийно-советских функционеров. Впрочем, вряд ли это следует ставить в вину организаторам и авторам научно-справочных изданий. Многие материалы для исследователей были недоступны, а политические и содержательные аспекты диктовались сверху.

Появившиеся в 1990-е гг. региональные энциклопедии представляют несомненно большой интерес. Однако они имеют или универсальный характер (как «Энциклопедия Башкортостана»), или крайне ограниченный объект исследования. Например «Энциклопедия города Златоуста» — по существу интересный краеведческий сборник. Очевидно, что с точки зрения приращения исторических знаний «городская» энциклопедия мало что может дать для науки.

Поэтому выход в свет «Уральской исторической энциклопедии» действительно стал крупным событием как в общественной, так и в научной жизни региона. Без преувеличения можно сказать, что сбылась давняя мечта многих и

многих уральцев, кем бы они ни были по своей профессии и призванию. Исторические знания оказались востребованы.

Идея создания «Уральской исторической энциклопедии» родилась в начале 1990-х гг. У ее истоков стоял Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (директор — академик РАН В.В.Алексеев). Эту идею поддержали сотни ученых и краеведов. Шесть лет напряженной, порой действительно подвижнической работы понадобилось большому творческому коллективу для того, чтобы подготовить рукопись УИЭ к изданию. И можно смело сказать, что новаторский опыт создания региональной исторической энциклопедии оказался весьма успешным.

Первое, что обращает на себя внимание, это хронологические и территориальные рамки энциклопедии. Она охватывает огромный период начиная с освоения региона человеком в глубокой древности (около 200 тыс. лет назад) до новейшей истории Урала в XX в. и современности. Широкими являются и территориальные рамки энциклопедии, охватывающие Курганскую, Оренбургскую, Пермскую, Свердловскую, Челябинскую области, Удмуртскую республику и Башкортостан. Понятно, что в разные эпохи территориальные рамки варьировались, но ядром являлся Большой Урал, где ныне проживает 13,8% населения России, а площадь составляет 4,8% всей территории страны. Такой широкий подход позволил авторам выявить как общие закономерности, так и специфические особенности исторического процесса такого крупного региона, каким является Урал.

Всего в энциклопедии помещено свыше 2500 тыс. статей, охватывающих широкий круг проблем в исторической ретроспективе. Достоинственно представлена в энциклопедии археология (не менее 10% всего объема): от обобщающей статьи «Археология Урала» до конкретных археологических памятников, целый ряд которых имеет не только общероссийское, но и мировое значение (например знаменитый Арканм). Удачным дополнением к этому тематическому блоку являются сюжеты, связанные с этнографией Урала, хотя естественно они выходят за рамки древней истории и характеризуют быт и традиционную культуру народов, проживающих в регионе.

К сожалению, не столь полно и достоверно представлена в УИЭ средневековая история Урала (с начала русской колонизации до конца XVII в.). Данная эпоха вообще изучена уральскими историками явно недостаточно и требует в дальнейшем самого пристального внимания со стороны исследователей.

Промышленное освоение Урала, как известно, началось в период петровских преобразований в первой четверти XVIII столетия. В энциклопедии сравнительно полно показано строительство первых металлургических заводов, ранняя история старейших уральских городов. Несомненный научный интерес представляют и сюжеты по аграрной истории Урала XVII—XVIII вв.

Наиболее полно, что вполне естественно, в энциклопедии отражено прошлое Урала XIX—XX вв. Именно в эти два столетия Урал играл роль «опорного края державы». Сотни энциклопедических статей посвящены экономическому, политическому и социокультурному развитию региона в данный период.

Некоторые из них имеют принципиальное значение, их структурное построение и содержание выходит за рамки региональной истории. Убедительным подтверждением тому являются, например, статьи «Промышленная революция», «Индустриализация», «Урало-Кузбасс», «Говаро» и др.

Ряд сюжетов энциклопедии отличается научной новизной. Так, впервые в энциклопедическом издании в статье «Голод» прослеживается история этого социального бедствия на Урале с середины XVII до середины XX в. В статье «Индивидуальные приусадебные хозяйства» показан процесс их становления и развития с начала коллективизации до 1980-х гг., а также роль ИПХ в продовольственном обеспечении населения региона. Новизной подходов и содержания отличаются статьи, посвященные династиям уральских промышленников и купцов: Демидовых, Строгановых, Рязановых, Яковлевых и др. Эти крупные деятели впервые, пожалуй, показаны не только как предприимчивые дельцы и «эксплуататоры», но и как умелые организаторы промышленного производства и торговли, крупные меценаты, внесшие значительный вклад в развитие культуры, науки и образования на Урале.

Вообще «человеческий фактор» представлен в энциклопедии достаточно полно. Здесь содержатся биографии практически всех выдающихся уральцев. А поскольку энциклопедия носит отраслевой характер, в ней имеются биографические справки о многих известных уральских историках — В.В.Алексееве, А.В.Бакунине, О.А.Васьковском, И.Ф.Плотникове, В.Г.Чуфарове и др. Весьма содержательной и очень важной является статья «Историография истории Урала», в которой емко и глубоко показан процесс становления и развития исторической науки на Урале, а также современное состояние уральской историографии.

О достоинствах «Уральской исторической энциклопедии» можно говорить еще много. Но, как говорится, большое видится издалека. Пройдет еще какое-то время, прежде чем специалисты разных областей знаний смогут объективно и полно оценить значение этого фундаментального труда. Несомненно, они выскажут и критические замечания, поскольку любое издание такого глобального характера не может не иметь недостатков. И главным недостатком, как это ни странно, является крайне малый тираж энциклопедии — всего 900 экземпляров! Не успев выйти в свет, УИЭ стала библиографической редкостью. Только в Свердловской области насчитывается свыше 2000 библиотек, далеко не каждая из них получила это издание. Иначе говоря, уникальное издание, необходимое как настольная книга для многих тысяч уральцев, будет востребовано лишь узким кругом специалистов. Целый ряд предприятий и властных структур Урала помогли в процессе подготовки и издания энциклопедии. Но лишь одна общественная организация — благотворительный фонд «Институт истории и археологии» (президент фонда В.В.Маслаков) сочла своим долгом сделать все возможное, чтобы издание УИЭ стало реальностью и профинансировала издательские расходы. С финансово-организационными проблемами выхода в свет энциклопедии связан и другой ее недостаток. Два года пролежала готовая рукопись, пока редколлегия искала спонсоров. Поэтому некоторые данные устарели, хронологически они доведены в лучшем случае до 1997 г. Обидно, что

многие явления и события динамичного конца XX в. просто «не успели» попасть на страницы энциклопедии. Вероятно, все с теми же финансовыми проблемами связана и сравнительная бедность иллюстраций. В энциклопедии помещены лишь археологические экспонаты, историко-географические карты и гербы уральских городов. Многие важные исторические явления и события не нашли наглядного отражения на страницах энциклопедии. К сожалению, в некоторых статьях-справках и биографиях имеются фактические неточности, а в обобщающих статьях содержатся дискуссионные моменты. Но все это не умаляет значения «Уральской исторической энциклопедии». Несколько лет назад даже среди специалистов мало кто верил, что региональная историческая энциклопедия когда-либо увидит свет. Но на пороге XXI века это стало реальностью. А это значит, что уральские историки войдут в следующее столетие с солидным научным багажом и хорошим запасом прочности.

В.А.Ламин

Е.В.АЛЕКСЕЕВА. РУССКАЯ АМЕРИКА. АМЕРИКАНСКАЯ РОССИЯ? (ЕКАТЕРИНБУРГ: УРО РАН, 1998.)

Книга, подготовленная Е.В.Алексеевой и изданная Институтом истории и археологии УрО РАН, посвящена одному из самых драматических и, может быть, авантурных сюжетов отечественной истории — Русской Америке. Она является логическим продолжением и завершением исследования, предпринятого Е.В.Алексеевой при работе над кандидатской диссертацией, с которой я имела удовольствие познакомиться, будучи официальным оппонентом. Естественно, что такое яркое явление, как Русская Америка, не было лишено внимания историографов, как отечественных, так и зарубежных. Однако исследователю удалось найти свой собственный оригинальный подход к изучению темы, не разделяя (как это было принято) историографическую традицию на два самостоятельных полувраждебных течения (советское и зарубежное), а наоборот, рассматривая ее в динамике. Рецензируемая книга является новым этапом в данном исследовании, поскольку автору удалось изучить широчайший массив новых источников и литературы, работая в архивах и библиотеках США. Впервые историографический анализ феномена Русской Америки представлен столь полно (если не исчерпывающе), столь оригинально и колоритно.

Именно этим, на наш взгляд, определяется, но, конечно, не исчерпывается несомненный научный интерес и значимость работы Е.В.Алексеевой. Обратимся к анализу монографии. Работа открывается Введением, в котором автор знакомит читателя со своим видением исторического процесса, методологией исследования, определяющей логику дальнейшего повествования. Уже эта часть, безусловно, заинтригует поклонников современных историософских подходов своей оригинальностью. Что касается историков, привыкших к традиции, то они, безусловно, получат удовольствие от чтения первой главы книги «Русская Америка: исторический конспект». Хотя повествование и названо конспектом, это

один из тех конспектов, который, является самоценным произведением, оригинальным и колоритным. Автором дана периодизация истории Русской Америки, и рассмотрены ее отдельные этапы во всем многообразии событий, проблем и личностей, их определяющих. Исследователь движется и ведет за собой читателя, давая возможность увидеть процесс зарождения Русской Америки, ее развитие, расцвет, процветание и угасание. При этом история единственной официальной колонии России отнюдь не вырывается из контекста истории всего государства и его внутренней политики. Е.В.Алексеева постоянно проводит сравнение ситуации в Русской Америке и в Сибири, стремясь выделить общие и особенные черты (С. 43—44).

В книге подробно анализируются проблемы Русской Америки (С. 54.), причины ее упадка (С. 58); особенности русской колонизации (С. 73) и т.д. Наверное, нет смысла пересказывать все сюжетные линии, созданные автором, и лишать читателя удовольствия проследить их самостоятельно. Отмечу лишь то, что мне показалось дискуссионным. Завершая первую главу, Е.В.Алексеева, на мой взгляд, несколько категорично пишет: «Тогда же (1867 г. — Е.Г.) исчезла и сама Русская Америка как специфически целостный, исторический, организационно-управленческий, хозяйственный и культурный (курсив мой — Е.Г.) феномен» (С. 87). На наш взгляд, именно как культурный феномен Русская Америка продолжала существовать еще какое-то время и после исхода русских (и то не всех). Кроме того, остались креолы, которые несмотря на неблагоприятную атмосферу продолжали воспроизводить те формы и нормы русской культуры, в которых они были воспитаны. Для крещеного же алеутского населения их православие, пусть не всегда достаточно глубокое, стало формой протеста и защиты против новой, более агрессивной культуры, с которой им пришлось столкнуться после ухода русских. Мне представляется, что это позволяет говорить о продолжении существования культурного феномена Русской Америки и после того, как формально она была ликвидирована. И это можно рассматривать как наш — российский вклад в развитие мощной, яркой американской нации и самих Соединенных Штатов.

Еще больший интерес вызывает вторая глава книги «Ключевые проблемы Русской Америки и их интерпретация». Это, безусловно, блестящее историографическое исследование, включившее в себя анализ огромного массива научной литературы. Все многообразие проблематики изучения Русской Америки Е.В.Алексеева удачно разделила на три основные части: Геополитику, Экономику, Социум и культуру. И опять мне не хочется пересказывать интересный текст и лишать читателя удовольствия самому окунуться в поистине безбрежный океан историографической традиции, представленной автором. Да, это научный анализ различных направлений и школ, различных периодов развития исторической мысли, но, читая раздел, посвященный геополитике, нельзя не ощутить порывы морского ветра, скрип мачт и плеск волн. При этом автор все время проводит исторические параллели с современной ситуацией (С. 118, 134 и др.), ненавязчиво напоминая, что мы уже проходили по этому пути и уже делали эти ошибки в истории...

В данном смысле хотелось бы обратить внимание на раздел «Социум и культура», где Е.В.Алексеева анализирует деятельность православной миссии

на Аляске и причины ее успеха среди алеутов. Нам кажется, что одной из них является как раз тщательное изучение и осторожное использование опыта миссионерской деятельности в Сибири. Например, идеи билингвизма и неагрессивности в отношении к культуре аборигенов были результатом длительной полемики в миссионерских кругах по вопросам задач и форм проведения миссии в Сибири.

Еще раз не удержусь от того, чтобы охарактеризовать степень полноты охвата научной литературы, использованной при написании этого раздела. Автором тщательно изучены практически все стороны жизни Русской Америки начиная от проблем образования и медицинского обслуживания и кончая степенью распространения алкоголизма и самогеноварения на территории колонии. Таким образом, монография Е.В.Алексеевой является, помимо прочего, и ценным библиографическим справочником иностранной литературы по различным вопросам истории колонизации.

В заключительной главе книги «Последний фронт» автор как бы с высоты птичьего полета охватывает взором всю историю Русского—Российского—Советского государства и Соединенных Штатов. И в этой истории Русская Америка, согласится с Е.В.Алексеевой, действительно выглядит как передача эстафетной палочки имперского могущества от Великой Российской империи к молодой, с высоким потенциалом империи Американской. Немного грустно и обидно. Но это только с точки зрения отдельного государства. Если рассматривать Русскую Америку как наш — российский вклад в историю американской нации, государства, его политики в отношении национальных меньшинств и культур (напомню, что сохранение билингвизма и уникальной культуры аборигенов — заслуга русских колонистов, а православие на Аляске до сих пор остается основной религией аборигенного населения), то нам, безусловно, есть чем гордиться.

В Заключении Е.В.Алексеева, как нам представляется, немного увлеклась слишком высокой оценкой роли секретной стратегии США в ослаблении Советского Союза, данной американским аналитиком П.Швейцером, (С. 225—227.). Конечно, администрация Р.Рейгана очень старалась ослабить СССР, но есть вещи, которые мы, увы, хорошо умеем делать без чужой помощи.

Трудно говорить о будущем страны в то время, когда она находится в состоянии затяжного экономического, финансового и политического кризиса. Но весь ход исторического развития России, и особенно сюжет с Русской Америкой, дает нам ответ на вопрос, вынесенный автором книги в заголовок, как нам кажется, исключительно, интриги ради.

Еще раз хочется поздравить Е.В.Алексееву и коллектив Института истории и археологии УрО РАН с выходом интересной книги, написанной в лучших традициях жанра научной и популярной литературы. Жаль только, что это издание, как, впрочем, и подавляющее большинство современных научных публикаций, не снабжено картами и указателем персоналий. Но это последнее замечание, скорее, просто использование возможности обратиться к коллегам. Давайте стараться и в это тяжелое время сохранять лучшие традиции отечественных академических изданий.

Е.М.Главацкая

НАУЧНЫЙ ПОИСК В АРХЕОЛОГИИ (К 65-летию со дня рождения В.Д.Викторовой)

«Научный поиск в археологии» — название монографии В.Д.Викторовой, вышедшей в 1989 г., как мне кажется, отражает главный смысл ее профессиональной деятельности. Археология — наука романтическая, в ней много внешних атрибутов, притягивающих людей, особенно молодых. Это возможность проверить себя в экстремальных условиях, пожить в единении с природой, пообщаться с друзьями у костра. Все это было и есть у Валентины Дометьяновны (или как мы привыкли — у Валентины Дмитриевны), но главное — дело. Работа на севере Свердловской области и сейчас нелегка: озера, болота, реки, связь по воде или по воздуху. Многочисленные лагеря окружают уникальные археологические памятники, которые исследует В.Д.Викторова. Там, где, казалось, трудный быт отнимал все силы, их хватало у Валентины Дмитриевны на полевой научный поиск, открытие остатков Туманского святилища, Ликинского могильника.

Валентина Дмитриевна родилась в Москве 11 августа 1933 г. Ее мама была учительницей. Некоторое время они жили в Подмоскowie и может быть здесь у девочки сложилось трепетное отношение к природе. В годы войны переезд на Урал, сначала в Пермскую область, а в 1942 г. — в Свердловск. Учеба в школе, затем на историческом факультете УрГУ, аспирантура. Первый археологический опыт получен в экспедиции под руководством К.В.Сальникова, который несмотря на ранение в ногу, ограничившее его возможность ходить, активно вел полевые исследования и оставил нам богатое научное наследие. Там же Валентина Дмитриевна познакомилась с Н.П.Кипарисовой — строгой педантичной ленинградкой, муж которой был репрессирован, а она оказалась на Урале. Наверное, стойкая привязанность, преданность выбранной специальности, профессиональный долг многих уральских археологов складывались именно под влиянием таких людей, как Н.П.Кипарисова, К.В.Сальников, О.Н.Бадер, В.Ф.Генинг. Они поражали неистовым поклонением археологии вопреки физическим недугам и пережитым нравственным испытаниям. Такого отношения к науке требовали они и от учеников. Валентина Дмитриевна стала преданным своему делу археологом. Работала в Башкирии, на Южном, Северном Урале.

В 1970 г. в Москве защищена кандидатская диссертация на тему: «Население лесного Зауралья в эпоху железа». Текст ее был опубликован лишь частично, в разных статьях, но к самой работе специалисты обращаются часто, это — одна из постоянно читаемых рукописей отдела археологии. Научный интерес и возможности трудоустройства у Валентины Дмитриевны совпали не сразу. С 1963 по 1981 г. она работала на кафедре философии Уральского политехнического института. Огромная учебная нагрузка, общественная работа и хобби, занимающее полжизни (а может, больше?) — археология. Вместо отпуска — раскопки на Андреевском озере, вместо выходных — обработка материала. Чтобы поддержать физическую форму — волейбол, духовную — классическая музыка (проигрыватель с большой фонотекой, старинное пианино и походы в филармонию). Предельная организованность и собранность — качества необходимые, чтобы решать научные и семейные проблемы.

Работа на кафедре философии позволила Валентине Дмитриевне взглянуть на эмпирические артефакты несколько шире и глубже. Она занялась теорией археологии и стала в этой области одним из крупных специалистов в СССР. Благодаря работам В.Ф.Генинга и В.Д.Викторовой начинает формироваться Свердловская школа теории археологии. Большой интерес представил анализ работ предшественников, осмысление места археологического факта (Вопросы археологии Урала, 1975. Вып. 13), разработка принципов опредмечивания в вещи потребностей, знаний, навыков человека (названная монография, отдельные статьи). Удивительное сочетание логики мышления и развитых чувств привели Валентину Дмитриевну к разработке необычайно интересного направления — исследованию духовной культуры древних обществ Урала. Широкая эрудиция, знание этнографии и фольклора, интуиция позволяют ей успешно вести научный поиск в этом направлении.

В 1981 г. Валентина Дмитриевна, работая в отделе истории Института экономики УНЦ, участвовала в формировании отдела археологии будущего Института истории и археологии. История Урала (том 1) была написана при ее участии как автора и как редактора археологического раздела. Уже 20 лет ежегодно на острове «Каменные Палатки» на р.Исеть работает экспедиция, возглавляемая В.Д.Викторовой. Раскопаны многочисленные производственные площадки (каменоломня, мастерские, металлургические горны), которые могли бы стать основой музея под открытым небом. Разработан проект создания парка «Истоки Исети», подготовлена и экспонируется выставка с таким же названием. В.Д.Викторова — один из соавторов проекта, получившего медаль ВДНХ. Длинный список трудов, исследованных археологических памятников не отражает человеческих качеств Валентины Дмитриевны. Все коллеги отмечают ее интеллигентность, душевность, такт. У нее всегда есть время прочитать рукопись, дать совет, выслушать новые идеи, поделиться своими знаниями. Она для многих — связующее звено с людьми, заложившими основы уральской археологии. Ее помощь, наставничество необходимы не только студентам и школьникам, но и сослуживцам. Главное достоинство Валентины Дмитриевны — не только быть высококлассным археологом, ученым, но и всегда оставаться женщиной — обаятельной, доброй, красивой, умной и сильной.

Н.А.Алексащенко

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВ Вениамин Васильевич — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии УрО РАН

АЛЕКСЕЕВА Елена Вениаминовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ГАВРИЛОВ Дмитрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ГОЛИКОВА Светлана Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ДАШКЕВИЧ Людмила Александровна — кандидат исторических наук, зав. краеведческим отделом Свердловской областной научной библиотеки им. В.Г.Белинского, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета

ЖУК Алексей Владимирович — аспирант Института истории и археологии УрО РАН

ЗУБКОВ Константин Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КОМЛЕВА Наталья Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории политических учений Уральского государственного университета

КОРЕПАНОВ Николай Семенович — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КОРНИЛОВ Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, зав. кафедрой истории России Уральского государственного педагогического университета

ЛЕЙБОВИЧ Олег Леонидович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета

МАЛФЛИТ Катлейн — доктор юридических наук, профессор, директор по научной работе Института Европейской политики Католического университета г. Лёйвена (Бельгия)

МАНЬКОВА Ирина Леонидовна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН

МОСКВИНА Раиса Тимофеевна — кандидат исторических наук, докторант Института истории и археологии УрО РАН

НЕФЕДОВ Сергей Александрович — кандидат физико-математических наук, доцент УрГУ

НЕЧАЕВА Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом истории России XVI—XIX вв. Института истории и археологии УрО РАН

РУКОСУЕВ Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

САПОГОВСКАЯ Лариса Владимировна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

СЕНЯВСКИЙ Александр Спартакович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

ТИМОШЕНКО Владимир Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-политического управления Уральской Академии государственной службы

ТОРСТЕНДАЛЬ Рольф — профессор истории Упсальского университета (Швеция), действительный член Академии Европы, иностранный член УрО РАН

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич — докторант Уральского государственного университета им. А.М.Горького

ШАРИН Валерий Иванович — сотрудник Центра исследований современной метафизики «Декарт»

ШКЕРИН Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

OUR AUTHORS

Veniamin V. ALEXEYEV, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Prof., Director of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Urals' Branch

Elena V.ALEXEYEVA, Candidate of Historical Sciences, Research Associate at the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Urals' Branch

Liudmila A. DASHKEVITCH, Candidate of Historical Sciences, Head of Local Lore Department at the Sverdlovsk Regional V.G.Belinsky Scientific Library, Assistant Professor at the Department of the Russian History, the Urals' State Pedagogical University

Mikhail A. FEL'DMAN, Doctorate Student at the Urals' A.M.Gor'ky State University

Dmitry V. GAVRILOV, Doctor of Historical Sciences, Prof., Chief Researcher at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch

Svetlana V. GOLIKOVA, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch

Natalia A. KOMLEVA, Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Urals' A.M.Gor'ky State University

Nikolai S. KOREPANOV, Research Student at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Gennady Ye. KORNILOV, Doctor of Historical Sciences, Prof., Chief Researcher at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch, Head of the Department of the Russian History, the Urals' State Pedagogical University

Oleg L. LEIBOVITCH, Doctor of Historical Sciences, Prof., Head of the Department of Culturology, Perm State Technical University.

Katlijn MALFLIET, Ph.D. (Law), Prof., Research Director of the Institute for European Policy, Katholieke Universiteit Leuven.

Irina L. MAN'KOVA, Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Raisa T. MOSKVINA, Candidate of Historical Sciences, Doctorate Student at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Marina Yu. NECHAYEVA, Candidate of Historical Sciences, Research Associate at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Sergei A. NEFYODOV, Candidate of Physics and Mathematics, Assistant Professor of the Urals' State University.

Igor V. POBEREZHNIKOV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History of the XVIIth—XIXth centuries, the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Yevgeny Yu. RUKOSUYEV, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Larisa V. SAPOGOVSKAYA, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Alexandre S. SENYAVSKY, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences.

Valery I. SHARIN, Associate at the Research Centre for Modern Metaphysics «Descartes».

Vladimir A. SHKERIN, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Vladimir P. TIMOSHENKO, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of State & Political Governance, the Urals' Academy of State Office.

Rolfe TORSTENDAHL, Professor of History at the Uppsala University, Full Member of Academy of Europe, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences.

Alexey V. ZHUK, Post-Graduate at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

Konstantin I. ZUBKOV, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch.

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер	3
Статьи и сообщения	
В.В.АЛЕКСЕЕВ, И.В.ПОБЕРЕЖНИКОВ. Школа модернизации: эволюция теоретических основ	8
R. TORSTENDANL. Modernization and loss of governability. European trends in state development in the 20 th century	50
K. MALFLIET. Co-operation of cultures and regions: a guarantee for stability and security in the enlarged Europe	65
В.И.ШАРИН. Россия и Запад — стратегии модернизации. Вклад и значение рационального и религиозного комплексов	78
В.В.АЛЕКСЕЕВ. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы?	96
К.И.ЗУБКОВ. Пространственно-географический фактор российских модернизаций	105
Е.В.АЛЕКСЕЕВА. Империя и модернизация: двуликий Янус исторического целого	123
А.С.СЕНЯВСКИЙ. Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов	139
В.В.АЛЕКСЕЕВ, С.А.НЕФЕДОВ, И.В.ПОБЕРЕЖНИКОВ. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы)	152
И.И.МАНЬКОВА. У истоков российской модернизации	184
Н.С.КОРЕЦАНОВ. Территориальная модель модернизации (горнозаводской Урал в 20–30-е гг. XVIII в.)	203
Д.В.ГАВРИЛОВ. Техносфера уральской черной металлургии в XVIII — первой половине XIX в.	209
Л.В. САПОГОВСКАЯ. Промышленная политика в контексте россий- ской модернизации XVIII — начала XX в.	236
В.А.ШКЕРИН. Идея свободы в контексте российской модернизации XVIII — первой половины XIX в.	247
М.Ю.НЕЧАЕВА. Церковь в модернизирующемся обществе России XVIII — начала XX в.	260
С.В.ГОЛИКОВА. Становление демографической статистики как элемент модернизации (по материалам Урала XVIII — начала XIX в.)	287
Л.А.ДАШКЕВИЧ. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в.	300
В.П.ТИМОШЕНКО. Внешнеэкономические факторы модернизации хозяйства Урала на рубеже XIX–XX вв.	313
Е.Ю.РУКОСУЕВ. Съезды уральских промышленников в конце XIX — начале XX в. как особая форма взаимодействия прави- тельства и предпринимателей	334
А.В.ЖУК. Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы первой мировой войны	341
М.А.ФЕЛЬДМАН. Рабочий класс Урала в контексте модернизации в 1900–1940 гг.	352

ОЛЛЕЙБОВИЧ. Реформы 1950 – 1960-х гг. в контексте отечественной модернизации	361
Н.А.КОМЛЕВА, Р.Т.МОСКВИНА. Российская политическая традиция и перспективы развития государственности	377
Публикации	
Г. Е. КОРНИЛОВ, Л. И. ПЕРЕСТОРОНИНА, Д. В. КАРАКУЛОВ. Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XXв.)	381
В помощь преподавателю вуза и школы	
И.В.ПОБЕРЕЖНИКОВ. Программа спецкурса «Модернизация: вопросы теории и истории»	413
Научная жизнь	
А.В.СПЕРАНСКИЙ, Е.Ю.РУКОСУЕВ. История Урала: новые интерпретации	426
В.А.ЛАМИН. Уральская историческая энциклопедия (Екатеринбург: УРО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1999)	429
Е.М.ПЛАВАЦКАЯ, Е.В.АЛЕКСЕЕВА. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург: УРО РАН, 1998	432
Н.А.АЛЕКСАШЕНКО. Научный поиск в археологии	43
Наши авторы	437
Our Authors	439

CONTENTS

To Readers	3
Articles and Reports	
V.V.ALEXEYEV, I.V.POBEREZHNIKOV. Modernization school: evolution of theoretical foundations	8
R. TORSTENDAHL. Modernization and loss of governability. European trends in state development in the 20 th century	50
K. MALFLIET. Cooperation of cultures and regions: a guarantee for stability and security in the enlarged Europe	65
V.I.SHARIN. Russia and the West: strategies of modernization. Contributions and significance of the rational and religious complexes	78
V.V.ALEXEYEV. Modernization and revolution in Russia: synonyms or antipodes? ..	96
K.I.ZUBKOV. Spatial & geographic factor of russian modernization	105
E.V.ALEXEYEVA. Empire and modernization: a two-faced Janus of the historical whole ..	123
A.S.SENYAVSKY. The Russian path to the urban society in the context of modernization processes	139
V.V.ALEXEYEV, S.A.NEFYODOV, I.V.POBEREZHNIKOV. Modernization before modernization: medieval history of Russia in the context of diffusion theory (On Highlights of the Problem)	152
I.L.MAN'KOVA. By the origins of the Russian modernization	184

N.S.KOREPANOV. On the territorial pattern of modernization (the mining Urals in the 1720s—1730s)	203
D.V.GAVRILOV. Technosphere of the Urals' ferrous metallurgy in the XVIII th — the first half of the XIX th centuries	209
L.V.SAPOGOVSKAYA. Russian's industrial policies of the XVIII — the early XX centuries in the context of modernization	236
V.A.SHKERIN. The idea of liberty in the context of the Russian modernization of the XVIII th — first half of the XIX th centuries	247
M.Yu.NECHAIEVA. The church in modernizing Russian society of the XVIII th — the early XX th centuries	260
S.V.GOLIKOVA. Formation of the demographic statistics as an element of the modernization (by the case of the Urals of the XVIII th — the early XIX centuries)	287
L.A.DASHKEVITCH. Social policies of the mining board in the Urals in the first half of the XIX th century	300
V.P.TIMOSHENKO. Foreign economic factors of the Urals' economic modernization on the verge of the XIX th —XX th centuries	313
Ye. Yu. RUKOSUEV. Congresses of the Urals' industrialists in the late XIX th — the early XX th centuries as special form of interactions between the Government and the Business owners	334
A.V.ZHUK. War and modernization: Zlatoust Mining District during the first world war	341
M.A.FEL'DMAN. The urals' working class in the context of modernization in the 1900s —1940s	352
O.L.LEIBOVITCH. Reforms of the 1950s —1960s in the context of the home modernization	361
R.T.MOSKVINA, N.A.KOMLEVA. Russian political tradition and prospects of the statehood development	377

Publications

G.Ye.KORNILOV, L.I.PERESTORONINA, D.V.KARAKULOV. The agrarian sphere of the Urals under modernization (the first quarter of the XIX century)	381

For Teacher of High and Secondary School

I.V.POBEREZHNIKOV. Syllabus of a special course «modernization: questions of theory and history»	413

Scientific Life

A.V.SPERANSKY, Ye.Yu.RUKOSUYEV. History of the Urals: new interpretations	426
V.A.LAMIN. The Urals' Historical Encyclopedia (Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, «Yekaterinburg» Publishing House, 1998.)	429
Ye.M.GLAVATSKAYA, Ye.V.Alekseyeva. Russian America. American Russia? Yekaterinburg, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 1998	432
N.A.ALEKSASHENKO. Scientific search in archaeology	435
Our Authors	437-439

Научное издание

**УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 5-6.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ФАКТОРЫ, МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ,
ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЙ**

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии*

Редактор *В.Аллаярова*
Технический редактор *Н.Гощицкий*
Компьютерная верстка *Т.Корякова*

ЛР № 071852 от 30.04.99 г.

Подписано в печать 02.03.2000 г.
Формат 70x100/16. Бумага Офсетная
Гарнитура «Academy». Печать офсетная.
Усл. п. л. 36,1. Уч.-изд. л. 27,1
Тираж 400 экз. Заказ № 469
Отпечатано в АО «Полиграфист»
Екатеринбург, ул. Тургенева, 20.

Издательство «Академкнига»
620034, Екатеринбург, ул. Толедова, 43а.